LUBOR NIEDERLE

RUKOVĚŤ SLOVANSKÝCH STAROŽITNOSTÍ

NAKLADATELSTVÍ
ČESKOSLOVENSKÉ AKADEMIE VĚD
PRAHA · 1953

Л. НИДЕРЛЕ

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Перевод с чешского
Т. КОВАЛЕВОЙ и М. ХАЗАНОВА
Предисловие
проф.
П. Н. ТРЕТЬЯКОВА
Редакция
А. Л. МОНГАЙТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

АННОТАЦИЯ

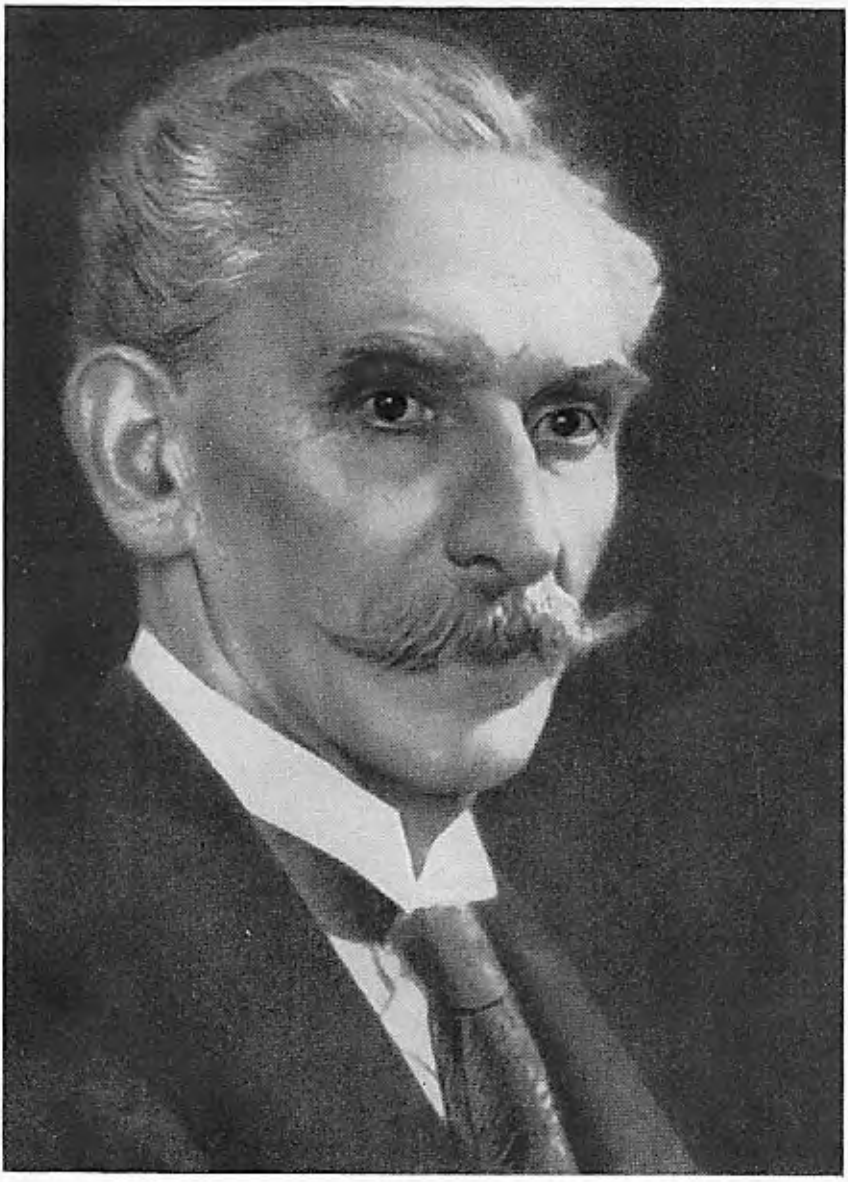
Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного чешского ученого Любора Нидерле, вышедшая новым изданием в Праге в 1953 году, представляет собой сделанное автором сжатое изложение многотомного чешского издания „Славянских древностей". Поэтому редакция сочла возможным назвать эту книгу „Славянские древности", а не „Руководство по славянским древностям", как она называется в чешском оригинале.

Книга состоит из двух частей — „Истории древних славян" и „Жизни древних славян", — содержит много иллюстраций, основанных на документальных источниках, карту расселения восточных славян, библиографический список использованной литературы, указатели.

Рассчитана на специалистов-славяноведов, студентов высших учебных заведений и широкие круги советских читателей.

Редакция литературы по историческим наукам

Заведующий редакцией канд. ист. наук И. П. СЕМИН

Prof L. Nieuwe

ЛЮБОР НИДЕРЛЕ
И ЕГО «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

1

Изучение славянских народов — их языка, культуры и исторических судеб впервые широко развернулось в конце XVIII и начале XIX веков, в период так называемого славянского национального возрождения. Во всех славянских странах в это время выступили демократические общественные силы, рожденные в обстановке борьбы народов против феодального и национального угнетения, вместе с молодым и прогрессивным для того времени буржуазным строем. Опираясь на творчество народных масс, они вызвали к новой жизни культуру и язык своих народов, превратив их в мощное и действенное орудие борьбы с реакцией.

Вместе с подъемом национальной культуры в славянских землях, с ростом национального самосознания и патриотизма как их составная и неотъемлемая часть возродилась к новой жизни и идея славянской взаимности — интерес к родственным славянским народам, к тому, что объединяло и связывало их в ходе истории, глубокое убеждение, что славянские народы должны сообща, помогая друг другу, решать стоящие перед ними насущные социальные и национальные задачи. Все это послужило общественной основой для возникновения и развития *славяноведения* — науки о единстве происхождения славянских народов и языков, общности их культуры и исторической жизни.

Особенно широкий размах получило национальное возрождение у народов Чехословакии. В промышленно-экономическом отношении Чехия являлась наиболее развитой среди всех других славянских земель и одной из передовых стран Европы, что обусловило особую силу народной освободительной борьбы. Ассимиляторская политика правящих классов Австро-Венгрии, поставившая под угрозу самое существование чешской и словацкой национальностей, их языка и культуры, вызвала в начале XIX века мощное всенародное сопротивление. В результате в Чехии и Словакии стали бурно развиваться национальные языки, литература и культура, появился огромный интерес к культуре и жизни и других славянских стран. Выдающиеся деятели чешского и словацкого национального движения первой половины XIX века — Й. Добровский, Ф. Челаковский, Ф. Палацкий, Я. Коллар и другие — были авторами многочисленных научных трудов по филологии, этнографии и истории не только своей страны, но и других славянских земель. Среди этих трудов одно из первых мест занимало исследование П. Й. Шафарика «Славянские древности» (Прага, 1837), впервые в науке давшее описание жизни славянских народов в далеком прошлом и с огромным интересом встреченное во всех славянских странах.

В предисловии к своему исследованию, также названному «Славянскими древностями», выдающийся чешский археолог-славяновед конца XIX — начала XX веков Любор Нидерле справедливо указал, что П. Й. Шафарик явился основоположником изучения далекого прошлого славянских народов, и дал его работам самую высокую оценку [1]. Заимствовав у

[1] L. Niederle, Slovanské starožitnosti, Praha, 1902, str. III — IV и сл.

П. Й. Шафарика название для своего труда, Л. Нидерле поставил свои исследования в преемственную связь с его работами. К этому следует добавить, что связь Л. Нидерле с П. Й. Шафариком заключалась не только в том, что один из них продолжал труды другого, обобщив огромное богатство фактических данных по истории и истории культуры славянских народов, ставшее достоянием науки в XIX и начале XX веков, но и в том, что выдающиеся чешские археологи и славяноведы П. Й. Шафарик и Л. Нидерле были идейно близки друг другу. В исторических условиях конца XIX — начала XX веков, в период империализма и революционной борьбы пролетариата, когда жил и работал Л. Нидерле (1865—1944), задача национального освобождения попрежнему оставалась одной из главных задач чешского и словацкого народов. Подобно П. Й. Шафарику, именно этой задаче посвятил Л. Нидерле свои знания, многолетние труды, свой талант исследователя.

Первоначально Л. Нидерле выступил как специалист в области античной и первобытной археологии. В дальнейшем, являясь профессором Карлова университета в Праге и членом Чешской Академии наук, он сосредоточил все свои усилия на изучении славянских древностей. Л. Нидерле обобщил и систематизировал обширный археологический материал, главным образом чешский и русский, собрал воедино исторические сведения о древних славянах, широко использовал материалы языка, топонимики, этнографии и антропологии. В 1901 году начал выходить в свет многотомный труд Л. Нидерле «Славянские древности» («Slovanské starožitností», вторая часть труда издана под названием «Život starých Slovanů») — единственная в своем роде подлинная энциклопедия истории и культуры древних славян,— завершенный им в 1925 году. Заканчивая издание многотомного труда, Л. Нидерле одновременно обобщил главные результаты своих исследований для более широкого читателя в двух небольших томах, впервые вышедших на французском языке в Париже под заглавием «Руководство по славянским древностям» («Manuel de l'antiquité slave») [1], а также в однотомнике «Руководство по славянской археологии» («Rukovét slovanské archeologie») [2].

В своих трудах Л. Нидерле не только суммировал огромный и разнообразный фактический материал, но и подверг его глубокому и всестороннему изучению. Л. Нидерле был в высшей степени строгим и требовательным исследователем, критически относившимся к источникам. Последовательно выступая против распространенных в буржуазной науке тенденций принизить культуру и историческую роль славянских народов, он высказался одновременно против славянофильских попыток идеализации древних славян и их культуры. Научная строгость и объективность Л. Нидерле особенно отчетливо выявились при освещении им вопроса о происхождении славян. Здесь Л. Нидерле решительно выступил против так называемых «автохтонистов», которые, по его словам, разрабатывали свои гипотезы с заранее поставленной целью — доказать, что славяне были автохтонами повсюду, где их застала история, что скифы, сарматы, иллирийцы, фракийцы и многие другие древние племена были не кем иным, как славянами. Фантазиям «автохтонистов» Л. Нидерле противопоставил сумму строго проверенных фактов, которых, правда, оказалось недостаточно для сколько-нибудь полного решения данного вопроса, но которые позволили исследователю сделать ряд вполне бесспорных выводов.

Любору Нидерле была очевидна несостоятельность также и националистических концепций, которыми нередко изобиловали труды по истории и истории культуры славянских народов. Он не согласился, в частности,

[1] Том I вышел в 1923 году, том II — в 1926 году.
[2] Прага, 1931.

с тем пониманием истории восточно-славянских антов, которое предложил в своих книгах М. С. Грушевский. Большое внимание уделил Л. Нидерле выяснению и изучению общих и родственных черт в жизни и культуре славянских народов.

Основываясь на широком археологическом материале, на данных топонимики, фольклора и этнографии, хранимых народными массами, на материалах такого народного источника, каким является язык, Л. Нидерле далеко отошел от распространенных в дворянской и буржуазной науке представлений, согласно которым творцами истории и истории культуры являлись якобы отдельные выдающиеся личности. Субъектом, творцом истории и истории культуры у Л. Нидерле выступает народ — древние славяне, славянские племена и народности. Их жизнью, бытом, трудом, сельским хозяйством и ремеслами, формами общежития, художественным творчеством, обрядами и верованиями интересуется он в первую очередь, как бы отодвигая на второй план все то, что составляло специфику жизни, деятельности и быта меньшинства народа — его господствующих классов. Л. Нидерле изучает земледельческие орудия, жилище, утварь, средства передвижения, пищу, одежду, свадебные и погребальные обряды, языческие верования — все то, что веками создавали народы славянских земель.

Всем этим Л. Нидерле очень близок современной науке — советскому славяноведению и славяноведению стран народной демократии. Труды Л. Нидерле, представляющие собой лучшее и передовое из того, что было достигнуто в XIX и начале XX веков в области изучения древних славян, завершившие собой целое столетие в изучении славянских древностей, сохраняют свое выдающееся значение до настоящего времени. Без материалов, суммированных и изученных Л. Нидерле, нельзя обойтись при изучении жизни древних славян. Поэтому его книги продолжают издаваться и переводиться на различные языки. В 1953 году в Праге вышел в свет «Rukověť slovanských starožitností», известный ранее лишь по упомянутому выше французскому изданию. В 1954 году в Югославии под названием «Славянские древности» («Славянска старине») вышел перевод книги Л. Нидерле «Rukovět slovanské archeologie».

Настоящая книга является переводом с только что названного чехословацкого издания 1953 года, вышедшего под редакцией известного чехословацкого археолога, младшего современника Л. Нидерле академика Яна Айзнера.

2

За последнее время исследования в области истории и истории культуры древних славян ознаменовались многочисленными новыми открытиями. Особенно значительных результатов достигла в данной области археологическая наука в СССР, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, а также Венгрии, Румынии и ГДР, на части территорий которых некогда обитали славянские племена. Трудно назвать такой раздел древней славянской культуры или отрезок древней истории славянских племен и народов, для освещения которых современная наука не располагала бы большим количеством разнообразных новых данных.

В значительной своей части эти новые данные отнюдь не противоречат заключениям и выводам автора «Славянских древностей», а дополняют и обогащают их. Так, например, мысль о сравнительно высоком уровне развития славянской культуры в период раннего средневековья, разделяемая Л. Нидерле, получила ныне благодаря археологическим исследованиям новое блестящее подтверждение. То же самое можно сказать относительно разделяемого Л. Нидерле мнения о земледельческом характере культуры древних славян, которое раньше вызывало многочисленные сомнения, в настоящее время полностью рассеянные.

Большой и разнообразный археологический материал, добытый за последние два-три десятилетия в СССР, Польше, Чехословакии и других восточноевропейских странах, полностью подтвердил справедливость отстаиваемого Л. Нидерле положения, согласно которому славяне рассматривались как исконные обитатели центральных областей Восточной Европы. В настоящее время уже никто не высказывает сомнений относительно того, что только здесь, по соседству с древними балтийцами, германцами, фракийцами и скифами, сформировались в свое время древние славяне, отделившиеся от индоевропейской семьи племен. Но вместе с тем в пределах этих областей археология выявила большое число неизвестных ранее различных древних культур, отношение которых одна к другой и к процессу славянского этногенеза еще далеко не изучено. Наиболее ранними, бесспорно славянскими древностями на территории СССР и Польши являются места поселений и «поля погребений» последних веков до н. э., относящиеся к так называемой пшеворской и зарубинецкой культурам, распространенным в бассейнах Одера, Вислы и Днепра. Материалы более раннего времени составляют такую область, в которой господствуют различные, нередко исключающие друг друга гипотезы.

Лингвистические исследования, которым наряду с археологическими изысканиями принадлежит главная роль при решении вопросов славянского этногенеза, за последнее время не могут похвастаться значительными успехами в данной области. В связи с уточнением методики языковедческих исследований ныне опровергается ряд положений, ранее считавшихся бесспорными. Так, ныне лингвистами подвергается суровой критике господствовавшая во времена Л. Нидерле гипотеза распада индоевропейской общности, которая была основана на ошибочном разделении индоевропейских языков на две группы — группу сатем и группу кентум. Продолжает дискутироваться вопрос о существовании в древности балто-славянской общности — один из важнейших вопросов славянского этногенеза. Наряду с этим в области лингвистики почти не появилось новых позитивных построений, посвященных вопросам происхождения славян. Очень слабо осуществляются в последнее время также и работы в области топонимики, некогда привлекавшие к себе пристальное внимание исследователей-славистов.

Наиболее крупным исследованием за последние десятилетия, посвященным проблеме славянского этногенеза, является книга известного польского слависта академика Т. Лер-Сплавинского «О происхождении и прародине славян» («O pochodzeniu i praojczyźnie slowian»), вышедшая в свет в 1946 году. В этой книге суммируется много лингвистических, археологических и исторических данных, на основании которых автор делает попытку обрисовать процесс происхождения славянских племен, придавая при этом особое значение носителям расположенной на территории Польши, между Одером и Вислой, так называемой лужицкой культуры второй половины второго тысячелетия до н. э. и начала первого тысячелетия до н. э. Гипотеза Т. Лер-Сплавинского, содержащая ряд новых интересных положений, в отдельных частях не разделяется другими исследователями, между прочим и в Польше. В частности, здесь должна быть отмечена книга археолога С. Носека «Проблема происхождения славян в свете археологии» («Zagadnienie prasłowianszczyzny w swietle prehistorii», 1947), в которой обосновывается мысль о том, что в процессе происхождения славян большую роль сыграли племена так называемой тшенецкой культуры, распространенные в начале второго тысячелетия до н. э. в восточных частях Повисленья. Большинство советских археологов также склонно оспаривать положение Т. Лер-Сплавинского относительно родины славян в междуречье Одера и Вислы, полагая вслед за Л. Нидерле, что в ее пределы должны быть включены значительные области лесостепного Поднепровья, прежде всего

Волынь с ее старой славянской топонимикой и археологическими памятниками, близкими памятникам восточного Повисленья [1].

В полной мере сохраняют свое научное значение те большие разделы «Славянских древностей», где речь идет о племенном составе и расселении западных, восточных и южных славян в период раннего средневековья. Известия современников и данные топонимики, которые использовал Л. Нидерле в этих разделах своего труда, не пополнились за последнее время сколько-нибудь существенными новыми материалами. Что же касается попыток заново пересмотреть уже известные источники, то они коснулись лишь отдельных частных тем, не меняя основных контуров этногеографической картины славянства, нарисованной Л. Нидерле. В трудах советских археологов очень удачным оказалось привлечение археологических материалов середины и второй половины первого тысячелетия н. э. для уточнения карты расселения славянских племен в области верхнего Поднепровья и по его периферии. В отношении же других славянских земель такие исследования еще не осуществлены.

Значительно более уязвимыми с точки зрения современной науки являются те части книги Л. Нидерле, где речь идет о жизни и культуре древних славян. Для современного читателя эти части книги представляют интерес как наиболее полное в литературе собрание фактического материала, известного по данному вопросу к началу XX века. Что же касается общей картины развития древних славянских племен, их экономики, быта и форм общежития, нарисованной Л. Нидерле, то она нуждается в весьма существенных коррективах.

Прежде всего в поправках нуждается та часть высказанных Л. Нидерле положений, которая касается социально-политической истории древних славян. Не располагая всеми теми источниками, которые находятся в распоряжении науки в настоящее время, он не смог нарисовать вполне правильную картину распада у славян первобытного строя жизни, возникновения у них классов, феодальных отношений и государства. Это обстоятельство в свою очередь отразилось на полноте освещения всех других сторон экономической, общественной и духовной жизни древних славян.

Нельзя сказать, однако, что представления Л. Нидерле о социально-политическом строе славян были целиком и полностью ошибочными. Он писал о распаде у славян большой семьи — *задруги*, о постепенном переходе земель и угодий из общинной собственности в собственность отдельных семей; по его мнению, славянское общество накануне и в период образования первых славянских государств состояло из трех сословий — рабов, свободных общинников и знати, в которой Л. Нидерле видел непосредственного предшественника будущего дворянства; в период IX—X веков, по мнению Л. Нидерле, происходил поворот от племенного строя к государственному. Все это свидетельствует о том, что такой объективный и серьезный исследователь, как автор «Славянских древностей», был весьма недалек от правильной оценки общественно-политического строя древних славян.

Но вместе с тем у Л. Нидерле не было ясного и определенного представления о том, что у славян в результате распада первобытного строя закономерно возникает классовое, эксплуататорское общество. Несвободное население — рабы, — по его мнению, были военнопленными, знать — это богатые люди и только. Такое важнейшее явление в истории древних славян, как возникновение первых государств — Великой Моравии, Болгарского государства, Киевской Руси, — не увязывалось им с ходом социально-экономической истории. Именно поэтому автором «Славянских древностей» была воспринята отвергнутая впоследствии марксистской историографией «норманнская теория» происхождения Русского государ-

[1] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, Москва, 1953.

ства, согласно которой классовое общество, государственные формы жизни, городская культура — все это было якобы принесено к восточным славянам извне. Л. Нидерле недостаточно ясно представлял себе, что в течение второй половины первого тысячелетия н. э., или, как он нередко выражался, «от римского времени и до конца языческой эпохи», историческая жизнь славян претерпела коренные изменения — первобытная эпоха сменилась феодальной. Пытаясь дать обобщенную картину жизни славян в «языческую эпоху», Л. Нидерле нередко объединял данные, вовсе несовместимые,— одни, относящиеся к первобытной эпохе, другие — к эпохе феодальной.

По тем же причинам Л. Нидерле рассматривал славянскую раннесредневековую культуру без учета ее классового характера. Как уже указывалось, он отнюдь не отдавал какого-либо предпочтения культуре знати, интересуясь прежде всего творчеством, жизнью и бытом широких народных масс, и в этом заключается его большая заслуга. Но он и не отделял культуру знати от культуры народа, упрощая тем самым реальную историческую картину.

Характеристика древней славянской культуры, данная Л. Нидерле, является далеко не полной еще и потому, что в «Славянских древностях» почти ничего не сказано о средневековом городе. Археологические исследования древних восточно-славянских городов — Киева, Новгорода, Чернигова, Рязани, Переяславля и др.— широко развернулись лишь в 30—40-е годы нашего века. То же самое следует сказать о великоморавских и древнечешских городах в Чехословакии и городах древнепольского государства, исследование которых открыло перед наукой огромную, ранее совсем неизвестную историческую картину. Всего этого не знал и не мог знать Л. Нидерле. Не располагая необходимыми фактическими данными о средневековом славянском городе, он не мог не испытать на себе влияния чрезвычайно распространенных в его время ошибочных представлений о появлении городов в Чехословакии и Польше якобы лишь в XIII веке в результате немецкой колонизации. В итоге раннесредневековая славянская культура, относящаяся к концу «языческой эпохи», получила у Л. Нидерле одностороннее изображение, как культура в основном деревенская, как культура в старом этнографическом понимании.

В другом месте, говоря о более раннем периоде исторической жизни восточных славян, Л. Нидерле, следуя за распространенными в его время тенденциями, явно преувеличивает культурно-историческую роль готов и их «королевства» в северо-западном Причерноморье. В настоящее время может считаться доказанным, что готы, попав в Причерноморье, оказались в окружении более культурной среды и сами подверглись ее влиянию.

3

За последние годы появилось несколько крупных исследований и обобщающих трудов, посвященных древней и раннесредневековой культуре славянских народов, учитывающих многочисленные новые данные и представляющих значительный шаг вперед по сравнению с трудами автора «Славянских древностей». Справедливость требует, однако, отметить, что по капитальности, по степени мобилизации фактических данных ни один из этих трудов не может сравниться с многотомным изданием «Славянских древностей».

Итогом работ советских археологов явился двухтомный труд «История культуры Древней Руси» (1951), охватывающий все стороны исторической, экономической, социально-политической и культурной жизни восточных славян в VIII—XIII веках. Необходимо также указать на исследование Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (1948), подытожившее огромный

материал, полученный главным образом при раскопках древних русских городов.

Широкий размах археологических исследований в СССР привел, однако, к тому, что эти труды, вышедшие в свет лишь немногим более пяти лет тому назад, уже в значительной части устарели. После их опубликования начались большие раскопки в Новгороде, были произведены исследования в Переславле (Переяслав-Хмельницкий), Смоленске, Рязани, Чернигове, Галиче, Гродно и в ряде других древнерусских городов, давшие большое количество новых сведений о древнерусской культуре. Одним из выдающихся открытий советской археологии в области истории культуры Древней Руси явились обнаруженные экспедицией Института истории материальной культуры под руководством профессора А. В. Арциховского в Новгороде берестяные грамоты — новый ценнейший исторический источник [1]. Из работ последнего времени, обобщающих новые данные о культуре древних славян и Киевского государства, могут быть отмечены вышедший в 1954 году сборник «Древняя Русь» из серии «По следам древних культур», первый том «Истории русского искусства» (1954) и книга М. Н. Тихомирова «Древнерусские города» (2-е изд., 1956). Мы не перечисляем здесь многочисленных специальных исследований и публикаций, изданных главным образом в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (изд. АН СССР).

В Польской Народной Республике в 1947 году был опубликован большой обобщающий труд известного археолога И. Косцшевского «Древнепольская культура» («Kultura prapolska»). Но его вскоре постигла такая же судьба, как и «Историю культуры Древней Руси». В конце 40-х и начале 50-х годов впервые в польской археологии в связи с 1000-летием Польского государства были предприняты продолжающиеся и ныне большие раскопки раннесредневековых городов, увеличившие в десятки раз объем материалов по истории древнепольской культуры. Особенно значительные и интересные результаты дают исследования древних городов Поморья и Западных земель — Гданьска, Щетина, Волина, Ополья и др., бывших в свое время крупными ремесленными и торговыми центрами [2].

Польскому археологу-слависту В. Хенселю принадлежит первая после Л. Нидерле попытка дать обобщающий труд по истории материальной культуры славянских народов в период раннего средневековья — «Средневековое славянство» («Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna», 1952), где использованы некоторые результаты упомянутых выше новейших археологических исследований.

О высоком уровне культуры древних моравских и чешских племен и о возникновении в их среде феодальных отношений свидетельствуют материалы раскопок городищ VII—X веков в Чехословакии. Наиболее значительные результаты были получены за последние годы при произведенных В. Грубым раскопках Старого города в Угорском Городище на Мораве, где выявлены остатки большого великоморавского города IX—X веков, при раскопках И. Поулика на городище VIII—X веков «Старый замок» в районе города Брно, при исследованиях городища «Старый Коуржим», Пражского «града» (И. Борковский) и др. В настоящее время чрезвычайно интересные и принципиально значимые результаты получены при раскопках И. Поулика на городище VII—X веков у Микульчиц на Мораве. Там открыты, в частности, остатки каменных христианских храмов VIII — начала IX века, свидетельствующие, что христианство начало распространяться в Моравии,

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте, М., 1953; А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1954.

[2] „Studia wczesnośredniowieczne", I, 1952; „Materiały wczesnośredniowieczne", I, 1949; W. Hensel, Studia i materiały do osadnictwa wielkopolski wczesnohistorycznej, I, 1950.

по крайней мере, на 100 лет раньше, чем это было известно до последнего времени.

В связи с раскопками великоморавских городищ необходимо отметить также исследования раннесредневекового славянского замка «Залавары» на озере Балатон, на территории Венгрии, где в свое время обосновался великоморавский князь Прибина.

В Югославии усилия археологов-славистов, в частности, известного историка искусства Дж. Бошковича, в последнее время были направлены главным образом на исследование и реставрацию ценнейших средневековых памятников архитектуры и искусства. Среди них назовем сокровища такого важнейшего центра древней славянской культуры, каким является Охрид.

В Болгарии успешно продолжаются проводимые акад. К. Миятевым, В. Мавродиновой и другими археологами раскопки средневековых столиц древнеболгарского государства — Плиски, Преслава и Тырнова с их замечательными архитектурными памятниками славяно-византийского характера. В результате раскопок значительно пополняется коллекция древних славянских надписей. В последние годы были начаты исследования средневековых поселений сельского типа. Как известно, при всем своем своеобразии, обусловленном наличием в древнем болгарском государстве тюркских элементов, а также особо тесными связями с соседней Византией, болгарская средневековая культура сыграла в истории культуры славянских народов очень крупную роль.

Мы назвали здесь результаты лишь некоторых, более значительных исследований, проведенных за последние годы в той отрасли знания, которой посвятил свою жизнь выдающийся ученый Л. Нидерле. Не будет преувеличением сказать, что за истекшие двадцать-тридцать лет в области средневековой славянской археологии, особенно в деле исследования городов, сделано несравненно больше, чем за то столетие, итоги которому подвел автор «Славянских древностей». Это является следствием того огромного и все более растущего интереса к отечественной истории и истории родственных славянских народов, который наблюдается в СССР и странах народной демократии, переживающих новый подъем национальной культуры, неизмеримо более мощный и глубокий, чем подъем национальной культуры и жизни периода славянского «национального возрождения». Именно поэтому можно надеяться, что книга Л. Нидерле, посвященная истории и жизни древних славян, найдет в нашей стране многочисленных читателей.

П. Н. Третьяков.

История древних славян

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Почти всю свою жизнь я посвятил изучению славянских древностей. Результаты моих исследований я обобщил на чешском языке в труде, который выходит с 1901 года под общим названием «Славянские древности».

Эта работа делится на две книги. Задача первой, опубликованной под общим названием «Славянские древности», заключается в установлении исторических и этнических основ изучения славянского мира. В настоящее время изданы три части этой книги. В I части речь идет о появлении славян и развитии их культуры на территории к северу от Карпат, на их прародине, а во II и III частях — о выделении южной и западной ветви славян. IV часть, которая будет посвящена восточным славянам, пока еще не закончена. Вторая книга моего труда, опубликованная под названием «Жизнь древних славян», рассказывает о славянской культуре в конце языческого периода. В вышедших четырех частях исследуется образ жизни славян с момента рождения человека вплоть до его смерти (включая погребальный обряд), описываются одежда и украшения славян, их жилище, религия, земледелие и хозяйство вообще.

В этой книге я хочу подвести итоги исследований славянских ученых и осветить работу, проделанную ими за последние годы, неизвестную ряду западноевропейских ученых, незнакомых со славянскими языками. Поэтому я считаю своей обязанностью опубликовать на французском языке более сжатый труд о славянских древностях «Manuel de l'antiquité slave». Впрочем, во избежание недоразумений считаю необходимым предупредить читателя, что настоящий труд не является только кратким изложением моей работы, опубликованной на чешском языке. Многое в книге изменено, материал, приведенный в ней, расширен и исправлен; многое является совершенно новым, так как та работа на чешском языке, в которой должны быть изложены некоторые затронутые в данной книге вопросы, до сих пор не опубликована. Таким образом, этот труд представляет собой совершенно новое исследование. Первая книга, освещающая историю славян, выходит раньше, а вторая — о славянской культуре — будет издана, как только моя работа продвинется настолько, что я смогу дать общий ее обзор.

Не желая перегружать текст излишними подробностями и ненужными цитатами, я указываю в примечаниях соответствующие разделы моих «Славянских древностей», где читатель сможет найти необходимый ему дополнительный материал.

[1] К французскому изданию 1923 года.— *Прим. ред.*

Труд, который я предлагаю вниманию французской общественности значительной степени является обобщением многочисленных работ ученых прежде всего славянских, являвшихся моими предшественниками на эт обширном поле научной деятельности. С конца XVIII века были проделан серьезные специальные исследования об истоках славянской истории, этому вопросу ученые посвятили ряд больших трудов. Первым исследо телем, который по-научному подошел к этому вопросу и критически его р решил, хотя и не написал специального труда, был известный слави Й. Добровский (1753—1829). Будучи прежде всего выдающимся фил логом, он все же не уклонялся и от вопросов истории, мифологии и археол гии. В его работах мы можем найти удовлетворительное решение мног проблем славянской древности. Но действительным основоположником этс раздела славистики является П. Шафарик, бывший директор пражск университетской библиотеки. Вышедший в 1837 году в Праге труд Шаф рика «Славянские древности» [1], название которого мы позаимствовали, я ляется единственной и до сих пор не потерявшей своей ценности книг которая, хотя и устарела, все же остается и по сегодняшний день осн ным и незаменимым трудом при изучении вопроса о происхождении слав ства. Ни до Шафарика, ни после него никто не изложил предмет с так добросовестностью, с таким вдохновением и с такой любовью, как эт скромный труженик. Его имя всегда будет сиять среди имен корифеев сл вянских народов [2]. Поэтому, опубликовывая этот труд, я не могу не ск ниться с уважением перед памятью большого чехословацкого ученого.

После Шафарика изучение древнейшего периода славянской истор получило свое развитие во всех славянских странах. Ученые, посвятивш себя этой проблеме, делятся на две группы. Одни, которых мы можем н звать автохтонистами, разработали гипотезу с заранее поставленной цель доказать, что славяне существуют уже с древнейших времен, что уже того времени они играли в истории большую роль, наконец, что слав были автохтонами в Германии и во всей Центральной Европе. Отсюда название этого направления «школа автохтонистов». Другие же учен подходили к изучению прошлого славян научно, рассматривали его б пристрастно и отвергали все, что они не считали достоверным. Вполне ес ственно, что первая группа всегда была более многочисленной и точка з ния примыкавших к ней ученых всегда находила более широкий откл так как она казалась более патриотичной и для славян более лестной. Е воды, делавшиеся сторонниками этой школы, были действительно дале идущими. Если представить себе, что древняя Италия и Этрурия перио первобытного общества были славянскими, что когда-то славянская р звучала на холмах Рима, что даже баски в Пиренеях являлись не кем ин как далекой ветвью славян, что вся культура и история скифов и сарма

[1] Спустя шесть лет вышел немецкий перевод „Славянских древностей"; P a Joseph Schafariks Slavische Alterthümer, deutsch von Mosig von Aehrenfeld, I — II, Leipzig, 1843 — 1844.

[2] Шафарик, к сожалению, издал только один том, в котором излагается древней период славянской истории; том, в котором должна была быть освещена славянс культура, остался незавершенным.

была собственно славянской, то неудивительно, что подобные теории находили горячий и восторженный отклик во всем славянском мире.

Что могли противопоставить этим теориям ученые второй группы? Почти ничего. Их исследования приводили обычно лишь к констатации того, что достоверных данных о славянах в древности очень мало, что их существование в Германии, Италии или на Балканах до VI века не доказано и что их культура вплоть до X века была весьма примитивной. Среди широкой общественности такие выводы, бесспорно, не могли соперничать с тезисами автохтонистов.

Я вовсе не собираюсь излагать здесь историю проделанных ранее исследований и критически их анализировать. Это была бы неблагодарная задача. Хочу лишь обратить внимание читателя на то, что нельзя ставить на одну доску всех сторонников автохтонических теорий и что, хотя среди них и были безудержные фантазеры, вклад некоторых наиболее вдумчивых автохтонистов был значителен и даже содействовал научному прогрессу.

Мысль написать этот труд подал профессор Эрнст Денис, который в 1919 году предложил мне подготовить его для сборника публикаций Института «d'Études slaves». Глубоко сожалею, что смерть профессора Дениса помешала мне выразить ему мою благодарность и что я должен ограничиться лишь тем, что почту здесь его память.

За издание «Manuel de l'antiquité slave» я многим обязан Андре Мазону, профессору философского факультета Страсбургского университета, который посвятил этому труду и свой ум, и свое время. Приношу ему мою искреннюю благодарность и дружескую признательность.

Любор Нидерле.

Прага,
июль 1922 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРАСЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО: ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

Вплоть до конца XVIII века наука не могла дать удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении славян, хотя он уже тогда привлекал внимание ученых. Об этом свидетельствуют относящиеся к тому времени первые попытки дать очерк истории славян, в которых был поставлен этот вопрос. Все утверждения, связывающие славян с такими древними народами, как сарматы, геты, аланы, иллирийцы, фракийцы, вандалы и т. д., утверждения, появляющиеся в различных хрониках с начала XVI века, основываются лишь на произвольном, тенденциозном толковании священного писания и церковной литературы или на простой преемственности народов, которые когда-то населяли ту же территорию, что и современные славяне, либо, наконец, на чисто внешнем сходстве некоторых этнических названий.

Так обстояло дело до начала XIX века. Лишь немногие историки смогли подняться над уровнем науки того времени, при котором решение вопроса о происхождении славян не могло быть научно обосновано и не имело перспективы. Положение изменилось к лучшему только в первой половине XIX века под влиянием двух новых научных дисциплин: сравнительного языкознания и антропологии; обе они внесли новые позитивные факты.

История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке [1]; этот отрывок можно считать своего рода «свидетельством о рождении» славян.

Первая часть летописи «Повесть временных лет» [2] начала создаваться, по крайней мере, столетием раньше. В начале летописи приведен довольно подробный легендарный рассказ о расселении народов, которые когда-то пытались воздвигнуть вавилонскую башню в земле Сеннаар. Эти сведения заимствованы из византийских хроник VI—IX веков (так называемой «Пасхальной» хроники и хроники Малалы и Амартола); однако в соответ-

[1] Древнейшими списками летописи являются Лаврентьевская летопись монаха Лаврентия из Суздаля (XIV век) и Ипатьевская — из монастыря св. Ипатия в Костроме.

[2] Все отрывки из „Повести временных лет" даны в переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, изд. АН СССР, 1950, часть I. Написание подлинных текстов также дано в соответствии с этим изданием.— *Прим. перев.*

ствующих местах названных хроник нет ни одного упоминания о славянах Этот пробел, очевидно, задел славянского летописца, достопочтенного мо наха Киево-Печерской лавры. Он захотел восполнить его, поставив сво народ среди тех народов, которые, согласно традиции, жили в Европе поэтому в порядке разъяснения он присоединил название «славяне» к имен иллирийцев — иллиро-славяне [1]. Этим дополнением он включил славян историю, даже не изменив традиционное число 72 народов. Именно здес иллирийцы были впервые названы народом, родственным славянам, и с этог времени эта точка зрения в течение долгого времени являлась господствующе при изучении истории славян. Славяне пришли из Сеннаара в Европу и по селились сначала на Балканском полуострове. Там и нужно искать и колыбель, их европейскую прародину, в землях иллирийцев, фракийцев в Паннонии, на берегах Дуная. Отсюда позднее вышли отдельные славя ские племена, когда распалось их первоначальное единство, чтобы занят свои исторические земли между Дунаем, Балтийским морем и Днепро

Эта теория была принята сначала всей славянской историографией, в частности, старой польской школой (Кадлубек, Богухвал, Мержв Chronica Polonorum, Chronica principum Poloniae, Длугош и т. д.) и чешско (Далимил, Ян Маригнола, Пшибик Пулкава, Гаек из Либочан, Б. Папро кий); в дальнейшем она обросла новыми домыслами [2].

Затем появилась новая теория. Мы не знаем, где именно она возникл Следует полагать, что она возникла вне упомянутых школ, ибо впервы мы встречаемся с этой теорией в Баварской хронике XIII века и позднее немецких и итальянских ученых (Flav. Blondus, A. Coccius Sabellicu F. Irenicus, B. Rhenanus, A. Krantz и т. д.). От них эту теорию приняли сл вянские историки Б. Ваповский, М. Кромер, С. Дубравиус, Т. Пешина Чехорода, Я. Бековский, Я. Матиаш из Судет и многие другие. Согласн второй теории славяне якобы продвинулись вдоль побережья Черно моря на север и первоначально поселились в Южной России, где истор известны были вначале древние скифы и сарматы, а позднее аланы, рокс ланы и т. д. Отсюда и возникла мысль о родстве этих племен со славянами, также представление о балканских сарматах как о предках всех славя Продвигаясь дальше на запад, славяне якобы разделились на две основн ветви: южные славяне (на юг от Карпат) и северные (на север от Карпа

Так, вместе с теорией первоначального разделения славян на две вет появились балканская и сарматская теории; обе они имели своих восто женных последователей, обе продержались вплоть до наших дней. Е и теперь нередко появляются книги, в которых древнейшая история слав основана на отождествлении их с сарматами или с фракийцами, даками иллирийцами. Тем не менее уже в конце XVIII века некоторые ученые н няли, что подобные теории, основывающиеся лишь на предположительн аналогии различных народов со славянами, не имеют никакой ценнос Чешский славист Й. Добровский писал в 1810 году своему другу Ко тару: «Меня радуют такие исследования. Только я прихожу к совершен другому выводу. Все это доказывает мне, что славяне не являются дака гетами, фракийцами, иллирийцами, паннонцами... Славяне — это славяне наиболее близки им литовцы. Итак, их нужно искать среди последних Днепре или за Днепром» [3].

[1] Лаврентьевская летопись. В другом месте этой летописи читаем: „Нарци суть словене", то есть норики, которые и есть славяне.

[2] С этой теорией связана легенда о „грамотах" Александра Великого и приви гии, предоставленной им в Александрии славянам в знак благодарности за их отличн службу. Эти подделки возникли в XIII веке, и источником для них служили древ сведения об отношениях между Александром Македонским и скифами (Arrian, An sis, IV, 15).

[3] В. Ягич, Письма Добровского и Копитара, СПБ, 1885, стр. 119.

Некоторые историки придерживались тех же взглядов еще до Добровского. После него Шафарик в своих «Славянских древностях» опроверг взгляды всех предшествующих исследователей. Если в своих ранних трудах он находился под большим влиянием старых теорий [1], то в «Древностях», вышедших в 1837 году, он отверг, за некоторыми исключениями, эти гипотезы как ошибочные. В основу своей книги Шафарик положил тщательный разбор исторических фактов. Поэтому его труд навсегда останется основным и незаменимым пособием по данному вопросу, несмотря на то, что проблема происхождения славян в нем не разрешена,— такая задача превышала возможности самого строгого исторического анализа того времени.

Другие же ученые обратились к новой науке — сравнительному языкознанию, чтобы в ней найти ответ, который не могла им дать история. Взаимное родство славянских языков допускалось еще в начале XII века (см. Киевскую летопись), однако еще долгое время была неизвестна подлинная степень родства славянских языков с остальными европейскими языками. Первые попытки, предпринятые в XVII и XVIII веках, выяснить это (G. W. Leibniz, P. Ch. Levesque, Fréret, Court de Gebelin, J. Dankowsky, K. G. Anton, J. Chr. Adelung, Iv. Levanda, B. Siestrzencewicz и др.) имели тот недостаток, что были либо слишком нерешительными, либо просто необоснованными. Когда В. Джонс в 1786 году установил общее происхождение санскрита, галльского, греческого, латинского, немецкого и древнеперсидского языков, он не определил еще место славянского языка в семье этих языков.

Только Ф. Бопп во втором томе своей известной «Сравнительной грамматики» («Vergleichende Grammatik», 1833) решил вопрос о взаимоотношении славянского языка с остальными индоевропейскими языками и тем самым дал первый научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении славян, который безуспешно пытались разрешить историки. Решение вопроса о происхождении языка является одновременно ответом на вопрос о происхождении народа, говорящего на этом языке.

С этого времени возникло много споров об индоевропейцах и о сущности их языка. Были высказаны различные взгляды, которые в настоящее время справедливо отвергнуты и потеряли всякую ценность. Одно лишь доказано, что ни один из известных языков не является предком остальных языков и что никогда не существовал индоевропейский народ единой несмешанной расы, который имел бы единый язык и единую культуру. Наряду с этим приняты следующие положения, лежащие в основе наших нынешних взглядов:

1. Когда-то существовал общий индоевропейский язык, который, однако, никогда не был в полной мере единым.

2. Развитие диалектов этого языка привело к возникновению ряда языков, которые мы называем индоевропейскими или арийскими. К ним относятся, не считая языков, бесследно исчезнувших, греческий, латинский, галльский, немецкий, албанский, армянский, литовский, персидский, санскрит и общеславянский либо праславянский, который в течение довольно длительного времени развился в современные славянские языки. Начало существования славянских народов относится именно к тому времени, когда сложился этот общий язык.

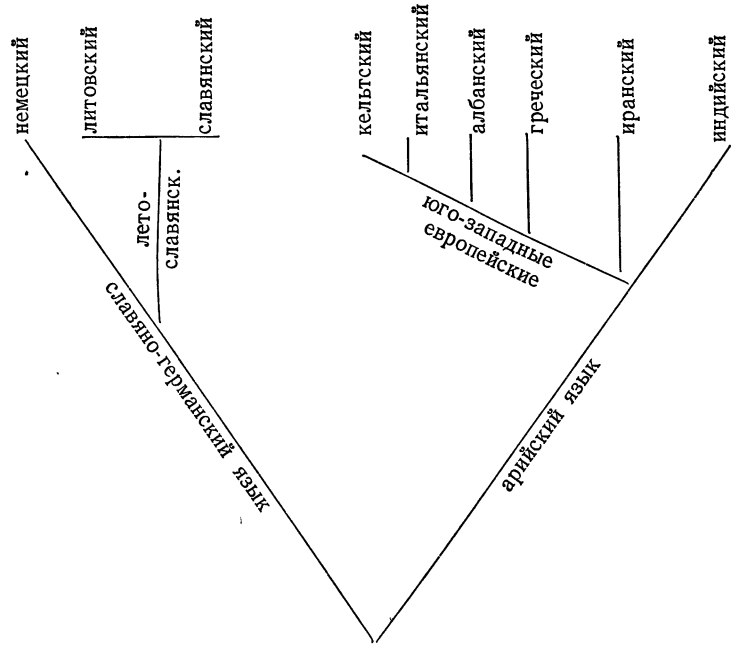
Процесс развития этого языка еще неясен. Наука пока еще не продвинулась настолько вперед, чтобы с должной полнотой осветить этот вопрос. Установлено лишь, что формированию новых языков и народов способствовал ряд факторов: стихийная сила дифференциации, местные различия, воз-

[1] См., в частности, его книгу „Über die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki", Wien, 1828. „Древности" были изданы в 1836—1837 годах в Праге в двух томах; допущен также немецкий перевод Мозига фон Еренфельда (1844); см. выше, стр. 16, примечание 1.

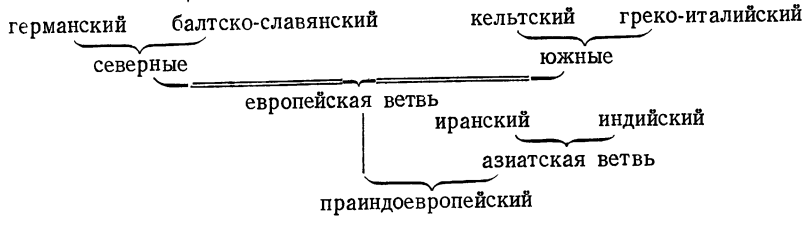
никшие в результате изоляции отдельных групп, и, наконец, ассимиляция инородных элементов. Но в какой мере каждый из этих факторов способствовал возникновению общего славянского языка? Этот вопрос почти не разрешен, а поэтому история общеславянского языка и поныне не выяснена.

Развитие арийского праязыка могло происходить двумя путями: либо путем внезапного и полного отрыва разных диалектов и говорящих на них народов от материнского ствола, либо путем децентрализации, связанной с формированием новых диалектных центров, которые изолировались постепенно, не отрываясь полностью от первоначального ядра, то есть не утратив связи с остальными диалектами и народами. Обе эти гипотезы имели своих приверженцев. Родословная, предложенная А. Шлейхером, как и родословная, составленная А. Фиком, хорошо известны; известна также теория «волн» (Übergangs-Wellen-Theorie) Иоганна Шмидта. В соответствии с различными концепциями менялся, как это видно из двух представленных ниже схем, и взгляд на происхождение праславян.

1. Родословная Шлейхера, составленная в 1865 году

2. Родословная Фика

Тем не менее можно считать, что установлены все же некоторые существенные данные, позволяющие в настоящее время объяснить возникновение славян следующим образом.

Когда различия в индоевропейском языке стали возрастать и когда эта большая языковая общность стала распадаться на 2 группы — языки сате

satem) и кентум (centum),— праславянский язык, соединенный с пралитовским языком, довольно долго входил в первую группу, так что он сохранил особое сходство с древнефракийским (армянским) и индо-иранским языком. Связь с фракийцами была наиболее тесной в окраинных областях, где позднее жили исторические даки. Предки германцев были в группе народов кентум среди наиближайших соседей славян. Об этом мы можем судить по некоторым аналогиям в славянском и немецком языках.

В начале второго тысячелетия до н. э. все индоевропейские языки, по всей вероятности, уже сформировались и разделились, так как в течение этого тысячелетия на территории Европы и Азии появляются некоторые арийские народы как уже сложившиеся этнические единицы. Будущие литовцы были тогда все еще объединены с праславянами. Славяно-литовский народ и поныне представляет (за исключением индо-иранских языков) единственный пример первобытной общности двух арийских народов [1]; его соседями всегда были с одной стороны германцы и кельты, с другой стороны фракийцы и иранцы.

После отделения литовцев от славян, происшедшего, по всей вероятности, во втором или в первом тысячелетии до н. э., славяне образовали единый народ с общим языком и лишь едва наметившимися слабыми диалектными различиями и оставались в таком состоянии вплоть до начала нашей эры. В течение первого тысячелетия нашей эры их единство начало распадаться, развивались новые языки (правда, еще очень близкие друг к другу) [2] и возникли новые славянские народы. Таковы сведения, которые дает нам языкознание, таков его ответ на вопрос о происхождении славян.

Наряду со сравнительным языкознанием появилась еще одна наука — антропология, также принесшая новые дополнительные факты. Шведский исследователь А. Ретциус в 1842 году стал определять место славян среди остальных народов с соматологической точки зрения, основываясь при этом на форме их головы, и создал систему, в основу которой было положено изучение относительной длины черепа и величины лицевого угла [3]. Он объединил древних германцев, кельтов, римлян, греков, индусов, персов, арабов и евреев в группу «долихоцефальных (длинноголовых) ортогнатов», а угров, европейских турок, албанцев, басков, древних этрусков, латышей и славян в группу «брахицефальных (короткоголовых) ортогнатов». Обе группы были различного происхождения, поэтому раса, к которой относились славяне, была совершенно чужда расе, к которой относились германцы и кельты. Очевидно, что одна из них должна была быть «ариизирована» другой и принять от нее индоевропейский язык. А. Ретциус особенно и не пытался определить отношение между языком и расой. Этот вопрос возник позднее в первых французских и немецких антропологических школах. Немецкие ученые, опираясь на новые исследования немецких погребений меровингской эпохи (V—VIII веков) ~~с так называемыми «Reihengräber»~~, создали в соответствии с системой Ретциуса теорию древней чистой германской расы с относительно длинной головой (долихоцефалы или мезоцефалы) и с

[1] Когда-то предполагалось славяно-германское единство (Шлейхер, Фик) и славяно-иранское единство; ныне эти гипотезы отвергнуты. А. Мейе, а до него Ф. Миклошич, П. Брадке и А. Погодин отвергают и балто-славянское единство [„Introduction a l'étude comparée des langues indo-européennes", 5, 1922, стр. 48; „Les dialectes indo-européens", 1908, стр. 48, „Avant-propos de la réimpression" (предисловие к новому изданию этого сочинения), 1922, стр. 10—11]. Однако их мнение горячо оспаривалось славянскими исследованиями, особенно А. Брюкнером (Zeitschrift f. vgl. Sprachforschung, 46, 1914, стр. 217), В. Пожезинским, Эндзелиным и Я. Розвадовским („Rocznik sławistyczny", IV, V).

[2] Евангелическая миссия Кирилла и Мефодия, родившихся в Солуне, могла иметь успех в Моравии только благодаря тому, что их южномакедонское наречие легко понималось.

[3] „Om formen af Nordboernes Granier", 1842; см. „Müllers Archiv für Anatomie", 1845, стр. 97; 1858, стр. 105.

некоторыми характерными внешними чертами: довольно высокий рост, розовый цвет лица, белокурые волосы, светлые глаза. Этой расе была противопоставлена другая, более мелкая, с более короткой головой (брахицефалы), более темным цветом кожи, каштановыми волосами и темными глазами; главными представителями этой расы должны были быть славяне и древние обитатели Франции — кельты, или галлы.

Во Франции школа выдающегося антрополога П. Брока (E. Hamy, Ab. Hovelacque, P. Topinard, R. Collignon и др.) приняла примерно ту же точку зрения; так, в антропологической науке появилась теория о двух первоначальных расах, которые когда-то заселили Европу и из которых образовалась семья народов, говорящих на индоевропейском языке. Оставалось выяснить — и это вызвало много споров,— какая же из двух первоначальных рас была арийской и какая была «ариизирована» другой расой.

Немцы почти всегда считали первую расу, длинноголовую и белокурую, расой праарийцев, и эту точку зрения разделяли ведущие английские антропологи (Thurnam, Huxley, Sayce, Rendall). Во Франции же, напротив, мнения разделились. Одни присоединились к немецкой теории (Lapouge), другие же (их было большинство) считали вторую расу, темную и брахицефальную, называемую часто кельтско-славянской, первоначальной расой, которая передала индоевропейский язык североевропейским белокурым иноплеменникам. Так как основные черты ее, брахицефалия и темная окраска волос и глаз, приближали эту расу к среднеазиатским народам со сходными особенностями, то было даже высказано предположение о ее родстве с финнами, монголами и туранцами. Место, предназначаемое, согласно этой теории, праславянам, легко определить: праславяне пришли из Средней Азии, у них была относительно короткая голова, темные глаза и волосы. Брахицефалы с темными глазами и волосами заселили Среднюю Европу, главным образом ее горные области, и смешались частью с северными длинноголовыми и белокурыми соседями, частью с народами более древними, а именно с темными долихоцефалами Средиземноморья. Согласно одной версии, праславяне, смешавшись с первыми, передали им свою речь, по другой же версии, напротив, они сами восприняли их речь.

Однако сторонники этой теории туранского происхождения славян основывались в своих выводах на ошибочной или, по меньшей мере, на недостаточно обоснованной гипотезе. Они опирались на результаты, полученные при изучении двух групп источников, очень отдаленных друг от друга по времени: первоначальный германский тип был определен по ранним источникам — документам и погребениям V—VIII веков, праславянский же тип был установлен по относительно поздним источникам, так как ранние источники были в то время еще мало известны. Таким образом, сравнивались несравнимые величины — современное состояние одного народа с былым состоянием другого народа. Поэтому, как только были открыты древнеславянские погребения и выявились новые краниологические данные, сторонники указанной теории сразу же встретились с многочисленными затруднениями, в то же время углубленное изучение этнографического материала также дало ряд новых фактов. Было установлено, что черепа из славянских погребений IX—XII веков в большинстве своем такой же удлиненной формы, как и черепа древних германцев, и очень близки им; было отмечено также, что исторические документы дают описания древних славян как белокурого народа со светлыми или голубыми глазами, розовым цветом лица. Оказалось, что у северных славян (по крайней мере, у большинства из них) некоторые из этих физических черт преобладают до сего времени [1].

[1] См. статьи о белорусах и великорусах в „Revue anthropologique russe", 1900, 1905; см. там же о поляках, 1901.

Древние погребения южно-русских славян содержали скелеты, из которых 80—90% имели долихоцефальные и мезоцефальные черепа; погребения северян на Пселе — 98%; погребения древлян — 99%; погребения полян в Киевской области — 90% [1], древних поляков в Плоцке — 87,5%, в Слабожеве — 97%; погребения древних полабских славян в Мекленбурге — 81%; погребения лужицких сербов в Лейбенгене в Саксонии — 85%; в Бургленгенфельде в Баварии — 93% [2]. Чешские антропологи при изучении скелетов древних чехов выяснили, что среди последних черепа долихоцефальных форм встречались чаще, чем у современных чехов. Й. Геллих установил (в 1899 году) среди древних чехов 28% долихоцефальных и 38,5% мезоцефальных индивидуумов; эти цифры возросли с тех пор [3].

Можно считать, что там, где ныне наблюдается преобладание брахицефальных форм, население VIII—XII веков было мезоцефальным или даже долихоцефальным, что с каждым годом все более подтверждается новыми открытиями.

В первом тексте, в котором упоминается о славянах VI столетия, обитавших на берегах Дуная, говорится, что славяне не черные и не белые, а темные блондины:

„τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὔτε λευκοὶ ἐς ἄγαν, ἢ ξανθοί εἰσιν, οὔτε πη ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροί εἰσιν ἅπαντες“ [4].

Почти все древнеарабские свидетельства VII—X веков характеризуют славян как русых (ashab); один лишь Ибрагим Ибн-Якуб, еврейский путешественник X века, отмечает: «интересно, что жители Чехии смуглые». Слово «интересно» выдает его удивление по поводу того, что чехи смуглые, из чего можно заключить, что остальные северные славяне в целом не были таковыми [5]. Впрочем, и в настоящее время среди северных славян преобладает тип блондина, а не шатена.

Некоторые исследователи, основываясь на этих фактах, приняли новую точку зрения в вопросе происхождения славян и отнесли их предков к белокурой и долихоцефальной, так называемой германской расе, сформировавшейся в Северной Европе. Они утверждали, что в течение столетий первоначальный славянский тип изменился под влиянием среды и скрещивания с соседними расами. Эту точку зрения отстаивали у немцев Р. Вирхов, И. Кольман, Т. Пёше, К. Пенка, а среди русских А. П. Богданов, Д. Н. Анучин, К. Иков, Н. Ю. Зограф; я также присоединился к этой точке зрения в своих первых трудах.

Однако проблема оказалась более сложной, чем считали раньше, и не может быть разрешена так легко и просто. Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос; с другой же стороны, необходимо признать, что современное соматологическое строение славян очень сложно и свидетельствует лишь об общем преобладании темного и брахицефального типа, происхождение которого объяснить трудно. Нельзя считать, что это преобладание было предопределено средой, его также нельзя удовлетворительно объяснить более поздним скрещиванием. Я стремился использовать данные всех источников, как старых, так и новых, и, исходя из них, пришел к убеждению, что вопрос о

[1] Talko Hryncewicz J., Przyczynek do poznania świata kurganowego Ukrajny Materiały, Krakow, 1899, IV).

[2] См. журнал „Światowit“, III, стр. 50; VIII, стр. 106; IX, стр. 104, а также библиографию в моих „Slov. star.“, 1, стр. 93 и сл.

[3] Hellich J., Praehistorické lebky v Čechách, Praha, 1899, стр. 18.

[4] („Цвет тела и волос у них и не совсем белый или золотистый и, с другой стороны, не совершенно черный, но все они красноватые“.) Procopios, B. G., III, 14. Анонимный Стратегикон (Anonymni Strategicon, изд. Мюллера) называет их ἔθνη ξάνθα желтым народом).

[5] „Slov. star.“, I, стр. 97. Различные свидетельства собраны in extenso в „Živ. st Slov.“, I, стр. 54.

происхождении и развитии славян гораздо сложнее, чем его до сих пор представляли; я полагаю, что наиболее правдоподобна и вероятна гипотеза, построенная на совокупности всех этих сложных факторов.

Праарийский тип не представлял собой чистый тип чистой расы. В эпоху индоевропейского единства, когда начали увеличиваться внутренние языковые различия, на этот процесс оказали влияние уже различные расы, особенно североевропейская долихоцефальная светловолосая раса и среднеевропейская брахицефальная темная раса. Поэтому отдельные народы, формировавшиеся таким образом в течение третьего и второго тысячелетия до н. э., не были уже чистой расой с соматологической точки зрения; это относится и к праславянам. Нет сомнения в том, что они не отличались ни чистотой расы, ни единством физического типа, ибо они получили начало от двух упомянутых великих рас, на стыке земель которых была их прародина; самые древние исторические сведения, как и древние погребения, в равной мере свидетельствуют об этом отсутствии единства расового типа у праславян. Этим объясняются также те большие изменения, которые произошли у славян в течение последнего тысячелетия. Несомненно, предстоит еще тщательно рассмотреть эту проблему, но решение ее — я в этом убежден — может быть основано не столько на признании влияния среды, сколько на признании скрещивания и «борьбы за существование» («struggle for life») основных имеющихся в наличии элементов, то есть северной долихоцефальной светловолосой расы и среднеевропейской брахицефальной темноволосой расы.

Тысячи лет назад среди славян преобладал тип первой расы, поглощенной в настоящее время другой расой, более жизнеспособной.

Археология в настоящее время не в состоянии разрешить вопрос о происхождении славян. Действительно, нельзя проследить славянскую культуру от исторической эпохи до тех древних времен, когда формировались славяне. В представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. царит полная путаница, и все их попытки доказать славянский характер лужицких и силезских полей погребений в восточной Германии [1] и сделать из этого соответствующие выводы являлись до настоящего времени безуспешными. Принадлежность названных полей погребений славянам доказать не удалось, так как связь этих памятников с безусловно славянскими погребениями до сих пор не может быть установлена. В лучшем случае можно допустить лишь возможность такого толкования[2].

Некоторые немецкие археологи предполагают, что праславянская культура была одной из составных частей великой неолитической культуры, называемой «индоевропейской» или лучше «подунайской и закарпатской» с разнообразной керамикой, часть которой раскрашена. Это также допустимо, однако для этого у нас нет позитивных доказательств [3], так как связь этой культуры с исторической эпохой нам совершенно неизвестна.

[1] По старому административному делению; в настоящее время значительная часть этой территории входит в состав Польши. — *Прим. ред.*

[2] См. мои статьи „Pravlast Slovanů a archeologie“ (в сборнике в честь Ватрослава Ягича, Берлин, 1908, 670) и „Poznámky k otázce slovanskosti našich poli popelnicových“ (в „Památkách archeologických“, 26, 1914, стр. 181).

[3] Это новая теория Г. Коссины и Г. Вилке (K o s s i n n a, Das Weichselland, Danzig, 1919, стр. 10; W i l k e, Mannus, IX, стр. 52).

Глава II

ПРАРОДИНА СЛАВЯН

Вопрос о прародине славян, то есть о территории, где сформировались славяне и где они обитали вплоть до своего разделения и переселения на новые земли, тесно связан с рассматривавшимся выше вопросом о происхождении славян. Прародина других индоевропейских народов, соседних славянам, могла быть определена без особого затруднения. Известно, что первоначальная территория германских племен включала Скандинавию, Данию и прилегающие к ней острова, а также прибрежную полосу между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой) и что эти племена заселили собственно Германию лишь в первом тысячелетии до н. э. [1] Литовцы, несомненно, почти полностью сохранили свою прародину на побережье Балтийского моря. Древние фракийцы жили, вероятно, гораздо севернее, чем обычно считают, на склонах Карпат, название которых, по Я. Розвадовскому, очевидно, фракийского происхождения (по-албански «karpe» — скала); повидимому, фракийские племена оставались там и в историческую эпоху.

Что же касается славян, то они, очевидно, довольно долгое время обитали где-то по соседству с этими народами. На это указывает их принадлежность к индоевропейской языковой семье сатем (см. выше, стр. 22), кроме того, соседство с фракийцами, особенно с северными (именовавшимися часто даками), и, наконец, тесная связь с литовцами в эпоху «литовско-славянского единства». С бассейнами каких рек связана прародина славян и каковы были ее границы — таковы первоочередные вопросы, стоящие перед исследователем древнейшей истории славян. Это тем более важно, что в зависимости от решения этих вопросов находятся наши представления как о самом начале истории славян, так и об их первоначальной культуре. Прародину славян разные исследователи определяют по-разному, и даже между наиболее выдающимися из них нет согласия по данному вопросу.

В то время как Я. Пейскер, историк и социолог, считает, что прародина славян находится в болотах у Рокитны (в бассейне Припяти), а Н. Ростафинский значительно расширяет ее границы к югу и востоку за счет обширных и плодородных областей, русский историк В. О. Ключевский ищет ее на Дунае; чешский же археолог И. Л. Пич, искавший ее сначала в Подунавье и Венгрии, в своих последних работах определяет ее между Эльбой и Вислой; наконец, два выдающихся славянских лингвиста Я. Розвадовский и А. А. Шахматов ищут прародину славян севернее, в долине Двины вплоть до озера Ильмень [2]. Я уже не говорю о разных «автохтонистских» теориях, которые помещают праславян на территории всей Центральной Европы, на восток от Роны и Рейна. Хотя эти теории научно совершенно не обоснованы, они тем не менее удерживаются до настоящего времени.

[1] Г. Коссина, профессор Берлинского университета, тщетно пытался доказать, что Польша и Украина в конце неолита были заселены германцами („Das Weichselland, ein uralter Heimatboden der Germanen", Danzig, 1919).

[2] См. мою статью „Nové theorie o pravlasti slovanské" в Чешском историческом журнале (XXI, 1915, I—II).

Однако оставим эти теории в стороне; я подробно изложил их в своих «Славянских древностях»[1], здесь они неуместны, ибо бесполезность их совершенно очевидна. Первый вопрос формулируется так: к северу или к югу от Карпат находилась прародина славян? По этому вопросу долгое время существовали две точки зрения: одни помещали ее на север, в древнюю Сарматию (отсюда и название этой теории «сарматская»), другие же искали ее на среднем и нижнем Дунае (отсюда название теории «дунайская»). Дунайская теория утратила свое былое значение, однако в прошлом столетии ее отстаивали многочисленные исследователи: А. Беловский, М. Погодин, Фр. Рачки, М. Дринов, Ив. Филевич, И. Пич, Дм. Самоквасов и В. Ключевский; еще и теперь она имеет своих сторонников и будет их иметь и в будущем, поэтому мы должны рассмотреть основные ее аргументы и сравнить их с аргументами, приводимыми в пользу северной прародины славян.

Главным доказательством являлась Киевская летопись, которую можно назвать «свидетельством о рождении» славян. Последнее содержится уже в начале летописи, в главе, названной «Се повести времяньных летъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити», в главе, которая была написана в XI веке, а частично уже в X [2] веке монахом Киево-Печерской лавры, использовавшим древние церковные летописи и византийские хроники [3]. Текст гласит:

«Спустя много времени [4] сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другии назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась „славянская“»[5].

Итак, по мнению автора, славяне жили когда-то на среднем Дунае и, выйдя оттуда, расселились по территории Чехии, Моравии, Германии, Польши и России. Эта точка зрения подтверждается в летописи еще дважды. В том же тексте имеется упоминание о том, что славяне были изгнаны со своих первоначальных земель влахами (волохами), и далее добавляется в части, посвященной св. апостолу Павлу, что «ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павел; ту бо беша словене первое» [6].

Эти три места из древнейшей славянской летописи являются, несомненно, важнейшим источником при изучении истории происхождения сла-

[1] Подробности см. в моих „Slov. star.“, II, стр. 71; III, стр. 32, и в приложении к этой книге.

[2] Редакция Киевской летописи в том виде, в каком она сохранилась до нас, датируется началом XII века.

[3] См. выше, стр. 19—20.

[4] После вавилонского столпотворения.

[5] Повесть временных лет, 1950, I, стр. 207.

[6] Там же, стр. 23 („Там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне“).

вян и свидетельствуют о том, какое представление об этом предмете имели сами славяне в X, XI и XII веках; они считали, что расселение различных славянских групп началось вблизи нижнего и среднего Дуная, в областях, которые назывались в то время «землями Булгар и Угров». Это представление было господствующим затем для большинства славянских историков и летописцев, в частности в Польше у Кадлубека, Богухвала и Длугоша, и сохранялось вплоть до конца XIX века. В их работах мы встречали лишь несущественные различия в деталях, касающихся точного определения границ этой прародины. Паннония часто называлась «mater et origo omnium sclavonicarum nationum» («матерью и началом всех славянских народов») или «prima et vetus Slavorum sedes parens et alumna» («первоначальная и древнейшая родина славян») [1]. Особая традиция сообщает о том, как предки чехов, поляков и русских вышли из Хорватии и Сербии под предводительством братьев Чеха, Леха и Руса. Доказано, что подобные традиции являются всего лишь вымыслами, возникшими в чешских и польских монастырях XII и XIII веков [2]. Однако, несмотря на это, русская летопись и в дальнейшем оставалась позитивной базой дунайской теории даже для самых авторитетных исследователей. Ее рассматривали как достоверную традицию, как подлинное воспоминание о землях, населенных предками славян, которое летописец записал по народному преданию. И даже Шафарик посвятил целую главу в своих «Древностях» доказательству достоверности этой традиции.

К сожалению, свидетельство Киевской летописи нельзя признать ни подлинным, ни правдивым. Это лишь часть той сети вымыслов, которую создал летописец, рассказывая об отходе славян от Вавилонской башни по дорогам через Малую Азию к Балканскому полуострову, который будто бы стал их первым местом жительства, их европейской прародиной. Отсюда отождествление древних иллирийцев со славянами, что мы и находим в летописи, отсюда также идея о их первом месте жительства на среднем Дунае, где в XII веке находились земли болгар и угров.

Утверждение русского летописца не основывается даже на народной традиции. Это чистые вымыслы, использованные летописцем, если только он сам не создал их или не воспринял от другого летописца, который был их создателем. Такой вывод вытекает не только из общей концепции летописца, из всецело библейского характера его исходных положений и из некоторых других сведений (так, например, мы узнаем, что духовенство южных славян создавало различные легенды с целью доказать древность славян в Хорватском королевстве), но и из всех фактических данных о древнейшей истории Подунавья и Балкан [3].

Эта история убеждает нас в том, что иллирийцы, фракийцы, паннонцы, сарматы, галлы и другие народы, жившие когда-то в этих местах, не имеют ничего общего со славянами, что их языки были совершенно отличны от славянского языка и что до христианской эры в этих местах нет никаких следов пребывания славян. В действительности же все фактические данные заставляют нас искать прародину славян в областях, откуда началась их миграция, а именно на север от Карпат, вдали от Дуная и от Балкан. Таков вывод, к которому нас неизбежно приводят все имеющиеся сведения.

[1] Хроника Богухвала („Monumenta Poloniae historica", II, стр. 468) и Длугоша („Historia polonica", I, initio).

[2] Эта традиция ведет начало от краковского епископа Богухвала.

[3] Например, легенда, согласно которой апостолы, в частности св. Павел, проповедовали в славянских землях евангелие, св. Иероним, умерший в 420 году, создал древнеславянскую письменность — глаголицу. См. „Киевская летопись" (указанное место), а также Письмо папы Иоанна X (914—928) [„quis enim ambigit Sclavinorum regna in primitiae (*sic*!). Apostolorum esse commemorata"] и Письмо папы Иннокентия IV от 1248 года: „in Sclavonia est litterata specialis quam illius terrae clerici se habere a beato Ieronimo asserentes".

История, как я уже говорил, не нашла ни малейших следов пребывания славян по нижнему и среднему течению Дуная в период до н. э. Название местностей, рек, гор и самих народов, а также памятники их письменности указывают нам на распространение в этих областях иных языков, каждый из которых так же близок к славянскому, как и к любому другому индоевропейскому языку. А ведь именно в ту эпоху, в которую мы тщетно ищем славян на Дунае, до Рима дошли уже первые сведения о славянах, сведения, в которых сообщается о большом народе, живущем по ту сторону Германии, на другом берегу Вислы, и именуемом венедами. То, что венеды должны рассматриваться как славяне, я докажу ниже [1]. А пока ограничимся тем, что допустим существование славян к северу от Карпат. Мы увидим вскоре, что оттуда они постепенно продвигались к югу, к Дунаю, наконец, перешли его, но нигде в истории мы не встретим описания миграции славян в обратном направлении, то есть с юга на север.

Киевской традиции, которая помещает прародину славян на юг от Карпат и которая представляется нам совершенно неправдоподобной, мы можем противопоставить два других исторических источника, более достоверных, подлинных и значительных, явно свидетельствующих в пользу северной прародины славян. Первый источник — свидетельство анонимного Равеннского космографа (1, 12): «Sexta ut hora noctis Scytharum est patria unde Sclavinorum exorta est prosapia». Речь идет о Скифии на северо-востоке Европы. Точно неизвестно, в каком веке жил автор этого свидетельства, но, несомненно, это было не позднее VII века; следовательно, он по времени жил ближе к событиям, связанным с началом переселения славян со своей прародины, нежели киевский летописец XII века.

Второе свидетельство содержится в кратком описании славянских народов, также анонимном, написанном, вероятнее всего, в IX веке славянским монахом одного из баварских монастырей. Этот Баварский аноним (Anonymus Bavarus), как его называют, включает в число народов к северу от Дуная (такая локализация подтверждается самим названием его списка) народ, названный «Zeruiani, quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclauorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant» [2]. Правда, мы не знаем, какой народ имеет в виду Баварский аноним под названием Zeruiani, не является ли оно искаженным названием сарматов или сербов и не идет ли здесь речь о названии северян позднейшей Руси; во всяком случае, здесь говорится о народе, который жил к северу от Дуная и от Карпат, где-то в глубине древней Сарматии. Итак, это и есть место происхождения всех славян, определенное народной традицией IX века, традицией подлинной и ни в коем случае не вымышленной, так как ее сохранял сам народ («sicut affirmant»).

К этим двум свидетельствам можем добавить и третье: само представление историков VI века, согласно которому в то время, когда начали намечаться места жительства и переселения славян, они имели свою прародину где-то к северу от Дуная. Нет ни одного сообщения, которое свидетельствовало бы об обратном. Итак, очевидно, что в эпоху, когда славяне стали известны в Европе, весь мир считал их народом северного происхождения.

Лингвистические доводы, приводимые иногда сторонниками дунайской теории с целью защитить свою точку зрения, не имеют решающего значения. Сторонники этой теории ссылаются на распространенность названия Дунай [3]

[1] См. следующую главу, стр. 36—38.

[2] Ср. Шафарик, Slov. star., II, 711. Название сообщения гласит: „Описание общин и областей к северу от Дуная“ („Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii“) Летопись, открытая Гормайером, хранится в Мюнхенской библиотеке.

[3] Название *Дунай* — чуждого, неславянского происхождения. Предполагают, что славяне приняли кельтское название (ср. лат. *Danuvius*, *Danubius*, греч. Δάνουβις и т. д.), которое было передано им германцами (гот. *Donavis*, *Donavia*). Древнеславянская форма *Дунавъ*, позднее *Дунай*.

в песнях и в топонимике славянских народов, а именно тех народов, вся история которых протекала вдали от этой реки; однако если принять во внимание те отношения, которые должны были всегда связывать поляков и русских с Подунавьем (чехи и словаки всегда были очень близки к нему), то нельзя признать эти доказательства в пользу дунайской прародины славян справедливыми и решающими. Наоборот, если для решения вопроса обратиться к исследованию всех индоевропейских языков и их взаимосвязей, то славянский язык был тесно связан, с одной стороны, с фракийским (дакийским), иранским и германским языками, а с другой стороны, с литовским и финским языками. Вряд ли можно найти более подходящую территорию, где могли бы развиваться эти разносторонние связи, чем область в районе Закарпатья. Сам характер этой области более чем что бы то ни было другое соответствует названиям флоры и фауны, сохранившимся в древнеславянском словаре [1]. Напомним, кстати, выводы антропологии по вопросу о первоначальном физическом типе славян (см. стр. 25), заключения, правда, пока еще очень неопределенные, к которым пришли археологи на основании добытых ими материалов, и разобранная выше гипотеза предстанет в еще более достоверном виде. Таковы доводы, которые, я полагаю, дают нам право отнести прародину славян на север от Карпат. Нам остается определить ее размеры и наметить, насколько возможно, ее границы. Как я уже говорил (см. выше, стр. 28), сторонники северной прародины определяют ее местонахождение довольно различно: то на восток, то на запад от Вислы, и даже в низовьях Немана и Двины, вплоть до побережья озера Ильмень. Это вызвано тем, что решение этой проблемы является действительно делом трудным.

Приступая к определению области, в которой жили славяне до своего расселения, то есть около начала нашей эры, можно прежде всего считать установленным, что славяне долгое время не переходили Карпатские горы. Я не стану отрицать, что отдельные группы славян могли проникать через главные Карпатские перевалы, в частности через Яблоновский и Ужоцкий, вплоть до нынешней Словакии.

Однако народ в целом все еще оставался на территории к северу от самих гор и, естественно, от галицийских лесов, окружавших эти горы. Необходимо напомнить, что как древняя карпатская топонимика, так и исторические названия главных карпатских горных цепей (Карпаты, Татра, Фатра, Матра, Магура, Бескид) чужды славянскому языку. Однако Подолье и Волынь должны были быть славянскими уже в эпоху Геродота, судя по его сообщениям о жителях этих областей, которых он называет неврами (Νευροί) (IV, 100—118) и славянское происхождение которых вполне очевидно [2].

Трудно определить, шла ли западная граница славянской прародины по Эльбе или по Висле. Определение этой границы зависит от того, удастся ли археологам выяснить этническую принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа, упоминавшихся выше (на стр. 26). Если удастся доказать славянскую принадлежность полей погребений, то старая граница прародины славян конца второго тысячелетия до н. э. продвинется до Эльбы и Заале, если же не удастся доказать это, то граница останется в области Вислы. Такова точка зрения, которую я принимаю в настоящее время. Ее подтверждает еще один лингвистический довод. Славянам было вначале неизвестно слово бук (Fagus silvatica), так как, будучи в семье индоевропейских народов, они относились к большой группе, жившей за восточной гра-

[1] См. труды Шулька (Pogled iz biljarstva u praviek Slavena, Rad XXXIX, 1887) и Ястафинского (O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian, Sprawozdania Krakowské Akademie, II, 1908, III).

[2] См. соответствующий комментарий в моих „Славянских древностях", I, стр. 266 и сл.

ницей распространения этого дерева, то есть восточнее приблизительной ли нии Кенигсберг (Калининград) — Кременец — Одесса [1]. Однако они узнал это дерево еще в эпоху своего единства, так как приняли германское назв ние (Buche), из чего можно заключить, что они достигли Вислы уже в времена до нашей эры. Перешли ли они тогда же эту реку и достигли л Эльбы — таков вопрос, на который, как мы видели, должна ответить архе логия.

Однако здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Если удаст доказать славянское происхождение полей погребений, относящихся ц ликом к первому тысячелетию до н. э., то надо будет предположить, что сл вяне, проникнув за Эльбу, были вытеснены во второй половине этого тыс челетия отчасти кельтами, двигавшимися с запада, а затем германцами севера, так что Висла опять стала их западной границей и оставалась в вплоть до начала великого славянского переселения. Все древние авто сходятся во мнении, что Висла является границей Германии и Сарматии и нет никаких причин предполагать, что это их мнение не имеет реально основания.

В равной степени не ясна и восточная граница. Известно, что Поволж было некогда областью распространения угро-финских народов и что з земли когда-то простирались на запад, включая полностью районы Угр Оки, а возможно, и Дона. Лишь область Днепра относилась к славянск прародине. Название этой реки, безусловно, неславянского происхожд ния [3], древнее название Борисфен можно лишь с трудом вывести из древн славянского «берстъ», русского «берест» [4]. Однако имеются иные доказател ства, побуждающие нас включить средний Днепр в число славянских ре Принимая во внимание то, что в VI веке н. э. территория севернее Азовско моря, или точнее Подонье, была уже истинным средоточием славян (Пр копий, IV, 4, говорит о «бесчисленных племенах антов»: ἔθνη ἄμετρα τ Ἀντῶν), мы, несомненно, имеем право присоединить начиная с наш эры к первоначальным землям славян среднее течение Днепра, а одновр менно и его притоки Березину и Десну [5], названия которых, бесспорно, сл вянские.

Полагаю далее, что будинов Геродота (Βουδῖνοι, IV, 21, 102, 108), вероятн можно считать славянами. Места их жительства были где-то на Десне и близлежащих к ней районах Подонья[6]. Скифы-земледельцы, живущие меж

[1] По мнению Брюкнера, выдающегося польского филолога, первым всеобщим з званием бука было grabъ, grabrъ („Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung", XL 193). Было бы неверно, однако, если бы славян удаляли от Вислы на этом основан да и сама теория Брюкнера, я полагаю, несколько натянута. Прародина славян не зна также слова *тис* (tisъ, Taxus baccata), дерева, распространение которого относится ли к западной части определяемой территории.

[2] Прежде всего M. Vips. Agrippa (Plin., IV, 81, 97, Dimens. prov., 19); зат Pomp. Mela, III, 1, 82; III, 3, 25; Ptolem., II, 11, 1, 4, 8, 10, III, 1, 8; Marc., II, 36—38. Название Вислы считалось либо славянского происхождения (Добровский, Кр Ануш, Кавчинский, А. Погодин), либо славяно-германского (Фирлингер, Шрадер), ли германского (Фёрстеман, Будилович), либо, наконец, галльского. Последнюю точку з ния разделяли выдающиеся современные филологи (Розвадовский, Шахматов, Фасм Буга, Бремер). Однако мы не можем не обратить внимание на то, что подобные и очень близкие названия широко распространены в славянской топонимике. Тут встречаем не только Вислоку, Вислок (приток Вислы) в Галиции, но и Вислицу, Висл Вислувку в Польше, Свислочь в Белоруссии и Виславу (Wiszló) в Венгрии. Прибав что русский филолог А. Соболевский относит даже связи славян с саксами к эпохе с вянского единства.

[3] Предполагается, что оно скифо-сарматского происхождения (oset. *dan* — „вод (См. Л. Нидерле, Starověké zprávy o zemích východní Evropy, Praha, 1899, стр. 5 А. Соболевский, Archiv für slavische Philologie, 1905, стр. 240.)

[4] Слав. *берстъ*, „jilm" (L. Niderle, Starověké zpravy, стр. 70, 84); см. похо название Днепровского притока Березины, образование от *береза* („bříza").

[5] См. Vasmer, Rocznik slawistyczny, IV, стр. 164; V, стр. 138; VI, стр. 177

[6] См. дальше, стр. 36.

Бугом и Днепром (Herodot, IV, 17, 18, 53, 54) над порогами и ведущие совершенно иной образ жизни по сравнению с подлинными скифами-кочевниками, не могли быть не кем иным, кроме как предками восточных славян. В то время к Черному морю славяне проникали лишь как торговцы. Этим и объясняется древнеславянское слово «корабль», взятое из греческого καράβιον,— слово, которое славяне заимствовали еще до нашей эры.

На севере долины Немана и Двины были сначала литовскими; полоса бесчисленных озер и болот, тянувшаяся между Пруссией и Мазовией и дальше между притоками Нарева и Припяти, представляла естественную границу, которую позднее славяне лишь частично перешли [1]. Литовская территория простиралась ранее даже на северо-восток, к верхнему течению Днепра, где и отделяла славян от западных и восточных финнов.

В какую же эпоху славяне проникли вплоть до Немана и верхнего Днепра? Известно, что в IX веке н. э. славяне прочно заселяли берега озера Ильмень и даже берега Невы и Ладожского озера; но это было в эпоху, очень отдаленную от времени существования их общей прародины и славянского единства. А. Соболевский, выдающийся русский филолог, предполагает, что сюда славяне проникли уже довольно рано, до распада языкового единства, и основывается при этом на древнеславянских формах названий *Немънъ*, лит. *Nemunas* и *Seregërъ*, или *Seližarъ* (Селигер — название озера около Остащкова); однако его выводы вызвали возражения [2]. Вопрос остается открытым, я же сам скорее склонился бы к отрицательному решению. По моему мнению, едва ли возможно искать северную границу славян за городом Смоленском.

Из всего сказанного вытекает, что территория, населенная славянами до их расселения, простиралась между Эльбой и средним Поднепровьем (с Десной, Припятью и Березиной), однако в эту территорию не следует включать западную часть, расположенную между Эльбой и Вислой, пока не будет доказана славянская принадлежность полей погребений в этой области, если она вообще будет когда-либо доказана. Итак, славяне во время своего этнического и языкового единства жили на территории современной восточной Польши, южной части Белоруссии (в районе среднего течения Березины, а также по течению Сожа и Ипути), в северной части Украины, Подолии, Волыни и Киевщины с Десной [3]. Подобное размещение общеславянских мест поселения наилучшим образом согласуется с данными древних источников (Равенского и Баварского анонимов), а также со сведениями, относящимися к I—IV векам н. э., о большом народе венедов. Равным образом доказывает нам это и изучение взаимосвязи между древнеславянским, древнеиранским, литовским и западно-финским языками. Здесь мы также встречаем природу, флора и фауна которой соответствуют тому, что нам сохранил древнеславянский словарный фонд о фауне и флоре славянской прародины. В этом отношении моя точка зрения полностью совпадает с точкой зрения Ростафинского, однако я не согласен с Пейскером, который проводит границу прародины славян только по Припятьским болотам [4].

Еще один вопрос представляет определенную трудность — вопрос о названиях водных путей. Естественно было бы ожидать, что эти названия в областях, долгое время заселенных славянами, будут исключительно сла-

[1] А. А. Кочубинский, Территория доисторической Литвы, ЖМНП, 1897, I, стр. 60.

[2] А. Соболевский, Лингвистические и археологические наблюдения, Варшава, 1910; см. также возражения ему А. Погодина, „Изв. отд. русск. яз. и слов.“, 1905, X, 3, стр. 11.

[3] Самого культурного единства никогда не существовало. Население Повисленья было всегда под влиянием иных культур, чем население Поднепровья, а культура западных славян была всегда отлична от культуры славян восточных.

[4] Впрочем, этот исследователь сам допускает распространение славян уже в доисторическую эпоху и вне Припятьской области.

вянскими. Однако наиболее выдающиеся филологи постоянно подкреп ляют все новыми доказательствами утверждения, что названия водных путе в древней Польше большей частью неславянского происхождения, напри мер Висла, Виар, Нида, Раба, Ропа, Сан, Мень, Мрога, Брда, Одра, Особ лога, Лабунька, Вда, Сола, Орава, Морава, Видава и т. д. Два славянски исследователя, Ян Розвадовский (Краков) и Александр Шахматов (Петро град), в особенности защищали эту точку зрения; они рассматривали бо́ль шую часть этих названий как галльские. На этом основании они относил прародину славян за область нижнего Немана, в район Двины и на берег озера Ильмень; однако и здесь, к сожалению, не были обнаружены назва ния древнеславянского происхождения. Шахматов считал, что на Припят и Двине жили финны, а в восточной части Повисленья — галло-венеды [1], сла вяне же якобы поселились здесь лишь в III веке н. э.

Так как все эти различные точки зрения представлены филологами равной мере известными, то решить проблему очень трудно. Тем не мене решение должно быть найдено. В одинаковой мере нельзя допустить ка кельтскую, так и финскую принадлежность вышеназванных областей, ка это утверждает Шахматов, так же как нельзя полностью исключить наличи там славян. Такой путь мог бы привести к абсурдному выводу, что в Европ вообще не существует области, которую можно было бы считать славянско прародиной [2], так как нет области, где бы географическая терминологи была чисто славянской. Пришлось бы исключить славян из числа обита телей древней Европы, предположив, что они появились здесь лишь не сколькими столетиями позднее, уже в нашей эре, что, однако, невозможн с исторической точки зрения. Если бы был доказан кельтский характе висленской терминологии — напоминаю, что выводы Шахматова встретил резкий отпор со стороны некоторых выдающихся славянских филологов [3],— то и тогда следовало бы принять во внимание древнее заселение этих земел протокельтами или другими индоевропейцами в течение первого периода и развития до поселения там праславян. Однако это не исключало бы того что славяне заняли эту территорию после распада индоевропейского единств и поселились здесь в течение второго и первого тысячелетий до н. э. Мы ище территорию славян именно в период распада индоевропейского единства, а не ту область древней индоевропейской территории, где славянство зарож далось. Теория Шахматова, если бы она была обоснована, доказывала бы лишь то, что в определенную эпоху эта территория была заселена такж кельтами, а отнюдь не то, что мы должны отказаться от поисков славянско прародины в этой области, когда есть причины, побуждающие нас к этому Стоит лишь вспомнить о том, что, например, для славянизации терминоло гии восточной Германии оказалось достаточно лишь нескольких столетий

Характер областей, где мы ищем прародину славян, хорошо известе географам. Это земли, средняя часть которых (Припятьский бассейн) еще поныне покрыта бесчисленным количеством стоячих и проточных вод бесконечными сосновыми, буковыми, березовыми лесами, ольшанником

[1] А. Шахматов, Изв. отд. русск. яз. и слов, 1911, стр. 707; „Archiv für slavisch Philologie", 1911, стр. 51; J. Rozwadowski, Spravozdania Krakovské akademie, 1901 XI, 1906, III; Almae matri Jagiellonicae, Львов, 1900, стр. 107. Однако в самой последне своей статье Розвадовский высказывается довольно осторожно и отказывается от теори кельтской принадлежности венедов („Rocznik slawistyczny", VI, стр. 39, 269), но поддер живает ту точку зрения, что до нашей эры славяне жили не между Вислой и Днепром а севернее Немана.

[2] См. мою статью „Nové theorie o pravlasti slovanské" в „Чешском историческом журнале" („Ceský časopis historicky", XXI, 1915, I — II).

[3] См. критику К. Буги и М. Фасмера („Rocznic slawistyczny", VI, стр. 1—28, 179) Эти авторы совсем отвергали галльский характер приведенных названий (кроме назва ния Вислы) и обозначали их как индоевропейские. Наконец, А. Шахматов сам призна незадолго до смерти „слабость и неудовлетворительность" своих несчастных кельтски теорий (A. Meillet, Revue des Études slaves, I, 1921, стр. 190, примечание 1).

нзняком. Климат здесь суровый, в котором могут жить только охотники и рыболовы. К тому же эти условия два-три тысячелетия тому назад были много хуже, тогда как в настоящее время они значительно улучшены [1]. Наиболее плодородные области, пригодные для земледелия, находились лишь на окраинах этой территории, то есть на востоке и на юго-востоке.

Народ, живущий на этих землях, должен был много трудиться, чтобы превратить болота и леса в обработанную землю. Именно эти условия способствовали развитию общественных отношений, основанных на совместном труде больших семей и на социальном равенстве. Это способствовало развитию демократии, не допускавшей концентрации политической и экономической власти в руках отдельных лиц. Еще одно обстоятельство заслуживает внимания: по всем вышеуказанным причинам этот народ долгие столетия жил в относительном покое, вне бурь, которые либо угрожали старому свету, либо потрясли его, но также и вне областей великих цивилизаций древности. Земли славян всегда были очень плохо известны грекам и римлянам. Славяне долго жили «дома» и «для себя», в стороне от чужих влияний, и потому могли превратиться в большой народ [«самый многолюдный народ» — «μέγιστον ἔθνος», говорит о них Птолемей], что не привлекали к себе особого внимания.

Такова была прародина славян, таковы были первоначальные условия их существования.

[1] До 1900 года здесь было осушено для земледелия 7 832 000 *га;* 328 000 *га* были превращены в луга, таким образом, осталось только 2 644 000 *га* болот.

Глава III

ПЕРВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНАХ И НАИМЕНОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ

Первые исторические сведения о славянах появляются относительно поздно; до нашей эры о них нет ни одного достоверного упоминания.

Однако славяне, как мы только что видели, издавна обитали в Центральной и Восточной Европе и претерпели здесь, несомненно, немало различных изменений под влиянием событий, происшедших до нашей эры и до эпохи их расселения. Однако история не сообщает нам ничего, что бы относилось непосредственно к славянам. Мы можем делать лишь косвенные предположения, что в эпоху, когда различные группы, составившие впоследствии целые племена, обитали еще совместно на общей территории, на судьбы славянства должны были оказать влияние некоторые значительные исторические события.

Так, можно предположить, что в VIII и VII веках до н. э. славяне завязали сношения с иранскими скифами, которые проникли тогда из Азии в степные южно-русские области [1]. Я не колеблясь утверждаю, что среди упомянутых Геродотом северных соседей скифов не только невры на Волыни и Киевщине, но, вероятно, и будины, обитавшие между Днепром и Доном, и даже скифы, именуемые и пахарями, и земледельцами (Σκύθαι ἀροτῆρες, γεωργοί) и помещенные Геродотом [2] к северу от собственно степных областей между верхним Бугом и средним Днепром, были, несомненно, славянами, которые испытывали влияние греко-скифской культуры, свидетельством чего являются многочисленные курганы Киевской и Полтавской областей.

С другой стороны, из сообщения Геродота о походе Дария в Скифию в 513—512 (или 507—505) годы до н. э. нам известно, что Дарий проник также в области, заселенные славянами (неврами), и вынудил их отойти к северу [3]. Кроме того, определенные лингвистические данные, а именно довольно значительное число кельтских названий в топонимике рек в Прикарпатье, кельтские названия городов, указанные Птолемеем (Καρρόδουνον, Οὐιβανταυάριον, Μαιτώνιον, Ἔρακτον), и, наконец, несколько названий племен (Ὄμβρωνες, Τευρίσκοι, Ἄναρτοι, Βριτολάγαι), свидетельствуют о том, что земли славян в Прикарпатье подверглись, по крайней мере частично, вторжению галлов, которые в III и II веках до н. э. достигли побережья Черного моря, что доказывают Γαλάται декрета Протогена в Ольвии. Нашествие галлов было вызвано, несомненно, давлением германцев, двигавшихся с севера в центральную Германию, но каковы были судьба и продолжительность этого нашествия, остается до сего времени совершенно неизвестным. Считать этих галльских завоевателей венедами, упоминаемыми на Висле более поздними историческими источниками, представляется мне невозможным по причинам, изложенным ниже [4].

Я полагаю также, что германские племена бастарнов и скиров, поки-

[1] Подробности см. в „Slov. star.", I, 221, а также в наст. книге, стр. 129 и сл.
[2] Herod., IV, 17—18 и 53—54.
[3] Там же, IV, 83—98 и 118—143.
[4] См. ниже, стр. 39.

нувшие побережье Балтийского моря и обитавшие с III века до н. э. на побережье Черного моря, проникли через территорию, заселенную славянами, примерно так же, как это делали готы в III веке н. э. Это произошло в период между смертью Геродота, который ничего не знал о них, и 240—230 годами, когда бастарны упоминаются на Дунае (28. Пролог истории Трога Помпея), то есть между серединой V и серединой III века.

Таковы наиболее значительные и достойные упоминания исторические события, коснувшиеся славян еще до начала нашей эры.

Еще одна гипотеза, однако, заслуживает особого упоминания, так как ее выводам придается большое значение при изучении основ славянской истории. Я имею в виду точку зрения Пейскера, согласно которой славянский народ еще задолго до нашей эры и вплоть до XI века н. э. находился в подчинении у различных завоевателей, то у германцев, то у тюрко-татар, и находился в постоянном и жестоком рабстве, что якобы определило его характер и придало особые черты дальнейшей его жизни и развитию [1]. Здесь я не могу подробно показать, почему эта гипотеза лишена серьезного основания, как некоторые незначительные и непомерно раздутые факты приводят автора к недопустимым заключениям; по этому вопросу я отсылаю читателя к своему труду «Život starých Slovanů» [2]. Здесь приведу лишь несколько данных, необходимых для ориентировки в этом вопросе.

Проф. Пейскер в основном строит свою теорию всего лишь на нескольких старославянских словах, относящихся к славянской культуре. Эти слова, заимствованные частично из германских, частично из тюрко-татарских языков, доказывают, по его мнению, что славяне в то время, пока они жили на своей общей прародине в бассейне Припяти, были подчинены то германцам, то тюрко-татарам. Такими словами являются: *млеко*, *скотъ* и *нута* (скот), с одной стороны, и, с другой стороны, *быкъ*, *вол*, *коза* и *тваргъ*. Из факта заимствования указанных слов вытекает якобы, что славянам было запрещено скотоводство и что они говорили о скоте и о молочных продуктах лишь как о привилегированной собственности своих германских или тюрко-татарских властителей. К выводу о жестоком рабстве славян Пейскер приходит на основании поздних известий о нападении тюрко-татар на славян, известий, согласно которым на Руси не было ни лошадей, ни рогатого скота [3].

Однако, возражая Пейскеру, я уже кратко указал ранее, что предпосылки, положенные в основу его гипотезы, в большинстве своем несостоятельны во всех отношениях. Согласно целому ряду других исторических и археологических свидетельств, славяне издавна самостоятельно занимались скотоводством и имели связанную с ним собственную богатую терминологию. Немногочисленные заимствованные слова, приводимые Пейскером как действительно иноязычные [4], подтверждают лишь то, что известно из истории, а именно, что славяне издавна жили в южной России по соседству с тюрко-татарами и были с ними тесно связаны. История вновь показывает

[1] Чешский исследователь Я. Пейскер изложил свои взгляды в нескольких работах, например: „Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen“ (Berlin, 1905); „Neue Grundlagen der slavischen Altertumskunde; Vorbericht“ (Stuttgart, 1914); „The expansion of Slavs“ (reprinted from the Cambridge Medieval History, II, 1914). См. критическое резюме, опубликованное мной в „Архиве славянской филологии“ (1909, стр. 569) под названием „J. Peiskers neue Grundlagen der sl. Altertumskunde“ и в „Revue des Études slaves“ (II, 1922, стр. 19—37) под названием „Des théories nouvelles de J. Peisker sur les anciens Slaves“, а также статью J. Janka, O stycích starých Slovanů s Turkotatary a Germány hlediska jazykozpytného, опубликованную в „Вестнике чешской академии“ (XVII, 1908, стр. 101) и в журнале „Wörter und Sachen“ (1, стр. 109).

[2] См. „Život st. Slov.“, I, стр. 162; III, стр. 135, 146 и сл., и статьи, цитированные в предыдущем примечании.

[3] Const. Porphyr., De adm. imp., 2.

[4] Со стороны лингвистов было довольно много возражений, особенно против предположения, что термины *млеко* и *тваргъ* заимствованы. Профессор славянской филологии В. Ягич считает их славянскими (см. труд Й. Янка, цитируемый выше).

нам, что впоследствии в течение короткого времени славянские племена пережили одно за другим вторжения гуннов, аваров, печенегов, половцев и болгар. Но из этого никоим образом не следует, что «все славяне начиная с эпохи своего единства находились в рабстве то у германцев, то у татар». Если бы доводы Пейскера и были справедливы, то и в этом случае нельзя было бы делать подобные заключения. Можно, правда, допустить, что связи славян с тюрко-татарами завязались еще до прихода аваров, а именно еще в эпоху неолита, когда за несколько тысячелетий до н. э. смуглые брахицефалы, вышедшие из Средней Азии, наводнили Европу. Однако в ту эпоху не было еще славян: праиндоевропейский народ только формировался где-то в Центральной Европе, и славяне, не выделившиеся еще из его массы, не могли почувствовать последствия этого вторжения сильнее, чем остальная часть этой массы.

Итак, у нас нет доказательств жестокого рабства славян под германским и татарским игом ни для древнейшего периода их истории, ни для более поздних времен. Подобное рабство никогда и нигде не существовало, кроме как в воображении Пейскера, принижающего славянскую первобытность. Поэтому мы должны решительно отвергнуть его толкование начала истории славян и принять во внимание лишь те события, о которых мы упоминали в начале этой главы.

Первые достоверные известия о славянах относятся к I и II векам н. э. Славяне появляются в них под наименованием венедов (Venedi, Venadi, Veneti, Οὐενέδαι). К этим сообщениям относятся сообщения Плиния (Nat. Hist., IV, 97; его труд написан около 77 года): «quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris (corr.) tradunt»;

Тацита (Tac., Germ., 46, написана в 98 году): «hic Suebiae finis. Peucinorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito... Veneti multum ex moribus traxerunt: nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium errigitur, latrociniis pererrant, hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt, et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent; quae omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus»;

Птолемея (умер около 178 года, Geogr., III, 5, 7): «κατέχει δὲ τὴν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα· οἵ δὲ Οὐενέδαι παρ' ὅλον τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον καὶ ὑπὲρ τῆν Δακίαν Πευκῖνοί τε καὶ Βαστέρναι»; Geogr. III, 5, 8: «παρὰ τὸν Οὐιστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες»; Geogr., III, 56: «τὰ Οὐενεδικὰ ὄρη».

К этим свидетельствам следует прибавить еще и другие, несколько более поздние: во-первых, это надписи на Пейтингеровой карте, которая относится, по моему мнению, к концу III века и на которой дважды упоминаются венеды-сарматы, один раз в Дакии, другой раз между Дунаем и Днестром; во-вторых, это греческий список различных народов, составленный приблизительно в начале III века (Διαμερίσμου τῆς γῆς ἀποσπασμάτιον), в котором встречаются названия Βαρδουλοί, Κουαδροί, Βεριδοί, что, очевидно, является искажением слов Βανδουλοί и Βενιδοί. И, наконец, это свидетельство Марциана в его «Перипле» (около 400 года), где опять встречается название Οὐενδικὸς κόλπος (II, 38, 39, 40), имеющееся у Птолемея. В этих первоисточниках венеды-славяне представлены как многочисленный народ (μέγιστον ἔθνος), расселившийся за Вислой между Балтийским морем (Венедский залив), Карпатами (Венедские горы) и землями *певкинов* и *феннов*.

Такими представляются нам славяне в первые века нашей эры. Более ранних свидетельств у нас нет. Из всех известий, привлеченных с целью возвеличить древнейшее историческое прошлое славян, только два можно считать в известной мере правдоподобными.

Прежде всего это заметки Корнелия Непота (94—24), в которых говорится об индах, занесенных бурей из «Индийского моря» (indica aequora)

к берегам «Северного моря», где король батавов захватил их в плен и преподнес в дар в 58 году проконсулу А. Метеллу Целеру [1]. Затем это ряд древних преданий, согласно которым янтарь происходил из земли генетов или енетов, расположенной у устья реки, называемой Ериданос, позднее отождествленной с рекою По [2].

Наименования *Indi* и *indica aequora* (инды и Индийское море) не могут относиться к Индии, так как бурей не могло отнести корабль из Индии к побережью Германии. Очевидно, здесь речь идет не об индах, а о другом народе с похожим наименованием, в частности о «венедах» римских авторов или о «виндах» (*Vindy*) — по-немецки *Wenden*. Что же касается легенды о происхождении янтаря, то тут следует вспомнить, что в землях итальянских «венетов» это редкое вещество не встречалось, тогда как именно Прибалтика когда-то поставляла средиземноморским странам огромное количество янтаря и торговля между ними имела место уже в течение второго тысячелетия до н. э. Можно также допустить, что традиционное представление о наличии янтаря в северной Италии (исторической Венеции) появилось в результате того, что смешивали балтийских венедов с итальянскими венетами, которые были, конечно, более известны историкам, чем первые. Однако следует признать, что подобное объяснение этих двух древних свидетельств может быть по праву отвергнуто.

Балтийские венеды были, безусловно, славянами. Имеется несколько доказательств этого. Во-первых, их места обитания в I—II веках н. э. совпадают с местами обитания славян в VI веке. Распространение славян было совсем незначительно в период переселения народов. Во-вторых — и это очень важный довод,— наименование венедов, вендов [3] сохранялось в немецком языке (*Wenden*, *Winden*) в течение всей исторической эпохи, вплоть до новейшей, как общее наименование славян. Старые деревни, которые их немецкие соседи хотели отличить от одноименных немецких деревень, обозначались в отличие от них *windisch* или *wendisch*. Наконец, Иордану, историку VI века, первым давшему очерк начала истории славян, известно, что наименования «венд», «венед» и «славянин» употреблялись для обозначения одного и того же народа; он употребляет эти названия попеременно [4], из чего можно заключить, что в VI веке признавалось тождество славян с венедами.

Приведенные доказательства одновременно опровергают как точку зрения Тацита, который колебался, отнести ли венедов к сарматам или к германцам, и остановился, наконец, на их германском происхождении, так и археологические гипотезы Р. Муха, по мнению которого венеды были иллирийской народностью, а также последние гипотезы Шахматова и Пейскера, считающих венедов кельтами на основании якобы кельтской терминологии водных путей на территории прародины венедов [5]. Если бы эта номенклатура была действительно кельтского происхождения (а в этом можно сомневаться, по крайней мере по отношению к части этих названий), то это доказывало бы нам лишь то, что кельты когда-то проникли в эти края, очевидно, под напором германцев, продвигавшихся с севера в Германию [6]. Однако это никоим образом не является доказательством того, что венеды I—VII веков н. э. были кельтами. Самое большее, что можно

[1] См. Pomp. Mela, III, 5, 45. Ср. Plin., II, 170.

[2] Эту легенду знали уже Геродот (III, 115) и Гесиод („Hes. fragm.", ed. Marckscheffel, 355), Skylax (c. 19), Skymnos (v. 188). См. также Berger, Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen (I, стр. 29).

[3] Форма „*венд*" (*vend*) была, вероятно, первоначальной формой: распространенная форма „*венед*" (*vened*) возникла в греческой и римской литературе, повидимому, под влиянием хорошо известных названий адриатических венетов.

[4] Iord., Get., V, 34, XXIII, 119.

[5] См. критику этих теорий М. Фасмера и К. Буги (M. Vasmera a K. Bugy, Rocznik slawistyczny, IV, 3, стр. 189).

[6] См. выше, стр. 32.

допустить, это то, что если венеды и были кельтского происхождения, то их славянизация произошла задолго до I века н. э. Что же касается моей точки зрения, то я не сомневаюсь в том, что венеды Плиния, Тацита и Птолемея так же как венеды Иордана, Прокопия и более поздних историков, всегда были славянами. Их наименование — венды, венеды — не было собственно славянским, а являлось, очевидно, названием чуждого происхождения, которое дали славянам их соседи. Значительная распространенность названий с основой *vind* или *vend* на землях, заселенных когда-то кельтами, дает основание предположить, что эти названия кельтского происхождения [1].

Наконец, у этого многочисленного народа, населявшего в первые века нашей эры обширные земли между Вислой, Балтийским морем, Карпатами и Днепром и Десной, было в ту эпоху свое собственное местное название «славяне». Можно догадываться также о существовании еще более древнего названия *серб* (множественное число *серби*). Эта догадка, между прочим основана на неясном комментарии Прокопия, писавшего о славянах и антах [2]: „Σπόρους γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφωτέρους ἐκάλουν ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσιν".

К сообщению Прокопия можно присоединить традицию, сохранившуюся у анонимного Баварского географа IX века: «Zeruiani (речь идет о прикарпатском народе), quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant» [3]. Очевидно, существовало название, близкое греческому Σπόροι (которое является, вероятно, сокращением Βοσπόροι — названия известного царства на побережье Азовского моря), однако считать, что здесь речь идет о сербах, нельзя, так как для этого слишком мало оснований. Предки исторических сербов никогда не жили за Азовским морем. Слово «сербы» (*serbi*) нигде не засвидетельствовано как общее название всех славян, и форма «*сорб*», которая якобы была исходной формой греческого слова Σπόροι, в древних источниках о восточных сербах не встречается [4].

Нам осталось еще рассмотреть только одно общее подлинное и древнее наименование, а именно наименование *словяне*, *словене* (форма множ. числа; в единственном числе — *словенин*). Это название встречается в истории впервые в начале VI века у Псевдо-Цезаря Назианского [5], затем около 550 года неоднократно у Прокопия и Иордана и, наконец, у более поздних историков. Не лишено вероятия утверждение, что это наименование встречается также у Птолемея в перечне племен Сарматии. Название Σουοβηνοι (Geogr., VI, 14, 9), употребляемое автором, действительно очень близко славянской форме *словене*, и можно предположить, что Птолемей заимствовал его из какого-то источника, даже не зная, разумеется, что это был за народ и каково было его отношение к венедам, живущим на западе Сарматии [6].

[1] Так, например, Vindana, Vindalum, Vindonissa, Vindeleia, Vendovera, Vindobriga Pennovindos, Vindobala, Vindolana, Vindomova, Vindogladia, Vindogara в Галлии и Британии; Vindelici, Vindonianus vicus, Vindobona, Magiovindus, Vendidora и т. п. в восточно-альпийских землях. Ср. d'Arbois de Jubainville, „Les premiers habitants de l'Europe", II стр. 264, 294. Этимология слов *венд, винд* неясна (vindos — „белый"?). Остальные возможные толкования этого слова см. в „Slov. star.", I, стр. 201. Существует также славянская этимология. Первольф находит тут же корень *vent* — «великий», старославянская форма сравнительной степени „vętšij",— „больший".

[2] Procop., B. G., III, 14.

[3] См. выше, стр. 30.

[4] Она появляется лишь в источниках VIII века („Slov. star.", II, стр. 487; III, стр. 114 и только для обозначения полабских сербов (*sorabi* в анналах Эйнхарда, 782, 806, 822 и *surbi* в анналах Фредегара, IV, 68).

[5] Dialogi, 110 (Migne, Patrologia graeca, 38, 847). Ср. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, II, 347, 367.

[6] Более древних упоминаний нет. А. Погодин считал достойным внимания в этом отношении два имени собственных — Stlabonius Fuscinus („Corpus inscr. lat.", III, 4150 и M. Slavus Putiolanus (там же, III, добавление, стр. 1958); оба весьма сомнительны.

Объясняя этимологию слова «словене», Фр. Миклошич высказал предположение, что оно употреблялось сначала для обозначения лишь тех славян, которые продвигались в VI веке к югу (словенцы, дакийские славяне и будущие болгары), и что оно якобы только в течение последующих столетий было распространено на всех славян. Однако мне представляется уже доказанным, что это наименование с VI века обозначало все славянские племена. Оно встречается не только у тех славян, которые проникали тогда в Италию, Истрию и на Балканский полуостров, но также и у славян, обитавших в центре России (Suavi у Иордана, Get., 250, не говоря уже о Σουοβηνοί, упоминаемых Птолемеем). Наконец, мы встречаем это название в VII веке в Чехии (Samo rex Sclavinorum у Фредегара) и в Лужице (Surbi gens ex genere Sclavinorum, Sclavi cognomento Winadi, ibid., Chron., IV, 48, 68), а в VIII веке на побережье Балтийского моря (Einhard, Ann. Franc., 782, 789; Ann. Alem., 790). В наиболее ранних славянских письменных документах с начала IX века для обозначения славянского языка употребляется общий термин «словеньскъ языкъ»; встречаются также «словеньское племя», «словеньский народъ вьсь» («славянское племя», «весь славянский народ»). Наконец, то, что производные от слова «славянин» сохранились повсеместно, свидетельствует в пользу первоначального широкого значения этого наименования. С IX века известны новгородские словене в России, словинцы, живущие и поныне у устья Вислы, словинцы в Каринтии и словаки в Словакии. Албанцы называли сербских и македонских болгар Skja, Škjeji, то есть славянами.

Название «славянин» славянского происхождения, однако нам неизвестны, как это ни странно, ни его этимология, ни его первоначальное значение. Наряду с формами Σκλαυηνοί, Στλαυηνοί, Sklaveni, Stlaveni, образованными непосредственно из формы «словене», в латинском и греческом языках имеются краткие формы Σκλάβοι, Σθλάβοι, Sclavi, Stlavi неизвестного происхождения. Вероятно, они возникли под влиянием окончания *-славъ*, которое часто встречается в именах собственных. Краткие формы известны уже в VI веке, а начиная с VIII века они очень распространены в письменных документах.

На основании указанных кратких форм (а также русского термина «славяне») происхождение наименования «славяне» еще до начала XIII века стали связывать со словом «слáва» и переводить его как «gloriosi», «αἰνετοί». Это толкование удерживалось до XIX века, и известный славянский поэт и археолог Я. Коллар поддержал его своим авторитетом. Другое толкование, не менее древнее, засвидетельствованное уже в начале XIV века, связывает наименование славяне — словене с понятием «слово» и переводит его как «verbosi, sermonales, ὁμογλόττοι».

Это объяснение приняли такие выдающиеся исследователи, как Й. Добровский и П. Шафарик. Последний опирался, в частности, на аналогичный факт, а именно, что славяне называли соседний народ, язык которого они не понимали, словом «немцы» (единственное число — «немец», производное от «немъ», «немой»). Хотя эта вторая гипотеза имела большое число сторонников, тем не менее большинство современных лингвистов отвергает ее на том основании, что славянский суффикс *-ĕn, -ĕnin, -janin* всегда указывает на принадлежность к определенной местности и что, следовательно, наименование словенин должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается [1].

[1] В заключение Розвадовский называет ряд названий рек в Польше и России, образованных от формы *„слав“*, и *„слов“* и предполагает, что существовала река, называемая Слова или *Слава*, или хотя бы болотистая местность, называемая *„Слово“*, а народ, обитавший в этой области, получил от него название *„словене“*. Эти названия рек образованы либо от корня *„kleu“* — означающего „заливать“ (поливать), „чистить“. Милан Будимир высказывает это же мнение (Zbornik A. Beličе, Bělehrad, 1921, стр. 97—112, 129—131).

Итак, происхождение названия славян остается невыясненным. Однако нам известно, что носитель его появляется в начале н. э. как могущественный народ, расселившийся на огромной территории между Вислой и Десной: «natio populosa per immensa spatia consedit»—писал о нем в VI веке Иордан [1]. В настоящее время известно также, что этот многочисленный народ появился в Европе не в этот период, а жил там издавна в тесном взаимодействии с другими индоевропейскими народами. Ныне это положение признано в науке и не нуждается в доказательстве, как 100 лет тому назад, когда Шафарик писал свои «Древности» с целью доказать главным образом древность славян, в которой сомневались некоторые немцы [2].

[1] Iord., V, 34.
[2] См. „Český časopis historický", I, 1895, стр. 19.

Глава IV

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯН

Сколько бы ни говорили о первоначальном единстве славян, все же они никогда не представляли собой единого целого в полном смысле этого слова. У них, как и у каждой этнической группы, всегда были соматологические [1], культурные [2] и языковые различия. Эти последние известны нам лучше всего, так как язык дает наиболее полный материал, позволяющий проследить начало и дальнейшее развитие дифференциации славян.

Как и повсеместно, на дифференциацию славян воздействовал прежде всего внутренний фактор, под влиянием которого произошли незначительные фонетические, грамматические и лексикологические различия и появились диалекты. Первоначальные различия возросли затем благодаря изоляции и в особенности благодаря тому, что определенные элементы отделились от материнского ствола вследствие переселения и скрещивания с чуждым языком или языками.

Под влиянием этих факторов древнее единство славян — а о таком единстве говорить можно, так как различия внутри него долгое время были незначительными,— распалось, и на заре истории мы видим уже ряд новых образований, сложившихся окончательно в течение последующих столетий, как например:1) русское, 2) болгарское, 3) сербо-хорватское, 4) словенское, 5) чехо-словацкое, 6) лужицко-сербское, 7) полабско-поморское и 8) польское. Все эти языки являются продолжением материнского языка, на котором когда-то говорили в прикарпатской прародине. Мы не можем точно определить ни времени распада этого единого славянского языка, ни времени начала и самостоятельного существования названных языков и говорящих на них народов. В настоящее время славянская филология допускает, что древнее единство славян существовало, несмотря на начавшийся распад его, еще в течение первых веков нашей эры [3]. И это все, что можно сказать по данному вопросу. Разделение единого языка и становление отдельных славянских языков произошло не сразу, а постепенно. Ход этого процесса, а также взаимное родство народов, говорящих на этих языках, давно являются предметом исследования.

Чешский грамматик Ян Благослав в 1571 году разделил славянские языки на 3 большие группы: чешскую, словацкую и польско-русскую. Однако впоследствии число групп славянских языков было сведено к двум. Такого деления на две группы придерживались А. Бандури, Й. Фриш, Х. Иордан, К. Антон, М. Катанчич, А. Шлецер и др., однако они не опи-

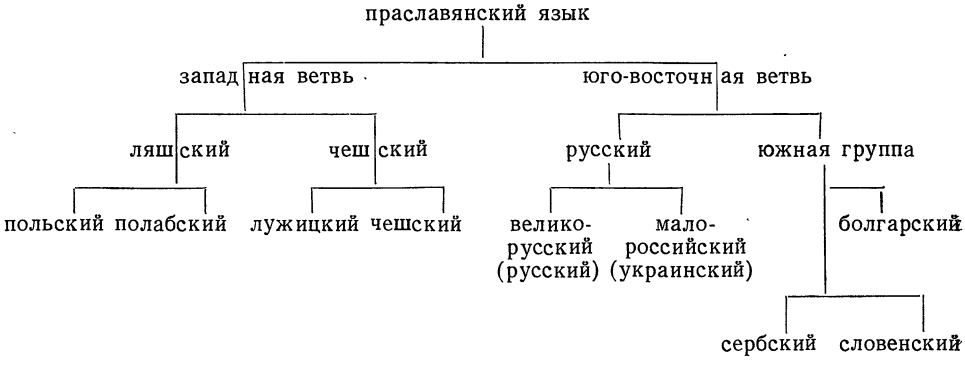
[1] См. выше, стр. 26.

[2] Достаточно упомянуть здесь в качестве основного факта, что западная часть древней славянской территории всегда, в частности и в доисторическую эпоху, испытывала иные культурные влияния, нежели восточная часть, простиравшаяся по Днепру, который связывал ее с Черным морем и Востоком.

[3] Таковой, например, является точка зрения В. Ягича, О. Гуера и А. Соболевского. А. Шахматов продлевает эпоху единства вплоть до IV века, в то время как А. Мейе допускает, что всеобщий славянский язык существовал еще в VIII веке н. э. (Le monde slave, 1917, III, стр. 399; Revue des Études slaves, I, 1921, стр. 8; II, 1922, стр. 303, и критика Белича в „Slavii", I, 1922, стр. 8).

рались на научно обоснованную аргументацию. Только отцу славянской филологии Й. Добровскому принадлежит заслуга научного обоснования теории деления славянских языков. Согласно его концепции, древний общеславянский язык разделился сначала на две ветви — восточную и западную; производными языками от первой ветви являются русский, старославянский, иллирийский (сербский и болгарский), хорватский и словенский. Языками, производными от второй ветви, являются чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский.

После Й. Добровского теории разделения славянских языков на две ветви довольно долго придерживались даже такие выдающиеся филологи, как П. Шафарик, Б. Копитар, Ф. Буслаев, И. Гебауер; в 1865 году А. Шлейхер предложил, согласно этому принципу, следующую схему родословной славян [1]:

Однако вскоре вместо деления общеславянского языка на две ветви вновь было принято первоначальное деление на три ветви.

Если не принимать во внимание доктрину Благослава 1571 года, эта идея возникла в России в результате стремления выделить русский язык из остальных языков в качестве самостоятельной ветви. Первым выдвинул и отстаивал теорию разделения языков на три ветви русский ученый А. Востоков, его последователями были М. Максимович, И. Срезневский, В. Григорович, А. Будилович и др. Новая система встретила и за пределами России более широкое признание, чем система Добровского и Шлейхера.

Однако представители сравнительного языкознания выступили против подобной классификации (мы уже упоминали труды И. Шмидта [2]), а также против теорий происхождения славянских языков, и все родословные славян были окончательно отвергнуты. Ограничимся разбором концепции В. Ягича — в настоящее время старейшего представителя славянской филологической школы,— концепции, которая полностью согласуется с данными о древнейшем периоде славянской истории.

В. Ягич признает большую ценность теорий И. Шмидта и считает, что зачатки позднейших славянских языков существовали уже в общеславянском языке и что порядок их территориального распространения уже тогда соответствовал их расположению в настоящее время. Когда же эти диалектные зачатки были перенесены на исторические места обитания славян, то здесь они окончательно обособились так, что одновременно образовали три различные группы, из которых каждая объединяла наиболее близкие языки:

1) русская группа с русским и украинским языками;

[1] См. Приложение к VII тому Зап. Акад. наук, ч. 2, СПБ, 1865, а также Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, 1856, стр. 1—27.

[2] См. выше, стр. 22.

2) западная группа с языками чехословацким, польским, лужицко-сербским и полабским;

3) южная группа со словенским, сербо-хорватским и болгарским языками [1].

Процесс дифференциации и разветвления языков, конечно, протекал не всегда определенно, а в окраинных областях иногда имело место и скрещивание. Но это не исключало деления общеславянского языка на 3 группы, поэтому интересно проследить, в какой мере топография славянской прародины и ее рельеф способствовали этому делению. Перед народом, рост численности которого заставлял его распространяться за пределы своей прародины, помещенной нами к северу от Карпат между реками Вислой и Днепром, открывались три больших пути. Первый путь ведет на запад: это легко доступный путь, так как Висла, так же как и Одер, едва ли была серьезным препятствием. Таков же второй путь, ведущий к бесконечным просторам России. Путь к северу был прегражден морем, а также озерами и болотами [2]. Путь к югу преграждался цепью Карпатских гор, однако по краям этого хребта было достаточно места для проникновения народа двумя путями по направлению к Дунаю. Это и был третий путь. Итак, топографические условия прародины славян также чрезвычайно способствовали делению славян на три группы, так как люди могли расселяться лишь по направлению к западу, югу и востоку.

Следовательно, разделение славян на три большие группы основывается не только на лингвистическом различии, но и на расположении и ориентации их прародины. Черта, отделяющая отдельные группы, соответствует приблизительно границе между бассейнами Черного и Балтийского морей. Одни следовали по течению рек на запад и на север, другие на север, восток и юг. Разделение славян на две большие культурные группы, на обосновании которого мы остановимся ниже, зависит от того, к какому из этих двух бассейнов они относились [3].

[1] „Archiv für slavische Philologie", XX, стр. 21 (XVII, стр. 71).

[2] Впрочем, и болота в бассейне р. Припяти, составлявшие северную часть славянской прародины, были мало заселены, а жители их были недостаточно сильны, чтобы эффективно расселяться по северным районам, густо населенным в то время прусскими и литовскими племенами.

[3] См. выше, стр. 43.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Глава V

ТЕОРИИ ЮЖНОГО ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯН

Хотя прародина славян была расположена к северу от Карпатских гор, тем не менее известно, что в историческую эпоху большие группы славян обитали к югу от этого хребта и не только в Венгерской котловине, но и в областях восточных Альп и дальше почти по всему Балканскому полуострову.

Эти группы славян, двинувшихся к югу и тем самым отделившихся от северных славян, получили название южных славян в отличие от остальных, оставшихся на севере.

Когда именно произошло отделение южной ветви от общего ствола и к какому периоду относится продвижение и распространение славян этой ветви на юг от Карпатских гор и дальше к югу от Дуная — на этот вопрос отвечали различно. В решении этого вопроса определялись три направления [1].

Ученые *первого* направления, опираясь на ряд доводов, о которых мы уже упоминали и к которым еще вернемся ниже, считали теорию северной прародины славян ошибочной. Они определяли прародину славян не к северу, а к югу от Карпат, в области венгерского течения Дуная и на Балканском полуострове. Вследствие этого они считали, что самого факта проникновения славян с севера на Балканы не существовало. Перед ними не вставал вопрос, когда и как это произошло, ибо они считали, что южные славяне — предки будущих словенцев, хорватов, сербов и болгар — издавна обитали на своих исторических местах жительства. Это так называемое автохтонистское направление в историографии южного славянства; представители его охотно называют себя «славянской» школой в противоположность другой школе — «немецкой», или «берлино-венской». С позиций автохтонизма они высказывались и по вопросу о славянах в Германии (см. ниже, стр. 98).

Второе направление, названное выше «немецким», было названо так потому, что его возглавили немецкие историки. Как в своих общеисторических трудах, так и в статьях, специально посвященных движению южных славян, они придерживаются данных истории и не признают в отличие от первого направления пребывания славян на юге до того времени, пока о них непосредственно не появляются сведения в исторических источниках. Если исключить все недостоверные сообщения, это означает, что славяне появились здесь лишь в VI веке. На этом основании общее заключение историков второго направления сводилось к тому, что южные славяне появились на юге от Савы и Дуная внезапно и только в VI веке, а к Дунаю, в северную Венгрию, пришли незадолго до этого, во всяком случае не ранее V века.

[1] См. „Slov. star.“, II, 71—101.

Наконец, представители *третьего* направления, отрицая в принципе автохтонизм, все же заимствуют из него некоторые второстепенные доводы для доказательства пребывания славян в Венгрии (Уграх), в Альпах и на Балканах до V—VI веков, хотя об автохтонности их в этих областях говорить нельзя.

Однако в мнениях отдельных историков первого и третьего направлений имеется немало различий, связанных с тем, в какой степени и сколь критически они принимают доказательства. В зависимости от этого они определяют дату обитания славян к югу от Карпат. Одни идут вслепую и огульно принимают любой, самый предположительный, довод, другие более критически относятся к системе доказательств; первые, естественно, видят славян повсюду, другие же — лишь в определенных областях.

Остановимся подробнее на указанных трех направлениях.

Представители первого направления в целом решали эту проблему очень просто, объявляя славянами все народы, известные в древности на юге, а именно иллирийцев, паннонцев, фракийцев, даков и гетов, более того, македонцев или эпиротов и даже древнейших обитателей Греции.

Основываясь на исковерканных и искаженных названиях, которые они принимали в качестве славянских, они, разумеется, находили славян всюду: от Боденского озера и Венеции до устья Дуная и до Царьграда [1]. Все якобы было когда-то славянским. Направление это получило широкое распространение уже в XVII и XVIII веках. В конце XVIII и начале XIX века, когда идея национального возрождения проникла в литературу славянских народов, этому направлению не сумели противостоять даже такие крупнейшие славянские исследователи и высокообразованные люди, как, например, П. Шафарик; да и ныне, когда история и лингвистика далеко продвинулись вперед, когда вполне разработан их научный метод, из научного обихода все еще не устранены книги, в которых мы читаем, что иллирийцы или фракийцы были собственно славянами.

Толчком к возникновению этого направления были уже известные нам аргументированные теории южно-славянского духовенства, которое пыталось увязать древнейшую историю южных славян с деятельностью святых апостолов. Уже в раннем средневековье эти теории привели к возникновению предания о том, что сам св. Павел принес христианство хорватам [2], а св. Иероним (умер в 420 году) создал славянскую письменность, так называемую глаголицу [3]. Впоследствии из этого предания возникла теория, согласно которой древние иллирийцы и паннонцы были славянами и предками сербо-хорватов, теория, распространившаяся на Балканах настолько широко, что в X или XI веке была включена даже в традиции русских монастырей, а в XI веке записана одним из предшественников киевского монаха Нестора в начале первой Киевской летописи [4]. Эти представления и положили начало целому учению о дунайской прародине славян, с которой мы познакомились выше, на стр. 28.

Из первых традиций и летописей это учение проникло во многие славянские и неславянские хроники: сначала в польские и чешские, затем более всего в хорватские.

[1] Подробности см. в „Slov. star.“, 1, 41 и сл., а также II, 73—93.

[2] См. Киевскую летопись, а также Послание папы Иоанна X (914—929) хорватскому королю Томиславу и Михаилу, князю Захлумцу [„Quis enim ambigit Sclavinorum regna in primitiis (corr.) Apostolorum et universalis Ecclesiae esse commemorata“]. Jaffé, Reg. pont. rom., 312.

[3] См. послание Иннокентия IV 1248 года („quod in Sclavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a beato Jeronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis“). Theimer, Vetera monumenta Slavorum meridionalium, I, 78.

[4] См. в летописи: „Илюрик-Словене“ и дальше „Нарци еже суть словене“ (Лаврентьевская летопись, начало).

Начались попытки обосновать эту теорию, провозглашенную сначала бездоказательно, открытиями всевозможных документов, якобы подтверждающих пребывание славян на Балканах с глубокой древности, иными словами — доказать принадлежность иллирийцев, фракийцев (даков, гетов) и даже итальянцев к славянам. Среди этих документов встречались иногда и фальсифицированные, к последним относятся прежде всего грамоты Александра Великого славянам и так называемая «привилегия Александра», данная (им) балканским славянам в Александрии во второй год его царствования, в которой великий император обещает славянам в благодарность за их службу господство над всеми народами Центральной Европы на вечные времена [1].

Но больше всего привлекалось доказательств из области филологии: названия отдельных древних народов, древневенгерская и балканская топография и, конечно, древние имена собственные толковались во что бы то ни стало как славянские, даже ценой невероятных натяжек. Такой метод получил особое развитие главным образом у южных славян в XVIII веке и достиг здесь наибольшей абсурдности, в результате чего не только Венгрия и Балканский полуостров, но и такие отдаленные земли, как Италия, Малая Азия и Египет,— все превратились в некогда славянские области. И ничто не могло остановить сторонников этого направления! Ни возражения некоторых наиболее эрудированных историков и филологов (Занетти, Пейсонель, Тунман, Аделунг, Добровский, Энгель, Швабенау и другие), ни огромный авторитет П. Шафарика, который внес изменения по этому вопросу в свои «Славянские древности» (изд. 1837 г.) [2], не заставили сторонников этого направления пойти по правильному или хотя бы по более правильному пути. Приверженцы и почитатели Шафарика вместо того, чтобы принять его новую концепцию, отвернулись от него, упрекая его в том, что он изменился к худшему, и вместо «Древностей» придерживались его более раннего труда, идя еще дальше, чем сам автор. Зачастую к этому присоединялись и славянские археологи. Итак, XIX век также не избавился от бремени автохтонистской школы, труды которой принесли славяноведению гораздо больше вреда, чем пользы. Лишь немногие сторонники автохтонизма сумели сохранить в своих теориях чувство меры и, несмотря на ошибочные выводы, не лишили свой труд некоторой позитивной ценности [3]. Большинство же их оставило труды, не представляющие никакой

[1] Эти вымышленные легенды о грамотах и привилегиях появились в литературе в начале XIII века и возникли, очевидно, в каком-либо чешском или польском монастыре, так как считалось, что оригинал привилегии хранился не то в Праге, не то в Кракове (иногда называли еще и Царьград). Упоминания о связях Александра со славянами встречаются уже у Кадлубека (Chron. Pol., I, 9—10), привилегии же встречаются позднее. См. текст и подробное объяснение в моих „Славянских древностях“ („Slov. star.“, II, 335).

[2] Шафарик в первый период своего творчества целиком присоединился к автохтонистскому направлению, издав свой труд „Über die Abkunft der Slaven nach Lor. Surowiecki“ (Ofen, 1829), и славянизировал венетов, иллирийцев, гетов, венгерских сарматов и многие фракийские племена. Однако в своем основном и руководящем труде „Славянские древности“ (Прага, 1837) он отошел от этого тезиса и заменил его более умеренной концепцией. Согласно этой концепции, славяне хотя и рано достигли Адриатического моря, но часть их была оттеснена отсюда к северу, а другая часть разгромлена нашествием галлов с запада в IV веке до н. э., после чего от них остались лишь адриатические венеты и незначительные остатки в Подунавье и на Балканах (например, бессы, кробизы, трибаллы, северные сарматы). Однако собственно иллирийцы и фракийцы славянами никогда не были. И лишь в VI и VII веках балканские земли вновь были заселены славянами, пришедшими с севера.

[3] В частности, к ним относятся чешские историки: A. Šembera, Západní Slované v pravěku, Videň, 1868; Die Westslaven in der Vorzeit, Wien, 1877; J. Pervolf, Slavische Völkernamen, Archiv f. sl. Phil., VII—VIII; польские историки: W. Kętrzyński, O Słowianach mieszk. między Renem a Labą, Krakov, 1899; Co wiedzą o Słowianach ...Prokopiusz i Jordanes, Krakov, 1901, и более раннее сочинение: Die Lugier, Posen, 1868. E. Bogusławski, Historya Słowian, Krakov — Varszava, I, 1888, II, 1899; Początky

ценности. Некоторые из этих работ, авторы которых потворствовали настроениям славянской общественности, получили широкое распространение и большую популярность [1].

Естественно, что это направление всегда встречало возражения, которые росли по мере совершенствования исторической и филологической науки в XIX веке. Противники этого направления отвергали все домыслы и этимологию и опирались лишь на достоверные известия, основанные на фактах. Сила этого сопротивления не была, конечно, всегда одинаковой: одни исследователи подходили к этому вопросу более, другие менее строго, идя на некоторые уступки, но в целом почти вся современная немецкая историческая школа, а за ней и многие славянские ученые, выступая против автохтонизма, в течение последних десятилетий сошлись на том, что:

1) отвергается теория подунайской прародины славян;

2) отвергается теория славизма древних паннонцев, иллирийцев и фракийцев, к которым причислялись также северные даки и геты;

3) отрицается существование славян на Балканском полуострове, в Альпах и нижней Венгрии (Уграх) до VI века, поскольку источники не упоминают о них до того времени;

4) считается, что в основу всего толкования должно быть положено известие Иордана о том, что во время создания его «Истории Готов» (551 год) славяне распространились на территории, расположенной от города Новиодуна и Мурсийского озера (то есть от Мурсийских болот около устья Савы или Незидерского озера к Новиодуну в устье Дуная) вплоть до Днестра, а на севере до самой Вислы [2].

Хотя, согласно общей концепции этой исторической школы, приход славян на Дунай, связанный с великим переселением германских народов, и имел место, однако это произошло лишь после ухода германцев из Германии и Венгрии. Только потом началось движение славян: часть их пошла на запад через Вислу, другая часть — на юг через Карпаты и в обход хребта

Chorwacyi illiryjskiej, Krakov, 1893; „Metoda i środki poznania czasów przedhistoricznych w przeszłości Słowian", Krakov—Varšava, 1901, немецкие историки: W. Osterloff, Einführung in die Geschichte der Slaven, Jena, 1904; «Dowody autochtonizmu Słowian», Warszawa, 1912).

[1] В частности, к этим работам относятся: J. Ružić, Stara i nova postojbina Hrvata, Zagreb, 1903; V. Žunkowić, Wann wurde Mitteleuropa von den Slaven besiedelt, Kremsier, 1905 (до 1911 года — шесть изданий); И. Стовик, Славяне — древнейший автохтонный народ Европы, Одесса, 1905; Г. Генов, Праотечеството и праезик на Българите, София, 1907; J. Kuffner, Věda či báchora, Praha, 1912—1922.

[2] Iord. (Get., V, 34, 35): „introrsus illis Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus emunita, iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per inmensa spatia Venetharum natio populosa consedit, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur. Sclaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur; hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt" („Между ними (реками) лежит Дакия, которую наподобие короны ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от истоков реки Вистулы, на безмерных пространствах сидит многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным племенам, родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшее из обоих (племен) — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов").

В этом тексте, в частности в названиях, есть искажения: lacus Mursianus (Morsianus, Musianus) и civitas Novietunensis толковались по-разному (см. мои „Slov. star.", II, 92, 531), однако не может быть сомнения в том, что первое название относится либо к болотам в окрестностях Мурсы при устье Савы, либо к Незидерскому озеру (lutum Musun и Anon. regis Belae, 57), второе же — к Новиодунуму при устье Дуная около современной Исакии (Isaccea). Итак, к середине VI века славяне плотно заселяли земли от Незидерского озера, то есть от устья Савы вплоть до устья Дуная.

к Дунаю. Итак, славяне направились к Дунаю лишь после германцев и гуннов, однако движение их было столь быстрым, что они почти сразу заселили земли, оставленные их предшественниками. Только таким образом можно объяснить неожиданное распространение славян, о котором сообщают в VI веке Иордан, Прокопий и ряд других историков. Первой исторически установленной датой проникновения славян на Балканский полуостров сторонники этой школы считают год вступления на престол Юстиниана (527), основываясь при этом на свидетельстве Прокопия [1]. С этой датой совпадает и время первого упоминания названия «славянин» у Псевдо-Цезаря [2].

Основными и руководящими трудами в этом направлении стали, в частности, труды К. Цейсса, Е. Рёсслера и главным образом К. Мюлленгофа, а в лингвистике — точка зрения Ф. Миклошича (отсюда и вышеупомянутое название «венско-берлинская» школа, данное приверженцами автохтонизма исторической школе). Расхождения между сторонниками этой школы касаются лишь более точного определения времени, когда славяне достигли Дуная и Савы, когда они оттуда продвинулись на Балканский полуостров и когда начали его прочное заселение. Одни предполагали, что толчком к движению славян в Венгрию был приход гуннов и, в частности, переселения, начавшиеся после уничтожения гуннской империи в 453 году (так полагают Шафарик, Грот, Клаич, Маретич, Кос, Станоевич и Мюлленгоф), другие объясняли это приходом болгар в конце VI века, третьи — они наиболее многочисленны — связывали движение славян с нашествием аваров во второй половине VI века (Цейсс, Кох, Бюдингер, Рёсслер). Таким образом, одни относят появление славян на Балканах к концу V или к началу VI века, тогда как другие не считают возможным датировать это событие ранее VII века. Но в целом все эти различия второстепенного характера.

Что касается меня, то я не могу полностью принять точку зрения исторической школы. Не буду отрицать тот исторический факт, что великое вторжение славян на Балканы произошло лишь в VI и VII веках и что заселение полуострова нельзя датировать ранее первой половины VI века. Тем не менее я убежден, что общее движение славян от Карпат к Дунаю и к Саве началось не в V веке, а задолго до этого, и что уже в I и во II веках н. э. славяне достигли, по крайней мере, отдельных областей Подунавья, а с III века начали заселять Венгерскую низменность. Стало быть, славяне не были автохтонами в этих областях, не являвшихся их прародиной в том смысле, в каком о ней говорится в Киевской летописи и в вышеизложенных современных теориях, но из Прикарпатья они пришли сюда еще до V—VI веков и расселились, разумеется, лишь отдельными колониями среди более древних поселений иллирийцев и фракийцев, а позднее и между германцами и гуннами. Таков тезис, положенный в основу моей концепции первоначального развития южных славян и противостоящий, как видно, тезису автохтонистов и историческому тезису Мюлленгофа или Рёсслера [3]. Подкрепляю

[1] "Οὖννοί τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ "Ανται σχεδόν τι ἀνὰ πᾶν καταθέοντες ἔτος, ἐξ οὗ Ἰουστινιανὸς παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, ἀνήκεστα ἔργα εἰργάσαντο τοὺς ταύτη ἀνθρώπους". Procop., Hist. arc., 18. См. также сообщение Иордана, Rom., 388. Подробности см. в „Slov. star.", II, 191. Об уточнении даты, которую дает историческая школа, см. дальше, стр. 58.

[2] „Dialogi", 110 (Σκλαυηνοί); Migne, Patrol. graeca, 38, 847. См. Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, II, 34, 367.

[3] Подобная точка зрения издавна часто встречалась в славянской историографии (Кромер, Иордан, Ульман, Зульцер, Маннерт, Линхарт, Копитар, Мухар, Шафарик, Первольф, Шараневич). В настоящее время ее отстаивает, в частности, Марин Дринов (заходя при этом слишком далеко) в книге „Заселение Балканского полуострова славянами", М., 1873, к выводам которой позднее присоединились также К. Иречек (в первый период своего творчества), И. Шишманов, Г. Смичиклас, Г. Занетов, В. Милкович, В. Каллай и Э. Денис.

же я этот тезис, во-первых, некоторыми указанными ниже историческими документами, во-вторых, рядом древних топографических названий в Подунавье, славянский характер которых я считаю бесспорным. Правда, в областях, филологический характер которых в целом был неславянским (иллирийским, фракийским или дакийским), таких названий было немного, но они все же существуют, как мы увидим дальше. Сами по себе эти названия не могут, конечно, опровергнуть ту точку зрения, что на этих землях обитали первоначально паннонцы, иллирийцы, фракийцы, даки, являющиеся все без исключения народами неславянскими. Последнее не подлежит сомнению. Но как только в этих областях обнаруживается одно или несколько названий, славянский характер которых бесспорен, и если наряду с этим имеется также возможность допустить на основании других исторических данных, что существование здесь славян не только не исключено, но и вполне вероятно, то я рассматриваю каждое такое название как свидетельство наличия славянской общественной единицы (рода — общины — племени) на территории чуждой области. Такова единственная уступка, которую можно сделать сторонникам автохтонных теорий, ссылающимся на славянский характер ряда названий в Дакии, Паннонии или в Иллирии. Все это является доказательством лишь существования славян среди иллирийцев и фракийцев до V века, а отнюдь не доказательством славянства самих иллирийцев или фракийцев или автохтонности славян.

Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века

Уже a priori можно считать, что и славяне принимали участие в продвижении народов на юг в конце V века н. э.

История так называемого великого переселения народов показывает, что народы начали стекаться с севера к Дунаю уже с I века н. э.; они двигались главным образом из восточной Германии моравским путем и через западные Карпатские перевалы. Известно также, что еще до маркоманских войн к югу продвинулись лугии, обии и часть лангобардов, а во время маркоманских войн — котины, осы, бессы, гермундуры, буры, вандалы, викговалы, костобоки, карпы, аланы, роксоланы, бастарны и певкины[1]. В 175—176 годах племя астингов оттеснило карпатских костобоков на Балканский полуостров[2], а затем мы можем прочесть, что в 180 году какие-то «свободные даки» были отброшены от Карпат и поселены в Дакии[3]. Затем в III веке с Вислы пришли гепиды и одновременно с ними из тех же областей массы скиров, герулов, ругиев и, наконец, племя лангобардов, бродившее долгое время перед этим в Прикарпатье. Все племя карпов было переселено императором Галерием из области Карпатских гор в нижнюю Паннонию[4]. Причиной всех этих передвижений было, как в другом месте отмечает Юлий Капитолин[5], вторжение северных варваров (superiores barbari). Это, однако, относится не только к готам, продвигавшимся с начала III века от нижней Вислы к Днепру, или лангобардам, но также, несомненно, и к активному продвижению славян, являвшихся здесь главным народом после отхода готов к Черному морю. Ни Карпаты, ни Висла не остановили движения славян, которое продолжалось по направлению к Дунаю через горные

[1] См., в частности, известие Юлия Капитолина, Vita Marci, 22, и Диона Кассия, 71, 12, 72, 2.

[2] Dio Cass., 71, 12; Pausan., X, 34. См. мои „Slov. star.“, I, 415.

[3] Dio Cass., 72, 3.

[4] Amm. Marc., 28, 1, 5; Aur. Vict., De Caes., 39, 43; Eutrop., IX, 25; Iord., Rom., 299; Get., 16, 91 и т. д. См. мои „Slov. star.“, I, 426.

[5] Vita Marci, 14 (Victovalis et Marcomannis cuncta turbantibus aliisque etiam gentibus, quae pulsae ab superioribus barbaris fugerant...).

перевалы и в обход гор. Нельзя представить себе славян в эту эпоху иначе, как в процессе внутренней и внешней экспансии.

Это постоянное переселение северных народов из Прикарпатья к Дунаю в I—V веках является само по себе, даже при отсутствии в истории непосредственных упоминаний о славянах, убедительным априорным доказательством того, что движение славян из Прикарпатья началось задолго до V века.

Другим априорным доказательством этого является сам факт широкого распространения славян, который мы наблюдаем в VI веке. В тот период, как будет видно ниже, славяне одновременно появляются на огромной территории от Лабы, Заале, Шумавы и Альп на западе вплоть до Дона на востоке и от Балтийского моря и озера Ильмень вплоть до Эгейского и Адриатического морей, заняв, таким образом, пространство в пять раз большее, чем их прикарпатская прародина. Если бы распространение славянской волны произошло, согласно концепции Мюлленгофа или Рёсслера, в очень короткий срок — с конца V до начала VII века,— то следовало бы ожидать, по крайней мере, оставления славянами своей прародины, как это имело место в восточной Германии, когда из нее ушли готы, гепиды, лангобарды, вандалы и бургунды. Но у славян этого не было. Прикарпатская прародина осталась заселенной славянами. Это явление с наибольшей убедительностью заставляет меня отказаться от какой бы то ни было теории внезапного распространения славян. Это второе априорное доказательство позволяет предполагать, что распространение славян шло гораздо медленнее, но зато в более раннее время, и что оно шло по всем направлениям, следовательно, и на юг. Еще задолго до V века славяне двинулись за пределы своей прародины, но часть их оставалась там и после этого.

Таковы два основных априорных доказательства раннего продвижения славян к югу. Кроме того, мы располагаем следующими доказательствами, опирающимися непосредственно на данные истории и лингвистики.

Согласно приведенному выше точному сообщению Иордана от 551 года, славяне в первой половине VI века обитали по нижнему течению Савы и далее вниз по Дунаю, начиная от Савы и до самого устья. Впрочем, пребывание славян в захваченных гуннами венгерских низинах еще за сто лет до этого ясно подтверждается известием ритора Приска о посольстве во главе с Максимином, отправленным в 448 году императором Феодосием к Аттиле, который находился в Венгрии[1].

Приск, участвовавший в посольстве, описал весь путь, который проходил из Константинополя через Сардику (ныне София), Ниссу (Ниш) к Виминацию и дальше за Дунаем через три большие реки Дрикон (Темеш), Тигу (Бега?, Марош?), Тифизу (Тисса) до средневенгерской степи, где в районе современной пештско-пилишской столицы находилась укрепленная ставка Аттилы. На этом пути послы встретились с людьми, которые угощали их пшеничным хлебом и медовым напитком, называемым „μέδος". Приск называет их скифами, то есть обычным в то время названием готов, но то что это были не готы, следует из того, что Приск в упомянутом месте определенно отличает их как от гуннов, так и от готов, говоря, что этот народ легко овладевает не только родным языком, но и другими языками, а именно: готским, аузонским (латинским) и гуннским. Так как название медового напитка „μέδος" является не чем иным, как грецизированной формой общеславянского названия «медъ», то есть известного среди славян напитка — меда, то очевидно, что народом, живущим рядом с гуннами, были славяне. Название „μέδος", употребляемое Приском, может относиться только к славянскому языку; если бы это было готское слово, Приск слышал бы «miđus» и в греческой транскрипции было бы «μίθος» или «μίδος». Кроме

[1] Priskus Paniates, I, cap. 8 (Müller, Frg. Hist. Gr., IV, 69).

того, славянский характер этого народа, оказавшегося под властью гуннов, доказывается еще известием Иордана о погребении Аттилы. Когда умер этот царь, над его могилой совершили пышные погребальные обряды, и среди них обряд, называемый с т р а в а[1]. Слово «страва» нельзя объяснять, исходя из готского языка, как «mar» (от straujan—ausbreiten, греческое στρωννύναι), так как из всего контекста следует, что тут речь идет о каком-то акте погребального обряда (concelebrare stravam ingenti comessatione), а также потому, что Иордан — гот по происхождению — не принял бы слово «страва» за гуннское, если бы оно было готским. Кроме того, известно, что у древних славян в обычае было погребальное пиршество, называемое «страва» (поминки); это доказывается существованием подобного обычая у поляков и чехов еще в XIV и XV веках [2]. Следовательно, и при описании погребения Аттилы речь идет, очевидно, о большом пиршестве, называемом среди тамошних славян «страва», и эти два слова —«страва» и «медъ»— служат достаточным доказательством того, что на среднем Дунае и нижней Тиссе во времена Аттилы, то есть в первой половине V века, обитали славяне, подчиненные гуннам.

Таким образом, мы отодвигаем дату пребывания здесь славян к IV веку; у нас есть также известия, относящиеся к тому же веку, удовлетворительное объяснение которых можно дать, лишь принимая во внимание наличие славян в этих местах. Это известие о двух группах сарматов в Венгрии. Сарматы (языги), иранского происхождения, пришли с нижнего Дуная в Венгрию уже в 20—50 годах н. э. и здесь поселились. Их история — это ряд непрерывных сражений с Римской империей. Под 334 годом мы сразу же читаем, что в их среде вспыхнула большая война, причем одна сторона, называемая в источниках servi Sarmatarum (οἱ δοῦλοι, οἱ οἰκέται у Евсевия) или также Sarmatae limigantes, восстала, победила и прогнала за Дунай ранее «свободных» сарматов — domini, liberi, а также Sarmatae Ardaragantes, Arcaragantes [3]. Часть побежденных была принята Константином на римскую землю (другая часть бежала в Дакию), а в низменности остались в дальнейшем главным образом Sarmatae servi. Этот факт засвидетельствован еще в источниках конца IV и V веков. Затем название «сарматы» и здесь исчезает совсем и появляется название «славяне».

При описании событий 334 года речь идет, по всей вероятности, о борьбе двух больших групп, заселявших Венгерскую низменность. Если одна из них была свободной и властвовала над другой, несвободной, и если вместе с тем одна группа вела кочевой образ жизни, а другая была оседлой и обрабатывала пашни, разводя главным образом пшеницу [4], то тогда ни у кого не возникнет сомнение, что кочевники, то есть иранские сарматы, подчинили себе в Венгрии народ другого происхождения, народ, занимающийся земледелием. Народом же этим могли быть только славяне, если учитывать их культурный уровень и, кроме того, те факты, что несколько десятилетий спустя мы видим тот же славянский народ на той же территории под владычеством гуннов, а несколькими десятилетиями раньше название народа

[1] Iord., Get., 49 (258). „...postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius, quam appellant ipsi, ingenti comessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant" [„После того как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане „страву" (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные (чувства), выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием"].

[2] См. доказательства в моей книге „Život starých Slovanů", I, 275, 282, и „Slov. star.", II, 136.

[3] Сообщения об этой борьбе см. у Иеронима, Chron. ad olymp., 279, 2 (ed. Schoene, II, 192); Eutrop., X, 7; Anon. Valesianus, 31; Amm. Marc., XVII, 12 (18—19), 13 (1); Euseb., Vita Const., IV, 6; Fasti Hydatiani ad ann., 334 (Monumenta Germaniae, XI, 1). См. „Slov. star.", II, 128 и др.

[4] См. „Slov. star.", II, 130, 133, 138.

венедо-сарматы встречается на Пейтингеровой карте в Венгерской низменности за Дунаем. Пейтингерова карта в дошедшем до нас виде относится к концу III века, о чем свидетельствуют прежде всего наименования народов на карте [1], и мы не имеем никакого права считать упоминание легенды о венедо-сарматах в Венгрии [2] или другие упоминания венедов в Бессарабии у устья Дуная припиской, сделанной в V или VI веке, тем более, что прежнее существование славян в обоих районах подтверждается и другими доказательствами. Наконец, автор, внесший якобы в VI веке в карту ex post запись о славянах, должен был бы записать их под обычным тогда названием Sclaveni.

Таким образом, обе записи Пейтингеровой карты являются сами по себе достаточным свидетельством движения славян к Дунаю в конце III века, так же как сообщение о борьбе двух групп сарматов может считаться вероятным доказательством существования здесь славян в IV веке, а сообщение, относящееся ко временам Аттилы,— свидетельством их пребывания в этом районе в V веке. Все связано одно с другим, название же сарматов сохраняется вплоть до VI века, когда все уже стало славянским.

Итак, уже сами исторические источники определенно упоминают славян на Дунае, по крайней мере начиная с III века. Что же касается возможности пребывания здесь славян еще раньше, во II и I веках, то тут мы не располагаем достоверными историческими известиями, и нам остаются, в лучшем случае, лишь предположения. Так, например, весьма вероятно, что традиции, благодаря которым в славянской мифологии появилось и было сохранено имя императора Траяна [3], были порождены связями славян с Траяном в Дакии во время его походов 101—102 и 105—106 годов; возможно также, что летописная традиция о нападении на придунайских славян [4] относится к этим великим походам римлян в начале II века. Впрочем, Леон, опираясь, очевидно, на реальную традицию, отмечает в «Тактике»[5], что римляне воевали со славянами еще в Задунавье до того, как эти последние перешли Дунай (Леон имеет в виду нижний Дунай). Это может относиться только к Дакии и, очевидно, к тому периоду, когда Дакия была покорена Римом или хотя бы была подвластна ему (106—275).

Итак, хотя ни одно из этих известий не дает определенного доказательства пребывания славян на Дунае во II и I веках, они увеличивают все же возможность такого предположения. Эта возможность еще более усиливает приведенный ниже разбор нескольких подунайских топографических терминов.

Общая номенклатура венгерского Подунавья неславянская, на западе основу ее составляли, очевидно, паннонско-иллирийские элементы, на во-

[1] На III век и на предшествующее ему время указывает упоминание буров и лугиев в средней Венгрии, гепидов (Piti) в Дакии, затем маркоманов, квадов, вандалов и ютунгов. Кочевники-сарматы есть также еще в Венгрии за Дунаем, однако тут, у Дуная, нет ни ругиев, ни лангобардов, ни гуннов.

[2] Tab. Peut. segm., VIII, 1. Наряду с венедо-сарматами в легендах записаны и подлинные кочевники-сарматы под названием „Sarmate Amaxobii", Sarmate vagi (segm., VI, 1—4 и VII, 2—3). С другой стороны, в названии в легенде Lupiones Sarmatae, что должно быть исправлено, в свою очередь, как Lugiones, следует видеть висленских лугиев, спустившихся под давлением великого переселения народов в Венгрию и являвшихся в свете приведенных ниже данных (в гл. III) опять-таки славянами, о чем свидетельствует и добавление слова „сарматы". См. „Slov. star.", II, 161.

[3] Имя Траян встречается в русских источниках XII и XIII веков среди языческих русских богов (Траян в апокрифе „Хождение Богородицы по мукам" и в апокрифе „Откровения св. апостол"; кроме того, в „Слове о полку Игореве" упоминается время Трояна, след Трояна и земля Трояна. Кроме того, в сербском фольклоре сохранилось представление о сверхчеловеческом существе, называемом Траяном. См. подробнее в моих „Slov. star.", II, 144, и „Živ. star. Slov.", II, 125.

[4] См. выше, стр. 28.

[5] „Tactica", XVIII, 79.

стоке же — фрако-дакийские, в которые с течением времени влились сарматские и тюрко-татарские элементы. Но в этой номенклатуре есть все же единичные названия явно славянского характера. Как форму, так и смысл их можно объяснить, лишь основываясь на славянском языке; они имеют аналогии в славянской номенклатуре других областей, а частично сохранились в ней и по сегодняшний день.

Такими названиями являются прежде всего на западе lacus Pelsois (озеро Пельсо) Равеннского анонима (VII век) и Иордана, у Плиния Peiso (исправленное Pelso), у Аврелия Виктора Pelso[1] — название, с которым можно связать только общеславянский apelativum слова pleso в смысле стоячие воды, озера. Затем у нижней Савы, между Дравой и Савой, уже во II—IV веках засвидетельствовано название современной реки Вуки, старославянское название Волка, то есть «Волчья река», название, имеющее много аналогий среди славянских названий рек, а именно: у Диона Кассия (Οὔολκος), на Пейтингеровой карте (Ulca), у Аврелия Виктора (Hiulca), в Иерусалимском итинерарии (Ulcus), ко всему этому следует прибавить еще Ulca в панегирике Эннодия 488 года[2]. Другим, еще более показательным славянским названием в этих местах является название реки Врбас (Vrbasu). Уже у Плиния (III, 148) мы находим упоминание *Urpanus'a* (см. современный приток Дуная Врбанья), но славянское происхождение этого названия еще не установлено. Зато на Пейтингеровой карте около устья (Дуная) (segm., VI, I) мы находим наименование Врбате; эта обычная на карте аблативная форма образована уже не от древнего *Urpanus*, а от славянской формы «Врбас»[3]. Наличие же других древних названий, таких, как Плива, приток Врбаса (в итинерарии Антонина — Pelva) или insula-Metubarris у Плиния (III, 148), которое Первольф считает транскрипцией славянских слов Међу барами (то есть «между болотами» — ср. серб. Међурек), я не считаю достаточным доказательством пребывания славян на Дунае. Наименование Civitas Pistrensis, упоминаемое Аммианом Марцеллином в Паннонии[4] под 373 годом, образовано, по всей вероятности, также от славянского названия какой-то реки Бистры, так как подобных наименований очень много, главным образом на альпийской территории славян. См. также реку Bustricius от славянского названия Быстрица у Равеннского анонима (IV, 19).

Другая группа явно славянских названий находится в венгерском Задунавье, главным образом в современном нижнем Банате. Прежде всего здесь уже с начала II века н. э. несколько раз засвидетельствовано название современной реки Черной, впадающей в Дунай с севера около Ршавы. Название Черная в противоположность Белой очень часто встречается в славянской номенклатуре рек, особенно в карпатских областях. Подобное же название носило и поселение в устье той же реки, что засвидетельствовано двумя вотивными надписями II века, найденными в Мехадии и у Апула (Альба Юлия) в форме statio Tsiernen (sis), municipium Dierna, а также на трех кирпичах, найденных в Сербии и Болгарии (Dierna)[5], потом у Птолемея (πόλις Διέρνα) на Дунае под Виминацием, у Ульпиана в начале III века (in Dacia Zernensium colonia a divo Traiano deducta), на Пейтингеровой карте (Tierna), в Notitiae dignitatum IV века — Transdiernae (пункт, расположенный

[1] Anon. Rav., IV, 19; Iord., Get., 52, 83; Plin., III, 24 и Aurel. Vict., De Caes., 40, 9, см. «Slov. star.», II, 148.

[2] Dio Cass., LV, 32, 2 (Οὐόλκαια ἕλη); Tab. Peut. segm., VI, 2; Aurel. Vict., Epitome, 41, 5; Itin. Hierosol.; Ennod., VII, 28. В более поздних средневековых источниках здесь появляется крепость Wolkou, Wulckow, Ulcou, Walko, villa Uulchoi, Uelchea, „Slov. star."; II, 150.

[3] Образовано от „врба" с окончанием -ас. См. поселение Врбас у Нового сада. См. критику Ромавшова в „Casopise za slov. jezik", 1920, 98.

[4] Amm. Marc., XXIX, 6, 7.

[5] Corpus inscr. lat., III, 1568; cihly ibid. 8277, 12677.

на другом берегу Дуная), смотри, наконец, еще у Прокопия крепость Зерна (φρούγιον Ζέρνης) между пунктами Новая и Понтес на Дунае[1]. Если считать, что в устье современной реки Черной колонистами Траяна было заложено поселение Tsierna, то очевидно, что эти колонисты, пришедшие, согласно Ульпиану, из Дакии, были славянского происхождения, и именно они дали реке обычное славянское название, перешедшее затем и на поселение.

Другим не менее выразительным названием является славянское наименование находящейся поблизости речки Брзавы, притока Темеша (от славянск. бързъ — быстрый); она упоминается также в качестве названия римского поселения Берсовия, расположенного на пути из Виминация к Сармизгетузу, не только на Пейтингеровой карте в месте пересечения дороги и Брзавы, но уже в начале II века у грамматика Присциана в форме Berzobis[2]. В развитие доказательств можно было бы привести для Дунайской низменности I и II веков название Тиссы в составной славянской форме *Потиси*; у Страбона Πάρισος, исправл. Πάθισος; у Плиния Pathissus amnis[3]; затем название реки Грон — Γρανούας у Марка Аврелия в конце II века[4].

Итак, очевидно, что здесь имеется определенная группа хотя и немногочисленных, но достаточно убедительных наименований, упоминаемых в источниках с I по IV век н. э. главным образом в трех местах: у Блатенского озера, на нижней Саве и в нижнем Банате. Поскольку и другие приведенные выше доводы также говорят, что присутствие славян в указанных местах не только вероятно (в I и II веках), но начиная с III и до V века оно непосредственно подтверждается, то названия Pelso, Vulka, Vrbas, Tsierna, Bersovia, Γρανούας, Pathissus — все без исключения представляются мне следами славянских поселений и племен. Славяне проникли в области Дуная и Савы уже в начале нашей эры, но, конечно, лишь на отдельные участки, образовав как бы большие и малые славянские острова в чуждой, иллиро-фракийской и сарматской среде. Именно потому, что речь здесь идет о крае, в который славяне проникали постепенно, появление в нем единичных славянских названий представляется совершенно закономерным и бесспорным.

Суммируя все вышеприведенные свидетельства, как исторические, так и топографические, мы приходим к заключению, что все они, дополняя друг друга, опровергают тезис о внезапном переходе славянами Карпат и выходе их к венгерскому Дунаю лишь в V веке, а к нижнему — в VI веке; наоборот, все эти данные позволяют говорить о проникновении славянских групп, вначале, конечно, разрозненных, в среду иранских сарматов, иллирийских паннонцев и фракийских даков уже в I—II веках н. э. В III веке, очевидно, под влиянием массового переселения прикарпатских народов продвижение славян к Дунаю значительно усилилось, и в IV—V веках северное Подунавье было полностью заселено последними.

Нельзя представить себе, чтобы все это произошло внезапно, в короткий срок, незадолго до того времени (551 года), когда Иордан привел в своем историческом труде цитированное выше известное сообщение (стр. 49), из которого исходят те, кто не хочет признать более раннее появление славян на Дунае.

[1] Ptolem., III, 8, 10; Ulpian., Lib., I, de cens. Dig., 50, 15, 1, 8, 9; Tab. Peut. VII, 4; Notitiae dign., 42, 29; Procop., De aedif., IV, 6. Варварский звук č, d' обычно транскрибируется как ti, di. Название Trans-černa на другом берегу Дуная образовалось так же, как Trans-Drobetae, Trans-Marisca.

[2] Tab. Peut., VII, 3; Priscian, VI, 3, 13. Отрывок этот Присциан выписал из Траяновых комментариев о дакийской войне. Он гласит: Traianus in primo Dacicorum: Inde Berzobim Aizi processimus. См. также „Geogr. Rav.", IV, 14.

[3] Strabo, VII, 5; 12, Plin., IV, 80. См. также Amm. Marc., XVII, 13, 4.

[4] Marc. Aur., Εἰς ἑαυτὸν I, в конце. Славянское наименование Грон (со множеством аналогий: Гронец, Гронек) связано, очевидно, со словацким hron — грохот, древнечешским hrônûtì — падать.

Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация

Если имеются известия, свидетельствующие о пребывании славян в I—IV веках н. э. на среднем Дунае и Саве, то нет никаких позитивных фактов, подтверждающих пребывание их в эту эпоху на самом Балканском полуострове, южнее Дуная и Савы. Хотя М. Дринов, а за ним некоторые его последователи [1] пытались доказать и это, однако эти доказательства были неубедительными. Возможно, и даже весьма вероятно, что в волне вторжений древних германцев или гуннов на Балканский полуостров были также отдельные группы славян и даже целые славянские племена, однако достоверных сообщений об этом мы не имеем. В свое время я верил известию Моисея Хоренского, согласно которому готы, теснимые в 376 году гуннами, в свою очередь вытеснили из Дакии на другую сторону Дуная 25 славянских племен [2]. Однако значение этого известия я переоценил [3], так как оно является единственным и не подтверждается другими известиями, кроме того, время, когда оно возникло, а также то, как оно попало в географию Моисея, остаются совершенно неясными. В равной степени нельзя обращаться и к сообщению Константина Багрянородного относительно нападения славян-аваров в 449 году[4] на Салоны, так как здесь Константин, очевидно, перепутал нашествие готов в указанном году с завоеванием Салоны славянами в первой половине VII века, вероятнее всего — в годы правления императора Фоки (602—610). И, наконец, даже географические названия, которые встречаются на римских картах и итинерариях III—IV веков и которые для многих представлялись славянскими [5], таковыми не являются. Во всяком случае, их славянский характер нигде не выступает с достаточной убедительностью. Скорее уж некоторые географические названия из книги Прокопия „περὶ κτισμάτων“ внешне сходны как в написании, так и в звучании с аналогичными славянскими названиями, например Στρέδην, Δόλεβιν, Βράτζιστα, Δέβρη, Βελέδινα, Ζέρνης, Βέρζανα, Λάβουτζα, Πέζιον, Κάβετζα [6], но это уже источник второй половины VI века (после 560 года), когда возникновение славянских поселений на Балканском полуострове не вызывает никаких возражений. Впрочем, даже эти наименования не так убедительны, как названия Черная, Плесо или Брзава — на севере.

Итак, достоверного доказательства прихода славян на Балканский полуостров до конца V века нет. Весьма вероятно, что в набегах на полуостров карпов, костобоков (176 год), гепидов, готов, сарматов и гуннов в течение II—IV веков принимали участие и славяне, более того, можно допустить, что при этом отдельные отряды или роды могли уже тогда в виде исключения задержаться здесь и осесть на местах древних поселений или в покинутых и разрушенных крепостях, но и в этом случае нет никаких оснований полагать, что Балканский полуостров был заселен славянами до VI века. Первые прямые и бесспорные известия о движении славян через

[1] М. Дринов, Заселение Балканского полуострова славянами, М., 1874. Затем см., например, Первольфа, А. Гильфердинга, П. Шафарика, Е. Богуславского. Раньше я тоже придерживался того же мнения. См. «Slov. star.», II, 174.

[2] Время появления географии Моисея Хоренского является предметом спора и датируется по-разному в промежутке между IV и X веками. Французский перевод издал А. Сукри в Венеции в 1881 году (Moïse de Khorène, Texte traduit par A. Soucry), а русский — К. Патканов, Армянская география VII века (СПБ, 1877); кроме того, см. новый текст Сукри в статье в ЖМНП, 1883, № 226, 21. См. «Slov. star.», II, 175.

[3] Niederle, Ein Beitrag zur Gesch. der südslaw. Wanderungen. Archiv f. sl. Phil., XXV, 307.

[4] De adm. imp., 29, 30. По мнению Ф. Шишича («Geschichte d. Kroaten»), Салоны пали в 614 году.

[5] Так, например, в Иерусалимском итинерарии: Beodizus, Berozicha; в итинерарии Антонина: Brizica, Brendice, Milolitus, Cosintus, Ostodizus; на Пейтингеровой карте: Micolitus, Hostizus, Zervae, Burtizus и др. См. „Slov. star.“, II, 178.

[6] Procop., l, c. IV, 4.

Саву и Дунай появляются лишь в VI веке, и все византийские историки уверены, что славяне, наступавшие в VI и VII веках, являются новыми завоевателями, новым народом, который до этого жил в Задунавье [1].

Первой датой проникновения славян на территорию Византийской империи считается обычно 527 год, то есть год вступления на престол Юстиниана, так как о его правлении Прокопий определенно говорит (рассказывая об Иллирии и всей Фракии) следующее:
„Οὖννοί τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται σχεδόν τι ἀνὰ πᾶν καταθέοντες ἔτος ἐξ οὗ Ἰουστινιανὸς παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, ἀνήκεστα ἔργα εἰργασαντο τοὺς ταύτῃ ἀνθρώπους“ [2].

Однако дата эта неверна, и мы можем на основании некоторых данных отнести приход славян к более раннему времени, по крайней мере ко времени правления Юстина (518—527), предшественника Юстиниана. Прежде всего Прокопий при описании событий 550 года вспоминает о поражении, которое еще во времена Юстина [3] славяне потерпели от римского полководца Германа. Вторжение гетов в 517 и 530 годах в Фессалию, Эпир и Иллирию, о котором говорит комит Марцеллин, можно с наибольшей вероятностью отнести к славянам, так как Марцеллин отличает в своем тексте гетов от болгар, гуннов и готов [4]. Затем, наконец, Прокопий в сочинении о постройках Юстиниана, где он описывает замечательные работы по восстановлению укрепленных линий, которые провел Юстиниан вскоре после своего вступления на престол, упоминает о двух крепостях, называемых „Ἄδινα“ и „ὀχύρωμα Οὐλμιτῶν“, в которых будто бы были в то время славяне, во второй из названных крепостей они находились даже длительное время: βαρβάρων δὲ Σκλαβηνῶν ἐπὶ χρονοῦ μῆκος ἐκείνῃ τὰς ἐνέδρας πεποιηκότων [5].

Нам неизвестно, существовала ли крепость Адина и где она находилась. Вероятно, это искаженная форма от Ἄλδινα — названия крепости, расположенной на Дунае близ Силистрии; крепость Ульметон, обозначенная в другой латинской надписи как vicus Ulmetum [6], находилась в Добрудже севернее линии Аксиополис (Черновода), Томис (Констанца), и ее остатки были раскопаны недавно румынским археологом Василием Парваном. К сожалению, следов пребывания здесь славян не найдено [7].

Начиная с 527 года, хотя, как мы видели, этот год и не является датой начала славянских вторжений, набеги славян начали повторяться все чаще и чаще, а также приобретать все большие размеры, будучи поддержаны одновременными нападениями гуннов, болгар и аваров. Юстиниан, вступив на трон, хотел для защиты своих границ от опасности с севера построить грандиозную оборонительную систему, состоящую из нескольких линий крепостей с постоянными гарнизонами; эти линии должны были доходить до «длинной стены» (μάκρον τεῖχος), которую построил незадолго до этого, в 512 году, Анастасий перед Константинополем (от Селимбрии до Деркоса). Эта система крепостей была частично возведена заново, частично восстановлена (см. перечисление крепостей в сочинении Прокопия «περὶ κτισμάτων», кн. IV), однако в империи не было необходимого количества войска, чтобы должным образом

[1] Leon, Tactica, XVIII, 79, 99; Procop., B. G. I, 27, III, 14. См. „Slov. star.“, II, 180.
[2] Procop., Hist. arc., 18. К этому см. высказывание Иордана (Rom., 388); «hi sunt casus Romanae rei publicae praeter instantia cottidiana Bulgarorum, Antium et Sclavinorum».
[3] Procop., B. G., III, 40. Здесь комментаторы исправляют обычно имя Юстина на имя Юстиниана, но без всякого на то основания, как я уже говорил в Ces. čas. hist., 1905, 136, и в „Slov. star.“, II, 191. Прокопий довольно ясно говорит, что это было во времена Юстина, а не Юстиниана, а также во всех рукописях написано: Ἰουστῖνος.
[4] Marcell., ad. a 517, 530 (Getae equites). Затем мы вскоре видим, как Феофилакт Симокатта совершенно очевидно отождествляет готов со славянами (ed. Boor, III), 417, VII, 2,5; cf. Photii summaria, ed. Boor, 8, 13). См. „Slov. star.“, II, 186—189.
[5] Procop., De aedif., IV, 7.
[6] На вотивном камне 140 года, найденном у Ceatal-Ormanu. См. J. Weiss., Mith. d. geogr. Ges., XLVIII, 231, и Corpus inscrip. lat., III, p. 1424, 26.
[7] Vas. Pârvan, Cetatea Ulmetum, Bucur., Acad., 1912—1915.

занять растянутую оборонительную линию и преградить путь неприятелю. Правда, в нескольких больших гарнизонах было достаточное количество имперского и союзных варварских войск (φοιδεράτοι), но между отдельными крепостями оставались очень большие слабо защищенные участки, да и само войско не было благонадежным. Именно поэтому северодунайских варваров — славян, болгар, гуннов и аваров — очень мало заботила имперская оборона, о чем достаточно ясно свидетельствует история царствования Юстиниана и его преемников.

У Дуная, бывшего de facto еще границей империи, жили в Паннонии лангобарды, в центральной Венгрии — гепиды, далее, на нижнем Дунае — остатки гуннов и болгары. Однако повсюду рядом с ними обитали славяне, главным образом, вероятно, в области среднего Дуная и в современной Валахии. Это была специфически славянская территория — Σκλαυινία — того времени, к ней около самого устья Дуная в Бессарабии присоединялась область славянских антов, отличаемых от собственно славян.

Нашествия славян стали чувствоваться сразу же после вступления на престол императора Юстиниана, затем в 530—533 годы они несколько утихли, но в 545 году вновь засвидетельствованы во Фракии, в 547—548 годах — в Иллирии и Далмации, где славяне достигли Дурреса — Эпидамна, в 548—549 годах — в Италии, в 549 — вновь во Фракии, в 550 — в Нише, в 551 году — в Иллирии; потом наступило затишье, и вновь сильное вторжение во Фракию вплоть до длинной царьградской стены, в Солунь и в Грецию. В этом нашествии вместе со славянами принимали в последний раз значительное участие гунны (котригуры); однако новый сильный противник и в то же время новый союзник славян не заставил себя долго ждать. Это были авары.

Авары — племя тюрко-татарского происхождения, начавшее продвигаться незадолго до этого из Азии в южную Россию и проложившее себе дальнейший путь сквозь земли гуннов и славянских антов, неожиданно появилось у Дуная под предводительством кагана Баяна. Уже в 558 году император принимал аварских послов и весь Царьград сбежался смотреть на «ἔθνος παράδοξον». Послы требовали предоставления аварам мест жительства на территории империи. Император испугался, и вполне обоснованно, новых пришельцев и сумел с помощью даров и обещаний отсрочить опасность до конца своего царствования — 565 года. Однако как только он умер и на престол вступил Юстин II (565—578), отказавшийся от выплаты дани, наступил ряд больших аваро-славянских войн с Римом, неоднократно потрясавших вплоть до 626 года как основы Империи, так и оборону самого Константинополя. Сначала бои шли главным образом за Сирмий (современная Митровица на Саве), которым во что бы то ни стало хотел овладеть Баян, занявший тем временем Паннонию. Однако это ему удалось лишь в 582 году. Наряду с этим авары вместе со славянами приняли участие в больших походах в глубь Балканского полуострова, направленных главным образом против Солуни и Греции. Все это происходило в годы правления Юстина и его преемника Тиберия (578—582). Особенно памятно вторжение в Грецию в 577—578 годах, а также наиболее мощное вторжение в 581 году, следствием которого была первая длительная оккупация, засвидетельствованная современником этих событий сирийским хронистом Иоанном Эфесским, писавшим в 584 году: славяне — «проклятый народ» — покорили в 581 году многие города и крепости, опустошили край, перебили население. «И вот,—говорит Иоанн,— еще и теперь (то есть в 584 году) они живут в римских провинциях без забот и страха, грабя, убивая и сжигая нажили они богатство, у них есть золото, серебро, стада коней и много оружия, и они научились вести войну лучше, чем римляне»[1].

[1] Ioan. Ephes., VI, 25. См. также Mich. Sir. (ed. Chabot, X, 18). О точной хронологии этих походов см. „Slov. star.“, II, 205 и дальше.

Войны не прекратились и во времена Маврикия (582—602), более того, они разгорелись еще больше, так как император отказал аварам в выплате дани, установленной Тиберием. Император был скупым, но вместе с тем храбрым и энергичным человеком. И, вероятно, он преодолел бы опасность, угрожавшую с запада, если бы всю первую половину своего царствования вплоть до 591 года не был занят тяжелой войной на востоке. Последнее обстоятельство обусловило относительную свободу действий славян и аваров на западе и первоначальную слабую оборону империи с этой стороны. Нам известны далее новые большие вторжения в 582, 584, 585 и 586—589 годах, когда славяне и авары вновь проникли в Грецию и оккупировали ее[1]. Новые нашествия на Солунь, описанные в первой легенде о св. Димитрии, также относятся к концу царствования Маврикия, вероятнее всего незадолго до 597 года[2]. В это же время славяне угрожали Северной Италии, о чем упоминается в посланиях папы Григория I. Но, между тем, энергичные действия императора, закончившего в 591 году войну на востоке, привели к значительным успехам и на западе. Римские войска под руководством генералов Приска и Петра не только осмелели и неоднократно (в 593 и 597 году) переходили Дунай, проникая в глубь славянской земли, уничтожая там неприятеля[3], но и добились в конце концов в 601 году больших побед над аварами, гепидами и славянами в самом центре аварской империи, где-то на Дунае около Виминация и на Тиссе. Но для империи эти победы не имели решающего значения, и, кроме того, вскоре наступил перелом. Когда на престол вступил Фока (годы правления 602—610), убивший Маврикия, во всех концах империи опять начались волнения, с которыми новый император уже не мог бороться. Сава и Дунай перестали быть границей империи. Последним ее удерживал Маврикий, однако после него ворота настежь распахнулись перед натиском северных варваров; то же самое мы видим и в начале царствования Ираклия (610—641). Славяне напали на Италию (600—603), заняли Иллирию и Далмацию (к этому времени, вероятнее всего, относится завоевание Салоны славянами (согласно Ф. Шишичу, это был 614 год), напали на Солунь (в 609 году, затем приблизительно в 632—641 годах) и проникли в Истрию (611). Другие массовые вторжения во Фракию аваров и славян, достигших ворот Царьграда, относятся к 611, 618, 622 годам; они завершились стремительной атакой 626 года, когда море перед городской стеной Царьграда окрасилось кровью сражавшихся славянских мужей и жен[4]. Однако взять Царьград не смогли ни каган, ни славяне.

Это нападение запомнилось еще и потому, что оно знаменовало конец аварского могущества. Конечно, причиной тому послужила не только эта неудача. За ней последовали и другие, так как первоначальное аварское могущество было уже подорвано. В 623 году Само освободил чешских и словенских славян из-под аварского ига, в 635—641 годах то же совершил болгарский князь Кубрат; к этому времени относится, очевидно, и освобождение от аварского господства иллирийских славян — хорватов и сербов. Все это явные признаки упадка аварского могущества, которое потом уже так и не возродилось.

Само собой разумеется, что столкновения более мелкого масштаба продолжались, но все же атака 626 года является последним большим нападением аваро-славян на Царьград. Затем наступления становятся слабее и реже. Да в них и не было необходимости, ибо несомненно, что в течение цар-

[1] Доказательства и подробности того, что в эти годы славяне были главными участниками походов в Грецию, см. в моих „Slov. star.“, II, 209 и дальше.

[2] См. „Slov. star.“, II, 228. Первая легенда приписывается салонскому архиепископу Иоанну II (вторая половина VII века), другую сочинил в конце VII века неизвестный автор.

[3] Упоминаются также сражения во Фракии и Мезии в 596, 600, 601 годах и в Иллирии в 592, 598 годах.

[4] См. подробности в „Slov. star.“, II, 231.

ствования Ираклия (610—641) и его преемников Константа II (642—668), Константина IV (668—685) и Юстиниана II (685—695) полуостров полностью был заселен славянами. Они пришли сюда с севера и окончательно здесь поселились. Нападения прекратились сами собой, поскольку нападавшие перестали возвращаться на север, а оставались постоянно на оккупированной территории. В VII веке понятие «славянская земля» не распространяется больше на земли, расположенные на север от Дуная, а лишь на центральные земли полуострова, прежде всего на Македонию и ее окрестности.

Одним словом, в конце VII века оккупация Балканского полуострова, включая Грецию и часть архипелага (в 623 году славяне проникли и на Крит), была завершена. Двести восемнадцать лет (с 589 года) римлянин не смел вообще показываться на Пелопоннесе. Так жалуется царьградский патриарх Николай III (1084—1111) в синодальном послании, адресованном императору Алексею I [1].

Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах

Описанные выше вторжения оказали сильное влияние как на политический строй, так и на этнический состав населения Подунавья и Балканского полуострова. Территория Римской империи, северной границей которой, после оставления Дакии в 275 году, стали Дунай, а с 453 года — Сава (ее течение вплоть до поворота у Сирмия), в связи с дальнейшим продвижением славян продолжала уменьшаться. Могущество римлян падало все более и более, особенно после 601 года, когда Дунай в последний раз упоминался как граница в договоре Маврикия с аварами; значительная территория была отторгнута от империи. Хотя некоторые провинции и префектуры и значились номинально в официальном перечне земель империи, но фактически они уже не принадлежали ей; когда же в VIII веке появилось новое деление на фемы, являвшиеся военными и гражданскими административными единицами [2], господство империи (Romania) ограничивалось уже полосой земли на побережье Эгейского моря, Грецией (также, собственно, лишь названием) и узкой полосой на Адриатическом побережье.

С потерей земель были тесно связаны и большие этнические изменения. Перед приходом славян весь Балканский полуостров подвергся частично эллинизации, частично романизации, причем граница между этими зонами влияний проходила приблизительно от Лиссы (Леш), южнее Скодры (Шкодер), через Призрен, Скопле, между Нишем и Белым Паланком на одной стороне и Кюстендилом, Пиротом — на другой, далее—севернее Враце и Никополя. Это видно по тому, какой язык преобладает в сохранившихся надписях [3]. Романизация северной области распространялась из двух центров: с одной стороны, из городов Далматского побережья, густо заселенного народами Италии [крупнейшими из этих городов были Салона, затем Эквум, Ядра (Задер), Нарона и Эпидавр], с другой стороны, из областей, прилегающих к Дунаю, точнее из колоний и крепостей, которыми были покрыты его берега. Отсюда романизация проникла, хотя и не везде равномерно, и до центральных областей Балканского полуострова. Не может быть, однако, сомнения в том, что и в центральных областях, особенно вокруг колоний, древнее местное население было сильно романизировано в VI веке. Это доказывается наличием остатков этого населения, о котором речь будет ниже.

Первым ударом по романизации было разделение Римской империи после смерти Феодосия I в 395 году, так как граница между двумя поло-

[1] „Slov. star.“, II, 210. К истории славянских нападений на Балканский полуостров, см. также книгу С. Станоевича, Византија и Срби, Нови сад, 1903.

[2] По вопросу происхождения фем см. литературу в моих „Slov. star.“, II, 285.

[3] Более подробно об этой границе см. К. Иречек, Arch. Ep. M., X, 44, Romanen, 1, 13.

винами империи прошла приблизительно по линии, соединяющей Котор с Белградом, причем на восток от нее латинский язык, хотя и удерживал еще долгое время доминирующее положение (например, в армии), начал все же с VI века уступать греческому языку. Однако дальнейшая романизация, так же как и эллинизация, были невозможны ввиду того, что с распространением славянской экспансии здесь появились в VI и VII веках элементы новой культуры, хотя и невысокой, но сильной, здоровой и обладавшей необычайной творческой потенцией и способностью к ассимиляции. Правда, славяне охотно воспринимали достижения чужой, более высокой культуры и чужие обычаи, но при этом они не ассимилировались полностью и не теряли ни своего языка, ни специфических черт своей народности. Напротив, они сумели ассимилировать других. Огромные массы славян, завладев большей частью полуострова, прочно поселились здесь. Они частично уничтожили и вытеснили старое население[1], частично его ассимилировали, так что от прежнего населения сохранились лишь совсем незначительные группы, главным образом в районах Балканского массива. После завершения славянской оккупации общая картина была следующей.

Греки удерживались лишь на побережье Черного моря на юг от Девельта (Develtos) и на побережье Эгейского моря. Правда, славяне в некоторых местах проникли и сюда, к морю, но были здесь немногочисленны (кроме окрестностей Солуни); только этим можно объяснить более позднюю эллинизацию всей южной и восточной Фракии. В дальнейшем основным ядром населения в Элладе все же оставались греки, хотя и имеются некоторые известия о «славянизации» Греции, ибо ничем другим мы не можем объяснить относительно быстрое исчезновение славян, оккупировавших в VI веке Грецию и остававшихся там еще в VII и VIII веках. Но греческие колонии, захваченные на северном берегу Дуная в VII—VIII веках, славяне удержать не смогли [2].

Романский элемент сохранился после прихода славян прежде всего на западном побережье в Далмации и в прилегающей к ней части Боснии и Герцеговины, а также в некоторых центральных областях, образующих отдельные оазисы среди основной массы славянских племен. Население западного побережья, говорящее по-романски, именуется в источниках романами (Romani) или латинами (Latini) (так уже у дуклянского аббата) в отличие от ромеев (Ῥωμαῖοι), то есть византийских греков; романов, живших во внутренних районах, славяне стали называть *влахами* (ед. число—*влахъ*) или в отличие от указанных выше латинов — черные латины, Nigri Latini, Μαυρόβλαχοι, мавролахи, Morlachi, Morlacci, Murlachi (это название удерживается до настоящего времени у подошвы горы Велебит). Далматские «романе» говорили сначала на южноиталийском диалекте, затем переняли венецианский, но с течением времени и они постепенно подверглись славянизации. Уже в IX и в X веках славяне проникли на это побережье, поселились около городов, население которых начало брать в жены славянок; так, в результате мирного сосуществования были постепенно славянизированы как последние романские острова Веглиа (Крк), Луссин (Лошинь), Арбо (Раб), так и последние романские города Трогир, Сплит, Дубровник и Котор. В XVII веке здесь вообще перестали говорить по-романски, а в 1898 году умер на Крке последний человек, знавший ещё «таинственный язык», то есть последние остатки древнего романского языка [3].

Внутренние влахи появляются в источниках лишь в XI веке в южной

[1] Уже до этого плотность населения полуострова стала значительно реже.

[2] Об этих колониях см. в моих „Slov. star.“, II, 297.

[3] По истории далматских романов см. литературу в моих „Slov. star.“, II, 300—301, и, в частности, известный труд проф. К. Иречека „Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters“ (Wien, 1901).

Македонии. Но расселились они очень широко [1]. Их центром в XIII и XIV веках была древняя Фессалия, называемая Βλαχία, а также Μεγάλη Βλαχία, в отличие от которой древняя Этолия и Акарнания назывались Μικρὰ Βλαχία (Малая Влахия), а Эпир — Ἀνωβλαχία. Здесь они были сосредоточены главным образом по обоим склонам Пинда. Затем они упоминаются еще в различных местах Македонии, в Древней Сербии, Черногории, Герцеговине и вверх до Велебит, а также дальше на востоке между Нишем и Софией. Все эти влахи были остатками древнего романизированного населения, вытесненного из романской области массовым продвижением славян на юг. Поэтому мы встречаем их больше всего на границе Греции. Другая часть была вытеснена с запада к Старой Планине и к Родопии, где до того времени их не было.

Часть этих внутренних романо-влахов подверглась позднее славянизации (название «влахъ» перешло в славянский язык и обозначало пастухов-горцев, живущих в горных селениях, называемых katun), другая же часть сохранилась и до настоящего времени на юге Македонии и на Пинде под названием аромунов (Aramâni), мегленитов, цинцаров, аланов, куцовлахов, каракачанов. Каравлахами были более поздние пришельцы из Валахии [2].

Наконец, и формирование румынского народа на севере от Дуная тесно связано с этими романами центральных областей. Происхождение северодунайских румын древней Дакии очень сложно. Прежде всего в Дакии, несомненно, сохранились остатки древнего гетодакийского (фракийского) населения, а наряду с ними и остатки римских колонистов или романизованных даков. Затем там к ним присоединился значительный славянский элемент, а также различные тюрко-татарские элементы, но основное ядро составила, вероятно, группа романских племен, продвинувшихся из смежных областей Балканского полуострова, из верхней Мезии, Дакии (Dacia ripensis и Dacia mediterranea), Дардании; эти пришельцы в период средневековья продолжали продвигаться на север, соединив различные этнические элементы древней Дакии в новую этническую общность румын [3]. Однако их движение на север не прекратилось в восточных Карпатах, они двинулись дальше, в русинские и словацкие области, и остановились лишь в XVI—XVII веках, достигнув восточной Моравии, восточная часть которой, в свою очередь, получила от них наименование «Валахия» [4].

Большинство оставшихся фракийских и иллирийских племен, сильно поредевших еще до прихода славян [5], постигла та же судьба, что и румын центральной части полуострова,— фракийцы исчезли совершенно. В VI веке источники в последний раз упоминают о фракийцах и о том, что в горах говорят еще по-фракийски [6], но затем фракийцы, за исключением бессов, ис-

[1] Kekaumenos, 172, 175, 176; Kedrenos, II, 435 (Bonn); Anna Komnena, V, 5, VIII, 3, X, 3; Ntketas Akom., 171 (Bonn); Jan Kinnamos, VI, 3 (Bonn); Kantakuzenos, I, 146. Ср. „Slov. star.“, II, 302.

[2] Во всей обширной литературе, носящей отчасти политический характер, по вопросу о балканских румынах выделяются прежде всего труды G. Weigand'a, Wlacho-Meglen (Leipzig, 1892), Aromunen (Leipzig, 1895, 1899), Rum. Dialecte (Jahresber. des Inst. f. rum. Spr., Leipzig, 1900).

[3] По этому важному и спорному вопросу см. перечень соответствующей литературы, например у R. Briebrecher'a, Der gegenwärtige Stand der Frage über die Herkunft der Rumaenen, Progr. Hermannstadt, 1897, у Jorgy, Gesch. d. rum. Volkes, I, 86, у K. Kadlce, Valaši a valašské právo v zemích slovanských a uherských, Praha, 1916, 1—82, у Onciula, Românii in Dacia traiana, Bukurešt, 1902.

В последнее время Ян Пейскер, исходя из экономических позиций, объявил влахов и румын романизованными тюрко-татарами („Abkunft d. Rumaenen“, Graz, 1917, Zs. d. hist. Ver. f. Steiermark, XV), однако тенденциозность такого толкования очевидна.

[4] J. Válek, Čas. Mor. mus., 1909, 129.

[5] См. Strabo, VII, 7, 9; Eutrop., VIII, 6.

[6] Mich. Sir., X, 23; Anton Plais., Corp. scr. eccles. lat., Windobonae, 1898, XXXVIII, 184, 213. О бессах см. Феофан (ed. Boor), 145, и другие сведения у Томашека, „Thraker“, I, 77, Zur Kunde zur Haemus-Halbinsel, Wien, 1882, 59.

чезают из истории, и лишь некоторые племенные наименования, сохранившиеся у болгар, свидетельствуют, возможно, о том, что славяне общались еще с фракийскими племенами бессов, сапов и пайонов [1]. Иллирийцы также совершенно исчезли, поглощенные славянами, в тот период, когда границы болгарской империи во времена царствования императора Симеона расширились до берегов Адриатического моря. Но когда в 1041 году византийцы опять завоевали Эпир и уничтожили господство славян, древнее иллирийское местное население начало подниматься и выступать все более и более определенно и самостоятельно под новым общим наименованием албанцев, арбанитов, арбанасов, бывшим в древности лишь локальным наименованием какого-то горного племени [2]. Эти иллирийские (или, согласно некоторым современным теориям, фракийские) албанцы уже тогда занимали территорию, начинавшуюся от границ современной Черногории, Призрена и Охридского озера и простиравшуюся на юг вплоть до Эпира. Славянский элемент, появившийся здесь раньше и столь значительный среди иллирийских албанцев, что подтверждается многочисленной славянской топографической номенклатурой, был постепенно поглощен. Зато к северу от Савы древние паннонцы исчезли навсегда. Правда, Прокопий в VI веке употребляет еще иногда старые термины «паннонцы», «далматы», «норики», «карны», но эти наименования относятся уже не к старым племенам, а к новым, поселившимся в те времена на альпийских землях, подобно тому, как впоследствии наименование паннонцев применялось для обозначения то славян, то мадьяр [3]. О том, что хорватские славяне встретились на Саве, по крайней мере, с древними бревками, свидетельствует, повидимому, название современных брайков, жителей верхней Кульпы, говорящих на кайкавском диалекте. Какова была дальнейшая судьба древних даков, нам вообще неизвестно, так как об этом никаких известий не сохранилось. Однако представляется вероятным, что часть древних даков, несмотря на полное опустошение их земель и неоднократные выселения в чужие области, сохранилась все-таки до прихода славян в неприкосновенном виде, другая часть романизировалась. Пополняемые в дальнейшем непрестанным притоком романов центральных областей Балканского полуострова, они приняли участие в формировании будущего румынского народа. Нельзя поверить, что горные области древней Дакии были совершенно безлюдны в момент прихода сюда славян.

Племена же, появившиеся на Балканском полуострове до прихода сюда славян, исчезли здесь почти бесследно. О каких-либо галлах в славянскую эпоху нет никаких известий, а на остатки иранских сарматов, когда-то переселенных сюда Константином (334 год, см. выше, стр. 53) указывают лишь названия двух горных крепостей Σάρματες и Σαρμάθων [4]; что касается германцев, то хотя в III—IV веках значительное число их — особенно готов — поселилось в балканских городах, что засвидетельствовано речью Синесия к Аркадию в 399 году [5], однако впоследствии, в славянскую эпоху и после нее, от них остались лишь немногочисленные поселения.

[1] Это относится к названию Bešafara (бессы?), сохранившемуся в окрестностях Пазарджика, названию *шопов* (древние Σάπαι, Σαπαῖοι?) в области между Кратавом и Софией, названию *пиянцев* (древние Παίονες, визант. Πιάνιτζα, Πιαντζος) в Македонии у истоков Струмы. Дринов присоединил к ним еще болг., дулупъ (Δόλοπες?), Гейтлер — болг. *дарзилцев* (Δερσαῖοι, Δάρσιοι), *занетов-торбешей* (Αὐταριάται), Цвилич—греч. *дарнаков* (Δάρδανοι). Об этом см. подробнее в моих „Slov. star.“, II, 309—311.

[2] См. у Птолемея, II, 14, 1, III, 12, 20: „Ἄλβανον ὄρος, Ἀλβανοί“. Албанцы в Эпире упоминаются впервые в 1079 году у Анны Комнены, VI, 8, и Ioan. Skylitzes (ed. Bonn apud Gedrenum, II, 739) — Ἀρβανῖται; первое упоминание о lingua albanesca см. в Дубровницкой грамоте 1285 года (Jireček, Rom., 1, 43).

[3] См. Procop., B. G., I, 15; Ann. Fuld., 884; Jan Kinnamos, V, 17; Anon. regis Belae, 50; «Život sv. Klimenta», 2; «Slov. star.», II, 314.

[4] Procop., De aedif., IV, 4, 11. См. также Itin. Hier., 565, 8.

[5] В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, 1, 736.

Готы упоминаются в северной Далмации и позднее в окрестностях Никополя под Гаемом, где до IX века население говорило по-готски[1]; герулы, поселившиеся в 512 году около Сингидуна, упоминаются еще в 626 году в связи с походом аварского войска против Царьграда [2], так же как и гепиды, погибшие затем в боях с аварами, лангобардами и славянами в нижней Венгрии [3]. От бастарнов, из числа которых около 100 тысяч человек были переселены императором Пробом на Балканский полуостров в 279 году, у Прокопия сохранилось лишь название одной крепости Βαστέρναι [4]; остатками скиров можно, вероятно, считать ангискиров Иордана, поселившихся в Малой Скифии [5]. От лангобардов остался только один гарнизон в Апрехе ("Απροι) между устьем Гебра и Пропонтидой [6], а ругии в последний раз упоминаются в 452 году в двух южно-фракийских поселениях (Бизии, Аркадиополе) недалеко от Царьграда [7].

Почти все тюрко-татарские племена гуннов, появившиеся в конце IV века, отошли после поражения 453 года за Карпаты, Серет и Прут. Впоследствии, во времена славянских нашествий, к ним присоединились новые племена котригуров и утригуров, но после 558—559 годов (см. ниже, стр. 132) они уже не представляли собой никакой опасности и в последний раз упоминаются во время наступления на Царьград в 626 году[8]. Авары были многочисленнее гуннов, и они сдерживали натиск славян вплоть до IX века. Появившись на среднем Дунае в 566—567 годах (см. стр. 59), авары сосредоточились сначала в южной Паннонии, а затем на севере между Блатенским озером и Венским лесом, где в VII и VIII веках была собственно Avaria, terra Avarorum (а также Hunnia, regnum Hunnorum), окруженная рядом больших укреплений (hringus) [9]. Отсюда поселения аваров распространились дальше, в частности к востоку от Дуная к Тиссе. Однако нет ни исторических, ни археологических доказательств того, что они жили в Чехии, в Моравии и среди альпийских славян [10].

Эти земли (так же как и другие) подвергались лишь периодическим набегам из Аварии, авары брали с собой в чужие земли славян для набегов и грабежей, для того, чтобы они воевали в первых рядах (befulci, bifulci) [11].

Это тесное общение аваров со славянами нашло свое выражение и в том, что наименование первых удержалось в северных славянских языках в слове «*обра*» — дикого и сильного сверхчеловеческого существа [12].

Упадок аварского могущества начался в VII веке, в 623—641 годы (см. выше, стр. 60), но только войны с Карлом Великим 791—799 годов привели к окончательному их покорению, можно сказать даже — уничтожению. Древняя аварская земля была опустошена и обезлюдела настолько, что даже в IX веке именовалась еще solitudines Avarorum — аварской пустыней,

[1] Procop., B. G., 1, 7; Iord., Get., 267 (см. также Procop., 1, 16, IV, 5, B. Pers., 1, 8); Walafrid Strabo, De reb. eccles. (Bibl. vet. patrum Lugd., 1677, XV, 184). Этот автор умер в 849 году.

[2] Georg. Pisides, 197.

[3] Theoph. (ed. Boor), 315.

[4] Procop., De aedif., IV, 11.

[5] Iord., Get., 272—280.

[6] Procop., De aedif., IV, 27. Кроме того, на Дунае была также крепость Λαγγοβοῦργος (там же, IV, 6), а в Македонии сохранилось название селения Логоварды в Монастирской (Битольской) области.

[7] Iord., Get. 266.

[8] Georg. Pisides, 197 и сл.

[9] См. „Slov. star.", II, 321.

[10] См. мою статью „Čechové a Avaři" в Čes. čas. hist., 1909, 345. Однако, согласно свидетельству Константина Багрянородного (Об управлении империей, 30), часть их осталась в северной Далмации в области Лика-Крбава (ср. F. Sišić, Geschichte der Kroaten, Agram, 1917, I, стр. 55).

[11] См., в частности, известие в хронике Фредегара, IV, 48.

[12] Чешск. *obr*, слав. *обрин*, польск. *obrzym, olbrzym*, лужицк. *hobr*, русск. *(обрин) обры*. Так, например, уже в легенде о Константине XVI читаем — *обри*.

глушью[1]. Одна часть аваров искала убежища за Тиссой, другая — осталась в Паннонии, но обе они не удержались ни здесь, ни там. В 822 году аварское посольство в последний раз появляется на сейме во Франкфурте, а в 873 году есть упоминание о крещеных аварах в Нижней Паннонии [2]. Затем авары растворились частично среди славян, частично среди мадьяр, занявших в конце IX века Венгерскую (Угорскую) низменность.

Здесь нет необходимости говорить о менее значительных азиатских колониях на Балканах, образовавшихся, в частности, в VIII веке [3]. Что же касается факта прихода болгар в 679 году и значения его, то этому вопросу посвящена одна из последующих глав.

[1] Regino, Chron., 889.

[2] Ann. Einhardi, 796; Ann. regn. Franc., 811, 822; Conv. Bag. et Car. 3, 6.

[3] См. „Slov. star.", II, 324—325. Тут речь идет главным образом о колонизации сиров, армян и тюрков вардариотов (последние поселились у р. Вардара в Македонии около 838 года).

Глава VI

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Согласно теории, созданной когда-то Копитаром и поддержанной Миклошичем[1], считалось, что славяне, прийдя на юг, образовали от Альп до Черного моря единую словенскую полосу, которая только в VII веке с новым приходом сербо-хорватов была разделена на собственно словенцев (на западе) и дакийских словенцев (на востоке). Но ни исторические, ни филологические данные не подтверждают эту теорию. Известие о позднем приходе сербо-хорватов на Балканы недостоверно (см. ниже, стр. 76), а последние более тщательные исследования южно-славянских диалектов показали существование непрерывной полосы от Альп к Черному морю, в пределах которой один диалект переходит в другой, причем переход одного языка в другой происходит настолько постепенно, что ничто не обнаруживает здесь какого-либо внезапного вторжения чуждого языкового элемента в древнее единство. Поэтому новая филологическая школа с В. Ягичем во главе[2] отстаивает ту точку зрения, что древнего словенского пласта, разделенного сербо-хорватским клином, не существовало, но что уже с самого начала вся южно-славянская волна содержала в себе зачатки будущих словенцев, сербо-хорватов и болгар, которые располагались так же, как и сами народы, в момент, когда они стали известны истории[3]. Конечно, в этой волне не было еще сформировавшихся словенцев, сербо-хорватов и болгар, а были только их предки. Окончательное разделение этих трех народов и образование более глубоких различий между ними произошло лишь на новых местах поселения, причем новая территория и среда, воздействие сохранившегося здесь иллирийского и фракийского местного населения, а потом романов оказали, несомненно, влияние на формирование их языка и культуры. Однако образование различий между сербами и хорватами было делом еще более поздней истории.

Итак, на севере — прародине славян, где произошло выделение их южной ветви,— не было еще этих трех или четырех народов. Отделилась целая ветвь, еще слабо дифференцированная внутри, но поскольку диалектологические центры располагались в ней в том же порядке, в каком они были впоследствии на юге, то можно допустить, что прародина протословенцев находилась в юго-западном углу славянской прародины, где-то в районе верхней Вислы по соседству с чехами, тогда как протоболгары занимали юго-восточный угол прародины, а протосербо-хорваты находились между первыми и вторыми, в области центральных Карпат, что, как мне кажется,

[1] B. Kopitar, Glagolita Clozianus, Vind., 1836, XXX; Miklosich, Vergl. Lautlehre d. slav. Sprachen, Wien, 1879, 33 (их последователями в этом вопросе были также Л. Манич, Т. Маретич, С. Новакович, Б. Ляпунов и др.).

[2] См., в частности, Archiv f. slav. Phil., 1895, XVII, 47—87 (также VI, 148; VIII, 579), а также Ягич, V. Oblaka (Archiv, XVII, 595). См. также мои „Slov star.“, II, 257.

[3] См. выше, стр. 44. Древнее соседство словенцев с чехами, а болгар с русскими подтверждают некоторые отдельные языковые признаки, о которых см. в моих „Slov. star.“, II, 329. См. также предисловие к болгарской исторической грамматике, написанной Б. Коневым, „История на български език“, София, 1919.

подтверждается также тесной связью между именем «хорват» или «харват» (второе название является, вероятно, более древней формой) и наименованием Карпатских гор [1]. Отсюда протоболгары продвинулись, конечно, по течению Серета и Прута к нижнему Дунаю, протословенцы же, а частично, может быть, и протохорваты прошли через Карпаты вдоль их западных склонов и через Моравию — в Паннонию[2]. Через центральную часть Карпат прошли, очевидно, относительно небольшие группы из-за сравнительной непроходимости этих дорог[3]. Тем не менее как сербо-хорваты, так и словенцы пришли, несомненно, в Паннонию и область Альп с севера, а не с южного Дуная вместе с аварами, в подчинении у которых они находились, как об этом до сих пор пишут, главным образом под влиянием устаревшего исследования Рёсслера [4].

После прихода южных славян на Балканский полуостров развитие их языков шло по следующим основным направлениям: общими признаками южно-славянской ветви по сравнению с остальными славянами были: 1) отвердение гласных *е* и *i*, 2) уничтожение разницы между *u* и *ы*, 3) переход *е* в *ѧ*, 4) слоговые *r* и *l* и замена твердого *ŕ* средним *l*, 5) группа *trat* и *trêt* переходит в *tort* и *tert* (*tlat*, *tlêt* в *tolt*, *telt*), 6) функция союза *da* и *vět* в дополнительных предложениях и 7) развитие праславянских *tj* и *dj* в *č*, *j*, в словенском языке, в «ć», «*j*» в чакавских диалектах, в *ć*, *đ'* в штокавских диалектах, в *ǵ*, *ḱ* в резавско-моравских диалектах, в *št*, *žd* в общеболгарском языке [5]. На основе этих признаков на западе образовалась словенская область, в которой вместо старославянского *Q* возникло *O*, из праславянского *ê — e*, а из *tj*, *dj — j*, *č*; далее к востоку выделилась область кайкавского диалекта, который составлял переходную ступень к сербо-хорватскому языку [6]. Рядом со словенцами и кайкавцами образовалась область чистого сербо-хорватского языка, составленная из двух основных частей: из чакавских диалектов (из праславянского *dj — j*) и штокавских (собственно сербский язык из праславянского *dj — ђ*), причем следует упомянуть, что чакавщина в Хорватии издавна постоянно уступала на севере кайкавщине, а на юге — штокавщине, последние два диалекта заняли уже значительные области в Далмации, Боснии и Славонии[7]. Между штокавщиной и собственно чистым болгарским языком также образовалась полоса переходных диалектов, имеющих в одних местах больше сербских, а в других больше болгарских признаков. Это древнесербские диалекты, распространенные от

[1] По вопросу о сходстве названий — греч. Καρπάτης, герм. Harfađa, старорусск. хорваты — см. „Slov. star.“, I, 181, 297, 427 и сл. Впрочем, А. Брюкнер отрицает это сходство. Конечно, происхождение наименования Карпат неясно, а тем более происхождение наименования хорватов. Можно также заметить, что существует много интересных соответствий между речной номенклатурой закарпатских областей и более поздними славянскими названиями рек на Балканском полуострове. См. „Slov. star.“, II, 330.

[2] Я полагаю, что предки хорватов жили в Западной Галиции еще до нашествия сюда германцев и тюрко-татар, а предки сербов — южнее от них, в Моравии или в северной Венгрии. Хорватские племена пришли позднее, чем сербские, вероятно, под давлением аваров.

[3] Впрочем, Дукельский и Яблуновский перевалы были очень оживленными уже в доисторическую эпоху.

[4] Roessler, Ueber den Zeitpunkt der slav. Ansiedelung auf der unteren Donau, 92, Sitzungsberichte Videňské akademie, tř. fil.-hist., 1873, sv. 73. Ту же точку зрения, что и Рёсслер, отстаивал и Миклошич (Vergleichende Lautlehre, 1879, 33), а за ними в настоящее время многие другие. См. „Slov. star.“, II, 332.

[5] Jagić, Archiv f. slav. Philologie, XX, 35; Vondrák, Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen, I, 2.

[6] Современные кайкавцы в западной Хорватии с точки зрения народности являются, конечно, хорватами (см. Нидерле, Slov. svět, 130), но сам диалект носит в такой степени переходный характер, что одни филологи, как, например Копитар, Миклошич, Облак, Белич, причисляют его к словенскому языку, а другие (Ягич, Решетар, Вандрак, Поливка) к сербо-хорватскому. См. A. Belić, Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène, Revue des Études slaves, I, 1921, 20—27.

[7] См. об этом библиографию в „Slov. star.“, II, 334.

Призрена и Тетевена через Приштину, Куманово, Вране, Ниш к Тимоку (призренско-тимокские) и дальше к югу северо-македонские диалекты от Скопле к Тырново и Софии. Южно-македонские диалекты уже явно болгарские. Собственно болгарский язык, характерными признаками которого являются переход от праславянской *tj* — *dj* к *št* — *žd*, а в более поздний период постоянное сохранение носовых звуков и полугласных, занял восточную часть южно-славянской области от Тимока, Софии и Македонии к Черному морю и разделился с течением времени на основании развития старославянского *ě* и носовых звуков на группу западную (*ě* — *e*) и восточную (*ě* — *я*). Позднее сербо-хорватский язык в процессе своего развития подвергся извне еще различным воздействиям двух культур — западной и восточной. Одна часть племен с сербо-хорватским языком приняла религию, а с ней письмо и культуру в целом из Рима, другая часть — из Византии. Это привело к образованию, с одной стороны, хорватов, а с другой — сербов — двух славянских народов, ныне резко различных, несмотря на близкое их родство. Но в древнюю эпоху после прихода славян на Балканы сербов и хорватов в современном понимании не существовало. Более того, не было вообще еще ни словенцев, ни болгар. Был лишь ряд очень мало отличавшихся друг от друга племен, из которых только позднее, в период средневековья, образовались словенцы на западе, хорваты и сербы в центре, а на востоке — болгары [1].

[1] Соответствующую литературу об этой эволюции см., во-первых, в моих „Slov. star.", II, 334—337, во-вторых, в моем „Slov. světě", стр. 183.

Глава VII

СЛОВЕНЦЫ

Эти славяне, поселившиеся на юг от Дуная и на север от нижней Дравы, Кульпы и Истрии, переходили через средний Дунай уже в начале нашей эры, о чем свидетельствует славянское название Блатенского озера — Pelso у Плиния (см. выше, стр. 55). Однако в истории они под наименованием «славян» появляются только в конце VI века: во-первых, они в 592, 600, 602 годах совершали нападения на города Истрии и Северной Италии[1], во-вторых, в 595 и 596 годах принимали участие в боях против баварского воеводы Тассилы, происходивших где-то у истоков Дравы и Муры, в области, называвшейся уже тогда provincia Sclavorum [2]. В это же время или вскоре после этого (после 611 года) все славяне, жившие на территории, простирающейся от Альп до среднего Дуная, подпали под власть аваров, от которой, однако, их в 623—658 годы освободил Само [3], но уже в 745 году Борут, хорутанский князь, за помощь, оказанную ему в борьбе с аварами, подчинился баварскому господству, которое было закреплено подавлением восстания 772 года, а в 788 году заменено господством франкской империи. Тогда же эти славяне (живущие даже в самых отдаленных местах) приняли христианство, главным образом благодаря деятельности Виргилия и Арна, зальцбургских епископов, которым эти области были подчинены в церковном отношении [4].

Плотность славянского населения в оккупированных местностях была не везде одинаковой. Наиболее густо, по всей видимости, славяне заселили ту территорию, где по сегодняшний день сохранилась словенская область, а именно — южную Штирию, Каринтию, Крайну и, конечно, Паннонию, откуда они ушли только позднее. Помимо этого ядра, колонизация в других местах была слабее, густота населения была реже, в особенности, что вполне естественно, в связи с удалением в горные районы, и это было, очевидно, главной причиной того, что славяне здесь столь быстро подверглись германизации. В целом же территория, которую можно в основном считать славянской, простиралась в VII — VIII веках далеко за пределами современной славянской области, границы которой тянутся от Триеста через Тржич, Кормин (Кормане) к Чедаду (Чивидале), к Понтеббе, Св. Могору (Хермагор), Беляку (Филлах) на Драве, затем между озерами Оссиахер-Зе и Врбским (Вертер-Зе) к Радгоне (Радкерсбург) на Муре, св. Готхарду на Рабе и Вараждину на Драве, откуда она поворачивает вдоль Сотлы, Кульпы, Снежника и около Бузета (Пинквента) к Триесту [5].

В VIII—IX же веках можно провести границу славянских земель от Истрии не только к Чивидале и Понтеббе; мы видим, однако, что в тот период образовалась еще полоса славянских поселений, тянущаяся южнее

[1] См. Послание папы Григория I в 592 году иллирийскому префекту Иобину и в 600 году салонскому епископу Максиму, а также известие Павла Диакона, IV, 24.
[2] Paulus Diacon, IV, 7, 10.
[3] См., в частности, Fredegar, Chron., IV, 48 и затем в моих «Slov. star.», II, 341 и сл.
[4] „Slov. star.“, II, 343—344 (см., в основном, Conversio Bag. et Car., 4—7).
[5] Подробности см. в моих „Slov. světě“, 103.

от Чивидале к западу через Пальманово, Кодрайпо и через реку Тальяменто до окрестностей Порденоне. Свидетельством этого является, согласно некоторым историческим документам, огромное количество итализированных славянских названий, поселений, обозначенных иногда также определением schiavonesco, schiavonico. Сбором этого материала занимались главным образом С. Рутар и Ф. Мусони [1].

От Понтеббо граница славянских земель тянулась к западу по гребню Карнийских Альп к верхней Драве, где в 770 году между Иннихбергом и Линцем около деревни Анраса река Мюльбах стала границей баварской и славянской территорий [2]. Севернее граница не отмечается историческими свидетельствами, но поскольку долины Изель, Деферегген и Кальзер до сих пор изобилуют славянскими названиями[3], то граница, повидимому, проходила от Анраса по гребню Дефереггенских Альп к горе Драйгеррешпитце, затем к Венедигеру, Б. Звону (Гросс Глокнер) по хребту Высокого и Радштетского Тауерна, так что зальцбургский Лунгау находился внутри славянской области. Из достоверного сообщения известно также, что в конце VIII века поселение Бишофсхофен на Саличе Зальцах (в Понгау) находилось под угрозой a vicinis Sclavis (соседних славян)[4]. За Радштетским проходом граница славянских поселений шла на Дахштайн, а около озера Аттер к средней Травне (Траун), с восточного берега которой сворачивала за Кремжи (Кремс) и св. Флориан; на западе можно говорить, по крайней мере, об отдельных славянских поселениях, простиравшихся до реки Инн. В известной грамоте Тассилы 777 года, а также в грамотах 789 и 791 годов[5] засвидетельствованы славяне, подчиненные жупану (joppan Physso) и живущие в окрестностях монастыря на реке Кремже. В другом документе 834 года область, расположенная у Кронштorфа на Енже (Энс), обозначается как pars Sclavorum (славянская область)[6], в документе 906 года области около св. Флориана упоминаются как Bavari vel Sclavi istius patriae (родина баварцев или славян) [7]. За устьем Трауна до Дуная граница проходила от Урфара (Бухенау) на север до Баварии.

Во всех этих областях и даже там, где теперь живут чистокровные немцы, встречается множество древних топографических славянских названий. К сожалению, они до сих пор не систематизированы и не подвергнуты необходимому анализу. Попытки, сделанные до настоящего времени в этом направлении, носят лишь локальный характер и нуждаются в проверке авторитетных филологов [8].

Северной границей словенской области был Дунай, так как словенцы не переходили на его левый берег. В противоположность этому чешский элемент, издавна находившийся здесь по соседству со словенцами, не только достиг Дуная, но и перешел его, а в некоторых местах, повидимому, довольно глубоко проник в словенскую область, особенно на востоке у Блатенского озера.

Имеются достоверные свидетельства о том, что и на западе, в современной Верхней и Нижней Австрии, чехи перешли в области, расположенные

[1] S. Rutar, Ljubl. Zvon, 1883, Beneška Slovenija (Lubl., 1899), 110; Fr. Musoni, I nomi locali e l'elemento slavo in Friuli (Firenze, 1897). См. „Slov. star.", II, 348. До настоящего времени в области у Чивидале оставалось 35 000 славян. Результаты переписи населения в 1920 году до сих пор неизвестны.

[2] Kos, Gradivo, I, 274; L. Niederle, Slov. star., II, 349.

[3] См. литературу в „Slov. star.", II, 349.

[4] Breves notitiae, 3 (Kos, Gradivo, I, 250); Salzb. Urkundenbuch, I, 22, 27, с. 790.

[5] „Slov. star.", II, 351; Kos, I, 289. Urkundenbuch des Landes ob der Enns, II, 2, 6, 13.

[6] „Slov. star.", II, 352; Kos, I, 306.

[7] „Slov. star.", I, c; Urkundenbuch des Landes ob der Enns, II, 55.

[8] См. по этому вопросу библиографию в моих „Slov. star.", II, 349—350, 353, 354 и у Dopsche, „Ältere Soz.- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven", Weimar, 1909, 53, 57.

на юг от Дуная [1]. В свое время я приводил уже филологические доказательства того, что тут, на землях между Енжой (Энсом) и Литавой, вдоль рек Мурек и Муры вплоть до Дравы, встречается множество славянских наименований, сохраняющих «чешский» характер, так, например, названия, образованные от чешской формы *jedla* (в славянском языке *jel*, *jela*), или названия, образованные от чешской формы *chłm*, *chłum* (сравни со словенским *holm*, *hom*)[2]. Но мне возразили, что исчезнувшие северословенские диалекты образовали здесь переходную ступень к чешскому языку, следовательно, эти формы являются доказательством наличия здесь не чешского языка, а словенского диалекта, близкого к чешскому языку [3]; поэтому необходимо в будущем произвести филологический анализ этих форм для того, чтобы решить с чисто филологической точки зрения, является ли славянская номенклатура в Нижней Австрии и в Штирии словенской или чешской. Однако в пользу чешского элемента, несомненно, свидетельствует одна Пассауская грамота 987 года, в которой прямо говорится о чехах, прочно осевших на реке Першлинг (древняя Берзница или Брзница)[4], а кроме того, ряд названий с определением Böhm-Böheim-Böhmisch, из числа которых Бехаймберг около Штира и Бехаймкирхен около св. Ипполита (Sankt Pölten) засвидетельствованы уже грамотами XII века[5]. Аналогичным, судя по всему, было положение и дальше на востоке, в древней Паннонии, у Блатенского озера. У нас нет, по правде говоря, доказательств присутствия здесь чешского или, точнее, словацкого элемента до IX века, и можно действительно сомневаться в справедливости предположения о приходе словаков в Паннонию до этого времени. Тем не менее весьма вероятно, что после поражения аваров в 799 году, когда вся Паннония, по словам Эйнхарда, осталась совершенно безлюдной [6] и подпала под политическое господство словацких князей из Нитры, здесь появилось значительное число северных чешско-словацких колонистов[7]. Во всяком случае, только таким образом можно объяснить, почему половина имен славянских вождей, присутствовавших в 850 году при освящении храма в замке князя Прибины (над рекою Салой у Блатенского озера), носила характер имен северо-западных славян, а не южных [8]. С этим, видимо, связан также ряд других фактов, свидетельствующих о том, что в IX веке наименование Моравии относилось к обеим Придунайским областям — к области северной, моравско-словацкой и к Паннонской области. Святого Мефодия его ученик Климент прямо называл ἐπίσκοπος Μοράβου τῆς Πανονίας [9], обе области были объединены под названием Великой Моравии (Μοραβία ἡ μεγάλη), которой управляли моравские князья Прибина, его сын Коцел и, наконец, Святополк [10], а Conversio Bagoariorum (с. 10) называет Моймира dux Moravorum supra Danubium, что предполагает наличие и моравов «infra Danubium». С этим, вероятно, связано также различие между двумя группами моравов у Баварского географа.

[1] Об этом см. подробнее в „Slov. star.", II, 354 и дальше.

[2] Čes. čas. hist., 1909, 76.

[3] Как утверждал Миклошич, „Ortsnamen", 1, 106 (Denkschrift. d. Wiener Akademie, Phil.-hist. Klasse, XXI), а в последнее время J. Stur, Sitzungsber. Akad. Wien. Phil.-hist. Kl., CLXXVI и A. Beer, Listy fil, XLIII, 149.

[4] „Postea Persnicha sicut Willihelmus in proprium possidebat, quod tempore presenti Boemani insidendo arabant (Niederösterr. Urkundenbuch, I, 1, 4).

[5] Urkundenbuch des Landes ob der Enns, I, 118, 126; Niederöst. Urkundenbuch I, 1, 18.

[6] Vita Caroli Magni, 13.

[7] См. Conv. Bagoar., 6, 10, 11 („Slov. star.", II, 364, примечание 3).

[8] Conv. Bagoar., 11. См. также новое исследование Б. Ягича в Entstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache, I, 85, J. Melicha, Szláv jövevényszavaink (Budapest, 1902—1905) и Fr. Pastrnka, „Dejiny slov. apoštolů", 67, 270.

[9] Fontes rer. boh., I, 77. См. также Conv. Bagoar., 10 и Лавров, „Житие св. Наума", (Петроград, 1907), 5.

[10] Const. Porph., De adm. imp., 13, 40, 42.

Вообще же границей словенцев на востоке можно считать средний Дунай до Дравы. За ним располагалась—перед мадьярами—другая группа южных славян (болгарская). На юге переход к собственно сербам и хорватам образовывала полоса кайкавского диалекта, занимавшая бóльшую площадь, чем сейчас, когда приблизительной границей этой полосы является линия, тянущаяся от Вировитица на Драве мимо Беловара и Есеница на Саве и отсюда вдоль Савы и Кульпы к Карловцу и Гацкополю, тогда как раньше почти вся территория Славонии до черты Осиек — Винковци — устье реки Босны была кайкавской и лишь позднее, в эпоху турецкого господства, была колонизирована населением с Балканского полуострова, говорящим на штокавском диалекте[1]. Само собой разумеется, что переходный диалект был в то время очень близок словенскому языку.

Говоря о границах древней Словении, нельзя не упомянуть еще о некоторых старых и новых теориях, сторонники которых расширяли область древних словенцев значительно дальше на север, вплоть до Венгрии, до современной Венгерской Словакии, объявляя древних словаков либо просто паннонскими словенцами, либо южными славянами, обособленными от соседних западно-славянских чехов.

Уже Ф. Миклошич и А. Дюммлер отстаивали эту теорию, после них ее охотно приняли венгерские ученые, и, наконец, словацкий филолог д-р Само Чамбел усердно пытался привести филологические и исторические доказательства в пользу этой теории. Хотя их точки зрения были не во всем тождественны, но в конечном итоге все они считали древних словаков VIII—IX веков словенцами, либо особым южно-славянским племенем, близким паннонским словенцам[2]. К такой точке зрения их привело, во-первых, уже упоминавшееся выше употребление названия Моравии для Паннонии, во-вторых,— и это было решающим для Чамбела и его последователей — характер словацкого языка, в котором проявляются некоторые явные южнославянские признаки. Поэтому Чамбел считал, что первоначальные словаки были южными славянами, родственными словенцам и сербам, и что лишь позднее, начиная с XIII века, под влиянием чешской культуры они отделились от них и были чехизированы.

Нельзя отрицать, что в словацком языке такие «южно-славянские» признаки имеются (например, первое лицо единственного числа на-*em*; вставленное «*a*» в род. пад. мн. ч.; формы среднего рода *dobrô*, *starô*; выпадение *d* перед *l* и др.); имеются также в словацкой топографической номенклатуре названия южного характера, например Toplá, Pieščany, Hrmovo, Lončary, Razpuče, Moštenica, Grlica, Kalište, венг. Palugya, Pokorágy, Privigye[3]. Но их немного. Язык в целом и вся остальная номенклатура носят

[1] „Slov. svět.“, 130; „Slov. star.“, II, 366; Rešetar, Der štokavische Dialekt (Schriften d. Balkan-Komm. Linguist, Abth., VIII, 30, 33, 42).

[2] См. Miklosich, Altslow. Formenlehre, стр. III—IV; Dümmler, Die pannon. Legende, 25 (после них Ваттенбах, Маретич, Шуман, Ходжа, Е. Богуславский, Краличек); P. Hunfálvy, Ethnographie von Ungarn, 299; J. Volf, Die Heimat d. Kirchenslav. Sprache (Ethn. M. aus Ungarn, VI, 1897—1898). См. „Slov. star.“, II, 357, 360 и дальше. С. Чамбел изложил свои взгляды главным образом в трудах „Slováci a ich reč“ (Budapešt, 1903) и „Slovenska reč“ (Turč. Sv. Martin, 1906, I). На его выводы опирались Шкультеты („Slov. pohľady“, 1903, 709, 1908, 380) и особенно Пастрнек в „Вестнике чешской академии“, XIII. Нельзя больше считать правильной и теорию об особом южно-славянском народе и паннонском языке, поскольку твердо установлено, что языком церковнославянских книг св. Мефодия и его окружения служил южно-болгарский диалект, распространенный в области Солуни (см., в частности, труд В. Ягича, Zur Entstehungsgeschichte d. Kirchenslav. Sprache, Denkschr. Akad. Wien, 1900, Bd. XLVII, и второе его дополненное издание, вышедшее под тем же названием в Берлине). Теорию об их паннонском происхождении отстаивали когда-то Копитар, Шафарик и Миклошич, из современных ученых, в частности, вышеупомянутый венгерский филолог Вольф сделал последнюю попытку отстоять эту теорию, но безуспешно. См. подробно об этом в „Slov. star.“, II, 360—361.

[3] Из венгерских форм очевидно, что венграм были известны в IX и X веках южные формы Palud'a, Pokorad', но в современном славянском языке это Paluđza, Pokoradz.

в общем западно-славянский характер, но ближе всего они к чешскому языку. Поэтому не остается ничего другого, как считать, что словаки принадлежали к западно-славянскому племени и составляли некогда вместе с чехами одну его ветвь. Что же касается упомянутых южно-славянских признаков, то я объяснил бы их, во-первых, тем, что словаки при своем центральном положении издавна жили по соседству со словенцами и сербами и поэтому имели с ними больше языковых связей, во-вторых, также тем, что отдельные группы южных славян остались среди них либо во время передвижений на юг, либо при отступлении на север от Дуная после оккупации Паннонии аварами[1] и венграми.

Славяне, живущие между Альпами, Дунаем, Дравой и Истрией, в древних источниках упоминаются обычно под названием Sclavi, реже Sclavani (страна их Sclavinia), или же Winedi, Winidi, Winades (по ошибке также Wandali). Сами они также в качестве своего племенного наименования сохранили нарицательное имя Sclavi, а именно в форме Slovénec, Slovénka, множ. число Slovenci (чешск. Slovinec); это наименование вошло в литературу в эпоху Возрождения. Это же название славян сохранилось и у южных романских соседей, тогда как немцы приняли другое название — венеды, венды (нем. Winden, Wenden, Windisch), а венгры создали как для славян вообще, так и для словаков общее наименование *tót*, множественное число *tótok*. Позднейшие политические события способствовали, с одной стороны, возникновению таких названий, как marca Winedorum, marcha orientalis, Oriens, Slougenzin marcha, provincia Sclauorum и т. п., с другой стороны, восстановлению некоторых античных названий: Carantani (позднее также Carentani, Carentini), Carnii, Carniolenses, Pannonii, Πάνονες, для областей же — Carnia, Carniola, Carantania, Pannonia[2]. Наименование Carnia путем народной этимологии перешло в общеславянское Крайна[3]. Из более мелких местных племен упоминаются только дулебы на южной Муре у Радгоны (Радкерсбург)[4] и, вероятно, также стодоране, наименование которых отражено в названии долины Стодорской[5], аналогии им мы находим в чешских дудлебах, русских дулебах и полабских стодоранах. Но было их, конечно, больше, так как истории известны различные местные князья (dux, princeps, rex, ἄρχων), являвшиеся, по-видимому, вождями отдельных местных племен[6]. Кроме того, среди словенцев в Каринтии и Штирии оказались и остатки соседних хорватов.

Германизация северных словенцев началась вскоре после их обращения в христианство и после наступления германского господства (см. выше, стр. 70), главным образом после 796 года, когда был покорен и уничтожен самый страшный противник — авары. Германские церковная и политическая организации действовали вкупе против славян, и в областях с редким славянским населением, где селились баварские колонисты, славянский элемент быстро исчезал. Так было на севере, где, как, например, в Австрии, уже в XIII веке исчезли последние остатки славян[7]. В Паннонии обстановка была

[1] О зверствах аваров см., например, „Ann. Fuld.“, 894.

[2] См. Kos, Gradivo, I, 390, 391, II, 451, 455, 491, и мои „Slov. star.“, II, 345, 366—367.

[3] Встречается в документах VIII века (Creina, Chreina marcha). Kos, II, 338, 340, 490.

[4] Conv. Bagoar, II (Dudleipin), грамота Короля Людовика 860 года (Tudleipin), грамота Арнульфа 891 года (in comitatu Dudleipa) и т. д. См. „Slov. star.“, II, 369. Другое место — Dulieb — упоминается в 1060 году у верхнего течения Дравы (Acta Tirolensia, ed. Pedlich, I, № 170).

[5] На штиро-австрийской границе (Стодерталь) и около Триглава. См. „Slov. star.“, II, 370.

[6] Доказательства см. в „Slov. star.“, II, 371.

[7] См. главным образом труды F. Krones: Die deutsche Besiedelung der östlichen Alpenländer etc. (Forschungen zur deutschen Landeskunde, III, Stuttgart, 1889) и O. Kaemmel, Die Besiedelung des deutschen Südostens von Anfang des X bis gegen Ende des XI Jahrh., Leipzig, 1909. Из славянских историков об этом писал недавно F. Kos, Izv. muz.

также неблагоприятной, ибо несомненно, что при новом заселении земель после поражения аваров в 796—799 годах сюда пришло много немецких колонистов. Когда в 850 году зальцбургский епископ Лиуфрам освящал для Прибины первый христианский храм у Блатенского озера, то из тридцати присутствовавших на церемонии вельмож у половины были славянские, а у другой половины — немецкие имена. Об этом же свидетельствуют и немецкие наименования Паннонии[1]. Впрочем, паннонские словенцы подверглись в дальнейшем ассимиляции со стороны венгров, за исключением незначительной группы в Заладском (Зала) и Железном (Вас) округах[2].

Только на юге, где словенцы с самого начала жили компактной массой, они удержались по сегодняшний день в очерченной выше, на стр. 70, области.

Kranj., VII, 110 a Gradivo, II, стр. XVI и сл.

[1] Conv. Bagoar, 11.

[2] Л. Нидерле, Slov. svět, 105. Небольшая группа словенцев сохранилась также в Таране (Taranу) южнее Каниже (Nadykanizsa).

Глава VIII

СЕРБО-ХОРВАТЫ

Сведения, касающиеся происхождения хорватов и сербов и появления их на Балканском полуострове, нам оставил император Константин Багрянородный (912—959), а именно в главах 30—33 своего сочинения «De administrando imperio» (или περὶ ἐθνῶν), написанного приблизительно в 950 году. В этих главах мы читаем, что, согласно представлениям и традициям, существовавшим тогда на Балканском полуострове, хорваты и сербы пришли на свои исторические места поселения с севера Европы в период царствования императора Ираклия (610—641) и поселились здесь по его приглашению приблизительно в 630—640 годы. Пришли они с севера со своей древней родины, которая называлась Белая или Великая Хорватия и Белая Сербия и находилась за Туркией (Венгрия) далеко от моря, около франкской и сакской земли на Висле, называемой Διτζική. Первоначальное место жительства белых хорватов Константин точно указывает — около Багибарии (Βαγιβάρεια), а место жительства белых сербов в земле «Боики». Как понимать это сообщение, куда поместить северную прародину обоих народов и как связать характер и время их прихода на юг с остальной историей, которая не располагает никакими позитивными сведениями об этом? Все эти вопросы издавна являлись излюбленным предметом изучения славянских и, в частности, хорватских и сербских историков[1].

Первоначально все эти сообщения целиком и некритично принимались, исследователи стремились объяснить лишь загадочные Багибарию и земли Боики, которые вероятнее всего надо было отнести к баварцам (Βαγιβάρεια из Bagoaria, Baioaria) и к чехам (Боики — искаженное Богемия). Таковым было общепринятое в XVIII и в начале XIX века объяснение, другие объяснения представляли меньший интерес (Багибариа — река Бах, Бабья гора в Бескидах). Наряду с этой появилась другая трактовка вопроса: начиная уже с XVII века считали возможным выводить хорватов и сербов из Полабии, где истории были известны лужицкие сербы и чешские хорваты, поскольку этому противоречил язык южной ветви, отличный от языка западной ветви; представители этого второго направления — Бандури, Добровский, Катанчич, Цейс и прежде всего Шафарик искали поэтому Белую Хорватию и Белую Сербию дальше к востоку вне полабской земли. Так, например, Шафарик отнес прародину хорватов к востоку от Чехии, к Висле

[1] Обширную литературу до 1906 года по всем вопросам этой проблемы см. в моих „Slov. star.", II, 251—262. В ней первое место занимают новейшие труды: Fr. Dümmler, Über die älteste Geschichte d. Slaven in Dalmatien, Wien, 1856; F. Rački, Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest sredn. vieka (Književnik, I, Zagreb, 1865) и „Biela Hrvatska i Biela Srbija" (Rad., LII, LIV, Zagreb, 1880—1881); V. Jagić. Ein Kapitel aus der Geschichte d. südslav. Sprachen (Arch. f. slav. Phil., XVII, 1895, 47—87); Т. Флоринский, Константин Порфирородный как писатель о южных славянах перед судом новейшей критики, ЖМНП, 1881, CCXIV, стр. 139; К. Я. Грот, Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах, СПБ, 1880; L. Gumplowicz, Chorwaci i Serbowie (Varš., 1902) и „Le origini storiche dei Serbi e dei Croati" (Rivista di sociol., Roma, 1902); A. Pavić, Cara Konstantina, VII, Porf. de adm. imperio glave, 29—36 (Zagreb, 1906, II изд. 1909). Ценна также статья J. Bury-ho, The treatise de adm. imperio, Byzantinische Zeitschr., 1906, XV.

и далее в область восточной Галиции, прародину сербов — от средней Лабы через Польшу вплоть до Буга и Минска. По его мнению, Боики были землей карпатских боиков у Стрия и Самбора [1]. Притом все эти исследователи относили приход сербо-хорватов на полуостров ко времени правления Ираклия, то есть приблизительно к 630—640 годам, и вследствие этого полагали, конечно, что хорваты и сербы клином вторглись в массив славян, оккупировавших еще задолго до этого земли от Краса и Альп до Черного моря. Эту точку зрения поддержали лингвисты и Фр. Миклошич [2]. Только Ф. Рачки в работах 1865 и 1880 годов, указанных выше в примечании, предложил по этому вопросу в значительной мере новые теории, которые позднее принял и дополнил В. Ягич. Основное содержание этих теорий состоит в том, что хорваты и сербы вообще не могли прийти с Лабы, что пришли они из более восточных областей, с Вислы и Днестра, и отнюдь не во времена Ираклия, а значительно раньше, а именно, как показывает лингвистическое соотношение южно-славянских языков [3], вместе с теми славянами, которые в V и VI веках оккупировали полуостров. Ягич пошел еще дальше: он вообще отвергал существование Белой Хорватии и Белой Сербии на севере. По его мнению, они являлись лишь «Phantasieländer» Константина, возникшими благодаря тому, что последний или его информатор что-то услышали о чешских хорватах и лужицких сербах и, основываясь на этих слухах, создал версию о двух больших прикарпатских державах хорватов и сербов, которые в действительности, однако, никогда не существовали [4].

В настоящее время, учитывая авторитет Ягича в вопросах филологии, можно без всякого колебания отвергнуть предположение о том, что оба этих южных славянских народа появились здесь только в 630—640 годы. Что же касается связи их с императором Ираклием, то она была основана, повидимому, на иной почве: весьма вероятно, что в тот период именно сербо-хорваты свергли аварское господство, в связи с чем были активизированы старые византийские притязания на северо-западную часть полуострова, и римское владычество было здесь в известной мере восстановлено [5].

Хорваты и сербы пришли на Балканский полуостров в начале VI века, и сообщение источников о приходе славян к Салуне в 536 году или к Диррахию в 548 году можно уже связывать с сербо-хорватами. Что касается меня, то традиции о Великой или Белой Хорватии на севере и о Белой Сербии я не счел бы лишь порождением фантазии византийцев. Хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу. В то же время, однако, мы видим, что после их ухода там осталась еще значительная часть племени, которая также называлась хорватами; таковы, например, хорваты в Восточной Галиции, хорваты в Силезии и на Висле, хорваты в Чехии у Крконошских (Исполинских) гор, не говоря уже о менее значительных группах [6]. Эти 4 хорватские группы, жившие первоначально вместе (так как и южные балканские хорваты также вышли с Вислы), я никак не могу считать отдельными народностями, отличающимися друг от друга; первоначально хорваты не разделялись на чешских, польских, русских и южных. Этому противоречат все имеющиеся в нашем распоряжении данные и прежде всего их топографическая концентрация на единой территории. Очевидно в Прикарпатье оби-

[1] П. Шафарик, „Slov. star.“, II, 254, 406.

[2] „Vergleichende Lautlehre“ (1879), 33; „Altslovenische Formenlehre“ (1874), X и далее.

[3] См. об этом выше, на стр. 67.

[4] О других более новых теориях В. Клаича, В. Кетржинского, Фр. Коса, Е. Богуславского и Л. Гумпловича см. в моих „Slov. star.“, II, 259 и сл.

[5] „Slov. star.“, II, 278.

[6] См. подробнее об этом ниже, в главе о чешских, польских и русских славянах. Одним из таких остатков этих групп было хорватское поселение на реке Заале (Chruvati, современные Klein Korbetha около Детмара, III, 11).

тало некогда единое большое славянское племя, называвшееся хорватами (название «хорваты» при этом очень близко названию Карпатских гор [1]), в языковом отношении принадлежавшее к южной ветви, большая часть которой переселилась на юг. Та же часть племени, которая осталась на севере и попала в сферу чешского, польского или русского влияний, была ассимилирована под воздействием этих новых сильных факторов и утратила свой «южный» характер. Его сохранили лишь те хорваты, что ушли на Балканский полуостров. Не следует также забывать, что в IV и V веках языковые различия были минимальными. О существовании Великой Хорватии свидетельствуют, наконец, и некоторые другие северные традиции, переданные арабскими источниками IX и X веков, о большой славянской области (империи?) на севере, называемой Chordáb, Džrváb и Džrávat, Chrávat, Chrvát, Churdáb [2]. Что касается сербов, а также существования Великой Сербии в Прикарпатье, то тут подобных доказательств нет [3], и весьма вероятно, что Константин создал северную Великую Сербию лишь как folii к традиции о Великой Хорватии.

О том, когда и как пришли хорваты и сербы с севера на юг, неизвестно ничего определенного. Но в конечном счете нет ничего невозможного в том, что причиной распада Хорватской империи, а также, разумеется, разделения ее на несколько частей и вытеснения хорватского ядра на юг от Карпат вплоть до Савы явилось нашествие аваров в начале VI века на территорию современной Галиции. Значительная часть славян, обитавших первоначально в Прикарпатье, достигла, конечно, Дуная уже раньше, но переселение собственно хорватов, тех, что были сгруппированы в Хорватской державе на Висле, могло начаться лишь под натиском аваров. Конечно, этот предполагаемый Пейскером натиск аваров к северу от Карпат еще недостаточно доказан. Но если нам известно, что авары в VI веке притесняли дулебов на Волыни и что вскоре после этого они явились виновниками распада Антской империи, то нет ничего невозможного в том, что последствия аварского нашествия коснулись и областей, расположенных далее, вплоть до Вислы, приведя здесь в движение мощное племя хорватов [4]. О том, в каких условиях

[1] О предполагаемой связи названия хорват и Καρπάτης ὄρος см., в частности, доводы Ф. Брауна, Разыскания в области гото-славянских отношений, I, Петербург, 1899; (см. мои „Slov. star.“, I, 297, 428; II, 122, 484), не лишенные, конечно, спорных положений. О предполагаемой связи хорватов с древними карпами, которых Галерий и Максимиан в 295 году переселили в нижнюю Паннонию, см. „Slov. star.“, II, 108, 385. В общем, название хорватов остается совершенно неясным с этимологической точки зрения („Slov. star.“, II, 484). А. Погодин усматривает древнейшее доказательство в записях Χορόαθος, Χορούαθος, встречающихся в надписях II — III веков н. э. из Танаиса („Сборник статей по славяноведению“, Петроград, 1902, 156). Старая славянская форма была *хрѣвате, хорвате,* но *харвате* также старая форма (см. доказательства, собранные в моих „Slov. star.“, II, 485).

[2] Так, например у Гардизи, Персидского анонимного географа и у Ибн-Русте [Русте и Гардизи заменяют *h* на *dž*(ğ)]. Более подробное объяснение этого см. в „Slov. star.“, II, 267—270. О северных хорватах упоминает также Масуди.

[3] Существуют лишь сомнительные доказательства (Zeruiani Баварского географа, русские — Σερβίοι у Константина Багрянородного, De adm. imp., IX и Surbin, Масуди. См. „Slov. star.“, II, 274.

[4] Примечание редактора чешского издания. Этот отредактированный, очевидно, по указанию Нидерле, отрывок в Manuel, I, 92, имеет другой смысл. Поздний приход хорватов из Прикарпатья к Саве отрицается прежде всего потому, что предположение Пейскера о прикарпатском движении недостаточно обосновано, затем потому, что в этом случае следовало бы предположить, что хорваты пришли на Саву позже, чем остальные южные славяне, что противоречило бы лингвистическим фактам. Соответствующий отрывок в Manuel, I, 92, гласит: „Когда и как хорваты и сербы эмигрировали с севера на юг? Ничего точного на этот счет не известно. Можно было бы предполагать со всей вероятностью, что крах хорватского единства, разделение их, явившееся результатом его, и оттеснение хорватов к Саве были обусловлены вторжением авар в Галицию в начале VI века. Два обстоятельства, однако, противоречат этой гипотезе. Во-первых, аварский удар к северу от Карпат, предполагаемый Пейскером, не получил еще достаточного

оказались сербы и хорваты после прихода на юг и в первый период обитания их на новых местах, то есть в VII и VIII веках, ничего достоверно неизвестно. Только в начале IX века оба эти народа становятся известными истории, первые — в связи с войнами против болгар, вторые же — в войнах против франков и паннонских славян. Хорватская империя быстро развивается, ее история начинается уже с IX века, между тем как Сербия отстает и остается неизвестной. Ее история начинается позднее. Те немногочисленные сведения по этому вопросу, которые сохранили нам источники IX и X веков, позволяют составить следующие представления о первоначальных условиях и поселениях обоих племен.

Хорваты. Собственно хорваты, согласно традиции, пришли на Балканы в составе 7 родов, но уже в X веке, по сообщению Константина, Хорватия состояла из 14 жуп: Хлебиана (Χλεβίανα), Центина (Τζέντζηνα), Имота ("Ημοτα), Плеба (Πλέβα), Пезента (Πεσέντα), Параталассиа (Παραθαλασσία), Бребер (Βρέβερα), Нона (Νόνα), Тнена (Τνήνα), Сидрача (Σίδραγα), Нина (Νίνα), Крибаса (Κρίβασα), Лица (Λίτζα), Гуцика (Γουτζηκᾶ), и занимала обширную территорию, границами которой были: на севере Лабин (Альбона) в Истрии, затем реки Кульпа и Сава, за ними обитали уже кайкавские словенцы (см. выше, стр. 68), на юге река Цетинья и на западе море с островами (из островов не были хорватскими лишь Раб, Крк, Крес). Установить, куда простирались в VIII—IX веках места поселения собственно хорватов и какую часть Боснии они занимали, невозможно. Различие между обитавшими здесь славянскими племенами и их соседями — хорватами и сербами — было лишь племенное, и только более поздние условия способствовали присоединению местных славянских племен либо к сербам, либо к хорватам. Только относительно южных областей известно (хотя бы от Константина), что в центральной части их, за Цетиньей, жупами, граничащими с сербами, были Хлевно, современные Ливно и Плива на реке Пливе. Но и здесь, как и дальше на юг от Цетиньи, отдельные роды и племена были такими же, как и боснийские. Будущее должно было решить, куда их причислить. Вне пределов очерченной территории известно лишь несколько отдаленных хорватских колоний, сохранившихся, вероятно, с эпохи великого переселения народов. Таковыми следует считать несколько поселений в Альпах, называемых в грамотах X и XII веков Crauati pagus, Chrouuat, Croudi, Chrowata, Chrowath, Kraubat, а именно в Корутании у св. Вита (St. Veit) между Крком (Гурком) и Глиной (Глан), затем в фельдкирхенском и целовецком округах и в Штирии у Любна (Леобен) на Муре и у св. Флориана (St. Florian) [1]. Кроме того, и в Македонии, у Нижней Прешпы, и в Греции, у Микен и около Афин, известны поселения Хървати, Χαρβάτι, возникшие, повидимому, во время походов VI и VII веков. Ядро же хорватского народа, занимавшее территорию между Кульпой, Врбасем и Цетиньей, уже в X веке представляло собой необычайно многочисленное, сильное и воинственное племя. Это подтверждается рядом исторических известий, а Константин определяет численность войска, выставленного в его время христианскими хорватами, в 160 000 человек и, кроме того, 180 морских судов[2].

Такое могущество вместе с благоприятным территориальным расположением у Кварнерского залива, способствовавшим установлению связей с

обоснования; известно лишь, что авары в VI веке угнетали дулебов на Волыни и что несколько позже они вызвали распад Антской империи, и это единственный мотив, позволяющий считать вероятным предположение о том, что их атаки могли распространиться и далее, вплоть до Вислы, где они могли вызвать движение большого племени хорватов. С другой стороны, следовало бы предполагать, основываясь на этой гипотезе, что хорваты пришли на Саву позднее, чем другие южные славяне, что противоречит данным филологии".

[1] См. доказательства в „Slov. star.", II, 388.

[2] De adm. imp., 31.

древней культурой Италии и Византии, затем свержение аварского ига — все это способствовало тому, что хорваты развивались быстрее и успешнее, чем иные народы; и очень скоро они умножили свою мощь, подчинив себе соседние славянские племена в Истрии, Паннонии и Боснии. И уже в X веке Томислав (904—928) выступает как фактический хорватский император Посавья, Приморья, Боснии и Далмации[1].

Из отдельных хорватских родов и племен, кроме вышеприведенных названий жуп Константина, в истории упоминается лишь один народ жупы Гуцикой, называемый позднее Гацко (севернее от Лики в Приморье, где река Гацка отделяет Капелу от Купы). Я бы отнес сюда славянских гудусканов из франкских анналов (Guduscani из славянских гадьскани) упоминаемых в 818 и 819 годах в войнах с паннонским Людовитом[2]. К ним относится, вероятно, также племя Gušánín, упоминаемое Масуди. Их князь Борна считается одновременно князем Далмации и Либурнии (dux Dalmatiae et Liburniae).

Сербы[3] также появляются на Балканском полуострове как уже сильное племя, область их первоначального распространения нельзя отождествлять ни с современной их территорией, ни с территорией, занимаемой ими в XII—XIII веках. Собственно сербы поселились первоначально на востоке от хорватов на территории, относительно ограниченной по сравнению с современной Сербией. На севере они достигали, вероятно, Посавья — сюда, по крайней мере, можно поместить сорабов (Sorabi), к которым в 822 году бежал из Сиска через реку Саву паннонский князь Людовит[4], но помимо этого, нам ничего не известно ни о жизни сербов в тот период, ни о том, как далеко на восток простиралась их территория. Можно лишь сказать, что древние мораване из болгарской Моравии и тимочане из Тимока в ту эпоху к собственно сербам еще не принадлежали. На западе от Ливны и Пливы проходила граница с хорватами, на юго-востоке, на границе с болгарским государством, упоминается в IX веке сербский пограничный город Рас или Раса на реке Рашке, притоке Ибры у Нови Позара[5], а поскольку и более поздние сообщения помещают ядро растущей Сербии, центр ее будущей мощи и славы, в эти области, то закономерно полагать, что центр собственно древних сербов находился уже с самого начала в гористой области между реками Пливой, Тарой, Лимом и Ибром[6]. Постепенно распространяясь из этого центра, сербы мало-помалу подчинили себе соседние области и племена и ассимилировали их, передав им свой национальный характер и самое наименование. Процесс этот протекал безболезненно, поскольку соседние славянские племена не отличались в те времена от собственно сербов ни в языковом, ни в культурном отношении. Здесь имели место лишь родовые различия. Поэтому эти племена легко подчинились политическому и культурному влиянию сильного сербского племени, распространявшемуся до тех пор, пока оно со временем не было прекращено еще более активной волной экспансии болгар. Первое такое государство было образовано в

[1] См. F. Šišić, Geschichte d. Kroaten, Zagreb, 1917,1. Названием Босона (Βόσωνα), согласно Константину Багрянородному, обозначалась тогда неплодородная верхняя Босния.

[2] Ann. regni Franc. a. 818, 819; Vita Hludowici, 32.

[3] Наименование сербов в его общей форме *серб* появляется, по всей вероятности, уже в названии поселения Servitium, Σερβίνον у Птолемея и на Пейтингеровой карте (см. выше, стр. 54). Также оно появляется и в итинерариях IV века, и в византийских источниках (Σέρβλοι, Σέρβιοι Σέρβοι), и в первых русских источниках *Серебъ, Сербъ*. В сербских источниках встречается уже *Срѣбинь, Срьблинь, Срьбия* („Slov. star.“, II, 487). Этимология этого наименования опять неясна (см. „Slov. star.“, II, 486), но, повидимому, оно (по крайней мере) славянского происхождения.

[4] Ann. regni Franc. a. 822.

[5] Constantin Porph., De adm. imp., 32.

[6] Интересно, что в долине Лима еще сохранилось название *Srbliak* специально для обозначения более древнего слоя населения, отличного от *Vasojevičů* (по Новаковичу, 441; см. след. примечание).

XI веке зетским (Зета) военачальником, ставшим родоначальником династии; но уже начиная с IX века встречаются известия о жупанах и великих жупанах в центральных частях, а С. Новакович относит период кристаллизации к концу VIII и началу IX веков[1]. Также на западе между Пливой, Бояной, Цетиньей[2] и морем первоначально собственно сербов не было; в первой половине X века еще Константин называет местные племена также центральными сербами, но и эти племена, наиболее близкие сербам, подчинившись вскоре после сербской власти, сразу же превратились в неотъемлемую часть сербского народа.

В древних собственно сербских областях нам неизвестны никакие отдельные племена, за исключением названий восьми жуп, упомянутых Константином [с. 32: Дестиник (Δεστινίκον), Цернобуска (Τζερναβουσκεή), Мегюрет (Μεγυρέτους), Дресниек (Δρεσνεήκ), Лесник (Λεσνήκ), Салинес (Σαληνές), Катера (Κάτερα), Десник (Δεσνήκ)]. Название рошанов, лат. Rasciani, от которого произошло также венгерское наименование сербов *rác.*, мн. ч. *rácok*, не что иное, как более позднее обозначение центральной части Сербии, образованное от названия главного города Расы на реке Рашке. Возникло оно лишь в конце XII века. Вопрос об упомянутых выше мораванах, тимочанах, затем ободритах и пределенецентах IX века представляется более целесообразным рассмотреть в следующей главе. Итак, остается лишь область между собственно Сербией и морем — на юг от реки Цетиньи вплоть до Бояна,— о которой имеются достаточно подробные этнографические сведения, относящиеся ко времени до X века.

Здесь по сообщениям прежде всего того же Константина обитал ряд племен, первоначально отличных и независимых от сербов, а именно[3]:

1. *Наречане* (Ναρεντάνοι), Narentani, Narentini, поселившиеся у моря между Неретвой (Narenta) и Цетиньей и на островах Мелета, Куркура, Хвар, Вис и Ластовом, следовательно, на море, которым они уже долго владели, будучи мореплавателями и занимаясь пиратством. Позднее земля их называлась также Крайна, а народ, населявший ее, крайнянами (Craynenses, Cherenania).

2. *Захлумяне* (Ζαχλοῦμοι, Chulmi), называемые так потому, что обитали за каким-то большим холмом (Blagaj?); они занимали территорию между нижней Неретвой и окрестностями Дубровника и до центральной части полуострова вплоть до Ливны, Коньицы и верхней Неретвы.

3—4. *Тервуняне, травуняне* (Τερβουνιῶται, Τερβουνιάται, Τράβουνοι, Τερβουνία, Travunia), по-славянски *требинье*, обитали на территории междуДубровником и Котором вплоть до Билеча и Пивы. Однако от моря их отделяла узкая полоса, заселенная племенем конавлян (Καναλῖται), называемым так от эпидаврского водопрохода, от которого окрестность Дубровника называлась Canale, Canali, славянское *Канале, Конавля.*

5. *Дукляне* (Διοκλητιανοί) получили свое название от древнего города Доклеа, Диоклеа, расположенного на месте впадения реки Зеты в Морачу недалеко от Подгорицы; они обитали на территории, простиравшейся от Которского залива и реки Бояне, занимая современную Черногорию и соседнюю часть Албании. Позднее старое название Диоклеа было заменено названием Зета (лат. Zenta, Genta). Все эти племена вместе с другими неизвестными нам племенами на юге и на востоке, в Метохии, Косе и Древней

[1] По вопросу о происхождении сербского народа см. соответствующие главы в новых трудах Б. Станоевича, „Историја српскога народа", Белград, 1908, II, 1910; К. Иречека, „Geschichte der Serben" I, Gotha, 1911 и в статье С. Новаковича „Les problèmes serbes, A l'occasion du livre „Geschichte der Serben", von Konstantin Jiriček", Gotha, 1911, Archiv f. slav. Philologie, XXXIII, 1912, 438—466, XXXIV, 1913, 203—233. См. также С. Станоевич и Чорович, „Одобрани извори за списку историју", 1, Белград, 1921.

[2] В. „Manuel", 1, 96 вместо Цетиньи упоминается Неретва.— *Прим. чешск. ред.*

[3] Подробнее см., в частности, Иречек „Geschichte der Serben", 161 и сл.

Сербии, собственно сербы сумели частично подчинить себе уже в X веке, а частично позднее и образовали вместе с ними этническую общность, превратившуюся в единый великий сербский народ, территория которого протянулась впоследствии от Кульпы и Дравы до Бояна, Дрина, Призрена, Приштина и Скопье. О значении сербов для Македонии речь будет ниже.

Следует еще подчеркнуть, что и с сербами мы встречаемся иногда вдали от основной их территории. Большим сербским городом была, повидимому, Серблия (Σέρβλια), или Сербиа (Σέρβια), на границах Фессалии у реки Быстрицы (Vistritsa), современная Серфиджия (Servia), где в XI веке существовала также отдельная собственно сербская фема с епископством; сербскими городами-памятниками, сохранившимися от походов еще дальше на юг, можно несомненно считать также ряд городов, разбросанных по Греции и Эпиру, носящих название Σέρβου, Σερβόχια, Σερβιάνικα, Σερέβιανι, Σέρβοτα и др. Наконец, сербской территорией является, вероятно, также Γορδόσερβα (позднее именуемая Seruochoria), упоминаемая в списке епархий VII века юго-восточнее от Никеи в Малой Азии перед Дорилаем [1].

[1] „Slov. star.“, II, 398—399.

Глава IX

БОЛГАРЫ

Тюрко-татарские болгары и славяне

В соответствии с вышеизложенной точкой зрения по поводу вторжения славян на Балканский полуостров славяне начали заселять восточную его часть в VI веке. Хотя на этот счет и нет определенных и достоверных сведений, тем не менее иначе нельзя объяснить тот факт, что в VII веке все эти области были уже наводнены славянами. Несомненно также то, что в результате походов в Грецию (см. стр. 59) уже в VI веке здесь поселилось большое число славян.

В походах в восточную половину Балканского полуострова принимали участие две большие ветви задунайских славян: так называемые *склавины* (Σκλαυηνοί), обитавшие в то время, согласно свидетельству Иордана, на среднем и нижнем Дунае вплоть до его устья, и *анты* (Ἄνται), обитавшие на побережье Черного моря между Днестром и Днепром[1]; однако на Балканах осталась лишь первая ветвь — южно-славянская. Восточно-славянская ветвь — анты часто совершали набеги на Балканский полуостров, в особенности в первой половине VI века, но о том, что они оставались здесь, нет никаких известий, хотя византийцы хорошо знали их и отличали от остальных славян. Очевидно, анты под натиском тюрко-татарского (аварского) нашествия вновь отошли в южно-русские земли[2].

Итак, несомненно, что, как и на западе, в заселении средней и восточной частей Балканского полуострова принимали участие все славяне южной ветви, за исключением незначительной части славян других ветвей, не имевших, однако, серьезного значения и прекративших вскоре свое существование. Это был ряд племен и родов, вышедших из южно-славянской прародины в Прикарпатье, родственных в языковом и культурном отношении словенским, хорватским и сербским племенам, но имевших, однако, и некоторые различия, которые в дальнейшем все возрастали. Эти племена во время своего появления на Балканском полуострове не были объединены в единое целое, не считали, что составляют единую значительную этническую общность в отличие от своих ближайших соседей сербов, образовывая в лучшем случае бо́льшие или меньшие территориально близкие между собой группы, как, например, в Мезии и в Македонии. Условия, способствовавшие образованию из этого ряда довольно независимых племен политического, а затем культурного и языкового единства, подобно Сербии на западе, создались лишь позднее, но и позднее между сербами и болгарами оставалась определенная полоса, тянувшаяся от Тимока через Скопле к Охриде, которая не только в политическом, но также и в культурном и этническом отношениях являлась чем-то промежуточным между сербами на западе и болгарами на востоке, причем этот характер ее не могли устранить даже последующие столетия. Следовательно, нельзя считать, что уже в VII веке существовало какое-то единство всех славян восточной и средней части Балканского полуострова.

[1] Iord., Get., V, 34—35. См. текст выше, на стр. 49.

[2] См. об антах выше, на стр. 58, и ниже, в главе о восточных славянах.

Весьма вероятно, что и в этой группе славян какое-то местное племя, усилившись, подчинило бы себе остальные племена и образовало бы такую же значительную общность, какую образовали хорваты и сербы на западе, общность чисто славянского происхождения. Но этот естественный процесс опередило событие, которое привело, собственно, к тем же результатам: объединило все славянские племена восточной и центральной части Балканского полуострова, привело к политическому и этническому единству, но в отличие от подобного рода общности, рассмотренной выше, это единство было порождено не местными, а инородными элементами. Его создало тюрко-татарское племя болгар в самом конце славянской колонизации.

Болгары — племя гуннского происхождения [1]— пришли на Дунай с Волги и Дона в V веке (в 482 году Зенон призвал их для оказания ему помощи в борьбе с готами, а в 499 году засвидетельствовано их первое вторжение на Балканский полуостров); в течение VI века огромные массы болгар принимали участие в нашествиях на Балканы, а также в нападении на Царьград в 626 году, но затем они возвращались обратно в Задунавье. Здесь им удалось в 635—641 годах, то есть в то же время, что и славянам на западе, свергнуть аварское иго, но какой-то другой натиск извне, вероятнее всего новое нашествие хазаров с востока, вынудил в начале семидесятых годов VII века кагана Аспаруха (или Исперих) двинуться на юг. Сначала он остановился у дельты Дуная[2], но в 679 году прошел ее и быстро оккупировал всю древнюю Мезию между Дунаем и Балканским хребтом, сконцентрировав свои силы на территории современной Добруджи. Эта оккупация и связанное с ней подчинение славянских племен, обитавших на этой территории, произошли мирным путем, без сопротивления со стороны славян: напротив, славяне встретили болгар как своих союзников в борьбе с византийцами и вошли с Аспарухом в соглашение, согласно которому он объединил всю территорию, заселенную славянами, поселил последних на новые места с целью защиты Балканских гор с одной стороны от императора, с другой стороны (на западе у Тимока) — от аваров. Вследствие этого мы наблюдаем в дальнейшем мирное сосуществование славян с болгарами, видим, что сохранилась старая славянская организация, славянские князья правили под главенством болгарского кагана, можем проследить, как вскоре произошло слияние обоих элементов. При этом ассимиляции подверглись не столько славяне, сколько болгары. Болгарские правители, а затем бояре и народ в целом уже спустя короткое время стали принимать славянские имена и заменять свой родной язык славянским. Еще в легендах о св. Димитрии и в византийских известиях VIII века болгары отличаются от славян, но в IX и X веках наблюдается уже их отождествление и взаимная замена обоих терминов, в это же время мы читаем изречения: «Σθλοβενῶν γένος ἔιτ' οὖν Βουλγάρων»; езыки словинскіе се рекше Блъгаре», и т. п.[3], и если бы впоследствии не было новых пришлых тюрко-татарских элементов (печенегов, половцев,

[1] По этому спорному вопросу, являются ли болгары по происхождению турками или славянами (последнюю точку зрения выдвинул в 1829 году Ю. Венелин в труде „Древние и нынешние болгары", Москва), см. подробное исследование Ив. Шишманова „Критичен преглед на вопроса за произхода на прабългарите", Сборник за нар. умотвор. XVI — XVII, София, 1900; затем работу В. Златарского „История на българската държава през средните векове", 1, София, 1918, 23 и дальше; а также мои „Slov. star.", II, 527 и сл. Главным руководством по этому вопросу служит в настоящее время болгарская княжеская родословная, найденная в 1866 году А. Поповым в двух рукописях славянского хрониста, так называемого Гелленского летописца. См. публикацию этой родословной у Шишманова, 1, стр. 556.

[2] В области, которую Феофан называет Ὄγκλος, Ὄγγλος, Никифор — Ὄγλος, Анастасий — Onglon. Неизвестно, следует ли, согласно Шафарику, видеть в этих названиях славянское название *оглъ* — угол, тур. Budžak или же, согласно Златарскому, тур. *agl* — двор, ограда, очевидно, лагерь Аспаруха. См. „Slov. star.", II, 406, и Златарский, История 1, 126. Согласно К. Шкорпилу, этот лагерь был размещен около Nicolicelu.

[3] См. „Slov. star.", II, 411.

узов), которые укрепили и удержали в Добрудже и в соседней области [1] тюрко-татарские поселения, то от древних болгар не осталось бы и следа. Впрочем, остатки их пребывания здесь, которые имеются или которые пытаются найти некоторые исследователи (К. Шкорпил, Занетов) в делиорманских годжалах и гагаузах, вызывают большие сомнения [2].

Таким образом, в древней Мезии возникло новое государство, управляемое тюрко-татарскими болгарами, но в основе своей с самого начала являвшееся преимущественно славянским. Этот славянский элемент укреплял государство и по мере расширения границ государства и присоединения новых славянских племен усиливался сам. Первоначально Болгарское государство занимало центральную часть полуострова, потом — при Круме (803—814) к нему присоединяется Задунавье, при Пресиаме (приблизительно 845—852 годы) и Борисе (855—888) — Северная Македония вплоть до Охрида и Ибара, а в конце IX века, во времена царя Симеона (893—927), болгарские владения простирались уже от албанского побережья через Эпир и Македонию до Фессалии, а на севере до Срема и центральной Венгрии [3].

У этих славян, живших некогда отдельными разобщенными племенами, со временем появлялось сознание своей общности и своего единства, проявившиеся в самом факте принятия ими общего наименования болгар. Так, вначале в политическом, а потом и в культурном и языковом отношениях, сплотился и объединился болгарский народ. На основании всего этого ясно, что ни о какой денационализации этих славян, ни о какой их тюркизации вообще не может быть и речи. К славянской крови примешалась совсем незначительная капля инородной крови, да и то лишь на ограниченной территории, лишь в восточной Мезии[4]. Поэтому болгары остались славянами в той же мере, как и соседние сербы или русы. Если кто и повлиял заметным образом на древний чистый славянский тип, то это были как на западе, так и на востоке полуострова остатки балканских аборигенов, а не народ, приведенный Аспарухом.

Территория славян, на которой в течение последующего времени исторически сложился болгарский народ, простиралась на Балканском полуострове от Черного и Эгейского морей до Адриатического моря на юг от Бояны и к реке Мораве. К ней примыкали на севере другие обширные области от центральной Венгрии до Серета, и затем на юге отдельные районы Греции и архипелага. Таким образом, это была наиболее обширная славянская область на юге, заселена она была, конечно, неравномерно. Здесь имелись большие равнины, безлюдные или заселенные остатками древнего населения. На этом основании, а также в силу нашей недостаточной осведомленности относительно всей указанной территории славянское население ее представляется нам разделенным на несколько разрозненных групп, а именно: 1) северную группу, мезийскую (в древней Мезии), 2) македонскую,

[1] Здесь был центр, а также столица собственно болгар, сначала в Плиске (Πλισκᾶ, Πλίσκοβα) около современного Аббобы, между Шумем (Коларовград) и Енипазаром (Нови Пазар), где русскими, чешскими и болгарскими археологами были раскопаны обширные фундаменты целого поселения (см. труды „Абоба — Плиска", София, 1905). Однако в 822 году поселение было перенесено за Омортага в Преславе над рекою Тичи. (См. „Slov. star.", II, 408.) Об этом поселении см. Шкорпил (Преслав, Варна, 1910).

[2] См. „Slov. star.", II, 413.

[3] По вопросу об истоках болгарской истории см. последний цитируемый выше труд профессора В. Златарского (История, 1, 84 и сл.), дающий полное представление по этому вопросу.

[4] Михаил Сириец считал, что с Аспарухом пришло 10 000 человек (Marquart, Osteur. Streifrüge, 484), Златарский же писал недавно, что их было 20—25 тыс. человек, на том основании, что первый лагерь Аспаруха был расположен на острове св. Иржи („Период. Списание", София, 1902, 325, 330). Конечно, цифры эти не точны, но пришлых болгар было, вероятно, немногим больше, и поселились они в Делиормане.

3) греческую, 4) задунайскую (венгерско-валахскую). Лишь об этих группах, — об условиях их поселений и о дифференциации племен внутри них,— сохранились некоторые известия. Хотя данные географии Моисея Хоренского (VII век) относительно прихода на Балканы из Дакии 25 славянских племен и не могут считаться достаточно точными, но все же они были правдоподобны, и вряд ли славянских племен было здесь меньше[1].

Славяне в Мезии

В Мезии славяне, занимавшие территорию между нижним Дунаем и Гаемом, попали под власть пришлых болгар и вместе с ними образовали ядро будущего государства и болгарского народа. Согласно историческим свидетельствам, к мезийским славянам относились *семь славянских племен*, которые, по сообщению Феофана, добровольно подчинились Аспаруху [2]. К ним, повидимому, относилось племя северян [Σέβερεις Феофана, северов (Severes) Анастасия], обитавших, вероятно, во время прихода Аспаруха где-то у Дуная в Делиормане, откуда оно было переселено на юг к восточным балканским перевалам [от Салокавака к Голице]. Однако так как Аспарух в целях обороны от аваров вновь перевел отсюда еще ряд других племен на западную границу, где близкие по времени источники упоминают племя мораванов (Μωράβοι, Μωραβία) на реке Мораве[3] и племя тимочанов (Timociani) на Тимоке[4], то весьма вероятно, что и эти два племени относились к числу упомянутых семи племен мезийских славян, называемых в другом месте дунавцами[5]. Во всяком случае ясно, что в область болгарских славян уже в VIII и IX веках входили также славяне современной восточной Сербии. Зато неизвестно, где вообще обитали *ободриты*, называемые также *преденецентами* и упоминаемые в начале IX века где-то на Дунае. Франкские анналы упоминают их в связи с их отношениями с франкской империей в 822 и 824 годах. Сначала они упоминаются в сообщении о славянских послах на Франкфуртский сейм (822 год), причем в таком контексте, что неясно, не идет ли здесь речь о балтийских ободритах; но в другом месте четко говорится: «Abodriti, qui vulgo Praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam Danubio adiacentem incolunt». Толкование наименования как ободритов, так и преденецентов неясно. Первое наименование связано, вероятно, с названием южновенгерской реки Бодрога, притока Тиссы в нижнем ее течении; второе связывается обычно с названием Браничева на Млаве (визант. Βρανίτζοβα, Βράνιτζα, лат. Brandiz, Brandiez, сербск. Браничево).

[1] К. П. Патканов, ЖМНП, 1883, № 226,25 („Slov. star.“, II, 415).

[2] Theoph. (ed. Boor): „Σκλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἕπτα γενέας, τοὺς μὲν Σέβερεις...“. Возможно, что в загадочном славянском племени Eptaradici (habent civitates, CCCLXIII) у Баварского анонима мы видим отражение этого византийского сообщения о семи славянских племенах (родах) в Мезии. Не исключено также, что латинский автор, не поняв хорошо греческое сообщение о „ἕπτα ῥάδιχες τῶν Σκλαυινῶν“, образовал из него название Eptaradici. Sebirozzi того же автора, упоминаемые наряду с угличами, вероятно, то же самое, что Severci.

[3] Архиепископ мораванов участвовал в Фотиевом соборе 879 года (Assemanni, Kalend, III, 138). В этой же связи следует указать на упоминания об архонте Моравии у Константина (De cerem., II, 48) и о князе Дезимире Моравском, названном в числе других болгарских князей в славянском тексте солунской легенды (Иордан Иванов, „Северна Македония“, 64). С другой стороны, неясно, относятся ли сообщения франкских анналов 822 года и известие Баварского анонима о мереханах к этим мораванам или к северным („Slov. star.“, II, 417).

[4] Ann. regni Franc., 818, 819 (Timociani qui nuper a Bulgarorum societate desciverant et ad nostros fines se contulerant).

[5] См. Δανούβιοι у Псевдо-Цезаря Назианского (Dialogi, 110), в старославянском переводе — *дунавене*, в Киевской летописи — *дунайцы*.

Но это толкование недостоверно, и пока трудно решить, было это племя болгарским или сербским [1].

Славяне в Македонии

В VI и VII веках Македония с севера до самого моря была так плотно заселена славянами, что получила во второй половине VII века специальное название славянской земли — ἡ Σκλαυινία, αἱ Σκλαυινίαι [2]. Склавиния была вначале независимой от болгар, и именно здесь имя «славяне» долее всего сохранилось в речи обитателей Балканского полуострова в качестве этнического обозначения; так, соседние албанцы по сей день называют македонских болгар просто škjeji, то есть славяне (от итал. schiavo). Причину столь значительного заселения древней Македонии славянами следует искать прежде всего в специфике ее местных условий. Варвары, массами двигавшиеся с севера, уже самими естественными условиями направлялись на вардарскую дорогу. Затем здесь находилась также Солунь, которая, подобно Царьграду на востоке, привлекала завоевателей слухами о своем богатстве. Это привело к тому, что именно окрестности Солуни далеко кругом были заселены славянами, о которых в «Чудесах св. Димитрия» имеется целый ряд довольно подробных и интересных сообщений. Да и сама Солунь подверглась значительному воздействию со стороны славян. Уже в 597 году множество славян поселилось в городе. А к IX веку славянский элемент здесь значительно увеличился, что подтверждается словами, которыми император Михаил провожал Константина, отправляя его приблизительно в 862 году в Моравию: «Иди! Вы солуняне, а все солуняне чисто говорят по-славянски»[3]. И действительно, здесь, в Солуни, согласно остающимся в силе до сих пор заключениям славянской филологии, господствовал язык, на котором преподавали апостолы Константин (Кирилл) и Мефодий и на который были переведены древние славянские церковные книги. Нельзя более придерживаться старой теории Копитара и Миклошича об отдельной «старославянской» области в Паннонии, на языке которой якобы написаны эти книги. Это был староболгарский язык из окрестностей Солуни [4].

В ближайших окрестностях Солуни, владения которой были сведены в конце концов к полосе земли шириной приблизительно в 20 *км* [5], жили, согласно источникам, следующие племена.

Около самого города на западе обитали *сагудаты* (Σαγουδάται, Leg. Dem.); Σαγουδάοι (Анна Комнена); Σαγουδάτου (Иоанн Камениато), происхождение наименования которых неизвестно, и где-то рядом с ними *ринхины* (Ῥυγχίνοι или Σκλαβῖνοι ἀπὸ τοῦ Ῥυγχίνου, «Чудеса св. Димитрия»), в другом месте также Ῥηχίνοι на реке Ринхине, определить которую до сего времени не удавалось [6]. Оба эти племени занимали, согласно древним

[1] Подробнее см. об этом в „Slov. star.", II, 418 и сл.; Osterabstrezi Баварского анонима, повидимому, то же самое племя, так же как Braničábin Масуди являются браничевцами, если считать, конечно, что чтение Маркварта, правильное.

[2] См., например, Феофан (ed. Boor), 347, 364, 430; Barhebraeus, II, 118; Nicephoros, Brev., (Boor), 218 и сл. („Slov. star.", II, 421).

[3] „Слав. житие Мефодия", гл. V (ed. Pastrnek., Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda, Praha, 1902).

[4] См. выше, стр. 67. По этому вопросу наиболее основательными являются научные положения труда В. Ягича, „ Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslav. Sprache". (Denkschr. Akad. Wien, 1900, XLVII) и другое его дополненное издание, вышедшее под тем же названием в Берлине в 1913 году.

[5] Граница проходила в 904 году, как видно по найденным пограничным столбам, через селение Вардаровец и Нараш к северу от Солуни.

[6] Galiko? Нижний Вардар? Очевидно, это название тождественно названию реки Прокопия Ῥήχιος (De aedif., IV, 3).

источникам, также часть Халкидики, а именно гору Афон[1]. Далее к западу от Солуни, между Солунью и Верией, на реке Быстрице жило племя *драговичи*, или *дреговичи* (Δρουγουβῖται), о которых идет речь в «Чудесах св. Димитрия» и у Иоанна Камениаты, занимавшее область, где позднее упоминается епископ — ἐπίσκοπος τῆς Δρουγουβιτίας [2]. По другую сторону от города, к востоку от него, на нижней и средней Струме жило славянское племя, именовавшееся по названию реки *струменцами* (Σκλαβῖνοι οἱ ἀπὸ τοῦ Στρυμῶνος в «Чудесах св. Димитрия», Στρυμονῖται у Иоанна Камениаты) и расселившееся вплоть до Лангадинского озера (Lagkadas); далее на средней и верхней Месте (Карс) жили *смолены, смоляне* (Σμολέανοι, Corpus inscr. graec., IV, 318, IX в., Σμολένοι, Никита Хониат), земли которых простирались до верхней Арды, что засвидетельствовано современным Смоляном (тур. Ismilan). Во внутренней части Македонии обитали *брзаци, брсяцы* (Βερζῆται, «Чудеса св. Димитрия»). Их область, на которую уже в 773 году задумал напасть Телериг, находилась, очевидно, там, где по настоящее время удерживается название *брсяци* для народа, живущего на территории от Охриды и Битоля — через Прилеп, Кичево, и Крушево — до Велеса на среднем Вардаре. Там была, вероятно, и древняя Βερζιτία Феофана, Кедрена и Льва Диакона[3]. Кроме названных племен, здесь были еще и другие, но о них не сохранилось сколько-нибудь достоверных сообщений[4]. Из древних легенд IX—X веков известно лишь, что славяне жили на Брегальнице (приток Вардара), около города Равна, и в Кутмичевице (Κουτμιτζιβίτζα), в области, к которой относились Охрида, Девол, Главиница; затем в области Δρεμβίτζα (Дреновица?), в области Βεδίτζα (либо на реке Велице притоке Вардара, либо на Велице около Охриды); известно, кроме того, что и современная Албания была так густо заселена славянами, что и по настоящее время там имеется много топографических славянских названий даже в местах, где ныне от славян не осталось и следа[5]. Нам, однако, неизвестно, сколь древним является это заселение, относится ли оно уже к первому периоду славянской оккупации полуострова, или же к более поздней эпохе, а именно ко времени, когда в 861 и 920 годах болгарские владения расширились до Драча (Дуррес).

Как на западе, так и на востоке Македонии обитало значительное число славян, о которых не сохранились подробные известия древнего времени, неизвестно также и время их поселения здесь. В XIII и XV веках они упоминаются во всей Родопии, в окрестностях Фера, Ксантина, Еноса, Кавалла. (Поселения ближе с Царьграду являются колониями более позднего времени.) Славянская область Ζάγορα, Ζαγόρια на юге Балканских гор упоминается уже географией Моисея Хоренского в VII веке[6]. В это же время славяне обитали и на севере провинции Астики около города Бизия (Виза) («Чудеса св. Димитрия»).

Почти все эти славяне быстро попали под власть болгар и объединились с ними не только в политическом, но и в этническом отношении. Они при-

[1] „Slov. star.“, II, 426.

[2] Другое епископство упоминается в названиях титулов пловдивских митрополитов (ἔξαρχος Θράκης Δραγοβιτίας), весьма вероятно также, что на Балканском полуострове были *драговичи* двух родов, около Солуни и у Родопских гор („Slov. star.“, II, 426).

[3] Гопф отождествляет с ними и область Βελζητία, но она скорее относится к зем-, лям слав. велегесичей в Фессалии.

[4] В лучшем случае можно было бы видеть в названии области Πιάνιτζα, Πίαντζος, упомянутой уже в списке 1 золотой буллы Василия, название современного болгарского племени Pijanců.

[5] Однако подробного и точного разбора топографической номенклатуры Албании нет до настоящего времени. Больше всего названий собрал В. Макушев в труде „Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века“, Варшава, 1871. Новакович („Први основи“) установил, что среди 72 селений корчанской (Korçë) епархии половина носит славянские названия. См. также Hahn, Albanesische Studien, 1854, 1, 310, 334.

[6] „Slov. star“, II, 432.

няли наименование болгар и вместе с ним сознание определенной общности. Несомненно также, что и в языковом отношении они уже издавна начали объединяться и тем самым отходить от сербской языковой общности, хотя полоса македонских племен всегда создавала при этом своего рода переход от чисто сербского к восточно-болгарскому языку. Ясное выражение своей принадлежности к болгарскому народу македонцы проявили, однако, лишь после своего национального пробуждения и в боях за свободу в XIX веке.

Я не разделяю точки зрения тех, кто в большинстве древних и современных македонских славян видит сербские племена, а также и тех, кто пытался превратить их в особый народ, отличный от сербов и восточных болгар[1]. Но, конечно, не следует отрицать того, что среди македонских славян так же, как и в Греции, были и сербские элементы, занесенные сюда в прошлом потоком великого переселения. Об этом свидетельствует и сербское поселение Σέρβια на Быстрице (см. выше, стр. 82), и некоторые следы сербского языка в древней номенклатуре[2].

Славяне в Греции

Основные наступления славян на Грецию, завершившиеся их поселением здесь, начались в 578 году и закончились после вступления на престол императора Ираклия, так как тогда, как упоминает Исидор (ум. 634) (Chron., 44), «Sclavi Graeciam Romanis tulerunt». Греция была полностью оккупирована славянами. Речь здесь идет не о нескольких тысячах человек, обосновавшихся в определенном месте и оттуда распространивших постепенно свою власть на всю Грецию, подобно тому, как это сделали болгары на востоке и в центре Балканского полуострова. Славяне расселились по всей Греции и на архипелаге, причем в некоторых местах настолько густо, что в более поздних исторических документах эти земли упоминаются как славянские. Уже Иоанн, бикларский аббат, писал в конце VI века: «Sclaveni partes Graeciae atque Pannoniae occupant»[3], это подтверждают в 584 году[4] Иоанн Эфесский, Монембассийская хроника и синодальная грамота патриарха Николая III[5]; в 723—728 годы епископ Вилибальд, который во время странствий из Сиракуз в Святую землю остановился в Монембасии, отметил, что он остановился на славянской земле[6], и еще в X веке, когда Греция была вновь завоевана Византийской империей, на это указал сам император Константин: «ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος», и вскоре после этого комментатор Страбона добавляет: «καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἤπειρον καῖ Ἑλλάδα σχέδον καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκύθαι Σκλάβοι νέμονται»[7]. Поэтому также вместо названия Ἕλληνες было принято обозначение Ἑλλαδικοί.

Власть славян над Грецией продолжалась, согласно указанному известию патриарха Николая III, 218 лет, до победы греков у Патраса (805—807 годы), причем она была настолько твердой, что ни один римлянин не смел появляться в Греции. Только в конце VIII века наступил перелом, сначала на севере после победоносного похода Ставракия против славян Эллады и окрестностей Солуни в 783 году, затем в 847—849 годы после завоевания почти всей Мореи во времена Михаила III и, наконец, в 940 году после поко-

[1] Сюда относится, в частности, теория Стояна Новаковича, который считал первоначальное местное население собственно словенами, отличными как от пришедших позднее сербов, так и от антов, давших начало болгарам („Први основи", 89—98).

[2] См. „Slov. star.", II, 434.

[3] Joannis Biclarensis (ed. Mommsen), 212.

[4] Joannis Ephesioi, VI, 25. См. также хронику Михаила Сирийца, X, 18 и Barhebracovu (ed. Bruns), II, 94.

[5] А. В. Васильев, „Византийский Временник", СПБ, 1898 V, 411, 637.

[6] Vita Wilibaldi, ep. (M. G., SS XV, 93).

[7] Const. Porph., De thematibus, II, 6; anonimní epitomátor Straboni (Müller, Geogr. gr. min., II, 574).

рения последних двух обитавших там и свободных племен милингов и езеритов [1].

Исторических известий, свидетельствующих об интенсивности заселения славянами Греции, немного. О размерах этого заселения лучше всего можно судить по топографической номенклатуре края и влиянию славянского языка на греческий.

Историческим источникам достоверно известны лишь следующие славянские племена: *ваюниты* (Βαιουνῆται, «Чудеса св. Димитрия»), места поселения которых остались неизвестными, хотя скорее всего они располагались в Эпире, к северу от залива Арты, в будущей исторической Вагенеции XI—XIV веков [2], *белегезиты* (Βελεγεζῆται в «Чудесах св. Димитрия»), обитавшие в Фессалии около Волошского залива вблизи бывших городов Фив и Димитриады[3], *милинги* и *езериты*, жившие в Морее, по обе стороны Тайгетских гор (Μιληγγοί, Ἐζερῖται у Константина Багрянородного, De adm. imp. 50); езериты обитали на восточной стороне в области, называемой Элос [тут же помещается поселение Езер (Езерон)], милинги же на западной. Здесь они вошли и в «Житие святого Никона», составленное около 1142 года. Другие славянские племена в Греции неизвестны истории[4], но они, несомненно, жили и в других ее областях (в Аркадии, в области Скорта, в Гардиливе между Спартой и Тегеей, в Зарнате на юге от Каламаты, в Ватике у Малейского мыса и др.). Кроме того, славяне оставили много следов в топографической номенклатуре всей Греции, да и в греческом языке существует много доказательств влияния на него славянских языков[5]. На архипелаге славяне жили главным образом на островах Крите, Эвбее, Самофракии, Фасосе, но были и на островах Корфу, Самосе, Теносе, Эгине, Метане, Занте и Левкосе[6].

Но как ни многочисленно было славянское население в Греции, особенно в некоторых ее северных и южных областях, все же было бы неверно заключить из этого, что современные греки — это грецизированные славяне. Эта старая теория Фальмерайера, которую можно выразить фразой — Das Geschlecht der alten Griechen ist ausgerottet in Europa,—безусловно неверна и раздута[7]. Лучшим доказательством этого является именно тот факт, что, как только в Греции была восстановлена византийская власть и местный элемент опять поднял голову, славяне оказались быстро ассимилированы и вскоре

[1] Theoph. (ed. Boor), 456; Const. Porph., De adm. imp., 49.

[2] О других предположениях, касающихся локализации славянских племен, см. „Slov. star.“, II, 438. О силе славянского элемента в Эпире свидетельствует лучше всего то, что П. Аравантино (Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, Athénу, 1857, II, 313) нашел среди 1539 названий 717 названий славянских, особенно много их в авлонских окрестностях (из 619—334 слав.). См. на стр. 88 цитируемое сочинение Макушева.

[3] Источники XII и XIII веков называют эту область Belegezitia, сюда, очевидно, относится также Belzitia, засвидетельствованная с VIII века. См. стр. 88.

[4] Нет достаточных оснований считать древними славянскими племенами также соседних греч. маинотов, маниатов (Μανιάται) и затем гаконов (Τζάκωνες), обитавших между Парноном (теперь: Малево) и Арголидским заливом. Конечно, славяне жили когда-то в обеих этих областях. Еще в венецианском договоре 1485 года читаем: ad partes Zachonie sive Sclavonie (Васильев, I, с., 438).

[5] Топографическая номенклатура, к сожалению, до сих пор не исследована с этой стороны. См. хотя бы статьи А. Гильфердинга в „Русской Беседе“, 1859, IV и в его труде „История сербов и болгар“, Собр. соч. I, 281. См. затем: Arn. Cervesato (в Pensiero ital., 1896, fasc. 47—48) и статью J. Vařeky, Slov. jména v topografii Novořecka (Gymn. progr., Budějovice, 1902). О славянских элементах в языке см., в частности, старый труд Миклошича в Denkschr. Akad. Wien, Phil.-hist. Classe, 1870, LXIII и новый труд М. Фасмера «Греко-славянские этюды», I, II, Изв. отд. русск. яз. и слов., 1906—1907. См. „Slov. star.“, II, 441.

[6] См. Шишманов, Слав. селища в Крите и на другите острови, София, 1897.

[7] J. Fallmerayer, Geschichte der Halbinsel Morea, Stuttg., 1830, Die Entstehung der heutigen Griechen, Stuttg., 1835; Das slavische Element in Griechenland (Fragm. aus d. Orient, 1845, II).

были совершенно поглощены. Здесь поучительно сравнить ситуацию, сложившуюся в Македонии, с ситуацией в Греции. На Македонию в дальнейшем также оказали большое влияние власть, культура и язык греков. Но она осталась все же славянской в противоположность Греции. Последняя, очевидно, сохранила достаточное количество древнего греческого населения, которое было в состоянии одолеть славян и одолело их. Поэтому о полном исчезновении потомков древних греков не может быть и речи.

О том, что оккупировавшие Грецию славяне принадлежали к группе славянских племен, занимавших Македонию, и вообще центральную и восточную части Балканского полуострова, свидетельствуют и самый порядок древней оккупации, и пути, ведущие в Грецию, и, кроме того, особенность славянской топографической номенклатуры[1]. Доля участия в этой оккупации славянами северо-западной части Балканского полуострова была неизмеримо меньшей. Но все же имеются явные доказательства наличия в разных областях Греции сербских и даже хорватских поселений[2].

Славяне в Дакии

К северу от среднего и нижнего Дуная — на территории позднейших Венгрии, Семиградья и Валахии также осталась значительная часть славян южной группы, о которых известно, правда, очень мало, но которых все же по некоторым признакам следует связать со славянами восточной части Балканского полуострова. Их называют дакийскими славянами, так как они занимали древнюю Траянову Дакию. Миклошич и Копитар в свое время рассматривали их как особую южно-славянскую ветвь, более близкую словенцам, чем болгарам (см. выше, стр. 67), но в настоящее время известно, что это неверно. Обитавшие в Дакии славяне были в языковом и племенном отношении ближе всего к той группе, которая впоследствии дала начало славянским болгарам. С ней они были связаны и в политическом отношении.

Уже в 631 году турецкие болгары добились господства над аварами в Венгрии[3]; согласно источникам, относящимся к концу VIII века, власть и поселения болгар простирались до южной Венгрии, а с 829 года даже и до Паннонии[4]. Поэтому и у Баварского анонима болгары (Vulgarii) оказываются соседями Баварской империи, а у Альфреда Пульгаралянда — соседями Каринтии[5]; о соседстве болгар с Паннонией свидетельствует также «Житие св. Наума» и Conversio Bagoariorum 836 года[6]. В 892 году Арнольф требовал у болгар, чтобы они не давали соль с венгерских солеварен моравским славянам[7]. Поэтому тем понятнее становится и то, что и Валахия вплоть до Прута была заселена болгарами и подчинена им. К ней относится термин IX века «Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ» в отличие от Болгарии «ἐντος τοῦ Ἴστρου»[8].

О родстве славянского населения этих мест с более поздними славянскими болгарами свидетельствуют, кроме вышеприведенных сообщений, также фонетические знаки (чередование št, žd и носовые звуки) в местной

[1] См. „Slov. star.“, II, 446.

[2] См. выше, стр. 79—80, 82 и „Slov. star.“, II, 445. П. Лавров обнаружил также ряд сербизмов в номенклатуре.

[3] Fredegar, IV, 72; Paulus, Hist. Lang., V. 29; Theoph. (ed. Boor), I, 357, Nicephoros, 35.

[4] Ann. regni Franc., 827—829, и список епископств в золотых буллах Василия (Gelzer, Byzantin. Zeitschrift, II, 53).

[5] Rački, Doc. 382

[6] Ed. Lavrov, 5; Conv. Bag., 10.

[7] Ann. Fuld., под 892. О старых соляных разработках в Венгрии см. А. А. Кочубинский, О русском племени в Дунайском Залесье, Труды VII археологического съезда в Ярославле, II, М. 1891, стр. 14—18.

[8] См. ряд доказательств в „Slov. star.“, II, 450.

топографической номенклатуре, в особенности трижды встречающийся Пешт[1], из которых Пешт на Муране может быть одновременно доказательством того, как далеко на север зашли эти славяне до того, как эту часть северной Венгрии оккупировали с запада западные славяне (словаки), а с востока — восточные славяне (русские). Происхождение некоторых венгерских слов также связано с болгарскими формами[2]. К славянским болгарам относилась также по меньшей мере часть первоначальных семиградских славян[3]. Напротив, остатки болгар, встречавшихся здесь еще в конце XVIII века в Сегедине (Csergedu), Бонгарде и Rosz-csüru[4], были потомками уже не древних словен Иордана, а жителей более поздних болгарских колоний, основанных здесь в XIII веке[5] и подобных существовавшим до недавнего времени болгарским колониям в Банате (Винга около Арада, Бешенов у Сегеда, Брест около Врщце). Исторические данные не свидетельствуют о наличии здесь отдельных древних племен. Хотя название Северинского комитата (с XIII века terra Zemra, Zevrino, Sevrin, Zeverino) свидетельствует о том, что здесь могло жить какое-то племя северян, может быть часть того племени, которое в VIII веке появляется в Делиормане, но о других племенах мы не можем сделать даже такого предположения.

Славяне Семиградья и Валахии подверглись впоследствии романизации; когда это произошло и при каких обстоятельствах — пока неясно. Мне представляется неправильной точка зрения некоторых румынских историков, предполагающих полное вытеснение славян с этих земель (например, Ксенополь, Хасдей, Иорга). Полагаю, что там всегда оставалось много славян, которые были романизованы, но, конечно, они составляли меньшинство по сравнению с дако-румынами. В противном случае они славянизировали бы древнее население и завладели бы краем так, как это было на Балканском полуострове. Подобным образом и тюрко-татарский элемент не мог быть основным в Молдавии и Валахии, хотя влияние его было несомненным[6].

Славяне в Азии[7]

Наконец, особая территориально обособленная южно-славянская группа встречается кроме Европы и в Малой Азии. Это группа колоний, разбросанных главным образом в двух местах — у Мраморного моря в Вифинии и в Каппадокии — Сирии. Эти колонисты пришли, несомненно, с Балканского полуострова, вероятнее всего с восточной, византийской, его части, в основном от Солуни. Лишь одно название — Gordoserba — свидетельствует о сербском происхождении (см. выше, стр. 82). Первое сообщение о поселении славян в Вифинии содержится в тексте печати славянских союзников из фемы Опсикион, печать относится приблизительно к 650 году. На печати вокруг головы императора надпись (поврежденная): «των ανδραποδον

[1] Пешт на среднем Дунае, Пешт около Мурани и Пешт на нижнем течении Дуная у Илока (последний исчез). На другой стороне Дуная имеется словенско-сербская форма *Kis-Péc* (Rab), Péc (Szilágy), Pész (Baranya).

[2] См. „Slov. star.“, II, 452. О многочисленности носовых звуков в древней северовенгерской номенклатуре см. „Slov. star.“; II, 454. Эти носовые звуки частично сохранились до X века также у соседних славян.

[3] См. о них в „Slov. star.“, II, 454.

[4] Kiscserged на восток от Альбы Юлии, остальные около Сибиня (Cibinium).

[5] „Slov. star.“, II, 453.

[6] J. Peisker, Die Abkunft der Rumaenen, Graz, 1917 (Zeitschrift d. hist. Ver. XV).

[7] О славянах в Азии см., в частности, следующие труды: В. Ламанский, О славянах в Малой Азии, etc. (Зап. II отд. Импер. Академии Наук, V, 1859); Б. А. Панченко, Памятник славян в Вифинии VII века. (Изв. археолог. института в Константинополе, VIII, София, 1902, стр. 15—62); Л. Нидерле, K slovanské kolonisaci Malé Asie a Syrie v VIII — X st. (Сборн. по славяновед., Петроград, 1907) и статью в „Slov. star.“, II, 458.

των Σκλαβοων της Βιθυνων επαρχιας»[1]. К этому следует добавить греческие известия о появлении в 664 году славянских колоний в Сирии в окрестностях Апамеи[2], в 688 году около Никомедии, где поселилось много славян из Солуни[3], в 762 году на реке Артане в Вифинии недалеко от Босфора[4] и, кроме того, в восточных источниках, в частности у Михаила Сирийца, имеется ряд упоминаний о поселениях, названных Андак и Гурис (Antiochia — Cyrrhus, Chorus) вблизи Антиохии[5].

Из этих основных источников и нескольких других известий второстепенного характера[6] видно, что один из центров славян был в Вифинии (разделенный в X веке на фемы Оптиматон и Опсикион), вероятнее всего в окрестностях Никомедии и Никеи, рядом с которыми в VII веке упоминается еще Гордосерба на пути из Малагины к Дорилаю (см. выше, стр. 82) и какое-то поселение сагудатов (κωμόπολις Σαγουδάοι), очевидно, солуньских сагудатов[7]. Здешние славяне назывались Σθλαβησιάνοι[8]. Второй центр находился в Сирии и прилегающей части Каппадокии, в него входили славянские поселения у Апамеи (Seleukobulos, Sakálábije), Антиохии,— Хорус, крепость Лулон на границе Сирии и Каппадокии (φρούγιον Λοῦλον, Λουλοῦ) на дороге, проходящей через Тавриз, затем крепости Hisn-as-Sákáliba южнее от Тавриза и Hisn-Salmán где-то у Алеппо, а также, повидимому, поселение, называемое Σθλαβοτίλιν и расположенное где-то в западной Сирии[9].

[1] Б. А. Панченко, указ. соч. 25.
[2] Theoph. (ed. Boor), I, 348; Anast. Hist. (ed. Boor), 219.
[3] Theoph, 364, 365; Nicephoros, Brev., 41 B; Leo Gram., Chron., 163 (Bonn и т. д.) („Slov. star.", II, 460).
[4] Theoph., 432, Nicephoros, Brev., 68—69.
[5] Michel le Sirien, XI, 15, Chronique (ed. Chabot) и Barhebraeus (ed. Bruns) II, 118. Затем см. в статье Ламанского (7—37) и Панченко.
[6] Согласно Theophanes, Cont., II, 10, многочисленные переселения были уже до 821 года.
[7] Anna Komnena, Alex., X, XV, 2.
[8] Const. Porph., De cerem., II, 44, 45.
[9] Подробнее см. в „Slov. star.", II, 464.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ

Глава X

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

Часть славян, развившаяся, как говорилось выше, на языковой базе западной части славянской прародины и с древнейших времен подвергавшаяся иным культурным влияниям, нежели восточные славяне, с течением времени попала в новые, еще более отличительные условия и в новую среду. Большая часть всей этой западной ветви отделилась также и территориально и со своей прародины передвинулась далее на запад к Одеру (Одре) и Эльбе (Лабе) и даже далее этой реки — к Заале, а в юго-западном направлении — на средний Дунай вплоть до нынешней Баварии. Одновременно почти вся южная ветвь славян ушла на юг в Венгрию, к Адриатическому морю и на Балканский полуостров. Связь с восточной ветвью славян ослабевала еще и потому, что между ней и западной ветвью простирались с одной стороны бесконечные и труднопроходимые Рокытенские болота, а с другой стороны вклинивались литовские пруссы и ятвяги. Так, западная ветвь славян, ее язык, культура и внешнеполитические судьбы начали развиваться самостоятельно и независимо от южных и восточных славян. Возникает отдельная западно-славянская ветвь, и процесс этот, начавшийся еще до нашей эры, в общих чертах закончился в первом тысячелетии нашей эры. Именно в этот период сформировались народы, известные в позднейшей истории западных славян, а вместе с ними сложились и отдельные западно-славянские языки: чехословацкий[1], лужицко-сербский, полабский, поморянский и польский. Местом расселения западных славян стала восточная половина обширной области, которая с I века до н. э. называлась Германией и границей которой на западе был Рейн, на юге — сначала река Майн и Судетские горы, а позднее, как правило, Дунай. На востоке граница этой области, остававшаяся длительное время неопределенной, с течением времени установилась по Висле. Уже в трудах Випсания Агриппы, затем у Помпония Мелы, Плиния, Птолемея, Марциана и даже у Иордана Висла отделяет Германию от Сарматии, а наряду с Вислой линией раздела служат и некоторые южные притоки Дуная, сначала Морава, а позднее Ваг (Vagus), или Грон (Granuas), или Ипель[2].

На этой территории исторические источники указывают на следы пребывания двух больших народов: кельтов, заселявших когда-то всю западную часть Германии и, вероятно, среднюю и восточную ее часть, и германцев, колыбелью которых была южная Скандинавия, Дания и часть Северной Германии между Эльбой и Одером. Отсюда в течение II и I тысячелетий до нашей эры германцы распространились с одной стороны к Рейну и за

[1] Термин „чехословацкий язык" в переводе сохранен, поскольку он употреблен автором, считающим чешский и словацкий языки единым языком.— *Прим. перев.*

[2] См. „Slov. star.", III, 8.

Рейн, вытесняя древние галльские племена в Галлию и Гельвецию, и с другой — заняли восточную Германию, между Эльбой (Лабой) и Вислой. Ни здесь, ни на западе, между Везером и Рейном, германцы не были аборигенами. Здесь, на востоке, как об этом ясно свидетельствуют данные археологии, до них обитали другие племена, прежде всего большой народ, живший между Заале и Вислой, которому с XII века до н. э. принадлежали поля погребения так называемого лужицкого и силезского типа, народ, происхождение которого неясно, но который, несомненно, не был германским[1]. Германцы, распространившиеся в течение длительного времени на территории между Эльбой и Одером, и через нижний Одер подошедшие к Висле, только в последние столетия до нашей эры заняли остальную Германию, а племена, обитавшие здесь ранее, частью были вытеснены или подчинены, а частью поглощены. В начале нашей эры, когда первые подробные сведения о германцах дошли до Рима, германцы уже занимали всю Германию, и этим объясняется, почему в римских и греческих источниках вся страна именуется Германией и в качестве ее обитателей называются только германцы[2], хотя a priori можно утверждать, что под наименованием германцев скрывались и значительные остатки более древних обитателей этих земель.

Судя по сообщениям Гая Юлия Цезаря, Страбона, Плиния, Тацита и Птолемея, восточную, заэльбскую, Германию в начале нашей эры заселяли следующие племена: собственно *свевы* (Suevi, Suebi), обитавшие в I веке до н. э. между реками Веррой, Эльбой и Майном; центр их находился на Эльбе (земля свевских семнонов), откуда позднее они отошли на Майн и дальше, где мы их находим под историческим названием *швабов* (Suabi, Suavi).

Однако в более широком смысле название *свевы* употреблялось и для обозначения ряда других больших племен[3], принадлежавших к группе свевских племен. Это были *семноны*, обитавшие на средней Эльбе, в Старой Марке, и под давлением римских войск отступившие в 6 году н. э. в Бранденбург и Лужицы. Затем в источниках о них более не упоминается. Предположение, что древними семнонами являлись позднейшие исторические алеманны, наименование которых в III веке н. э. являлось собирательным для германских племен на верхнем Дунае и Рейне, является не чем иным, как искусственно построенной гипотезой. Что с ними произошло в действительности, мы не знаем.

Другим свевским племенем были *лангобарды*, первоначально обитавшие где-то в Люнебурге, откуда также в 6 году н. э. они перешли на другой берег Эльбы и оказались в державе Маробода. В 167—168 годах отдельные группы лангобардов начали передвигаться к Дунаю, однако основная часть племени еще долго бродила по Восточной и Центральной Европе[4], пока в 490 году не оказалась в Ругиланде, на Моравском поле, откуда в 526 или 546 году перешла в Паннонию и, наконец, в 568 году в северную Италию, где и образовала новое государство лангобардов.

Свевскими племенами были также *квады*, *маркоманны* и *гермундуры*. С Рейна квады пришли в Моравию и Словакию (до 14 года н. э.). Маркоманны в 9—8 годах до н. э. пришли в Чехию, древнюю землю боев (Boiohaemum). После гибели обширного маркоманнского государства, основанного Маро-

[1] См. „Slov. star.“, III, 15 и сл.

[2] Исключение составляют лишь небольшие племена — осы, и котины, обитавшие в юго-восточной части Германии, о которых Тацит ясно говорит, что они паннонского (осы) и галльского (котины) происхождения (Germ., 43).

[3] См. Strabo, VII, 1, 3; Tacit., Germ., 38, 39—43; Ptolem., II, 11; Dio Cass., LI, 22, 6.

[4] Об этих странствованиях лангобардов, которые между прочим оказались неподалеку от территории славянских антов, а перед приходом в Ругиланд прошли через чешскую землю (Boiohaemum), см. в первую очередь книгу Ф. Вестберга, „Zur Wanderung der Langobarden“, Петербург, Академия Наук, 1904, и C. Blasel, „Die Wanderzüge der Langobarden“, Breslau, 1909.

бодом, оба племени оказались на северном берегу Дуная. Весьма вероятно, что с течением времени маркоманны сосредоточились к западу, за Инном, и таким образом положили начало будущим историческим баварцам, в то время как квады, центр которых находился на нижнем Гроне, в результате многочисленных боев на Дунае и новых переселений прекратили свое существование. Гермундуры («Τευριοχαῖμαι» у Птолемея) обитали первоначально между Заале и Веррой, где с V века они известны под именем тюрингов. Однако во II веке часть гермундуров отошла к Дунаю. В восточной Германии, помимо части свевских племен, первоначально обитали еще бастарны (Basterni), которые, однако, уже в период V—III веков до н. э. отошли от Балтийского моря через Вислу и Польшу к нижнему Дунаю на берега Черного моря [1], после чего их, ослабленных многими битвами, принял император Проб и в 279 году переселил во Фракию.

После ухода бастарнов восточная Германия, в частности области на побережье Балтийского моря, была занята рядом других германских племен. Среди них на первом месте стоят готы, очевидно, древнейшее и наиболее могущественное племя, занявшее побережье Балтики после бастарнов. Отсюда во II веке н. э. часть готов через славянские земли ушла в Дакию, другая же часть — на Днепр и к Черному морю, откуда нападение гуннов в 375 году вынудило их начать поход сначала в Дакию и на Балканы, а затем в Италию и Западную Европу. Наряду с готами в начале нашей эры к западу от Вислы находился еще ряд других германских племен: *гепиды*, которые в III веке отошли в Семиградье и в Венгрию, где они почти исчезли в VII в.; *герулы* (*эрулы*), которые в III веке из северной Германии проникли частью на Рейн, частью — на средний Дунай, и даже к Черному морю; *ругии*, обитавшие на нижнем Одере, но позднее, вероятно в течение III или IV веков н. э., ушедшие на Дунай (Rugiland), в Италию и на Балканы; *вандалы*, первоначально обитавшие за Исполиновыми горами (Крконоши) (ср. Οὐανδαλικὰ ὄρη у Диона Кассия, IV, 1), а уже во II веке и особенно в IV—V веках — на Дунае, в Паннонии, Галлии и Испании; *бургунды*, которые жили сначала на реках Варта и Нотец, а затем в 250 году часть их переместилась к Черному морю, большинство же перешло на Майн и с 406 года на Рейн, откуда в 443 году они перешли в Галлию на Рону; *варины*, занимавшие в I веке н. э. Мекленбург, а позднее ушедшие на Рейн (примерно с III века), наконец, *силинги*, обитавшие первоначально в Силезии, в окрестностях Вроцлава, а в III веке уже оказавшиеся на Дунае. В начале V века силинги упоминаются одновременно с вандалами в Испании, так что, вероятно, вместе с ними во II или III веках они и ушли с Одера [2].

Последним большим племенем в восточной Германии были *лугии*, или *лигии*. По тем же данным Тацита (Germ., 43), Страбона (VII, 1, 3) и Птолемея (II, 11, 10), это большое племя, поселения которого находились на севере чешских и моравских гор, делилось на ряд меньших племен, из которых упоминаются лугии дидуны, лугии буры, гарии, гельветоны (Helvecones), маними, гелисии, наганарвалы[3]. Были ли они действительно германцами, мы не знаем; определенно об этом нигде не говорится, никаких следов их языка не сохранилось, ибо народ, хотя он и был большим («Latissime patet Lugiorum nomen», — пишет Тацит в своей «Germania», а Страбон отмечает: Λού[γ]ιοι μέγα ἔθνος), из истории полностью исчез. Нам лишь известно, что отдельные племена его также отделились и воевали на Дунае или на Балка-

[1] С бастарнами к Черному морю отошла и часть скифов, которые в III или II веке до н. э. угрожали Ольвии.

[2] Об истории этих отдельных германских племен см. следующие работы: L. Schmidt, Allgem. Geschichte d. germ. Völker (München, 1909) и Geschichte der deutschen Stämme (Berlin, 1913); см. также O. Bremer, Etnographie der germ. Stämme (Strassburg, 1900).

[3] См. о них подробнее в „Slov. star.“, III, 27.

нах (ср. буры и лугионес, собственно Lugiones Sarmatae в Дакии на Пейтингеровой карте III века), но уже с IV века о лугиях нет никаких упоминаний. История и происхождение лугиев действительно загадочны, и не удивительно, что в теориях, провозглашавших древнюю Германию славянской, им придавалось столь большое значение. Однако к этому племени, а также к другим племенам, связанным с ним, я еще вернусь в соответствующем месте.

Как видно из предыдущего обзора, германские племена полностью ушли из восточной Германии во II—III веках н. э., а быть может и раньше. Нет ни одного германского племени, пребывание которого здесь в IV или V веке было бы засвидетельствовано. Это важное обстоятельство в великом переселении народов обязательно следует иметь в виду при изучении судеб и мест расселения соседних славянских племен, современных германцам. С полной уверенностью можно предполагать, что восточная Германия во II и в III веках быстро опустела и что в IV и V веках в ней уже не было вышеупомянутых германских племен, за исключением незначительных их остатков. Неясна лишь, как я уже указывал, только судьба большого племени лугиев. Неизвестно, осталось ли оно здесь или полностью ушло. Об этом история умалчивает.

Глава XI

ПРОДВИЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН К ЭЛЬБЕ, ЗААЛЕ И В ЗАПАДНУЮ ГЕРМАНИЮ

Вопрос об автохтонности славян

Первые достоверные известия о славянах на Эльбе относятся лишь к VI и VII векам н. э. (см. далее, стр. 104).

И раньше и теперь имелось и имеется много исследователей, считавших возможным утверждать, что славяне обитали в Германии уже с самого начала нашей эры, более того, что они находились там испокон веков и их лишь временно поглотила волна германских народов. Можно назвать и таких исследователей, которые полагают, что по крайней мере часть племен, обычно относимых к германским, является в действительности племенами славянскими. Имеются также и археологи, усматривающие протославянские могилы в группе так называемых полей погребений лужицко-силезского типа, начало которых на Эльбе и Одере можно отнести к концу II тысячелетия до н. э.[1] Однако все эти предположения, являющиеся частью общей теории об автохтонности славян в Центральной Европе, рассмотрению которой я посвящаю специальное дополнение в конце этой книги, либо совершенно неверны, либо, по крайней мере, настолько неубедительны, что в том виде, в каком они по традиции излагаются, их нельзя принять всерьез. Мы можем, как я далее покажу, допустить возможность, даже вероятность наличия славян в восточной Германии с древнейших времен, но говорить об исторически засвидетельствованном существовании славян в восточной Германии до VI века мы не можем.

Я лично представляю себе приход славян в Германию совершенно иному.

Прежде всего необходимо различать два вопроса: 1) были ли славяне здесь автохтонами до прихода германцев и 2) были ли славянскими исторические народы, заселявшие Германию в период между IV веком до н. э. и V веком н. э.? Это два совершенно различных вопроса, и ни один из них не обусловлен другим. Если же эти вопросы мы поставим отдельно друг от друга, то по вопросу об автохтонности славян в восточной Германии можно прийти, основываясь на нынешнем уровне науки, к следующему заключению.

1. Вполне возможно, что славяне занимали восточную Германию еще до прихода германцев, хотя это можно доказывать пока лишь косвенным путем. Германцы сами постепенно, шаг за шагом заселили восточную Германию лишь в течение первого тысячелетия до нашей эры, и мы теперь точно знаем, что до них там обитал другой народ, оставивший после себя уже упомянутые поля погребений. Кем был этот народ? Предположение берлинского археолога Г. Коссины о том, что это были пришедшие с юга фракийцы или иллирийцы, не обосновано. Только два больших народа могут быть приняты во внимание: кельты — западные соседи, и славяне — восточные соседи в Повисленье. В пользу кельтов свидетельствуют остатки кельтской топографической номенклатуры в Чехии, Моравии и даже по всей Польше, но против этого свидетельствуют как исторические, так и археологические данные,

[1] К ним относятся главным образом чешские археологи: Й. Ванкель, Й. Пич, Й. Вольдржих, Ф. Черны, К. Машка, И. Л. Червинка и К. Бухтела.

не говоря уже о том, что кельтское происхождение многих наименований является сомнительным [1]. Погребения также не носят кельтского характера, обычного для погребений собственно кельтской территории. Таким образом, существование славян в восточной Германии a priori возможно и даже правдоподобно. Славяне могли быть здесь до прихода германцев, однако после прихода германцев они были частью вытеснены ими, частью покорены, так что в начале нашей эры Германия в глазах римлян уже выглядела как чисто германская. Однако все это только предположения и никак не более. Наконец, необходимо учитывать, что и славянский характер полей погребений не доказан.

2. Равным образом, уже в качестве вывода из приведенного только что тезиса, следует допустить, что и вторая теория автохтонистов, ищущих славян среди засвидетельствованных в истории германских племен, не должна быть отброшена a priori.

Древняя Германия в период между V веком до н. э. и V веком н. э. была слишком далека римлянам, и античный мир не мог быть правильно информирован о ней. Понятие «Германия» возникло как понятие географическое, и поэтому неизвестно, всегда ли эпитет «германский» означал этническую принадлежность к германским племенам и не означал ли он вообще племя, обитавшее в Германии независимо от его происхождения. Мы знаем, в Германии действительно обитали негерманские народы (галлы-треверы, нервии и котины, литовские эстии), а наиболее видный древний историк Тацит однажды даже осов называет germanorum natio, хотя он и знал, что они говорили по-паннонски. В другом же месте он причислил к германцам и бриттов-каледонцев и славян-венедов [2]. Таким образом, не исключено, что и другие древние племена, упоминаемые в Германии, не обязательно были германскими и что среди них могли быть и славяне. Речь идет лишь о следующем: можем ли мы это доказать и в отношении каких племен? Приводя такие доказательства, приверженцы теории автохтонности славян слишком часто ошибались, так как подходили к решению этого вопроса методологически совершенно неправильно, опирались на недостоверные сообщения, неправильно прочитанные или малоценные, более того, даже на искаженные редакции рукописей, и к тому же сложные филологические вопросы обычно разрешали, не имея достаточных лингвистических познаний.

Исследователь, который избежит этих ошибок, может допустить указанную выше возможность существования славян в восточной Германии, однако никогда не должен заходить так далеко, как например А. Шембера, В. Кентжинский и другие, чтобы объявлять славянами племена готов, скиров, герулов, свевов, лангобардов, тюрингов, маркоманнов, квадов, ругиев, вандалов и бургундов, населявших восточную Германию. Вывод о германском происхождении этих племен бесспорен, так как он доказан и многими неопровержимыми данными исторических источников и данными лингвистики; даже если в том или ином месте средневековый летописец по незнанию объявлял вандалов предками поляков, а готов — предками хорватов [3], если наименование свевы созвучно наименованию славян, а анонимный географ Баварский по ошибке упомянул их в IX веке там, где в действительности речь идет о славянах [4], то это ничего не меняет. Из местного

[1] См. выше, стр. 34. Речь идет главным образом о наименованиях рек, которые Я. Розвадовский и А. Шахматов считают кельтскими, затем о наименованиях торговых пунктов, перечисляемых Птолемеем, часть которых бесспорно кельтского происхождения. О том, что лингвистические выводы Розвадовского и Шахматова встретили серьезные возражения, я уже говорил на стр. 34.

[2] См. Tacit, Germ., 28, 43, 46; Agricola, 11.

[3] См. „Slov. star.“, I, 46, 50; II, 177; III, 34.

[4] „Suevi non sunt nati sed seminati“. (Bielowski, Monumenta Poloniae Historica, I, 11.)

наименования *славяне* в начале нашей эры не могла возникнуть форма *слави* (Slavi), а тем более *свевы* или *свебы* (Suevi, Suebi). С этой точки зрения большего внимания заслуживают лишь несколько наименований народов, заселявших древнюю Германию, хотя я лично не считаю, что это является доказательством их славянского происхождения. Наименование такого народа, как лугии, затем славянизация наименований варинов, ругиев, силингов, корконтов, ракатов и баймов (Baimoi) ведут нас, правда, в другом направлении и приводят к интересным выводам в пользу существования славян в восточной Германии.

Основываясь на местоположении поселений лугиев, сходстве наименований, а также на том факте, что у нас нет достаточно полных данных об уходе лугиев, автохтонисты обычно отождествляют древних лугиев с позднейшими славянами *лужичанами* (сербами, заселявшими Верхние и Нижние Лужицы на севере Чехии), выводя обе формы от славянского *луг*, праславянского *лонг* — лес. Однако такое лингвистическое толкование не является правильным. Если бы название лугиев было славянским и происходило от славянского *луг*, то в древний период оно должно было бы звучать как *лунгии* или *лонгии*, так как в тот период (и еще долгое время спустя, вплоть до IX века) слово «луг» включало в себя носовой звук ǫ[1]. Вместе с тем ни один источник не подтверждает, что лугии действительно остались в Германии и продержались там до прихода славян. Все же славянство лугиев полностью отвергать нельзя. В старославянском языке наряду со словом «лонг» существовал еще один корень *лугъ*, означавший болото, трясину, из которого могло произойти наименование *луги*, *лугии*. Латинская форма также имеет аналогии (ср. славянские племена с латинским названием Varnavi, Hevelli, Polabi, Moravi). Нельзя также не признать, что, по крайней мере, еще два названия уже из числа небольших лугийских племен весьма сходны с позднейшими славянскими племенными названиями. Так, Heluetones Тацита, Αἰλουαίωνες Птолемея сходны по названию с позднейшими славянами-гаволянами, обитавшими на том же месте, на реке Гаволе (первоначально Гавела, Havela, 789 год), а Μουγίλωνες Страбона — со славянами-могилянами (от славянского слова *могила*), называемыми Титмаром в X веке pagus Mogelini, Mogilina urbs неподалеку от Мейсена [2]. Все это, безотносительно к гипотезе археологов о славянском народе полей погребений, самым серьезным образом свидетельствует в пользу славянской принадлежности гельвеонов и мугилонов, а тем самым и лугиев. Однако эти данные сами по себе все же недостаточны для того, чтобы мы могли вполне определенно считать лугиев славянским народом в восточной Германии [3]. Остается неизвестной также этническая принадлежность баймов (Βαῖμοι), помещаемых Птолемеем в Моравию, в отношении которых можно предположить, что это были славяне-чехи, так как по другим данным ясно видно, что славяне в тот период уже были в Моравии [4]. Хотя приводимое Птолемеем название *корконты* (Κορκοντοί), которое он дает чешским горам, явно связано со славянским названием гор *Крконоши*, однако свидетельствует оно лишь о том, что славяне, придя к горам, застали там или племя корконтов, или перенятое от них название гор [5]. Точно так же название древней *Виндобоны*, несмотря на кажущееся сходство с чешским на-

[1] Еще в IX веке наименование лужичей звучало у анонима Баварского, как *лунсици* (Lunsici).

[2] О славянских гаволянах см. далее, стр. 101; Mogelinia Thietmar'a — IV, 5 (4) и V, 37 (22).

[3] Более подробно по вопросу о славянском происхождении лугиев см. „Slov. star.," III, 50 и сл. Славянское происхождение лугиев и мугилонов категорически отрицает А. Брюкнер („Slavia,", I, 1922, 383).

[4] „Slov. star.", III, 58.

[5] Там же, III, 57.

званием Videň (*Видень*) и названием реки *Ведьня*[1], является не славянским, а галльским (Vindos + bona).

Как мы видим, все это еще не дает достаточных оснований считать славянской восточную Германию времен Тацита или Птолемея или считать славянскими отдельные большие племена, ее заселяющие. Вместе с тем, основываясь на истории этих отдельных племен, ряде древних географических наименований, наконец, новейших представлений о древней Европе, мы можем прийти к другим выводам, более достоверным и правильным, чем те, к которым исследователи приходили до сих пор.

Из приведенного только что объяснения следует, что, хотя ни одно из племен не может быть названо бесспорно славянским, мы выясняем другое важное для истории славянства обстоятельство: *некоторые древние наименования сходны либо даже тождественны с позднейшими средневековыми славянскими названиями.* Из этого еще нельзя делать вывод, что эти древние наименования обозначали также и славян, но они, во всяком случае, свидетельствуют, что, когда славяне пришли в Германию, здесь еще находился ряд неславянских племен. Только так и можно объяснить сходство славянских и германских племенных наименований: слензы (Ślęzy) с германским силинг (Siling), варнавы с варини (Varini), гаволяне с гельветоне (Helveones или Helvetones), руяне с ругии (Rugii), а также славянских географических названий: Крконоши (Κορκοντοί), Есеники (Ἀσκιβούργιον ὄρος), Лаба (Albis), Сала (Σάλας), Видава (Οὐίαδουα), Морава (Marus), Хуба (Καmp, Κάμποι), Калиш (Καλισία). Мы даже можем пойти еще дальше и, в частности, предположить, что славяне в течение длительного времени, очевидно, обитали на одной и той же территории или по соседству с древними племенами, так как при кратковременном общении, а также в случае быстрого ухода древнего племени трудно было бы объяснить, как могли быть переняты и сохранены новым народом старые наименования.

Таким образом, перечисленные примеры сохранения старых наименований свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что славяне общались с варинами, ругиями, силингами и гаволянами, по всей вероятности, еще задолго до того, как эти племена ушли из Германии. Хотя эти выводы и не свидетельствуют об автохтонности славян в Германии, но они показывают, что неправы те немецкие исследователи — а таковыми являются почти все они,— которые вместе с Цейссом и Мюлленгофом полагают, что славяне перешли через Вислу и пришли на Одер и Эльбу лишь в V и VI веках, причем некоторые из них относят их приход даже к VII и VIII векам, предпочитая оставить восточную Германию на длительное время безлюдной, чем допустить в ней существование славян[2]. Как указывалось выше, силинги, варины, ругии ушли уже в III веке, но не позднее IV века. В этот период в течение длительного времени совместно с ними должны были обитать славяне, являвшиеся в этих землях либо пришельцами, либо остатками большого народа лугиев. Сходство приведенных наименований является, следовательно, очевидным доказательством того факта, что славяне пришли в восточную Германию не в VI или VII веке, а значительно ранее, по крайней мере во II или III веке. Нельзя также не считаться со свидетельством Юлия Капитолина, объясняющим, почему во время правления императора Марка Аврелия началось великое движение среди народов восточной Германии и почему вандалы, астинги, лакринги, викуталы, аланы, роксоланы и бастарны стали совершать набеги на Римскую империю. «Pulsae ab superio-

[1] „Slov. star.“, III, 56.

[2] Так, Г. Коссина относит появление славян в безлюдной восточной Германии к VII—IX векам, а уход германцев к 500—600 годам н. э. (Das Weichselland, ein uralter Heimatboden der Germanen, Danzig, 1919, 24.)

ribus barbaris», — говорит он о них [1]. Речь идет, повидимому, о давлении славян, которое начало сказываться.

Этот вывод, сделанный на основании данных истории и лингвистики, не связан с вопросом об автохтонности славян в восточной Германии и о славянском происхождении лугиев. Данные археологии в последнее время также дают все больше свидетельств о более раннем приходе славян в восточную Германию. Начиная с IV века полностью прекращается развитие археологических культур восточной Германии, и лучшие скандинавские археологи Монтелиус, Альмгрен и Салин объясняют это влиянием славянской экспансии [2]. Таким образом, с точки зрения археологических данных дату этой экспансии мы можем отнести еще до начала IV века, так как она осуществлялась не сразу, а медленно и постепенно. Только так и можно объяснить, почему славяне переняли римскую провинциальную керамику. Если прав А. Соболевский в том, что славяне еще в период существования общеславянского языка переняли общеславянское *сасъ*, *сасинъ* (в результате потери *к*), то это является еще одним лингвистическим доказательством в пользу того, что славяне продвинулись к низовьям Эльбы по крайней мере в начале нашей эры [3].

В целом мои представления о движении славян и их приходе в древнюю Германию во многом отличны от обычных представлений, существовавших до сих пор. Если мы исходим из того, что родина германцев находилась в Скандинавии, а родина славян за Вислой, то можно a priori с полным основанием утверждать, что славяне в начале первого тысячелетия до нашей эры со своей родины за Вислой продвинулись и в восточную Германию, как только эта страна освободилась от других арийских древних народов, которые, вероятно, занимали ее еще до первого тысячелетия до нашей эры. Об этом, помимо данных археологии, свидетельствуют и относительная чистота топографической номенклатуры между Одрой и Вислой, а также и то, что германцы переняли название Вислы от славян [4].

До этого момента мы можем серьезно говорить об автохтонности славян в Германии; славяне там были или, по крайней мере, могли там быть до германцев.

Когда же германцы в течение первого тысячелетия постепенно заняли всю Германию, а стало быть и восточную, то славяне либо были вытеснены ими, либо поглощены, и Германия стала германской. Продвижение германцев не остановилось на границах восточной Германии и продолжалось далее. Уже между V и III веками до н. э. на восток ушли бастарны и скиры; во II веке до н. э. ушли на юг цимбры, а когда уже в нашу эру, главным образом во II веке, германская экспансия с особенной силой устремилась по другим направлениям, то вся восточная Германия, за исключением разве только области древних лугиев, в течение II и III веков, а отчасти, вероятно, и IV века опустела. Совершенно очевидно, что славяне не оставались при этом пассивными. Весьма вероятно, что цитированное выше известие Юлия Капитолина («Vita Marci», 14) о северных варварах, теснивших германские племена, касалось именно славян. При отходе германцев древние славянские островки, если таковые там были, снова ожили, и, кроме того, двигавшаяся со стороны Вислы волна славянских народов занимала эту область всюду, где она освобождалась от германцев. Приведенные выше, на стр. 101, этнографические и географические наименования свидетельствуют,

[1] „Vita Marci", 14.

[2] См. „Slov. star.", III, 62.

[3] ЖМНП, 1904, 464. Это доказательство отвергают А. Брюкнер („Slavia", I, 386) и Й. Миккола (Revue des Études slaves, I, 1921, 199).

[4] Название „Висла" имеет ряд параллелей в славянской речной номенклатуре (*Висла, Вислица, Вислок, Вислока, Висловка, Вислава, Свислочь*). Поэтому мне трудно согласиться с теми, кто обычно усматривает в Висле кельтское название. См. „Slov. star.", III, 64.

что в ряде мест славяне в течение длительного времени обитали рядом с германцами. Таким образом, славяне находились в Германии по крайней мере уже в III и IV веках, а то и во II веке, и я считаю совершенно неверным вывод немецких ученых, считающих, что славяне существовали в восточной Германии лишь после того, как она полностью была оставлена германцами или даже еще позднее, в V или VI веке, не говоря уже о тех, кто считает, что славяне были здесь в VII—VIII веках. Славяне, пришедшие в Силезию во II—III веках, переняли название силингов; пришедшие на север в землю варнов (варинов) и ругиев — переняли в тот же период название последних (варнавы, ругианы). Если, как это допускает А. Брюкнер [1], приводимые Птолемеем названия Καλισία, Ἀσκαυκαλίς являются славянскими, то это подтверждает гипотезу о переходе славянами Вислы в первой половине II века.

Таким образом, славяне достигли Эльбы (Лабы) и Одера (Одры) по крайней мере в III—IV веках. Но, разумеется, верно и то, что первые достоверные упоминания о них, когда они названы своим собственным именем, имеются лишь в 512 году у Прокопия [2]. Все германцы известны были у славян под общим названием немец, по-древнеславянски *немьць*, множественное число *немци* [3], которое возникло от славянского слова *немь* — mutus, то есть чужестранец, речь которого славяне не понимали. Таким образом, это название не является, как предполагают некоторые, производным от имени германского племени неметов, обитавшего на Рейне и никогда не общавшегося с общей массой славян.

[1] „Slavia", I, 1922, 399.

[2] Procop., B. Got., II, 15; „Slov. star.", III, 66.

[3] Раньше всего у Титмара („Nemzi", V, III, 59), затем в „Житии св. Климента", 13, Νεμέτζοί, и у Константина Багрянородного (De cerem., II, Νεμέτζιοι).

Глава XII

ПРОДВИЖЕНИЕ СЛАВЯН В ЗАПАДНУЮ ГЕРМАНИЮ

Первым историческим известием о славянах на Эльбе является запись Вибия Секвестра «De fluminibus» (VI век), в которой об Эльбе говорится: «Albis Suevos a Cervetiis dividit», так как не может быть сомнения, что Cervetii означает здесь наименование *сербского* округа (pagus) на правом берегу Эльбы, между Магдебургом и Лужицами, который в позднейших грамотах Оттона I, Оттона II и Генриха II упоминается под термином *Ciervisti, Zerbisti, Kirvisti*, нынешний Цербст. С этим согласуется и известие Фредегара о существовании в 623—631 годах сербского княжества на Сале и другие его сообщения о вторжениях славян в Тюрингию в 631 и 632 годах, указывающие на то, что в тот период сербы и чехи обитали по соседству с Тюрингией [1]. В VIII веке Эйнхард пишет: «Sala fluvius Thuringos et Sorabos dividit» [2], а с конца VIII века источники начинают говорить о них еще чаще и подробнее.

В тот период, а именно в 782 году, началось большое, имевшее мировое значение наступление германцев против славян, которые, перейдя Эльбу, начали угрожать империи Карла Великого. Для того чтобы создать какой-то порядок на востоке, Карл Великий в 805 году создал так называемый *limes Sorabicus*, который должен был стать границей экономических (торговых) связей между германцами и славянами [3]. Она шла от устья рек Энже и Лорх (древняя Lauriacum) по течению Дуная до Регенсбурга, где поворачивала на север через Пфреймд (у Нюренберга), а затем через Форгайм, Бамберг, Галаштат (точнее неизвестно), пересекала Франконский лес в направлении к нынешнему Эрфурту; отсюда по течению Заале и Эльбы граница шла к Магдебургу, затем Брауншвейгу, к месту, называемому Шезла, более точное местоположение которого также неизвестно [4], и вплоть до Бардевика на Эльбе. За Бардевиком начиналась другая граница, так называемая *limes Saxoniae*, созданная несколько позднее (в 808 году). «Саксонская граница» шла от реки Дельвенавы (Delven Au) к истокам Билены (Bille) и вдоль Травны (Trave), Плунского озера (Plönersee) к месту впадения *Свентины* (Schwentine) в Кильскую бухту [5]. Хотя и нельзя сказать, что проведенная подобным образом линия являлась одновременно и точной этнографической границей славянской и германской областей, однако характер этой границы показывает, что она, по крайней мере приблизительно, разделяла территорию заселенности обоих народов. Она показывает нам, как далеко к началу IX века распространились славяне при своем продвижении к Эльбе и за Эльбу и как все, что находилось к востоку от сербской и саксонской границ, было в IX веке бесспорно славянским.

[1] Fredegar, Chron., IV, 68, 74, 75, 77, 87.

[2] Vita Caroli, 15.

[3] „Limes Sorabicus" отмечен в капитулярии, изданном в 805 году в Тионвилле (Mon. Germ. Leg. Sectio, II, tom I, 122, Nr. 44).

[4] У нынешнего Шисселя на р. Вюмме или скорее всего на р. Исе у впадения ее в Аллеру. См. „Slov. star.", III, 71.

[5] Adam Brem., II, 15, более подробное объяснение см. в „Slov. star.", III, 71.

Однако славяне, несмотря на начавшееся с этого времени германское наступление, не остановились и на этой линии. Славяно-немецкая граница в ходе войн, происходивших с IX по XII век, несомненно, неоднократно менялась, и если я сейчас пытаюсь определить, как далеко проникли славяне в Германию, то тем самым имею в виду не прочно установившуюся в какой-то период границу, а лишь тот предел, до которого славяне в различное время доходили. Его нельзя смешивать с границей, разделявшей действительно немецкие и действительно славянские области. Такая постоянная, с компактным немецким и славянским населением граница всегда проходила дальше к востоку, а отдельные славянские поселения впереди этой границы были лишь временными и находились на территории во всех остальных отношениях немецкой. К тому же принадлежность этих поселений славянам лишь в редких случаях может быть установлена на основании прямых исторических известий. Обычно же только славянский характер имен или круговая форма поселений (так называемые «okrouhlice», немецкие Runddorf), считающихся, как правило, славянскими [1], указывают на славянскую принадлежность поселения. Однако оба эти признака иногда недостаточны, и более определенно мы можем говорить о славянских поселениях только там, где предполагаемые славянские наименования и славянский тип деревни встречаются сравнительно часто. Поэтому линия западной границы славянства в том виде, как я ее здесь определяю, является во всех случаях лишь приблизительной, и возможно, что дальнейшие исследования несколько ее изменят.

На севере между Эльбой и Балтийским морем славяне первоначально заселяли территорию вплоть до рек Свентины (Schwentine), Травны (Trave), Дельвенавы (Delven Au) [2], где и позднее сохранились компактные славянские поселения. Однако по топографической номенклатуре мы видим, что в X веке, а главным образом во второй половине XI века славяне проникли еще дальше, вплоть до Эйдера и окрестностей Рендсбурга [3] и заселили область стурмаров (stormarn) вплоть до Гамбурга и реки Альстера, в общем примерно до линии Киль — Неймюнстер — Альстер — Гамбург. Прудентиус Тройский называет Гамбург «Civitas Sclavorum» [4].

За Гамбургом славяне перешли на левый берег Эльбы к Люнебургу, где на берегах рек Йесны (Иетцель) и Ильмы (Ilmenau) поселилось племя древан, остатки которых обитали здесь вплоть до XVIII века[5]. Еще и теперь в области Йесны сохранилась память о них в названиях Drawehn (древняя славянская—Дравайна, Dråwåina) и Wendland, хотя последний крестьянин по имени Варац, знавший «Отче наш» по-славянски, умер в 1798 году. Граница области, заселенной славянами, по данным исследования Муки, проходила от устья Ильмы (Ilmenau), пересекала реку Аллеру в нижнем ее течении, затем шла к Бургдорфу южнее Келы, а оттуда через Пейне, Брауншвейг, Гельмштедт к устью Огры (Ohre) (древней Оравы), на юг от которой славянские наименования заметно исчезают [6]. Когда-то Старая Марка

[1] Характер славянских поселений в середине XIX века начали изучать В. Якоби и Й. Ландау. Но больше всех сделал в этом направлении А. Мейтцен (Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, Berlin, 1895). См. „Slov. star.“, III, 73 и то, что я писал о значении славянских круговых поселений в моей книге „Život starých slovanú“, III, 187 и далее.

[2] Adam Brem., 1 c. (limes Saxoniae).

[3] См. „Visio Godeschalci“ и Helmold, II, 14.

[4] Ann. Bertiani, отн. к 845 году. См. и Письмо папы Николая I от 864 года.

[5] Подробности о судьбе этих древан и попытках найти их следы имеются в работах А. Муки, Slovane ve vévodstvi Lüneburském (Slov. přehled, VI, 103) и Szczątki języka polabskiegò Wendów lüneburskich (Mat. a prace kom. jęz., Krakow I, 1903). См. „Slov. star.“, III, 76, 177.

[6] Однако против некоторых выводов Муки (Slov. přehled, VI, 103), а также Кугнеля, опирающихся на славянский характер топонимики, возражает П. Рост — Die Sprachreste der Dravăno-Polaben in Hannoverschen, Leipzig, 1907, 349. Р. Андре проводил гра-

(Altmark) была, вероятно, полностью славянской, но уже с 822 года в ней, а вскоре и в бассейне Оравы появляются наименования немецких поселений. Однако соседняя Тюрингия, между Эльбой, Оравой, Бодою (Bode) и Заале, всегда была слабо заселена славянами.

Области к востоку от Заале были также славянскими. Славяне проникли и на запад от Заале, где их поселения были разбросаны в различных местах, в остальном же эта область оставалась немецкой. О славянских поселениях между Эрфуртом и Заале упоминает грамота Дагоберта III от 706 года [1], другие же свидетельства относятся к 937 и 973 годам. О славянах, обитавших на реке Фульде [2], упоминается также в индексе монастырского имения в Фульде и Герсфельде VIII века и в «Житии св. Штурма» Эйгилия [3]. Там также встречается большое количество славянских наименований. Область между Унструтою и Випрой (Wipper) в X веке обозначается как «pagus Winidon», а окрестности Заальфельда именуются в XI веке «regio Sclavorum» [4]. В 1055 году мы находим славян даже неподалеку от Геттингена [5]. Славянская граница, повидимому, проходила здесь вдоль Заале, у реки Унструты она отклонялась на запад и шла по течению рек Унструты и Випры, обходила Готу по направлению к среднему течению Верры, затем шла к верховьям Фульды, откуда через Киссинген, Виндсгейм на реке Айш поворачивала к Ансбаху и Регенсбургу. По этой границе, разумеется, расположены были лишь отдельные славянские поселения, в остальном же эта территория была немецкой [6]. Компактные славянские поселения в Баварии находились значительно дальше на восток: на верхнем Майне и его притоках Раднице (Rednitz), Пегнице (Pegnitz) и Резату. Эта область в древних грамотах VIII и IX веков снова именуется terra Sclavorum, regio Sclavorum, а славяне, обитавшие здесь, —Moïnwinidi и Ratanzwinidi [7]. Уже в IX веке для них было построено 14 костелов, а в 1007 году учреждено специальное епископство в Бамберге: «ut paganismus Sclavorum destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter inibi celebris haberetur» [8]. Большая часть населения этого епископства была славянской. На юге славянские поселения прослеживаются по реке Набе до окрестностей Регенсбурга. Чешская область, называвшаяся Тугост [9], также протянулась вплоть до баварской реки Хамб, где в XII веке упоминается поселение Boem-villingen[10]. Повсюду, где

ницу от Вагренгольца по Исе к Аллере и около Феллерслебена, Кенигслютера к Гельмштедту („Braunschweiger Volkskunde“, Braunschweig, 1901, 501).

[1] Mon. Germ. Dipl., I, 83 (Грамота является подделкой X или XI века).

[2] Eigilius, Vita S. Sturmi, M. G., Scriptores, II, 369.

[3] „Slov. star.“, III, 79, а также Кентжинский, O Słowianach między Renem, Labą i czeską granicą, Krakowská akadem., 1899, 35, 39.

[4] Грамота Оттона II от 979 года, а также у Ламберта из Герсфельда (Mon. Germ. Ser. script., V, 238).

[5] Грамота архиепископа Майнцкого Луипольда от 1055 года (Кентжинский, I, с. 42).

[6] Нельзя, конечно, a priori исключать возможность существования отдельных славянских поселений еще далее к западу и на самом Рейне и Боденском озере. Однако доказательства этого, полученные путем изучения номенклатуры этой области, еще недостаточны (см. главным образом уже цитированную мною работу Кентжинского о славянах, а также статью Е. Богуславского „Ślady po Wendach w dzis. Niemcach“ (Swiatowit, VIII. 35), затем H. Marian, Rheinische Ortsnamen, Aachen, 1884 и E. Majewsky, Starożitni Słowianie na ziemiach dzis. Germanii (Warszawa, 1899). См. „Slov. star.“, III, 81.

[7] См. грамоты папы Захария от 751 года, Людовика от 846 года, Арнульфа от 889 года, Генриха I от 923 года, Оттона III от 993 года. Затем „Житие св. Бонифация“ (8) Вилибальда и Фульдские записи (Dronke, Trad. et ant. Fuld, 1884, с. VI, 129—130, 133 и сл.). См. „Slov. star.“, III, 83.

[8] „Чтобы было ниспровергнуто язычество славян и все христиане сохранили бы память о знаменитых людях на месте“. Jaffé, Bibl. rer. Germ., V, 27; Mon. Boica, XXVIII, 40, 95.

[9] Jaffé, 1, с. 497.

[10] Friedrich, Cod. dipl. Bohem., I, 94; Mon. Boica, XXVII, 39.

жили славяне, помимо упомянутых исторических свидетельств, до сих пор сохранилось много следов славянской номенклатуры, имен, образованных из славянских слов и имеющих славянские окончания: -itz, -za, -wind, -winden. Однако здесь нужно быть осторожным, так как эти окончания не всегда славянского происхождения. Не вызывает сомнения славянское происхождение сложных слов с прилагательным windisch. И хотя мы не можем принять все 567 предполагаемых славянских наименований, обнаруженных Е. Маевским у франков [1], все же мы должны признать, что количество их бесспорно велико. Но пока еще нет столь эрудированного лингвиста, который смог бы выделить из предполагаемых славянских наименований те названия, которые бесспорно являются славянскими. Существование славян подтверждается здесь как большим количеством сел с характерной славянской планировкой, расположенных к востоку от линии Бамберг — Гайда — Наба, так и данными археологии: имеющиеся здесь повсюду, вплоть до Эрфурта, Готы, Бургленгенфельда на Набе, Ансбаха на Резате и Альтмюля [2], могильники и городища характерны своей славянской керамикой и S-образными височными кольцами. На юге от Дуная славянские поселенцы, пришедшие с севера (чехи и сербы), встречались, как это будет видно дальше, со словенскими поселенцами, приходившими из альпийских земель. В Австрии граница сплошного славянского заселения шла от Дахштейна близ Гальштата, между Мундзее и Аттерзее, по течению реки Травны к Велсу, Кремсу, св. Флориану и Линцу, а на другой стороне Дуная — по течению реки Мюгл. Между Травной и Инном славянские поселения насчитывались лишь единицами, но где-то в южной Баварии упоминается еще palus magnum Winidowa dictum (вероятно, озеро Вюрмзее?) [3].

Таким образом, имеется действительно много доказательств, указывающих на существование славян в западной Германии, однако все они относятся лишь к VIII и IX векам и явно связаны с продвижением славян на запад, захватившим, как мы установили, восточную Германию уже в III—IV веках. Поэтому они могут свидетельствовать лишь о существовании славянских колоний, возникших уже позднее, когда волна славянских народов в V и VI веках достигла Эльбы, Заале и Шумавы. Однако такие доказательства не являются и не могут являться свидетельством исконного существования славян в западной Германии, хотя именно так постоянно истолковывают их некоторые славянские историки, как например Кентжинский, Маевский и Богуславский.

[1] См. статью Маевского в „Światowitu", II, 63 („Ślady Wendów we Frankonii").

[2] См. доводы, приведенные в „Slov. star.", III, 86, и статьи Рейнеке и Толдта в „Correspondenzblatt d. Deutsch. anthr. Ges.", 1901 и 1911.

[3] Chron. Benedictoburanum (Pertz., „Slov. star.", IX, 214) в описании закладки костела на реке Любасе в 740 г. О том, что славянские поселенцы проникли даже в Швейцарию, см. доказательства у Кентжинского („O Słowianach", 45).

Глава XIII

ОБРАЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНО-СЛАВЯНСКОЙ ВЕТВИ: СЕРБОВ, ПОЛАБОВ, ПОМОРЯН, ЧЕХОСЛОВАКОВ И ПОЛЯКОВ

Из родов, объединенных общей территорией и общими интересами, среди славянства, хлынувшего на запад со своей родины на Висле, постепенно стали образовываться отдельные, отличающиеся друг от друга народы. Их, хотя и не в равной мере, отличало многое: места поселения, политические и династические интересы, кровные родовые связи, культурные особенности и, наконец, язык, в котором уже с начала нашей эры, несомненно, начали сказываться областные различия. Эти языковые особенности, отчетливо проявляющиеся начиная с XII века в уже сформировавшихся языках, предоставляют нам единственную возможность восстановить картину первичной дифференциации западно-славянской ветви и связать ее с позднейшими, исторически засвидетельствованными наименованиями народов.

С течением времени в первоначальной области расселения протославян из восточной и южной части их стала выделяться группа славян, обитавших на западе, главным образом в бассейне Вислы, который мы можем рассматривать как колыбель западно-славянской ветви. Среди этой части протославян, с древнейших времен бесспорно находившихся в состоянии медленного, но постоянного движения на Запад, возникают несколько новых диалектных центров, которые, вне всякого сомнения, сохраняли примерно такую же территориальную последовательность и связь, в какой позднее, уже в нашу эру, находились между собой области расселения отдельных западно-славянских народов. Прапольский центр оставался на Висле, он менее других оказался захваченным движением с исконных мест расселения; рядом с ним, к юго-западу находились прачешский и прасербский центры, а к северо-западу и к северу находился центр предков полабских и поморских славян [1]. Все эти центры постепенно расширялись по направлению к Эльбе, а затем и за Эльбу.

Основными языковыми признаками этих отдельных родо-племенных групп были следующие.

Чешский, или чехословацкий, язык возник в области, лежавшей на верхнем течении Одера и Эльбы. Ударение в нем закрепилось на первом слоге, исчез носовой звук, но сохранились гласные звуки *r* и *l*; наряду с краткими сохранились также и долгие гласные, а из праславянских групп *tort*, *tolt*, *tert*, *telt* образовались группы trat, tlat, trět, tlět. Образованию словацкого диалекта, несомненно древнего происхождения (засвидетельствован еще в IX и X веках), способствовало то обстоятельство, что бóльшая часть словацкой ветви оказалась в северной Венгрии, в совершенно иных условиях, чем остальное племя, в условиях, которые, с одной стороны, спо-

[1] Языковая чешско-сербская группа отделилась сначала от полабско-поморско-польской, или так называемой ляшской, основной характерной чертой которой было сохранение праславянских носовых звуков ǫ, ę. Как проходила дальнейшая дифференциация и как эти две большие группы разделились на поляков, поморян, полабских славян, чехов и сербов — до сих пор не ясно, и мнения лингвистов по этому вопросу сильно расходятся (см. „Slov. star.“, III, 95).

собствовали сохранению первоначального языка, а с другой — приводили к тому, что перенимались новые фонетические и лексические особенности из соседних южно-славянских и даже из венгерского языков. О южно-славянском происхождении словацкого диалекта, на чем настаивал С. Чамбел, а после него Б. Цонев, не может быть и речи [1].

Сербский язык создавался в самом близком соседстве с чешским и поэтому всегда был тесно с ним связан; это нашло свое выражение в том, что в сербском языке также установилось ударение на первом слоге и очень скоро исчез носовой звук; зато образовались группы *trot*, *tlot*, *trět*, *tlet*, как в польском языке, и произошла некоторая замена *r* перед мягкими, а отчасти и твердыми гласными звуками. Очень скоро и этот первоначально единый язык разделился на два больших, сильно отличающихся друг от друга диалекта: южный, или верхний (переходный к чешскому языку), и северный, или нижний (переходный к польскому языку).

Полабский и поморский языки образовались на территории между Гамбургом, Брауншвейгом и низовьями Вислы. В них сохранился носовой звук, образовались группы *tlat*, *tort*, *trit*, *trět*, стоящее под ударением *o* изменилось в *ü*, а ударение, как правило, закрепилось на последнем слоге. В отношении языка поморских славян до сих пор идет спор, относить ли его к польскому языку и рассматривать лишь как диалект польского языка или же причислить к группе самостоятельных языков. Нынешние остатки поморских славян — кашубы и словинцы у озера Лебы — политически связаны с поляками, и бóльшая часть польских лингвистов объединяет их с поляками, и в языковом отношении. Однако не менее серьезные доводы приводятся в защиту общности их с древними полабскими славянами и даже самостоятельности их бытия.

Польский язык образовался в бассейне Вислы и характеризуется сохранением носовых звуков групп *trot*, *tlot*, *trět*, *tlet*, потерей количества, а также ударением на предпоследнем слоге. К XII веку польский язык, так же как и чешский; уже сформировался, но уже и в тот период в нем были заметны основы языка тех племен, которые известны античности, и тех диалектов, точную и наглядную картину которых дал в последнее время К. Нитш [2].

В соответствии с изложенным здесь развитием западно-славянских языков мы представляем себе пять, а возможно, четыре большие группы народов, к которым относятся: чехословаки, так называемые лужицкие сербы, полабы, поморяне и поляки. Все эти народы в начале своей истории выступают не как единое целое, а делятся на ряд племен. Народа полабов как такового, объединяющего все родственные племена, обитавшие между областью, занимавшейся сербами, и Поморьем, история вообще не знает. С другой стороны, письменные источники, характеризуя эти народы и отдельные их племена, отличая их от немцев, чаще всего используют коллективное название склавы (Sclavi), склавены (Sclaveni), склавины (Sclavini), склавоны (Sclavoni) или же, но уже реже винды (Windi), виниды (Winidi), венеды (Wenedi), винеды (Winedi), винады (Winadi), по-немецки: Wenden, Winden, иногда и искаженное Vinili, Vinuli, Wandali, а для территории области, занятой славянами, название: Склавия (Sclavia), Склавания (Sclavania), Винланд (Vinland), Виндланд (Vindland) и т. д.

[1] См. „Slov. star.“, III, 98, а в настоящей работе стр. 119, а также статью I. Polivka в „Slavii“, 1, I, 1922, 120—127.

[2] K. Nitsch, Mowa ludu polskiego, Kraków, 1911, и несколько специальных работ, из которых достаточно назвать статью „Proba ugrupowania gwar polskich“ (Rozprawy Akad. Krak., XLVI, 1910).

Глава XIV

СЕРБЫ, ПОЛАБЫ, ПОМОРЯНЕ

Когда франки на Эльбе вошли в более близкое соприкосновение со славянами, то наряду с общим названием *склавы* с IX века появляются и новые наименования, обозначающие большие этнические области, на которые разделились славянские народы, обитавшие к северу от Чехии, между последней и Балтийским морем. Эти области были следующие: 1) Сербская — на север от Чехии; 2) Ободритская — в нижнем течении Эльбы; 3) Лютицкая или Велетская — по Одеру на восток от Ободритской и 4) Поморская — между Одером, рекою Нотец и Вислой.

Эти области складывались из ряда племен, этнически родственных или объединенных в единый политический союз. В источниках для определения территорий, занимаемых славянами, используются следующие географические термины: *terra*, *provincia*, *regio*; население их называлось *natio*, *populus*, *gens*, *tribus*. Наряду с этими терминами часто используется термин *pagus* в значении племенной единицы меньшего размера, а равно и занимаемой ею территории, а именно — славянского племени или территории, на которой это племя обитало вокруг центрального укрепленного пункта [1*]. Этот центральный укрепленный пункт носит название *urbs*, *civitas*, в отличие от которого *castrum*, *castellum* означает второстепенный укрепленный пункт, а термины *oppidum*, *suburbium*, *villa* означают неукрепленные поселения, селища. Гей определяет обычный размер древнего сербского округа в 15—20 селищ [2]; настоящих городов, какими были Юмнета или Волин, было, разумеется, мало и то лишь на севере у Балтийского моря.

Пришедшие сюда славяне находились еще на низкой ступени общественной организации, распадаясь на роды и племена, управлявшиеся вождями. Но с течением времени вокруг наиболее могущественных родов и их вождей образуются большие союзы, складывавшиеся из родственных между собою родов и связанные родственным языком и культом общих богов. Так образовались племена (*natio*, *gens*, *populus*), вожди которых обычно именуются в источниках термином *princeps*, реже *dux*, *regulus*, *rex* в отличие от вождей меньших родов и племен, именовавшихся *primores*, *meliores*, *prae-*

[1] Для перевода термина *pagus* многие славянские историки использовали славянский термин *жупа*. Однако жупы как географическое и этническое целое засвидетельствованы лишь у южных славян, поэтому переносить это понятие на север и отождествлять его с латинским *pagus* нет оснований, так как это не подтверждается источниками. Не хочу, однако, отрицать, что, по всей вероятности, жупа существовала и на севере в смысле локального района (district), хотя термины *жупан* и *жупа* и засвидетельствованы здесь уже позднее и имеют иной смысл, так как под ними подразумевается чиновник и его управление. См. „Slov. star.“, III, 104 и 184.

* Здесь и далее в тексте IV части используемый автором термин *grad* (замок, укрепленный пункт, городище) большей частью переводится как укрепленный пункт, так как автор в последующем сам указывает, что городов (по-чешски město) у западных славян было мало, и называет ими только Волин (Юмнету), Щетин и некоторые другие. Поэтому в соответствии с текстом в переводе названы городами только те центры западных славян, по отношению к которым автор сам употребляет термин město или которые называются городами в советской исторической литературе (например, Ретра). — *Прим. перев.*

[2] Н е у, Slawische Siedelungen in Sachsen, 5.

stantores, и народа, именуемого *vulgus*, *populus*. Так, славянский титул князь (кънезь, от германского *kuning*) засвидетельствован у ободритов (бодричей) уже в 882 году (Ann. S. Canuti, 828; *chnese*). Самые сильные из этих князей, которым удавалось подчинить себе других, более слабых князей, становились великими князьями или королями целых народных групп. Но таких князей в перечисленных выше группах мы встречаем лишь временами; ими были, например, Милидух у сербов («rex superbus, qui regnabat in Siurbis», Chron. Moiss., 806) или Драговит в 789 году у велетов, о котором Эйнхард пишет: «Dragavitus, rex... ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe proeminebat» [1].

Однако перечисленные пять больших объединений западных славян образовались не только в результате династических устремлений, так как следует предполагать, что их основу большей частью составляли родственные между собою роды, общий язык и культ, и лишь в отношении некоторых небольших племен, обитавших на окраинах области такого объединения, неясно, которому из них они обязаны своим происхождением. Несомненно, что временами они примыкали то к одной, то к другой группе западных славян.

Сербы

Стремление к образованию прочного политического единства меньше всего проявилось у сербов — самой южной группы западных славян. Хотя в 806 году и упоминается князь Милидух как главный сербский князь, то есть князь, объединивший под своей властью всех остальных, однако явных и длительных результатов его княжение не имело. Источники вовсе не упоминают о сербском единстве, а лишь о ряде сербских племен. Общая территория, общий эпитет «сербский», а главным образом позднейшая их история показывают нам, что эти племена являлись частями единого сербского народа. Поэтому, касаясь и древнего периода, мы можем говорить о сербском народе, хотя отдельные его части никогда и не составляли в течение длительного времени единого целого. До нашего времени наименование сербского народа сохранилось за уцелевшими его частями, хотя в древнее время история называла их не сербами, а лишь лужичанами и мильчанами

Центр сербской территории находился на Заале, там, где между реками Салой и Мульдой обитало собственно сербское племя, к которому и относилось наименование «сербы». На восток отсюда, вплоть до реки Бобры, и на запад до рек Верра, Фульда и Майн и даже за Майн простиралась область, занятая родственными племенами. Во всяком случае несомненно, что при продвижении славян в Баварию (см. выше, стр. 106) главную роль играли заальские и майнские сербы и лишь в незначительной степени в нем принимали участие чешские племена [2]. Точную границу области, занятую сербами, составил на основании исторических свидетельств и лингвистического характера топографической номенклатуры лучший знаток сербского языка и этнографии профессор Арношт Мука [3].

Южной границей области, которую занимали сербы, были Чешские горы. Здесь, между Эльбой, Чешской Липой, Ештедом, Ешленбергом и Яблонцем (pagus Zagozd), находились лишь отдельные, проникшие наиболее далеко на юг сербские племена. Отсюда с Езерских гор граница шла по течению рек Гвизды (Квиса) и Бобры до впадения последней в Одер у Кросно; далее она шла по Одеру к Вурице (Aurith) неподалеку от Франкфурта, после чего поворачивала на запад через Пшибор (Фюрстенвальде), затем шла

[1] Ann. Einh., 789.

[2] См. подробнее „Slov. star.“, III, 112 и 191.

[3] E. Muka, Die Grenzen des serb. Sprachgebietes in alter Zeit, Archiv für sl. Phil., XXVI, 543.

через Копьеник (Köpenick), Сосны (Zossen), к Дубне (Dahme) и к Заале у места впадения ее в Эльбу; далее линия границы тянулась через Коблоу (Cable), Ашерслебен, Нордгаузен к верховьям реки Унструты, затем к верховьям Фульды и через Киссинген, Горицу на франкскую Заале, Виндсгейм, Холмберг, Виндсгофен — до реки Вранице и дальше по течению этой реки до впадения ее в Дунай. Отсюда граница, как определяет ее Мука, идет на реку Ржезен (Regen) и обратно к Судетским горам.

Центральное положение на этой территории занимало племя сербов (в источниках обычно Surbi, Siurbi, Sorabi, Surabi), обитавшее первоначально на Мульде. Уже в 782 году к сербам причисляли все племена между Заале и Эльбой [1]. Но и об этой территории источники говорят не как о едином целом, а указывают, что ее заселял ряд племен и родов. Собственно, и далеминцы долгое время, вплоть до IX века, различались, как особое племя. Центром их являлась область, называвшаяся Сербиште (по-латински Cervisti, ср. выше, на стр. 104, Cervetii у Вибия Секвестра), находившаяся на правой стороне Эльбы у окрестностей нынешнего Цербста (сербский Сербиште) в Ангальте. Рядом с этой областью в источниках упоминается еще область *Плони*, однако не ясно, являлась ли она сербской или уже лютицкой. На другом берегу Эльбы, между Заале и низовьями Мульды, лежала область, называвшаяся *Жирмунты* [2], рядом с которой или внутри этой же области обитали *колединчи* и *житичи*; на юге от жирмунтов находились *нелетичи* и *нудичи*, укрепленный центр которых Витин (Wettin) стоял на Заале. На север от нелетичей жили *сисли* (Siusli); между низовьями Мульды и рекой Черным Эльстером обитали *нижичи*; между средним течением Салы и Мульдой, вплоть до ее притока Каменица — *худичи* или *шкудичи* [3]. Их укрепленный центр, называвшийся Зуенкова (Zwenkau), стоял на реке Эльстере. В углу, образуемом верхним течением Заале, Мульдой и Крушными горами (Крушне-Гори), источники упоминают несколько уже меньших племен: вета, тухурины, понзовы с укрепленным центром Жич (Zeitz), струпеницы, геры, бринсинги, плисны на реке Плисне (Pleisse), звики, добны, нацги, орлы. Всех их источники включают в сербскую область: prov. *Sarove* (801), pagus *Zurba* (1040), prov. *Swurbelant* (1136).

Большим племенем, обитавшим к востоку от Мульды, были *далеминцы*, в источниках X и XI веков именуемые также *гломачи и нишане* (нижане). Далеминцы занимали область, простиравшуюся на восток от Мульды и Каменица к Стреле (Strehle), на Эльбу и за Эльбу к реке Пользницы (Pulsnitz). Нишане обитали по обоим берегам Эльбы, между далеминцами и горами. Нишанам или мильчанам принадлежала и сербская область *Загозд*, тянувшаяся до северной Чехии (см. стр. 111). Среди укрепленных пунктов далеминцев находился и древний Мейсен (Missna, Meissen), а также urbs Могилина, Могелини (нынешний Мюгельн), о котором см. упоминание на стр. 100. Причины перемены названия далеминцев на гломачей загадочны. Возможно, что на территории древних далеминцев уже позднее на первый план выдвинулись гломачи, и поэтому старое название было заменено новым. А. Брюкнер отождествляет оба наименования, так как полагает, что первое наименование является лишь немецким обозначением этого племени.

Остальная часть области, занятой сербами, находившаяся между Эльбой и Боброй, была заселена лишь двумя большими племенами: лужичанами и

[1] Sorabi Sclavi qui campos inter Albim et Salam interiacentes incolunt (Einhard, Ann., 782). Эта область первоначально именовалась в источниках искаженным названием provincia *Sarove, Zribia, Zurba* pagus, *Swurbelant,* позднее обычно — *Sorabia.*

[2] При переписках древние латинские обозначения этого и других сербских названий во многих случаях серьезно искажены. См. в „Slov. star.“, III, 115 и другие соответствующие страницы.

[3] Название неясное. В источниках мы встречаем иногда *Chutici,* иногда *Scudici* („Slov. star.“, III, 118).

мильчанами. Мильчане обитали к западу от Гвизды вплоть до Мейсена на Эльбе, а на севере — до границы между нынешними Верхними и Нижними Лужицами [1]. С XI века от города Будышина (Bautzen) перешло название *pagus Budesin, terra, provincia Budesinensis*. Другим укрепленным пунктом был *Згоржелец* (*Görlitz*). *Лужичане* (*Lusici* — первоначально в их наименовании имелся носовой звук и оно произносилось *Lunsici*, позднее, с XIII века, —*Lusatia pagus*) сначала заселяли лишь собственно Лужицы, между Пользницей, Черным Эльстером и низовьями реки Бобры вплоть до Загани (Żagań). Границу, отделявшую лужичан от лютицких племен, мы уже определили выше, на стр. 112. К лужичанам, повидимому, следует отнести и племена *требовян* (у Ротенбурга?), *жаровян*, обитавших в окрестностях Жарова (Жары), у впадения реки Гвизды в Бобру, и *слублян*, обитавших на реке Слубе, между Шпрее и Одером. Остается неизвестным, где обитало упоминаемое в IX веке географом Баварским племя под названием Lupiglaa и к какой группе племен его следует отнести.

Ободриты (бодричи), лютичи и поморяне

Славяне, обитавшие к северу от территории, заселенной сербами, образовали область, которая если и не составляла единого целого с сербской областью, то во всяком случае была в значительной степени родственной как сербам, так и полякам. Славянская лингвистика пока еще не достигла такого уровня, чтобы внутри этой области, помимо уже упомянутого Поморья, суметь выделить отдельные мелкие языковые области и племена. Поэтому мы вынуждены пользоваться лишь историческими данными, которые указывают на ряд славянских родов и племен, заселяющих эту территорию и временами объединяющихся в большие политические союзы —ободритов, лютичей, поморян,— связанные, повидимому, и близким родством отдельных племен. Впрочем, эти союзы не имели прочных границ, так как источники относят некоторые пограничные племена то к одному, то к другому союзу, а иногда и вообще ставят их вне союза. Поэтому историки сильно расходятся во мнениях, какие племена следует включить в состав той или иной названной группы. Вместе с тем совершенно очевидно, что в союз ободритов, существовавший уже с конца VIII века, входили определенные племена — собственно ободриты, вагры и полабяне, в лютицкий союз — хижане, черезпеняне, доленцы и ратари и в поморский — собственно поморяне, обитавшие между нижним течением Вислы и Одера, и ряд племен, заселявших острова и левый берег нижнего течения Одера [2].

Ободриты уже при Карле Великом и Людовике возглавлялись одним князем и образовывали союз, состоявший первоначально из племен, находившихся между собой в близком родстве. Однако позднее этот союз распался, и наряду с собственно ободричами некоторое время самостоятельно существовали и другие племена, пока в середине XI века их снова не объединили, создав такой же сильный союз, князья Готшалк, Крутой и Генрих. В состав ободрицкого союза входили следующие племена: собственно ободриты, которых источники обычно называют *Abotriti*, *Obotriti* (*Obodriti*).

[1] Линия, отделяющая, по данным лингвистики, область Нижних Лужиц от Верхних Лужиц, а в древнее время собственно Лужицы от области мильчан, проходила, по данным Муки (1, с., 558), от Загани через Мужаков (Muskau), Гродк (Spremberg), Роланы (Ruhland) до Белгора (Belgern) на Эльбе.

[2] Об истории этих союзов наряду со старыми трудами см. L. Giesebrecht, Wendische Geschichten aus den Jahren 780—1182 и W. Bogusławski, Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII wieku (Poznań, 1887—1900), затем прежде всего прекрасную книгу K. Wachowského, Słowiańszyzna zachodnia (Warszawa, 1903) и работу B. Schmeidler, Hamburg-Bremen und Nord-Ost-Europa von dem IX bis XI Jahrh., Leipzig, 1918. Перечень остальной литературы см. в „Slov. star.“, III, 155.

Жили они на побережье от Любекского залива и Ратиборского озера до низовьев Варны, где находился укрепленный центр ободритов Вурле (Werle); на юге реку Эльду они не переходили. Главным центром ободричей были укрепленный пункт Велеград (в источниках Miklinburg), Вурле на Варне, Зверин (Шверин) и Висмар (Wissemir). Часть ободритов по укрепленному пункту Рериг, недалеко от Висмара, именовалась *ререгами*. Толкование наименования ободритов представляет трудности, и происхождение его неясно. Скорее всего это патронимикон — потомки Ободра [1].

Варны (*Varnavi*, *Varnabi*) — племя, обитавшее к востоку от ободритов на реке Варне; так же, как и ободриты, они не заходили на юг дальше реки Эльды и Плавского (Plauer See) и Мюрицкого (Müritz) озер. На западе от ободритов сидели вагры и полабяне. *Вагры* (*Wagri*, *Wagiri*) занимали бóльшую часть Голштинии: занимаемая ими территория простиралась от моря и Травны вплоть до Эдгоры (Eider), к Неймюнстеру и к Сегебергу. Далее шли лишь отдельные поселения, тянувшиеся вплоть до линии Рендсбург — Эльсмгорн. Остров Фемарн (Fehmarn) также занимали вагры. Еще в XII веке источники упоминают на земле вагров ряд округов (pagus), среди которых *Суселци* (*Susle*) и округ Плун, центром которого являлось сильно укрепленное поселение (нынешний Plön). Однако главным укрепленным пунктом вагров был Старгард-Адленбург, нынешний Ольденбург в Голштинии.

Полабы (*Polabi*) жили по течению Лабы, откуда и их название, являвшееся, повидимому, собирательным для ряда мелких племен, к которым принадлежали *смолинцы* (*Smeldingi*), обитавшие у устья Эльды, *ветничи*, или *бетенчи* [2], и племя, населявшее округ Mintga; оба последних племени обитали рядом с линянами.

Неясно, к ободритам или лютичам следует отнести большое племя *древан*, занимавших левый берег Эльбы вплоть до линии Гамбург — Целле — Брауншвейг — Гельмштедт — Магдебург. В центре земли древан протекала река Йесна (нынешняя Иетцель), на которой остатки славянского населения удержались наиболее долго, вплоть до середины XVIII века (см. стр. 118). Древнее имя Dråwaina (Dravehn) сохранилось до сих пор в области между Люховом (Lüchow) и Ольшиной (Uelzen). В остальном же источники упоминают племя древан только один раз — в грамоте Генриха II от 1004 года (*Drevani*).

Велеты, или *лютичи*. Велеты были сильным племенем, следы которого мы, по всей вероятности, находим уже во II веке у Птолемея под названием Οὐέλται (III, 5, 10). Правда, они на его карте помещены значительно дальше к востоку, где-то за Вислой, на прусском побережье; это объясняется тем, что либо Птолемей был плохо информирован о местности за Вислой, либо — и это наиболее вероятно — велеты в дóптолемеевский период обитали еще дальше на восток и в новые области на Эльбе, где о них уже говорят документальные источники, попали позднее, когда началось общее продвижение славян на запад и когда германцы во II—IV веках покинули восточную Германию.

В IX—XI веках велетами (Velti, Veleti, Veletabi) называлась главным образом группа из четырех племен, обитавших между областью ободритов и Одером. Это были хижане, черезпеняне, доленчане и ратари, союз которых характеризовался прежде всего общим культом богов и общим храмом в исстари известной Ретре. Наименование *Velti*, видимо, связано со славянским корнем *Vel — magnus* (см. русское *волот*), но некоторые полагают, что оно не славянское и дано не славянами. Однако одновременно с этим названием в источниках появляются и другие, явно являющиеся синонимом при-

[1] См. „Slov. star.“, III, 126.

[2] Название в источниках очень искажено. См. „Slov. star.“, III, 129.

веденного наименования [1], например *вильцы*, то есть *волки* (древнеславянское *влъкъ*, польское *wilk*, множественное число *wilci*), или же *Lutici*, то есть потомки Люта (от древнеславянского *лютъ* — жестокий). Черты национального характера велетов, по крайней мере в той степени, в которой они известны нам по историческим памятникам, действительно совпадают с этими эпитетами.

Велеты всегда характеризуются источниками как самый мужественный и самый воинственный славянский народ [2], и этой характеристике они обязаны прежде всего проводившейся ими с VIII по XII век упорной борьбе против германского господства и насаждения среди них христианства. Ни один славянский народ не вел в то время такой упорной, ожесточенной борьбы с немцами. Отсюда и возник эпитет *Vilci* (волки), *Lutici* (лютичи), поэтому они упоминаются чаще других и поэтому наименование «вельт» проникло и в скандинавские саги, и в русские былины, в которых народная традиция сохранила его в значении великана [3].

Если учесть роль, которую в XI и XII веках играли эти славянские племена на Балтийском море, то весьма вероятно, что колонии велетов могли проникнуть и в более отдаленные страны, как, например, в Голландию, где о них, например, напоминает Beda[4] oppidum Wiltorum неподалеку от Утрехта. Однако одно лишь сходство наименований при отсутствии других данных еще недостаточно для того, чтобы сделать такой вывод. В еще большей степени это относится к отзвукам наименования вельтов, встречающимся в Англии [5].

Из четырех главных племен, образовавших союз велетов, на первом месте были *ратари*, *ретряне* (в написании их наименования источники значительно расходятся), князь которых являлся великим князем всех лютичей. Обитали они вокруг города, первоначально называвшегося *Ридегост* (*Riedigost*)[6], позднее *Ретра*[7], в котором находился известный храм бога Сварожича Радогоста с оракулом, куда славяне отовсюду совершали паломничество. Адам Бременский называет Ретру Civitas vulgatissima, sedes ydololatriae, в другом месте он же пишет: «metropolis Sclavorum»[8]. Ретра была уничтожена Лотарем примерно в 1127 году. Где она находилась, установить до сих пор не удалось, несмотря на усиленные поиски немецких археологов. Обычно полагают, что она находилась либо у Нойстрелица, либо у озер Мюрицерзее — Толленсзее (Доленсзее)[9]. Где-то здесь, среди болот и трясин этого края, и обитали ратари.

Ближайшими соседями ратарей были *доленцы*, *доленчане* (*Tolensani*, область *Dolenz*), область заселения которых простиралась на север к реке Пене и на юг к девственному лесу между Доленским озером и рекой Укрой.

[1] Ann. Saxo, 952; Adam, II, 19; Helmold, I, 2, 21; Ann. Quedl., 789.

[2] Fortitudine celebres (Adam, III, 21), gens bellicosa (Einhard, 789), durissima gens luticensis (Cosmas, I, 15), ferocissima natio Seleucia (Gallus, proemium). А. Брюкнер истолковывает наименование *vilci* (*волки*) палатализацией *velt* („Slavia", I, 1922, 386).

[3] О русских *волотах* см. „Slov. star.", III, 134—135.

[4] Hist. Eccl., V, 12.

[5] „Slov. star.", III, 135.

[6] Thietmar, VI, 17.

[7] Adam, II, 18, III, 50; Helmold, 1, 2.

[8] Adam, 1, с. А. Брюкнер отрицает, что имя Радогост является именем главного бога, а город назывался Ретра, и полагает, что эти наименования появились лишь в результате ошибки Адама Бременского и Гельмольда (см. Věstník národopisný, 1917, 319, а также „Slavia", I, 1922, 387). Я не решаюсь присоединиться к этому отрицательному мнению, выраженному столь категорично. Я не допускаю, чтобы оба автора ошиблись, так как жили они недалеко от Ретры и в период ее наибольшего расцвета.

[9] См. новую работу B. Schmeidler, Hamburg-Bremen und Nord-Ost-Europa vom IX bis XI Jahrh., Leipzig, 1918. Однако директор археологического музея в Берлине К. Шухардт считает, что ему удалось недавно открыть остатки Ретры в Шлоссберге у Фельдберга в Мекленбурге (на восток от Нойстрелица). См. его первое сообщение в „Sitzungsberichte" Берлинской академии, 1921, 756. Шухардт обнаружил также фундамент храма Святовита в Арконе (там же).

Дальше жили *черезпеняне* (*Cirzipani*), называвшиеся так потому, что, как это правильно объясняли уже Адам Бременский и Гельмольд, они обитали за рекой Пеной (Peene) (*через* — древнеславянское *чрезъ*). От доленчан и ратарей их отделяла река Пена, на севере же они доходили до укрепленного пункта Бурле на Варне. Главными укрепленными пунктами черезпенян были Дымин (*Demmin*), Велигост (*Velgast*) и Гоцков (*Gützkow*). Позднее в Цирципанию включалась и *prov. Tribucensis* на реке Требел, а также Барта, находившаяся на побережье, напротив острова Руяна. Между черезпенянами, ободритами и варнами на побережье обитало четвертое лютицкое племя кыцины, или хижане, название которых произошло от славянского *хыжь* (рыбацкая хижина; это слово перешло в немецкий язык в форме *Kietz*, *Kietzin*) [1].

Помимо только что перечисленных четырех основных лютицких племен, источники называют по соседству с ними еще ряд родов и племен, принадлежность которых нам неизвестна. Все же, учитывая местоположение их поселений и сравнивая с установленными Мукой границами сербского народа, их также можно считать частью племени лютичей или по крайней мере наиболее близкими им племенами. К ним относятся *моричане* (*Morizi*), обитавшие между Мюрицким и Доленским озерами, и другие (*моричане* — *Morezini*), обитавшие на Эльбе против Магдебурга, рядом с областями Србище и Плони. Дальше на реке Гавола помещались два сильных племени: *брижане* (*Brizani*) — в области, называющейся теперь Пригнитц, с городом Гасельберг и *стодоряне* (*Stoderane*), именовавшиеся также *гаволянами* (*Hevelli*, *Heveldi*), городами которых были и Бранибор (Brennaburg, Brandenburg) и Поступим (Потсдам), упоминающийся уже в 993 году [2]. Частью брижан, повидимому, был небольшой округ *Нелетичи* (Nieletici) между рекой Степенице (Stepenitz) и Доссою (Dosse), а также, вероятно, и племя *линяне*, или *глиняне* (латинское написание этого названия здесь искажено: *Linones*, *Lini*, *Liuni*, *Lingones*, *Linoges* и т. д.), занимавшие правый берег Эльбы за полабами и рядом с варнами, вплоть до реки Степанице. К более мелким племенам, перечисленным в императорских и папских грамотах, относятся также *лисичи* у Эльбы, *семичи* у реки Струмени (Струмы), *минтга* рядом с глинянами, *дассиа* (Dassia), или *доксаны*, у города Висока (Wittstock), *любушане* у Любуша (Lebus) на Одере, *шпреяне* по среднему течению Шпрее и *плоне* в окрестностях Бельцига. Все они были ближе к лютичам, чем к сербам.

Вместе с тем неясно, лютицкими или, может быть, поморскими были племена, заселявшие угол между нижним течением Одера и реками Пена и Доленца, по которому протекала река Укра (Uecker). Адам Бременский и Гельмольд считают границей лютичей Одер и поэтому упоминают эти племена вместе с лютичами. Это были прежде всего *укране* (*Ucrani*, *Ucri*), обитавшие вдоль течения реки Укры, а рядом с ними находились и другие, уже более мелкие племена и населенные ими округа: *речане* (*Riezani*), *плоты* (*Ploth*), *хорицы*, *мезиречи* (*Mezirech*), *грозвины*, *ванзлы*, *востроги* (*Wostroze*). Все их поселения располагались между нижним течением Одера, верховьями Гаволы и рекой Пеной [3].

Особую и чрезвычайно важную с исторической точки зрения группу образовывали также племена, населявшие острова, расположенные в заливе, образуемом Одером: Узноим, Волин и Руяна. В отношении этих племен также трудно определить, принадлежали ли они к лютичам или к поморянам.

Наиболее известными из них были обитатели острова Рюгена (Руяны или Раны), по которому их называли *руянами* (*Rugiani*), а позднее — обычно *ранами*. В древний период о них ничего не было известно, но с середины

[1] В „Chronicon Gottwicense" мы читаем: „Ketzin vicum piscatorium denotat a voce venedica *Kitze* vel *Kytze*, casa piscatoria". Ср. город Кессин у Ростока.

[2] См. „Slov. star.", III, 143.

[3] Там же, III, 146.

XI века они выступают на первый план. Адам Бременский (IV, 18) называет их «gens fortissima Sclavorum», а Гельмольд (I, 36) к этому добавляет: «Sunt autem Rani populi crudeles, ydololatriae supra modum dediti, primatum preferentes in omni Slavorum natione» [1].

Это могущество и славу руяне приобрели благодаря святилищу главнейшего из славянских богов — Арконского Святовита со знаменитым оракулом, в которое стекались богатства со всех славянских земель. Кроме того, руяне славились многочисленными пиратскими экспедициями, добыча от которых также сосредоточивалась в укрепленном городе руян, называвшемся Аркона. Когда же в 1168 году после многих сражений датчане разрушили Аркону, то вместе с ней навсегда пала мощь и слава всей Руяны, и теперь только развалины мощных валов в самой северной оконечности острова, рядом с поселком Путтгартен, указывают место, где стояла Аркона и знаменитый храм Святовита[2].

По сравнению с руянами обитатели острова Узнойма никогда не играли заметной роли. Не достигли мощи и известности руян и обитатели Волина, хотя об их главном городе, называемом в источниках «Волин», немцами *Winetha*, а одновременно и *Julin*, *Jumne*, *Jumneta*[3], Адам Бременский (II, 19) пишет как о крупнейшем славянском городе, полном богатств и являвшемся местожительством многих иностранцев[4].

Поморяне. Поморяне, как выше уже указывалось, хотя и составляли вместе с поляками одну родственную языковую группу, так называемую ляшскую, однако имеется достаточно оснований предполагать, что они были особым племенем, отличавшимся как от лютичей и ободритов, так и от поляков[5], образуя, таким образом, переходную ступень (или группу) от одних к другим. Свое название, как верно объяснил уже Герборд[6], они получили оттого, что заселяли побережье моря, и память об этом сохранилась и по сегодняшний день, отложившись в немецком *Pommern*.

Поморянами сначала называли славян, занимавших территорию к востоку от Одера и до границы области пруссов, находившейся в X веке между реками Дзерзгони и Пасаргой (Pasłeka). Границы этой области пруссы перешли лишь в XII или XIII веке, завоевав так называемую Помезанию, расположенную между Вислой и Дрвенцой. На юге границей между поморской и польской областями были реки Варта и Нотец, но это лишь по названию, так как действительной границей был обширный непроходимый девственный лес [7]. Лишь по нижнему течению Вислы поляки продвигались в области Коцева (*Kociewie*) и Хельмно (*Chelmska*), а вскоре они стали продвигаться и к морю. На западе граница сначала проходила по Одеру, но позднее, после распада лютицкого союза, поморяне подчинили себе часть земель и на левом берегу Одера.

Хотя поморяне, несомненно, не были единым племенем, древняя история этих областей не называет среди них отдельных родов или племен. Только Герборд (I, 2), писавший «Varii Pomeranorum populi»[8], а также ос-

[1] „Раны же — народ жестокий, сверх меры преданный идолослужению, удерживающий первенство среди всего славянского народа".

[2] О развалинах храма Арконы, обнаруженных Шухардтом, см. стр. 115, прим. 9.

[3] По поводу этих различных наименований исследователи неоднократно спорили, считать ли их наименованием одного и того же или различных городов. См. подробнее „Slov. star.", III, 150.

[4] В нем жили главным образом греки и датчане, обитавшие неподалеку от города в крепости, называвшейся Йомсбург, название которой, видимо, связано с названием Jumne, Jumneta, которое давалось самому Волину, „Slov. star.", III, 150.

[5] См. „Slov. star.", III, 151.

[6] Herbord, II, 1.

[7] См. „Slov. star.", III, 152.

[8] См. объяснение Ф. Лоренца о существовании мелких поморских племен в „Изв. [illegible] русск. яз. и слов.", 1906, 1, 55. С этим согласуются и появлявшиеся порой упоминания о мелких князьях под верховной властью поморского воеводы.

татки поморян, сохранившиеся по сей день на западе от дельты Вислы, свидетельствуют о двух, значительно отличавшихся друг от друга племенах, которыми являлись: *кашубы*, занимавшие область от устья Вислы до Жарновского озера, простиравшуюся до линии Бытов, Ленборк, Мястко (Starsen), Ферстново, Камень, и *словинцы* (*Słovinc*, по-польски *Słowienec*), помещавшиеся у Лебского озера. Все вместе они насчитывают сейчас не свыше 200 тысяч человек. Кашубы засвидетельствованы уже в X веке в записях Масуди, так как его упоминание о славянском племени под именем Kûhŝâbîn не может относиться к другому племени. Однако это единственное поморское племя, упоминаемое в древний период.

Среди многочисленных укрепленных пунктов, известных по «Житию св. Оттона» епископа Бамбергского, проповедовавшего здесь христианство в 1124—1128 годах, главным был укрепленный пункт и город *Щетин* (*Stetin*, *Stetina*), окруженный водой и поэтому неприступный. «Civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum»,— писал о нем Герборд (II, 5, 25, 32, 40, III, 13).

За исключением упомянутых остатков поморян (кашубов и словинцев) и сербов (лужичан), вся огромная полабско-балтийская ветвь западных славян прекратила свое существование в войнах, которые вели против них немцы, начиная с Карла Великого и до XII века, то есть в войнах, продолжавшихся почти 400 лет. Лютичи, а также ободриты были уничтожены полностью; остатки древан прекратили свое существование в XVIII веке, а остатки лужицких сербов и поморян были слишком незначительны, чтобы без посторонней помощи сохранить свою народность[1].

Славяне потерпели поражение потому, что, несмотря на всю их силу и многочисленность, борьба с немцами велась в неравных условиях. Большому объединенному германскому государству, пользовавшемуся полной поддержкой католической церкви, противостояли славяне, раздробленные на ряд *небольших племен и племенных объединений*. Им никогда не удавалось объединиться и создать против немцев единый союз, более того, они чаще объединялись с немцами в борьбе друг с другом: иногда ободриты выступали вместе с немцами против лютичей, к которым они издавна питали вражду, иногда, наоборот, лютичи шли вместе с немцами против ободритов. Помогали немцам также и чехи. Но замечательные победы, иногда очень значительные и вначале многообещающие, какими, например, были восстание лютичей и ободритов в 983 году или сражение на Гаволе в 1056 году, оказывались безрезультатными. Напрасны были также и попытки создания крупных славянских государств, предпринимавшиеся польским королем Болеславом Храбрым (992—1025), а затем ободрицким князем Готшалком (1043—1066) и ранским князем Крутым (1066—1105), а также сыном Готшалка Генрихом (ум. в 1119 году). Около 1127 года пала знаменитая Ретра, а в 1168 году— еще более знаменитая Аркона; в 1177 году был сожжен Волин, а со второй половины XII века мы находим полабско-балтийских славян, в том числе и поморян, уже в немецком подданстве. Это означало для них не только утрату политической свободы, своей веры и культуры, но и своей народности, так как тот, кто не был уничтожен, стал подвергаться усиленной германизации, закреплявшейся обратной колонизацией немцами тех областей, в которых они когда-то обитали в начале нашей эры.

Однако изложение хода этой колонизации уже не входит в задачи настоящей книги.

[1] Это касается прежде всего 150 тысяч лужицких сербов. Кашубы и словинцы, объединенные в восстановленном польском государстве хотя и сохранятся для славянства, но могут быть ополячены.

Глава XV

ЧЕХИ И СЛОВАКИ

Народ, положивший начало будущим чехам и словакам, пришел на свои исторические земли с севера, из-за Одера и Вислы, где некогда находилась его прародина. У нас нет оснований предполагать, что он мог прийти каким-либо другим путем, и постоянно возникающие теории о том, что чехов в конце VI века привели с юго-востока авары, не имеют под собой никакой почвы. Не подкреплена данными лингвистики и теория С. Чамбела[1], согласно которой словаки во всяком случае пришли с юго-востока и представляли собой отделившуюся ветвь южных славян. С исторической же точки зрения это вообще неверно. Словаки, наиболее близкое чехам западно-славянское племя, образовали вместе с чехами еще в начале нашей эры единый чехословацкий народ, который, придя с севера через горы, занял одновременно как Чехию и Моравию, так и северо-западную часть позднейшей Венгрии.

И только здесь, на этих новых местах поселения, произошло языковое, культурное и политическое разделение народа на две части; только здесь отделенная горным хребтом Малых Карпат западная часть этого народа была в течение долгого времени предоставлена иным судьбам, чем те, которые постигли его восточную часть; только здесь под влиянием новых условий, а главным образом в результате тысячелетнего господства венгерских королей над словацким народом, в результате венгерского ига образовался народ, который, признавая свое общее происхождение с чехами, стал все же считать себя особым от них народом. Только ликвидация старых политических отношений дала возможность восстановить в 1918 году то, что являлось естественным состоянием обеих частей, и объединить их в едином государстве в единый чехословацкий народ.

Впрочем, чехословаки после прихода на новую родину распадались в рамках одного большого племени на ряд мелких племен, которые лишь в ходе исторического развития образовали, с одной стороны, чешский и, с другой — словацкий народы. Об этой древней дифференциации свидетельствуют даже современное состояние языка и этнический состав чешского и словацкого народов. Мы можем отметить значительное разнообразие диалектов, а также культурные, физические и психологические различия[2], уходящие своими корнями в далекое прошлое. Так, например, внутри чешского народа выделяется чешская область в более узком смысле этого слова,— хотя и здесь имеются значительно отличающиеся друг от друга локальные районы, как Крконоши, Табор, Шумава (племя ходов) и др.,— и племена ганаков, валахов, ляхов и словаков в Моравии, всегда отличавшиеся друг от друга

[1] См. выше, стр. 109. С. Чамбел пытался обосновать эту теорию в 1903 и 1906 годах в своих работах: Slováci a ich reč (Pešt, 1903) и Slovenská reč (Turč. Sv. Martin, 1906). С лингвистических позиций его теорию опровергли Ф. Пастрнек (Věstník České akademie, XIII, 1), Ю. Поливка, „Известия отделения русского языка и словесности" (1907, III, стр. 345—390) и I. Škultéty („Slov. pohľady", 1903, 709, 1908, 380). О несоответствии этой теории с историческими данными см. мои „Slov. star.", II, 357, III, 183.

[2] См. интересные работы проф. I. Matiegky: „Ethnogenie českého národa" (Pam. archeol., 1917) и „Vznik a počátky národa československého" (Praha, 1917).

в языке, культуре и характере. Значительные местные различия имеются и в Словакии, входившей в состав Венгрии, даже если оставить в стороне Восточную Словакию, в отношении которой не ясно, не является ли ее население словакизированным русским элементом[1]. Однако наряду с этими племенами, происхождение которых можно отнести к глубокой древности, мы располагаем и древними историческими свидетельствами о существовании, в частности в Чехии, ряда небольших племен.

Ряд известий, относящихся к IX и X векам, постоянно свидетельствует не о чешском князе, а о ряде славянских князей в древнем Бойохеме[2]; затем в ряде старых легенд и летописных известий X—XI веков также рассказывается о междоусобной борьбе отдельных племен и князей[3]; об этом же имеются некоторые данные у Масуди[4], и, наконец, еще один важный документ — учредительная грамота Пражского епископства от 1086 года, подтверждая старые привилегии 973 года[5], упоминает при этом ряд мелких и больших чешских и силезских племен, обитавших в X веке на северной границе, рядом с сербами и поляками. Чешскими племенами были следующие[6]: *тугост* на реке Хубе, на пути из Домажлиц в Баварию, *седличане* (*Zedeza*) — у замка Седлец, возле Карловых Вар; *лучане* (*Lusane*) на среднем течении р. Огры; *дечане* (*Dazana*) — на Эльбе у Дечина; *литомерицы* (*Liutomerici*) — у устья Огры; *лемузы* — на реке Билене, а, вероятно, также и на правом берегу Эльбы; *пшоване* (*Pssouane*) — от Мельника между Эльбой и Изером; *хорваты* — по обе стороны Орлицких гор (*Chrouati et altera Chrouati*). Далее за горами в Силезии и по соседству с сербскими мильчанами к ним примыкали еще *слезане* (*Zlasane*), *требовяне* (*Trebouane*), *бобране* (*Poborane*) и *дедошицы* (*Dedosize*). К перечисленным чешским племенам, по данным других источников, можно отнести также упоминаемые у Козьмы Пражского (I, 10) *Populus Bilina*; последние были, вероятно, тождественны названным выше лемузам; затем *зличан*, обитавших в среднем Полабье до Орлицких гор и Литомышля[7], *дудлебов* — на юге Чехии (у Масуди — *Dûlâba*), *голасицы* — в районе Опавы (у географа Баварского *Golensici*) и, наконец, собственно *чехов* — в центре страны, известных главным образом по летописи Козьмы Пражского. Центром чехов стала Прага, которую впервые описал в X веке Ибрагим Ибн-Якуб.

Сильнейшими из названных чешских племен были лучане, зличане и чехи, о которых сохранилось наибольшее количество известий относительно

[1] „Slov. star.", III, 207.

[2] См., например, Regino, 890, Ann. Fuld. 856, 872, 890, 895, 896 и „Житие св. Вацлава" (Fontes rer. boh., 1, 127, 128).

[3] См. начальные главы „Хроники" Козьмы Пражского, а также начало летописи Далимила и Кристианово „Житие св. Вацлава".

[4] У Масуди есть известие о дулебах. Зато наименования племен, приведенных анонимным географом Баварским (IX в.), часть которых относится к племенам, заселявшим чешские земли, слишком недостоверны. См. „Slov. star.", III, 190.

[5] Об этой грамоте, о подлинности и толковании ее см. более подробно в „Slov. star.", III, 189 и сл.

[6] Подробности о местах расселения, иногда спорных, см. в „Slov. star.", III, 191—195. Наиболее загадочной является запись о хорватах, которую лучше всего толковать как запись о хорватах, обитающих с обеих сторон, очевидно, Орлицких гор. К хорватам в Чехии и Силезии относится то, о чем я писал в другом месте (стр. 76—78). Я полагаю, что они являются частью одного большого прикарпатского племени, ядро которого пришло к Адриатическому морю. Одна часть хорватов — на востоке Галиции — попала в сферу русского влияния, другая — на западе у Крконош — в сферу польскую и чешскую, в результате чего эти части хорватов слились, с одной стороны, с русскими, а с другой — с поляками и чехами. Более того, отдельные группы хорватов упоминаются среди сербов на Заале у Мерзебурга (Thietmar, III, 11 и грамота Генриха II от 1108 года). Выделять в особые группы русских, польских, чешских и сербских хорватов наряду с хорватами южно-славянскими считаю неверным. См. „Slov. star.", II, 244, 271, III, 194, 223.

[7] О зличанах см. Kosmas, 1, 27; Kristian, 10; Dalimil (ed. Monrek), 41, 51.

их междоусобной борьбы. Эта борьба шла по всей земле за власть над другими племенами. В конечном счете главенства над другими племенами добились в IX—X веках чехи. Чешский князь объединил и надолго подчинил себе всю чешскую землю, а позднее и Моравию, объединил воедино отдельные племена.

Так образовался чешский народ — разумеется, без венгерских словаков, которые с XI века входили в состав Венгрии. Только часть словаков, обитавших в Моравии (так называемые моравские словаки), уже тогда составила единое целое с чешским народом. Племя чехов передало всему чешскому народу и свое имя — *чехи*[1], которое старые латинские источники уже в конце XIII века переводят как *Bohemi*, *Boemi*. Из этого видно, что соседи чехов считали славянские племена в Бойохеме (Богемия), осевшие там уже в VIII веке, единой родственной группой, хотя в тот период они еще не были объединены в единый народ.

Точно так же в тот же период распространяется наименование *мораване* (по-латински сначала Marahenses, Margi, Marahi, Maravi, Marvani, позднее, с XI века, Moravi) для обозначения союзов мелких моравских племен, объединившихся, видимо, раньше,чем в Чехии, на территории, по которой протекала река Морава, вокруг большого центрального укрепленного пункта, к которому относится сообщение Фульдских летописей 869 года «ineffabilis Rastizi munitio». Был ли это загадочный и до сих пор не установленный Велеград — вопрос спорный[2]. К мораванам, образовавшим в IX веке большую державу, первоначально были присоединены и словаки в Северной Венгрии (княжество в Нитре) и в Паннонии (княжество у Блатна). В том, что словаки в VIII и IX веках уже были в Венгрии, нет никаких сомнений; поэтому совершенно неверны утверждения венгерских историков, что словаки являлись элементом, пришедшим в страну уже после того, как она была занята мадьярами, — утверждения, повторяющиеся вплоть до последнего времени с целью обосновать фальсифицированными доводами историческое право венгров на эту территорию. Большой могильник IX—X веков у Пилины (Piliny) в Новограде является словацким.

Границы древней чехословацкой земли точно неизвестны. На западе чехи отдельными группами проникли через Шумаву в Баварию (см. выше, стр. 106—107); на севере примерной границей были горы (стр. 111) (вплоть до сербского округа Загозд в Чехии) и район Опавы в Силезии. Область у Немчи (Niemcze) уже была польской. До какого пункта первоначально доходили словаки на востоке, мы не знаем, вероятно, до больших девственных Гемерскоспишских лесов или по крайней мере до низовьев Грона[3], где они уже смешивались с южными славянами, а позднее и с мадьярами. Пешт на Муране свидетельствует о присутствии болгар. На юге словацкий элемент проник до Паннонии, вплоть до озера Блатна (Балатон), чешский же — местами доходил до Дуная, о чем нам известно по Пассауской грамоте 987 года, приводимой Эйнхардом, и другим свидетельствам, например по древней топонимике этой области[4]. Помимо этого, именно по топографической номен-

[1] Впервые это наименование упоминается в фальсифицированной записи Chron. Moissiacense и в анналах Тиллианских 805 года (см. „Slov. star.“, III, 201). Дать верное толкование этому названию явно славянского типа до сих пор не удавалось. См. об этом подробнее в „Slov. star.“, III, 202, примечание 4.

[2] Вопрос о местонахождении этого загадочного Велеграда имеет большую литературу. См. „Slov. star.“, III, 209. Одни искали его в Моравии неподалеку от города Угерского Градишта, где находится древний монастырь под названием Велеград, другие — уже в более позднее время — у замка Девин, стоящего у впадения реки Моравы в Дунай (древняя Довина князя Ростислава). Однако это второе предположение менее правдоподобно, чем первое.

[3] См. Kosmas, I, 14; Anon. regis Belae, XXXV.

[4] Ann. Einhardi, 791; Friedrich, Cod. dipl. Bohem., I, 41. Более подробно по этому вопросу см. „Slov. star.“, III, 212.

клатуре видно, что и южнее, между Литавой и Энсом, далеко в Альпах обитал народ, язык которого являлся переходным от чешского к собственно словинскому[1]. На западе, в Баварии, река Мюгль была примерной границей, до которой доходил чешский элемент. Однако уже с IX века новый поток немецких колонистов из Баварии начал германизировать Подунавье, причем с такой силой, что славяне удержались здесь лишь местами и только до XII века[2].

[1] См. стр. 72.
[2] См. „Slov. star.“, III, 214.

Глава XVI

ПОЛЯКИ

О первоначальном развитии и судьбах польского народа нам известно значительно меньше, так как источники начинают подробно говорить о поляках только с IX века. Отношение польского языка к другим славянским языкам ясно свидетельствует о том, что поляки принадлежали к западной ветви славянства и издавна являлись соседями поморян, велетов, сербов и чехов, а все это, равно как и их исторические места поселения, неопровержимо доказывает, что они издавна обитали там же, где и позднее, и что они в меньшей степени, чем другие вышеупомянутые народы, продвинулись со своей прародины между Бартой и Западным Бугом. Но и поляки с самого начала не были единым и таким большим народом, каким они позднее выступили в истории. И здесь первоначально обитала лишь группа небольших родов и родственных племен, о которых история оставила нам несколько неясных известий и следы которых проявляются еще в существующем и поныне разнообразии диалектов польского языка и в различном характере культур отдельных польских областей. Так же, как и в соседней Чехии, здесь усилилось одно из древних племен, которое подчинило себе другие, объединило их и дало свое имя всему вновь созданному объединению.

Однако о подробностях этого исторического процесса нам известно немного.

Что касается древней племенной дифференциации, то уже Киевская летопись различает у поляков, которых она называет ляхами, две большие ветви: полян и мазовшан. Эти сведения дополняют и другие современные источники, в частности учредительная грамота Пражского епископства под 973 годом (см. выше, стр. 120), затем «Житие св. Мефодия», описание путешествия короля Альфреда и сообщения географа Баварского, а также другие данные, свидетельствующие, что в области, первоначально занимавшейся этой группой славян, обитали следующие племена.

Висляне (*Uislane* — географа Баварского) — в верховьях Вислы, в позднейшей так называемой Малопольше, с центрами Краков и Сандомир. Не ясно, однако, являлось ли это наименование названием действительно существовавшего племени или же оно было собирательным для обозначения географического положения полян, обитавших на Висле — этом большом торговом пути, благодаря которому Польша вообще приобрела известность [1].

Поляне (*Polani*, *Poloni*, *Pulani*), называвшиеся так по полю (равнине), на котором они обитали по обоим берегам Варты; область полян помещалась между лютичами, поморянами, слензанами и мазурами, то есть между рекой Нотец, низовьями Варты, средним течением Одры, доходя на востоке до окрестностей Ленчицы и Серадза, обитателями которых были уже другие племена (*ленчицане*, *серадзане*), вскоре объединившиеся с полянами. Древ-

[1] Это вероятнее всего. В данном случае разделяю точку зрения Ад. Шеланговского, см. „Slov. star.“, III, 218.

нюю область между верховьями реки Нотец и Вислой населяли куявяне, однако упоминаются они лишь позднее, в хронике Кадлубека и Богухвала. Уже при князе Мечиславе поляне подчинили себе другие соседние племена, и вообще можно предполагать, что в конце X века при Болеславе (992—1025) объединение полянами польских племен было завершено. Главным толчком к этому, по моему мнению, было наступление немцев на полабских славян. В организации этой сильной славянской державы, которая, к сожалению, просуществовала недолго, Болеслав видел средство сдержать немецкое наступление. В области расселения полян следует искать колыбель и центр древней Польши уже и потому, что старая традиция локализовала первые народные политические и религиозные центры в Гнезно, Крушвице и Познани. В Познани в 968 году было учреждено и первое польское епископство.

О другом большом племени — *мазовшан* (*Mazovienses*), позднее называвшихся мазурами, нам также почти ничего не известно. Территорией их расселения являлась область на среднем течении Вислы, к востоку от полян и к северу от Свентокшиских гор.

Зато о племени *слензян* (*Silensi*) в верхнем течении Одры, между реками Бобра и Висла[1], нам известно, что еще в X веке в состав его входил и ряд других более мелких племен, среди которых учредительная грамота Пражского епископства и географ Баварский называют *бобрян* (*бобжан*) на реках Бобре и Гвизде, *дедошан* (*дзядошан*) на нижнем течении Бобры, *ополян* — у Полья и *требовян* (*тшебовян*); последние уже жили, пожалуй, на территории сербов (см. выше, стр. 113). О загадочных хорватах, часть которых по некоторым известиям можно локализовать у верхней Одры и которые у различных польских историков фигурируют под названием польских хорватов[2], я упоминал уже выше, на стр. 76 и 120, прим. 6, куда и отсылаю читателя. Одновременно обращаю внимание читателя и на соответствующие страницы в разделе, посвященном русским славянам, где истолковывается сообщение Киевской летописи о двух племенах, вышедших из ляхов, то есть из Польши, и осевших на Руси: о радимичах на Соже и вятичах на Оке (см. стр. 160—161). Я не считаю их польскими племенами.

В связи с историей Польши следует упомянуть о так называемом ляшском вопросе: проблеме происхождения и значения наименования *ляхи* (польское *Lach*, чешское *Lech*, русское *лях*; первоначально, с носовым звуком, *ленх*).

Киевский летописец на первых страницах своей хроники обозначает названием *ляхи* целую ветвь славян, к которой относит полян, мазовшан, лютичей, поморян, вятичей и радимичей. Помимо Киевского летописца, о ляхах упоминает современный ему византийский летописец Киннамос (II, 18), который при этом добавляет: „Λέχοι, οἱ Σκυθικόν εἰσι γένος“[3]. Зато польские исторические источники ляхов поначалу вообще не знают, и лишь в хронике Кадлубека с главы X неожиданно появляются *Lechitae*. Отсюда их и взяли позднейшие польские и чешские летописцы, создавшие, помимо этого, и мифических праотцов — Чеха, Леха, Руса и Мега.

Очевидно, что наименование *лях* (чешское Lech) было дано полякам их соседями, подтверждается также тем, что как литовцы, так и венгры сохранили это старое название (Lenkas, lengyel), а в турецком и иранском

[1] Наименование их происходит от названия реки Слензы (Ślęze) и одноименной с нею горы Сленз (Ślęz) (нынешняя Соботка), где находился их культовый центр. О связи между названием Ślęz (Сленз) и германским Siling см. выше, на стр. 101.

[2] Например, в книгах А. Беловского, С. Смолки, Е. Богуславского, Бобринского, Бартошевича и других. См. „Slov. star.“, III, 224.

[3] Сюда, очевидно, относится и название Lingones в Salon. historii Томаша Сплитского (VII: venerunt de partibus Poloniae, qui Lingones appellantur).

языках сохранялось название Лехистан для обозначения Польши. Таким образом, историческое значение наименования *ляхи* ясно: так называли поляков их соседи, причем скорее всего восточные. Западные соседи поляков — лютичи, ободриты и сербы — этого названия не знали; в противном случае следы его сохранились бы в многочисленных известиях западных источников. Однако такое толкование исторического термина *лях* еще не объясняет его первоначального значения и связи с наименованием *поляк*, которое, как мы видели, обозначало жителя полей. Такие крупные лингвисты, как, например, В. Ягич, А. Соболевский, В. Негринг, Е. Бернекер, выводят наименование *лях*[1] от слова *lęda*, русского *ляда*, чешского *lada* и, если такое объяснение, что весьма правдоподобно, является верным, то в названиях полян и ляхов мы можем видеть обозначения двух групп населения, живущих в различных экономических условиях: жители полей — это хлебопашцы, а жители нераспаханной земли — ляды — это люди, корые занимались не земледелием, а охотились и пасли скот. Таким образом, ляхи первоначально были охотниками и пастухами, а поляне — хлебопашцами. Областью же ляхов была та часть Польши, которая не являлась землей полян, то есть Повисленье, Мазовщина и Малопольша, где наименование *ляхи* удержалось до сих пор. Отсюда понятно, почему русские славяне и славяне, обитавшие в Венгрии, звали поляков ляхами, в то время как сербы, лютичи и ободриты, знавшие в качестве соседей только полян, называли и весь народ этим вторым именем.

Изложенные выше экономические различия между ляхами и поляками сами по себе не означают предшествовавших им этнических различий между обеими группами населения. Однако ряд польских историков шел значительно дальше, сделав вывод, что ляхи были иного происхождения, чем остальной польский народ, и что пришли они в польские земли откуда-то со стороны, подчинили эти земли и удержались здесь в виде шляхты, со временем ополячившейся, но по происхождению бывшей все же чужой. Впервые эта известная теория о чужеземном происхождении польской шляхты появилась в польской историографии еще в 1730 году, проповедуемая сначала робко, а позднее, с 1837 года, все более настойчиво. Эта точка зрения защищалась И. Лелевелем, К. Шайнохой, В. Мацийовским, А. Куником, А. Беловским, а позднее главным образом Фр. Пекосинским. Лелевель и Беловский видели в польской шляхте касту, пришедшую с Балкан; Шайноха и Куник видели в ней германскую дружину; Мацийовский — племя полабских славян; Пекосинский считал, что лехиты — обитатели здешних мест, а шляхта — захватчики, пришедшие примерно в VIII или IX веках из земли ободритов[2].

Однако историческими свидетельствами эти теории не подтверждаются. Такого известия, которое подтверждало бы приход особого племени завоевателей и образование из него шляхты, нет. Польское дворянство, как и всякое другое, образовалось в результате эволюции старых социальных отношений, и если в этом процессе и приняли участие чужеродные элементы, это все же не дает оснований отождествлять всю шляхту с каким-то особым, чуждым полякам племенем.

Что касается общих границ доисторической Польши, то они ясны уже из того, что говорилось о границах соседних с Польшей народов. На западе польская граница шла по рекам Гвизда и Бобра, затем по Одеру, до впадения в него Варты; на севере граница шла по Варте и реке Нотец, вплоть до Вислы у Торуня, откуда поляки вскоре стали проникать дальше на север, затем по нижнему течению Осы и Дрвенца; на востоке старая польская граница,

[1] Имя прилагательное *польский* в старославянском *лендьски* (lędьskъ). См. „Slov. star.“, III, 228 и сл.

[2] См. „Slov. star.“, III, 229.

судя по всему, проходила недалеко от нынешней, придерживаясь левого берега Буга и Стыра. В Галиции эту старую границу пока установить трудно (скорее всего она проходила между Саном и Вислокою). Естественную границу на юге составляли Карпатский горный хребет, а с Моравией и Чехией — Есеницкие и Орлицкие горы. Здесь чешский элемент издавна проникал только до района Опавы и вдоль Вислы [1] к реке Ольше, подвергаясь здесь значительному влиянию польского языка[2]. Окрестности укрепленного пункта Немчи (Niemcze) были уже польскими.

[1] Речь идет о так называемых силезско-моравских ляхах. Часть Моравии, заселенная ими, называется *Ляхи* (Lašsko). „Slov. star.“, III, 204, 232.

[2] Здесь очевидна описка автора, нужно было сказать — „вдоль Одера“, притоком которого является Ольша. — *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ

Глава XVII

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Территория. Первые соседи: фракийцы и иранцы

О том, как на славянской прародине произошла дифференциация, разделившая славян, прежде в языковом отношении почти единых, на три большие группы — западную, южную и восточную, как дальнейшее их развитие и разделение на отдельные народы завершились уходом части славян на запад и юг, говорилось более подробно на стр. 43. На древней славянской прародине из западных славян прочно обосновались лишь поляки, затем — остатки южных хорватов и сербов, а на востоке — часть восточных славян, отличавшихся в языковом отношении от других славян рядом фонетических, грамматических и, разумеется, также и лексических признаков. Наиболее характерным среди них является переход праславянских *tj* и *dj* в *ч* и *ж*, возникновение полногласных групп *oro*, *olo*, *ere*, *ele* из праславянских *or*, *ol*, *er*, *el* (так, например, такой группе, как *tort*, которая в южно-славянских языках представлена *trat*, в чешском *trat*, в польском *trot*, в русском языке соответствует группа *torot*; группе *tert* равным образом соответствует *teret* и т. д.) и изменение старых гласных *ь* и *ъ* (еры) в *е* и *о*. Эти три факта мы можем дополнить и многими другими, менее важными и менее очевидными[1].

Прародиной восточных славян, следовательно, была восточная часть протославянской колыбели: весь бассейн Припяти (Полесье), далее территория на нижней Березине, на Десне и Тетереве, Киевщина, а также, несомненно, и вся нынешняя Волынь, где имелись наиболее благоприятные условия для существования. С начала нашей эры родина восточных славян была, очевидно, довольно обширной, так как в VI и VII веках мы видим уже большое количество славян на севере, на озере Ильмень, и на востоке, на Дону, у Азовского моря. «Ἄμετρα ἔθνη, — говорит о них Прокопий (IV, 4). «Natio populosa per immensa spatia consedit»,— отмечает одновременно Иордан (Get., V, 34), когда пишет о завоеваниях Германариха до 375 года. О том, что прародина русских славян находилась когда-либо в Карпатах, не может быть и речи. Это пытались когда-то доказать Н. Надеждин, а позднее с еще большим старанием профессор Иван Филевич, но безрезультатно[2].

Славян в Карпатах первоначально вообще не было (см. далее, стр. 129), а на славянской прародине, в наибольшей близости к горам, находились предки южно-славянских хорватов, сербов и болгар. Восточные славяне пришли туда уже позднее, после ухода последних, а именно, как я далее покажу, в X веке. Из соображений, о которых выше уже говорилось, я исключаю также возможность прихода восточных славян на свою родину, на Днепр, лишь в III веке нашей эры, после ухода готов, как это пытался доказать А. Шах-

[1] См. A. Meillet, Le monde Slave, 1917, III—IV, 403.

[2] И. Филевич, История древней Руси, I, стр. 33, Варшава, 1896; Н. Надеждин, Опыт исторической географии, 1837.

матов, или же в V—VI веках, как полагал на основании археологических данных И. Л. Пич[1]. Подобное передвижение, о котором в истории нет ни малейшего упоминания, для той эпохи полностью исключается. Более удобного места для колыбели народа, чем то, которое судьба предоставила восточным славянам на Среднем Днепре, не было. Это, пожалуй, наиболее удобное место на всей русской равнине. Здесь, правда, нет континентальных гор, но зато здесь простираются бесконечные леса и имеется густая сеть судоходных рек. Эта водная сеть связывает между собой как отдаленные территории обширной Восточно-Европейской равнины, так и моря, ее окружающие: Балтийское, Черное и Каспийское. Даже и теперь, после уничтожения многих лесных массивов и проведенных мелиоративных работ, воды повсюду достаточно, а тысячу лет назад ее было намного больше. Повсюду во время весеннего половодья непосредственно, а в другое время волоком[2] лодки проходили из одной реки в другую, из одного большого водного бассейна в другой и таким путем из одного моря в другое. Таких водных путей, связанных волоками (и шедших во всех направлениях), в древней Руси было много. Но самым известным из них был днепровский путь, связывавший Черное море и Царьград с Балтийским морем и Скандинавией, то есть два древних культурных мира: греческий и скандинавско-германский.

Войдя в устье Днепра, лодки с товарами или людьми направлялись по этому пути вверх к порогам между Александровском (Запорожьем) и Екатеринославом (Днепропетровском). Затем лодки переплывали через пороги или же перетаскивались в обход по берегу, после чего перед ними открывался свободный путь вплоть до Смоленска. Не доезжая Смоленска, они сворачивали по небольшим притокам Усвяту и Каспле на Двину и далее волоком перетаскивались на Ловать, по которой уже свободно выходили к озеру Ильмень и далее по реке Волхов, мимо Великого Новгорода, в Ладогу, а затем по Неве в Финский залив. Наряду с этим прямым путем лодки могли иногда направляться и другими путями; так, на западе они могли свернуть на Припять и по ее притокам выйти к Неману или на Западную Двину, а по ней в Рижский залив или на востоке выйти к Десне и Сейму и далее на Дон[3]. С Десны можно было по рекам Болве, Снежеть, Жиздре, Угре, Оке дойти до Волги, являвшейся крупнейшей культурной артерией; по последней шли, наконец, и другие пути, связывавшие Днепр у Смоленска с севером (волоком) и волжскими притоками Вазузой, Осьмой, Угрой и Окой [4].

Значение восточно-славянской родины на среднем Днепре очевидно. Она была расположена на великих культурных и колонизационных путях, точнее, на самом важном узле перекрещивающихся здесь дорог. Если в таком месте обитал сильный народ, который мог сохранить и использовать преимущества, предоставленные ему землей, то перед таким народом открывались в будущем большие перспективы как с точки зрения культурной, так и особенно с точки зрения колонизационной и политической. А таким народом здесь были славяне. Восточная ветвь их, обитавшая здесь издавна, была настолько сильна, что могла начать отсюда дальнейшую экспансию, не ослабляя родного края, что она и сделала.

Однако успешное развитие восточных славян определялось не только исключительно выгодным расположением местности, на которой они раз-

[1] А. Шахматов, Bulletin de l'Acad. imp. des sc. de St. Petersbourg, 1911, 723; I. L. Pič, Starožitnosti, II, 219, 275.

[2] Волоком назывался низкий и узкий перешеек между двумя реками, через который легко было перетащить лодку с товарами из одной реки в другую. В переносном значении волоком называлась также и область, где были такие волоки, в частности область у истоков Днепра, Двины и Волги. Отсюда в древней Руси земли за этой областью называли Заволочье.

[3] Дон был связан с Волгой известным волоком между Царицыном и Калачом.

[4] См. об этом подробнее у Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географии, Варшава, 2-е изд., 1885.

вивались, но также и тем, что по соседству с ними на очень большой территории не было народа, который оказал бы сколько-нибудь заметное сопротивление их распространению или же мог прочно и надолго покорить их. Таким образом, относительная пассивность соседей являлась вторым условием, способствовавшим развитию восточных славян. Лишь на западе находились сильные и неподатливые соседи. Это были поляки, которые не только оказывали сопротивление, но и успешно, правда уже позднее, в XVI веке, полонизировали литовские и русские земли. Здесь русская граница почти не изменялась и в настоящее время проходит почти там же, где и была 1000 лет назад, возле Западного Буга и Сана[1].

В других же местах соседи восточных славян отступали перед их натиском, поэтому нам необходимо с ними познакомиться и, в частности, установить их первоначальные места поселения. Речь идет о фракийцах и иранцах.

Фракийцы, так же как и иранцы, поддерживали тесные отношения еще с праславянами, о чем свидетельствует принадлежность праславянского, иранского и фракийского языков к группе языков сатем, отличающейся от группы языков кентум. Наряду с этим и другие данные свидетельствуют, что прародина фракийцев находилась первоначально значительно севернее их исторических мест обитания и помещалась на север от Дуная, в котловине Карпатских гор, и далее в самых горах, где топонимика главных горных хребтов явно не славянская (Карпаты, Бескиды, Татра, Матра, Фатра, Магура) и где еще в римские времена обитали племена, известные под собирательным именем даков. По всей вероятности, именно эти фракийские даки были исконными соседями славян, о чем свидетельствует наличие в их языках некоторого количества бросающихся в глаза фонетических и лексических сходств[2]. В качестве примера укажу лишь на общий для обеих языковых областей суффикс *ava* в наименованиях рек.

Все свидетельствует о том, что южными соседями славянской прародины первоначально были фракийцы, обитавшие в Карпатах и на их северных склонах. Лишь позднее с запада появились некоторые галльские племена, а вместе с ними бастарны и певкины (между V и III веками до н. э.), первыми возвестившие о движении германской волны, если только они действительно были германскими племенами. И уже последними проникли в Карпаты отдельные славянские племена, на присутствие которых здесь указывает, по-видимому, уже карта Птолемея (Суланы, Заботы, Пенгиты), а также наименование Карпат «Οὐενεδικὰ ὄρη».

Помимо Карпат, фракийцы были соседями славян и в местностях, простиравшихся далее на восток между Карпатами и Днепром. Я полагаю, что, по крайней мере, киммерийцы (Κιμμέριοι), обитавшие на этой территории до прихода скифов и вытесненные ими частью в Крым (Тавры?), а частью в Карпатские горы, где Геродот в свое время знал фракийское племя агафирсов (в нынешней Трансильвании), являются фракийцами, так как одновременно с вторжением скифов в конце VIII и начале VII века в Малой Азии появляется народ, называемый в ассирийских источниках *Gimirrai* (гимирры), а по-гречески также и другим именем — «Τρῆρες», следовательно, именем известного фракийского племени[3]. Весьма вероятно, что гимирры представляли собою часть понтийских киммерийцев, оттесненных скифами в Малую Азию.

Иранцы. Другими соседями восточных славян на юге древнерусской прародины были иранцы. О том, что именно иранский элемент издавна поддер-

[1] См. „Slov. star.", III, 231.

[2] На основании этого родства и древнего соседства и возникли известные теории о славянском происхождении даков, которые, разумеется, являются ошибочными, если считать даков собственно славянами.

[3] См. „Slov. star.", I, 217.

живал связи с праславянами, свидетельствуют упомянутые языковые совпадения в группе языков сатем[1]. Однако исторических свидетельств, подтверждающих это, до VIII века не имеется. К этому и последовавшему за ним периоду мы можем на основании исторических источников отнести появление иранцев в южнорусских степях, господствовавших здесь вплоть до прихода гуннов. Это были скифы, а после них сарматы.

Первой иранской волной, хлынувшей на эти земли в VIII—VII веках до н. э. (и, вероятно, еще раньше), были скифы; подробное описание их поселений и образа жизни в V веке до н. э. оставил нам в четвертой книге своей истории Геродот (жил в 484—425 годах до н. э.), который уже в зрелом возрасте посетил северный понтийский берег. По представлению Геродота, Скифия занимала пространство, ограниченное на западе Истром-Дунаем, на востоке — Доном, за которым еще далее на восток обитали сарматы, а на севере — линией, тянувшейся от истоков Днестра и Буга через днепровские пороги к Дону (Herod., IV, 100, 101). На Дону обитали, кочуя, собственно царские скифы (Σκύθαι βασίληιοι), далее между Днепром и Самарой (совр. Куйбышевом) — скифы-кочевники (Σκύθαι οἱ νομάδες), а на западе от Днепра — скифы-земледельцы (Σκύθαι γεώργοι, ἀροτῆρες) и несколько других более мелких племен, из которых наиболее значительными, видимо, были алазоны (Ἀλαζόνες), обитавшие между средним Бугом и Днестром. Иранская принадлежность этих алазонов и особенно скифов-земледельцев, которые по образу жизни так сильно отличались от настоящих скифов-кочевников, весьма сомнительна, и не исключено, что под этими именами скрываются уже авангарды славян, продвинувшиеся по Днепру и Бугу на юг. В частности, это можно предположить в отношении скифов-земледельцев, образ жизни которых столь отличался от образа жизни остальных скифов-кочевников (Herod., IV, 2, 19, 46, 59, 120). Очевидно, что уже Геродот (IV, 81) пользовался наименованием скифов в двояком смысле: как для обозначения собственно скифов, так и вообще для обозначения племен, обитавших в пределах Скифии. Но уже и в его описании не все скифы являются собственно скифами, то есть иранцами.

Однако более важной для славян являлась полоса, заселенная соседями скифов, которых Геродот перечисляет за пределами Скифии. К ним принадлежали на западе агафирсы, обитавшие в нынешней трансильванской котловине, племя, бесспорно, фракийское, и далее за истоками Днестра и Буга большое племя невров (Νευροί), которое впервые упоминается в истории в связи с походом Дария в 512 году (см. о них Herod., IV, 17, 51, 100, 102, 105, 112). Обитали они, бесспорно, на славянской прародине, а именно в ее восточной части, и поэтому мы можем с наибольшей вероятностью рассматривать их как славян. Следы наименования *невров* встречаются в славянской топонимике этой области (реки Нура, Нурец, Нурча, деревни Нуры, Нур, а также историческое название «земля нурская»). Поэтому следует думать, что невры являлись частью восточных славян на нынешней Волыни, Киевщине и в бассейне реки Припяти. Наряду с этим неясно, к какому историческому народу следует отнести другие племена, которые Геродот называет на севере Скифии к востоку от Днепра. Речь идет об андрофагах (Ἀνδροφάγοι — мордва?) и меланхленах (Μελάγχλαινοι), неясна также область расселения и принадлежность большого племени будинов (Βουδῖνοι). Однако на основании тщательного рассмотрения всех сведений, которыми мы располагаем, я поместил бы это племя у Десны и считаю, что оно скорее славянское, чем финское. Название племени можно вывести из славянского языка—корень *бѣд*, а окончание *инъ* является типично славянским племенным окончанием (ср. немчин, сербин, турчин, русин и т. д.).

[1] Следует обратить внимание хотя бы на слова *богъ, ватра, соха, куръ, секера, топоръ* и т. д.

В течение IV и III веков до н. э. скифов сменили сарматы, которые еще во времена Геродота обитали за Доном, но при Митридате Евпаторе уже занимали всю Понтийскую область. Остатки скифов появились в окрестностях Ольвии, в Крыму и у Дуная, где они перешли на другую сторону — в Добруджу. Там с ними познакомился Овидий. Как показывает ряд находок, часть скифов в IV—III веках до н. э., а может быть и еще ранее, была оттеснена вплоть до внутренней Венгрии.

Среди сарматских племен наряду с тисаматами и язаматами (Jaxamates) наиболее выделялись языги и роксоланы. Языги обитали на западе Сарматии и в 20—50-х годах н. э. переместились в Венгрию, куда вместе с ними передвинулись и роксоланы, первоначально обитавшие между Днепром и Доном. Третьим большим племенем были аланы. Первоначально они обитали у Дона, откуда часть их передвинулась в Венгрию, а затем на Рейн, в Испанию и Африку, где эта часть аланов прекратила свое существование. Другая часть аланов осталась между Доном и Кавказом, где русские летописи (XII—XIV веков) знают их под именем *ясы*. Отсюда в XIII веке они частично были вытеснены половцами в Молдавию и Венгрию, где остались под названием *jász*, множественное число *jászok* (в округе Iasz-Nagy-Kun-Szolnok).

Как и сарматов, принадлежность которых к иранской ветви является бесспорной, собственно скифов также следует считать иранским племенем. В последнее время высказывалось утверждение, правда, не совсем новое, что скифы были иранизированными монголами, а Я. Пейскер[1], который оперирует этим названием главным образом излагая свои взгляды на древних славян, ссылается при этом на известное описание Гиппократа (περὶ ἀέρων, 26), причем описание, сделанное последним, с успехом можно отнести к некоторым нынешним киргизам или калмыкам. Но это единственный довод, который можно привести в пользу монгольского происхождения скифов. Все остальное, что нам известно из данных истории, лингвистики и антропологии, свидетельствует против этого. Изображения древних скифов, обнаруженные в понтийских находках, также дают немонгольские фигуры и лица. Таким образом, собственно скифы не были и монголами, но они, разумеется, не были и славянами, хотя такое мнение было когда-то весьма распространено в русской историографии и не исчезло и до сих пор[2]. Можно лишь допустить, как уже указывалось выше, что некоторые другие племена, называвшиеся «скифскими» лишь потому, что они обитали в Скифии, как, например, скифы-земледельцы — между Бугом и Днепром, либо алазоны — между Днестром и Бугом, могли быть славянскими, но и это не более чем гипотеза.

Тюрко-татары

Исторических свидетельств о том, что наряду со скифами, сарматами и финнами соседями славян в древние времена стали и тюрко-татарские племена, не имеется. Однако Я. Пейскер и проф. Корш на основании лишь нескольких сходных в обоих языках слов, общих для всех славянских племен, — *быкъ*, *волъ*, *коза*, *творогъ* и др.— предполагают о существовании этих древних связей, причем по теории Пейскера посредниками между тюрко-татарами и славянами были скифы-монголы. Отвергая построенные на основании этой теории выводы, о которых выше, на стр. 36—37, уже упоминалось, мы должны, исходя из указанных выше лингвистических данных (если верны филологиче-

[1] Я. Пейскер, исходя из ряда предположительных тюрко-татарских слов, перенятых славянами еще до нашей эры, говорит о жестоком рабстве, от которого издавна страдали славяне, находясь под тюрко-татарским игом. Виновниками этого рабства, по его мнению, были начиная с VIII века до н. э. скифы.

[2] См. „Slov. star.“, I, 512. Из русских историков можно назвать, например, Д. Иловайского, В. Флоринского, Д. Самоквасова.

ские толкования Корша), допустить, что уже до нашей эры некоторые племена тюрко-татарского происхождения, в частности кочевники, имевшие большие стада, вошли на востоке в общение со славянами; но это не были собственно скифы, — другого же исторического наименования этих племен мы не знаем. Из народов тюрко-татарского происхождения в общение со славянами в исторический период (в 375 году н. э.) вступили лишь гунны.

Отдельные тюрко-татарские племена, разумеется, еще до этого времени проникли в южную Русь, как, например, спалы, с которыми в III веке встретились готы[1], да и сами гунны уже во времена Птолемея обитали к западу от Волги (Ptol., III, 5, 10). Однако они вступили в общение со славянами и вышли на историческую арену лишь в 375 году, когда под давлением какого-то другого заволжского племени перешли Дон, разбили войска готов, оттеснили последних на запад, в Карпаты и на Дунай, и, несомненно, подчинили себе все бывшее готское государство Германариха, который властвовал не только над готами южной России, но и над северными литовцами и славянами[2]. Однако господство гуннов продолжалось недолго и вряд ли было прочным. Бóльшая часть гуннов уже в начале V века отошла к Дунаю в Венгрию, а у тех, кто возвратился обратно после крупного поражения, нанесенного гуннам в Паннонии после смерти Аттилы в 453 году, не хватило сил восстановить свое господство над славянскими областями. Они остались в южной Бессарабии и оттуда с несколькими родственными племенами, главным образом котригурами и утригурами, принимали участие в набегах на Балканы, предпринимавшихся славянами вплоть до 558 года. Среди славян и болгар гунны и растворились[3].

После вторжения гуннов через русские степи хлынули новые волны тюрко-татарских народов. Почти все они направлялись к Дунаю, на Балканы или в Венгрию. Первыми прошли *болгары*, ближайшие родственники гуннов. Это произошло примерно в середине V века, так как в 482 году император Зенон уже объединялся с ними против готов, а в 499 году они сами впервые предприняли набег на Балканы. Однако окончательно они перешли туда лишь в 679 году из нижней Бессарабии[4]. Одновременно другая часть болгар под давлением хазаров свернула с нижней Волги и, двинувшись вверх по течению, основала на ее притоке Каме государство Волжских, или Серебряных, болгар, столица которого Bulgâr — или по русским источникам Болгар — находилась поблизости от нынешнего села Успенского под Казанью, где и сейчас можно увидеть развалины домов и другие уцелевшие памятники[5].

После болгар в южную Русь пришли авары; пришли они уже в первой половине VI века, так как известно, что в 558 году они стояли на нижнем Дунае, откуда перешли в Венгрию. После поражения гепидов и ухода лан-

[1] Iord., IV, 28; см. далее, стр. 142. Их наименование сохранилось в русском языке в слове „исполин".

[2] Iord., Get., 119, 120.

[3] Теории о предполагаемом славянстве гуннов в историографии, собственно, уже забыты. Эту теорию выдвинул в 1829 году Ю. Венелин в сочинении „Древние и нынешние болгары" (Москва), а после него ряд русских и болгарских историков, включая в конце XIX века и В. Флоринского, И. Забелина и Дм. Иловайского. Заслуга опровержения этой теории (одновременно с гуннами славянами считали также собственно болгар и роксоланов) принадлежит М. Дринову, В. Миллеру и особенно Б. Васильевскому (см. его работу „О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан", ЖМНП, 1882—1883).

[4] Theoph. (ed. Boor), 356, 358; Nicephoros (ed. Boor), 33. Помимо этих наиболее старых источников по истории Болгарии, из современных работ см. в первую очередь Златарский, История на българската държава, I, София, 1918, 21—151.

[5] В 922 году эти болгары приняли ислам и поддерживали тесные культурные и особенно экономические отношения с восточными славянами. Государство Волжских болгар было для славянской Руси во времена неурожаев и голода житницей. В результате этих связей происходило и значительное смешение болгар со славянским элементом, поэтому Ибн-Фадлан и некоторые другие объявили их, разумеется ошибочно, славянами. Арабские писатели западных болгар в отличие от волжских обозначают именем *Бурджан* (Burdžan).

гобардов в Италию авары основали в 568 году государство с центром на нижней Саве в Паннонии[1]. Мы не знаем точно, долго ли они были в южной Руси; известно, что они проникли далеко на север, к польскому Бугу, и их связи со славянами были не менее интенсивными, чем позднее, когда они поселились в Венгрии. К вопросу об аваро-славянских отношениях мы еще вернемся.

Вслед за аварами на Дону появились новые тюрко-татарские племена, которые в виде исключения дальше не пошли, а остались между Доном и Волгой, распространяя оттуда свое господство и свое влияние и на среднюю Русь. Это были хазары, называвшиеся в русских источниках *козары*. В 650 году они перешли Дон, захватили область у Азовского моря, так называемую Старую Болгарию, вытеснили из нее болгар в направлении к Дунаю и Каме, но дальше не пошли. Опираясь на свою столицу Итиль в устье Волги, а позднее и на крепость Саркел (русская Белая Вежа) на нижнем Дону, хазары укрепили свое господство над большей частью восточных славян; племена северян, полян, вятичей и радимичей вплоть до IX, а частично и до X века платили дань хазарам. Хазарская культура нам теперь хорошо известна по раскопкам большого могильника (свыше 1000 могил) у Верхнего Салтова в Волчанском районе Харьковской области. Хазары поддерживали оживленные связи с Кавказом. В IX веке хазары приняли иудейское вероисповедание, которое, несомненно, пришло к ним с Крымского побережья, однако они отличались веротерпимостью по отношению к другим религиям. Вообще господство хазаров не было слишком обременительным, и славяне под его прикрытием успешно продвинулись на восток. При дворе хазарского кагана было много славян, и многие хазары сами говорили по-славянски[2]. Упадок Хазарского государства начинается уже в IX веке, когда хазарский каган для защиты от набегов печенегов вынужден был в 837 году построить на Дону крепость Саркел.

Эта новая волна тюрко-татарских племен [3] начала свое движение с территории между Волгой и Яиком, где они ранее обитали, уже в начале IX века, но на славянскую Русь первые набеги были совершены лишь в X веке, что подтверждается Киевской летописью, где под 915 годом мы читаем: «Приидоша печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и приидоша к Дунаю». Печенеги полностью подорвали влияние и силу Хазарского государства, а со второй половины X века мы уже читаем об их непрестанных войнах с русскими князьями. Связи между обоими народами были настолько тесными, что и печенеги, согласно арабским сообщениям, научились говорить по-славянски [4]. Борьба с печенегами закончилась лишь после того, как они были оттеснены из русских степей новыми врагами — родственными им племенами торков, или узов, а потом половцами, или куманами. Впервые торков упоминают Плиний и Помпоний Мела, затем в VI веке Ян Эфесский, неподалеку от Персии [5], однако в 985 году киевский князь Владимир уже предпринимает в союзе с ними поход против болгар. Таким образом, они уже были на Волге и в Европу пришли в начале XI века, теснимые половцами и, в свою очередь, вытесняя печенегов. Печенеги, потерпевшие в 1036 году под Киевом серьезное поражение, пришли к Дунаю, а вскоре, в середине XI века, и в Болгарию, куда за ними в 1064 году последовала огромная масса торков. Другая часть их под именем *черных клобуков* осталась вместе с половцами в русских степях.

[1] См. „Slov. star.“, II, 201—202.

[2] Между тем в течение IX века через южную Русь прошли также угры (племена финского происхождения), которые вышли с Дона около 825 года и около 860 года оказались на нижнем Дунае, окончательно заняв Венгрию в конце IX века (896). См. далее, на стр. 136. Между 851—868 годами на пути из Херсона в землю хазаров с ними встретился славянский апостол Константин.

[3] „Повесть временных лет“, изд. АН СССР, 1950, т. I, стр. 31.

[4] Ибрагим Ибн-Якуб, цит. соч., 58.

[5] Plin., VI (7) 19; Pompon. Mel., I, 116; Jan Ephes., VI, 7, 12, 13.

Позднейшие набеги половцев и татар выходят далеко за рамки нашего изложения. Но уже и из того, что рассказано, видно, с каким трудом славяне продвигались на юг. Их продвижение и их выдвинутые вперед колонии постоянно подвергались атакам все новых и новых волн тюрко-татарских племен, из которых последние — татары — явились плотиной, на долгий период остановившей продвижение славян. Правда, и в этих условиях и даже еще до X века славяне, как мы дальше увидим, продвигались вперед, однако в результате губительного печенего-половецкого нашествия славяне в XI и XII веках полностью были вытеснены из области между Днепром и Дунаем и оттеснены за реку Сулу, Рось и в Карпатские горы.

Финны

На север и восток от славян обитали финские племена. Где находилась их прародина, мы не знаем, однако новейшие теории, устанавливающие близкую связь между индоевропейцами и прафиннами, дают основания искать ее вблизи от европейской родины индоевропейцев, то есть на восточных окраинах Европы, на Урале и за Уралом. Установлено, что финны с давних времен обитали на Каме, Оке и Волге, где примерно в начале нашей эры часть их отделилась и ушла к Балтийскому морю, заняв берега Ботнического и Рижского заливов (позднейшие ямь, эсты и ливы). Насколько далеко продвинулись волжские финны в среднюю Русь и где именно они впервые встретились со славянами, неизвестно. Это вопрос, на который до сих пор нельзя дать точный ответ, так как мы не располагаем данными предварительных работ, как археологических (изучение финских могил), так и филологических (сбор и исследование древней финской топонимики средней России). Тем не менее можно сказать, что Ярославская, Костромская, Московская, Владимирская, Рязанская и Тамбовская губернии первоначально были заселены финскими племенами и что финны обитали ранее даже в Воронежской губернии, но как далеко они продвинулись на запад, мы пока не знаем. В Орловской губернии, по данным А. А. Спицына, следов финской культуры уже нет[1]. В Калужской, Московской, Тверской и Тульской губерниях финны сталкивались с литовцами (см. далее, стр. 136). Правда, Шахматов предполагал, что во времена Геродота финны занимали бассейн реки Припяти, что они даже проникали оттуда и в верховья Вислы (невры), однако приведенные им лингвистические доказательства этого спорны, так же как и прежние лингвистические и археологические теории. Последние никогда не были настолько обоснованны, чтобы опровергнуть тезис о славянской прародине между Вислой и Днепром. Если бы мы приняли точку зрения Шахматова, то в Восточной Европе вообще бы не осталось места для колыбели великого славянского народа, так как там, где ее помещает Шахматов, между нижним Неманом и Двиной, она не могла быть как по соображениям лингвистическим (топонимика не славянская), так и по данным археологическим [2].

Поэтому я не могу не настаивать на том, что финнов на Волыни и в Полесье не было, а если верна точка зрения некоторых филологов, заключающаяся в том, что между древнеславянским и древним финским языками вообще нет никакой связи, то финны в период праславянского единства были от славян отделены на севере полосой литовских племен (от Балтики через Смоленск до Калуги), а на востоке либо полосой незаселенных земель,

[1] Записки Русского археологического общества, т. XI, новая серия, СПБ, 1899, стр. 188. По данным археологии, следы финской культуры мы в настоящее время можем проследить вплоть до Тамбова, Рязани, Москвы и истоков Волги.

[2] См. выше, стр. 34, и то, что я писал об этом в статье „Новые теории о прародине славян“ (ССН, 1915, XXI, 1). Впрочем, в последних работах Шахматов и сам признал недостаточность своих доказательств (Revue des Études slaves, I, 1921, 190).

о которых упоминает уже Геродот, либо скорее всего клином иранских, возможно тюрко-татарских, племен. Связи финнов со славянами установились лишь после того, как восточные славяне уже в начале нашей эры продвинулись на севере за верховья Днепра, а на востоке за Десну и Дон, когда и финны начали продвигаться на север, к Балтийскому морю. Но и в этом случае финны не оказывали влияния на всю русскую землю, так как в русском языке в целом, за исключением северных и восточных окраин России, не сказывается влияние финского языка.

Однако все это лингвистические проблемы; суждение о них и их разрешение мы должны предоставить специалистам-филологам.

О появлении финнов в истории можно говорить более определенно лишь с I века н. э. Хотя у нас и имеется ряд упоминаний и этнических наименований, свидетельствующих о пребывании финских племен в Подонье и Поволжье за пять или шесть столетий до этого времени, однако о некоторых из них нельзя с уверенностью сказать, являются ли они финскими. Будины — многочисленное племя, которое преимущественно считают финским,— скорее являются славянами, обитавшими между Десной и Доном. Финнами же, видимо, являются и меланхлены, андрофаги и иирки Геродота (Herod., IV, 22, 23). Первым приводит наименование *Fenni* Тацит (Germ., 46), а за ним Птолемей (III, 5, 8,φίννοι). В остальном же карта Птолемея содержит те же данные, что имеются и у Геродота. Среди перечисленных им народов имеются, несомненно, финские. Об этом свидетельствует также наименование Волги — «Ра» ('Ρᾶ) (ср. мордовское rhau — вода) [1],— но какие именно из них были финскими, мы сказать не можем.

В IV веке н. э. Иордан в известии о народах, которых покорил перед своей смертью в 376 году готский король Германарих, наряду со славянами (венедами) и литовцами (аэстиями) приводит ряд наименований, большей частью искаженных и необъяснимых, между которыми, однако, имеется несколько явных наименований позднейших финских племен [2]. Так, под наименованием *Vasinabroncas* следует понимать *весь*, а вероятно, и *пермь*; под наименованиями *Merens*, *Mordens* — *меря* и *мордва*. Сюда до некоторой степени относится и название *Thiudos*, так как из него (это готское наименование) возникло славянское (русское) собирательное наименование для финнов — *чудь* [3].

Важнейшие сообщения о соседстве финнов со славянами, относящиеся к IX—X векам, имеются лишь в Киевской летописи. Славяне к тому времени продвинулись до озера Ильмень, Невы, Ладоги, Владимира, Суздаля, Рязани и нижнего Дона и всюду пришли в соприкосновение с финскими племенами. Летописец знает три группы финских племен: 1) у Балтийского моря, 2) у Волги и затем 3) на севере, «за волоками», в окских лесах (*заволочская чудь*). Отдельно в летописи названы племена у Балтийского моря: *собственно чудь* и *лив* на юге Финского залива (соседняя *водь* в Киевской летописи не упоминается), затем *емь* или *ямь* в нынешней Финляндии; далее «за волоками» у Белоозера находилась *весь*, где-то у Двины в Биармии скандинавских источников — *пермь*, а еще дальше к северо-востоку — *югра*, *угра*, *печора* и *самоядь*. В XIII веке к северу от *еми* упоминаются

[1] См. R. Meckelein, Finn.-ugr. Elemente im Russischen, Berlin, 1914, I, 12, 16.

[2] В этом месте Иордан пишет (Get., 116, 117): „Habebat si quidem quos domuerat Golthescytha, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Imniscaris, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Goldas". Среди литературы, уделившей внимание толкованию этого места у Иордана, укажу на основные работы: Mülenhoff, Deutsche Altertumskunde, II, 74; Th. Grienberger (Zeitschrift f. d. Alt., 1895, 154) и I. Mikola (Finn.-ugr. Forschungen, XV, 56 и сл.).

[3] См. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch, 357. Это выражение в устах славян первоначально означало чужого человека; чешское *cuzi*, русское *чужой*, церковнославянское *чуждь* являются одним и тем же словом. Русские до сих пор называют некоторые финские племена *чудь*.

карелы. К восточной волжской группе принадлежали *черемисы*, обитавшие ранее западнее, чем теперь, главным образом в Костромской губернии; *мордва* — в бассейне реки Оки (теперь далее на восток); на севере их соседями были племена *мурома* на реке Клязьме, *меря* на Ростовском и Клещинском озерах между Волгой и Клязьмой и на юг от мордвы *мещера*, позднее прекратившие свое существование [1].

Мы можем установить, что, где бы славяне в своем продвижении ни приходили в соприкосновение с этими племенами, финны всегда отступали и вообще были очень пассивны. Борьба хотя и велась, но финский элемент при этом, несомненно, вел себя пассивно и постоянно уступал свою землю славянам. Уже Тацит упоминает о недостатке оружия у финнов, а обозначение Иордана «Finni Mitissimi» (Get., III, 23) также не безосновательно. Другой причиной слабости финских племен была, очевидно, редкая заселенность, полное отсутствие сколько-нибудь сильной концентрации населения вокруг определенных центров, и именно в этом заключалось превосходство славян, имевших в тылу своего продвижения сильные исходные позиции, организованные варяго-русами.

Только одно финское племя добилось крупных успехов, подчинив себе большое число славян, и то, вероятно, потому, что до этого оно подвергалось сильному влиянию тюрко-татарской культуры. Это были мадьяры — народ родственный остякам и вогулам с Оби, ушедший на юг примерно в V—VI веках. В начале IX века они объявились у Дона по соседству с хазарами, в области, называемой Лебедия. Оттуда около 860 года они переместились к южной Молдавии (в область, называемую *Ателькуза*), а затем, после нескольких вторжений на Балканы и в Паннонию, примерно в 896 году, надолго поселились на венгерской низменности, куда они проникли через восточные или северные карпатские перевалы. Дальнейшая их история связана уже исключительно с западными и южными славянами.

Литовцы

Литовцы с древнейших времен обитали у Балтийского моря. На это указывают данные лингвистики об отношении литовского языка к языкам остальных индоевропейских народов, затем топографическая номенклатура, а также все исторические данные. Длительные тесные связи литовцев со славянами можно считать научно установленным фактом, а существование балто-славянского единства в период, когда остальные индоевропейские народы уже разделились на отдельные ветви, можно также считать бесспорным, несмотря на сомнения, которые высказал А. Мейе [2]. Но даже если не было абсолютного единства, то все же только со славянами у них были такие близкие отношения, которые привели к образованию двух диалектных районов единой балто-славянской области, причем народы обоих районов хорошо понимали друг друга. Когда здесь произошло окончательное разделение, сказать трудно. Правда, на основании того факта, что в славянский язык из иранского языка перешло слово *churu* (куръ), которое в литовском языке отсутствует, или на основании того, что финское название меда перешло в литовский язык (ср. литовское *vãrias*, pr. *vargien*, латышское *varš*), в то время как в славянском языке имеется собственное слово «медъ», делался вывод, что во время прихода скифов в южную Русь и даже еще раньше, в начале II тысячелетия до н. э., в эпоху бронзы, оба народа уже жили раздельно [3]. Однако такие доказа-

[1] Мещеру обычно отождествляют с буртасами восточных источников. В топографической номенклатуре бассейна Оки, например в окрестностях Рязани, до сих пор сохранилось много следов их наименований.

[2] Meillet, Les dialects indoeuropéens, Paris, 1908, 48 sl.

[3] Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere (VI vyd., 324); Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, Graz, 1887, 216.

тельства для определения даты разделения этих народов совершенно неубедительны в настоящее время, если не считать того факта, что в начале нашей эры это разделение здесь уже произошло. Можно лишь сказать, что как славянские племена, так и литовцы представляли в это время самостоятельные объединения.

Нельзя также дать точный ответ и на вопрос, где первоначально проходила граница между обоими народами. Нынешняя территория Литвы и Латвии отделена от немцев, русских и финнов линией, протянувшейся от моря, начиная от устья Мемеля через Гольдап, Сувалки, Гродно, Друскеники на Немане, Вильнюс, Двинск (Даугавпилс), Люцин (Лудза) к Псковскому озеру и далее через Валк (Вулка) обратно к морю до Рижского залива [1]. Эта территория по сравнению с территорией, занимаемой находящимися по соседству с Литвой и Латвией немцами или славянами, незначительна. Невелико и количество населения: по статистическим данным за 1905 год в России насчитывалось немногим больше 3 миллионов литовцев и латышей. Но первоначально литовцы не были так малочисленны. Занимавшаяся ими территория простиралась когда-то на западе вплоть до Вислы (литовские пруссы), а на севере до прихода финнов (см. выше, стр. 134)— до самого Финского залива; граница, отделявшая их от праславян и прафиннов, также проходила значительно дальше от моря, чем теперь.

В 1897 году профессор Кочубинский на основании разбора топографической номенклатуры нынешней Белоруссии пытался определить территорию доисторической Литвы [2]. В его работе было отмечено много недостатков, и действительно, познания Кочубинского в старолитовском языке были недостаточны для решения столь трудной проблемы. Нельзя также не отметить, что новейшие лингвисты искали в бассейне Немана и Двины и кельтскую номенклатуру и что А. А. Шахматов даже такие наименования, как Неман, Вилия, считавшиеся раньше литовскими, рассматривал как кельтские [3].

Однако несмотря на это, можно с уверенностью сказать, что территория нынешней Белоруссии первоначально в значительной своей части была заселена литовцами, что древние литовцы проникли до Ломжского Полесья, до северной части бассейна реки Припяти и до части бассейна реки Березины и что на Двине они зашли настолько далеко на восток [4], что где-то на территории бывшей Московской губернии сталкивались с волжскими финнами, что подтверждается также многочисленными примерами сходства в литовском языке и языке волжских финнов. Даже известный Лядинский могильник у Тамбова был объявлен археологами памятником литовской культуры, что, однако, весьма сомнительно. Но, с другой стороны, несомненно, что еще в XII веке на реке Протве в Московской губернии обитал народ литовского происхождения — голядь,— видимо, представлявший собой остатки первоначальных литовских насельников этой области (см. далее), а также что еще в XIII веке литовские поселения находились у истоков Двины, Волги, на Вазузе и в части Тверской и Московской губерний [5]. Появление здесь голяди объясняется тем, что широкий клин славянской колонизации, продвигаясь вперед с большими усилиями, рассек область, занятую литовцами, и отделил их от волжских финнов.

[1] F. Tetzner (Globus, 1897, LXXI, 381); J. Rozwadowski, Materiały i prace kom. jęz, 1901, I; A. Bielenstein, Atlas der ethnol. Geographie des heute und prach. Lettenlandes, Petersburg, 1892; L. Niederle, Slovanský svět, Praha, 1909, 15.

[2] А. Кочубинский, Территории доисторической Литвы, ЖМНП, 1897, I, 60.

[3] См. выше, стр. 34. А. Погодин выводит наименование «Неман» из финского языка.

[4] См. Е. Ф. Карский, Белорусы, I, Варшава, 1903, 45, 63.

[5] Голядь упоминается в древнейших русских летописях (Лаврентьевская, Ипатьевская) под 1058 и 1146 годами. См. также А. И. Соболевский, Изв. имп. акад., 1911, 1051. Часть голяди, разумеется, уже позднее под давлением славян переместилась на запад, в Пруссию (Галиндия).

В истории литовцы впервые появляются под именем «остиев» (Ὠστιαῖοι) у Пифия [1], если, разумеется, полагать, что и аэстии тацитовской «Германии» (с. 45) являются литовцами и что уже позднее их наименование перешло на финнов, пришедших к Финскому заливу. Такое объяснение хотя и принято, но вовсе не обязательно [2].

Птолемей в своей карте Сарматии (III, 5, 9, 10) приводит у побережья Балтийского моря большое число наименований племен, и некоторые из них, несомненно, являются литовскими. Однако мы не можем сказать, какие именно из этих наименований являются бесспорно литовскими, за исключением двух — Γαλίνδαι и Σουδινοί. Первое наименование тождественно с русской голядью и с названием области *Галиндия*, которая известна позднейшим историческим источникам в Восточной Пруссии, в области Мазуров. Второе наименование тождественно с названием области *Судавия*, расположенной по соседству с Галиндией по направлению к Сувалкам. Наконец, и Βορῶσκοι, ошибочно помещенные Птолемеем далеко вглубь Сарматии, являются литовским племенем борусков (Пруссия — Боруссия). Зато, однако, наименование Ὀυέλται не тождественно, как это полагал Мюлленгоф, наименованию *литва*, а является славянским названием *велеты* [3].

После Птолемея прошел долгий период времени, когда о Литве не было никаких известий. Только русские летописи, в первую очередь древнейшая Киевская, дают нам описание Литвы такой, какой она была известна русам в X и XI веках. В тот период пруссы обитали у побережья Варяжского моря, занимая область, протянувшуюся на восток от нижней Вислы и Дрвенце. Далее к востоку идут собственно *литовцы*, на север от них и западнее Полоцка *зимегола*, затем на правом берегу реки Двины *летьгола*; южнее Рижского залива, у моря, обитало племя *корсь*, наконец, где-то еще, в месте, точно не установленном, племя, называемое *нарова*, *норома* (*нерома*) [4]. О племени *голядь*, локализированном на реке Протве, отделенном от остальных литовцев, я уже упоминал выше.

В позднейший период произошло дальнейшее перемещение племен и изменение их названий. Пруссы стали с XIII века исчезать, особенно после того, как они в 1283 году были окончательно порабощены. Прусский язык еще в XVI веке влачил жалкое существование, и уже в 1684 году, по свидетельству Гарткноха, не было ни одной деревни, где бы понимали по-прусски. Литва разделилась на две части: Верхнюю Литву (в области Немана и Вилии), называемую Аукштота, и Нижнюю (на запад от Невяжи) Жемайтию, по-польски — *жмудь*. О *Галиндии* и *Судавии* в Восточной Пруссии уже упоминалось выше. Последним значительным племенем в XIII веке являлись *ятвяги* (по-польски Jadzwing). Это племя известно, правда, и Киевской летописи по походу Владимира на них в 983 году, однако где обитало это племя, говорят лишь позднейшие летописи XIII века, помещающие его за реки Нарев и Бобр, в озерные области Пруссии, куда они пришли незадолго до этого со своих первоначальных поселений, находившихся дальше к востоку [5]. Таким образом, они обитали в Полесье, и нынешние русские и польские полешане (Pollexiani в польской хронике) — потомки ятвягов. Дрогичин на Буге, однако, не был их округом, как это считалось ранее. В пользу этого нет исторических доказательств, а старые археологические находки в окрестностях Дрогичина, насколько мне известно, носят славянский характер.

[1] Steph. byz. s. v. Ὠστιῶνες.

[2] В тот период у германцев возникло скрещение наименования *аэстиев* с германским *осты* (Alfred); *Остланд* — люди на востоке, область на востоке.

[3] См. стр. 114.

[4] ПВЛ, АН СССР, I, 13, 210.

[5] Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии, Варшава, 1885, 40, 234.

Глава XVIII

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ПЕРЕД ПРИХОДОМ СКАНДИНАВСКИХ РУСОВ

Анты

О судьбах восточных славян перед началом новой эры мы знаем очень мало. По языковым данным можно судить о том, что славяне поддерживали тесную связь с некоторыми своими соседями (см. выше, стр. 127), однако какой характер носили эти связи, определить трудно. Правда, Я. Пейскер, исходя из нескольких языковых совпадений, характера территории и общественного уклада отдельных народов, создал теорию о жестоком рабстве, в которое с доисторических времен попеременно ввергали славян, с одной стороны, германские, с другой — тюрко-татарские (скифские) завоеватели.

Однако Я. Пейскер построил свою гипотезу всего лишь на нескольких отчасти непроверенных, отчасти ошибочных предпосылках, которые не дают оснований для столь далеко идущих выводов. И даже если допустить наличие связи между славянами и вышеупомянутыми завоевателями, а временами и набеги последних на славян, хотя и для этого нет достаточных доказательств, ничто не свидетельствует о том, что эти отношения могли превратиться в порабощение, да еще столь длительное и жестокое, как это предполагает Пейскер.

Ничего подобного в судьбах славян до нашей эры выяснить нельзя. В письменных источниках упоминается лишь, что поход Дария в Скифию в 513—512 годах до н. э. не остался без последствий для славян, ибо, как свидетельствует Геродот (IV, 105, 125), не только скифы, но и славяне-невры отступили на север. Не остался безрезультатным для них и поход бастарнов и скиров с нижней Вислы к устью Днепра, происходивший в IV или III веках до н. э.

Эти два события были единственными, которые, возможно, привели в движение значительные массы восточных славян или же какую-то их часть. Частичное распространение славян, серьезное влияние которого начиная с VI века уже видно повсюду, бесспорно, началось еще до нашей эры. Очевидно также, что это расселение происходило не без борьбы с древними насельниками занимаемых областей. Однако об этом нам ничего не известно.

Более конкретно и подробно история начинает упоминать о восточных славянах лишь с IV и последующих веков нашей эры. В этот период восточные славяне появляются в латинских и греческих источниках под именем *антов* (Antes, Anti, Antae, Ἄντες, Ἄνται); возникновение, история и значение этого термина и по сегодняшний день являются нерешенной проблемой для славяноведения.

О том, что славяне-анты были здесь уже в IV веке, свидетельствует упоминание об области Anthaib (т. е. область антов) в лангобардской традиции [1], а также рассказ Иордана о том, как в 376 году готский король Винитар напал на антов и после длительного сражения убил их царя Божа, его сыновей и 70 старейшин [2]. В VI веке об антах имеется уже больше

[1] Pavel Diacon, I, 13 (Anthab); Origo gentis Lang., 23 (Anthaib).
[2] Iord., Get., 246.

сообщений, и они значительно подробнее. Иордан называет антов второй по величине и самой храброй ветвью венедов (наряду с собственно славянами) и локализует их поселения между Днестром и Днепром [1]. В то же время Прокопий помещает их на восток от Днепра, далеко за Азовским морем, отмечая при этом, что они представляют собой ряд многочисленных племен [2].

Однако, поскольку анты постоянно совершали набеги через низовья Дуная, центр их, вероятно, находился на западе, где-то у Днестра (см. далее, стр. 141). Оттуда, беспокоя империю, они выходили к Дунаю и далее на Балканы, а затем снова возвращались обратно. Императоры Юстиниан и Юстин в ознаменование своих побед над антами присоединили к своему титулу почетное имя Anticus (антский).

Когда в южной Руси появились авары, они, естественно, напали на антов, которые не смогли оказать им достаточного сопротивления и должны были страдать от аварских набегов на их землю. Это привело к большой вражде между обоими племенами, и, после того как авары ушли в Венгрию, мы видим, что анты снова объединяются против них с римлянами. Так продолжалось до 602 года, когда аварский хакан, желая отомстить и уничтожить их, направил в Бессарабию специальную военную экспедицию во главе с Апсихом [3]. Нигде нет упоминаний, каковы были результаты этой экспедиции, но с того времени анты сразу же и навсегда исчезают из византийской истории. Что с ними произошло, мы не знаем и в данном случае вынуждены довольствоваться лишь гипотезами, которых было высказано несколько. Одни верили в то, что анты действительно были уничтожены аварами, другие предполагали, что анты ушли на Балканы (Стоян Новакович усматривал в них предков славян — болгар), третьи полагали, что анты отступили вглубь России, до территории, занятой впоследствии вятичами[4].

О том, что анты были уничтожены войском Апсиха, не может быть и речи. Анты, в соответствии со всеми древними сообщениями, были слишком многочисленны и сильны, чтобы можно было допустить их полное уничтожение, о котором греческие источники обязательно бы упомянули. Нет никаких известий после 602 года о каком-либо перемещении антов на Балканы.

Таким образом, не остается ничего другого, как предположить, что анты хотя и потерпели поражение и были разгромлены, все же остались на прежних местах, а отсутствие упоминания о них в греческих источниках объясняется, с одной стороны, тем, что с начала VII века Дунай перестал быть границей Римской империи и отношения за Дунаем перестали их интересовать, и, с другой — тем, что аварское нашествие и последовавшие вслед за ним набеги хазаров (см. выше, стр. 133) оказали заметное влияние на древнюю державу антов. Народ антов, или, точнее говоря, объединение антских племен, складывался из ряда южнорусских родственных между собой племен, которые были объединены под властью одного антского племени или одной антской династии, которую в 376 году представлял Бож и его сыновья. Поэтому анты не представляли собой какой-то отдельный славянский народ — малорусский или украинский,— как это трактуется некоторыми новыми теориями, ибо украинского народа в IV—IX веках здесь еще не было. Было лишь несколько южных племен, по наречию мало отличавшихся от племен северных и образовавших времен-

[1] Iord., Get., 34, 35, см. цитату, приведенную выше, на стр. 49.

[2] Procop., IV, 4: «καὶ αὐτῶν (Οὐτουργούρων) καθύπερθεν ἐς βορρᾶν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἵδρυνται».

[3] Theafylaktos Simokattes, VIII, 5; Theoph., под 602 годом.

[4] При этом А. Гильфердинг, Д. Иловайский, И. Первольф и Ф. Вестберг самое название *ант* связывают с русским *вятич*.

ный политический союз, конец которому, как я полагаю, положили авары и хазары. Этот союз перестал быть единым целым и распался на отдельные племена, из которых часть была порабощена аварами, а другая — хазарами [1], в результате чего анты для греков перестали существовать вплоть до того времени, пока их снова не объединили киевские русы. Таким образом, я не разделяю ни точку зрения А. Погодина или А. Шахматова, отождествляющих антское царство со всей Русью, ни точку зрения М. Грушевского, отождествляющего его с Киевской Русью, а рассматриваю его как существовавшее на юге политическое объединение, предшествовавшее Киевской Руси.

Мы даже не знаем его границ. Но одно мне кажется бесспорным, а именно что племя, создавшее общность антов и установившее господство над ними, обитало, как показывают известия, относящиеся к IV и VI векам, на западе, между Днестром и Днепром, где находился центр антов, то есть на Волыни и Киевщине. А так как Масуди, сохраняя старую славянскую традицию, сообщает, что волыняне когда-то имели первенство среди славян[2], то тем самым также подтверждается и все сказанное выше. Основной удар аваров был направлен также и против дулебов (см. далее, стр. 143).

Ранее я думал, что наименование vantît, vnntît, следы которого по арабским и хазарским источникам X века [3] еще сохранились на востоке России, является реминисценцией наименования антов. Теперь же я считаю, что это отголосок наименования русских вятичей [4].

Нашествие готов, аваров и хазаров

История восточных славян до прихода скандинавских русов не исчерпывается, однако, всем вышеизложенным о возникновении, развитии и гибели державы антов. К этому же периоду относятся, как уже указывалось выше, еще два больших завоевания, заслуживающие специального упоминания: готское с германской стороны и аваро-хазарское с юго-востока.

Сильный германский народ готы (называвшие себя Gut), согласно традиции, пришли из Скандинавии и высадились на противоположном побережье — в восточной Германии. Когда это произошло, точно не известно. По сообщению Пифия, которое цитирует Плиний (Nat. hist., 37, 35), готы находились на новых местах уже в IV веке, однако скандинавские археологи отодвигают дату их переселения до III—II веков до н. э. [5] Переселившись, они первоначально обосновались к западу от устья Вислы, но уже в I и II веках н. э. готы, несомненно, переместились далее на среднюю Вислу (P t o l e m., III, 5, 8; T a c., Germ., 44). Продвижение их продолжалось и позднее и закончилось тем, что вся масса готов двинулась в юго-восточном направлении.

Весьма вероятно, что не в малой степени это было результатом давления славян, и начало отхода готов можно поставить в связь с началом маркоманнских войн в 165 году, когда ряд германских племен пришел в движение под «давлением северных варваров» [6].

Однако на новые места поселения пришли не все готы. Где-то на Днестре отделились везиготы, отправившиеся в поход на Дунай (в 214 году они сразились в Дакии с войсками Каракаллы, а в 238 году впервые совершили набег на Балканы), в то время когда вторая часть — остроготы —

[1] „Повесть временных лет", под 852, 859, 884 годами.

[2] А. Я. Г а р к а в и, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870, 135.

[3] У Гардизи, Ибн-Русте и анонимного Персидского географа, которые заимствовали это сообщение из книги Ахмеда Аль-Джайхани.

[4] Древняя форма наименования *вятич* была *вентич* от *вент* (vęt).

[5] A l m g r e n, Mannus, VIII, 290; K o s t r z e w s k i, Ostgerm. Kultur, 230.

[6] Iul. C a p., Vita Marci, 22, см. выше, стр. 101—102.

продолжала продвигаться к востоку и, перейдя через широкую реку, вступила в плодородную, богатую реками и озерами страну, называвшуюся *Oium*. Здесь они осели и отсюда распространились дальше вплоть до побережья Черного моря и до Дона; где-то здесь и происходило сражение готов со спалами, племенем, вероятнее всего, тюрко-татарского происхождения [1]. Все эти события относятся к началу III века.

Где находилась страна *Oium*, что вообще означает это частично искаженное наименование, мы не знаем, и вообще локализация новых мест расселения готов является предметом многих споров. Я думаю, что страну *Oium* следует поместить на Днепре, скорее всего на его левом берегу. Не исключено, что готский город, который сага о Герварде называет Данпарстадиром, являлся центром готов на Днепре и находился где-то в Киевской области [2]. На новой территории готы быстро усилились, и вскоре их государство вобрало в себя не только все окрестные славянские племена, но, несомненно, если даже отбросить явно преувеличенные сообщения Иордана о завоеваниях короля Германариха, и отдельные финские и литовские племена [3].

Однако время Германариха — время наибольшей мощи государства готов — предшествовало вместе с тем и полному их упадку, который наступил в результате нашествия гуннов в 375 году. Власть готов сменилась господством гуннов, но не все готы ушли на Балканы. Часть их совместно с остатками герулов осталась в ряде мест Черноморского побережья, в частности в Крыму и на берегах Азовского моря, где в византийский период они известны под именем гото-греков, даготенов, эвдусиан, тетракситов и росомонов. Остатки их жили в Крыму еще в XVI веке [4].

Период господства готов над славянами характеризуется сильным культурным влиянием готов, распространившимся не только на восточных, но и на остальных славян. В славянском языке имеется ряд древних слов, относящихся к домашнему хозяйству, одежде, жилищу, скотоводству, а главное — к военному делу, заимствованных из древнеготского языка. Так, например, готское происхождение имеют такие общеславянские выражения и понятия, как *мечъ*, *шлемъ*, *хораги*, *брады*, *плъкъ*, *кънязь*. Если даже славяне не всегда перенимали у готов вместе со словом и самую вещь и если даже допустить, что ряд вещей уже до этого им был известен и они лишь переняли их новое наименование, то уже и это является свидетельством непосредственного и сильного влияния готов. Археология также дает доказательства того, что готы сумели через ремесленные мастерские на Черноморском побережье, в которых господствовали греческая и восточная техника и мотивы орнаментации, оказать влияние на выработку собственного стиля, проникавшего в славянские области, в частности на Киевщину. Лучше всего это видно из раскопок готских могил VI и VII веков в Крыму, в окрестностях Гурзуфа [5].

Поэтому вопрос о влиянии готской культуры на славян заслуживает серьезного внимания; не следует, разумеется, забывать, что оно не ограни-

[1] Об этом походе сохранилась традиция у Иордана (Get., 27—28). Ряд других традиций о новых местах поселения и сражениях готов с гуннами мы находим в древней саге о Герварде, сохранившейся с XIII века.

[2] О Данпарстадире и других именах из саги о Герварде имеется значительная литература. См. Грушевский, Киевская Русь, I, 462.

[3] Iord., Get., 116—120.

[4] См. работы: Ф. Браун, Черноморские готы (Зап. имп. Акад. наук, Петроград, 1874); Ф. Браун, Die letzten Schicksale der Krimgoten (Petrohrad, 1890); W. Tomaschek, Die Goten in Taurien (Wien, 1881); R. Loewe, Die Reste d. Germanen am Schwarzen Meere (Halle, 1896).

[5] Н. И. Репников, Некоторые могильники области крымских готов, Изв. археолог. ком., XIX, СПБ, 1906, стр. 1—80.

чивалось лишь периодом III и IV веков, когда готы господствовали в Поднепровье, но, очевидно, сказывалось и в более древний период, когда готы находились еще на Висле. Даже в более позднее время готская культура оказывала свое влияние на жителей Балтийского побережья — литовцев и финнов, а через них и на славян. Свидетельством тому является, между прочим, и наименование Gud, Gudai, которое литовцы и латыши перенесли на белорусов.

Господство *гуннов* над славянами длилось недолго, и о нем вообще нет известий. Зато более сильными были гнет и влияние *аваров*. Мы знаем, что авары часто нападали на антов и около 550 года одержали над ними победу, а в 602 году аварский хакан с целью уничтожения антов даже направил против них большую военную экспедицию. О судьбе ее нет достоверных известий, но несомненно, что антский союз в результате этого похода распался и наступил период жестокого и тяжелого аварского господства. В старой русской традиции этот гнет спустя уже несколько столетий вспоминается следующими словами, которые киевский летописец начертал в начале своей хроники: «Си же обри воеваху на словенех и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебьским»[1]. Из этого известия видно также, что авары направили свой удар главным образом против Волыни (против дулебов), где до этого находился центр антской федерации. Там авары, повидимому, оставались в течение длительного времени, установив свое господство как над русскими славянами, так, очевидно, и над славянами польскими.

В общем же аварское господство не было длительным, и конец его, по крайней мере на востоке, я отнес бы к тому времени, когда аварам одновременно с разных сторон были нанесены сокрушительные удары, подорвавшие их мощь. Они были нанесены чехами и словинцами, выступившими в 623 году под предводительством Само; сокрушительные поражения авары потерпели в 626 году у Царьграда, затем от восставших вскоре сербов и хорватов и, наконец, в 635—641 годах от вождя болгарского племенного союза Курбата. Доказательств того, что аварское господство удержалось в южной России в течение всего VII и VIII века, нет, и против этого свидетельствует и сама летописная традиция, указывающая в упоминании об аварском гнете также на полную гибель аваров, которых якобы постигла божья кара.

Падению аварского господства содействовало, повидимому, и восстание славян против аваров, а кроме того, очевидно, большое влияние оказало и государство хазаров. О причастности хазаров к ликвидации аварского господства можно судить по тому, что хазары беспокоили южную Русь уже во времена правления Кубрата и вообще явились причиной отступления к самому Дунаю сына его Аспаруха между 667 и 679 годами [2].

Со всем этим связано и покорение аваров, и подчинение хазарами ряда славянских племен, имевшее место до IX века, когда русские князья стали уже постепенно освобождаться от хазарской зависимости. Это касалось племен вятичей, радимичей, северян и полян [3]. Хазарское господство по сравнению с аварским было менее обременительным, в частности хазары не препятствовали продвижению славян на восток. Согласно Масуди, войско и слуги хазарского царя были славянскими и русскими [4]. В этот аварский и хазарский периоды, мне кажется, и ска-

[1] ПВЛ, АН СССР, I, 14.

[2] Ср. выше, стр. 84.

[3] Лаврентьевская летопись под 859, 885 годами. Вятичи были освобождены лишь Святославом в 965—966 годах.

[4] А. Я. Гаркави, указ. соч., стр. 130.

залось в основном то влияние, которое оказывали тюрко-татары на славян. Но главным результатом аварского и хазарского завоеваний было крушение древнего антского союза. Вместо него на сцену снова выступает ряд отдельных славянских племен, подчиненных иноземному господству, платящих дань азиатским чужестранцам, но при этом спокойно обрабатывающих свои поля и ухаживающих за своими ульями и стадами скота. Теперь другим, на этот раз северным чужестранцам, было суждено снова создать единство славян, сохранившееся на долгие времена и ставшее основой всего дальнейшего развития славянской истории.

Глава XIX

РУСЫ[1]

Спустя двести лет после того, как авары и хазары уничтожили антский союз, на Днепровском пути стала складываться новая общность, которой суждено было объединить в единое государственное и национальное целое весь славянский восток и дать ему свое имя. Толчок к этому дали северные русы.

Сами события нам известны прежде всего из известий, которые приводит Киевский летописец в начале своей хроники и даты которых указаны в трех местах, под 6360 (852), 6367 (859) и 6370 (862) годами. Первым летописец упоминает поход Руси на Царьград, происходивший при императоре Михаиле, и добавляет, что с тех пор пошло название земля «Русьская»; затем летописец рассказывает о приходе варягов из заморья и о том, как они покорили финские (чудь, меря и весь) и северные славянские племена (словене, кривичи), и, наконец, летописец подробно излагает, как русь-варяги осели в славянских землях. Все это описывается в следующих словах:

«В лето 6360 (852) ... наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемь.

В лето 6367 (859) Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех, кривичехъ.

В лето 6370 (862) Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети, и на бе в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси «Земля наша велика и обилна а наряда в ней нет. Да поидете княжитъ и володети нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. И от техъ варягъ прозвася Руская земля... По двою же лету Синеусъ умре и брат его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, въ Полотьски кривичи, в Ростове меря, въ Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми и всеми обладаша Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своимъ. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градокъ?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко сь, и изгибоша, и мы седим *род ихъ платяче дань козаромъ*». Асколд же и Диръ остаста в граде семь, и многи

[1] Летописная „Русь" в источниках и научной литературе называется также *росью росами* и иногда *русами*. Нидерле чаще всего употребляет термин *„русы"*.— *Прим. ред*

варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею, Рюрику же княжащу в Новегороде»[1].

С этим следует также сравнить известие под 6390 (882) годом: «И седе Олег княжа в Киеве и рече Олег: «Се буди мати градом русьским». И беша у него варязи и словьни и прочи прозвашася Русью»[2].

В славянской историографии велось много споров, различных по своему научному уровню, относительно правильного толкования этих сообщений, о том, насколько верно в них излагаются исторические факты и насколько они являются делом фантазии, а также о дате прихода русо-варягов и, наконец, главным образом о том, представителями какого народа являлись эти новые элементы, создавшие государство. Подробно историю этих споров здесь изложить невозможно[3].

Особенно резко выступили друг против друга две партии, одна из которых — «норманнская» — видела в Руси родственное норманнам скандинавское племя германцев; вторая же — «славянская» — видела в них славян. При этом первоначально простой вопрос, по мере того как все глубже и глубже стали вникать в детали и привлекать на помощь новые источники, усложнился до такой степени, что превратился в настоящее время в ряд спорных проблем. Однако я все же попытаюсь дать обзор этих проблем, изложить

[1] ПВЛ, АН СССР, I, 18—19. „В год 6360 (852) ... когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом.

В год 6367 (859) Варяги из заморья взимали дань с чуди и со славян и с мери и со всех кривичей.

В год 6370 (862) Изгнали варяг за море и не дали им дани и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: „Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свеи (шведы), а иные норманы и англы, а еще иные готландцы — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полотске — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: „Чей это городок?" Тамошние же жители ответили: „Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде". ПВЛ, I, стр. 214—215.

[2] ПВЛ, АН СССР, I, 20, 216. „В год 6390 (882). И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет матерью городам русским". И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся Русью".

[3] Ограничимся лишь следующим кратким обзором. Первоначально простое толкование летописных известий приводило к теории о том, что варяги-росы пришли из Скандинавии и были германцами. Первыми поддержали эту теорию с научных позиций Г. Бауэр („Origines Russicae", Петербург, Ак. наук, 1736) и Г. Миллер („Origines gentis et nomines Russorum, Петербург, 1749). Эту точку зрения разделяли также ряд крупных немецких и славянских историков (Г. Мюллер, А. Шлецер, И. Тунманн, Н. Кёппен, Л. Георги, К. Цейсс, Н. Карамзин, М. Каченовский, П. Шафарик). Этот первый период в постановке данного вопроса завершил в 1844 году в пользу германского тезиса А. Куник, опубликовавший книгу „Die Berufung der schwedischen Rodsen" (Петербург, 1844). До этого времени серьезных противников этой теории не было. Мнение Эверса, высказывавшего мысль, что русы были хазарами, или Штриттера, Болтина, Георги, считавших их финнами, не получили признания, так же как не получила его и славянская теория Третьяковского, Ломоносова, Венелина и Морошкина. Поворот произошел лишь во второй половине XIX века, когда Д. Иловайский, опубликовав статью „О мнимом призвании варя-

суть дела, осветить главные вопросы и сделать выводы, основанные на современном состоянии наших знаний.

Проблема эта распадается, во-первых, на вопрос о достоверности летописных известий (главным образом в отношении периода, когда Русь появилась на Ладоге и озере Ильмень и когда они были призваны тамошними славянами) и, во-вторых, на вопрос о происхождении Руси. По обоим этим вопросам исследования не закончены, а тем более споры. Даже в последних своих работах русские историки иногда выступают по этому вопросу с совершенно различными точками зрения.

Что касается первого вопроса, то в настоящее время не может быть сомнений, что даты, указываемые в летописи, не всегда являются достоверными и правильными, и меньше всего они верны в определении периода, когда русы появились в нынешней России. Антинорманисты, направившие свой огонь против указанных в летописи дат — 859 и 862 годов, достигли в этом направлении больших успехов. Не только 859 год не является датой первого похода русов в Черное море, так как ему предшествовал ряд других [1], но и вторая дата — 862 год — также не являлась началом поселения русов у Ладожского и Ильменьского озер, поскольку они обитали там задолго до этого. О том, что русы совершали свои походы еще до 860 года, видно из «Бесед» патриарха Фотия[2], из факта нападения на Амастриду в 842 году, а также из того, что в 839 году в составе посольства императора Феофила, направленного к Людовику Благочестивому, находилось несколько росов, посланных русским «хаканом». Наименование «хакан» (каган) свидетельствует, что это были росы, находившиеся в сфере болгарского или скорее хазарского влияния. Наконец, имеются еще более древние упоминания о нападении русов на Царьград и о том, что они появились в южной Руси, однако эти упоминания не являются в достаточной степени достоверными, и поэтому на них нельзя ссылаться [3]. Однако некоторые арабские источники все же свидетельствуют, что уже в первой половине IX века, а частично уже и в VIII веке русы были известны на востоке как народ, обитавший на севере, вблизи Ильменьского и Ладожского озер, и у исто-

гов" (Русский Вестник, 1871—1872), выступил в защиту славянской принадлежности русов. На эту статью ответили Н. Квашнин-Самарин и М. Погодин, защищавшие тезис о норманнском происхождении русов, в то время как энергично защищавшемуся Иловайскому (см. сборник его статей „Разыскания о начале Руси", Москва, 1876) на помощь пришел С. Гедеонов с большой работой „Варяги и Русь" (Петербург, 1876). Бои развернулись по всему фронту. В этом споре приняла участие вся современная славянская историография и лингвистика; на сторону противников „норманнской" теории стал ряд выдающихся исследователей-славяноведов и литературоведов, как, например, И. Забелин, И. Первольф, Н. Павлов, А. Котляревский, А. Потебня, Д. Хвольсон, а из историков более позднего времени — И. Филевич, М. Грушевский и Д. Багалей и др., теории которых хотя и разнятся в деталях, но в целом отвергают германское происхождение русов и находят все новые и новые доказательства в пользу славянского происхождения русов. Однако их противники также не дремали и горячо защищали свою точку зрения, одновременно ее углубляя. При этом от старой „норманнской" теории отделилась новая „готская" теория, которая провозгласила русов потомками древних готов и герулов южной России (ср. выше, стр. 141).

Сторонниками этой теории были главным образом А. Будинович и В. Васильевский. Новая литература приводится далее в тексте. Общий обзор развития всей проблемы мною будет дан в специальном приложении к IV части моих „Славянских древностей".

[1] Разумеется, что большое количество походов последовало и после этой даты. Наиболее известные набеги на Царьград были предприняты Олегом в 907 году и Игорем в 941 году; прекратились они в 1043 году. Набеги совершались также в Малую Азию, на хазарский каганат, Болгарию и даже на персидский Табаристан.

[2] „Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия", перев. Е. Ловягина, „Христианские чтения", ч. 2, 1882, стр. 430—436.— *Прим. ред.*

[3] К ним, например, относится сообщение Феофана о том, что лодки русов вместе с греческой флотилией в 773 году принимали участие в войне с болгарами (изд. Boor, I, 691) и что русы вместе с другими народами совершили в 626 году набег на Царьград (Sathas, Synopsis, 108), а также известия о племени *Rös*, *Hrös* в сирийской хро-

ков Днепра и Волги. О них упоминают как об известных купцах, которые еще до 846 года выступали посредниками в торговле Византии с Востоком, не только Ибн-Хордадбе, но и ряд других авторов: Аль-Истархи, Ибн-Хаукаль, Аль-Балхи, Масуди, Ибн-Русте, Гардизи и анонимный Персидский географ, заимствовавшие свои сведения из какого-то другого, более древнего источника первой половины IX века. [Муслим Аль-Джерми (?).] Все они говорят о русах как об известном племени, а некоторые из них, например Ибн-Русте, Гардизи, Масуди, Мукаддеси, а позднее и Ауфи, упоминают, что обитали русы на севере на большом острове, окруженном болотами, что указывает на их первоначальные места обитания между озерами Ильмень и Ладожским. Здесь мы и должны в действительности поместить первый центр русов, пришедших из Скандинавии, вероятнее всего, еще до начала IX века. Это были *Garðar*, *Garðarîkî* или также *Austr*, *Austrriki* скандинавских саг и рунических надписей, и здесь на Ладоге были их первые города *Aldagen*, *Aldeigjuborg* (Старая Ладога) и *Holmgard*, *Ostragard* (Новгород); отсюда распространилось господство русов сначала, видимо, на восток, на Белоозеро и преимущественно на Волгу, а позднее вверх по Волхову и Ловати на Днепр [1]. Это подтверждается также данными лингвистики и археологии. Здесь повсюду мы находим много следов топографической номенклатуры русов, а еще больше следов их культуры встречается в открытых могильниках. При этом продвижении русов наряду со старыми образовались новые центры, как на востоке — в Белоозере, Ростове, Муроме, Суздале, так и на юге — близ Смоленска (ср. Гнездовские курганы), в Любечи, Чернигове, Вышгороде, Киеве, а также и Изборске, Турове и Полоцке на Западной Двине. Однако основное ядро русов длительное время оставалось на севере, между Ладогой, озером Ильмень и Валдайской возвышенностью, но в результате растущей децентрализации оно ослабевало и постепенно распалось, пока, наконец, в 882 году не образовалась взявшая верх военная группировка, которая во главе с двумя боярами Олега обосновалась в Киеве и тем самым положила начало образованию единого русского государства, которое постепенно создало не только политическое, но и национальное единство всех восточных славян. Так, Киев, известный тогда под загадочным именем *Самбатас* (Const. Porph., De adm. imp., 9), действительно стал, как говорится в летописи, «матерью всех городов русских».

Таким образом, поселения русов первоначально представляли собой сеть гарнизонов, размещенных в важнейших пунктах вдоль двух основных торговых путей: Волжского и Днепровского (см. выше, стр. 128). Русы были объединены в хорошо вооруженные и с военной точки зрения хорошо обученные дружины, которые благодаря взаимной поддержке смогли подчинить население даже далеко отстоящих районов. Только так и можно представить себе, как удалось овладеть им такой большой страной, подчинить себе столько славянских племен и сплотить их в единое целое.

Итак, теперь не может быть сомнений, что русы пришли на Русь не в 862 или 859 году, а раньше, и, следовательно, сообщение летописца в этой

нике 555 года Захария Ритора (изд.[a] Ahrens и Krüger, 258) и о племени *Rosomonorum gens* у Иордана (Get., 129) и т. д. Ср. также: Марквардт, Streifzüge, 353, sl., 363. Еще меньше доверия заслуживают теории, утверждающие древнее существование русов путем идентификации их с готами, оставшимися в южной Руси после поражения, нанесенного им в 375 году гуннами (см. выше, стр. 142). Главными приверженцами готской теории происхождения русов были А. Будилович, В. Васильевский и также И. Марквардт (труды VIII арх. съезда, IV, 118, Русско-виз. исследования, II, Streifzüge, 358). Однако доказательства в пользу этой теории являются архислабыми и наименее удачно объяснение Васильевского, что древние тавро-скифы являются предками русов.

[1] Находки показывают, что торговый путь по Волге является более древним, чем Днепровский (T. Arne, Suède et Orient Upssala, 1914, 14).

части ошибочно. Не является правдоподобным и рассказ летописца о том, каким образом русы были призваны на Русь. Новые комментаторы летописи [1] полагают, что в действительности рассказ летописца о призвании варягов является лишь литературной легендой, отчасти основанной на действительной новгородской традиции, отчасти дополненной позднейшими домыслами, появившимися в Киеве. Следовательно, в этом вопросе полное и безоговорочное использование летописных известий невозможно.

По-иному, однако, ставится второй вопрос: какова была этническая принадлежность варяго-русов? Летописец явно отличает их от славян и связывает их с заморскими племенами Скандинавии, с норманнами и шведами [2], то есть с германскими племенами. Именно скандинавские германцы и были теми, кто пришли к славянам, покорили их и, объединив, создали таким образом русский народ и русское государство.

Это несложное объяснение и домысел летописца подкрепляются рядом других свидетельств, с летописью не связанных. Хотя византийские литературные источники очень мало дают для выяснения этого вопроса, обычно называя русов народом скифским, то есть пришедшим из Скифии, но все же они дважды упоминают русов как народ франкского [3] происхождения. Чаще и определеннее говорят о них латинские источники. Наиболее важное сообщение о русах содержится прежде всего в Бертинских анналах, согласно которым сами русы считали себя шведским родом [4], с чем полностью соглашается венецианский летописец Иоанн Диакон и кремонский епископ Лиутпрандт, которые считали русов норманнами. «Rusios quos nos alio nomine Nordmannos appellamus» [5],— пишет Лиутпрандт. А когда епископу Титмару Мерзебургскому в 1018 году говорили, что в киевской земле много быстроногих датчан, то под ними также подразумевались скандинавские русы [6]. Основные восточные источники, по крайней мере Ибн-Фадлан, Ибрагим Ибн-Якуб, Ибн-Русте, Гардизи, анонимный Персидский географ, Масуди, Аль-Бекри и др. [7], отличают славян от русов, и если вопреки им Аль-Истахри, Ибн-Хаукаль и Ибн-Хордадбе отождествляют их со славянами [8], то это частная ошибка, которая объясняется тем, что в тот период (с X века) этнографическое понятие *Русь* начало заменяться понятием географическим и политическим, подразумевавшим также и область, заселенную славянскими племенами, но покоренную русами из Киева. Даже сам Константин Багрянородный, в других случаях последовательно и четко различающий славян и русов, использовал как-то термин *Русь*, именуя им славян Киевского государства (De adm. imp., 2).

Как легко заметить, обычное для XI и XII веков историческое понятие Русь, являющееся общим для всех восточных славян, у киевского летописца появляется уже в X веке.

Однако доказательства северного германского происхождения собственно русов не исчерпываются приведенными выше историческими данными. Имеются также бесспорные лингвистические доказательства. Во-первых, ясно, что имена русских князей, бояр и вообще состава русской

[1] Среди них особенно выделяется исследование А. А. Шахматова „Сказание о призвании варягов", Петербург, 1904.

[2] См. выше, стр. 145—146, а также перечисление народов в самом начале летописи.

[3] Theoph., Cont., De Rom. Lacapeno (ed. Bonn), 423; Symeon mag., ed. Bonn, 707.

[4] Ann. Bert., 839. Comperit eos gentis esse Sueonum.

[5] Ioannes Diacon, Chron. Venetum ad. a 860 (см. Andr. Dandolo, Chron. Ven. VIII, 4); Liudprand, Antapodosis, I, 11, V, 15.

[6] Thietmar, VIII, 16 (IX, 32).

[7] См. Гаркави, указ. соч., стр. 110, 125, 129 и сл., 267; Ибрагим (изд. Вестберга), 56; Гардизи (ed. Bartold), 123; Вестберг, ЖМНП, 1908, II, 375.

[8] Цитируется по Гаркави, стр. 49, 193, 197, 220, 276.

дружины, которые в большом числе приводятся в самой летописи [1], являются именами германскими. Томсен прямо ищет их родину в Упланде, Зюдерманланде и Остерготланде [2]. Во-вторых, император Константин Багрянородный оставил нам описание пути русских дружин через днепровские пороги (между Екатеринославом (Днепропетровском) и Александровском (Запорожьем) (De adm. imp., 9), в котором дает русские и славянские названия семи порогов, причем, если отбросить некоторые незначительные ошибки и произведенные замены, бесспорно станет очевидным, что язык русов был не славянским, а германским, скандинавским. Хотя названия некоторых порогов Константин записал неточно, вследствие чего объяснение этих названий создает постоянные трудности [3], тем не менее в общем их славянское или скандинавское происхождение все же несомненно. На основании того, что мы знаем о них, нельзя не считать, что русы были германского происхождения и пришли из Скандинавии. Славянская форма их наименования *Русь*, повидимому, связана с финской формой *Ruotsi*, так же как с финским *суоми* (*Suomi*) связано славянское *сумь*. В общем же возникновение самого наименования объяснения еще не получило [4]. Славянское наименование *варяг*, которое в летописи тесно связано с названием *Русь*, произошло от скандинавского *vaering*, *varing* и первоначально означало вообще скандинавов, которые в качестве наемных солдат поступали на службу к славянским князьям и византийским императорам.

В общем я уверен, что историки и лингвисты, ставшие в ряды антинорманистов, и особенно те, кто выступал в защиту славянского происхождения русов, неправы. Антинорманисты оказали помощь в разрешении этого вопроса лишь тем, что помогли опровергнуть легенду о добровольном призвании варяго-русов, а также указанную в летописи дату их прихода на Русь. Теперь несомненно, что русы оседали на главных торговых путях задолго до 860 года, что они сначала создавали отдельные торговые фактории, а затем центры военные и политические, что они создали первые торговые русские города, которые стали административной основой позднейшего Русского государства. При этом, постепенно славянизируясь, русская дружина образовала среди славян высший военно-торговый слой первого русского дворянства.

Так, при помощи варяго-русов возникли первые русские города с пер-

[1] Главным образом в тексте договора Олега с императором Львом 912 года и договора Олега с Романом в 945 году; с этим согласуются и имена, приводимые в шведских рунических записях, относящихся к пребыванию на Руси.

[2] Thomsen, Ursprung, 78, 84.

[3] У первого порога русское и славянское названия „Ἐσσουπῆ“ (Эссупи) (повидимому, „Νεσσουπῆ“, славянское *„не спи“*, по-гречески „μὴ κοιμᾶσαι“). Второй порог назывался по-русски „Οὐλβορσί“ (Улворси), по-славянски „Ὀστροβουνίπραχ“ (Островунипраг), что означает „Остров порога“ — τὸ νῆσιον τοῦ φραγμοῦ.

Третий порог по-славянски назывался якобы „Γελανδρί“ (Геландри), что является ошибкой, так как это слово скандинавское. Четвертый порог назывался по-русски „Ἀειφὸρ“ (Аифор), по-славянски „Νεασήτ“ (Неясыть), что, видимо, тождественно его нынешнему названию „Ненасытец“. Пятый порог назывался по-русски „Βαρουφόρος“ (Баруфорос), по-славянски „Βουλνηπράχ“ (Вулинипраг), что соответствует современному его названию „Вольный“. Шестой порог назывался по-русски „Λέαντι“ (Леанти), по-славянски „Βερούτζη“ (Веруци), что является правильной транскрипцией славянского названия „вручий“ — βρᾶσμα νεροῦ. Седьмой порог назывался по-русски Στρούβουν (Струкун), по-славянски — Ναπρεζή (Напрези). Объяснить это слово не удалось.

(Приводимые в круглых скобках названия порогов даются по русскому переводу соч. Константина Багрянородного „Об управлении государством“, Известия ГАИМК, вып. 91, М. — Л., 1934, стр. 8—9. — *Прим. ред.*)

О попытках толкования этих названий см. следующие работы: Thomsen, Ursprung, 55—72; Pipping, Stud. nord. Fil., II, 5; Torbiörnsson (ib., II, 6, Helsingfors, 1910); Muka, Cas. mat. serb., 1916, 84.

[4] Некоторые попытки делались уже Томсеном. См. „Ursprung“, 93, 99.

выми князьями в них: в Новгороде (Рюрик), в Белоозере (Синеус), Изборске (Трувор), Киеве (Аскольд), Полоцке (Рогвольд), Турове (Тур), а затем путем объединения их в новое политическое целое — Великое Киевское княжество, основой успеха которого, повидимому, было более выгодное по сравнению с другими городами расположение Киева на Днепровском пути. Кто владел Киевом — владел всем Поднепровьем, покорение и объединение населения Поднепровья должно было последовать само собой. Только таким образом мы и можем объяснить, почему наименование *русы*, которое первоначально принадлежало только варягам, сидели ли они в Новгороде, Белоозере, Полоцке или в Киеве, именно из Киева распространилось как общее наименование для всего восточного славянства и почему именно Киев стал матерью городов русских. «Вся русская земля» в старых легендах о св. Владимире означает в действительности всю славянскую Русь.

Несмотря на большое значение русов в развитии восточной славянской державы, с этнической точки зрения их влияние было ничтожно. Их было слишком мало, и поэтому они вскоре растворились в море славян. Род великих русских князей уже в третьем поколении отказался от языка и традиций отцов своих. Правнук Рюрика получил уже имя — Святослав.

Глава XX

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ, ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ В X ВЕКЕ

О начале распространения восточных славян известий нет, но мы вполне обоснованно можем предполагать, что оно началось еще в древние времена, с течением времени усилилось, распространяясь по всем направлениям от их днепровской прародины, за исключением польской границы. Несомненно, что еще до нашей эры, в период, предшествовавший разделению славян на три отдельные ветви, часть восточных славян продвигалась вверх по Днепру и Десне — к Донцу и Дону. Об этом свидетельствует картина, которую нам рисует Прокопий в VI веке, говоря о бесчисленных племенах антов у Азовского моря (B. G., IV, 4), а также упоминание Иордана о многочисленном народе венетов, обитавшем в Средней Руси в IV веке в готский период (Get., 119). Все это указывает на продвижение и распространение восточных славян еще в древний период. Если прав А. Соболевский, что славяне переняли финское название озера Селигер и речки Селижаровки еще в период существования общеславянского языка, то это значит, что и к Валдаю они проникли еще до нашей эры [1]. Совершенно неправ А. Я. Самоквасов, полагавший, что русские славяне вышли со своей дакской прародины лишь в римский период, и считавший на основании находок римских монет, что славяне пришли к озеру Ильмень, в верховья Днепра, в земли вятичей, северян и даже полян лишь в VIII—IX веках [2].

Причины распространения славян, несомненно, были различны, и вследствие этого и продвижение их осуществлялось по-разному. Иногда теснимые врагами, например готами или аварами, они перемещались внезапно; иногда же — постепенно, высылая впереди себя авангард с целью захвата добычи, а также в торговых целях, позднее же, когда князья требовали уплаты дани, то и в целях фискальных. Еще задолго до этого периода они проникли далеко вглубь северной, средней и юго-восточной Руси. Только в отношении севера и северо-востока у нас нет никаких древних известий, за исключением сообщения о приходе радимичей на Сож и вятичей на Оку, что можно было бы уже связать с готским или скорее аварским нашествием. О том, что на Оке еще до X века образовался сильный центр в Рязани, я сужу на основании известий современных арабских источников о славянском городе Arsa, Arsania, в котором я теперь усматриваю *Рязань* [3]. О продвижении восточных славян на юго-восток имеются известия еще до IX века. К ним относится упоминавшееся выше сообщение Прокопия о многочисленных племенах антов, обитавших в VI веке на севере от Азовского моря. Если уже Ибн-Хордадбе в середине IX века, а вслед за ним и другие называют Волгу и Дон «славянскими» реками, а анонимный источник X века называет Азовское море «Славянским морем»,

[1] Труды Твер. обл. арх. с., Тверь, 1904. (В „Manuel de l'antiquité Slave, I, 200, сделана ссылка: лингвистические и археологические наблюдения, Варшава, 1910, 5.)

[2] Д. Я. Самоквасов, Северянская земля и северяне по городищам и могилам, М. 1908, стр. 63 и сл.

[3] См. „Slov. star.“, IV, 145, 192.

если Масуди упоминает, что берега Дона издавна заселены многочисленными славянскими народами, а одновременно с ним Ибн-Фадлан в 922 году указывает, что они обитают не только там, но и за Доном[1], — то все это свидетельствует о том, что славянская колонизация в направлении к Дону и нижней Волге началась, несомненно, издавна. И она не ограничилась лишь северным побережьем Азовского моря. Уже в X веке (под 988 г.) летопись упоминает сильную славянскую колонию Тмуторокань в устье Кубани, возглавлявшуюся русским князем[2]. Имеются также известия, возможно менее достоверные, о древних славянских колониях на Кавказе и в Закавказье[3].

С этим продвижением на юго-восток было связано и продвижение на юг к Черному морю, между Дунаем и Днепром. Что это движение началось издавна, что славянские купцы ездили на торжища греческих эмпорий, мы можем судить по тому, что славянское слово *корабь*, *корабль* было перенято с греческого „καράβιον“ еще до перехода — уже в нашу эру — β з v[4]. В противном случае массовое продвижение могло бы начаться лишь после ухода скифов и сарматов. Уже Пейтингерова карта показывает поблизости от Дуная венедов, а в VI веке Иордан все побережье между Днестром и Днепром заселяет славянами — антами. Однако потом для них наступили тяжелые времена (см. выше, стр. 134), и чем дальше, тем больше усиливается натиск новых кочевников. В летописный период упоминаются также тиверцы на Дунае, но потом и они исчезли или отступили в горы и на побережье Черного моря.

Это общее развитие восточного славянства не осталось, разумеется, без последствий и для их внутреннего развития. Древнее единство, которое само по себе имело тенденцию к дифференциации, с течением времени все больше ослабевало, так как прекращалась тесная внутренняя связь между отдельными частями восточного славянства. Возникавшие центры находились на большом расстоянии друг от друга, были отделены незаселенными территориями, и лишь в незначительной степени их связывали водные пути. В результате порождались диалектные, а в значительной степени и культурные различия. Так, например, колонии на Волге и Дону, находившиеся под господством хазаров, оказались в совершенно другой культурной сфере, чем колонии на озере Ильмень, которые подверглись скандинавскому влиянию, или земля полянская, находившаяся под влиянием греческой культуры.

Образовались также и новые политико-экономические союзы. Хотя известия, относящиеся к VI веку (Procop., III, 14; Mauric., Strat., XI, 5), свидетельствуют, что прикарпатские славяне жили еще старым родовым строем и у них было большое количество родовых начальников, но вместе с тем можно отметить и первые сообщения о своеобразных крупных объединениях, каким, например, был в IV—VI веках антский союз племен (см. стр. 139). Известия арабских источников X века, заимствовавшие свои сведения из общего источника IX века и относящиеся, следовательно, к IX веку и периоду, ему предшествовавшему, упоминают славянские «империи» (šahr) Восточной Европы: *Славию* — объединение славян на Ильмене, *Арса* — объединение славян на Оке и *Куяба* (у Персидского

[1] Ибн-Хордадбе в „Сказаниях“ Гаркави, 49, 55; (Хордадбе), 76, 140; (Масуди), 251, 254 (аноним.). См. также Вестберг, «К анализу», ЖМНП, 1908, I, 370, II, 20.

[2] Лаврентьевская летопись, 118, 143—144, 159—160. Затем Н. П. Барсов, указ. соч., стр. 50. Тмуторокань — это Таматарха византийских и восточных источников.

[3] Гаркави, указ. соч., 37, 38, 41; Вестберг, Bull de l'Ac. imp. des sc., Санкт-Петербург, XI, 278, 279.

[4] Вопрос о заимствованиях с древнегреческого изучал главным образом М. Фасмер, выводам которого дал критическую оценку С. Романский в „Revue des Études slaves“, II, 1922, 47—55.

географа — *Куяве*) — объединение киевских славян по соседству с государством хорватов в Галиции, называемым *Джерваб*, *Джрават*, *Хордаб*, *Хрвâб*, *Хравâт* [1].

Уже в этих древних объединениях заметны первые признаки разложения родового строя, о которых свидетельствуют другие источники — как современные, так и более поздние. Один из таких источников, так называемый географ Баварский, составивший свои записи в Санктеммеранском монастыре около 873 года, хотя и перечисляет на территории славян большое количество племен [2], но мы можем с уверенностью отнести к Руси, кроме хазаров (Cazari) и русов (Ruzzi), лишь *Unlizi* и *Busani*, по-славянски — уличей и бужан.

Несколько позднее, в первой половине XX века, большее количество наименований славянских племен оставил в своих известиях о взаимоотношениях Руси и Царьграда император Константин Багрянородный [3]: Κριβιταιηνοί, Κριβιτζοί (кривичи), Λενζανῆνοι (ленчане, лучане?), Βερβιάνοι (вервяне?, тиверцы?), Δρουγουβιταί (дреговичи), Σερβίοι (северяне), Οὐλτίνοι (ульцы, уличи), Δερβλενίνοι (древляне). Однако эти наименования без сколько-нибудь точного указания мест расселения, происхождения и характера племен, к которым они принадлежали, еще ничего не дают. Только древнейшие русские летописи, дошедшие до нас в «Повести временных лет», создают новую яркую и подробную картину расселения славянских племен. Несмотря на то, что летопись, в основе которой лежат более древние источники, составлена только в начале XII века, она в основном рисует обстановку, сложившуюся на Руси уже к X веку и частично сохранившуюся и до XII века.

Летописец упоминает о славянских племенах Руси — название «Русь» является уже для него общим для всех славянских племен [4]— в нескольких местах летописи, главным образом на первых ее страницах, когда он говорит о происхождении славян и их уходе из подунайской родины, а затем дважды перечисляет русские племена, добавляя отдельные упоминания о дулебах и хорватах. Однако летописец перечислил явно не все племена, так он не упоминает, например, ленчан и вервян Константина Багрянородного. Мы не знаем также, не являются ли отдельными племенами, например, поршане и посуляне, наименования которых являются общими и образованы подобно наименованию полочан и бужан. Несомненно лишь, что количество небольших племен на Руси было большим, чем указано в летописи, и многие позднейшие политико-экономические городские области (так называемые «городские области» русских историков), бесспорно, являлись и племенными объединениями.

Летописец перечисляет следующие племена: хорваты, дулебы, волыняне, бужане, поляне, древляне, дреговичи, полочане, новгородские словене, северяне, кривичи, радимичи, вятичи, уличи и тиверцы [5]. Области обитания этих племен большей частью хорошо известны, а в некоторых случаях даже точно определены их границы. Об этих племенах, о родстве их между собой и роли, которую играли отдельные племена в формирова-

[1] Гардизи (ed. Bartold), 122; Гаркави, указ. соч., 264; „Russ. Revue", 1875, VI; Персидский географ (ed. Туманского), 134; Вестберг, ЖМНП, 1908, II, 397. См. „Slov. star.", II, 267 и сл., а здесь стр. 80.

[2] Текст у Шафарика, Славянские древности, II, 711. Bielowski, Mon. Polon. hist., I, 10. Для объяснения см. в первую очередь A. Kraličeк в Zeitschr. f. Gesch. Mährens, etc. 1899, II, 216, 340.

[3] Const. Porph., De adm. imp., cap. IX и XXXVII.

[4] ПВЛ, I, 13, АН СССР, 1950: „Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, северъ, бужане... велыняне".

[5] В Лаврентьевской летописи (3-е издание Археологической комиссии) перечисление племен дается в нескольких местах: на стр. 5, 9, 10, 11 (ПВЛ, I, стр. 11, 13, 14 — *Прим. перев.*).

ии Руси, говорится в последующем обзоре [1]. Вполне понятно, что эти племена, представлявшие собой, как правило, объединения, образовавшиеся в результате разрастания родов, частично попадали в различные политические союзы (см. заключение настоящего раздела).

Хорваты

Особого упоминания заслуживают прежде всего хорваты, так как, несмотря на то, что в летописи они упоминаются вместе с русскими племенами, а многие историки (например, Барсов, Филевич, Багалей) также помещают их в ряду русских племен, все же они, по моему убеждению, с ним не принадлежат и являются лишь остатками хорватов южной славянской ветви, образовавшейся в Прикарпатье перед уходом на юг, и к которой первоначально принадлежали также хорваты «чешские» или «польские» у Крконош. Я считаю совершенно неправдоподобным, чтобы в лоне одного хорватского племени, обитавшего в Прикарпатье между Крконошами и верхним Днестром, могло произойти разделение на три языка: западно-славянский, южно-славянский и восточно-славянский, аналогичное разделению языков, имевшему место среди всего славянства, и что, следовательно, означало бы, что в Прикарпатье образовались друг возле друга чешские, южные и русские хорваты. Напротив, я считаю гораздо более вероятным, что первоначально существовало одно большое племя хорватов, которое, повидимому, и политически было объединено в государство, центром которого был Краков [2]. Это государство около 560 года, очевидно, подверглось нападению аваров, после чего значительная часть хорватов — основная часть племени — отошла на юг. Однако наряду с ними в Крконошских горах, на Заале, Одере и в восточной части нынешней Галиции уцелели остатки хорватов, которые с течением времени смешались с окружавшими их чешским, сербским, польским и русским элементами и полностью в них растворились. Таким образом, не было особых «русских» хорватов, но поскольку летопись под 907 годом ясно упоминает хорватов в войске Олега, затем под 992 годом имеется рассказ о походе Владимира «на хорваты», то очевидно, что рядом с русскими племенами находилось и какое-то хорватское племя. Скорее всего поселения хорватов находились в Восточной Галиции и Буковине, у Днестра и Прута, где в топонимике сохранились следы их пребывания, древность которых, впрочем, еще не установлена [3].

Позднее из Поднестровья хорваты исчезли, возможно, в результате того, что были поглощены нахлынувшим русским элементом, а возможно, и потому, что, теснимые половцами и печенегами, совместно с уличами и тиверцами, о чем я буду говорить дальше, отступили в Карпаты и Венгрию. Наименования населенных пунктов в Закарпатской Руси, являющиеся производными от наименования хорватов, ведут свое начало, вероятнее всего, от более поздних хорватских колоний.

Дулебы, волыняне, бужане, лучане

Взаимная связь между этими наименованиями племен неясна, однако все они, видимо, ведут свое начало от одного большого, самого западного русского племени, которое обитало между Западным и Южным Бугом,

[1] Подробнее об этих племенах см. в книге Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географии, 2-е изд., Варшава, 1885.

[2] См. выше, стр. 154, а также известия арабских источников о славянском государстве под названием „Churdab“ (стр. 78). См. также „Slov. star.“, II, 268.

[3] См. Н. П. Барсов, указ. соч., стр. 95. Однако Барсов перечисляет и ряд таких названий, которые с наименованием хорватов не связаны.

прежде всего — в исторической Волыни. Летописец сам дважды отождествляет эти наименования, говоря, что «бужане зане седоша по Бугу, послеже же велыняне», а затем «дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне» [1].

Но наряду с этим ряд других исторических известий показывает, что эти наименования относятся к одной и той же области в окрестностях Волыни, Бужска на Буге и Луцка. Первоначально это племя, судя по всем признакам, называлось дулебы. Это было могущественное племя, образовавшее здесь первое славянское государство, так как именно о них древние известия говорят, что племя волынян (иначе называемое дулебами. — *Ред.*) подчинило себе остальных славян [2], оно организовало антский союз, и на него в силу этих причин обратили авары свой основной удар, когда в VI веке вторглись в южную Русь. Авары одержали победу, разгромили дулебов, уничтожили их гегемонию и разбили антский союз (стр. 140), в результате чего древнее дулебское племенное объединение распалось на новые областные объединения летописного периода, получившие свои наименования по названиям рек и главных укрепленных городов Бужска, Волыни, Луцка — бужане, волыняне и лучане. Это произошло еще до IX века, так как Баварский географ приводит уже наименование Busani, а Константин Багрянородный упоминает *лучан* (Λενζενίνοι), если, конечно, приведенное Константином название можно отнести к жителям Луцка [3]. Такое толкование не исключает того, что дулебы после вторжения аваров отошли в южную Белоруссию, на что указывают следы поселений дулебов в Минской губернии. Разумеется, они отошли туда не все, причем дулебы не были, как это полагает Пейскер, переселены вместе с волынянами аварским ханом Баяном: дулебы в Чехию, а волыняне на остров Волин [4].

Древляне

Это племя обитало, как об этом свидетельствует само название (от слова древо), в дремучих лесах, простиравшихся на юг от Припяти, а именно, судя по различным позднейшим летописным сообщениям, между рекой Горынь, ее притоком Случь и рекой Тетеревом, за которой уже находилась земля полян. Главным центром древлян был город Искоростень на реке Уже, южнее Овруча.

Племя, обитавшее в глухих лесах, находилось на невысокой ступени культуры. Об этом говорят раскопки большого количества могильников древлян, открытых С. Гамченко и В. Б. Антоновичем.

Поляне

По сравнению с древлянами соседнее племя полян находилось на значительно более высокой ступени культуры благодаря тому, что на земле полян издавна сталкивалось влияние скандинавской и византийской культур. Земля полян простиралась вдоль Днепра на юг от Тетерева до самой реки Рось [5] на открытых просторах, в «полях» (отсюда название

[1] ПВЛ, I, стр. 13—14.— *Прим. ред.*

[2] См. Масуди (Гаркави, указ. соч., 135, 137, 163); Ибрагим Ибн-Якуб (перев. Вестберга), 51.

[3] Здесь имеется фонетическое затруднение (en-u). Мы бы должны были предположить древнюю форму — лончане.

[4] А. А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий и народностей, СПБ, 1899, стр. 19. Пейскер, Expansion, 437.

[5] В летописный период в результате вторжения кочевников поляне были оттеснены из этой южной полосы на север от Роси, но и область между Стугной и Росью была после X века небезопасной для обитания. Со времени набегов кочевников и появились созданные здесь оборонительные валы, в частности так называемый Змиев вал от Триполья до Сквирского района.

поляне). Их центром был известный с древних времен город Киев, на месте которого, по всей вероятности, стоял уже готский город Данпарстадир (стр. 142); не исключено даже, что и древняя Μητρόπολις Птолемея (III, 5, 14) находилась на том же месте, где позднее был воздвигнут славянский город Киев. Разумеется, что ведущая роль Киева и его значение в русской истории определились лишь после того, как в 882 году скандинавские русы во главе с Олегом овладели им и начали здесь создавать собственно Русское государство, сразу же присоединив к полянской земле древлян, радимичей и северян. С этого момента Киев стал «матерью городов русских» и разросся так, что уже в начале XI века в нем было много церквей, ворот, торжищ и несметное множество народа [1]. С Киевом, а вместе с ним и с землей полянской было связано также название земли русской в узком смысле слова [2]. В более же широком смысле в период первых летописей (XI век) под этим названием понималась совокупность всего восточного славянства (см. выше, стр. 151).

Уличи (угличи) и тиверцы

В судьбе этих двух самых южных русских племен много загадочного. На примере уличей это видно уже из того, что наименование их не является достоверным и в различных летописях приводится по-разному [уличи, улучи, улицы, улутичи, угличи, лутичи, суличи, к тому же унлизы (Unlizi) географа Баварского и Οὐλτινοί Константина Багрянородного]; территория же, на которой они обитали, также определяется по-различному. Равным образом, и вопрос об исчезновении их является также определенной проблемой.

Согласно Лаврентьевской летописи, оба племени обитали на Днепре; согласно Ипатьевской — по Бугу и Днепру и далее вплоть до моря и Дуная; по Никоновской (под 914 годом) и Новгородской (под 922 годом) — они первоначально обитали на Днепре, а оттуда переместились на земли между Бугом и Днестром. И эта традиция кажется наиболее вероятной. Уличи и тиверцы были славянскими племенами, которые дальше всех продвинулись на юг, очевидно в бассейн Днепра и Буга. Можно полагать, что уже в древнейшие времена славянские купцы по Днепру и Бугу приходили на торжища греческих эмпорий, а за ними постепенно, шаг за шагом продвигалась и славянская колонизация (см. выше, стр. 153). Особенно успешно эта колонизация протекала после ухода аваров, когда в течение двух-трех столетий в этом краю наступило относительное спокойствие и славяне продвинулись далеко на юг от реки Роси и достигли даже моря. Это и были племена уличей и тиверцев. Накануне летописного периода, разумеется, произошли новые изменения. В половине IX века пришли мадьяры (угры), вторжение которых не прошло бесследно для славянских колоний (Ибн-Русте свидетельствует, что мадьяры совершали набеги на славян и уводили их в рабство). В 915 году здесь появились печенеги, и с того времени набеги азиатских кочевников на южную окраину славянских земель были настолько сильны, что славяне, с одной стороны, отступили на север за Сулу и Рось, с другой же — вынуждены были отойти под их натиском на Запад. Этим можно объяснить известие летописца, что уличи и тиверцы с древних мест поселения у Днепра отошли на земли, лежащие между Бугом и Днестром. Это, несомненно, единственное правдоподобное объяснение расхождений в имеющихся сведениях о местопребывании. Все остальные объяснения, в частности попытки определить

[1] См. Adam Brem., II, 19; Gallus, 1, 7; Thietmar, VIII, 16 (IX, 32).

[2] Ср. Лаврентьевская летопись под 882 годом; М. С. Грушевский, Киевская Русь, I, СПБ, 1911, 227 и сл.

места их расселения — исходя из различного толкования наименований, причем некоторые иногда оперировали наименованиями различных племен угличей, уличей, лутичей и суличей [1],— считаю неверными.

Таким образом, уличи в летописный период обитали у Буга и Днестра. Это подтверждается также сообщением Никоновской летописи, в которой говорится, что городом уличей был Пересечен (нынешнее село Пересечина у Кишинева) и что этот город в 914 году был завоеван Игорем [2]. Тиверцы (Τεβερβιάνοι) Константина Багрянородного находились поблизости от них, однако мы еще не располагаем данными, которые помогли бы определить места их поселений более точно. Топографических же наименований, приводимых Барсовым, недостаточно.

Но и на этих новых местах уличи и тиверцы долго не оставались. Повторные набеги кочевников, в частности постоянный натиск печенегов, половцев и торков, привели к тому, что славянский элемент в течение XI и XII веков покинул Побужье и Поднестровье и отступил оттуда частью снова на север, а большей частью на запад, в Карпатские горы. Было бы совершенно ошибочным полагать, что уличи во время набегов кочевников были полностью разгромлены и уничтожены, особенно если учесть, что географ Баварский характеризует их как сильное и многочисленное племя, имевшее много укрепленных городов [3]. Поэтому гипотезу некоторых русских историков, считающих, что уличи и тиверцы отступили в Карпаты, я считаю правильной. Несомненно, что именно они положили начало заселению Трансильвании (Семиградья) и северной Венгрии русским элементом, многочисленные следы которого мы находим и теперь в местной топонимике венгерских и румынских областей [4].

Точка зрения, считающая, что нынешняя Карпатская Русь и исчезнувшая Русь Семиградская были колыбелью восточного славянства и что восточные славяне обитали там издавна (см. выше, стр. 127), лишена какого бы то ни было основания и не находит никакого подтверждения ни в данных древней истории, ни в лингвистическом анализе наименований, ни в памятниках археологии. Из своей колыбели на Припяти и среднем Днепре русские славяне могли проникнуть на Карпаты лишь после ухода более древних элементов: фракийских и галльских или германских пришельцев и, в частности, после ухода южной ветви славян на Дунай. Лишь после этого дорога перед ними была открыта, и восточные славяне могли последовать за ними в горы, а через горы — в Венгрию. Можно считать, что начиная с VI века такое движение к Карпатским горам, за которым последовало дальнейшее продвижение сюда славян, началось в результате, например, вторжения аваров; далее можно принять как достоверное (на основании традиции, сохраненной анонимным нотарием короля Белы [5]), что и мадьяры привели с собой какие-то группы восточных славян. Однако основная масса восточных славян вступила в горы и во внутренние области страны лишь в X—XII веках, теснимая печенегами и половцами, следовательно, во время ухода летописных уличей и тиверцев. Печенеги, появившиеся в 915 году под Киевом, подчинили себе в 950 году всю юго-западную Русь вплоть до Дуная; оттуда в XI веке они совершали набеги за

[1] См., например, Н. П. Барсов, указ. соч., 98; М. Грушевский, Киевская Русь, I, 231.

[2] Надеждин, Записки общ. ист. и древн., I, Одесса, 235.

[3] „Unlizi populus multus, civitates", CCCXVIII; Шафарик, „Slov. star.", II, 712.

[4] Это большое количество славянских наименований, либо русских по форме, либо имеющих определение „русский", в румынском языке — Rus-, в венгерском — Orosz. См. И. Филевич, Угорская Русь (Варшава, 1894) и „Очерк Карпатской территории" (ЖМНП, 1895, IV—V).

[5] Anonymus not. regis Belae (ed. Endlicher), X.

Дунай и Семиградские Альпы [1]. Несомненно, что днестровские славяне, как и славяне днепровские, отошедшие за Рось, вынуждены были отступить.

Так образовалась Закарпатская Русь, а также существовавшая в древности Семиградская Русь, следы которой сохранились еще в современной топонимике. Наиболее древние сообщения об этих двух русских областях относятся лишь к XIII веку, и поэтому некоторые венгерские историки, в частности в 20-х годах А. Бонкало, полагали, что восточные славяне были поселены в Карпатах их венгерскими господами только в XII веке, причем последние стремились народами подвластных им земель заселить пустовавшие до сих пор границы [2]. Я доказал, что подобное объяснение является несостоятельным: колонизация, так как ее понимает А. Бонкало, несомненно, развивалась с XIII и до XIX века, однако более древний характер поселений восточных славян на этих границах и в самой Венгрии доказывается целым рядом данных, например тем, что во множестве местных венгерских названий, обозначающих места поселений славян, сохранился старый носовой звук, который в древнерусском языке исчез уже в X веке (Лонг — Лужане, Лонка — Луг, Мункач — Мукачев, Галамбос — Голубице, Домб — Дубова) [3].

Северяне

Из славянских племен дальше других на восток продвинулись северяне. Летопись говорит о них мало: «... а друзии седоша по Десне и по Семи, по Суле и нарекошася север» [4]. Однако это не были их первоначальные места расселения, здесь они жили лишь в летописный период. С северянами произошло то же, что и с другим, только что упомянутым русским племенем. Северяне, повидимому, основали все вышеупомянутые славянские колонии, которые уже в VI веке упоминаются на Донце и Дону, а в арабских источниках IX и X веков на Дону, Волге и Северном Кавказе [5]. Им же, вероятно, принадлежала и славянская колония Тмуторокань в устье Кубани (см. стр. 153). Однако в XI веке в летописный период эти восточные колонии славян, включая Тмуторокань, были либо покорены, либо в результате продвижения тюрко-татар обратно оттеснены на север и запад.

Поэтому Северская земля ограничивается в этот период поречьем Десны, Сейма и Сулы, а из позднейшей русской истории мы знаем, что и Сула не стала надежной охраной от набегов азиатских кочевников, что славяне строили укрепления и в глубине своей территории — на Трубеже, Сейме и Остре.

Западной границей, отделявшей северян от полян, был Днепр; на севере граница с радимичами, насколько можно судить по северянским курганам, свидетельствующим о различии культур обеих племенных групп, шла между реками Ипуть и Снов и далее по Сейму вплоть до Суджи и Ворсклы. Где проходила граница с вятичами — сказать трудно. А. А. Шахматов на основании анализа рязанского диалекта полагал, что Рязанская

[1] Const. Porph., De adm. imp., 8, 37.

[2] Ungarische Jahrbücher, I, 1921, 215 и сл.

[3] Я писал об этом в „Чехословацком географическом вестнике", XV, 1922, стр. 23 и сл.

[4] ПВЛ, I, стр. 11. Происхождение этого названия неясно.

[5] Северяне упоминаются не только в X веке Константином Багрянородным под именем „Σερβίοι" и в письме Иосифа Хазарского под именем *Савар, Север*, но, очевидно, еще раньше географом Баварским (Sebbirozi), затем анонимом Равенским (patria suaricum на Дону) и Птолемеем, Σαύαροι которого ближе всего к ним подходят. Очевидно, что северяне занимали эти восточные земли еще до VI века (когда Прокопий знал славян на Донце).

область входила еще в состав Северской Земли, однако против этого резко выступил профессор Е. Будде[1].

Главными укрепленными пунктами у северян были Любеч, Листвен, Ропеск, Новгород, Чернигов и Переяславль на Трубеже. Брянск, Мценск и Воробино (Воробейко) были уже вятичскими.

Дреговичи

По данным летописи, дреговичи поселились между Припятью и Западной Двиной, то есть на обширной территории, границы которой летопись точно не указывает; но поскольку из дальнейшего текста нам известно, что Полоцк на Двине был уже кривичский, можно думать, что в летописный период дреговичи еще не достигли Двины. На юге их примерной границей была широко разливающаяся Припять. На востоке они перешли Березину, о чем свидетельствуют курганы дреговичского типа, имеющиеся в большом количестве и на Березине в Бобруйском уезде. Города Дрьютьск (Дрютеск), Борисов, Изяслав и Логойск, по данным летописи (под 1127 годом), были уже кривичскими. Труднее всего определить границы дреговичей на западе. Было бы напрасной тратой сил пытаться установить их для летописного периода. Первоначально поселения дреговичей находились поблизости от Днепра и Припяти, так как по топонимике белорусских областей, основание которым как раз и положили дреговичи, видно, что литовский элемент проник значительно дальше нынешней русско-литовской границы, идущей от Двинска (Даугавпилса), около Видза, Свенцян, Вильно, Грод, Дубич, Друскеников и далее к Августову и Сувалкам. Историческое значение дреговичей заключается в том именно, что они начали наступление на литовцев и продвигались из бассейна Припяти в бассейн Двины и Немана. Результаты их продвижения налицо, но на основании имеющихся у нас материалов, как исторических (степень древности их наименований остается неизвестной), так и лингвистических и археологических, мы сказать не можем, где и когда установилась граница этого продвижения, где она проходила в летописный и долетописный периоды. Однако результаты археологических исследований показали, что среднее и нижнее Побужье (по Западному Бугу) принадлежали уже другому племени. На юге первоначальной границей дреговичей была Припять, от которой уже позднее, теснимые волынянами, они несколько отошли. Древними важными центрами дреговичей были здесь города Туров в Мозырьском уезде и Пинск.

Наименование «дреговичи» тесно связано с корнем *дрег*, *драг*, обозначающим болото (ср. наименование травы дрыгва, дрегва, дрягва, дреговина, растущей в болотах, и литовское dregnes — влажный, сырой). Однако суффикс *-ичи* показывает, что правильней будет толковать его как патронимикум собственного имени — *Драг*, *Драгов*[2].

Радимичи и вятичи

Радимичей летописец помещает по реке Сож, вятичей — по реке Оке. Однако в обоих случаях, особенно во втором, это весьма приблизительно. Бассейн Оки велик, и мы знаем, что там обитали также и финские племена мурома, мордва и меря. Более точно границу радимичей можно установить лишь на востоке с вятичами. Топонимика этой области и данные археологии показывают, что граница между ними проходила по водоразделу рек

[1] ЖМНП, 1899, IX, 163, 178.

[2] Ср. и солунских *другувичей*, а также и село *Drogavizi*, Draguviz(i) у полабских славян.

нов и Ипуть, притоку Сожа. На западе граница между радимичами и реговичами проходила примерно у Днепра и Березины; верховья Сожа а севере были уже кривичскими, а на северо-востоке Козельск, укрепенный пункт на Жиздре, в 1154 году уже известен как вятичский. О радимичах в летописи сообщается мало. Летопись не знает также ни одного ольшого укрепленного города радимичей. По всей видимости, радимичи ыли одним из слабых и зависимых племен. Они без сопротивления подчинились Киеву и уже в 885 году платили Киеву дань, которую раньше вылачивали хазарам. Вятичи занимали территорию, простиравшуюся на ападе до водораздела между рекой Жиздрой и левыми притоками Десны, днако основная их часть занимала области по Оке вплоть до Коломны — Калужскую, Тульскую — и часть Московской губернии. Что касается Рязанской области, то хотя В. А. Городцов на основании археологических находок относит и ее к вятичам, но результаты современных исследований древнего диалекта Рязанской области весьма расходятся со сделанными им выводами. Это же относится и к изучению древнего диалекта на юге бывшей Орловской губернии [1]. Определить здесь границу поселений вятичей мы еще не можем. Однако здесь, на другом берегу Оки, так же как и на севере, поселения вятичей, несомненно, смешивались с поселениями северян и кривичей, причем в основном эти области были заселены еще не славянскими, а финскими племенами.

Летописец, объясняя наименования «радимичи» и «вятичи», называет их прямыми потомками Радима и Вятка. К этому он присоединяет легенду о том, что они были братьями, происходили от ляхов, то есть являлись выходцами из Польши, и что они пришли сразу со своими людьми и осели на Соже и Оке [2]. Достоверна ли эта легенда? Действительно ли радимичи и вятичи польского происхождения?

Теоретически можно себе представить, что в бурном движении славян и их развитии, наблюдаемом повсюду в V, VI и VII веках, одно или два племени могли уйти из переполненного западно-славянского центра (например, в результате нашествия готов или аваров), пробиться через полосу русских племен и оказаться на востоке среди восточных славян и финских племен. Речь идет лишь о том, что вряд ли можно еще какими-либо данными, помимо летописной легенды, доказать такое предположение. В самой легенде слишком много вымышленных аналогий, чтобы ее можно было безоговорочно принять.

Никакими историческими данными эта легенда не подтверждается. Правда, с лингвистической точки зрения, вся область древних радимичей, так же как и соседних дреговичей, относится ныне к области белорусского языка, в котором имеется много совпадений с польским языком. Но это уже не относится к области, занимавшейся некогда вятичами, являющейся великорусской, в которой следы связей с польским языком значительно слабее.

Таким образом, совершенно ясно, что если в отношении радимичей летописная традиция до некоторой степени подтверждается данными лингвистики, то относительно вятичей такое подтверждение является значительно более слабым. Летописец, соблазненный их соседством, видимо, лишь по ошибке присоединил к ним вятичей. Во всяком случае, бросается в глаза, что в других местах летописи, звучащих гораздо более определенно, говорится о ляшском происхождении одних только радимичей. Наконец, выражение «радимичи и вятичи (происходят) от ляхов» не обязательно

[1] См. выше о споре А. А. Шахматова с Будде.

[2] См. Лаврентьевскую летопись, 11: „Радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясех, — Радим, а другий Вятко" (ПВЛ, I, стр. 14). В той же летописи о радимичах под 984 годом снова говорится: „Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси" (ПВЛ, I, 59). О ляхах см. стр. 124.

должно означать, что они пришли из Польши и являлись непосредственно польскими племенами, оно может означать, что они пришли от ляхов, то есть с той стороны, от польских границ. Весьма вероятно, что предки радимичей, а также дреговичей первоначально обитали на славянской прародине по соседству с поляками, находились под их влиянием и, повидимому, составляли промежуточную полосу между поляками и чисто русскими племенами. Оттуда они продвинулись на восток и вклинились в среду остальных северных и южных русских племен. Принадлежность вятичей к этому клину остается спорной.

Остается также неизвестным, где образовался этот клин и когда эти племена пришли. Приход вятичей на основании данных археологии и лингвистики относится обычно к довольно позднему периоду, а именно к X и даже XI векам, но против этого можно привести тот довод, что об их приходе в древнейшей части летописи говорится как о старой традиции, а не как о чем-то имевшем место в летописный период. Я бы не колеблясь остановился даже на утверждении, что они пришли значительно раньше и приход их был уже связан с движением днепровского славянства, начавшегося в результате аварского или даже готского нашествия. Когда-нибудь археологи установят время прихода славянских элементов на Сож и Оку. Сейчас же от решения этой задачи мы еще довольно далеки.

Словене новгородские

Летопись рассказывает, что словене поселились на озере Ильмень, построили Новгород и находились там еще до того [1], как, согласно традиции, в 862 году, а в действительности еще раньше, туда пришли во главе с Рюриком скандинавские русы. О приходе новгородских словен на озеро Ильмень нам ничего не известно (но я полагаю, что это произошло задолго до IX века, см. выше, стр. 33), неизвестно также, почему у этой ильменьской колонии в отличие от других сохранилось наименование «славяне» и каким образом они были связаны с местностью, где это племенное название возникло.

Славяне пришли в область, занятую финнами, а именно племенем чудь. Выгодное расположение колонии на озере Ильмень, благодаря чему в ее руках находился северный конец днепровского пути, значительно содействовало ее быстрому расцвету и развитию. Новгородские словене начали продвигаться на запад к реке Луге, на север к Ладоге и на восток к Мсте, но так как сопротивление финских племен, повидимому, было здесь сильным, колонизация вскоре направилась в другую сторону — в Заволочье, где финские поселения были более редкими, а сопротивление значительно слабее. Уже в X веке мы видим словен на Белоозере, где до этого обитало финское племя *весь*, а в XI и последующих веках новгородская колонизация направилась далее на Мологу, Тверцу, Шексну, Сухону, Кострому и по Волге — на нижнюю Оку. Одновременно с новгородской и параллельно с ней шла и кривичская колонизация.

Однако трудно сказать, где в этих отдаленных землях находились поселения новгородские, где кривичские или даже вятичские; русские историки и филологи, значительно расходящиеся в вопросе о происхождении славян Ярославской, Суздальской, Ростовской или Московской областей, тем более расходятся и в вопросе о происхождении славян в землях более отдаленных.

[1] См. данные под 859, 862 годами. Из них видно, что и кривичский Изборск уже существовал до прихода русов. О значении Новгорода в скандинавской истории см. выше, стр. 148.

Кривичи и полочане

Кривичи еще до их упоминания в летописи исторически засвидетельствованы императором Константином Багрянородным (Κριβιτζοί, Κριβιταιηνοί, De adm. imp., с. 9), однако лишь летопись указывает, где они обитали: «... на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра»[1]. При этом летопись добавляет, что кривичи, обитавшие на реке Полоте, притоке Западной Двины, являлись отдельным племенем и назывались «полочане»[2]. Следовательно, кривичи обитали на территории, которая вклинивалась в земли дреговичей, радимичей, вятичей и новгородских словен, при этом последние, как показывает вся обстановка, так же, как, например, полочане на Двине, являлись лишь кривичской колонией на Ильмене. Таким образом, границы территории, занимавшейся кривичами, можно определить уже на основании того, что говорилось выше об областях, занимавшихся их соседями, а Н. П. Барсов еще более уточняет их, давая подробный перечень топографических наименований, в которых очевидны следы имени кривичей на землях первоначально неславянских (кривичи, крево, кривск, кривцы, кривец, кривче, кривская, кривцовская, кривцов, кривик, кривены и т. д.). Оказалось, что эти названия распространены на территории, начиная от Днепра и до верхней Угры, Сожа, Десны, Москвы-реки, Клязьмы и Суздальской и Владимирской областей[3]. К тому же из летописи XII века нам известно, что укрепленные пункты Изяслав, Борисов, Логойск и Мстиславль на Соже были кривичскими, благодаря чему мы можем более точно определить южную границу кривичей, несмотря на то, что отдельные наименования встречаются и далее, до верховьев Дона. О колониях, на востоке перемешанных с соплеменными новгородскими колониями, уже говорилось. На севере граница между кривичами и новгородской землей проходила примерно по Валдайской возвышенности, а на западе кривичи перешли за реку Великую и Чудское озеро, где уже в IX веке был основан сильный укрепленный пункт кривичей — Изборск (неподалеку от позднейшего Пскова), который затем был присоединен к Новгороду. Кривичи перешли также и через Двину (упоминающиеся на ней топографические наименования распространены вплоть до бассейна реки Неман), и чрезвычайно интересно, что на этой западной границе наименование кривичей сохранилось и по сегодняшний день, правда, лишь в устах латышей, которые и теперь называют своих русских соседей *Krews* (кревс), а землю русскую — *земля Kreewu*.

Вторым центром кривичей (полочан) был Полоцк на Двине, но главным и наиболее важным центром всего племенного объединения оставался всегда *Смоленск* на Днепре, воздвигнутый на удобном месте, на скрещении древних торговых путей (см. выше, стр. 128). Произведенные В. И. Сизовым раскопки Гнездовских курганов неподалеку от нынешнего Смоленска дают нам возможность довольно ясно представить себе культуру кривичей в X веке, наполовину славянскую, наполовину скандинавскую[4].

* * *

Такова картина русских племен и такова была этнографическая карта Восточной Европы в конце первого тысячелетия.

Вопрос о том, что же, собственно, представляли собой перечисляемые в летописи и Константином Багрянородным древнерусские племена,

[1] ПВЛ, I, 13.

[2] О том, что полочане происходили от кривичей, упоминается в летописи под 862 годом.

[3] Н. П. Барсов, указ. соч., стр. 174 и сл.

[4] См. В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, Материалы по археологии России, № 28, СПБ, 1902 и А. А. Спицын, Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, „Известия археологической комиссии," XV, СПБ, 1905.

являлись ли они этнографическими — племенными или территориальными — политическими объединениями, занимал многих историков. Лично я полагаю, что всякая односторонняя точка зрения и одностороннее разрешение этого вопроса были бы неверны. На образование отдельных племен оказали влияние различные моменты: иногда это была прежде всего родовая традиция и родственные связи, а уже во вторую очередь — характер языка [1]; в других же случаях, наоборот, особенности обычаев, покрой одежды, социальные формы, вообще культура и, разумеется, иногда в большей, иногда в меньшей степени факторы политические и географические (возникновение власти и административных центров, характер территории). Несомненно, однако, что большинство племен представляет собою этнографическое целое, так как летописец, перечисляя в начале летописи полян, древлян, словен, радимичей, вятичей, северян, хорватов, дулебов, уличей и тиверцев, подчеркивает, что они «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ» [2]. Родовые имена также свидетельствуют о происхождении племени в результате разрастания рода; я не думаю, что уже в X веке идея рода и кровного союза «замутилась» так сильно, как это полагает Н. Барсов. С другой стороны, свое влияние на образование племенных единиц, бесспорно, оказывали и не этнографические факторы, и в отдельных местах летописи довольно сильно подчеркиваются моменты политические и географические. Племя — это политическое целое в пределах определенной территории, подчиненное власти князя. Впрочем, такой характер образования племени, несомненно, не являлся решающим и не исключал общности, возникшей из рода и этнографически единой.

Таким образом, если уже в долетописный период при образовании племенной конструкции русского народа наряду с языковыми и культурными факторами играли роль и факторы географические и политические, то позднее, как мы видим, первые теряют свое значение, а роль последних все более и более усиливается. Древние родовые и этнографические объединения исчезают и появляются новые, возникшие на географической основе под влиянием одних лишь политических и экономических факторов; или, как говорят русские историки, исчезает старый племенной быт и возникает быт областной; на месте старых племен мы видим области территориальные, объединенные в более или менее крупные союзы, над которыми установилась власть князей из рода Рюрика и его дружины. Исчезают старые племенные наименования, а их место занимают названия городских областей [3], выводимые из наименований центральных городов: земля Киевская, Черниговская, Смоленская, Переяславская, Ростовская, Суздальская, Рязанская, Муромская, Полоцкая, Пинская, Туровская, Волынская, Галичская. Каждый такой город в этих землях являлся торговым, промышленным центром всей области, центром религиозным, административным и гарнизонным пунктом княжеской дружины, которая обеспечивала охрану населения города и его окрестностей, опираясь на мощные валы с укреплениями, замечательную конструкцию которых по-

[1] Несомненно, что уже в X и XI веках на Руси существовала дифференциация различных диалектов и наречий. Остается, пожалуй, спорным, какие признаки отличали одни племена от других. Предметом больших споров в русской лингвистике был в особенности вопрос об отношении полянского диалекта к остальным диалектам, явившийся, в частности, основой великорусско-украинского спора.

[2] Полное собрание Русских летописей I, 1 (ПВЛ, АН СССР, 1950, 1, 14).

[3] Первые городские области образовались в результате того, что в удобных местах строились новые укрепленные пункты или торговые центры (погосты), постепенно приобретавшие значение для все большей и большей области. В этих пунктах появились церкви и большие кладбища при них, общественные дома, а главное, соответствующие укрепления, в результате чего эти поселения, расположенные в местах, благоприятных для их развития, вырастали постепенно в крупные города, которые с сетью меньших городов (пригородов) охватывали и охраняли большую область вокруг себя.

ізали раскопки в Белгородке близ Киева. Захват центрального города начал завоевание всей земли, и мы видим из летописи, что варяги, заняв главные города, подчинили себе славян. Из этих городов варяги распространили свою власть на славянские племена.

Возможно, что эти новые политические области местами оставались племенными объединениями, но русская история XI и XII веков большей частью говорит о том, что они включили в себя и отдельные части различных древних племен. Так, Новгородская область образовалась из словен и кривичей, Черниговская — из северян, радимичей и части вятичей, Киевская — из полян, древлян и дреговичей, Полоцкая — из дреговичей и кривичей, Смоленская — из восточных кривичей, дреговичей и радимичей, словом, этнографические границы древних племен уже не совпадали с границами новых областей; карта вновь образовавшихся политических областей выглядела по-иному, чем карта племен.

Еще один вопрос заслуживает особого внимания. Это вопрос об отношениях между старыми племенами и разделением восточных славян [1] на три большие группы, которое, как мы видим, началось в XIII веке. Совершенно очевидно, что разделение на малорусскую (украинскую) [2], белорусскую и великорусскую ветви имело свои корни уже в древний период и не было явлением более позднего времени.

Вопросу о возникновении русского, украинского и белорусского языков было посвящено много исследований и трудов, и, в частности, много споров вызвал вопрос о том, к какому из этих трех языков следует отнести язык тех или иных древних племен. Так, шли споры, куда следует отнести северян, вятичей и даже новгородских словен, но самые острые споры вызывал вопрос о том, кем считать древних полян, основателей русского государства, русской культуры и литературы: великорусами или малорусами [3]. В этом вопросе изложенная позиция крупнейшего русского лингвиста А. А. Шахматова выглядит следующим образом.

Древние русские племена уже в летописный период образовали три группы, или три пояса, различных наречий: 1) северорусский, состоявший из новгородских словен и кривичей; 2) среднерусский, состоявший из дреговичей, радимичей, вятичей, северян, и 3) южнорусский, состоявший из полян, древлян, волынян, уличей, тиверцев и хорватов. Южнорусский пояс положил основание Малой Руси, северный — Великой Руси; средний же распался так, что юго-восточная часть — вятичско-северская — под влиянием нового центра, возникшего в Москве, присоединилась к великорусам, в то время как из западной — дреговичско-радимичской — и части южных кривичей образовалась Белая Русь [4]. Еще и поныне в великорусском языке прослеживаются следы его двойственного происхождения, так как наречия к северу от Москвы сильно отличаются от южнорусских наре-

[1] Дословно: русского народа. — *Прим. перев.*

[2] В связи с тем, что автор в этом разделе намеренно использует оба термина „малорусы" и „украинцы", термин «малорусы», несмотря на его архаичность, нами не заменен.— *Прим. перев.*

[3] Речь идет в основном о так называемой погодинской гипотезе. М. П. Погодин (его предшественниками уже были И. И. Срезневский и П. А. Лавровский), а после него главным образом А. И. Соболевский пытались доказать, что нынешнее украинское население Киева пришло туда из Галича после татарского нашествия, полностью опустошившего этот край, то есть лишь в XIV и XV веках. Первоначальное население Киевщины (поляне), по мнению Соболевского и Погодина, было великорусским и после татарского нашествия отошло на север. См. Крымский, Филология и погодинская гипотеза и „Киевская старина", 1904; Колесса, Записки наукового товариства имени Шевченка, 39, 16; М. С. Грушевский, Киевская Русь, I, СПБ, 1911, стр. 235.

[4] А. А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий и народностей, СПБ, 1899, 11—15. См. также главы IV—V более поздней работы А. А. Шахматова „Древнейшие судьбы русского племени", Петроград, 1919. В этой работе он относит северян к южным племенам.

чий (главным образом в произношении безударного *а* и в произношении звука *г*). Однако и это толкование известного русского филолога-историка не является последним словом, так как и в нем имеются весьма спорные отдельные вопросы. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что и русская археология на основании выводов, сделанных А. А. Спицыным, пришла к такому же заключению о наличии трех поясов, состоящих, с точки зрения представленных ими культур, из тех же племен [1].

Подводя итог нашим современным знаниям, древнейшее развитие русского народа можно представить себе следующим образом.

После разделения протославян на западную, южную и восточную ветви в этой последней, издавна обитавшей в бассейне Припяти и среднего Днепра, происходила дальнейшая дифференциация на две группы с отличными друг от друга наречиями: на группу северных и группу южных племен, которые из своей колыбели начали продвигаться, первая — на север и северо-восток, на верхний Днепр, озеро Ильмень и Волгу, вторая — на юго-восток к Дону и на юг к Черному морю. Между ними, видимо, уже позднее вклинилась часть славян, принадлежавшая к группе восточного языка, но сформировавшаяся на польской границе (и под влиянием польского языка), которая отделила южную группу от северной и образовала между ними средний пояс. К ней относились прежде всего племена дреговичей и радимичей. Эта часть славян положила начало возникшей позднее Белоруссии, в то время как словене новгородские и кривичи северного пояса (совместно с вятичами) положили начало образованию Великой Руси, а племена южного пояса — Малой Руси.

Позднее на дальнейшее расчленение этих трех групп наряду с языковой дифференциацией оказали влияние и другие факторы: этническое смешение народа, в одном случае с элементами литовскими, в другом — с финскими и в третьем — с тюрко-татарскими; затем влияние различной среды, в которой развивались северная и южная ветви; влияние новых крупных политических объединений, с одной стороны, Киевского и Галичского государств и, с другой — Московского; затем татарское нашествие и происшедшие в результате передвижения в южном и среднем поясе. Однако все это уже относится к более позднему историческому периоду и выходит за рамки настоящей книги. Ясно, однако, что ни один из этих факторов не был настолько сильным, чтобы полностью уничтожить первоначальное единство русского народа. Белая, Великая и Малая Русь оставались и продолжают оставаться и поныне частями единого русского народа, и совершенно неправильно исключать из этого единства украинский народ либо доказывать, что он вообще нерусского происхождения. Дифференциация между Великой и Малой Русью зашла ныне так далеко, что Украина требует признания своего языка и своего народа одинаково ценными и равноправными с языком и народом Великой Руси. Однако эта дифференциация, питаемая главным образом политическими факторами, даже сейчас не зашла еще так далеко, чтобы опровергнуть фактическое единство русского народа, которое в отличие от других славянских народов всегда надежно связывает отдельные его ветви. До сегодняшнего дня, как правило, отмечает А. Мейе — замечательный знаток сравнительного славянского языкознания [2],— различия в русском языке этих трех ветвей являются менее значительными, чем различия в немецких или французских диалектах, и Белая Русь, Украина и Великая Русь, даже если каждая из них приобретает политическую самостоятельность, останутся ветвями одного народа и одной из свободных частей соединенного Русского государства.

24 июня 1920 года.

[1] А. А. Спицын, Расселение древнерусских племен по археологическим данным, ЖМНП, 1899, ч. 324, август, отд. II, стр. 301—340.

[2] „Le Monde slave", I, 1917, 408.

Дополнение

АВТОХТОННОСТЬ СЛАВЯН[1]

Выше мы уже неоднократно сталкивались с тем, что в ходе изучения древнего периода славянской истории возникли определенные теории, согласно которым славяне поселились на своей исторической прародине не в первые столетия нашей эры, а еще раньше, в древнейшие времена. Эти теории обычно называют «автохтонистскими», так как в основе их лежит автохтонизм, то есть тезис о том, что славяне издревле занимали почти всю Центральную Европу и значительную часть южной Европы, включая Италию и Балканский полуостров. Некоторые приверженцы этой теории не колеблются даже распространить их поселения вплоть до Бретани, Пиренеев, Греции и Малой Азии. Многие из них защищали эти огромные границы славянской экспансии в древнейшие времена в полном объеме, однако большинство из них ограничивалось лишь доказательством автохтонности славян в определенных странах, например в Венгрии, на Балканах или в Германии. В этом смысле теория автохтонности славян имеет своих сторонников среди южных славян, чехов и поляков. Однако ученые других стран, например немцы, несмотря на возражения большинства немецких ученых, в этом отношении также не уступали им.

История подобных теорий, существующих вплоть до наших дней, насчитывает свыше тысячи лет. Начиная с VIII века некоторые славянские и неславянские летописцы, обычно монахи, пытались приукрасить и возвеличить прошлое славян тем, что устанавливали их непосредственную связь с прошлым древних народов. Это был первый шаг к автохтонизму. Так устанавливалась связь древних поляков с вандалами и готами в Германии; утверждалось, что они обитали именно в той области, где перед первым веком до нашей эры звучало имя вандалов. Особенно подчеркивалось сходство их имени с именем «вендов» (см. «Vita Sancti Marini», VIII; Annales alaman., под 798 годом; Adam Brem., II, 18; Helmold, I, 2); отсюда также древнее название Вислы «Vandalicus amnis»[2].

Позднее южнославянское и польское духовенство связывало происхождение славян с готами (см. эпитафию князя Болеслава начала XI века, начало хроники Кадлубека и Длугоша, анналы дуклянского аббата и Томаша Сплитского[3]. Точно так же, как об этом свидетельствуют приведен-

[1] Об этих теориях см. подробнее в „Slov. star.", I, 35, II, 71, III, 32.

[2] См. „Slov. star.", I, 45, III, 34. В XVI в. А. Крантц, для того чтобы защитить эту теорию, написал большой труд, названный им „Wandalia" (Coloniae, 1519); его примеру последовали многие историки последующих столетий.

[3] См. Mon. hist., Pol., I, 320; Chron. presb. Diocl., cap. I; Thomas, Hist. Sal., VII atd; см. „Slov. star.", II, 177.

ные выше источники, в частности начало Киевской летописи [1], южные славяне отождествляли древних иллирийцев или паннонцев со славянами.

К этим народам, с которыми отождествляли славян, постепенно присоединялись и другие [2]. Таким образом, возникла гипотеза, получившая распространение в XVIII веке, что предки славян появились в начале нашей эры, а то и гораздо раньше не только на Одере, Эльбе и на среднем Дунае, но и на Балканах. Сходство названий Vend, Venet с наименованием древних энетов Геродота, венетов Гомера и Цезаря [3] побудило расширить прародину славян вплоть до Италии, Малой Азии, Галлии и берегов Боденского озера, так что в XVIII и XIX веках некоторые считали славянскими почти всю Германию и большую часть Европы. Первые приверженцы этих нелепых теорий появились, в частности, среди сербов и хорватов (Ф. Долци, Фр. Аппендини, Северини, К. Грубишиц, Райич и др.), а также у поляков (С. Клечевский, Я. Потоцкий, Ст. Сестренцевич), у словаков (Г. Папанек, Данковский), у русских (В. К. Тредьяковский, И. Болтин, В. Н. Татищев). Среди русских было немного сторонников этой теории, так как восточные славяне непосредственно не были заинтересованы в утверждении автохтонности славян в Германии или на Балканах [4]. Немцы, которые в этот период дали себя увлечь этой теорией, сохранили большую трезвость суждений, например Август Шлецер, отстаивавший автохтонность славян на территории между Эльбой, Вислой и Адриатическим морем, или И. Х. Гаттерер, защищавший славянство гетов и даков, а отчасти также и Л. Гебхарди [5].

Наибольшее распространение эти теории получили уже в XIX веке среди историков всех славянских народов, особенно у поляков и чехов. Эти два народа дали наибольшее количество выдающихся приверженцев теории автохтонности славян: А. В. Шембера, В. Кентжинского и Е. Богуславского.

В течение всей первой половины XIX века среди славян находились исследователи, придерживавшиеся этой теории; достаточно вспомнить среди польских ученых В. Суровецкого, А. Беловского, И. Лелевеля, К. Шульца, В. Мацийовского, А. Кухарского, Г. Сухецкого, А. Мицкевича [6], среди чехов — П. Шафарика в первый период его научной деятельности [7], Франту, Ф. Шира, Я. Коллара, К. Винаржицкого [8], среди южных славян — Т. Ярица, И. Швеара, Я. Раковского, С. Захарьева, Т. Шишкова, С. Верковича, М. Милоевича, Я. Кукулевича-Саксинского, Д. Трестеняка [9]. Даже немцы не избежали этих тенденций [10]. Наибольшее распространение теория автохтонности славян получила в 1868 году, когда проф. А. Шембера подорвал авторитет Шафарика, опубликовав свою работу о западных славянах в древнейшие времена [11], в которой он снова собрал все доказательства, свидетельствующие в пользу автохтонности

[1] См. выше, стр. 28.

[2] „Slov. star.“, I, 52.

[3] См. Ἐνετοί в Италии у Геродота (I, 196), Οἰένετοι у Полибия (II, 17, 5), Ἐνετοί в Пафлогонии (Ilias, II, 852), *veneti* в армориканской Галлии у Цезаря (B. G., II, 34; III, 8, 9), *lacus venetus* (Mela, III, 2, 8) и Ἐνετοί в Дардании (App., Mithr., 55). См. „Slov. star.“, II, 88.

[4] Подробности см. в „Slov. star.“, II, 76 и III, 35.

[5] См. „Slov. star.“, II, 78.

[6] См. „Slov. star.“, II, 77, 79; III, 36.

[7] П. Шафарик последовательно защищает автохтонность славян также и в работе, названной „Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki“ (Ofen, 1828). В своих „Славянских древностях“ (Прага, 1837) он ограничивается лишь некоторыми, но подробными сообщениями о южных славянах. См. „Slov. star.“, II, 78.

[8] См. „Slov. star.“, II, 80; III, 37.

[9] См. „Slov. star.“, II, 82.

[10] См. „Slov. star.“, II, 82 и III, 36, примечание 3.

[11] А. Шембера, Zapadní Slované v pravěku (Вена, 1868, дополнение 1871); Westslawen in der Vorzeit (Вена, 1877).

авян в Центральной Европе, используя при этом с такой ловкостью слабые лингвистической точки зрения доказательства, что его книга стала руководством и образцом для последующих работ такого же направления. Вскоре после этого появился ряд исследователей, шедших по стопам Шембера, однако, за исключением нескольких значительных поборников этой теории, большинство из них было лишь дилетантами, не знавшими древней истории, археологии, сравнительного языкознания и их точной методологии [1]. К числу наиболее трезвых сторонников этой теории в более позднее время принадлежали Я. Первольф, автор серьезной работы о славянах, их взаимных отношениях и связях [2]; затем П. Папачек, Славик, Т. Войцеховский, В. Богуславский, археологи Е. Маевский, Й. Л. Пич и К. Бухтела [3]; наконец, и главным образом, польские историки — В. Кетжинский и Е. Богуславский, которые благодаря своей широкой эрудиции стали во главе этого течения [4].

[1] Ими, например, являются Куффнер, М. Жункович, Ф. Сасинек, К. Сиха, Ф. С. Плюкал, В. Срба, Стовик, И. Зох, А. Баранский, Г. Ценов и др. („Slov. star.", II, стр. 82, III, стр. 39).

[2] И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, Варшава, 1886.

[3] P. Papáček, O předslovanské době v Čechách (Praha, 1892); J. Slavík, Slované Němci v staré době (Jindř. Hradec, 1903); T. Wojciechowski, Chrobacya (Krakow, 873); W. Bogusławski, Dziege Słow. północnozachodniej de połowy XIII w (Poznań, 887—1900); J. Pič, Starožitnosti země České, II, 3 (Praha, 1906); K. Buchtela, Vorgeschichte Böhmens (Praha, 1899); E. Majewski, Starożitn. Słowiane na ziemiach dzis. Germanii (Varšava, 1899); Ślady Wendów we Frankonii (we Światowitu, II).

[4] W. Ketrzyński, Die Lugier (Poznań, 1868); O Słowianach mieszk. między Rehem i Labą, etc. (Krakow, 1899); Germania wielka i Sarmacya nadwisłanska według Kl. Ptolemeusza (Krakow, 1901). Работы Эд. Богуславского многочисленны. Они были приведены в „Slov. star.", II, стр. 79; III, стр. 41; привожу здесь лишь наиболее важные из них: „Historya Słowian" (Krakow, 1888, 1899); „Metoda i srodki poznania czasów przedhist. w. przeszłosci Slowian" (Krakow, 1901), немецкий перевод этой работы вышел в Берлине в 1902 году. „Einführung in die Geschichte der Slawen" (Jena, 1904); „Ślady po Wendach w dzis Niemcach" (ve Światowitu, 1908); „Dowody autochtonizmu Słowian" (Varszava, 1912).

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ И ЖУРНАЛЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ[1]

А. Монографии

Барсов Н. П., Очерки русской исторической географии, Варшава, 2-е изд., 1885.

Браун Ф., Разыскания в области готославянских отношений, СПБ, 1899.

Constantinus Porphyrogenitus, vol. III, v. Corpus scriptorum historiae byzantinae, Bonn, 1840.

Дринов М., Заселение Балканского полуострова славянами, Москва, 1873.

Einhard, Annales regni Francorum, vydal G. H. Pertz, Monumenta Germaniae historica, Scriptores, I, Hannover, 1826.

Филевич И. П., История древней Руси, Варшава, 1896.

Гаркави А. Я., Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870.

Грушевский М., Киевская Русь, СПБ, 1911.

Jireček K., Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters, Wien, 1901.

Jordanis, Romana et Getica, vyd. Th. Mommsen, Monumenta Germaniae historica, V, 1, Berlin, 1882.

Карский Е. Ф., Белорусы, Варшава, I, 1903.

Kętrzyński W., O Słowianach mieszkających niegdyś między Renem, Labą i czeską granicą, Kraków, 1899.

Кочубинский А., Территория доисторической Литвы, ЖМНП, 1897.

Kos F., Gradivo za zgodovino Slovencev v szednjem veku, Ljubljana, 1903, a. d.

Krek G., Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, Graz, 2, vyd., 1887.

Ламанский В. Л., О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, СПБ, 1859.

Лавров П. А., Жития св. Наума Охридского и служба ему, СПБ, 1907.

Maretić F., Slaveni u davnini, Zagreb, 1889.

Marquart I., Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903 (цитировано в Streifzüge).

Müllenhoff K., Deutsche Altertumskunde, Berlin, I—IV, 1870—1888.

Надеждин Н., Опыт исторической географии Русского мира, Москва, 1837.

Niederle L., Starověké správy o zeměpise východní Evropy, Praha, 1899.

Niederle L., Slovanské starožitnosti; oddíl historický: I, 1902—1904 (Původ a počátky národa slovanského); II, 1906—1910 (Původ a počátky Slovanů jižních); III, 1919 (Původ a počátky Slovanů západních); oddíl kulturní: Život starých Slovanů, I, 1912—1913 (projevy materielního i duševního života); II, 1, 1916 (náboženství); III, 1921 (řemesla).

Niederle L., Slovanský svět, Praha, 1910 (do francouzštiny přeložil Louis Leger pod názvem „La race slave", Paris, 1911).

Новаковић С., Први основи словенске књижевности, Београд, 1893.

Pastrnek F., Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda, Praha, 1902.

Peisker J., Expansion of the Slavs, Cambridge, 1914 (otisk z Cambridge Medieval History).

[1] Настоящий список является не библиографией, а лишь пособием, цель которого облегчить идентификацию наименований трудов и журналов, упоминаемых особенно часто и приведенных в сокращенном виде.

:рвольф И., Славяне: их взаимные отношения и связи, Варшава, 1886.
осopii Caesariensis opera omnia, rec. Jacobus Haury, Leipzig, 1913.
осopios, Издание Comparetti, La Guerra Gotica (Fonti per la storia d'Italia), Roma, 1896.
čki F., Documenta historiae croaticae periodum antiquam illustrantia, Zagreb, 1877.
›stafiński I., O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie sẽowian, Kraków, 1908 (Bulletin de l'Académie de Cracovie).
ımоквасов Дм., Северянская земля и северяне по городищам и могилам, Москва, 1908.
оболевский А. И., Лингвистические и археологические наблюдения, Варшава, 1910 (перепечатка из Р. Ф. В.).
гатьи по славяноведению... под ред. Вл. Ламанского, СПБ, I—II, 1904—1906.
afařík P. J., Ueber die Abkunft der Slaven nach Lorenz Surowiecki, Ofen, 1828.
afařík P. J., Slovanské starožitnosti, Praha, I, vyd. 1837; II, vyd. 1862—1863.
Iахматов А. А., К вопросу об образовании русских наречий и народностей, СПБ, 1899; Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПБ, 1908.
iišič F., Geschichte der Kroaten, Zagreb, I, 1917.
Theophanis Chronographia, rec. C. de Boor, Leipzig, 1883.
Iасильев В., Византия и арабы, СПБ, 1902.
Zbornik u slavu V. Jagiča, Berlín, 1908.
Златарский В. Н., История на българската държава през средните векове, София, I, 1918.

Б. Журналы и сборники

Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen (Wideň).
Archiv für slavische Philologie (Berlin -- Wideň).
Византийский Временник (СПБ).
Bulletin de l'Académie de Cracovie: Sprawozdania z posiedzeń wydz. filolog. (I), wydz. hist.-filoz. (II).
Byzantinische Zeitschrift (Munich).
Český časopis historický (Praha).
Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn (Budapešt').
Журнал Министерства народного просвещения (Петроград); сокращенно ЖМНП.
Izvestija Muz. Društva za Kranjsko (Ljubljana).
Известия импер. Академии наук — Bulletin de l'Académie Impériale des sciences (Петроград).
Известия импер. археологической Комиссии (СПБ).
Известия отд. русского языка и словесности импер. Академии наук (СПБ).
Известия русского археологического Института в Константинополе (София).
Киевская Старина (Киев).
Ljubljanski Zvon (Ljubljana).
Mannus (Berlin).
Materiały i prace Komisji językowej (Krakovská Akademie).
Материалы по археологии России (СПБ).
Monumenta Germaniae: scriptores.
Monumenta Poloniae historica (Krakovská Akademie).
Památky archeologické (Praha).
Rad Jugoslavenske Akademije (Zagreb).
Revue des Études slaves (Paris).
Rocznik slawistyczny (Kraków).
Русский филологический Вестник (Варшава); сокращенно Р.Ф.В.
Сборник за народни умотворения... (София).
Schriften der Balkan-Komission der K. K. Akademie (Wien).
Slavia (Praha).
Slovansky přehled (Praha).

Slovenské pohlady (Turčiansky Sv. Martin).
Sprawozdania Krakovské akademie; sr. Bulletin.
Świątowit (Varšava).
Труды археологических съездов (Москва).
Записки импер. Академии наук (СПБ).
Записки наукового Товариства имени Шевченка (Львов).
Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса).
Zbiór wiadomości do antropologii krajowej (Krakov).
Zeitschrift für deutsches Altertums (Berlin).
Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (Berlin, Göttingen).

Рис 1. Князь св. Вацлав и княгиня Эмма (миниатюра Вольфенбюттельской рукописи).

Жизнь древних славян

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй части «Славянских древностей» я попытаюсь дать картину славянской культуры второй половины первого тысячелетия н. э., когда славяне уже полностью вошли в историю, иными словами речь будет идти *о быте культуре славян в последний период язычества.* Таким образом, древняя протославянская культура не является предметом настоящего изложения [1]. Под языческой славянской культурой мы разумеем культуру славян начиная с древнейших времен существования их и кончая принятием христианства в начале исторической эпохи. В процессе развития этой культуры мы отмечаем отдельные ее этапы; можно, несомненно, установить и дать описание того вклада, который протославяне принесли с собой со времен индоевропейского единства, или определить культурный уровень, на котором они находились в период протославянского единства до разделения на отдельные ветви. В обоих случаях это можно сделать на основании данных филологии. Обзор славянской культуры, какой она была за 500 лет до н. э. или в начале нашей эры, можно было бы сделать и по данным археологии. Но я не ставил перед собой задачи описать эти более древние этапы в развитии славянской культуры, так как такое описание основывалось бы либо на чисто филологической базе — а я, не будучи филологом, не мог бы дать картину культуры конца периода языкового славянского единства,— либо даже на воссоздании тех основ, которые можно обнаружить в праславянском и праарийском языковом фонде. С другой стороны, если бы я захотел проследить характер древней славянской культуры и описать последующее ее развитие лишь на основании данных археологии, то я мог бы опереться только на гипотезы, которые при всей их правдоподобности все же не доказаны [2]. И тогда многие могли бы сказать что я описываю жизнь герман-

[1] Насколько мне известно, первым издал небольшую книгу о быте и культуре славян К. Антон: „Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse" (Leipzig, 1783—1789). С того времени не было опубликовано другой крупной работы, подобной указанной выше. Шафарик в своих „Древностях" раздел о культуре написать не успел и оставил лишь подробный план этого раздела (см. его на стр. V—X предисловия ко II тому „Древностей", изданных Иречеком в 1863 г.). После Шафарика делавшиеся в этом направлении попытки ограничивались лишь более глубокой разработкой отдельных вопросов (в частности, мифологии и вопросов древнего права) или небольшими общими обзорами, обычно являвшимися предисловием к другим разделам славистики. К числу авторов таких работ относятся G. E. Vocel, написавший ценную книгу «Pravěk země české» (Praha, 1868), и Ř. Krek, автор статьи в книге «Einleitung in die slaw. Literaturgeschichte» (Graz, 1887, II изд.). К подобного рода работам следует отнести также сборник А. Архангельского „Из лекций по истории русской литературы" (Варшава, 1901, перепечатка из Русск. филолог. вестника) и некритическую статью В. Богуславского в работе Dzieje Słowiańszczyzny północnozachodnjej, II, 272—950 (Познань, 1889) и др. Сделать общий обзор славянской культуры предполагали, кажется, и А. Котляревский и Й. Пич, но они успели дать описание лишь отдельных ее разделов. Некритичным, хотя и довольно подробным, является предметный словарь А. С. Будиловича, Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным (Киев, I, 1878, 1879, II, 1882), что еще в большей степени можно сказать о книге V. Křižka, Z dějin starých Slovanů (Tabor, 1883). Единственным трудом, рассматривающим эти вопросы по-научному, правда лишь с точки зрения лингвистики, является труд И. Янко, автора книги «O pravěku Slovanů» (Praha, 1912).

[2] См. „Славянские древности", I, стр. 25 и сл.

цев или иллирийцев, а не славян, так как ведь не доказано со всей достоверностью, что могилы, о которых идет речь, являются славянскими. Поэтому вместо предполагаемой во многом гипотетической и искусственно сконструированной протославянской культуры я хочу дать более реальную картину духовного и материального уровня жизни славян на заре их истории, когда они приняли христианство, с которым в славянскую культуру сразу же вошло так много чужого,—то есть, короче говоря, я хочу дать картину жизни славян в период язычества, а именно в конце первого тысячелетия н. э., а иногда еще и в начале второго тысячелетия; если же кое-где я обращаюсь к первым векам христианской эры, то я поступаю так лишь в тех случаях, когда речь идет о следах язычества или о сравнении уровня языческой культуры с изменениями, которые произошли в результате принятия христианства. Вполне естественно, что в тех случаях, когда это возможно, и там, где это будет необходимо, мы остановимся на рассмотрении и более древних этапов в развитии славянской культуры, так как мы всегда стремимся узнать, как возникли или развились у славян те или иные элементы культуры, которые мы находим у них в конце первого тысячелетия.

Однако наша задача заключается не только в этом. Вторая наша цель — установить, что́ в воссозданной нами картине славянской культуры является действительно славянским и принадлежит славянам и что́ в ней заимствовано, так как было бы ошибкой считать, что эта, в известной степени последняя, ступень древней культуры дает нам в общих своих чертах нечто сугубо славянское, только им присущее. В тот период, на что́, в частности, указывает археология, славяне уже подвергались сильным чужеземным влияниям—римско-византийским, скандинавским и восточным, и несомненно, что то же мы должны признать и в отношении остальных разделов славянской культуры, о которых умалчивает археология, но говорят другие источники: история, лингвистика и фольклор.

Что касается порядка изложения, то я решил, что лучше всего придерживаться той же разбивки на главы, какой я придерживался в основной работе, составляющей II часть моих «Славянских древностей» („Slovanských starožítnosti"), посвященной культуре древних славян. Эта вторая часть носит в оригинале самостоятельное название «Жизнь древних славян», и к ней я во многих случаях и отсылаю читателя на последующих страницах II книги «Славянских древностей» („Rukověť slovanských starožítnosti"). Как и в первой части данной книги, так и здесь я приношу свою особую благодарность и искреннюю признательность за ценную помощь Г. А. Мазону, профессору славянских языков в Collège de France. Благодарю также аббата Моиз и Жоржа Думезила за помощь, которую они мне любезно оказали под руководством профессора Мазона.

Л. Нидерле.

Прага,
июль 1925 года.

Глава I

ТЕРРИТОРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория, на которой, согласно гипотезе, изложенной в книге I, азвивалась культура праславян, а именно область между Вислой, Карпа-ами и средним течением Днепра, по своему характеру была в большей своей асти неприветлива. В Полесье, да и не только там, имелось много стоячих од, которые весной превращались в огромные озера, известные уже и древ-им географам [1]. Большая часть территории была покрыта непроходимыми ремучими лесами, в которых средства к существованию можно было до-ыть только тяжелым трудом земледельца и нелегкой охотой на диких зве-ей [2]. «Беловежская пуща» — это живой, сохранившийся по сегодняшний ень остаток этого девственного леса. За исключением южной окраины, ро-ина праславян в основном была негостеприимной, климат в ней был холод-ый, средняя годовая температура составляла плюс 7—8°. Этим суровым характером страны, с одной стороны, и отдаленностью ее от больших куль-урных центров древности, с другой, объясняется то, что культура слав-ян до той поры, пока они жили вместе на своей прародине, была невысокой, да иной она и не могла быть. Хотя по территории, занимавшейся славянами, или неподалеку от нее и проходили торговые пути, однако они мало исполь-зовались купцами; от двух крупных торговых путей — вислянско-одерского и днепровского, — проходивших по ее западной и восточной окраинам, купцы редко отходили в глубь праславянской родины, о чем свидетельствуют архео-логические находки, которые, за исключением неолитических, являются здесь редкими. Больше всего таких находок встречается в Прикарпатской полосе, в нынешней Галиции, однако весьма сомнительно, обитали ли там славяне раньше. Что касается всей остальной территории, заселенной пра-славянами, то к ней относится, несомненно, в еще большей степени то, что позднее писал Галл во введении к своей хронике о Польше: «Regio Polo-norum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota» [3].

Так страна и ее обитатели оставались в стороне от культурных дости-жений, относились ли они к домашнему быту, производству предметов по-требления или произведениям искусства, и культура их вследствие этого была бедной и примитивной. Лишь после расцвета Римской империи, когда границы ее при Августе достигли Дуная, а при Траяне — Семиградских Кар-пат и среднего течения Днестра, сильное влияние римской культуры впервые

[1] См. Ptolem., III, 5, 6 (Ἀμάξοκα λίμνη); „Slov. star.“, I, 366. До проведения мелиоративных работ, предпринятых в 1874—1899 годах генералом Жилинским, в Полесье из общей площади в 8 720 000 гектаров земли было еще 6 540 000 гектаров болот; в 1882 году в Полесье на каждый квадратный километр приходилось 5,8 чел. См. „Živ. st. Slov.“, I, 38.

[2] Этот лесистый и суровый характер славянских земель отмечают, например, Галлус (prooemium), анонимный Персидский географ (ed. Туманского, 134), Ибн-Русте и Гардизи (ed. Bartold, 99), а позднее Длугош (I, ed. Przezdziecki, I, 8), „Živ. st. Slov.“, I, 46.

[3] Bielowski, Mon. Polon. Hist., I, 394.

стало проникать в праславянские земли и при этом в глубь Руси и в Прикарпатье. А вскоре, частью одновременно с римским, частью позднее — вместе с готами, пришло новое сильное культурное влияние, также распространившееся далеко за Вислу к среднему Днепру. При посредстве готов среди обитавших здесь славян распространилось, с одной стороны, влияние германской культуры, которая тогда была выше славянской, с другой—влияние культуры римской и христианской. Еще большее значение, чем утвердившееся влияние этих двух упомянутых выше культур, имело распространение славян со своей прародины в соседние, а иногда и в отдаленные земли, особенно усилившееся примерно со II или III веков н. э. Хотя западные славяне застали восточную Германию в основном безлюдной, но здесь все же сохранились остатки германских поселений и галльских городов; южные славяне, распространившись до Дуная и за Дунай, были поражены римскими и греческими городами, виллами, водопроводом и мостами, а восточные славяне столетие за столетием все глубже и глубже попадали в сферу влияния черноморских культур — греческой, сарматской и хазарской. Таким образом, значительная часть славян пришла в тесное живое общение с более высокими культурами, в той или иной степени оказывавшими на них влияние. Так, мы видим, например, что уже в VII и VIII веках южные славяне широко использовали римские методы ведения боя и важнейшие военные изобретения.

Вторая половина первого тысячелетия также принесла с собой новое культурное влияние. Из Азии пришли гунны и авары, принесшие с собою в среду славянства ряд новых институтов, обычаев, изделий, а начиная с VIII века значительное влияние на Центральную и Восточную Европу стали оказывать империя франков и завоевания Карла и его преемников, которые принесли с собой христианство и привели к полному изменению условий существования и домашнего быта.

В тот же период на Восток, в среду днепровского славянства стали активно проникать скандинавы, принесшие с собой совершенно новую, особую культуру, соперничавшую там с сильным влиянием азиатских культур, распространявшимся среди южной части восточного славянства купцами, плывшими по Черному морю и Дону или подымавшимися вверх по Волге.

Это множество интенсивных культурных связей совершенно изменило древний праславянский быт. Мы встречаем в нем римские обычаи и нравы, римское, точнее римско-германское, ремесло (вернее римские ремесла, распространявшиеся германцами); видим новые германские обычаи и институты, хозяйственные нововведения, развивающееся морское дело, подражание германскому и византийскому искусству; видим, как южные и восточные славяне подпадают под влияние Востока; мы видим, как даже христианские представления проникают в языческие верования.

Все это, с одной стороны, подняло славянскую культуру на более высокую ступень — славяне вступают в ряд культурных народов,— с другой же— денационализировало ее, так как она частично утеряла свой, хотя и простой, но присущий только ей, славянский характер. И хотя своих особенностей славянская культура полностью не утратила, так как они в довольно значительной степени сохранились даже в заимствованных славянами вещах, на которых виден был ее отпечаток, все же в конце языческого периода славянская культура уже является иной, чем культура праславянская; она значительно отличается от нее, будучи к тому же более высокой и разносторонней. И все же славянская культура никогда не достигала уровня соседних, не могла сравниться с ними по своему богатству и всегда была беднее восточных культур, а также культуры римской, византийской и даже германской, которая раньше, чем славянская, сумела воспринять прогрессивную римскую культуру. «Мы, Словене — простая чадь»,— охарактеризовал свой народ еще в IX веке

моравский князь Ростислав, когда просил императора Михаила прислать к нему наставника христианской веры [1].

В последующих главах я сделаю обзор славянской культуры, который, разумеется, не является и не может являться полной систематизацией культурных древностей. Порядок построения этих глав вытекает, во-первых, из попросту тематического разделения культуры, во-вторых, из того, в какой степени отдельные источники представляют материал для такого обзора. Поэтому, рассматривая, например, быт и жизнь славянина, последнему ее этапу, а именно погребению, я посвящаю специальную главу, так как славянский фольклор, а в еще большей степени археология представляют нам столько материала, что ему нельзя не уделить больше места, да к тому же и материал этот таков, что заслуживает специальной главы. В то же время остальное описание быта славян из-за недостатка данных или недостаточной их разработки ограничивается лишь одной небольшой главой.

Порядок глав сохранен тот же, что и в книге «Жизнь древних славян».

[1] „Житие Константина“ (конец IX века), ed. Pastrnek, Dějiny slov. apoštolů (Praha), 225. Точно так же „простыми“ назвал славян в 584 году Иоанн Эфесский (VI, 25). См. „Slov. star.“, II, 207.

Глава II

ЖИЗНЬ СЛАВЯН

Только о смерти и связанном с нею погребении у нас имеются подробные и достоверные сведения. О жизни славян нам известно очень мало, так как никаких археологических данных нет, а исторических известий о ней крайне недостаточно. Поэтому мы вынуждены пользоваться лишь данными славянского фольклора. Однако собранный здесь материал и его сравнительное изучение не дают еще возможности утверждать, что́ именно из основных явлений и обычаев, сохранившихся в народной традиции по сегодняшний день, имеет свои корни в языческом периоде, а что́ перешло в славянский фольклор в результате общения с соседними народами уже в исторический период.

Физический тип

В древних источниках славяне описываются как физически здоровые, сильные и крепкие люди, хорошо закаленные, не боящиеся лишений, жары и холода. Однако особого значения этой оценке придавать не следует, так как все это были особенности, которые изнеженные и чувствительные к лишениям высшие слои римского и греческого населения отмечали у всех варваров, прибывавших с севера на юг Европы. Ведь сюда всегда приходили дети природы, были ли это галлы, германцы или славяне, и они, естественно, были закалены и не боялись непогоды и холода, а это, повидимому, больше всего импонировало культурным людям юга.

Поэтому как в глазах греков и римлян, так и в глазах восточных путешественников, бывших родом главным образом из Месопотамии и Персии, славяне не являлись исключением. Об их закаленности, большой физической силе, о том, как они выносливы, как переносят жару, мороз, болезни и как встречают смерть, свидетельствуют древние греческие источники VI—VIII веков, а из восточных авторов — Гардизи, Ибн-Русте и Димешки [1]. Видукинд описывает их в следующих словах: «genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum et quod nostris gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt» [2].

С этим согласуется и похвальный отзыв об их большой физической силе, об их телах, стройных и высоких, так как опять-таки к ним относятся эти выражения: «εὐμήκεις, ἄλκιμοι, μέγεθος τῶν σωμάτων, μεγαλοφύεις» [3], что, наконец, частично подтверждается *также и скелетами славян*, измеренными в могилах in situ. Обычно у мужчин они показывают длину от 160 до 170 *см* [4].

[1] Procop., B. G., III, 22; Maur., Strat., XI, 5; Leon, Tactika, c. XVIII; Theophylactos, VI, 8 (ed. Boor, 236); Kardîzî, ed. Bartold, 123; Dimeškî (Charmoy, Relation, 353). Подробности см. в книге „Život st. Slov.“, I, 53—54.

[2] Widukind, II, 20.

[3] Procop., B. G., III, 14; Theophyl., VI, 2, Theoph., ed. Boor, 268.

[4] Подробности см. в „Život. st. Slov.“, I, 54. В плоцкой земле были обнаружены скелеты даже свыше 180 *см*. Общий обзор славянских антропологических данных представил Ю. Д. Талько-Гринцевич, „Опыт физической характеристики древних славян“, Петроград, 1909.

Красоту славянских рабынь, привезенных с Балканского полуострова, воспевает в XI веке персидский поэт Насир-и-Хисров [1].

Что касается отдельных соматологических типов, то для славян, так же как и германцев, галлов и других северян, характерен светлый цвет лица, глаз и волос, отличавший их от темных южноевропейцев. И если древние славяне и не были столь светлы, как германцы Скандинавии, то все же в целом их принадлежность к светлой расе не вызывает сомнений. Об этом физическом признаке славян ведется спор, которого я уже коснулся в первой части данной работы (стр. 24—25), когда говорил о различных теориях, с помощью которых пытались истолковать происхождение славян и их этническую связь с другими народами, и объяснял, какие изменения в облике большей части славян произошли за минувшее тысячелетие. Сейчас мы уже не можем сказать, что славяне характеризуются светлыми глазами и светлыми волосами, и если древние известия характеризуют их иным образом, то, очевидно, славяне и выглядели по-иному, и только в исторический период, в результате смешения с другими, уже темными, расами Центральной и Восточной Европы, они потеряли свою светлую окраску, которая, видимо, как и у соседних германцев и литовцев, была связана с их общим северным происхождением.

Светлый тип славян отмечает Прокопий, говоря: «ὑπέρυθροί εἰσιν ἅπαντες»[2], подразумевая, повидимому, цвет, для обозначения которого в славянском языке имеется название «русый»; неизвестный автор «Стратегика» VI века также перечисляет славян и антов среди ζάνθα ἔθνη[3], что подтверждается и арабскими известиями VII века.

Поэт Аль-Ахталь называет их русыми («ashâb»), Якут называет их народом с румяным цветом лица и русыми волосами. Так же описывает их и Масуди, а Казвини о них говорит: «Славяне — русоволосые, с румяным цветом лица и обладают большой силой». Абд-эр-Рахмана Ибн-Хабиба за стройную фигуру, светлые волосы и голубые глаза называли славянином, а согласно Якуту и словарю, называвшемуся Камус, люди со светлой кожей вообще назывались Сиклаб или Саклаб [4]. Гардизи (XI век) объясняет светлую окраску, которая временами отмечалась среди киргизов, смешением их со славянами [5].

Исключение из этих согласующихся между собой известий составляет только сообщение Ибрагима Ибн-Якуба относительно чехов, которые, по его словам, в отличие от других славян, смуглы и темноволосы [6]. Чехи, очевидно, уже в X веке в значительно большей степени, чем остальные славяне, смешались с темноволосым населением Европы. Очевидно, этому населению и принадлежат остатки темных волос, которые временами находят археологи как в древних чешских, так и в древних русских могилах.

Впрочем, славяне вообще никогда не были чистой расой и с самого начала их существования часть из них являлась темноволосыми — одно племя в большей, другое в меньшей степени. А эта темноволосая раса, обладавшая большими жизненными силами, в ходе исторического развития все больше и больше поглощала первоначально более многочисленный светлый элемент. Поэтому славяне теперь и выглядят по-иному, чем во времена Прокопия, когда добросовестный наблюдатель писал о них: «все они русые».

[1] Jacob, Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters, Berlin, 1891, 11.

[2] Procop., III, 14: „τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὔτε Λευκοὶ ἐς ἄγαν ἢ ξανθοί εἰσιν, οὔτε πη ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροι εἰσιν ἅπαντες".

[3] Ed. Müller, 125.

[4] См. данные в „Slov. star.", I, 98 и в „Živ. st. Slov.", I, 56.

[5] Ed. Bartold, 109.

[6] Ed. Westberg, 54.

Рождение и детство

Рождение ребенка, несомненно, сопровождалось у славян, как и у всех других народов, находившихся на определенной ступени культурного развития, рядом особых обрядов, которые носили либо чисто гигиенический характер (профилактика, диета), либо были связаны с существовавшими поверьями; однако эти древние обряды остались нам неизвестны. Некоторые упоминания имеются лишь в позднейших русских церковных поучениях и в традициях о существах, охраняющих роды, так называемых *родах* и *рожаницах*, о которых я еще буду говорить в главе VI. Наиболее богатым источником, по которому можно судить и о языческом периоде, остаются церемонии, которыми у многих славян до сих пор сопровождаются роды и шестинедельный послеродовой период. Однако поскольку до 1911 года не было труда, в котором был бы собран и должным образом проанализирован этот материал, я не решался тогда сделать выводы о древнем языческом церемониале и коснулся его в вышедшей на чешском языке книге «Жизнь древних славян» лишь в кратком примечании [1]. Однако позднее Ян Быстронь опубликовал обширное исследование, посвященное главным образом славянским обычаям, которыми сопровождались рождение ребенка и шестинедельный послеродовой период [2]. В этом исследовании он с большой убедительностью показывает, что большинство этих обрядов, являются ли они в своей основе гигиеническими, социологическими или демонологическими, имеют древние корни. Их породило не христианство, и вопрос сводится лишь к одному: не перенято ли славянами что-либо из этих обрядов уже в более позднее время от своих соседей. Однако повсеместное распространение этих обычаев в древней Европе и сама их социологически-религиозная сущность показывают с наибольшей вероятностью, что обычаи эти и в древнейшие времена были свойственны также и славянам. К ним относятся все представления и обряды, которые указывают на стремление изолировать и охранять нечистую женщину [3] и оканчиваются очистительной церемонией, а также аналогичные обряды, относящиеся к изоляции, охране и очищению ребенка [4]. Очистительная церемония складывалась из акта собственно очищения (обмывания), из обрядового разрешения вновь общаться с людьми, угощения друзей и нанесения им визитов.

По истечении определенного послеродового периода наступал еще один важный обряд уже социологического характера: принятие ребенка в состав семьи и общины в качестве равноправного их члена, что сопровождалось выполнением соответствующего ритуала. Ребенка брали на руки, клали на землю или на порог или же на очаг, затем поднимали, обносили вокруг избы

[1] См. „Živ. st. Slov.“, I, 59.

[2] J. Bystroń, Słowiańskie obrzędy rodzinne, Kraków, 1916. Помимо этой работы, заслуживают внимания еще две более старые работы И. И. Срезневского „О шести неделях у славян“ (Москва, 1866) и „Роженицы у Славян и других языческих народов“. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачевым, М., 1855, стр. 97—122. См. также S. Cziszewského, Kuwada (Краков, 1905), Зенон Кузеля, Дитина в звичаях і віруваних укр. народа (Матер. по укр. етнології, VIII—IX, 1906—1907).

[3] Сюда относятся предписания об изоляции женщины во время менструаций, беременности и родов, запрещение выполнять домашнюю работу и общаться с другими, запрещение переступать через порог дверей, переходить мосты, межи, плетни, затем поиски специального места для родов; обычай класть топор, иглы или нож на порог дома и в постель, развязывание узлов и открывание замков перед родами, обычай закрывать и занавешивать роженицу в течение шести недель после родов, запрещение ходить босой, прясть, шить, одалживать что-либо из дому. Отдаленные следы кувады найдены у великорусов и украинцев. Предметы, принадлежавшие женщинам в период беременности и шести недель после родов, также должны были быть очищены.

[4] Сюда, в частности, относятся все средства для того, чтобы уберечь ребенка от порчи, то есть причинения зла ребенку чужим дурным взглядом. Поэтому ребенка не показывают посторонним людям.

ловали, клали в первую купель и т. д. В купель бросали дары: зерна, н, соль, позднее деньги и т. д. [1] При этом кумовья (древнеславянск. ъ) играли уже значительную роль, которая во многих местах сохранилась за ними и до сих пор. Трудно сказать, все ли упомянутые здесь детали ряда соблюдались уже в языческий период, однако я полагаю, что в основе своей весь церемониал тогда уже существовал. В частности, языческими являются все средства и обряды, целью которых являлась охрана женщины ребенка от влияния злых демонов.

Лишь о двух обычаях, имеющих отношение к первому периоду жизни бенка, мы имеем непосредственные свидетельства древних источников: обычае убивать лишних детей и о «постригах».

Обычай убивать детей на первый взгляд поражает, поскольку во всех ругих отношениях семейная жизнь древних славян отличалась своим весьа спокойным и мирным характером. Этот обычай с полной достоверностью свидетельствован у балтийских славян, поморян и лютичей, где матери душили новорожденных детей женского пола, если их было много в семье, чтобы можно было лучше заботиться об остальных. «Hoc nefac maxime inter os vigebat» [2],— говорит Эббон, а епископ Оттон Бамберский приложил в 124 году много сил для искоренения этого обычая [3]. В известном отрывке з Псевдо-Цезаря Назианского при всей его фантастичности в остальных отношениях, по всей вероятности, также скрывается сообщение о том, что славяне, вторгшиеся в VI веке на Балканы, практиковали подобное детоубийство [4]. Наконец, и в одном древнерусском трактате — «Слово Григория Богослова» — упоминается об убийстве маленьких детей, которое практикуется в Тавриде («Таверьская дѣторезанья») и которое русский переводчик приписывает славянам [5].

Что побуждало славян придерживаться такого обычая, сказать трудно. У других народов, находившихся на начальной ступени развития, где существовал или до сих пор сохранился аналогичный обычай, причины его были различны: религиозные, социальные, гигиенические, чаще всего страх перед трудностями, связанными с пропитанием ребенка и семьи; однако существование этого обычая у славян именно по этой причине можно допустить лишь с большой натяжкой, так как у них прибавление женщин в семье означало прибавление рабочей силы и, кроме того, отец при выдаче дочери замуж получал за нее выкуп. Поэтому Ибрагим Ибн-Якуб говорит в X веке о западных славянах, что большое количество дочерей означало у них богатство [6]. Возможно, что в Прибалтике существовала древняя традиция, согласно которой большое количество дочерей считалось чем-то малоценным; возможно также, что избыток дочерей в местах, где мужчины постоянно гибли в боях и во время пиратских набегов, стал обременительным, так как дочерей нельзя было сбыть с рук. Следует упомянуть, что тот же обычай существовал и у соседей славян — германцев и литовцев, да и у других древних европейских народов [7].

[1] Подробности имеются у Быстроня, стр. 76 и сл.

[2] [„Это безбожное дело (беззаконие) было весьма распространено среди них".]

[3] Ebbo, I, 3; Herbord, II, 18, 33. Здесь Герборд пишет: „si plures filias aliqua genuisset ut ceteris facilius providerent, aliquas ex eis ingulabant". См. Ekkehard, Chron. ad 1125 (Pertzs, Auct. ant., VI, 263, 264).

[4] Pseudocaesarius, Dialogi, 110 (славяне якобы убивают детей о скалы, как крыс).

[5] Н. С. Тихонравов, Летописи русской литературы и древности, IV, III, 98 (Москва, 1862). Зато сообщение об уничтожении русских детей под Доростолом в 971 году, о чем сообщает Лев Диакон (Leo Diacon, IX, 6), я рассматривал бы как жертвоприношение при погребальном обряде.

[6] Ibrâhîm, ed. Westberg, 55.

[7] Hirt, Indogermanen, 718. Об обычаях у литовцев см. у Петра из Дуисбурга, „Chron. terre Prussie", III и Ibrâhîm, ed. Westberg, 32, 56 (Brückner, Archiv, f. slaw. Phil., XXI, 23).

При каких обстоятельствах и по каким причинам делались у славян аборты, неизвестно, но они имели место, и именно их имеют в виду гомилий (проповедь) Опатовицкого и запрещение Бретислава 1039 года в Чехии, а в России [1] — «ответы Нифонта» (XII век). В России женщины ходили к колдуньям, и те давали им какие-то травы, способствовавшие изгнанию плода.

Древнеславянские постриги являются дополнением уже упомянутого выше обряда. Если в первом случае ребенка после рождения принимали в семью и поручали заботам матери, то несколько лет спустя, в срок, менявшийся в соответствии с обычаями отдельных родов и племен, ребенок мужского пола изымался из попечения матери и отдавался на попечение отца, и дальнейшее воспитание ребенка заключалось в подготовке его к тем занятиям, которые являлись прерогативой мужчин. Сам обряд заключался в том, что отец, родственник или почетный гость на семейном празднике, сопровождавшемся пиром, остригал у мальчика несколько прядей. Обозначался этот церемониал термином «постриг» (постриженье) [2].

В языческий период обычай пострига непосредственно не засвидетельствован, но мы располагаем некоторыми известиями, относящимися к первому периоду христианства — X—XII векам, и несомненно, что до принятия христианства этот обычай существовал повсюду. Впрочем, слившись с церковными обрядами, обычай пострига и поныне сохранился у некоторых славянских народов [3]. У чехов в начале X века засвидетельствован постриг князя Вацлава, у русских постриги Юрия и Ярослáва, сыновей князя Всеволода, упоминаются в летописи под 1192 и 1194 годами, а польская традиция в XII веке определенно считала постриги обычаем, относящимся к языческому периоду [4].

Полное понимание славянских постригов затруднено тем, что возраст ребенка, в котором этот обряд проводился, был весьма различен. У поляков он совершался на 7-м году жизни ребенка, у чехов, как видно из легенды, еще позднее, а у русских в летописный период уже на 2—3-м году, в Сербии же он выполняется теперь, как правило, после года или даже раньше, а местами на третьем, пятом и даже седьмом году. Вследствие этого первоначальное значение постригов полностью неясно. Если бы постриги совершались всегда в более поздние годы жизни ребенка, то мы с полной уверенностью могли бы полагать их обрядом, символизирующим переход его в более зрелый возраст, как это было у германцев [5]. Но у славян именно древнейшие известия и относят этот обряд к младенческому возрасту, и поэтому не остается ничего другого, как предположить, что он являлся символом перехода ребенка из-под опеки чисто материнской в попечение отцовское, что подразумевало также, что ребенок — мальчик является в потенции зрелым мужчиной. Именно поэтому в древней Руси княжеского сына впервые сажа-

[1] Kosmas, II, 4; гомилий Опатовицкого (ed. Hecht), 82 и Историч. Библиотека, VI, 58. Об этом говорит также Запрет митрополита Григория в XI веке и позднейшие южнославянские запрещения XIII века (Starine, VI, с. 118).

[2] Первые волосы ребенка стригли старухи в жертву *рожаницам*. Mansikka, Religion der Ostslaven (Helsingfors, 1921), I, 307.

[3] У сербов — *стрижба, стриг, шишање, узимање* кос; у болгар — *стрижба, наплитание;* в южной России — *застрижки*. Соответствующую литературу см. в „Živ. st. Slov.“, I, 64. См. также W. Abraham, Zawarcie małżenstwa (Львов, 1925), 221.

[4] „Житие св. Вацлава“ (Pastrnek, Věstnik Král uč. spol., 1903, VI, 42); Лаврентьевская летопись под 1192, 1194 годами (см. также под 1212 годом); Gallus, I, 1 (Bielowski, Mon. Pol. Hist., I, 395, 398). См. „Život st. Slov.“, I. 63, sl. K. Potkański, Postrzyżyny и Słowian i Germanów (Rozprawy, Akad., Krakow, 1895, Ser. II, tom VII), F. S. Krauss, Die Haarschurgodschaft bei den Südslawen (Intern. Arch. f. Ethnol., 1894, 163), A. Naegle, Die feierliche Haarschur und Haarweihe des heil. Wenzel (Mitth. das Ver. f. Gesch. Deutsch. in Böhmen, LV, 110, 1917).

[5] См. Potkański, I, с. 334. В Белоруссии на свадьбах постриги практикуются также и на взрослых.

ии на коня после постригов; на Дону и до сих пор, после того как постригут казацкого сына, его сажают на коня, дают ему в руки саблю и поздравляют, как казака [1].

О девичьих постригах у древних славян свидетельств нет, но обычай обрезать волосы у девушек существует еще и теперь на Балканах, у сербов и болгар, а также на Украине [2].

Брак и обряды, связанные с ним

Физическое развитие юноши и девушки, достигших зрелости, было тесно связано с их половой жизнью.

Об обычаях, связанных с наступлением зрелости и признанием совершеннолетия, нам ничего не известно. Ничего не известно нам и о возрасте, с которого юноша или девушка согласно обычаю считались достигшими зрелости [3]. Лишь специальная прическа да особый головной убор — венок или украшенная повязка в волосах (обычай, сохранившийся еще в некоторых славянских странах и отличающий девушку от замужней женщины, носящей на голове повойник)— является, по всей вероятности, древнейшим признаком девушки, созревшей для замужества, упоминаемым еще Козьмой Пражским в Чехии (corona puellarum) [4]. Древний характер имеет, вероятно, и обрядовое принятие юношей в сообщество взрослых, существующее и поныне на Украине [5].

Судя по всему, в древнейшие времена у славян до известной степени существовал промискуитет, на что, видимо, указывают остатки гетеризма во время древних, унаследованных с языческих времен празднеств при свадьбах, а также аналогичные и схожие явления у соседних латышей, агафирсов и скифов [6]. Однако позднее, в конце языческого периода, половая жизнь уже повсеместно регулировалась нормальным браком мужчины с одной или несколькими женщинами.

Свадьба. У всех народов, как малоразвитых, так и более культурных, брак считается настолько важным актом, что сопровождается какой-либо значительной церемонией. О том, что это было так и при славянской свадьбе — древнеславянский *бракъ* или общеславянская svatba, vesele [7],— мы можем допускать a priori, хотя непосредственных известий об этом, относящихся к периоду язычества, очень мало.

Основу брака составляло похищение девушки из другого рода или племени или ее выкуп. Дети являлись собственностью отца, и девушка могла перейти в собственность другого мужчины только после насильственного похищения или после мирной купли, посредством которой отец уступал свои права другому мужчине. В конце языческого периода у славян мы встречаем обе формы — похищение и купля существуют одновременно (хотя и не у всех), и вместе с тем мы наблюдаем, что со времени христианства похищение считается чем-то более грубым и худшим, свойственным язычеству. На основании исторических источников сравнительного фольклора и линг-

[1] См. Летопись под 1192 г. и сообщение М. В. Довнара-Запольского в „Этнографическом обозрении", 1894, IV, 38.

[2] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", I, 66.

[3] О данных, относящихся к историческому периоду, см. в „Živ. st. Slov.", I, 67.

[4] Kosmas, I, 27 (Fontes rerum bohemicarum, II, 40).

[5] Сумцов, Н. Ф., Культурные переживания, Киев, 1890, 187, 355.

[6] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", I, 69.

[7] См. „Živ. st. Slov.", I, 95. Другой древний термин *посадъ*, засвидетельствованный с X века и соответствующий греческому γάμος, мне неясен (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПБ, 1902, II, 1226).

вистики нельзя решить, являлось ли похищение действительно более древней и изначальной формой брака. Однако о том, что похищение не было обычаем временным, случайным и только местным, свидетельствует уверенность, с какой киевский летописец назвал его в конце XI века типическим и постоянным для некоторых русских племен [1]. Об этом же в отношении России свидетельствует и Саксон Грамматик [2], а в отношении Чехии XI века — упоминания гомилия Опатовицкого [3]. О нем же, наконец, свидетельствует и большое количество пережитков похищений, сохранившихся на Руси, в Чехии, Польше и на всем Балканском полуострове вплоть до исторического периода. В более поздний исторический период право отдельных славянских народов полно наказаний за похищение девушек, называвшееся по-русски также умыкание, умычка, увод, увоз, по-польски — porwanie, по-сербски — отмица, по-болгарски — завличане, влачене, грабене мома, по-чешски — unos [4]. Наконец, и сам термин «невеста», вероятно, указывает на форму похищения [5].

Однако наряду с этими данными имеются и древние известия о покупке женщин в Польше [6] и в России [7], а также многочисленные пережитки этого обычая и упоминания о нем в позднейшее время [8]. Для обозначения подарка, который отец получал за дочь, в славянском языке имеется индоевропейский термин veno [9].

Об обрядах, которыми в языческий период сопровождалась свадьба, нам известно очень мало. В нашем распоряжении нет ни одного сохранившегося описания свадьбы, поэтому мы вынуждены воссоздавать ее картину отчасти по общему индоевропейскому языковому и бытовому материалу [10], частью же по историческим и современным славянским обычаям, во многом сходным и в значительной мере уходящим своими корнями в далекое прошлое [11]. На основе этих материалов я попытался в чешском оригинале «Жизни древних славян» восстановить излагаемую ниже картину свадебного церемониала.

В тех случаях, когда речь шла не о насильственном похищении, посланцы жениха договаривались с отцом девушки о браке за выкуп, а затем через

[1] Лаврентьевская летопись, 123: „Поляне... брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи и вятичи и северъ одинъ обычай имяху... браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены... Си же твориху обычая кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами собе законъ". (Цитируется по ПВЛ, АН СССР, 1950, I, 15.)

[2] Saxo (ed. Holder), 156. См. „Živ. st. Slov.", I, 71.

[3] Das Homiliar des Bischof von Prag, ed. F. Hecht (Prag, 1863), 22.

[4] Более подробные данные см. в „Živ. st. Slov.", I, 72.

[5] Так, согласно толкованию Миклошича (Etymologisches Wörterbuch, 214) и Зубатого (Archiv für sl. Phil., XVI, 404), слово *невеста* значит неизвестная, то есть взятая откуда-то. Другое толкование от этого корня („та, которая не познала мужа") предложил Н. Трубецкой („Slavia", I, 12).

[6] Ibrâhîm îbn-Jákûb, ed. Westberg, 31, 53, 93.

[7] См. сноску 1.

[8] „Živ. st. Slov.", I, 72—74.

[9] Veno от vedmno. Ср. латинск. термин venum, греческ. ἑδνον, ahd. widamo.

[10] См. Hirt, Indogermanen, 436; Schrader, Reallexicon d. indogerm. Alt., 110, 353, 652. Остальную литературу см. в „Živ. st. Slov.", I, 73, 75.

[11] Литература, описывающая свадьбы у различных славянских народов, весьма обширна. См. „Živ. st. Slov.", I, 75, 381. Попытку написать обобщающий труд сделал J. Piprek, „Slawische Brautwerbungs-und Hochzeitgebräuche", Wien, 1915, Suppl. zur Zeitsehr. f. öst. Volkskunde. Серьезную книгу, в которой собраны все древние славянские свидетельства, и прежде всего польские, опубликовал W. Abraham, „Zawarcie małżeństwa w pierwotnem prawie polskiem" (Львов, 1925). Эта работа подтверждает и расширяет наши представления о древнем славянском свадебном обряде. Однако автор уделяет основное внимание правовому положению женщины в славянской семье.

некоторое время назначалась и свадьба. Приводили невесту [1] и приступали к венчанию, которое начиналось заручинами, или обручением, церемонией, во время которой невеста вкладывала свою руку в руку жениха, причем жених и невеста обменивались подарками, среди которых особенно важным было (и до сих пор является) яблоко, очевидно потому, что в нем заключался какой-то символ плодородия и любви, затем петух или курица (черная). Обычай дарить перстень пришел из Византии и, несомненно, является заимствованием позднейшего времени, хотя и упоминается уже в начале XIII века у летописца Переяславля Суздальского [2]. Затем следовало облачение невесты в свадебное одеяние, называвшееся, по всей вероятности, *наметъка*, после чего невесту отводили в дом жениха, где встречали медом и хлебом и забрасывали различными плодами (зернами хлебных злаков, маком, горохом и т. д.), чтобы она была плодовита и зажиточна. После этого невесту трижды обводили вокруг очага, домашним богам которого она должна была поклониться, быть может, принести им жертву, и, наконец, усаживали на звериную шкуру, повернутую мехом вверх. При этом гостям раздавали свадебный калач (*коровай*) [3]. Затем невесте торжественно расплетали косы и остригали, а оставшиеся волосы укладывали под чепец, обернутый фатой. Наконец, невеста развязывала мужу обувь в знак того, что она ему полностью подчиняется (видимо, поэтому и остригались волосы), и жених даже наносил ей символические удары [4], после чего женщины и дружки одевали новобрачных в новые рубахи и торжественно укладывали их на ложе. Остальные же собравшиеся на свадьбу гости между тем отдавались буйному веселью с оттенком фаллического культа. После брачной ночи молодоженов, сопровождаемых веселыми дружками, отводили очиститься водой, а вероятно, и огнем.

Иногда этот обязательный церемониал дополнялся и оживлялся символическими и драматическими реминисценциями проводившегося когда-то похищения, а также непременными хороводами, песнями под музыку и различными маскарадами, без которых народные празднества вообще редко когда проводились. Я полагаю, что все это имело место уже в языческий период и перешло в христианский, но здесь под влиянием церкви отдельные обряды были вытеснены, другие же приспособлены к церковным актам и дополнены. В этом отношении, как и в других случаях, православная церковь относилась к сохранению языческих обрядов с большей терпимостью, чем католическая. Насколько глубокие корни пустил у славян древний свадебный обряд, видно из того, что простой народ не только в XII—XIV веках считал церковные обряды чем-то предназначенным для князей и бояр [5], но и в XVI — XVII веках, а местами еще и теперь считает их обрядами, не имеющими правовой силы, которую свадьба приобретает лишь после проведения всего домашнего церемониала [6].

Свидетельств свадебных обрядов славян-язычников, помимо уже упомянутых похищений и выкупа, мало, но из некоторых упоминаний в русских церковных наставлениях и летописях, относящихся к первому периоду хри-

[1] Отсюда древнее, засвидетельствованное еще в IX—X веках выражение — жену водити, приводити (в славянском переводе Номоканона) и древнерусское „водимая“ — законная жена.

[2] Опубликован К. М. Оболенским; „Временник Московского общества истории и древности Российских“, IX, Москва, 1851. См. „Živ. st. Slov.“, I, 112.

[3] Происхождение этого термина неясно, но он засвидетельствован и в литовском языке. См. Berneker, Etym. Wörterb., 577, s. v. Korvaj.

[4] Этот обычай, по всей вероятности, перешел от соседних тюрко-татар.

[5] Свидетельства см. в предписаниях чешских, польских и русских епископов XI—XIV веков, приведенных в „Živ. st. Slov.“, I, 97. См. также „Заповедь св. отец“ XI века.

[6] См. „Živ. st. Slov.“, I, 97—98, 381.

стианства, мы видим, что в России молились над кораваем (русское «коровайное моление») [1], что в России и Чехии замужние женщины набрасывали на голову покрывало (увивало, повой) [2], а девушка сразу же становилась женой того, кто ей, простоволосой, набрасывал на голову покрывало или повой [3] и кому она снимала обувь с ног [4].

О большой распространенности обрядов языческой свадьбы с песнями и с музыкальным сопровождением бубна и свирели свидетельствует «Слово некоего Христолюбца» (XI век), который сетует на то, что «это не брак, а идолослужение». Тот же автор жалуется, что на свадьбах изготовляют фигуры, символизирующие человеческий фаллос, и творят с ними различные непристойности [5]. О древнем обычае обмена перстнями (установившемся, вероятно, под чужим влиянием) мы уже упоминали выше. Об «обручении» невесты свидетельствует «Заповедь св. отец» XI века и поучение епископа Луки Новгородского (XII век) [6], а грамота митрополита Кирилла II из того же города свидетельствует о том, что невест после свадьбы водили к воде [7].

Обычными формами брака у славян была моногамия и полигамия. Местами, как например у русских вятичей, радимичей и северян, полигамия, согласно летописному свидетельству, была обычным явлением; в других же местах нескольких жен брали себе лишь зажиточные хозяева, имевшие большое хозяйство, и, разумеется, князья, содержавшие целые гаремы жен, а, кроме них, еще и наложниц. Об этом свидетельствует большое количество известий, относящихся к языческому периоду; первое время после введения христианства священники и епископы ревностно боролись с полигамией, которая удерживалась довольно долго, и церкви не скоро удалось ее искоренить.

Киевская летопись свидетельствует, что на Руси в XI веке, возможно в начале XII века, вятичи, радимичи и северяне имели по две-три жены; то же подтверждают Ибн-Русте и Казвини, а также ряд церковных и светских запрещений, относящихся к XI и XII векам [8]. В Чехии наличие полигамии подтверждает Козьма Пражский [9], а биограф св. Войтеха указывает, что главной причиной, вынудившей епископа покинуть чешскую землю, было многоженство, которое он не смог искоренить [10]. Князь Бржетислав в 1039 году наряду с другими пороками резко обличал наложничество [11]. Точно так же было и у поморян, где с полигамией ревностно боролся епископ Оттон Бамберский. Письмом папы Иоанна VIII, посланным в 873 году князю Коцелу, запрещалось двоеженство в его княжестве на озере Балатон. На Балканах полигамию запрещал Козьма Болгарский [12].

О гаремах славянских князей рассказывает Ибрагим Ибн-Якуб, отме-

[1] „Слово некоего Христолюбца". Этот важный трактат, отмечающий различные пережитки язычества, сохранился в рукописи XV века в Новгородской библиотеке и опубликован Н. С. Тихонравовым, Летописи... IV, 94. См. также „Živ. st. Slov.", I, 91.

[2] Kosmas, под 977 г. (Fontes rer. bohem., II, 40). „Житие св. Людмилы" (Fontes, I, с. I, 123), Грамота Ярослава Владимировича от 1195 года (М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, I, 94).

[3] Казвини (Charmoy, Relation, 343).

[4] Лаврентьевская летопись, 74 (под 980 годом).

[5] Н. С. Тихонравов, I, стр. 92. Аналогичным образом это описывается в „Слове св. Григория"; см. Е. Аничков, Язычество и древняя Русь. СПБ, 1914, 29, 61.

[6] Е. Е. Голубинский, История русской церкви, I, 2 изд., 538, Владимиров, Поучения, III, 247. В болгарском сборнике XIII века мы также читаем „обручена жена" (Starine, VI, 117) и у Syntagma Vlastarově, ed. Novakovič, 42.

[7] Русская Историческая библиотека, VI, 99.

[8] Лаврентьевская летопись, 13 (ПВЛ, I, 15); Ибн-Русте, изд. Хвольсона, 30; Казвини (Charmoy, Relation, 343). Ряд русских церковных запретов см. в „Živ. st. Slov.", I, 98.

[9] Kosmas, I, 36 (о двух-трех женах см. под 1002 годом), см. также I, 29.

[10] Canaparius, Vita Sti Adalberti, XI (Vita auct. Brunone, XI).

[11] Kosmas, II, 4, см. также homiliář Opatovický (ed. Hecht), 22.

[12] Herbord, II, 18, 34, Ebbo, I, 12; Friedrich. Cod. dipl. Boh., I, 11; Kosmas, bulh. (ed. Popruženko), 66.

чающий при этом, что они держат взаперти по 20 и более жен [1]. Летопись упоминает гарем князя Владимира в Вышгороде, Белгороде и Берестове [2] с пятью женами и 800 наложницами; Ибн-Фадлан рассказывает о другом русском князе, имевшем 40 жен [3]; в Чехии много жен имел князь Славник; в Польше Мешко до принятия им христианства имел семь жен, а поморанский князь во время посещения его епископом Оттоном Бамберским имел несколько жен и 24 наложницы [4]. В славянских языках для их обозначения имелся ряд терминов, из которых более всего известен термин *наложница* [5], а также суложница, приложница (suložnica, priložnica). Эта полигамия, разумеется, не являлась чем-то специфически славянским и была известна у всех соседей славян, поэтому и не удивительно, что франк Само, когда он правил чехами и словинцами, взял себе 12 славянских жен, с которыми прижил 37 детей [6].

Более редким явлением, чем полигамия, была, видимо, полиандрия. О ней нам известно лишь по одному русскому источнику, а именно по церковному уставу Ярослава, в котором в статье XX устанавливаются наказания за сожительство двух братьев с одной женой. Однако супружество между близкими родственниками было довольно распространено [7], причем русское снохачество, когда отец, преждевременно женив малолетнего сына, вступает затем в супружеские отношения со снохой, как это показывает статья XVII того же устава, ведет свое начало с древнейших времен.

Во всех остальных отношениях супружеская жизнь славян, особенно рядовых членов общины, отличалась упорядоченностью, а также целомудрием и верностью жен. Мы располагаем рядом свидетельств, подтверждающих это, причем исходят они от иностранцев, которые далеко не всегда были доброжелательны к славянам. Все они так единодушно превозносят целомудрие замужних славянских женщин и их любовь к мужу, с которым в случае его смерти они добровольно уходили из этого мира, что уж это одно в значительной степени характеризовало семейную жизнь славян. Эту черту в семейной жизни южных славян подчеркивал уже в VI веке Маврикий, а после него император Лев Мудрый, это же в 744—747 годах в письме к королю Этибальду отмечал у западных славян св. Бонифаций, а Масуди и Гардизи, говоря о восточных славянах, также подтверждают, что среди них супружеских измен не бывает [8]. Несомненно, что, например, толкование Бонифация, объясняющего добровольную смерть жены в случае смерти мужа взаимной любовью, само по себе не могло казаться правильным в глазах того, кто знал, что в силу строгих законов общества жена в некоторых славянских землях вынуждена была следовать за своим мужем даже в могилу, однако «magno zelo matrimonii amorem mutuum servant» Бонифация и другие показания Маврикия звучат так определенно, что верность и любовь из характеристики замужних славянских женщин исключать нельзя — они были у славян признаком высокой нравственности и высокого уровня культуры. Разумеется, эти качества никогда не являлись абсолютными и от-

[1] Ibrâhîm (ed. Westberg), 59.

[2] Лаврентьевская летопись, 78 (ПВЛ, 57) под 980 годом.

[3] А. Я. Гаркави, указ. соч., 101.

[4] Bruno, Vita Adalberti (Fontes rer. boh. I, 1); Gallus, I, 5; Kadłubek, II, 8 (см. такую же традицию у Богухвала, I, 4, о Летке); Herbord, II, 22.

[5] См. „Živ. st. Slov.“, I, 100.

[6] Fredegar, IV, 48.

[7] См. свидетельства в „Živ. st. Slov.“, I, 102. К ним следует присоединить homiliář Opatovický (ed. Hecht) 82, акты синода Бамберского от 1057 (Jaffé, Bibl. rer. germ., V, 497) и „Заповедь св. отец“ (Е. Е. Голубинский, История русской церкви, I, 2, 548). О полиандрии у южных славян в новое время см. статью Tih. Dorđevićovo в „Revue des Études slaves“, IV, 101 и сл.

[8] Mauric., Strat., XI, 5; Leon, Tactica, 18, 105 (Женщины славян целомудренны независимо от всякого верования — ὑπερ πᾶσαν φύσιν ἀνθρώπου); Bonifacius (Jaffé, Mon. Moguntia, 172); Kardîzî, ed. Bartold, 123; Mašudî (ed. Rozen, 56).

клонения от этого были; случаи супружеской неверности, несмотря на строжайшие наказания — обычно смерть или отсечение полового члена [1], — имели место уже в языческий период и сохранились и позднее, став после введения христианства, пожалуй, еще более частыми, так как различные церковные поучения и запреты постоянно упоминают в числе грехов, распространенных среди народа, распутство, разврат и прелюбодеяние (древнеславянское *blǫdъ*, древнерусское *блудъ*).

Другой вопрос, более интересный, чем эти естественные отклонения от нравственных норм супружеской жизни,— это вопрос о свободном в половом отношении образе жизни мужчин и женщин до вступления их в брак, то есть прежде, чем они оказались связаны семьей. Ряд переживаний, сохранившихся в различных празднествах и народных обычаях, указывают на остатки существовавшего в древности промискуитета молодежи [2], в котором немалое участие принимали и молодые женщины, например на Руси и на Балканах. О том, что этот промискуитет имеет действительно древний характер и уходит корнями в языческий период, свидетельствуют древние известия о языческом периоде славянства и ряд церковных проповедей и запретов первого периода христианства.

О сборищах молодежи в поле между селениями упоминает уже автор древнейшей части Киевской летописи, а неизвестный автор, составлявший незадолго до 1219 года [3] летопись для переяславского князя Ярослава Всеволодовича (летописец Переяславля Суздальского), описывает общение обоих полов на этих игрищах в следующих словах: «(обычные) брации не возлюбиша, но игрища межи селъ и ту слегахуся рищюще на плясаниа и от плясаниа познаваху, котораа жена или девица до младыхъ похотение имать, и от очного взозрения, и от обнаженна мышца и от пръстъ ручных показаниа, и от прьстней даралаганиа на пръсты чюжая, таж потом целованиа с лобзаниемъ и плоти с сердцемъ раждегшися слагахуся, иных поимающе, а другых, поругавше, метааху на насмеание до смрти. Имяхуть же и две и по три жены: зане слаб сущи женскыи обычаи и начаша друга пред другою чрвити лице и белимъ тръти, абы уноша въжелелъ ея на похоть». Это же начиная с XI века весьма наглядно подтверждается рядом церковных и светских поучений и запретов, которые я вообще не могу здесь привести [4]. В них мы постоянно читаем, как христианское духовенство пытается заставить молодежь отвыкнуть от «сатанинских» или «бесовских» игрищ на лоне природы, для которых эти церковные источники чаще всего используют термины *плясание*, *играние*, *глумьление*, *глумы* и которые проводятся при народных празднествах, перешедших из язычества, главным образом при русальных и купальских обрядностях, празднествах Ярилы, Костромы, субботних празднествах, называвшихся «соботка», и в день св. Иоанна Крестителя. «Слово св. Иоанна Златоуста», проклиная эти ночные игрища, подчеркивает, что «жена на игрищах есть любовница сатаны и жена дьявола. Ибо пляшущая жена многим мужам жена есть. А что мужи? После пития начинают плясание, а по плясании начаша блуд творити с чюжими женами и сестрами, а девицы теряют свою невинность. Потом все они приносят жертвы идолам...»

[1] Kardîzî; l. c. Thietmar, VIII, 2 (IX, 2); Canaparius, Vita Adalb., 12, 19. См. „Živ. st. Slov.“, I, 105.

[2] См., в частности, сочинение Е. В. Аничкова, Весенняя обрядовая песнь на западе и у славян, Петербург, 1905, и статью А. Н. Веселовского, Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности, ЖМНП, 1894, ч. 291, февраль, отд. II, 287 и сл., 315 и сл.

[3] Опубликовал Оболенский („Временник Московского общества истории и древности Российских, IX, 1851, 3—4), выдержки см. в „Živ. st. Slov.“, I, 113. О распутстве, которым сопровождались эти празднества, упоминает и Длугош (ed. Przezdziecki), I, 48. На него же, очевидно, указывает в Чехии и Козьма Пражский (I, 3, 36). См. Bruno, Vita Adalberti, 11.

[4] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 109—116.

В чем, собственно, заключался смысл этих увеселений, нам точно неизвестно, кое-что я все же разъясню в главе VII. Однако из текста дошедших до нас проповедей и уложений о наказаниях мы видим, как по ночам, вокруг огня костров, под крики, песни и пронзительную музыку свирелей и бубнов, в возбуждении, которое так живо описал упомянутый выше переяславский летописец, молодежь устраивала драматические игры и танцы, в которых эротический момент был настолько силен, что выражался непосредственно в явлениях гетеризма, о чем, наконец, свидетельствуют и многочисленные сохранившиеся до сих пор пережитки, в частности в России и на Балканах, хотя в этом отношении польские соботки и празднества Иоанна Крестителя носят такой же характер. Девушки, а очевидно, и молодые женщины, как это показал в упомянутой выше статье А. Веселовский, отдавались мужчинам без колебаний. Все это явления, аналогии которым мы в значительной степени находим в эротических празднествах в честь Афродиты, Адониса и других богов.

Таким образом, половая жизнь молодежи была совершенно иной, чем жизнь замужних женщин,— она была более свободной, и девушка, выходя замуж, уже не была девственницей. Более того, по сообщению Масуди, славянская девушка в кого влюблялась, с тем и делила свою любовь, а если мужчина, женившись, устанавливал, что его жена девственница, то он просто выгонял ее, говоря: «Если бы ты что-либо стоила, тебя бы мужчины любили» [1]. Все это, как и славянские zalety (*залеты*), то есть период предсвадебного ухаживания за девушкой, причем период этот не бывает и никогда не был чисто платоническим, так и вечерницы украинской молодежи, заканчивающиеся общим ложем [2], очевидно, является отголоском древней вольности половых отношений. Поэтому в древнем славянском праве наказание за изнасилование девушки, совершенное в доме, было значительно более строгим, чем наказание за изнасилование, совершенное в поле на лоне природы — очевидно при этих увеселениях, «так как ей незачем было туда идти» [3].

Еще свободнее была половая жизнь мужчины. Его хотя и карали смертью за прелюбодеяние [4], но зато он мог не ограничивать себя половыми связями с незамужними женщинами. Это подтверждают уже описанные народные игрища, известия о наложницах богатых вельмож и рассказы о дружине русского князя, который не стеснялся вступать в половую связь со своими наложницами на глазах у своей дружины. То же самое сообщает Ибн-Фадлан и о русских купцах, публично совершавших половые акты на волжских торжищах [5]. О других поразительных (культовых?) случаях публичных половых актов в балтийской Коренице свидетельствует Саксон Грамматик [6], сообщение которого может быть дополнено известием саги Книтлинга о силе, которой обладали идолы Ринвита, Турупида и Пурувита [7] в балтийской Коренице.

Были ли эти эксцентричности в половых отношениях явлением чисто славянским, развившимся среди славян, или же в них сказывалось влияние издавна распространенного по всему миру восточного и греко-римского фаллического культа, я решить не могу. Несомненно лишь, что аналогий, на которые указал А. Н. Веселовский, здесь много и что у славян имело место

[1] Масуди, у Аль-Бекри (ed. Rozen) 56. Аналогичное, но искаженное известие имеется у Гардизи (ed. Bartold) 123.

[2] „Živ. st. Slov.“, I, 119 и далее. Очень многое для понимания древних обычаев дает работа Т. Волкова „Les rites et usages nuptiaux en Ukraine“ („L'Anthropologie“, v. II, III).

[3] Польский статут из Эльблонга, ст. XVII (XIII в.).

[4] См. выше, стр. 190.

[5] А. Я. Гаркави, указ. соч., 101.

[6] Saxo (ed. Holder), 578.

[7] Mon. Germ., Script., XXIX, 314.

также и непосредственное влияние фаллического культа; учитывая, однако, территориальную отдаленность славянства, я не счел бы его слишком сильным. Не исключено также и то, что под влиянием этого культа лишь модифицировалось то, что у славян уже существовало и что вряд ли приобрело бы такие формы при их естественном, первобытном образе жизни. Это относится также и к различным прегрешениям против природы, например к гомосексуализму, который, очевидно, проник и в Россию, так как об этом непосредственно свидетельствует сообщение Диона Хрисостома, указывающего, что южнорусские варвары уже в I—II веках н. э. учились в Ольвии различным половым извращениям [1]. Русские поучения и проповеди часто и резко выступают против содомских грехов [2], которые народ совершал еще во времена язычества.

В этом отношении представляет интерес то, что общеславянский термин *куръва* — meretrix, обозначающий проститутку, продающую свое тело, по всей вероятности [3], перешел к славянам от германцев (hōrwa, древний верхненемецкий huora) еще до прихода славян на Балканы, где он был перенят от них греками, албанцами, римлянами, а позднее и венграми.

В заключение следовало бы отметить, что временами мы встречаем в древних источниках известия о скопцах среди славян. Однако оскопление практиковали не сами славяне, а еврейские купцы, оскапливавшие рабов-славян [4]. Наряду с этим уже в XI веке среди ревнителей христианской веры появляются аскеты, подвергавшие себя добровольному оскоплению, а под 1089 годом летопись упоминает даже такого митрополита в Киеве [5].

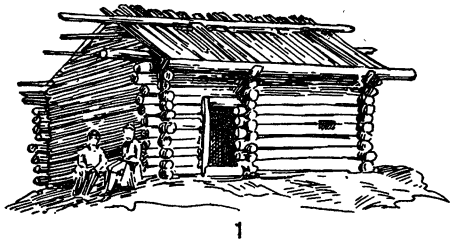
Уход за телом

Как это бывает у всех народов, ведущих свободный и простой образ жизни, славяне особой чистоты не соблюдали. Уже Прокопий говорит о славянах, что они грязны как массагеты, а позднее о том же упоминают еще два источника, относящиеся к концу I тысячелетия [6]. Тем не менее эти сообщения не стоит принимать буквально. Низшие трудовые классы, собственно, никогда и нигде не были иными. А поскольку известия всегда исходят от представителей высших классов общества, привыкших к большему благополучию и большей чистоте, вполне понятно, почему жилище простого крестьянина всегда казалось им неприглядным и грязным. Крестьянин повсюду не любит мыться [7]. Поэтому эти свидетельства нельзя относить специально к славянам, точно так же, как и замечание Тацита (Germ., 20) о германцах, что они ходят «nudi et sordidi», или замечание Герборда (III, 20) о датчанах нельзя относить только к германцам и датчанам. А немецкий князь Герлав даже объяснял немецким фризам, почему они противны соседним славянам: «Sane fetet eis odor noster» [8]. Еще более неприглядные вещи рассказывает Ибн-Фадлан о русских, то есть, очевидно, норманских купцах на Волге [9].

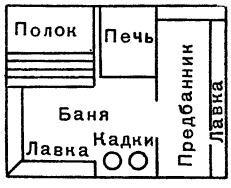
В противовес приведенным выше известиям о неопрятности славян мы располагаем и другими историческими свидетельствами, показывающими, что делать обобщения по этому поводу не стоит. У восточных славян не толь-

[1] В. В. Латышев, указ. соч., I, 173.
[2] „Ziv. st. Slov.“, I, 125.
[3] Berneker, Etymologisches Wörterbuch, I, 651.
[4] Jakob, Handelsartikel der Araber, 10—13; Гаркави, указ. соч., 222, 234; Chormoy, Relation, 329. Русские князья, как это видно из „Жития Феодосия“ (изд. Филарета), 42, также имели в своих гаремах евнухов.
[5] Лаврентьевская летопись под 1089 годом (ПВЛ, АН СССР, стр. 137).
[6] Procop., III, 14; Mon. Germ., Auct. ant., XI, 390; Eigilis, Vita S. Sturmi, 7 (ibid., II, Series Scriptorum, 369).
[7] Д. Маринов, „Жива Старина“, 489.
[8] Helmold, I, 64.
[9] А. Гаркави, указ. соч., 93.

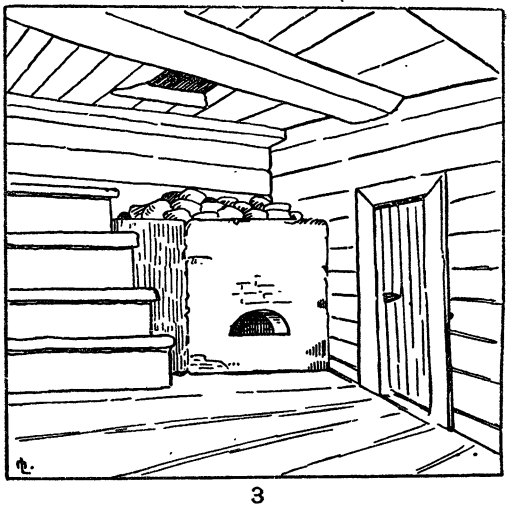
ко высшие классы, но и простой народ в деревнях проявляют по нынешний день, как они проявляли уже в конце языческого периода, стремление к чистоте, о чем свидетельствует строительство специальных бань для общественного пользования, которые в древнерусском языке назывались *лазьня* (от *лазить*), *мовня*, *мовница* или *мыльня*, *мыльница* от общеславянского слова *мыти*. Вместе с тем уже в IX—X веках был также широко распространен и термин *баня*, *баньное* от греко-латинского βαλανεῖον, βάνεια (balneum, banea)[1]. Однако было бы неправильно приписывать появление бани одному лишь греко-римскому влиянию, хотя в позднейшее время это влияние отрицать нельзя[2],

1

2

3

Р и с. 2. Русская баня в Новгородской губернии.

так как на него указывает само распространение термина *баня*. Я полагаю, что скорее всего толчок к строительству бань дан был с Востока или от скифов, знакомых с подобными паровыми банями, при пользовании которыми моющиеся одновременно одурманивали себя конопляным дымом [3]. Наконец, русские могли заимствовать их у других народов, с которыми у них были тесные связи — у сарматов (аланов), хазаров или болгар,— хотя не исключено, что паровые бани в землянках, где вода наливалась на очаг, издавна являлись собственным изобретением славян. Однако, поскольку уже в X веке Масуди называет банное помещение по-славянски al-atbbâ или al-itbbâ,

[1] „Živ. st. Slov.", I, 138, 791—792. Исчерпывающее объяснение представил М. Мурко в „Wörter und Sachen", V, 11 и сл. (Сам он — за римское происхождение бани.)

[2] Первая каменная *баня* (*баньное*), каких до этого на Руси не было, была построена в Переяславле в 1090 году (Лаврентьевская летопись, 202, ПВЛ, I, 137). Баня засвидетельствована уже в Номоканоне Иоанна Схоластика в IX—X веках (А. Соболевский, Материалы, 144).

[3] Herod., IV, 73—75.

что может являться лишь транскрипцией славянского *истъба*, а одновременно с ним русский летописец под 945 годом для названия банного строения в Киеве использует слово *истобка*, также являющееся уменьшительным от слова *истъба*, а на Западе легенда Христиана знает у чехов то же самое слово, означающее комнату, в которой имеется *печь* [1],— становится очевидным, что выражение *истъба* в значении «баня» перешло к славянам от германского stuba (см. гл. V) [2].

Здесь в течение второй половины первого тысячелетия, очевидно, скрещивалось влияние, идущее с двух сторон. Паровую баню, представлявшую собой комнату, посреди которой находился очаг с раскаленными камнями, славяне издавна, возможно, переняли с Востока, что же касается избы с построенной внутри печью, приспособленной под баню, то последняя пришла к славянам примерно в V или VI веках с Запада из державы франков и первоначально ее переняли западные славяне, а уже от них она быстро распространилась и среди славян восточных. Внутренность этой славянской бани состояла из небольшой деревянной комнаты, в одном углу которой находилась низкая печь для топки и разогревания свода из положенных на нее камней, а в другом — помост со ступеньками, на котором моющийся мог по желанию лечь выше или ниже. Помимо этого, в русских банях обливались горячим квасом, хлестали себя вениками и обливались холодной водой.

Так описывает древнерусскую баню языческого периода в городе Новгороде русский летописец. Аналогичным образом описывает ее и Масуди [3]. На Западе об истопленных банных избах упоминает легенда Христиана о св. Вацлаве, у поморян — Гербо́рд [4]. Не вполне определенные упоминания о банях встречаются в древних русских церковных поучениях (мовница, мыльница, мов творити); в них можно прочитать интересную вещь: народ приготавливал баню и для своих предков, что, впрочем, русский народ кое-где делает и до сих пор [5].

Древним универсальным *косметическим средством* у славян являлось изготовленное из молочного жира *масло* (от корня *маз-ати*), которым натиралось тело. О мыле нам ничего не известно, но весьма вероятно, что в конце языческого периода оно уже проникло к славянам из других стран, так же как и другие еще более редкие косметические средства: восточные ароматические масла, красящие вещества для волос и краска для лица, которые, как это показывает цитировавшийся выше летописец Переяславля Суздальского начала XIII века, быстро нашли путь даже к простому народу.

Среди *туалетных принадлежностей* так же, как и в других европейских странах, древним, собственно славянским изделием был деревянный или костяной гребень, расчесывание же волос (древнеславянское — чесати) относится к древнейшей культурной потребности славян [6]. Однако в землях, заселенных славянами, начиная с I века н. э. найдены лишь импортированные из Рима односторонние гребни известных нам форм —короткие

[1] См. мое объяснение в „Živ. st. Slov.“, I, 135—140.

[2] См. „Živ. st. Slov.“, I, 136, 791, где, кроме того, имеется подробное толкование различных гипотез Мерингера и Рамма, касающихся перехода германского stuba в славянское *истъба* и греко-скифского κάνναβις в славянское *конопель*.

[3] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I. стр. 12). Так, мы читаем об Ольге, что она приказала приготовить древлянам баню в деревянном доме, в котором затем сожгла их (Лаврентьевская летопись, под 945 годом, ПВЛ, I, стр. 41). Описание, сделанное Масуди, см. у Аль-Бекри (ed. Rozen), 57.

[4] Fontes rer. bohem., I, 223 (stuba); Herbord, II, 16 (stupa). В отношении Польши см. только упоминание Кромера [Polonia (ed. 1901), 47].

[5] См. свидетельства, приводимые в „Živ. st. Slov.“, I, 135. См. также: Mansikka, Religion der Ostslaven, I, 174, 183. Зато о разрисовке или татуировке тела у славян известий нет, хотя это и засвидетельствовано у ряда соседей славян („Živ. st. Slov.“, I, 161).

[6] См., что пишет Ибн-Фадлан под 922 годом о русах среди восточных славян (А. Я. Гаркави, указ. соч., 94, 111); каждый дружинник киевского князя имел собственного слугу, который причесывал ему волосы.

с трапециевидной или полуовальной спинкой; но позднее, в IX и последующих веках для славянских могил, как женских, так и мужских, характерны либо односторонний гребень с узкой продолговатой спинкой, украшенной

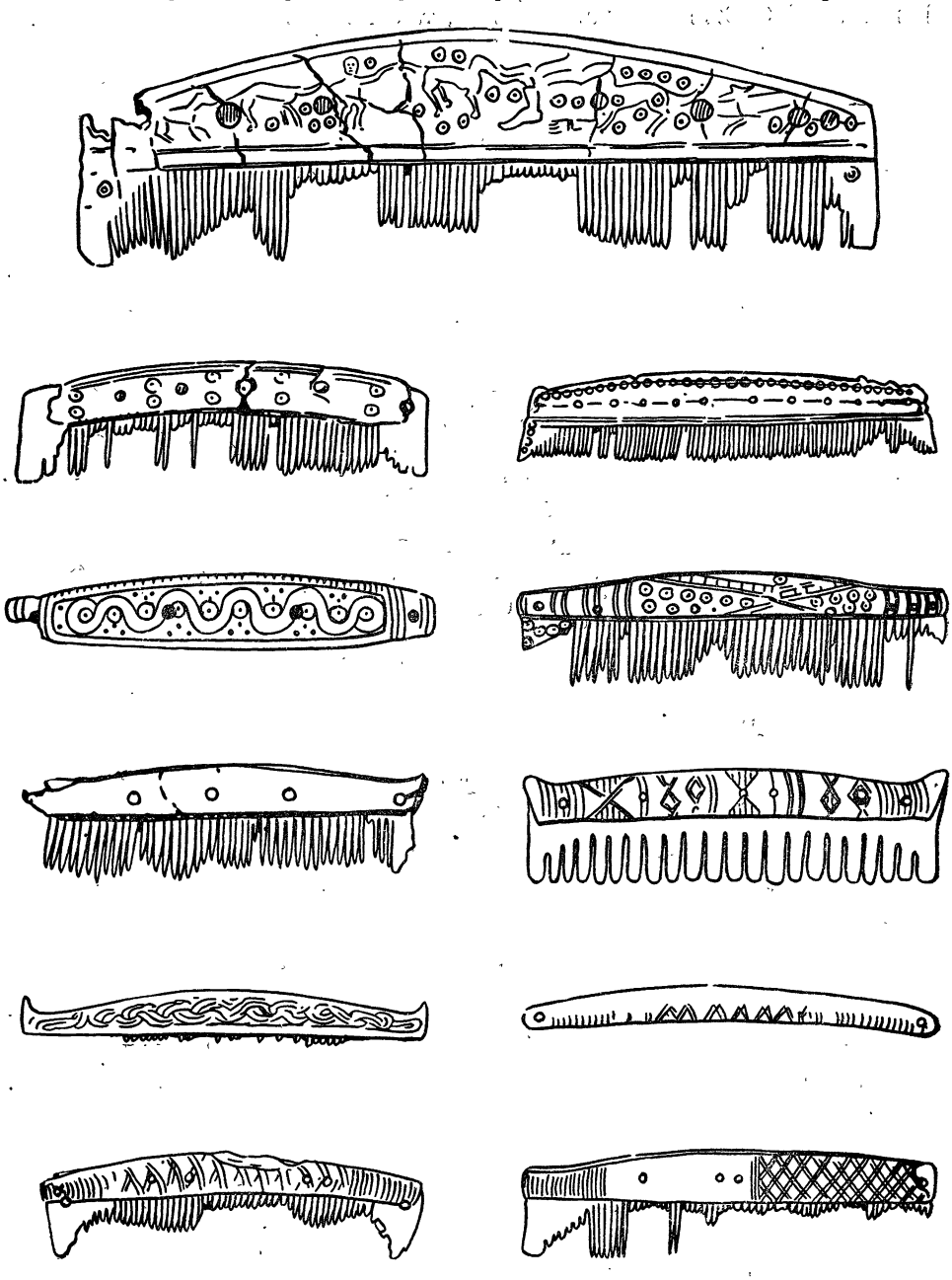

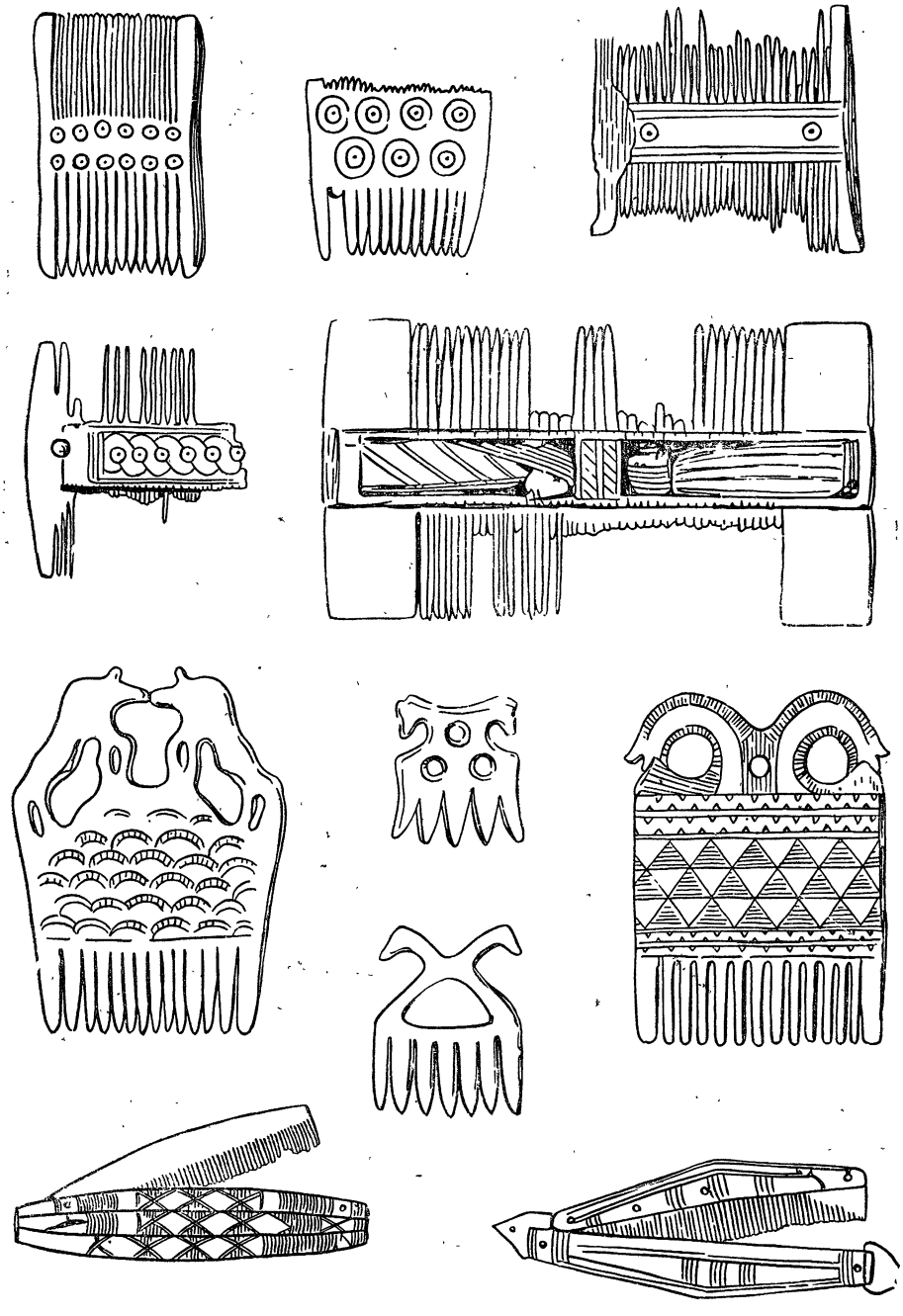
Рис. 3. Славянские гребни (VI—XI вв.).

резным орнаментом, либо более короткий двусторонний гребень. Оба эти вида гребней, судя по их форме, являются производными от римской продукции [1]. Собственно праславянские гребни должны были быть по своей

[1] „Živ. st. Slov.", I, 144—151, tab. III, IV. Третья форма — бронзовый гребень — является редкой и занесена к восточным славянам с Востока.

форме более грубыми, но сохранились ли где-либо доказательства этого — мне не известно.

Волосы и бороду славяне остригали ножницами или сбривали бритвой. В могилах IX—XI веков, как мужских, так и женских, сохранилось много

Р и с. 4. Гребни славян и их соседей (IX—XI вв.).

железных ножниц, которые, как правило, были сделаны по древним галло-римским образцам и были выкованы из одного железного прута [1]. О находд-

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 152, tab. V.

ках бритв в могилах этого периода мне ничего не известно, однако бритвы составляли предмет римского импорта I—V веков н. э. Термин, обозначающий бритье — древнеславянский *брити*,— является общеславянским и очень древним [1]; некоторые исторические данные также подтверждают, что славяне были знакомы с бритьем [2]. Более подробно см. об этом в главе IV, в том разделе, где говорится о прическах.

Из других туалетных принадлежностей наряду с металлическими пинцетами для выщипывания волос и ложечками для чистки ушей, которые являлись предметом римского экспорта в славянские земли уже в императорский период [3], заслуживают упоминания также и зеркала [4], разумеется только металлические и опять-таки импортированные. В зеркалах не было недостатка и среди предметов древнего импорта из римских провинций, хотя доказательствами этого я не располагаю, а зеркальца, обнаруженные на восточной окраине славянских земель в конце языческого периода, как правило, были сплошь импортированы из Азии. Эти зеркальца представляли собою круглые металлические пластинки, с одной стороны отполированные, а с другой — украшенные рельефной резьбой и снабженные ушком. Такие зеркала очень часто встречаются начиная с V века в южной России в могилах аланов и хазаров, а также и у других, живших уже в более позднее время кочевников, от которых, правда не всегда, их заимствовали славяне [5]. На этих зеркалах имеются и арабские надписи.

Мясная пища

Земли, в которых обитали славяне в X веке, с избытком обеспечивали им пищу, необходимую для существования и сохранения здоровья. Они не ощущали недостатка даже в изысканных блюдах.

Для мясного стола славяне находили в обширных лесах огромное количество разнообразных животных, прежде всего из семейства оленьих. Помимо этого, хозяйство славян в X веке уже настолько развилось, что они могли выращивать стада мелкого и крупного рогатого скота, главным же образом овец и свиней. Все это давало им более чем достаточное количество мясной пищи, хотя скот из собственных стад они били лишь в исключительных случаях [6].

Я. Пейскер, пытавшийся доказать, опираясь на относящееся к VI веку [7] сообщение Псевдо-Цезаря, что славяне вплоть до X века были вегетарианцами, не имевшими скота, оказался на совершенно ложном пути. Во-первых, сообщение Псевдо-Цезаря Назианского по своему характеру совершенно недостоверно и к тому же Пейскер перевел его неправильно [8]. Во-вторых, наличие у славян скота и охота на лесных и степных животных, так же как и употребление славянами в пищу мяса животных, подтверждается большим количеством данных, которые я еще изложу в соответствующем разделе главы VIII. Имеется также несколько непосредственных сообщений о том, что славяне в X веке употребляли в пищу мясо, причем, вероятно,

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 156.
[2] Там же. См., в частности, известие о мораванах около 900 года (Friedrich, Codex Boh., I, 32).
[3] „Živ. st. Slov.“, 1, с.
[4] Выражение *зьрцало* мы находим уже в Беседах папы Григория (X — XI века).
[5] Там же, 158—161. Такие же зеркала имели кочевники V — VIII веков в Венгрии.
[6] См. у Длугоша, который в начале своей хроники перечислял богатства польских земель.
[7] Pseudocaes., Dialogi, 110 (Migne, Patr. Gr. XXXVIII, 986). См. „Živ. st. Slov.“, I, 165.
[8] См. „Živ. st. Slov.“, I, 166.

не только бояре или князья, но и простой народ [1]. Необходимо также признать, что славяне знали и употребляли в пищу и молоко (*млеко*) сладкое и кислое, свернувшееся, так называемый *творогъ* и сыр (*сыръ*), о чем, независимо от их происхождения [2], свидетельствует древний и общеславянский характер этих слов, а также несколько прямых, относящихся к X—XII векам известий о западных, северных и восточных славянских землях. По ним мы судим, что славяне выплачивали Германской империи дань сыром, что в России, где сыр являлся обычной пищей, его с соблюдением соответствующих обрядов приносили в жертву идолам и наряду с молоком ели на домашних празднествах. Так, Пржемысл, согласно древней традиции, также ел хлеб и сыр, когда послы Либуши звали его на чешский трон [3]. Кроме того, на основании тех же источников можно видеть, что десятина во многих случаях выплачивалась также определенным количеством поросят, кур, петухов и гусей, что снова свидетельствует о том, что славяне выращивали и употребляли в пищу домашнюю живность. Правда, Ибрагим Ибн-Якуб говорит, что славяне на Западе избегали есть кур, опасаясь могущих приключиться из-за них болезней, но вместе с тем он указывает, что они ели говяжье мясо, гусей и тетеревов [4], а русские церковные поучения, в свою очередь, упоминают об употреблении яиц, следы которых находят иногда и в могилах [5].

Все изложенное выше доказывается множеством свидетельств, относящихся к X и XI векам, привести которые я здесь не могу [6]; итак, если славяне в начале новой эры уже употребляли в пищу мясо, то несомненно, что не христианство принесло с собой его употребление [7], так как мясо служило

[1] См. „Živ. st. Slov.“, I, 169.

[2] Точка зрения Я. Пейскера, разумеется, совершенно иная. По его мнению, славяне для своих нужд скот не выращивали и лишь видели его у своих германских и тюркотатарских господ, у них же, разумеется, они видели и основанное на разведении скота молочное хозяйство. По его мнению, древнеславянское *млеко* (от melko) было перенято от германского *melca*, а слово *творогъ* было заимствовано опять-таки из какого-то тюркотатарского языка (ср. джагатайское turak, тюркское torak). Однако такое толкование как по существу, так и с лингвистической точки зрения неправильно. По существу оно неправильно потому, что в обоих случаях на основании заимствований из чужого языка (даже если бы эти слова действительно были заимствованы) нельзя делать вывод, к которому пришел Пейскер; с лингвистической же точки зрения оно ошибочно потому, что факт заимствования обоих слов серьезно опровергается некоторыми исследователями (Ягич, Янко, Бернекер, отчасти и Брюкнер). *Млеко* — это, по всей вероятности, древнее индоевропейское слово, которое славяне сохранили с древнейшей эпохи индоевропейского единства, а слово *творогъ* Янко истолковывает как собственно славянское, образованное от слова *творити*, то есть мять свернувшееся молоко. Такое же толкование представил еще до него Г. Гей (см. также С. Младенов, Revue des Études slaves, IV, 1924, стр. 195). Свою точку зрения Я. Пейскер изложил в следующих работах: Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen, (Berlin, 1905, перепечатка из Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaft Gesch., III, 1905); Neue Grundlagen der slav. Altertumskunde (Stuttgart, 1910); The expansion of Slaves (The Cambridge Medieval History, II, 1913). Сделанный мною подробный критический разбор комментария Пейскера можно найти в „Živ. st. Slov.“, I, стр. 167, III, стр. 135, 146 и в моей статье в „Revue des Études slaves“, II, 1922, стр. 19.

[3] Kosmas, I, 6. В том же источнике мы можем прочесть, что в Чехии ели сыр, прибавляя к нему небольшое количество тмина и лука (II, 27).

[4] Ibrâhîm (ed. Westberg), 59.

[5] „Živ. st. Slov.“, I, 173 и W. Klinger, Jajko w zabobonie ludowym, Rozprawy akad. Krak., XLV, 1910.

[6] См. об этом в „Živ. st. Slov.“, I, 168, 170, 382; III, 136—161. Эти доказательства можно дополнить Бревновской грамотой от 993 года (выплата дани сыром) (Friedrich, Codex Bohem., I, 349) и грамотой Оттона I от 949 года, по которой славяне в Бранибоpe (Бранденбург) облагались данью поросятами, гусями и курами. В свою очередь, грамоты князя Генриха I (от XII века) также требуют цыплят от мекленбургских славян (Meckl. Urkundenbuch, I, 56, 84, 110, Codex Pomer., I, 20). То же требовалось и от франкских славян (Kętrzynski, O Słowiańach, 37 sl.).

[7] Оно скорее запрещало им употреблять его. См. Ebbo, I, 12; Thietmar, IX (VIII), 2; письмо папы Захария, Mon. Germ. Epist., III, 370. Обе церкви запрещали также употребление крови.

славянам пищей еще до того, как они приняли новую веру. Весьма многочисленны также доказательства, которые представила археология, так как в могилах X—XII веков мы довольно часто находим остатки погребальных пиршеств, устраивавшихся на могиле,— кости различных домашних и диких животных, главным образом кости овец, свиней и в меньшем количестве кости рогатого скота, кур и петухов.

Все, что сказано здесь об употреблении мяса животных и птиц, равным образом относится и к употреблению в пищу рыбы, которой изобиловали славянские страны. Упоминания об употреблении в России рыбы и икры начиная с XI века довольно многочисленны [1].

Растительная пища

Хотя ни о каком вегетарианстве славян-язычников, таким образом, не может быть и речи, все же главную их пищу составляли хлебные злаки, стручковые и овощи. Что выращивали славяне, мы подробнее рассмотрим дальше в главе VIII. Здесь же хочу ограничиться лишь перечислением вегетарианских блюд, известных славянам в конце языческого периода.

Хлебные злаки, из числа которых выращивались *жито*, или *рожь* (*ръжь*) (*Secale*), *пшеница* (*Triticum*), *ячмень* (*ječьmy*) (*Hordeum*), *овес* (*овъс*)(*Avena*) и больше всего *просо* (*пшено*) [2] (*Panicum miliaceum*, *P. italicum*), славяне употребляли в пищу либо в виде размоченных и поджаренных зерен (*крупа*, *сладъ*, *пражьмо*), либо в размолотом виде, в виде муки (*брашьно*), из которой на воде или на молоке варят кашу [3], или, наконец, в виде хлеба, который выпекали на очаге, раскаленных камнях или в печи. Как указывают некоторые русские поучения первого периода христианства [4], из муки выпекались самые разнообразные изделия, носившие различные названия, но основными, наиболее распространенными, повидимому, были *калачи* и *пироги*, приготовлявшиеся на меду из хорошей муки, а также простой пресный (неквашеный) или кислый хлеб. Медовый калач размером в человеческий рост подносился в Арконе идолу бога Святовита; о калачах, которые выпекались в монастыре св. Георгия в Праге, упоминает Козьма Пражский под 1055 годом; в древнерусском «Житие св. Феодосия» также говорится о калачах, намазанных медом и посыпанных маком [5]. К ним, очевидно, относятся и древние свадебные *короваи*, о которых мы выше уже упоминали.

Первоначально хлеб, по всей вероятности, изготовлялся в виде пресных (неквашеных) лепешек, которые пеклись в пепле очага или на раскаленных камнях. Хотя это непосредственно и не засвидетельствовано источниками, однако на основании общего уровня славянской культуры можно не сомневаться, что славяне знали хлеб и выпекали его исстари. И если при этом термин, обозначавший в начале нашей эры хлеб, а именно общеславянское *хлебъ*, был не собственно славянского, а германского происхождения —

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 175.

[2] См. свидетельства, приводимые в „Živ. st. Slov.“, I, 178—181. Ибн-Русте пишет в X веке о славянах следующее: „Более всего сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковше, поднимают их к небу и говорят: «Господи, ты, который до сих пор снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии» (А. Я. Гаркави, указ. соч., 265). О том, что больше всего сеялось просо, свидетельствует ряд известий. Просо наряду с рожью, пшеницей, ячменем и овсом засвидетельствовано также и археологическими находками.

[3] Каша — древнее общеславянское слово. В XI веке на Руси появляется обрядовая каша, заимствованная вместе с ее названием из греческого ритуала (*коливо*, *кутья*). См. „Živ. st. Slov.“, I, 182. Обе употреблялись главным образом на празднествах в честь умерших.

[4] См. Mansikka, Religion der Ostslaven, I, 184.

[5] Saxo Gram. (ed. Holder), 566; Kosmas, II, 14; «Житие св. Феодосия» (изд. Филарета), 134.

от *laib*, готское *hlaifs*[1], то это скорее является новым доказательством тесных связей с германцами, из чего, однако, нельзя делать вывод, что славяне до общения с германцами, в частности с готами, в III и IV веках не знали хлеба. Я полагаю, что здесь мы снова сталкиваемся с фактом, когда славяне переняли от германцев новое название предмета, который был уже им знаком раньше. Такое заимствование могло иметь место скорее всего по той причине, что они видели в германском хлебе нечто отличное от их хлеба либо по форме, либо по способу изготовления; возможно, это был хлеб ржаной, квашеный и к тому же хорошо выпеченный в печи. Таким образом, это, по всей вероятности, лишь замена какого-то более древнего местного названия, подобная той, какую мы видим в заимствовании германских слов *миска* (misa), *блюдо*, *хыжъ* (хижина, шалаш), *дъска*, *стрела*, *овощь*, для которых славяне, несомненно, имели свои собственные более древние названия.

Что касается кваса, то он был известен славянам уже в конце языческого периода. Имеется сообщение, относящееся к концу X века, что в Белгороде женщины варили из овса и пшеницы «кисель»; в XI веке сообщалось, что в Киеве выпекали хлеб, замешанный на квасе, а в XII веке там же упоминается ржаной квас[2]. Хлеб чаще всего выпекали из ржи или ячменя, а в тяжелые времена и из отрубей, мякины и лебеды (Atriplex). На Руси хлеб замешивали и пекли только девушки и женщины.

Наряду с употреблением упомянутых хлебных злаков древние славяне, согласно сохранившимся известиям, готовили и различные похлебки [*уха*— приготовленная из мяса, *укропъ* — из овощей, обе засвидетельствованы на Руси в XI веке]. Из стручковых употреблялся *горох* (*грахъ*), *чечевица* (*lęšta*, *чочовица*, *сочовица*, сочиво) и бобы (*бобъ*), из овощей — *лук и чеснок* (*лук*, *чеснъ*, *чеснокъ*), *морковь*, *редька*, *огурцы*, *мак*. За исключением чеснока, все последние названия заимствованы из немецкого и греческого языков. Это указывает на то, что, по всей вероятности, вместе с термином к славянам были занесены из других стран и сами овощи. Но все эти заимствования имели место еще до X века, так как наименования этих овощей являются общеславянскими и частично засвидетельствованы уже в X—XI веках. Также древними являются и другие славянские названия овощей: *дыня* (*Cucumis*), *тыква* (*Lagenaria*), *репа* и *капуста* (*Brassika*) и *бршчь* (*Heracleum sphondylium*), из которого приготавливали суп, известный позднее под названием русского борща[3].

Плоды славяне долгое время употребляли в пищу только некультивированные (виды *Pirus*, *Prunus* и *Trapa*), так как различные сорта деревьев они стали выращивать лишь под римским и германским влиянием[4]. От германцев к славянам перешло и коллективное название для культивированных фруктов — *овощь* [от старославянского *овотье* (ovotje)]. Вместе с тем некоторые виды фруктов имеют древние местные индоевропейские названия:

[1] Такова за небольшими исключениями (Козловский, Педерсен, Младенов) обычная точка зрения лингвистов. См. „Živ. st. Slov.“, I, 184.

[2] Лаврентьевская летопись, 125 (ПВЛ, I, 87). „Житие св. Феодосия“ (изд. Филарета), 150; Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц (1130—1156 гг.). Русская Историческая библиотека, VI, 32. Другие данные см. в „Živ. st. Slov.“, I, 185.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 187—189, 382. В „Заповеди св. отец“ в качестве обычной пищи русских монахов XI века перечисляются: молоко, сыр, яйца, рыба, сочиво, горох с оливковым и маковым маслом и мясо к обеду или ужину (Е. Е. Голубинский, История русской церкви, I, II изд., 531, 532, 546). *Сочиво* в древней Руси являлось также собирательным названием всех стручковых. Польские отшельники питались овощами и только изредка хлебом. Рыбы и мяса они вообще не ели, а стручковые или пшено — только по праздникам (Kosmas, II, 26 под 1004 годом).

[4] Выращивание плодовых деревьев проникло в Германию также из Италии в период Римской империи. В капитулярии «De villis» Карла Великого от 812 года на плане монастыря св. Гавала от 820 года мы уже видели в садах все виды плодовых деревьев.

аблъко (*Pirus*), *слива* (*Prunus*), *груша* (Pirus communis), так же как *черешня* и *вишня* (*черишьня, вишьня — Prunus avium, Pr. cerasus*), *орех* (*Juglans*) и *персик* (*перскъ*), вероятно, давно уже были перенесены из Азии иранцами, греками и римлянами. Как свидетельствует Ибн-Якуб, в X веке у славян уже было много фруктовых деревьев, а Эббон упоминает о священном ореховом дереве у языческого святилища в Щетине [1].

Питались ли славяне, подобно германцам, также и жареными желудями, точно не засвидетельствовано, но это весьма вероятно. В. В. Хвойко нашел их на Пастерском городище у Чигирина на Киевщине.

Приготовление пищи у простого крестьянина, разумеется, не было сложным. Однако бояре и князья по примеру западных и южных дворов, несомненно, заводили себе поваров, которые готовили им пищу более искусно и приготавливали большое количество блюд [2]. Но приправы, придающие пище более приятный вкус, знал исстари и простой народ. Это была прежде всего *соль*, служившая тогда в славянских землях предметом оживленной торговли (см. о ней в главе IX) [3]. Затем *масло*, сбитое из молока, а также растительное *масло* из мака и льняных семян. Вместе с тем оливковое масло, уксус и различные пряности славяне узнали позднее, в течение I тысячелетия н. э., главным образом благодаря торговле с Италией и Византией. Если византийский военачальник Приск наряду с различными дарами посылал задунайским аварам и пряности (черный перец, индийские листья, корицу и другие пряности), то можно с наибольшей вероятностью допустить, что такие же пряности получали и славянские князья [4]. При еде пользовались ложками и ножами, что доказывается рядом находок в славянских могилах. Находки ложек (*лъжица*) в могилах редки, так как они чаще всего были глиняными или деревянными, но зато имеется много находок всевозможных форм ножей. Довольно часто встречаются ножи в форме наших современных перочинных ножей [5]. Некоторые находки в славянских могилах, а также сообщение в Киевской летописи под 996 годом свидетельствуют, что в X веке при княжеском дворе пользовались и металлическими ложками. Дружина князя Владимира была недовольна деревянными ложками, и тогда князь велел отковать серебряные ложки, сказав при этом: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото» [6]. Ели обычно сидя на земле вокруг больших мисок или сидя вокруг низких столов, на каких и теперь едят на Балканах, например в Македонии. На праздничных пиршествах, особенно княжеских (известное *пиръ* от *пити*), приготовление блюд и сервировка стола были, разумеется, иными, более богатыми, и сидели на таких пирах за столами на скамьях или креслах. У поморян в каждом доме для гостей был приготовлен стол, покрытый белой скатертью [7]. Вместе с князем за стол садилась и его дружина, а у русского князя, по свидетельству Ибн-Фадлана, и сорок девушек — любовниц [8]. Интересно также сообщение о том, что позднее, когда часть князей приняла

[1] Ibrâhîm (ed. Westberg), 59; Ebbo, Vitta Ottonis, III, 18. Ср. также название речки — *Орехова*, в грамоте от 1181 года (Codex dipl. Saxon., I, 1, 342).

[2] Прибислав, князь вагров, в 1156 году устроил в честь епископа Гарольда пир, на котором подавалось 20 блюд (Helmold, I, 82).

[3] См. данные в „Živ. st. Slov.“, I, 198—200. Соль была известна с древнейших времен всем индоевропейцам. Об этом свидетельствует и то, что соль является термином общим не только для славян, но и для всех индоевропейских народов: греч.— ἅλς, лат.— *sal*, иран.— *salann*, кимр.— *halan*, гот.— *salt*, древнерусск.— *сал*, арм.— *ał*, славянск.— *соль*.

[4] Theoph. (ed. Boor), 278, Anastasius (ed. Boor), 171. Такие же подарки раздавал в 448 году варварским князьям в Венгрии и посланник Приска (Priskos, Pan., 8).

[5] О находках ножей и ложек и их формах см. более подробно в „Živ. st. Slov.“, I, 201, табл. VII.

[6] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, стр. 86).

[7] Herbord, II, 41.

[8] А. Я. Гаркави, указ. соч., 101.

христианство, на пиру у такого князя бояре и князья, оставшиеся еще язычниками, не имели права сидеть с ним за одним столом и должны были усаживаться на земле перед дверями, как говорит древний летописец, «согласно языческому обычаю» [1].

О том, что пили славяне, древние известия говорят сравнительно более подробно, чем о том, что они ели. Все известия сходятся на том, что основным напитком славян был сваренный на воде и перебродивший мед — по-славянски *медъ*, позднее называвшийся также *медовина*. Уже в 448 году славяне, жившие в Венгрии, когда через их села проезжало посольство Феодосия II с ритором Приском, угощали императорских послов медом (μέδος) [2]. Что мед является основным напитком у славян, подтверждали позднее Масуди, Ибн-Русте, Персидский географ и Гардизи, который сообщал также, что каждый хозяин у славян имел у себя в запасе по 100 деревянных посудин этого напитка [3]. Из древних русских известий мы знаем, что мед пили на тризнах, что он был жертвенным напитком языческих демонов, а князь Владимир не только имел бочки с медом в княжеских погребах в Белгороде и Киеве, но даже, счастливо избегнув ловушки, подстроенной ему печенегами (996), наварил в ознаменование этого события 300 провар меда для угощения приглашенных им гостей [4]. О западных славянах в жизнеописании епископа Оттона, Герборд сообщает: «vinum autem nec habent, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta vina superant falernica» [5].

Как и в соседних Литве и Германии, так и у славян появление медового напитка при наличии большого количества лесов, полных пчел и бортий, было вполне естественным [6]. Мед и воск издавна были также одним из главных предметов экспорта из Прикарпатских земель [7], и поэтому не удивительно, что мы встречаем мед среди продуктов, которыми покоренные славяне должны были выплачивать дань своим немецким властителям. Это подтверждается и грамотами X века [8]. Мед варился на воде, а потом в течение примерно 14 дней бродил. Напиток этот, однако, долго не сохранялся, и пить его нужно было вскоре после его приготовления.

Наряду с медом с X века упоминается также и пиво, напиток, приготавливавшийся из ячменя или овса.

Так, например, пиво упоминается в приведенной выше грамоте Оттона от 949 года среди предметов, входящих в дань, собиравшуюся со славян (tres medones, duasque cerevisias), и в современной славянской легенде о св. Вацлаве, когда Болеслав предлагает брату «пиво» [9]. Возможно, к этому напитку относится название *олъ*, *оловина*, которое либо было перенято из немецкого языка, либо являлось древним индоевропейским наименованием [10]. Зато бесспорно славянским является название *квасъ*, засвидетельствованное на Руси уже во времена Владимира [11]. Изготовляется он в России из различной

[1] Легенда Христиана (о св. Вацлаве), ed. Pekař, 135, 171; Anon. de conv. Bagoariorum et Carantanorum, 7.

[2] Название другого упомянутого там напитка, изготовлявшегося из ячменя (κάμος), появляется у балканских славян с X века (komina), однако славянское происхождение его весьма сомнительно.

[3] Mašûdî (Ibrâhîm, ed. Westberg, 60); Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 265); Персидский географ (4 ed. Туманского, 135); Kardîzî (ed. Bartold, 123).

[4] Лаврентьевская летопись, стр. 56, 122, 123, 125. Русская Историческая библиотека, VI, 31, 32, 41, 50 и т. д., „Živ. st. Slov.“, I, 209.

[5] Herbord, II, 1.

[6] О пчеловодстве у славян см. далее, в гл. VIII.

[7] Pausan., I, 32, 1.

[8] См. грамоты Оттона I от 949 года (Cod. Pomer., I, 20).

[9] Pastrnek, Věstnik Král. spol. nauk., 1903, 65.

[10] Другое древнее название *брага* — braha скорее всего было заимствовано из кельтского языка („Živ. st. Slov.“, I, 211). Okomině, см. выше, примечание 2.

[11] Лаврентьевская летопись под 996 годом, а позднее и более частые упоминания (ПВЛ, I, 86).

муки или печеного хлеба и солода. Употребление хмеля при варке пива засвидетельствовано у славян, сначала у чехов, а с XI века и на Руси [1]. Древнеславянское слово *хмель* считается заимствованным от финнов или тюрко-татар [2]. В отличие от него термин *слад*ъ (солод) является древнеславянским. Приготовление *кумыса* из кобыльего молока и употребление его в качестве напитка у славян не засвидетельствовано; о нем упоминает только Ибн-Русте, когда пишет о правителях одного славянского племени на Руси [3]. Вино было завезено к славянам скорее всего из Италии, через Дунай, при посредстве германцев, так как общеславянский термин *вино* — латинского происхождения, а торговля вином упоминается в Германии с I в. до н. э. [4]. Славяне познакомились с вином и, вероятно, пили его уже в первой половине первого тысячелетия н. э., однако изготовление вина в западных и восточных славянских землях засвидетельствовано лишь в XI и XII веках, когда в чешских (с 1057 года) и польских (с XII века) грамотах упоминается впервые Vineal и Vinitores. Только на юг от Дуная, что вполне естественно, нам известны у славян виноградники, возделывавшиеся еще до IX века [5].

Пили славяне, как и другие окружающие их народы — скифы, кельты, пруссы и германцы,— много, особенно на праздничных пирах, древнее славянское название которых *пир*ъ происходит от слова *пити*. Особенно большими пиршествами были погребальные, так называемые тризны (см. о них следующую главу), на которых славяне пили уже сверх всякой меры [6]. Уже Ибн-Фадлан упоминает, что русы пьют днем и ночью, а иногда даже умирают с кубком в руках, а князь Владимир подтверждает то же в следующих словах: «Руси есть веселие пити, не можем без этого быти» [7].

О том, как пили славяне, и о характере славянских пиршеств мы знаем мало, меньше, чем традиции сохранили нам о пирах германских. Известно лишь, что когда славяне пили вино, то при этом пели, стараясь друг друга перещеголять — «кто устроит лучший пир» [8], и что кубки или рога (турьи, бычьи) переходили из рук в руки до тех пор, пока гости в состоянии были пить. У полабских славян гости при этом что-то выкрикивали и произносили какие-то заклинания, обращенные как к доброму, так и к злому богам [9]. Ряд подобных упоминаний о «наполнении бесовской чаши» во время языческих празднеств встречается и в русских церковных поучениях [10], и если согласно древней легенде X века св. Вацлав поднял на пиру чашу в честь св. Михаила [11], то это не что иное, как отголосок древних здравиц в честь языческих демонов, место которых занял теперь архангел. То же самое представляет собой и пение тропарей в древней Руси, а также опустошение чаши после каждого гимна [12].

Участие в попойках было правом не только мужчин, но и женщин, а о том, что женщины также умели пить, свидетельствует известие об одной славянской княгине в северной Венгрии, которая ездила, как воин, и пила без

[1] В грамотах Опатовицкого и Вышеградского монастырей, датированных около 1073, 1088 годов; „Лаврентьевская летопись, стр. 82 (под 985 годом — *хмель*) и у Барбата (Rad., LXIII, 118).

[2] См. „Živ. st. Slov.“, I, 212.

[3] А. Я. Гаркави, указ. соч., 266. См. Revue des Études slaves, II, 32.

[4] Gac., Germ., 23; Caes., De bel. Gal., II, 15; IV, 2.

[5] Подробные подтверждения см. в „Živ. st. Slov.“, I, 214—215. Впрочем, Козьма (1, 5) говорил о виноградниках в Чехии со времени Пржемысла и, таким образом, считал их весьма древними. См. об этом дальше, гл. VIII.

[6] Подтверждения см. в „Živ. st. Slov.“, I, 216.

[7] А. Я. Гаркави, указ. соч., 96. Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 60).

[8] Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080—1089). Русская Историческая библиотека, VI, 16.

[9] Helmold, I, 52; см. также главу VI.

[10] „Živ. st. Slov.“, I, 218.

[11] Legenda Kristianova (ed. Pekař), 155, 184.

[12] „Živ. st. Slov.“, 1, c.

меры[1]. Неудивительно, что голоса первых христианских священников подымались против славянского пьянства. От безмерного пьянства предостерегает князь Владимир Мономах, а благословенный Федосий Печерский в своем Поучении к народу восклицает: «Горе пребывающим в пьянстве!»[2]

Болезнь и смерть

Хотя древние славяне и были народом здоровым, но все же жизнь их не была настолько благоустроенна, чтобы смерть приходила к ним только в бою или в глубокой старости. Можно заранее предположить, что климат и среда, в которой славяне жили, обусловливали наличие многих болезней, от которых они страдали. Так, например, в Полесье до того, как русское правительство провело огромные мелиоративные работы, свирепствовали болотная лихорадка и колтун, и хотя об этом и нет известий, совершенно очевидно, что эти болезни существовали в Полесье и в древнейшие времена. Единственным дошедшим до нас известием о болезнях древних славян, относящимся к X веку, является запись Ибрагима Ибн-Якуба о том, что у славян на теле имеется какая-то сыпь и опухоли. Это же, очевидно, имеет в виду и Масуди в своем сообщении о славянских банях[3]. Но кроме того, древние термины, как например *недугъ*, *немощь*, *дъна*, *огонь*, *jęzа* (*jęzda*), *струпъ*, *кыла*, *вередъ*[4] и другие, были общими для всех славянских языков и свидетельствуют и о других болезнях, которые тогда были известны.

О том, как лечили славяне эти болезни, у нас имеются известия, относящиеся к VI веку, а в 802 году в Зальцбургской епархии[5] упоминается даже славянский лекарь. Вообще же лечением занимались больше всего старые колдуньи, так называемые вещуньи, о которых мы расскажем подробнее в главе VI.

Естественная смерть наступала или в результате болезни, или же от старости, преждевременная — от увечья во время различных работ или в бою. В первом случае славяне-язычники часто ускоряли приход ее тем, что стариков, не способных к труду, убивали раньше, чем наступала их естественная смерть. Это подтверждается, во-первых, древним и индоевропейским обычаем, распространенным у окружавших славян народов — германцев, иранцев (скифов и массагетов) и пруссов[6],— а во-вторых, нам известно, что пережитки этого обычая удержались у славян и позднее. Так, сохранилось запрещение князя Оттона от 1328 года древним полабским древанам, сохранившим еще этот обычай убивать своих престарелых родителей[7]; в Сербии, где обычай этот известен был под названием «лапот»[8], стариков убивали вплоть до недавнего времени. Вообще же древние славяне встречали смерть спокойно, особенно в бою. Когда в 593 году греческий военачальник Приск напал на славян, они в каком-то экстазе отчетливо выражали свое стремление умереть[9].

Все это, разумеется, не говорит о том, что славянский воин, как каждый человек, не стремился возвратиться к домашнему очагу целым и невредимым. По свидетельству Прокопия мы знаем, что славяне с этой целью приносили перед боем жертвы богам[10].

[1] Thietmar, VIII, 3 (IX, 4).
[2] „Živ. st. Slov.“, I, 219.
[3] Ibrâhîm (ed. Westberg), 59; Mas^{c}ûdî (ed. Rozen), 57.
[4] „Živ. st. Slov.“, I, 221; Mansikka, Religion, I, 188.
[5] В грамоте архиепископа Зальцбургского 802 года (Kos., Gradivo, II, 9).
[6] „Živ. st. Slov.“, I, 221.
[7] Cit. A. Meitzen, Siedelung, II, 484.
[8] См. об этом исследование С. Трояновича, Лапот и проклетије у Срба (Белград, 1898). Затем о традиции, существующей на Руси, см. в „Živ. st. Slov.“, I, 222, и в статье, которую написал З. Кузеля, „Етнограф. Збірникъ“, 1912, 31—32.
[9] Theophylaktos, VI, 8. См. Ибн-Русте (изд. Хвольсона), 31 и Гардизи (ed. Bartold), 123.
[10] Procop., III, 14.

Глава III

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Погребальный обряд славян-язычников, каким мы знаем его в последние столетия перед принятием христианства, был ритуалом, вполне сложившимся, сложным и разнообразным, далеко ушедшим от его основных первоначальных форм, существовавших у еще неразделившихся индоевропейцев. В древнейшие времена, насколько, разумеется, можно судить по местам погребений, приписываемым славянам, в погребальном обряде славян было больше единообразия и простоты. Однако мы видим, что позднее, как и в других областях культурной жизни, на погребальных обрядах сказываются чужеземные влияния, в результате чего эти обряды приобретают значительно более разнообразный характер, и единообразие славянского погребального обряда исчезает. Лишь христианство снова приводит все к единообразию, стандартизирует погребальный обряд и при этом вводит совершенно новые основы обряда, а именно захоронение покойника на обычных общих кладбищах, освященных церковью. До этого славяне своих покойников не хоронили, а с древнейших времен, несомненно с самого возникновения славянства, сжигали.

Являлось ли трупосожжение вплоть до конца языческого периода единственным погребальным обрядом у славян — это старая проблема славянских древностей, которой занимался уже Добровский [1]. Как только в Германии появились первые работы по доисторической археологии, сразу же возник вопрос, относящийся к этнографии: что именно среди находок является немецким и что славянским? Ответ на этот вопрос вскоре стали искать и в разделении погребальных обрядов. Много дебатов вызывал вопрос, сжигали ли вообще славяне своих покойников, причем спор шел главным образом уже вокруг вопроса, являются ли погребения с трупосожжением в восточной Германии и Полабье германскими или славянскими. В семидесятых годах прошлого столетия в этот спор решительно включился Рудольф Вирхов. Авторитетно выступив в пользу германской принадлежности древних погребений с трупосожжением в восточной Германии, он признал за славянами только позднюю, так называемую культуру городищ («Burgwalltypus»), которая представлена культурными слоями древних городищ или современными им могилами с трупоположением [2].

Ныне вопрос славянского погребального обряда совершенно ясен. Основу его в дохристианский период, во всяком случае до той поры, пока мы можем бесспорно или по крайней мере документированно проследить древнюю историю славян, составляло повсюду трупосожжение, так же, как это было и у других соседних арийских народов: литовцев, германцев и галлов. Чужеземные влияния, имевшие место в различных землях, в частности влияние римское и восточное, сказывались лишь в том, что наряду с этим основным обрядом местами появлялись отклонения от него, а именно — наряду с тру-

[1] Dobrovský, Über die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt und der Böhmen insbesondere (Abh. Ges. Wiss., 1786, 333).

[2] См. Р. Вирхов, статья „Über Gräberfelder und Burgwälle der Niederlausitz und des überoderischen Gebietes“ (Berl. Verh., 1872, 226).

посожжением рано появляется и захоронение (с всевозможным устройством могил), а так как с приходом христианства изменение основного погребального обряда произошло не сразу, а постепенно и в различных областях в различное время, то особенно в течение первого тысячелетия нашей эры мы отмечаем период, когда оба основных обряда — сожжение и захоронение — существовали у славян одновременно. Исходя из этого, мы до некоторой степени имеем право утверждать, что в то время у древних славян-язычников практиковались оба обряда, однако трупосожжение в языческий период преобладало и было для него типично.

Рис. 5. Гнёздовские курганы близ Смоленска.

О том, что славяне до принятия христианства сжигали своих умерших, свидетельствуют данные как археологии, так и истории. Этнография сохранила следы трупосожжения в незначительной степени.

Археологическим подтверждением этого обряда является существование у древних западных и восточных славян многочисленных погребений с трупосожжением, с которыми мы далее познакомимся значительно подробнее. Весьма многочисленны и исторические свидетельства, относящиеся ко всем славянским землям [1].

О полабских славянах св. Бонифаций свидетельствует (под 744 годом), что они сжигали на кострах умерших мужчин вместе с их женами; тем не менее обряд этот на Лабе, видимо, вскоре исчез, так как позднейшие источники подобных сведений о полабянах не содержат. О трупосожжениях у чехов в древнейших источниках свидетельств почти нет. Зато поляки, по свидетельству Титмара, сжигали умерших еще в XI веке, а у южных славян трупосожжение засвидетельствовано в VII веке (при взятии Царьграда в 626 году), и в X веке его засвидетельствовал и Масуди [2].

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", I, 228 и сл.

[2] Bonifacius, Epist. (Jaffè, Monumenta Moguntiaca, 172); Kosmas, I, 12 (bustum Tyri); Thietmar, IX (VIII), 3; Anon., ed. Mai, Nova bibl. patrum, VI, 432; Masᶜûdî (А. Я. Гаркави, указ. соч., 136).

У восточных славян трупосожжение в X и XI веках подтверждается рядом восточных писателей, Львом Диаконом при описании битвы у Доростола в 971 году [1] и, наконец, автором древнейшей части Киевской летописи, который прямо говорит, что раньше и даже в его время, то есть в конце XI века, отдельные русские племена сжигали своих покойников на кострах, пепел собирали в сосуд, который ставили затем на столбах при дорогах [2]. У соседних пруссов сожжение умерших засвидетельствовано даже в XIII веке, а в Литве, Латвии и Эстонии еще и в XIV—XVI веках [3]. Если мы сопоставим результаты археологических исследований с этими известиями, то будет очевидно, что славяне практиковали сожжение умерших даже в то время, когда в соседней Германии под влиянием христианства и в результате запрещения Карла Великого [4] оно давно прекратилось. В Чехии умерших сжигали еще в X веке, а местами, вероятно, и в XI веке; в Лужицах — также; у полабян— в VIII—IX веках; на юге — примерно в IX—X веках; у поляков — в XI веке; на Руси некоторые племена сжигали умерших еще в XII, а местами даже в XIII веке.

Таким образом, погребения с трупосожжениями, относящиеся к христианскому периоду, всегда являются языческими, погребения же с трупоположением большей частью являются уже христианскими, однако я не хочу утверждать, что любое погребение с трупоположением в X—XII веках обязательно является христианским. Кое-где обряд трупосожжения под внешним, скорее всего римским [5], влиянием сменился захоронением умерших еще до того, как сменилась религия. Однако, как мы это дальше увидим, и при захоронениях трупов в могилах, несомненно, сохранилось множество древних языческих обычаев.

В основном славянский языческий обряд заключался в том, что тело умершего с плачем и пением доставлялось на кладбище, скорее всего к общему кострищу или к отдельной могиле, которая уже была подготовлена. Там из поленьев был сложен костер, на который укладывали покойника в одежде, а иногда и в вооружении, которые он обычно носил при жизни, — непосредственно на костер, или на доске, или в ладье. После этого родственники поджигали костер. Тотчас же по сожжении покойника или на следующий день пепел с обгоревшими остатками костей, оружия и украшений собирали в кучу или складывали в урну, которую зарывали в могилу или ставили, наконец, на могилу сверху на камень или на столб в зависимости от того, какие могилы были в обычае данной местности и рода. В урну вкладывались также и дары, которые должны были служить умершему в загробной жизни. Если покойник был похоронен без сожжения, тело его вместе с принесенными дарами опускали в такую же могилу и здесь же поджигали жертвенный костер, у которого свершалось и первое погребальное пиршество.

Вещами, которые клались вместе с умершим в могилу (обычно еда,

[1] Ибн-Фадлан, Аль-Истахри, Аль-Балхи, Масуди, Ибн-Хаукаль, Ибн-Русте, Персидский географ, Гардизи, а позднее и некоторые другие. См. Гаркави, указ. соч., 111, 115, 129, 136, 193, 202, 221, 259, 264, 265, 276; Гардизи (ed. Bartold), 123; Персидский географ (ed. Туманского), 135; Лев Диакон, IX, 6. См. „Živ. st. Slov.“, I, 230.

[2] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 15).

[3] Ипатьевская летопись под 1252 годом; Dreger, Cod. Pomeraniae, dipl. № 191; Stryjkowski, Kronika polska XI (Warszawa, 1846, I, 386); Guaguini, De orig. Lith. (Pistorii Scriptores rer. polon., II, 391). В русском переводе Малалы кто-то под 1252 годом также вписал упоминание о трупосожжениях в Литве (Mansikka, Religion, I, 69).

[4] См. „Capitulare Paderbornské“ от 785 года, с. 7, 22.

[5] Римляне и греки перестали сжигать своих покойников в императорский период. В Ольвии, например, в этот период отмечен только 1% погребений с трупосожжением. В римских провинциях на Дунае переход к простому захоронению падает на III — IV века. Могилы в Черняхове (IV век) означают переходный период.

некоторые орудия труда и оружие), славянские погребения, как правило, весьма бедны. С этой стороны славянские погребения не могут сравниться с могилами их соседей. Богатые могилы являются у славян исключением.

Этот основной обряд дополнялся и усложнялся рядом других обычаев, которые мы сейчас рассмотрим.

Тело умершего выносили из дому не через двери, а через *специальный пролом*, сделанный для этой цели, очевидно для того, чтобы душа, пожелавшая возвратиться, не нашла обратно дорогу. Подтверждением этого обычая может служить, например, вынос тела князя Владимира в Берестове в 1015 году, а также большое количество позднейших пережитков этого обычая [1].

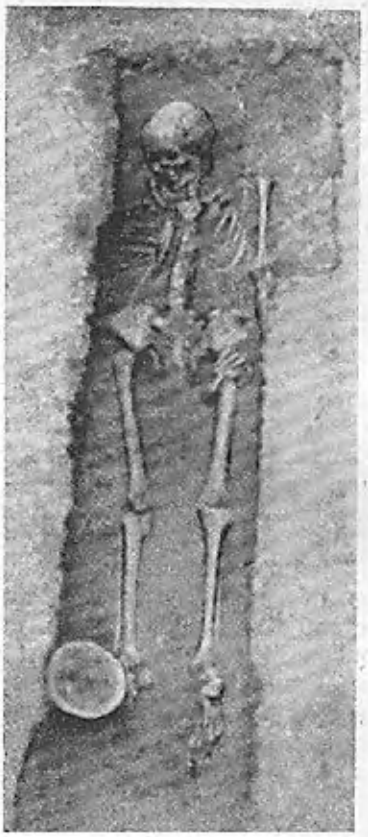

Рис. 6. Типичная славянская могила (Либице, фото Р. Турек).

При выносе тела и в течение всего пути до кладбища родственники провожали умершего хвалебными речами, а также *плачем женщин* (*жалением*). Причем сопровождающие иногда исцарапывали себе лицо ногтями, наносили себе раны, остригали волосы. Эти причитания являлись уже не выражением истинного горя от потери умершего, а обрядовыми, аффектированными, ритуальными стенаниями. Любопытно, что во многих славянских странах этот обычай полностью сохранился до наших дней, а на Балканском полуострове и в России для этой цели до сих пор нанимают специальных женщин-плакальщиц, называемых *покайнице*, *наркаче*, *плакальнице*, *жалеющие*, *плачки*. Такие плакальщицы до недавнего времени нанимались также и в Моравии и Словакии. Этот плач и причитания женщин являются в некоторых местах настолько существенной частью погребального обряда, что без них погребение просто невозможно, хотя в то же время оно допускается без церковного обряда. Существование этого обычая в древней Руси подтверждено Киевской летописью под 945 и 969 годами, а у поморян и поляков он засвидетельствован Эббоном и Кадлубеком [2]. Вместе с тем царапание лица и нанесение себе ран подтверждается древними известиями только на Руси, в Польше и в Чехии [3].

Кульминационным пунктом погребального обряда была *добровольная или вынужденная смерть оставшейся жены покойника, а иногда и дружины, ему служившей*. Об этом свидетельствует ряд древних известий, имеющихся у

[1] Лаврентьевская летопись, 127 (ПВЛ, I, 89) и „Živ. st. Slov.", I, 244 и сл.

[2] Ebbo, 1. 6; Kadłubek (Bielowski, Mon. Pol. hist., II, 182, 268). Об этом упоминают также некоторые русские поучения, кроме того, существует специальное древнее поучение (до сих пор не издано) „Слово св. Дионисия о жалеющих".

[3] Ибн-Русте, Масуди, Гардизи (Гаркави, 264, Rozen, 56 и Bartold, 123); Canaparius, Vita Adalb., 2; Kadłubek (Bielowski, lok. cit). Позднейшие свидетельства весьма многочисленны. См. „Živ. st. Slov.", I, 246 и сл. и Bugiel, Bulletin de la Société d'anthropologie, 1925, 122.

Маврикия и Льва Мудрого о южных славянах и у Титмара о поляках. Особенно важным в этом отношении является сообщение св. Бонифация, содержащееся в его послании к королю Этибальду [1]. Что касается восточных славян, то ряд арабских писателей указывают на тот же обычай и у них; о женах воинов Святослава в 971 году под Доростолом пишет Лев Диакон [2]. Но наиболее яркое, полное драматизма описание такой «добровольной» смерти жены знатного русского воина где-то на Волге оставил Ибн-Фадлан. При чтении его у нас, однако, возникают некоторые сомнения: действительно ли Ибн-Фадлан рассказывает здесь о славянке и о славянском обычае, поскольку его русский воин, очевидно, сам норманнского происхождения [3]. Археологических подтверждений этого обычая найдено мало, и они носят неопределенный характер, так как нельзя доказать, какой смертью умерли женщины, останки которых временами находят в могиле рядом с останками мужчин.

В действительности «добровольная» смерть, разумеется, не всегда была добровольной. Обычно, особенно в знатных семьях, смерть жены являлась неизбежным следствием устойчивой традиции, согласно которой такая смерть должна была наступить. Женщину, выразила ли она добровольно свое согласие или была выбрана для этой цели, как это красочно описывает Ибн-Фадлан, перед тем как вести на костер, опаивали и таким путем добивались того, что она уже не оказывала сопротивления на костре. Обычай этот, разумеется, не является чисто славянским и засвидетельствован у ряда соседних со славянскими народов: у германцев, литовцев, пруссов, фракийцев, скифов и сарматов [4]. Однако отсюда не следует делать вывод, что этот обычай был перенят именно у них. Он является старым наследием индоевропейского периода. Принесение в жертву господину наряду с женами юношей, коней и собак являлось неизбежным следствием только что описанного обычая и также засвидетельствовано у славян [5]. Интересную особенность этого обычая отметил еще Масуди: в жертву приносилась не только жена умершего мужа — когда умирал неженатый молодой человек, то в жертву приносили девушку, обеспечивая ему таким образом для загробной жизни жену, которую он не имел при жизни [6]. Этот посмертный брак являлся весьма интересным доказательством веры в загробную жизнь, и я не сомневаюсь, что в некоторых обычаях, сохранившихся до сих пор у славян при похоронах молодых людей и девушек, мы должны усматривать пережитки, связанные с этим обычаем, правда, уже значительно ослабленные. Это всегда отголоски свадебных обрядов [7].

Другой интересной подробностью древнеславянского погребального обряда является *погребение в ладьях*. Обычай класть тело умершего в лодку и сжигать его вместе с ней либо насыпать над несожженной ладьей могильный курган часто встречается у северных германцев и балтийских финнов. В частности, известны находки лодок в скандинавских могилах. У славян погребения в ладьях очень редки, и если встречаются, то только на востоке (засвидетельствованы они как письменными источниками, так и археологическими находками, однако последние подтверждены недостаточно), и поэтому

[1] Maurik, Strat., XI, 5; Leon, Tact., XVIII, 105; Thietmar, IX, 3; Bonifac в 59 послании (Jaffé, Mon. Moguntiaca, 172).

[2] Ибн-Русте, Истахри, Хаукаль, Балхи, Масуди, Персидский географ и др. См. А. Я. Гаркави, указ. соч., 125, 136, 193, 221, 265, 270, 276. Mas'ûdî (ed. Rozen), 55, 56; Персидский географ (ed. Туманского), 135; Leon Diacon, IX, 6. Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 248—249.

[3] См. в словаре Якута слово *Râs*. Полный текст см. в „Živ. st. Slov.“, I, 377.

[4] „См. Živ. st. Slov.“, I, 254.

[5] „Živ. st. Slov.“, 1, 257—261. В этом отношении также имеется много археологических свидетельств (находки в могилах костей лошадей, собак и пр.).

[6] А. Я. Гаркави, указ. соч., 129.

[7] Я собрал их в „Živ. st. Slov.“, I, 256.

весьма вероятно, что этот обычай перешел от указанных [illegible] соседей, в частности, по влиянием скандинавских русов. Кроме того, он засвидетельствован на Руси только в отношении княжеского рода [1]. Первоначально ладья, несомненно, означала всего лишь судно, представленное для загробной

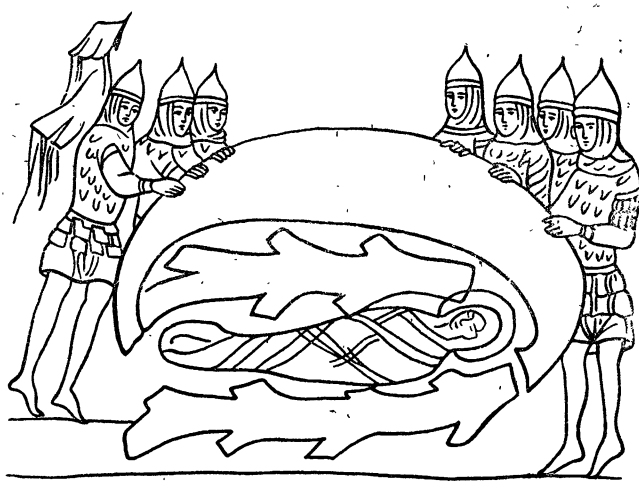

Рис. 7. Св. Глеб под ладьей.

[illegible]ни. Чем по[illegible] ме[illegible]е должн[illegible] быть
[illegible] его [illegible]
[illegible]од чужезем[illegible]ичь им, [illegible]янам
в конце языческого периода [illegible]огилу *дем*[illegible]рогу
в загробный мир. Это, несомне[illegible]обол, дававшийся умершим для

Рис. 8. Перенесение тела св. Бориса на санях.

Харона, обычай, проникший к славянам по нижнему Дунаю или с берегов Черного моря. Даже в беднейших гробницах древнего Пантикапея, как правило, имеются медные деньги.

У славян этот обычай укоренился настолько глубоко, что многочисленные следы его мы не только находим в погребениях X и XI веков, но он

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 55, и миниатюра жития Бориса и Глеба [illegible] с[illegible] вс[illegible] и сборник см. [illegible] также описание Ибн-Фадлана (А. Я. Гаркави, указ. с[illegible]). Г[illegible]ро[illegible]ее об этом [illegible]ае см. [illegible] „Zur. st. Slov.“, I, 262 и сл.

удерживался и много времени спустя; более того, славяне во многих местностях еще и теперь вкладывают деньги умершему в рот или в руку, не понимая первоначального значения этого обычая [1]. Так поступают, например, в восточной Моравии, Словакии, на Украине, в Белоруссии, в Польше и на Балканах.

Пользуясь случаем, я хотел бы одновременно отметить, что «мертвый» по-древнеславянски это — *навь*, и это слово одновременно означало и загробный мир вообще. Некоторые лингвисты искали в этом слове еще один отголосок упомянутого античного влияния, связывая его с греческим ναῦς, латинским *navis* и имея в виду лодку, на которой Харон перевозил души умерших на тот свет [2]. Хотя эту связь и нельзя отрицать (в древнем чешском и польском языках мы имеем *nav*, *náva* также и в значении *лодка*), этот лингвистический вопрос все же следует оставлять открытым. Столь же возможно, что старославянское *навь* не связано с *navis*, но происхождение его древнеиндоевропейское, так же как и готское *naus* и литовско-латышское *navit*, *nave* [3].

Неясно и происхождение обычая хоронить мертвых в *санях* или привозить умерших на санях к могиле, даже если погребение происходило летом. В русских источниках, по которым этот обычай нам только и известен, имеется несколько сообщений о том, что тела умерших князей Владимира, Бориса, Глеба, Ярослава, Михаила, Святополка (X—XII века), хоронились ли они зимой или летом, привозились к месту погребения на санях [4].

Более того, люди, ожидавшие своей смерти, готовили себе для погребения сани, а старое русское выражение «сидеть на санях» означало то же, что и «быть перед смертью» [5]. Этот обычай еще долго удерживался в России и на Украине, а в Карпатах он бытует и до сих пор; имеются из[illegible]я о подобном же обычае в Словакии, Польше и Сербии [6]. В сан[illegible] [illegible]ягались волы.

Поскольку же этот обычай распространен также и у финнов и [illegible] некоторых урало-алтайских племен, возникает законный вопрос: является ли он местным, славянским, или же заимствован славянами у соседних с ними народов? По всей вероятности, обычай везти тело покойника на санях является все же местным как у славян, так и у финнов и связан с характером русской земли, а также с тем, что сани были на Руси древнейшим видом транспорта. На вопрос о том, где возник обычай класть в могилу сани, нельзя дать удовлетворительный ответ.

Весьма интересной и существенно важной подробностью древнеславянского погребального обряда является также погребальное празднество, так называемая *тризна* и связанный с нею пир (*пиръ*, *страва*).

С полной достоверностью тризна засвидетельствована только у восточных славян, однако известия, которыми мы располагаем в отношении остальных славян, дают право не сомневаться, что тризна была известна всем славянам. Подробного описания того, что, собственно, представляла собой триз-

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 266.

[2] Так, в частности, полагает А. Котляревский в своем ценном и обширном исследовании „О погребальных обычаях языческих славян“ (Москва, 1868). В настоящее время эта работа уже весьма устарела.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 268.

[4] Лаврентьевская летопись, 128, 158, 181, 296 (ПВЛ, I, 89, 121, 196), Житие Бориса и Глеба (миниатюры).

[5] См. начало „Поучения князя Владимира Мономаха“ (Лаврентьевская летопись стр. 232) и „Описание смерти монаха Феодосия“ под 1074 годом (там же).

[6] „Živ. st. Slov.“, 1, 271. Об этом и предыдущем обычаях большое исследование написал проф. Д. Н. Анучин, Сани, ладья и кони как принадлежности погребального обряда (Москва, 1890). См. по этому вопросу также работу T. Волкова, Le traineau dans les rites funéraires [illegible] (Rev. des trad. po[illegible] Paris, 1895). [illegible] туру в „Živ. st. Slov.“, I, 269

на, нет, однако сопоставление различных дошедших до нас известий дает все же возможность восстановить истинную ее картину.

Первые страницы летописи рассказывают только о том, что племена радимичей, вятичей, северян и кривичей совершали над покойником тризну (применяют термин *тризну творити*) до того, как его сжигали; там же, под 945 годом, мы читаем, что княгиня Ольга справляла тризну над могилой Игоря, но что позднее она сама, став христианкой, повелела над ее могилой тризну не творить. Значительно больше сведений о тризне мы находим в русском источнике «Житие Константина Муромского», источнике хотя и более позднем, но содержащем много древних традиций. В нем наряду со словом «тризна» упоминается также *делание бдыну* (*бдынъ*) и *битва*[1]. О языческих погребальных празднествах упоминают и польские хроники, но термин «тризна» в них не приводится. Не употребляет его и Саксон Грамматик в описании погребения, которое устроил своему умершему брату славянский князь Исмир[2]. В чешских источниках слово «тризна» хотя и является inferiae, placatio mortuorum, записанным между чешскими глоссами в словаре «Mater Verborum» (XIII век), но глосса эта является подделкой[3]. Зато к чешской «тризне», очевидно, относятся празднества, о которых упоминает хроника Козьмы Пражского (III, I). Князь Бжетислав в 1092 году наряду с другими запретил особые празднества в честь умерших: «item sepulturas, quae fiebant in silvis et in campis, atque scenas, quas ex gentili ritu faciebant in bivi-is et triviis, quasi ob animarum pausationem, item et iocos profanos; quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant».

Уже из этих сообщений видно, что тризна была не одним лишь погребальным пиршеством, но и чем-то другим, каким-то празднеством драматического характера (scenas faciebant et iocos profanos unduti faciem larvis), главной частью которого было представление битвы, на что, помимо слова «битва» в «Житии Константина Муромского», указывает на этимологическое значение слова «тризна», связанное с чешским tr̀zniti, польским tryznić в значении «бить кого-то», так и значение слова «тризна» в церковнославянских источниках, где оно в переводах соответствует греческому στάδιον, ἄθλον, ἀγων, παλαίστρα (тризновати — pugnare, тризникъ — pugnator)[4].

Все это вместе взятое показывает, что при погребениях, а позднее и во время празднеств в честь мертвых проводилась состоявшая из символических движений праздничная игра, главным моментом которой была военная сцена (состязание), сопровождавшаяся бряцанием оружием, криками и военными песнями. Разумеется, это не было воспроизведением какой-то битвы, в которой некогда участвовал умерший, или воспоминанием о ней, так как вся игра, очевидно, имела магическую подоплеку. Это был бой со злыми духами с целью отогнать их. Еще Иоанн (Ян) Менеций упоминает в XVI веке, что при погребении в западной Руси мужчины с мечами в руках кричали слова: «gey, geythe, begoythe peckelle», неправильная транскрипция которых лучше всего может быть истолкована как «бегите, бегите, пекельни» (то есть демоны). Подобных пережитков сохранилось много[5]. Употребление масок, очевидно, также было связано с представлением о действующих здесь злых духах.

[1] „Živ. st. Slov.", I, 246, 274. Весь источник опубликован в исследовании А. Котляревского, Погребальные обычаи, 128. Что означает выражение „делати бдынъ", неясно; я истолковал бы его скорее всего как бдение и связанные с ним элегии над умершим. Ср. *„umrlčí"* ночи у чехов и *„puste"* — ночи в Польше („Živ. st. Slov.", I, 247).

[2] Kadłubek (Bielowski, Mon. Poloniae Hist., II, 268), Saxo (ed. Holder).

[3] Там же, I, 274.

[4] Там же, I, 278.

[5] Там же, I, 278—281. Д. Зеленин, „Живая старина", 1911, 410.

Пиршество, следовавшее после тризны, называлось *пиръ*, либо *страва*. Последнее слово очень интересно еще и тем, что оно упоминается уже в связи со смертью Аттилы в Венгрии в 453 году, свидетельствуя одновременно и о том, что подданные Аттилы в средней Венгрии должны были быть славянами[1]. Иордан говорит[2], что над гробом Аттилы был устроен обильный пир, который называется страва (stravam super tumulum eius, quam appellant ipsi, ingenti comessatione, concelebrant),—то есть употребляют славянский термин, и поныне означающий пищу и засвидетельствованный в древних чешских и польских источниках XIV и XV веков, специально в значении погребального пира[3].

Погребальные пиры, устраивающиеся с подобным же расточительством и обилием еды и меда, засвидетельствованы с древнейших времен также и у других славян[4], и, как известно, до сих пор у всех славян принято гостям, прибывшим на похороны, преподносить еду или по крайней мере крепкие напитки. В Белоруссии при этом и по сей день хозяин и гости угощают небольшим количеством еды и напитков[5] также и души предков, которых призывают и благодарят за то, что они угостились... обращаясь к ним и молясь им так, как, очевидно, и тысячу лет назад[6].

Подобным же образом, как и во время самих похорон, умершие чтились совместно в дни, посвященные поминовению мертвых. Непосредственных известий об этом со времен язычества дошло не много[7], однако о живучести этого обычая (не только у славян) свидетельствует лучше всего то, что как восточная, так и западная церковь включила эти дни в число церковных праздников и, несмотря на все свои попытки, не смогла лишить славян древних языческих атрибутов, к которым в первую очередь относится обычай приносить на могилы пищу для умерших, а также различные драматические игры, а зачастую и разнузданные празднества, устраивавшиеся при этом. Насколько еще сильно удерживаются языческие представления в самых глухих славянских областях Балканского полуострова, где до сих пор сохранилось еще много таких дней, посвященных памяти умерших, носящих самые различные наименования[8], видно, например, из того, что в Сербии священник в отдельных местностях не только сам кладет еду на могилы, но даже заклинает злые души умерших не возвращаться обратно. В Болгарии подобным же образом на сороковый день после смерти священник окуривает могилу умершего и в сделанное отверстие наливает воду и кладет еду[9]. Вообще же можно сказать, что у католиков древний обычай кормить на кладбищах умерших исчез полностью или же оставил после себя незначительные следы, в то время как у православных болгар, сербов и русских этот обычай погребальных пиршеств на кладбищах сохранился в неприкосновенности.

[1] См. „Slov. star.“, II, 136.

[2] Iord., Get., 258.

[3] Подтверждения см. в „Živ. st. Slov.“, I, 282.

[4] Ср. также пир князя Мужока в 593 году [Theophyl. Simoc., VI, 9; Theoph. (ed. Boor), 270], князя Измира [Saxo (ed. Holder) 276], см. „Živ. st. Slov.“, I, 274, 275. В древней Руси засвидетельствован обычай опоражнивать чашу в честь умершего, а также в честь *рода* и *рожаниц* („Živ. st. Slov.“, I, 282).

[5] „Živ. st. Slov.“, I, 281.

[6] Записал Шейн, Материалы, I, 2, 556, 569, 596. То же отмечает в XVI в. и Ян Менеций (Script. rer. livon., II, 391).

[7] О них упоминают Ибн-Русте и Гардизи (А. Я. Гаркави, указ. соч., 265, Bartold, 123).

[8] „Živ. st. Slov.“, 291—292. Наиболее распространенными терминами среди славян являются *задушница, задушки* (от славянского *душа*) и *помен, поминки* (от старославянского *мьнети*). На Руси и на Балканах весьма распространен также термин *трапеза* от греческого τράπεζα.

[9] „Živ. st. Slov.“, I с. и 294, 295. Об относящихся сюда обычаях и их наименованиях см., в частности, исследование М. Мурко, „Das Grab als Tisch“ в журнале „Wörter und Sachen“, 1910, II.

Р и с. 9. Праздник поминовения умерших (*задушница*) в Болгарии (по картине Мрквички).

Из празднеств и игр, устраивавшихся славянами в честь душ умерших, заслуживают упоминания и так называемые *русалии* и *радуницы*, о которых мы будем говорить еще раз в VI главе. Русалии, являвшиеся на Руси явным пережитком язычества, во многих случаях засвидетельствованы уже в XI веке. Против них ополчились светские и церковные христианские князья. Радуницы в древний период славянства не засвидетельствованы [1], но как праздник умерших распространены по России, куда так же, как и русалии, проникли под греко-римским влиянием. Оба эти праздника свидетельствуют также и о сильном влиянии, которое оказывала на славян римская культура со времен империи. Оба названия — античного происхождения: *русалии* от *rosaria*, *rocalia* (римский праздник роз), а *радуница* от ῥοδώνια, ἡμέρα τῶν ῥόδων [2]; и хотя, как следует предполагать, славяне и до этого имели свои дни поминания умерших, свои *задушницы*, *поминки*, *dziady* и т. п., все же не подлежит сомнению, что они переняли не только новое название, но и переняли сами празднества точно такими же, какими они видели их у греков и римлян.

Остальные погребальные обряды не столь важны и не имеют такого значения.

Возжигание огня на могилах, которое упоминается только с XV века, является, очевидно, уже лишь отголоском первоначальных костров, на которых когда-то сжигались покойники [3]. То же значение, очевидно, имеют и кострища, которые находят в различных слоях могил XI—XII веков рядом со скелетом, либо над ним, или под ним. Иногда трудно решить — то ли это костер, на котором готовилась пища для погребального пира, то ли это только пепел от огня, зажженного в память умершего. Следует все же полагать, что огонь, разводившийся на могиле умершего, служил и для той, и для другой цели.

Современный славянский фольклор сохранил следы еще ряда обычаев, которые в своей основе и по своему характеру относятся к периоду язычества. Это, например, обычай открывать окна для того, чтобы душа умершего могла улететь, вынос покойника таким образом, чтобы тело его не коснулось порога, обычай бросать камни и ветви через плечо и запрещение оглядываться назад при возвращении с кладбища, обычай облекаться в траурные одежды (вывернутые наизнанку), пробивать мертвое тело колом, сжигать солому на пути, делать для выхода души отверстия в гробу, бросать камни на могилу и т. д. [4]

Необходимо, однако, указать, что известные мне источники сведений о подобных обычаях в древнее время не содержат, не подтверждаются археологическими данными. Источники также ничего не говорят и об обряде очищения, который совершался после возвращения с похорон при помощи огня или воды, и об обычае изгонять возвратившуюся в дом душу умершего, выметая комнату метлой или размахивая в воздухе топором [5]. Обычай одевать маску на лицо покойника у славян не засвидетельствован, хотя он и был распространен у их соседей [6].

[1] Впервые о радунице упоминается в IV Новгородской летописи под 1372 годом; русалии упоминаются уже в Киевской летописи под 1068 годом вместе со скоморохами и музыкой, а часто и в запретах и проповедях того времени („Živ. st. Slov.“, I, 292, III, 54, 260).

[2] О русалиях см. исследование F. Miklosiche, Die Rusalien, Sietzungsber., Akad. in Wien, 1864; о радуницах — упомянутую работу М. Мурко (стр. 144, 152). Более подробно см. дальше, в главе VI.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 296.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 298—299. Обширные данные о погребальных пережитках собрал A. Fischer в работе „Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego“, Львов, 1921.

[5] „Živ. st. Slov.“, I, 299.

[6] Там же.

Формы могил и кладбища

Настоящий раздел главы о славянских погребениях посвящен подробностям устройства могилы, собственно насыпи над ней, затем положению трупа в могиле, ориентации его по отношению к странам света, погребальному инвентарю и т. д. Обо всем этом, насколько древние источники и прежде всего, разумеется, археология дают для этого материал, я подробно написал в моей книге «Жизнь древних славян». Как в конце первого тысячелетия выглядели славянские могилы in situ, мы знаем по многим тысячам могил конца первого и начала второго тысячелетия [1]. Однако в данном обзоре восстановить все подробности невозможно. Поэтому не остается ничего другого, как отослать читателя к этому труду, а здесь удовлетвориться лишь изложением важнейших черт, характерных для всего славянства IX—XI веков.

До V века до н. э. мы не знаем могил, которые можно было бы назвать бесспорно славянскими, и это относится не только к спорному вопросу о полях погребальных урн на территории между Эльбой и Вислой, но и к области между Вислой и Днепром, где уже на основании историко-лингвистических данных мы помещаем славянскую прародину и где археологическая непрерывность древних и более поздних могил до сих пор не установлена.

Только с V—VI веков мы можем с полной уверенностью говорить о славянских могилах на всем пространстве, заселенном славянами, причем сначала о могилах с трупосожжением, а затем, с X века, и о могилах с трупоположением. Обычно оба вида могил, даже самые бедные, были при всей их простоте самой различной конструкции, но общий тип их и форма сохранялись.

Когда тело покойника в соответствии с описанными выше обрядами доставлялось к месту погребения, то, если сохранялся еще обычай сжигать трупы умерших, его клали на костер и сжигали. Такой костер находился или тут же возле места, выбранного для могилы, или же возле кладбища на общем кострище. Пепел, оставшийся от костра и сожжения покойника, собирали и клали (в урнах или без них) на поверхность земли или выше, на могильную насыпь. В позднейший период подобным же образом труп умершего укладывался на поверхность земли, либо выше, на могильную насыпь, либо — чаще всего — в глубокую четырехугольную яму.

Сама могила (*mogyla, gomila*), называвшаяся на Руси тюрко-татарским словом *курган, kurhan* [2], была различной высоты, в среднем примерно 1—2 метра. А. Спицын полагает, что сравнительно большая высота русских курганов свидетельствует о влиянии скандинавских русов, которые на своей скандинавской родине возводили высокие курганы. В действительности русские курганы, хотя и здесь есть исключения, относительно высоки, особенно если их сравнить с невысокими могильными насыпями западных славян [3]. Однако образцы высоких курганов славяне видели уже задолго до прихода русов у своих южных соседей — скифов и сарматов, проникавших на территорию славян [4], и я полагаю, что лишь особо высокие курганы на севере России, в Новгородской губернии, так называемые сопки, созданы под сканди-

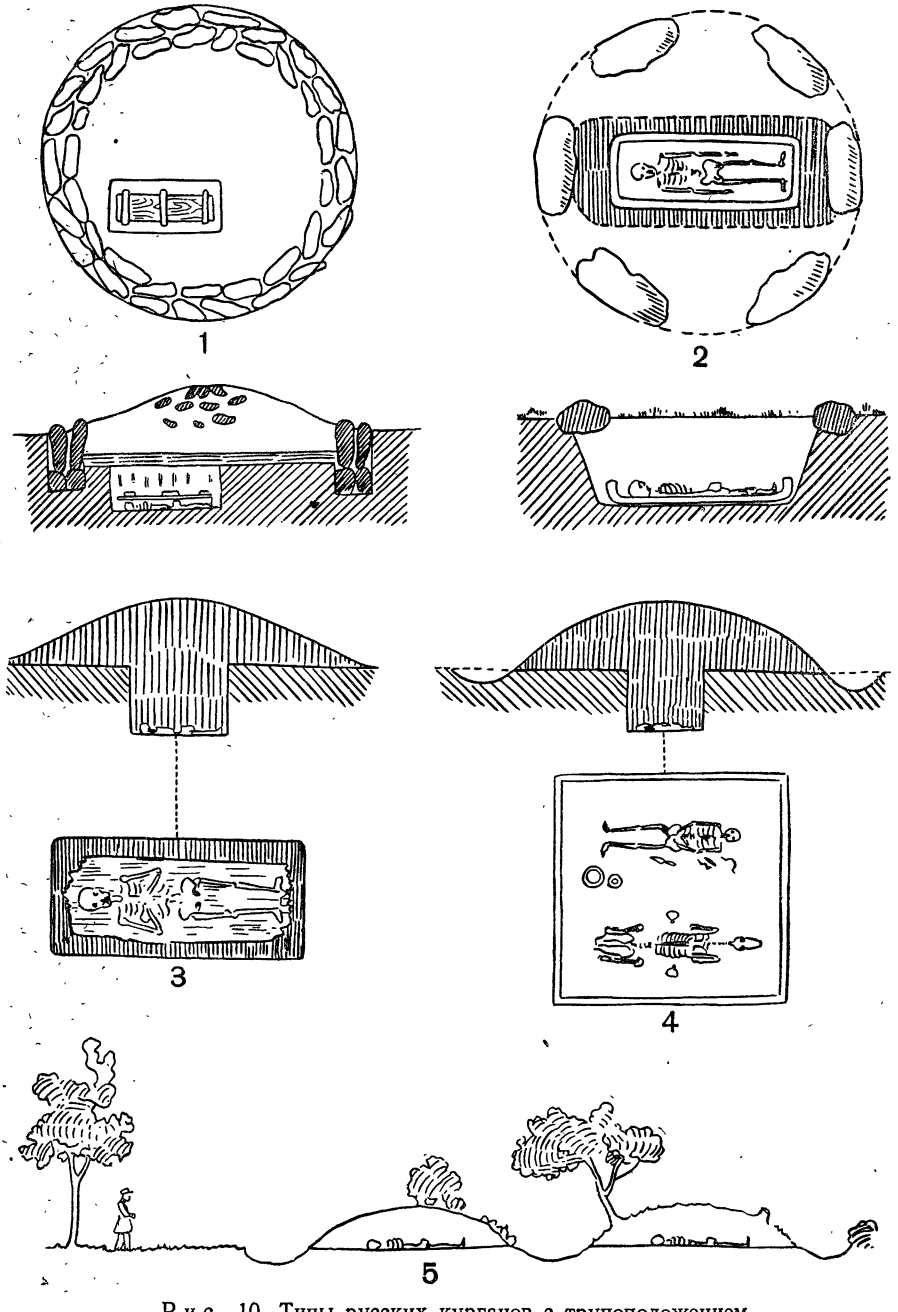
[1] В общем следует отметить, что из могил, относящихся к этому периоду, нам известны пока только славянские могилы западных и восточных земель, а также среднего Подунавья. На самом Балканском полуострове (за исключением Далмации) я пока не знаю ни одного значительного славянского могильника VI—X веков, хотя история говорит нам, что славяне в тот период уже заселили Балканы. Могилы этого периода, несомненно, весьма бедны, и если их случайно и открывают, то они не привлекают к себе достаточного внимания.

[2] От тюрко-куманского термина *kurgan* (ср. и перс. *gurchāna*), первоначально означавшего место, укрепленное рвом и валом, а позднее могилу с насыпью. См. „Živ. st. Slov.“, I, 374. Славяне для обозначения этой насыпи имели наряду со словом *могила (mogyla)* слово *гомила (gomila)*; см. Berneker, Etym. Wörterb., I, 326, II, 69; Miklosich, Etym. Wört., 199; „Živ. st. Slov.“, I, 303.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 307—308.

[4] Там же, I, 309.

навским влиянием[1]. Основная форма кургана обычно округлая или в более древнее время, и главным образом в кривической Руси, продолговатая (так

Р и с. 10. Типы русских курганов с трупоположением.
1 — Болхан; 2 — Мышков; 3 и 4 — Чернигов; 5 — Углич.

называемые *длинные курганы* по терминологии русских археологов). Иногда на кургане устанавливались еще и столбы, на которые ставились урны[2], или определенным образом укладывались камни, или же, наконец, строи-

[1] „Živ. st. Slov.", I, 313.
[2] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 15).

лись какие-нибудь столики, либо небольшие навесы и домики, где душа умершего могла бы отдохнуть; у поморских славян упоминаются также какие-то *бревна* (*fustes*) — колья, которые клали на могильный курган[1]. Наконец, в более поздний период под влиянием печенегов и половцев славяне начали устанавливать на курганах вытесанные из камней изображения умерших[2]. Часто вокруг кургана вырывался небольшой ров, а основание кургана местами обкладывалось большими камнями.

Внутри могильной насыпи, которая состояла иногда из нескольких хорошо различимых слоев, насыпанных, очевидно, не сразу, а в несколько приемов во время праздников задушниц, за исключением обложенного камнями самого погребения, как правило, ничего не удается обнаружить. Однако на востоке, как над урнами, так и над несожженными трупами, местами строились специальные навесы на столбах или даже деревянные срубы, образцы которых славяне, по всей вероятности, видели при строительстве скифо-сарматских курганов. Помимо этих различий, внутреннее устройство кургана изменяется еще больше в зависимости от того, производилось ли захоронение покойника на уровне земли или же выше уровня, в насыпи или, наконец, в яме под курганом[3]. Этим вопросом много занимались русские археологи, пытавшиеся найти в этих различиях особенности отдельных племен. Со своей стороны полагаю, что эти различия не племенные, а хронологические.

Первоначально там, где славяне стали насыпать высокие курганы, ямы стали исчезать, а затем их снова ввело христианство. Однако могилы с глубокими каменными камерами и ведущими к ним коридорами, так же как и могилы хазарского или аланского типа, мы у славян вообще не встречаем.

На западе вследствие того, что христианское вероучение запрещало насыпать над могилами курганы, христианские могилы с самого начала потеряли высокую насыпь, превратились в обычные могилы и с тех пор стали сосредоточиваться вокруг первых костелов. На востоке, однако, курганы строились еще долго. Только на севере, в Новгородской земле, мы видим, что курганы начиная с XI века также начинают исчезать и напоминают о себе лишь обычаем обкладывать могилу большими камнями. С течением времени количество камней на могилах уменьшается, а размеры их увеличиваются, пока, наконец, могила не стала обозначаться лишь четырьмя-пятью крупными булыжными камнями. Местное наименование таких могильников, являющихся типичными для XII—XIV веков,— *жальник* (от слов *жалети*)[4].

Пепел помещался в урну или чаще всего просто ссыпался в кучу. Если же тело умершего не сжигали, то его укладывали на должным образом подготовленную землю. [В России мы часто встречаем внизу слой белого или желтого песка либо подстилку из коры и березовых или дубовых листьев.] Иногда тело покойника укладывалось на ковер или, наконец, на доску и досками же обкладывалось. Доски, которыми обкладывался покойник, заменялись позднее сбитыми гвоздями ящиками, поэтому в могилах часто находят большое количество правильно расположенных гвоздей[5]. Сарко-

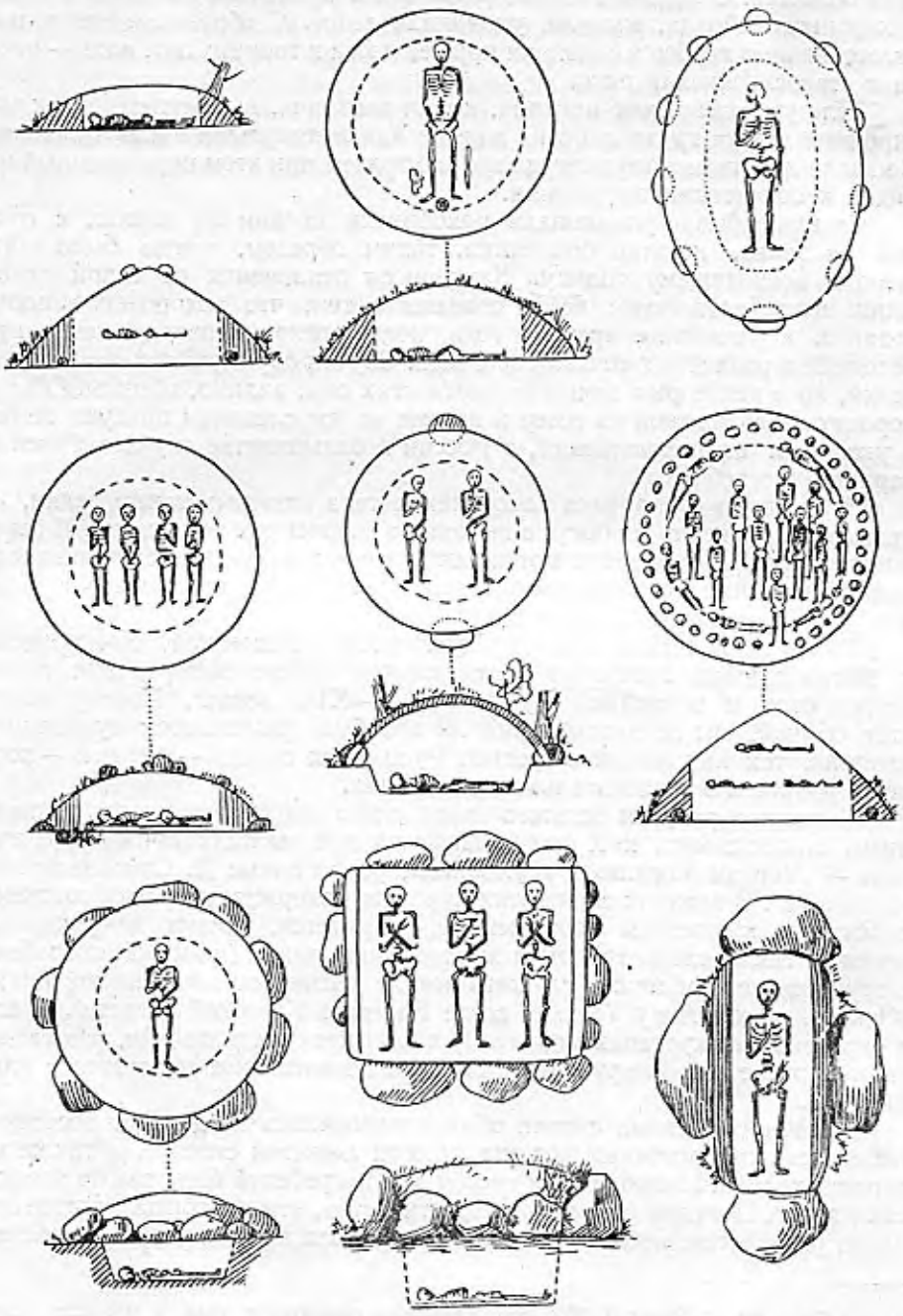
[1] Ebbo, I, 12. В отличие от истолкования предложенного мною в „Živ. st. Slov.“, I, 327, я полагаю теперь, что эти *fustes* были, по всей вероятности, жердями и бревнами, положенными на курган, такими же, какие до сих пор кладут в Полесье (так называемые *нарубы*).

[2] См. дальше, гл. XII и „Živ. st. Slov.“, I, 327—328; III, 654.

[3] Подробный обзор см. в „Živ. st. Slov.“, I, 332—350.

[4] Это название распространено и в Польше (в районе Познани и Куявы).

[5] Под 1092 годом в Киевской летописи имеется известие о том, что на Руси уже изготавливали и продавали гробы. Порой находят гробы, изготовленные из дуплистых выдолбленных деревьев. Иногда тела умерших, должно быть, покрывались также большой шкурой или куском материи, края которой колышками прикреплялись к земле. См. „Živ. st. Slov.“, I, 353—354.

Р и с. 11. Курганы и жальники XI—XVI вв. в окрестностях Гдова.

фаги весьма редки (они встречаются в Далмации и в России у первых христианских князей) и, как правило, все заимствованы из римско-византийских областей. О ладьях и санях, являвшихся временами принадлежностью похоронного обряда, мы уже упоминали выше. С образцами специально изготовленных гробов к славянам пришел с юга и термин: лат. *arca* — откуда и старославянская *рака*.

Тело умершего, как правило, клали навзничь, вытянутым, с руками, скрещенными на груди либо на животе или вытянутыми вдоль туловища. С начала христианского периода мы наблюдаем при этом определенный порядок в ориентации погребения.

Славяне обычно укладывали покойников ногами на восток, а головой на запад, и лицо покойника, таким образом, всегда было обращено к восходящему солнцу. Кажущиеся отклонения от такой ориентации погребения чаще всего связаны с тем, что захоронение производилось в различные времена года, когда восход и заход солнца происходили в различных точках горизонта. Случаи обратной ориентации тела редки, но в некоторых немногих местностях они, видимо, обычны. Обычай хоронить тело головой на север и ногами на юг славянам присущ не был и указывает на неславянский, в России в большинстве случаев финский, характер погребения[1].

Отклонения от порядка захоронения тела навзничь также редки, например захоронение на боку, в несколько скорченном положении. В северных областях России встречаются также немногочисленные случаи захоронения покойника в сидячем положении таким образом, что скелет упирается хребтом в воздвигнутую груду камней.

Такие захоронения являлись обычными в Псковской, Новгородской и Петроградской губерниях (хотя случаи такого захоронения иногда встречаются и в средней Руси) в XII—XIV веках[2]. Почему возник этот обычай, мы не знаем, вряд ли это было результатом чужеземного влияния, так как финны в средней Руси и их соседи — латыши — хоронили умерших в горизонтальном положении.

Яркими образцами богатого славянского захоронения с трупосожжением, относящимися к X веку, являются два высоких княжеских кургана — «Черная Могила» и «Гулъбище», раскопанные Д. Самоквасовым у Чернигова[3]. В верхних слоях этих курганов содержатся остатки сожжения с богатым княжеским вооружением, разумеется, весьма поврежденным огнем, а также следы тризны и жертвоприношений. Примером погребения с трупосожжением может служить могила неизвестного славянского князя XI века, раскрытая у Таганчи возле Канева в Киевской области[4]. И если в Черниговских курганах видны скорее влияния скандинавские, то в Таганчском кургане мы обнаруживаем сильное византийское и восточное влияния.

Кладбища древних славян обычно находились поодаль от поселений, поблизости от проточных вод, на отлогой лесистой стороне, а также и у вершин холмов. Излюбленным местом для погребений были также перекрестки дорог. Позднее, с приходом христианства, эти кладбища на лоне природы, разумеется, исчезли, и стали создаваться новые вокруг костелов и

[1] См. „Živ. st. Slov.“, I, 359, 360. Обратная ориентация тела в могилах, ногами к западу, засвидетельствована лишь в некоторых областях северной и средней Руси (Федово). Ориентация тела с севера на юг засвидетельствована вплоть до конца IV века в северных римских провинциях. С того времени тела умерших укладывали в могилах головой на запад. Этот обычай христианство утвердило повсюду.

[2] „Živ. st. Slov.“, I, 367.

[3] Д. Самоквасов, Могилы русской земли (Москва, 1908), 188 и сл.

[4] И. Хойновский, Краткие археол. сведения о предках славян и Руси (Киев, 1896), 118.

церквей. Об этом свидетельствуют несколько старых предписаний[1]. Древний обычай хоронить мертвых возле дома или в самом доме у славян исчез в конце языческого периода; свидетельств этого обычая, по крайней мере археологических, мало, и все они почти недостоверны[2].

Древние кладбища были различны по размерам начиная от кладбищ всего лишь в несколько могил и кончая кладбищами, на которых находилось до нескольких сот могил. В частности, на Руси нам известны могильники, насчитывающие тысячу и больше курганов. Древние кладбища ничем не ограждались, разве только валом, если они были расположены на городище.

[1] См. Капитулярий Карла Великого от 785 года, более позднее в Чехии предписание Бржетислава I от 1039 года и Бржетислава II от 1092 года (Kosmas, II, 4; III, 1), у поморских славян—распоряжение епископа Оттона от 1125 года (Ebbo, I, 12). Однако в России и на Балканах, несмотря на всяческие запрещения, захоронение умерших не на кладбищах сохранилось вплоть до последнего времени („Živ. st. Slov.", I, 370).

[2] „Živ. st. Slov.", I, 369.

Глава IV

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

В праславянский период одежда славян была простой и однообразной. Именно такой и должна была быть одежда народа, жившего вдали от торговых путей и не располагавшего средствами для покупки себе у купцов, на протяжении тысячелетий проезжавших через Центральную Европу, южных и восточных товаров, будь то украшения, новые дорогие ткани или уже готовые одежды иноземного покроя. Эта простота и однообразие славянских одежд являлись также неизбежным следствием качества местного производства тканей, производства довольно трудоемкого, тяжелого и притом, естественно, как технически, так и эстетически несовершенного.

Поворот наступил только в начале нашей эры. В течение периода начиная от римской эпохи и до конца язычества во всей Центральной Европе постепенно изменялся вкус, что оказало влияние не только на характер украшений, но и на покрой одежды, которая к концу языческого периода под чужеземным, главным образом греко-римским и восточным влиянием, стала в Центральной и Северной Европе значительно разнообразнее и богаче. Поэтому и славяне обладали в конце первого тысячелетия, я бы сказал, довольно богатым гардеробом, несомненно, более богатым и нарядным, чем в период их первоначального единства. Однако в этом гардеробе, как мы дальше увидим, было уже, разумеется, много заимствованного, особенно в гардеробе свободных и имущих классов.

Материалы. Первоначально главным материалом для производства одежды повсеместно была соответственно обработанная шкура убитого зверя, и этот основной материал удержался повсюду, где климатические условия требовали теплой одежды, которая служила бы защитой от холода, а следовательно, он удержался и на территории Центральной Европы. В суровом климате славянских земель теплая одежда, несомненно, необходима была большую часть года, и поэтому мы видим, что и позднее, когда славяне уже умели изготавливать другие материалы, меха пользовались у них особой любовью. В славянских землях, как нам известно, меха выделывались не только для собственных нужд, но даже и для экспорта в южные страны и на Восток, где их ценили не только как материал, идущий на изготовление одежд, но и как предмет роскоши и украшения. О славянской торговле мехами мы будем говорить в другом месте, в главе X. Здесь же достаточно упомянуть, что для изготовления одежды, и в первую очередь верхней, шли прежде всего шкуры крупных животных; из домашних — использовались для этой цели шкуры баранов, из диких зверей — шкуры волков и медведей. Однако в источниках упоминаются меха и мелких хищников, в особенности куницы, соболя, горностая, лисицы и выдры, а из грызунов — бобра и белки, которые служили отличным материалом для подшивки, оторочки, а также для головных уборов. Искусные римские и византийские, а позднее и славянские портные умели сшивать такие меха для изготовления одежд большего размера. Уже самый переход названия белки (veverka) из славянского языка в латинский (viverra) и куницы — в греческий (ὁ καυνάκης или ἡ καυνάκη) свидетельствует о такой торговле и древних связях славян с югом

Европы. Эти меха экспортировались в первую очередь. Местами их значение в торговле было столь велико, что шкурки куниц, белок, соболей становились даже денежной единицей при меновой торговле или сборе дани. Так, мы знаем, что в IX—XII веках восточно-славянские племена платили дань — как чужим, так и своим собственным князьям — по одной куньей или беличьей шкурке с каждого двора и что и в других случаях уплата производилась куницами[1]. Поэтому наличие запасов этих шкурок означало богатство. В княжеских или городских сокровищницах лежали запасы шкурок куниц и зимних белок, и когда русские князья раздавали подарки своей дружине, своему народу или чужеземным правителям, то среди этих даров мы снова видим меха и особенно редкие меха соболей, бобров, чернобурых лисиц или горностая[2]. Как при изготовлении одежды эти меха использовались для подшивки или отделки ее, что для славянского костюма стало даже типичным, мы увидим дальше. Древние кожевники и скорняки упоминаются в источниках с XI века[3].

Наряду с выделкой мехов рано возникает и местное производство тканей, плетенных или изготовляемых на примитивных ткацких станках из льняных, конопляных или шерстяных волокон.

Платъ, *платьно*, *сукно*, *ткань*, *тканина* — древнейшие славянские понятия[4], а производство их исторически засвидетельствовано с конца языческого периода. Лен является древнейшим индоевропейским культурным растением[5], и Ибрагим Ибн-Якуб сообщает о чехах, а Гельмольд о балтийских славянах, что они умели ткать из льна весьма тонкие ткани, которые в торговле заменяли деньги (в Праге за одну серебряную монету им давали 10 небольших платков[6]). Упоминается также дань, которую франкские славяне выплачивали в IX—X веках льном и полотном[7], а у Зонневальда (окр. Луцкау в Лужицах) найден относящийся примерно к тому же периоду льняной мешочек с рубленым серебром.

Шерсть и шерстяные ткани также упоминаются уже в древнейших переводах библии и в русских текстах XI века[8]. Находки остатков шерстяных тканей довольно часты в могилах[9]. Что касается конопли, то эту культуру славяне заимствовали у иранцев, скорее всего у скифов, которые хотя и употребляли коноплю главным образом как наркотическое средство, но вместе с тем, несомненно, изготовляли из ее волокон и ткани, так как мы знаем от Геродота, что такие ткани производили фракийцы[10]. В восточной

[1] Лаврентьевская летопись, 18, 23, 57 (ПВЛ, 156, 86, 95, 97, 115). Сначала хазары брали дань с русских племен по белке, затем варяги — по черной кунице; древляне также платили Ольге дань мехами. То же было и в Польше (Długosz, ed. Przedziecki, I, 56), и у франкских славян (Kętrzyński, O Słowianach, 37), и у сербо-хорватов (Klaić, „Rad" sv. 157, 1904; Jireček, Gesch. d. Serb., I, 151).

[2] Летопись под 945, 955, 1068, 1115 годами. То же мы читаем и о чешском и польском князьях в 1135 г. (Annales Pegavienses, Mon. Germ., Ser. XVI, 257).

[3] В чешских грамотах от 1046, 1057, 1088 годов (pellifices albi et nigri, sutores mardurinarum pellium — koselug; см. Friedrich, Codex dipl., I, 56, 360, 384) и у Козьмы I, 5 (coriorum sutores), II, 11 (sutores pellium diversarum).

[4] Подробнее см. в „Živ. st. Slov.", I, 409. Термин для обозначения войлока (церковнославянское — *плъсть*) также является древним общеславянским словом. Однако для периода до XIV века ни литературными, ни археологическими данными его засвидетельствовать пока не удалось („Živ. st. Slov.", I, 411).

[5] Ср. греч. λίνον, латин. linum, иранск. lîn, кимр. lliain, бретон. lien, старонемецк. lîn, литовск. linai, славянск. *ленъ*.

[6] Jbrâhîm (ed. Westberg), 54; Helmold, I, 12, 14, 38.

[7] Подтверждения см. в „Živ. st. Slov.", I, 409—410; III, 333 (libra lini, toppus lini). Славянское полотно, которым выплачивалась дань, чаще всего обозначалось терминами paltena, palta, phalta, а также выражениями pannus de lino, lodex lini.

[8] Изборник князя Святослава, „Житие Феодосия" Нестора и Летопись под 980 годом („Živ. st. Slov.", I, 410).

[9] „Živ. st. Slov.", I, 410—411.

[10] Herod., IV, 74.

Германии конопляные семена археологически засвидетельствованы находками у Вильмерсдорфа уже в период, предшествовавший началу новой эры. В исторических памятниках конопля наряду с льном упоминается у славян впервые только с XI века в церковном уставе князя Ярослава (§ 24).

Упомянутые выше ткани и меха, как об этом свидетельствует в X веке общий источник Персидского географа и Гардизи[1], являлись основным материалом, из которого славяне изготовляли себе одежды. Поэтому основным цветом славянской одежды был белый или при недостаточной отбелке серый тон. Все цветные ткани, особенно красные, так же как и различные роскошные пестрые ткани, славяне получали в результате торговли с другими странами, прежде всего с Византией и Востоком. Но такие ткани могли, разумеется, купить или выменять только князья или богатые люди. Это был прежде всего шелк, который в конце языческого периода вошел в домашний обиход славян, что подтверждают названия *hedvab* и *svila*, являющиеся древними и общеславянскими[2]. Кроме того, мы читаем в источниках, что уже в VIII веке балканские славяне обменивали греческих пленников на шелковые одежды, а в 907 году мы имеем известия и о шелковых парусах на русских ладьях[3].

Наряду с шелком к славянам поступали и различные сорта тяжелой золотой парчи и аксамита — золотой или серебряной ткани с разводами, а также легкие и прозрачные ткани, искусно и пестро окрашенные, древнеславянское название которых засвидетельствовано частью уже в конце языческого периода, частью же в последующие столетия. Сага о Книтлинге упоминает среди богатств славянских храмов в Коренице на *Руяне* sericum, bombyces et purpurum[4]. Незначительные остатки роскошных тканей сохранились также в могилах, в частности в курганах юга Киевской, Черниговской и Полтавской губерний, однако материалы по истории импорта этих тканей в достаточной степени еще не собраны; вопрос этот изучен плохо, и освещение его должно будет явиться задачей будущих работ[5]. Экспорт тканей в IX—XI веках в основном шел из Византии, Трапезунда, а также из греческого Херсонеса в Крыму, но вместе с тем много тканей купцы привозили непосредственно из Азии по торговому пути, шедшему по Хвалынскому (Каспийскому) морю и Волге.

Одежда. Одежда славян как общим своим видом, так и в отдельных ее деталях значительно отличалась от одежды соседних народов, причем не только восточных, что при глубоком различии культур обоих народов было вполне естественно, но и от одежды западных соседей — германцев[6]. Это подтверждается имеющимися в нашем распоряжении прямыми историческими свидетельствами. Когда в 631 году немецкий король Дагоберт направил к Само, правившему Чехией, посла Сихария, то Само не допускал последнего к себе до тех пор, пока этот посланник Дагоберта не переоделся и не появился перед ним в славянской одежде[7]. Аналогичное известие, относящееся к концу языческого периода, мы имеем и о поморских славянах. В 1124 году помощник епископа Оттона немец Гериманн, для того чтобы попасть в святилище Триглава в Щетине, надел славянское одеяние:

[1] А. Г. Туманский. О неизвестном персидском географе. Зап. Вост. отд. И. Р. арх. общ. X, 135 и изд. В. Бартольда, 123.

[2] Название *hedváb*, церковнославянское *годовабль*, перенято от германского *godawebbi, gudawebi,* в то время как *svila* является местным названием („Živ. st. Slov.“, I, 412—413). Другое славянское название, а именно *шелкъ* (с XII века) скорее всего восточного происхождения.

[3] Nikeph., Breviarum, ed. Boor, 76; Лаврентьевская летопись, 31 (ПВЛ, I, 25).

[4] Mon. germ. Script., XXIX, 314.

[5] „Živ. st. Slov.“, I, 412—417.

[6] Древними славянскими наименованиями для обозначения одежды, помимо других местных названий, были: *рухо, одежда, робы, порты* („Živ. st. Slov.“, I, 436).

[7] Fredegar, Chron., IV, 68.

какую-то шапку и плащ[1]. Уже из этого видно, что одежда немцев, пришедших в Поморье, отличалась от одежды местных славян, а в еще большей степени отличалась от нее одежда чужестранцев, прибывавших с Востока.

Однако известия, имеющиеся в нашем распоряжении, о характере славянской одежды не дают возможности описать ее более подробно.

Первым является сообщение Прокопия, который говорит, что некоторые славяне не носят ни хитона, ни грубых плащей (τριβώνιον) и что они ходят в одних лишь коротеньких штанах (ἀναξυρίδες), которые доходят им только до бедер, и что в такой одежде они идут в бой против врагов[2]. После Прокопия о славянской одежде долгое время никаких известий не было, пока о ней не появились сведения в восточных источниках X и XI веков. Однако эти известия иногда противоречивы, а иногда восточные славяне подменяются в них скандинавскими русами, и поэтому, несмотря на то, что в X веке одежда славян и русов по своему покрою должна была значительно сблизиться, пользоваться такими известиями нужно весьма осторожно. К этим известиям относится и пространное сообщение Ибн-Фадлана об одежде русских купцов на Волге («они не носят ни курток, ни кафтанов, но мужчина у них надевает кису, которой он обвивает один из боков, и одну руку выпускает из-под нее»). Зато от одежды этих купцов он отличает платье, в которое родственники одели умершего в 922 году русского вельможу. Оно состояло из куртки, роскошного кафтана с золотыми пуговицами, широких шаровар, носков, сапог и роскошной высокой шапки[3]. Другие современные авторы — Истахри и Ибн-Хаукаль — упоминают, что русы носят короткие куртки, в то время как болгары и хазары — длинные, а неизвестный источник, которым пользовались Персидский географ, Гардизи и Ибн-Русте, сообщает о славянах, что они носят рубахи и низкие сапоги до щиколоток, подобно табаристанским, что их одежды большей частью льняные, а о русах (славянах?) он добавляет еще, что они носят верхнюю одежду, широкие шаровары, завязанные выше колен, и шерстяные шапки, концы которых опущены вниз. Важный в других отношениях источник, Ибрагим Ибн-Якуб, говорит о славянах только то, что они носят широкие одежды и что рукава этих одежд сужаются книзу[4]. Для данного времени мы располагаем только этими общими сведениями, остальные — являются уже значительно более поздними[5]. Хочу также отметить, что в XI и XII веках покрой польской одежды мало чем отличался от чешского[6], но зато он сильно отличался от русского, что

[1] Ebbo, II, 13; см. также, как в 1138 году немецкая княжна Христина высмеивала польскую одежду (Boguchwał, II, 31; Bielowski, Mon. Polon. Hist., II, 519).

[2] Procop., Bell. Goth., III, 14.

[3] Гаркави, указ. соч., 93, 98. См. перевод проф. Р. Дворжака в „Živ. st. Slov.", I, 378.

[4] Гаркави, указ. соч., 193, 221, 269; Гардизи (ed. Bartold), 123; Персидский географ (ed. Туманского), 135, 136; Ибрагим (ed. Westberg, 59); *Примечание чешской редакции:* В „Manuel", II, 66—67 текст Нидерле переведен следующим образом: „Un chroniqueur très important, Ibrâhîm îbn Jakûb, observe seulement que les slaves portent des vêtements larges et que leurs pantalons sont étroits dans le bas". Однако у Т. Ковальского „Relacja Ibrâhîma îbn Jákûbâ z podróży do krajów słowianskych w przekazie Al-Bekrîego" (Kraków), 1946, на стр. 52 мы читаем: „Ubieraja się w szaty przestronne, tylko mankiety ich rękawów są obcisle". (Они одеваются в свободные одежды, и только манжеты их рукавов узки.) Таким образом, речь идет не о шароварах, а только о рукавах.

[5] См. „Živ. st. Slov.", I, 424. Наиболее интересным среди них является известие так называемой Австрийской хроники начала XIV века, в которой рассказывается (стих 20020 и сл.), что князь Каринтии, вступая в княжение, согласно старой традиции облекался в народные одежды. Этот наряд составляли серые шаровары из сукна, башмаки, прикрепленные ремешками; серая суконная куртка без воротника, с разрезами сзади и спереди, длиною до колен; затем серый плащ, изготовленный из целого куска, и на голове серая шапка с четырьмя цветными кистями (Mon. Germ., Deutsche Chroniken, V, 265).

[6] Adam, II, 18; Helmold, I, 1.

видно из Киевской летописи, в которой под 1074 годом упоминается, что дьявол явился печерскому монаху в «ляшском» костюме.

Как мы видим, известия эти незначительны, да и неясны (арабские термины), вследствие чего они не дают полного представления о том, какой была одежда славян в IX—XI веках, и если бы они не были дополнены археологическими находками, а главным образом некоторыми древними миниатюрами, мы бы не могли восстановить ее облик. По археологическим данным

Р и с. 12. Убийство св. Вацлава (Вольфенбюттельский кодекс).

мы можем судить преимущественно о способе застегивания курток, формах поясов, оторочке одежд, о форме кожаной обуви, а также о головных уборах. Из миниатюр, изображающих целые фигуры в чешском костюме языческого периода, наиболее полное представление дают изображения в легенде о св. Вацлаве в Вольфенбюттельском кодексе (конец X или начало XI века), изображения, повидимому, правильные[1], и фрески часовни в Зноймо в Моравии, так как хотя они и относятся к концу XII или началу XIII веков, но в них по старой традиции изображаются сцены из языческого периода: призвание Пржемысла на чешский княжеский престол[2]. Об одежде восточных славян наиболее полное представление дает так называемый кодекс Гертруды (Codex Gertrudianus) — псалтырь XI века трирского архиепископа Эгберта, с изображением князя Ярополка, его жены Ирины и матери Гертруды, а еще в большей степени представление о ней дает «Изборник», написанный для великого князя Святослава в 1073 году, с миниатюрой, изображающей княжескую семью. К числу таких изображений, вероятно, можно было бы отнести и изображения семьи князя Ярослава в храме

[1] Составлен по приказанию Эммы, жены Болеслава II (967—999). Сейчас находится в библиотеке в Вольфенбюттеле.

[2] См. исследование профессора А. Матейчека в Památkách arch., 1915, 208.

св. Софии в Киеве (заложен в 1037 году), если бы позднее при реставрации оригинал не был так искажен[1]. Среди византийских рукописей большой интерес представляет изображение болгар, изъявляющих покорность императору Василию II Болгаробойце (975—1025), на миниатюре греческого псалтыря

Р и с. 13. Русский князь Ярополк со своей женой и матерью (кодекс Гертруды).

начала XI века, ныне хранящегося в библиотеке св. Марка в Венеции, и изображение двух болгар в менологии того же императора (теперь в Ватикане) в одеждах славянского типа[2].

[1] См. репродукцию и другие подробности в „Živ. st. Slov.", I, 430—432. Кодекс Гертруды хранится в Чивидале и написан был по заказу архиепископа Эгберта (977—993). К нему пришито несколько листов, написанных для польской княгини Гертруды, матери Ярополка. См. публикацию Г. Зауэрланда и Гаселоффа (Трир, 1901) и особенно серьезное исследование Н. Кондакова, Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. (Петербург, 1906). Посвятительную миниатюру „Изборника" Святослава (рис. 15) см. в „Древностях Российского государства", отд. IV, № 2. Другие отдельные изображения русских князей в традиционном праздничном одеянии представляют меньший интерес („Živ. st. Slov.", I, 430—433).

[2] Репродукция (также и цветная) из Венецианского псалтыря издавалась неоднократно. См. Ch. Diehl, Manuel d'art byz. (Paris, 1910), 376 и Labarte, Hist. des arts,

Из скульптур, которые у нас есть основания считать изображающими славян того периода, можно назвать только так называемую колонну Святовита в Кракове, изображающую мужчину в подпоясанном кафтане, сапогах и шапке; скульптура же из Гольцдерлингена в Вюртемберге, как и рельефы в Бамберге и Альтенкирхене и бронзовая статуэтка из Света, дает очень мало[1]. Дакских варваров на колонне Траяна и на памятнике у Адамклисса в Добрудже, несмотря на то, что их одежда во многом сходна со славянской, если не будет других доказательств, нельзя считать славянами II века. Этнографическим материалом, если учесть многочисленные влияния, сказывавшиеся в течение тысячелетия на народной одежде, нужно пользоваться осторожно. Подробной же сводной работы об одежде пока нет[2].

Рис. 14. Св. Вацлав, одетый в вышитую сраку (Вышеградский кодекс).

Части одежды. Древняя славянская одежда не была свободной и не подчеркивала красоту телесных пропорций и движений человеческого тела. Она плотно облегала тело, в целом была тяжелой и лишь позднее под итало-греческим влиянием стала более свободной и легкой.

Мужская одежда исстари состояла из штанов, рубахи и из верхней одежды — плаща. Штаны поддерживались на бедрах бечевкой, позднее ремнем и завязывались у щиколоток. В общем они были узкими, тесно прилегавшими к телу (так изображаются штаны северных варваров на древних скульптурах и древнейших фресках и миниатюрах), примерно такими же, какими мы видим их и поныне на Балканском полуострове или в Карпатах. Широкие, подвязанные под коленами штаны русов, а также и чехов упоминаются арабскими источниками, но вскоре, видимо, был перенят обычай носить штаны короткие, римско-германского покроя, с подвязкой под коленом. Был перенят также обычай закрывать икры ног особым голенищем или обматывать их перевязью. Для обозначения штанов, носившихся только днем[3], мы встречаем три общих древних термина: *ногавицы*, *гати* (праславянск. *гатя*) и *шаровары*. Первое слово, вероятно, означало все виды штанов вообще, но больше всего узкие штаны, второе (происхождение его загадочно)—широкие штаны, третий же термин — восточного, по всей вероятности иранского, происхождения[4],— также означал широкие штаны с многочисленными склад-

Planches II, pl. LXXXV. Портрет из менология (рис. 17 и 18) см. в „Živ. st. Slov.“, 1. Приложение IV.

[1] См. о них далее, в главах VI и XII.

[2] „Živ. st. Slov.“, I, 435.

[3] Kosmas, I, 36. Латинские термины для них — *braccae, femoralia. Caligae* первоначально означали какой-то вид обуви, но позднее в чешском и других языках приобрели значение брюк (чешская *kalhoty*). Русские *порты* также первоначально означали одежду вообще, более того, даже верхнюю одежду („Živ. st. Slov.“, I, 436).

[4] Julius Polydeukes, VII, 59; X, 168. См. также Hesychioss. v., Isidorius, Origines, XIX, 23.

Рис. 15. Великий князь Святослав со своей семьей („Изборник" Святослава, 1073 г.).

ками, какие описывают у русов Ибн-Русте и Персидский географ и какие, по сообщению папы Николая (866 год), по примеру волжских болгар носили и балканские славяне[1], причем термин «шаровары» остался общим для всех славян.

Плечи и спину древние славяне часто оставляли неприкрытыми и, по свидетельству Прокопия, даже в бой шли так. Но тем не менее условия среды, в которой они жили, все же вынуждали их носить одежду, которая прикрывала бы и верхнюю половину тела, и притом прикрывала ее хорошо. В конце языческого периода мы действительно встречаемся уже с рядом названий, говорящих об этих частях одежды: *рубъ*, *чехль*, *свита*, *сряка*, *сукне*, *кошуля*, *котыга*, но мы не всегда знаем, какие были между ними различия, хотя таковые, очевидно, все же имелись как в покрое одежды, ее длине, форме рукавов, так и в сорте ткани. В древнейших славянских источниках употребляется то одно, то другое название, соответствующее греческ. ῥάκος, ἐσθής, ὀδύνη, χίτων, ἱμάτιον и латинск. vestis, tunica, kamisia.

Основной частью одежды, являющейся одновременно и нижней, был *рубъ* (старославянск. *рѫбъ*, русск. *рубаха*) — вид грубой конопляной или льняной рубашки длиною до колен, несомненно весьма простого покроя, примерно такого же, какой мы знаем в Германии в IV веке н. э.[2], с воротом и рукавами. В письменных памятниках этот вид одежды засвидетельствован с XII века, а аналогии, имеющиеся в изображениях варваров на памятнике в Адамаклиссе, и роль, которую играет рубаха в славянской деревне, например во время похорон, указывают на ее глубокую древность. Столь же древнего происхождения и *чехль*, но различие между ними неясно. Скорее всего чехль означал то же, что и рубаха[3].

Начиная со времени римской эпохи в Прикарпатских землях появляется множество застежек небольшого размера, изготовленных в римских мастерских, что указывает на частое ношение одежд из легких материалов, соединенных у шеи или на плече застежкой. Весьма вероятно, что вместе с этими металлическими изделиями римлян к славянам перешла и сама одежда — короткая и легкая *туника*, принадлежностью которой застежка и являлась. Я не хочу этим сказать, что славяне до этого вообще не знали коротких рубах — мы об этом ничего не знаем,— однако несомненно, что начиная с римской эпохи и под римским, а на востоке византийским, влиянием и у славян вошла в моду короткая легкая свободная туника, а наряду с ней и другие куртки и небольшие плащи. Такой короткой рубахой, часто украшенной роскошной каймой, была славянская *сряка*, *срачица* (сорочка), упоминающаяся в источниках чаще всего в XI веке[4]. Такой была также *сукня*, *сукно*, *сукьмань* (чешское suknĕ), которая, как показывает само слово, являлась туникой более грубой, изготовленной из сукна. Такой же была и *кошуля*. Это новое название (от латинского casula) для лёгкой нижней одежды у более богатых классов стало заменять древние названия *чехль* и *рубаш*[5]. Летописец Козьма Пражский в начале XII века уже приводит поговорку: «Camisia proprior sit corpori quam

[1] „Responsa Nicolai", LIX, ed. Mansi, Sacr. conc., XV, 421.

[2] См. рисунок у Heyne, Deutsche Hausaltertümer, III, 257. См. также примитивные греческие хитоны (Studniczka, Beiträge zur Gesch. der altgriech. Tracht, Wien, 1886, 13).

[3] Подтверждения см. в „Živ. st. Slov.", I, 444.

[4] Слово *sraka*, древнеславянское *sorka*, видимо, перенято из среднелатинского *sarca* (ср. и германск. *serkr*, *sarko*). См. „Živ. st. Slov.", I, 446—447, где имеются и другие данные о сраке и сукне. Слово *suknĕ*, *сукня* позднее пришло на запад Европы (древнефранцузское *soucanie*, *sousquenie* и т. д., немецкое *suckenie*), в Грецию (σουκανία) и к венграм (szoknya).

[5] Слово *кошуля* появляется в источниках с XI века. В тот же период в восточных и южных источниках упоминается еще какой-то вид туники, называемой kotyga (от латинск. cotuca — tunica clerici), см. „Živ. st. Slov.", I, 450—451.

tunica»[1]. Однако мелкие застежки в IX и X веках большей частью исчезли, а рубаха (кошуля), срачица и сукня завязывались у шеи тесемкой или застегивались на пуговицу. О вышитых рубахах — кошулях (camisiae aurifigio ornatae) упоминает Герборд, говоря о поморских славянах[2].

Поверх этих легких одеяний славяне в X и XI веках надевали более тяжелые верхние одежды. Такой верхней одеждой по характеру своего материала могла быть прежде всего *сукня*, и нам известно, что она выполняла эту роль и в более поздние столетия. Наряду с сукней возник и ряд других видов особой верхней одежды с рукавами и без рукавов. Эти одежды, если у них был впереди разрез, надевались как современные плащи или пальто, в противном же случае натягивались через голову и застегивались у шеи пуговицами или петлицами. К этой тяжелой верхней одежде, изготавливавшейся из грубых материалов, относится прежде всего славянская *свита*. Свита — длинная куртка местного происхождения, название которой в древнейших славянских переводах соответствует греческому χίτων, ἐσθής, но также и ἱμάτιον. Свита делалась с рукавами, и носили ее в XI веке на Руси, где она удержалась и поныне (на Украине); носят ее и на Балканах[3]. Варвары древней Дакии, изображенные на памятнике в Адамклиссе и на колонне Траяна в Риме, также изображены в куртках, напоминающих свиту, на основании чего проф. Бенькowский сделал вывод, что это изображение славян,— вывод, который сам по себе, возможно, и верен, но для подтверждения которого изображенный на рельефе костюм, аналогичный свите, недостаточен[4].

Рис. 16. Дьявол, одетый в сраку (Вышеградский кодекс).

Уже в X и XI веках у славян существовал и ряд других видов верхней одежды — длиннополой, застегивавшейся на ряд пуговиц или петлиц, с опущенными или стоячими воротниками, стянутых поясом. Эта часть одежды носила название *кабатъ*, *жупанъ*. Происхождение всех этих названий не славянское, а восточное или греческое[5], а так как в русских могилах наряду с пуговицами и воротниками от таких одежд часто находят и остатки чужеземных богато отороченных тяжелых вышитых тканей, то я полагаю, что эти виды длинной верхней одежды вообще приходили к славянам из чужих краев, частью из Византии, частью же с Востока. Такие одежды, украшенные на груди петлицами и стянутые в талии поясом, мы видим на рисунках болгар в Ватиканском менологии, на изображениях болгар в псалтыре из библиотеки св. Марка (см. выше, стр. 227) и особенно хорошо на ряде портретов русских князей и их семей, в частности на уже упомянутом портрете в «Изборнике» Святослава (1073 год), на изображении семьи князя Ярослава на фреске храма св. Софии, на древних портретах князей Бориса и Глеба и других[6]. Ибн-Фадлан также подтверждает, что в X веке русские славяне отличались от скандинавских купцов длинными куртками[7]. И нет сомнений,

[1] Kosmas, III, 58.

[2] Herbord, II, 27.

[3] Более подробные данные о *свите* (в источниках с XI века) см. в „Živ. st. Slov.", I, 453 и далее. Козьма пресвитер уже в X веке упоминает цветные свиты („Archiv za povjest jugosl.", IV, 84).

[4] P. Bieńkowski, Comptes rendus du III Congrès des historiens polonais (Cracowie, 1900).

[5] Общеславянское *кабатъ* от греческ. καβάδιον, καβάδες, καβάδι и осм. kabâ. См. уже у Константина Багрянородного „De ceremoniis", II, 52. (См. Ebersolt, Les arts, 70); жупан от греческ. ζιπούνι и осм. *zubun* или *augm.*, арабск. džubbah.

[6] См. их в „Živ. st. Slov.", I, 432 и стр. 454.

[7] Гаркави, указ. соч., 94.

что как на востоке и юге славяне перенимали более роскошные одежды Византии и Востока, так и на западе они перенимали более пышные рубахи и куртки итало-германского происхождения. Когда епископ Оттон Бамберский приехал к поморским славянам, чтобы обратить их в христианство, он наряду с другими дарами вез с собою и редкие ткани и одежды, которыми одарял поморян, добавляя к ним золотые пояса и вышитые башмаки[1]. Роскошная длинная туника представлена на идоле в Арконе, а длинный опоясанный кафтан (рис. 52A и 52B)[2] — на так называемой статуе Святовита в Краковской академии.

Вообще чужеземное влияние на славянские одежды с того времени, когда славяне пришли в соприкосновение с Римом, Царьградом, а на востоке

Рис. 17.

Рис. 18.

Фигуры болгар из Ватиканского менология.

с болгарами, хазарами и печенегами, было очень сильным. Это влияние сказывалось на имущих классах, которые старые одежды предоставляли носить простым людям, хотя у последних появляются чужеземные изделия. С юга и востока приходили, в частности, одежды из шелка, тяжелой золотой парчи и аксамита, а с ними пришел и ряд названий одежды, с которыми мы встречаемся в позднейшие столетия, а также ряд названий дорогих тканей и деталей одежды[3]. Князья же, как я это еще покажу, вообще переняли у византийского двора все церемониальные одежды (см. далее, стр. 238).

Упомянутые выше верхние одежды отделывались мехом или же мех подшивался внутрь, и тогда одежда превращалась в шубу, для обозначения которой в старом славянском языке наряду с местным названием *кожухъ* было и чужеземное, восточное — *шуба*[4]. Такие шубы славяне начали носить

[1] Herbord, II, 28, 29, III, 1.

[2] Saxo Gram. (ed. Holder), 565; см. „Živ. st. Slov.“, II, 144, 145.

[3] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 414, 456, 460—461. Древние общеславянские названия для пуговиц — *гомбъ* и *пǫгы, пǫгва* (*pǫgy, pǫgva*) греческого происхождения и произошли от κόμβος, πουγγί, латинск. punga. Много материала по этому вопросу собрал П. Саввaитов в книге „Описание старинных русских утварей, одежд, оружия...“

[4] *Кожух* — от слова *кожа*; слово *шуба* пришло через немцев, образовавшись из арабского *džubbah*, который Гардизи упоминает в X веке как одежду буртасов и мадьяр (ed. Bartold, 121, 122).

много раньше, чем южные народы, и поэтому император Никифор II (963—969) с презрением обращался к болгарскому правителю: «Скажите вашему одетому в кожух начальнику...»[1]

Все эти одежды стягивались поясом (славянск. *поясъ*, *опасъ*), изготавливавшимся из различных тканей и, как правило, просто завязывавшимся (без пряжек). На поясе висело оружие, мешочек с огнивом, ножик и футляр с туалетными принадлежностями. Большая мошна (древнеславянск. *вретище*) также была типичной принадлежностью славянского крестьянина. Здесь же следовало бы отметить, что рукавицы[2] засвидетельствованы у славян уже в XI веке. Верхнюю половину тела простой народ защищал от ненастной погоды и холода тем, что обертывал вокруг всего тела большой кусок грубой шерстяной ткани или целую, надлежащим образом обработанную баранью, волчью или медвежью шкуру. Для такой накидки у древних славян было специальное название *плашть* (от лат. pallium), а для специальной роскошной меховой накидки название *крзно*, *кързно*. Оба названия засвидетельствованы в источниках X и XI веков. Особенный интерес представляет второе название, так как из грамот Оттона II от 937, 970 и 983 годов мы видим, что полабские славяне сдавали немцам корзна (crusina, crusna) для уплаты десятины[3]. Славянское корзно принадлежало к числу тех вещей, которые в большом количестве заимствовались немцами (kürzen) и вообще населением Западной Европы, где позднее стало известно под названием *склавина*, *склавония*, франц. *esclavine*, немецк. *slavenîe*. Вместе с тем совершенно очевидно, что и сами славяне перенимали чужеземные покрои плащей, особенно позднеримских и поздневизантийских воинских плащей. Русская и чешская *луда* образовалась из скандинавского *lodha*, русск. *мятьль* из греческ. μαντήλιον, славянск. *куколъ*, *кукла* из латинск. cacullus, славянск. *гуна* из латинско-греческ. gunna, γούννα, а сербско-болгарск. *сай*, *сая*, *саиче*, как указал Н. Кондаков, является не чем иным, как древним римским sagum — σάγιον[4]. Эти плащи закреплялись на плече пряжкой, фибулой или пуговицей.

Рис. 19. Князь Борис (из «Беседы Иоанна Златоуста»).

Неясно происхождение и форма древнеславянской ризы, которая уже в X веке засвидетельствована как род какой-то свободной накидки различных цветов, опоясанной поясом. Риза перешла в церковные одежды православной церкви, и здесь греческое название ее φαιλώνης (от первоначального φαινώλης) соответствует латинскому *paenula*. Позднее, однако,

[1] Leon Diacon, IV, 5.

[2] „Živ. st. Slov.“, I, 452, 468. О локальном распространении пряжек см. далее, в разделе, посвященном украшениям.

[3] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 471. Однако отношение славянского *крзно* к верхненемецкому *chrusina*, *chursinna* все же неясно.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 473.

термин «риза» в отдельных славянских языках перешел на различные части одежды[1].

Женская одежда, как и мужская, первоначально состояла из рубашки, представляющей собой длинную грубую нижнюю сорочку (льняную или конопляную), которой, по всей вероятности, в большинстве случаев и ограничивался женский костюм. И поныне славянки на Балканах летом ходят в одной только длинной рубахе. Покрой ее нам неизвестен, однако несомненно, что делали ее из куска ткани, который обертывали вокруг тела и сшивали на боку. Рукавов она не имела и поддерживалась на плечах одной или двумя лямками. Была она примерно такой же, как и рубахи, которые и сейчас женщины носят в Карпатах[2]. Верхняя одежда, если в ней была необходимость, одевалась уже на рубаху, причем нижнюю часть тела закрывали фартуками (спереди и сзади), а верхнюю — различными видами платья[3] или кабатом, не отличавшимся от мужского. По всей вероятности, первоначально покрой и отделка этого вида одежды для обоих полов были одинаковы. Древнее общеславянское выражение *оплечье* означает повсюду у славян какую-то одевавшуюся на плечи часть женского костюма. Весьма вероятно поэтому, что нечто похожее (какой-нибудь жилет или воротник у горла) имели уже древнеславянские женщины, но прямо это не засвидетельствовано.

Рис. 20. Девушка в рубашке (чешская миниатюра, XVI в.).

Впрочем, у женщины, целый день занятой на работе, и не могла развиться какая-то типичная верхняя одежда, которая мешала бы свободным движениям. Поэтому я думаю, что верхнее платье носилось довольно редко. Зимой женщина, разумеется, тоже защищала себя от холода шубой или каким-нибудь другим видом накидки, название которой *понява* (понева) засвидетельствовано уже в XI веке, а в отдельных областях России оно и до сих пор означает широкий передник, прикрывающий нижнюю часть тела сзади и с боков[4].

Обувь. О характере обуви, которую носили славяне, сохранилось больше известий, больше имеется и археологических находок остатков обуви. Первым видом обуви были, несомненно, башмаки, изготавливавшиеся из куска кожи, края которой были отлого изогнуты и стянуты вверху лыком, бечевкой или ремешком, и, таким образом, их можно сравнить с обувью, которую славяне местами и поныне носят в Карпатских горах и на Балканах. У древних славян так же, как и теперь, был известен *крпце* (krpce), церковнославянск. *кръпа*[5], или *опанкы*, церковнославянск. *опьнъкы*, в то время как башмак, изготовленный из лыка, издавна назывался *лапть* (множ. *лапты*). Лапти засвидетельствованы летописью уже в XI веке, а древнее чешское предание, записанное у Козьмы Пражского, приписывает

[1] Более подробно см. о ризе в „Živ. st. Slov.“, I, 476—480. См. также V. Jagić e, Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache, II изд., 321 и дальше, 392.

[2] Такие же рубахи изображены и на чешских миниатюрах XIV века („Živ. st. Slov.“, I, 481).

[3] Наименование женского платья *сукня* (souquenille, в старофранцузском sousquanie) также перешло на запад во Францию, о чем имеются свидетельства, относящиеся к XII и XIII векам (Partonopeus de Blois, Guillaume de Lorris, Gautier de Coincy etc., Ср. „Živ. st. Slov.“, I, 483).

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 485.

[5] Древность слова *кръпа* видна уже из того, что оно является общим для ряда индоевропейских языков (греч. κρηπίς, лат. carpiskulum, латышск. kùrpe). Термин *обувь* также является древним и общеславянским.

лапти из лыка уже Пржемыслу[1]. Башмак в современном понятии этого слова также засвидетельствован еще в X веке императором Константином Багрянородным в греческой транскрипции σέρβουλα, что соответствует славянскому *červьjь* (*черевнки*, *черевья*), сербск. *цревља*, болг. *цървули*[2]. Это

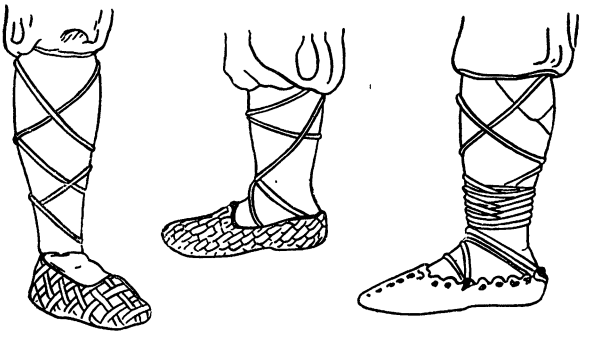

Рис. 21. Русские лапти и украинский постол.

вероятно, и есть низкие сапоги, достигающие щиколоток, которые упоминают у славян Персидский географ и Гардизи. Св. Вацлав и Войтех, согласно старым легендам, также ходили в башмаках, а Козьма Пражский под 1087 годом упоминает башмаки у полабских сербов и под 1090 годом — в Чехии. Латинские термины для них — coturni, calcei, calciamenta[3].

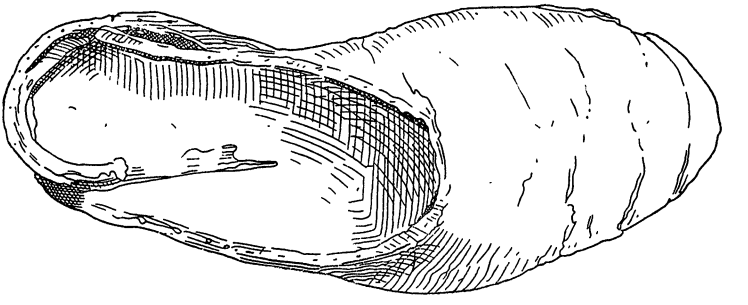

Рис. 22. Кожаный башмак из могилы Шаргородского городища близ Киева.

Хорошие сапоги простому народу известны не были, но люди имущих классов с чужеземными изделиями, в частности с расшитыми башмаками и низкими сапогами с раструбами, какие мы видим на миниатюрах X века, познакомились рано. Вышитые башмаки сохранились в сокровищнице св. Вацлава в храме в Старой Болеславе, и такие же башмаки раздавал поморским вельможам епископ Оттон Бамберский[4]. Сапоги с раструбами спереди и с отверстиями для шнуровки были найдены в могилах в Шаргородском городище у Василькова (Киевская губерния).

Наряду с этими башмаками и низкими сапогами уже в X веке славяне носили высокие сапоги без раструбов, полностью прикрывавшие голени. Нам известны два древних наименования этого рода обуви: *сапогъ*, засвидетельствованное уже в X веке в римском патерике, в древнейших переводах свя-

[1] Лаврентьевская летопись под 985 годом (ПВЛ, I, 59); Kosmas, I, 7.

[2] Const. Porph., De adm. imp., 32; „чресла" в значении, соответствующем греческ. ὑποδήματα, мы читаем в римском патерике IX—X веков, термин „черевни" мы встречаем в русских источниках XI века („Živ. st. Slov.", I, 488).

[3] Гардизи (ed. Bartold), 123; неизвестный Персидский географ (ed. Туманского), 135; Fontes rer. bohem., I, 131, 241, 318; Kosmas, II, 39, 42.

[4] Herbord, II, 28.

щенного писания, и у Иоанна, экзарха болгарского[1], затем — *скоры*. О древности этих наименований говорит их распространенность среди всего славянства. Высокие сапоги мы также видим на древнейших, относящихся к XI и XII векам изображениях русских князей, они засвидетельствованы и археологическими находками, относящимися к этому же времени[2]. Однако я полагаю, что этот род обуви заимствован у восточных кочевников, в частности у них заимствованы сапоги из зеленой или красной кожи.

Рис. 23. Словак из Детвы с волосами, заплетенными в косы.

Голени славяне защищали не только обувью, но и матерчатой перевязью или ремнями. Подобным образом обернуты голени у св. Вацлава на миниатюре Вольфенбюттельского кодекса, где он изображен в виде сидящего на лошади воина со шпорами[3]. Шерстяные чулки засвидетельствованы находками в могилах XII века, однако и «копытца» (*копытьце*) русских источников XI века, очевидно, являлись короткими, доходившими до колен чулками[4].

Прическа, головные уборы. Что касается прически и бороды, то у славян для неженатых, несомненно, существовал древний обычай носить длинные, нестриженые волосы, зачесанные на висках, какие мы видим, например, на изображениях Вольфенбюттельского кодекса или на фресках часовни в Зноймо. Если же в источниках конца языческого периода мы читаем о славянах на Руяне и о мораванах нечто иное, то это лишь результат чужеземного влияния. Руяне в XII веке брили бороду, а волосы стригли, мораване же, как об этом ясно говорят источники[5], по примеру мадьяр бороду и усы брили, а голову коротко остригали. Вообще же у славян коротко остриженные волосы были признаком рабства, и тот, кто свободному человеку остригал волосы или бороду, подвергался наказанию[6]. Исключение составляет лишь русский князь Святослав, который, судя по описанию Льва Диакона (IX, II), брил бороду и голову, оставляя только прядь волос, свешивавшуюся у него с головы, и густые усы. Заплетенные косы у мужчин, какие носили мужчины урало-алтайских народов (например, авары, монголы, мадьяры), у древних славян не засвидетельствованы, и нынешние следы этого обычая следует бесспорно отнести за счет чужеземного влияния[7]. Вместе с тем косы, как я дальше еще покажу, являлись типичной прической славянских девушек.

[1] См. „Živ. st. Slov.“, I, 489 (соответствует греч. ὑπόδημα).

[2] В сообщениях русских археологов мы довольно часто встречаем упоминания об „остатках обуви“, обнаруженных в могилах, но по ним нельзя установить, о какой именно обуви идет речь. В Шаргороде были найдены кожаные башмаки и полусапожки, в других же местах и целые сшитые сапоги с носком, загнутым кверху, и швом на подошве или на боку („Živ. st. Slov.“, 491—492).

[3] См. рис. 1.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 493.

[5] Saxo Gram., XIV (ed. Holder), 565; грамота архиепископа Theotmara от 900 г. (Friedrich, Cod. dipl. Bohem., 1, 32); о венграх см. Luitprand, Mon. Germ. Hist. Script., III, 351.

[6] Подтверждения см. в „Živ. st. Slov.“, I, 495.

[7] Мы знаем это об аварах и мадьярах. На надгробных каменных фигурах тюркотатарского происхождения также изображены воины с тремя свешивающимися с головы косами („Živ. st. Slov.“, I, 406).

Борода, насколько мы можем проследить, причесывалась по-различному. Так, мы читаем о русских славянах, что они бороду брили либо заплетали в косички, Святослав же носил усы. Такие же усы изображены и у князей на древнейших монетах, в то время как князья на русских миниатюрах изображены с большими бородами. Чехи, согласно древнейшим легендам, также носили бороды, но на миниатюрах Вольфенбюттельского кодекса наряду с окладистыми бородами и усами мы видим и бритые лица. То же самое можно увидеть и на фресках часовни в Зноймо, изображающих сцены с Пржемыслом. Балтийские славяне на Руяне бороду брили, и только главный жрец Святовита носил длинные волосы и длинную бороду[1]. Таким образом, единообразия в манере носить усы и бороду не было, тем не менее большая борода («брада») и длинные усы накануне XI века были наиболее обычны.

На голове мужчины носили различного рода шапки, аналогии которым мы можем проследить у западных славян только с XIII века. У восточных же и южных славян (главным образом у князей) уже с X и XI веков мы видим высокие и низкие шапки [см. изображение на титульном листе (рис. 15) «Изборника» князя Святослава] с меховым околышем и наушниками, иногда и с наконечником впереди для прикрепления пера[2]. О том, что некоторые виды этих головных уборов были специфически славянскими, мы судим по сообщению Эббона о немце Геримане, который, желая проникнуть в храм

Рис. 24. Шапки князей Святослава, Ярослава и Бориса (по миниатюрам и фрескам) и шапка болгарина (крайняя справа) из Ватиканского менология.

бога Триглава в Щетине, одел на себя славянский плащ и шапку (pilliolum barbaricum)[3]. Вместе с тем славяне, разумеется, перенимали и носили также головные уборы чужеземного происхождения и покроя. На это во всяком случае указывает головной убор, известный под общеславянским названием *клобукъ* (от тюркск. *калпак*), которое засвидетельствовано у славян с XI века, а также общеславянское наименование *чапка*, *шапка*, перенятое от средневекового латинского термина *cappa*, обозначавшего головной убор западного происхождения[4]. Археологических данных очень мало, если не считать прекрасную, но относящуюся к более позднему периоду (конец XII века) шапку князя Владимира Мономаха[5]. В раскопках головные уборы встречаются редко. Антонович в житомирских могильниках нашел возле черепов куски березовой коры, обтянутые тканью и украшенные бусами.

Девушки носили волосы, заплетенные в косы[6], и ходили с непокрытой головой, которую, как об этом свидетельствуют многочисленные находки,

[1] „Živ. st. Slov.", I, 497.

[2] „Živ. st. Slov.", I, 499—500 и табл. II по „Изборнику".

[3] Ebbo, II, 13.

[4] „Živ. st. Slav.", I, 503, 504. В „Житии св. Феодосия" Нестора упоминаются плетеные клобуки. В отдельных местностях клобук означает роскошную шапку, а в переводах Священного писания он соответствует греческ. κίδαρις или τίαρα.

[5] См. о них в „Živ. st. Slov.", I, 522, и в Древностях Росс. Гос., II, табл. 1—2; Кондаков и Толстой, Русские древности, V, 40. См. рис. 28.

[6] В могилах найдены косы, свешивающиеся с головы или уложенные вокруг головы (Радим в Чехии).

украшали только повязкой (диадемой) и височными кольцами (большей частью из серебра). Женщины в отличие от девушек всегда ходили с головой, покрытой либо платком (*намѣтъка, завой, повой, убрусъ*), концы которого спадали на грудь, либо чепцом (*чепьсь, чепець*), полностью покрывавшим остриженную голову замужней женщины; у восточных славян такой чепец подвергся сильному византийскому и восточному влиянию (русская *кика*,

Рис. 25. Женский чепец из парчи, найденный в Белгородке близ Киева.

кокошник и т. д.). Срывание с головы женщины платка или чепца наказывалось очень строго. Несложные одежды славянки шили дома сами, используя

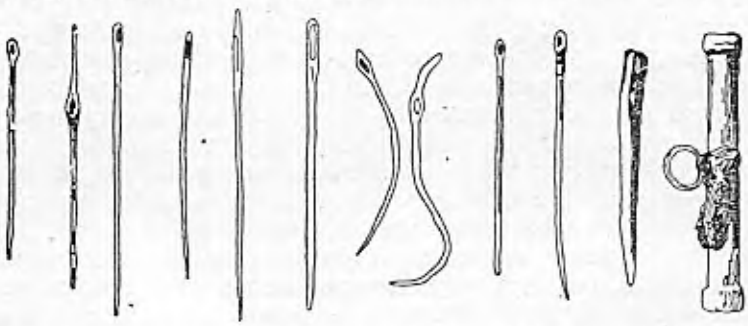
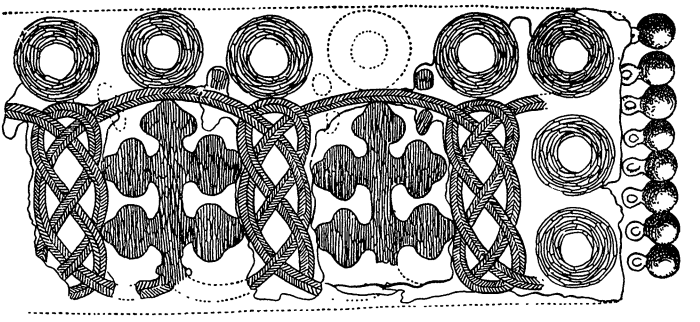

Рис. 26. Иглы и игольник из могил славянских и соседних областей.

для этого железные или костяные иглы, большое количество которых найдено в могилах. Эту простую одежду славяне разукрашивали цветной вышивкой. В том, что они это делали, у меня нет никаких сомнений, ибо для того, чтобы нынешняя славянская вышивка, выработавшаяся в течение последних столетий, достигла такого совершенства и утонченности, нужны были многовековой опыт и долгий путь развития. Впрочем, мы располагаем и древними известиями, подтверждающими это. Так, Козьма Пражский в записанной им легенде о Либуше сообщает о вышитых подушках, а Герборд сообщает о вышитых рубашках у поморян. Нет недостатка и в археологических свидетельствах, представленных находками в славянских курганных могильниках[1] на территории России.

[1] Kosmas, I, 4; Herbord, II, 27; Д. Я. Самоквасов, Могилы русской земли, 209. Уже в XII веке из России вывозились вышитые полотенца (Кондаков, Древности, VI, 7).

Разумеется, одежды действительно дорогие, изготовленные из дорогих тканей, вышитые золотом и серебром и украшенные золотыми кружевами[1], были всецело чужеземного происхождения, и вполне естественно, что такие одежды приобретались лишь князьями, особенно для тех случаев, когда они во время больших торжеств должны были появляться перед народом. Правда, такие одежды нам известны только у восточных и южных славян и лишь в первое время после принятия христианства, но несомненно, что и те славянские князья, которые находились в тесных связях с Востоком и Царьградом, нечто подобное носили и до принятия христианства.

Р и с. 27. Часть вышитого воротника из могилы у Набутова на реке Роси.

Первые известные парадные одежды балканских и русских князей, как это показал Н. Кондаков в своем исследовании древнейших изображений русских князей[2], являются почти полным воспроизведением церемониального убора византийского двора. Князья возлагали на голову корону (или так называемую стемму, представлявшую собой металлический обруч с двумя перекрещивающимися металлическими дугами наверху, на которых укреплялся крест, или роскошную, отороченную мехом шапку с крестиком наверху), надевали натягивавшуюся через голову длинную, с широкой каймой (διβητήσιον) по подолу тунику, стянутую в талии поясом, затем пурпуровый плащ (χλαμύς, σάγιον, σαγομαντίον), застегивавшийся на правом плече или на груди. Княгини также носили корону на голове[3], византийский патрицианский костюм, украшенный убранной камнями роскошной и широкой золотой полосой, перекинутой через левую руку вокруг тела. Подобное воспроизведение византийского церемониального костюма на Западе мы не встречаем. Здесь, судя по миниатюрам, особенно по Вольфенбюттельскому кодексу, князья по своей одежде всегда были более близки к народу. Хотя одежда их и шилась из дорогих тканей, но она была легче и короче византийской.

В заключение настоящего исследования о характере славянской одежды можно еще добавить, что ни одну из современных славянских одежд, какой бы примитивной она ни была, мы не можем без оговорок отнести к древнему времени и назвать ее древней славянской одеждой. Правда, в отдаленных горных областях Карпат и Балканского полуострова сохранились многие особенности древнего одеяния: опанки, гати и ноговицы, рубашки, у женщин

[1] Найденные остатки кружев свидетельствуют об их чужеземном происхождении („Živ. st. Slov.“, I, 515).

[2] Н. Кондаков, Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века, Петербург, 1906. См. также: J. Ebersolt, Les arts somptuaires de Byzance, Paris, 1923, 139, 142.

[3] См. „Živ. st. Slov.“, I, 524; Н. П. Кондаков, I, с. 16. Она есть и у князя Ярополка и его жены Ирины в „кодексе Гертруды“. См. рис. 13.

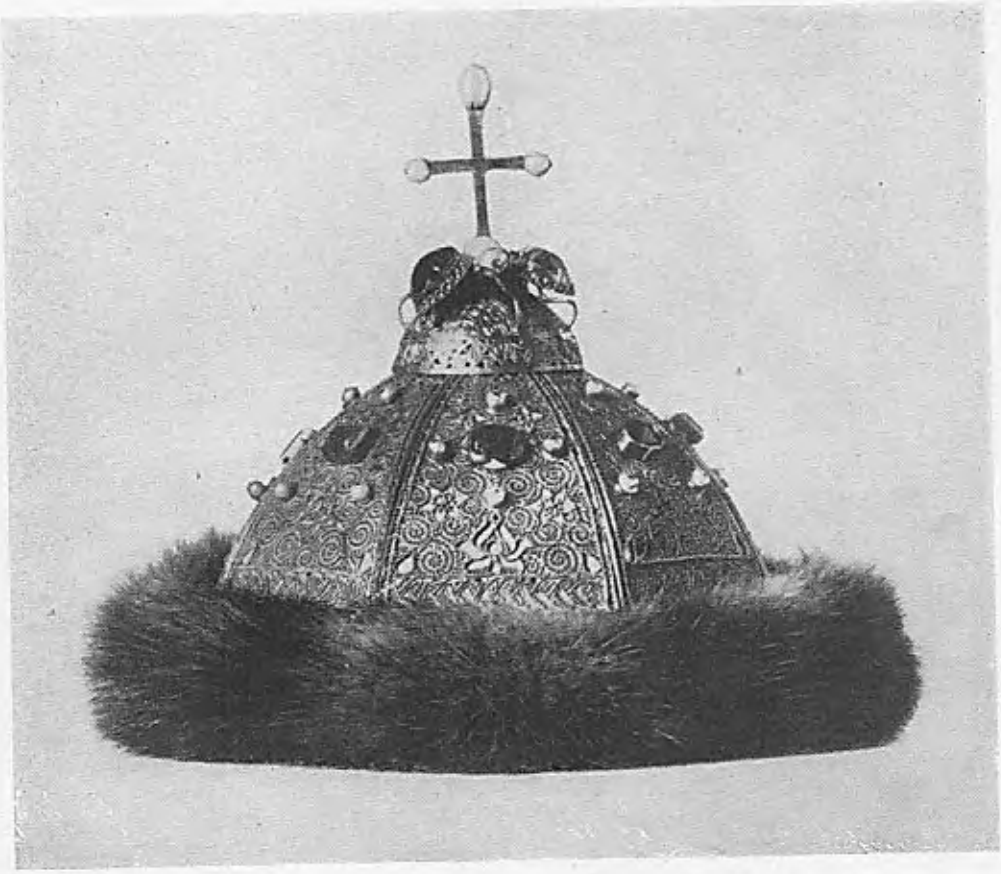

Рис. 28. Шапка, приписываемая великому князю Владимиру Мономаху.

серебряными украшениями значительно отличались от своих финских или литовско-латышских соседок.

Что касается отдельных видов туалетных украшений, то нашего внимания заслуживают прежде всего перстни, браслеты и массивные ожерелья, а также серьги, встречающиеся в больших количествах и имеющие самые разнообразные формы. Столь важные когда-то застежка и пряжка теперь более редки и однообразны[1].

Фибулы в большом количестве появились в славянских землях только в результате торговли с Римом, и происхождение их — всегда римское, провинциальное. В I—IV веках н. э. фибулы с Эльбы и Дуная проникают в глубь земель, занятых в тот период славянами, а начиная с IV века — с

Р и с. 29. Диадема на черепе у девушки из могилы в Броварках (Полтавская губ.).

Черноморского побережья в среднюю Русь стали проникать так называемые готские застежки (хотя это название я охотно заменил бы другим), видоизменения которых удерживались там в отдельных случаях вплоть до VII и VIII веков. Одновременно из Прибалтики приходили отдельные фибулы особой формы и отделки (эмаль), а в конце IX и X веков из Борихольма, главным образом с русско-варяжскими дружинами, приходили и скандинавские застежки. В общем же фибула в конце языческого периода у славян весьма редка. Они не создали ни одного собственного образца, отдавая, очевидно, предпочтение застегиванию при помощи пуговиц или петлиц. Только в Во-

[1] Все подробности о развитии форм этих украшений и соответствующие к ним рисунки см. в „Ziv. st. Slov.", I, 529—679 и таблицы XX—XLI.

сточных Альпах более часто обнаруживается типичная для славян округлая, оригинально декорированная застежка (так называемый кётлашский тип), но и она, как я полагаю, происходит из соседних франкских мастерских.

Пряжки и запоны встречаются уже чаще. Пряжка также появилась под римским влиянием и служила для застегивания поясов и вообще ремней. Но в то время как среди западных славян она не удержалась (во всяком случае, в западно-славянских, а также в южно-славянских могилах пряжка встречается редко), на востоке она известна в большом количестве как в формах, присущих собственно славянам, так и в ряде образцов балтийского, скандинавского, финского и тюрко-татарского происхождения, которые в отдельных случаях также приходили к славянам от их соседей. Однако проанализировать их я здесь не имею возможности и потому снова вынужден сослаться на соответствующее описание в «Жизни древних славян» (I, 557 и сл.).

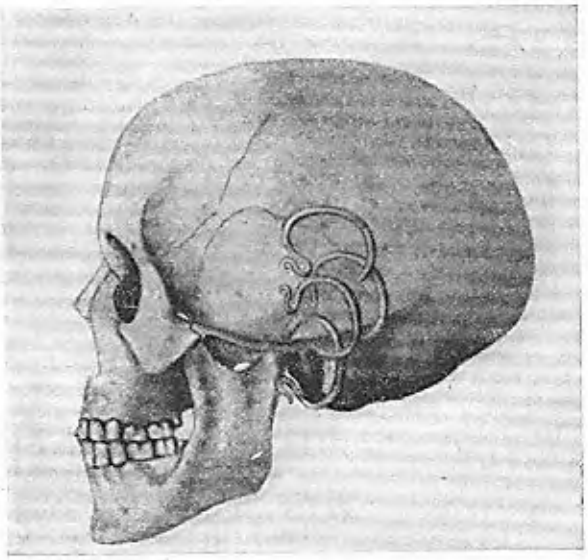

Рис. 30. Череп с височными кольцами из Калдуса близ Хелма.

Из украшений, служивших исключительно этой цели, для славян прежде всего были характерны диадемы. Выше мы уже видели, какое значение в жизни славянских девушек имели (и до сих пор имеют) венец и диадема как отличительный признак незамужней женщины. В России (в других странах очень мало) археология предоставила нам ряд интересных доказательств этого. В частности, в славянских могилах в Полтавской губернии были найдены весьма интересные диадемы, представлявшие собой повязку вокруг головы, увешанную мелкими бусинками, кружками и ракушками. Еще более красивые золотые, покрытые эмалью диадемы были найдены в нескольких кладах, обнаруженных в Киеве и в Сахновке, близ Канева, но все они византийского происхождения и относятся к более позднему периоду — XII—XIII векам.

В славянских могилах найдено также большое количество самых разнообразных серег. В X и XI веках выделяются главным образом филигранные серьги, изготовленные из тонких серебряных или золотых плетеных проволочек или шариков, ажурных или покрытых зернью. Они являлись как предметом арабского импорта, так и предметом импорта византийских мастерских. Особенно богаты ими Киевщина, а на Балканах — Далмация. Однако довольно часто, хотя и в единичных экземплярах, они встречаются и в других славянских странах, например в Чехии и Польше.

Ожерелья из славянских могил встречаются двух видов: ожерелья из стеклянных бус, нанизанные вперемешку с бусинами из самоцветов, металлов и янтаря, и массивные металлические обручи различнейших форм, так называемые гривны. [Слово это (*гривна*) появляется в источниках с X века.] К ним можно отнести изготовленные в том же стиле браслеты и мелкие перстни самых различных форм, которые, несмотря на то, что среди них и

фартуки, платки на головах, но тем не менее наряду с этими особенностями в их одежде имеются многие новые составные части, которые появились уже значительно позднее. И все же общий характер этих одежд, например в Западных Карпатах, древний, и, по всей вероятности, простой народ выглядит там в своей грубой конопляной одежде примерно так же, как выглядели славяне тысячу лет назад.

Украшения. О славянских украшениях IX—XII веков можно было бы написать весьма обширное исследование, так как от того времени до нас дошло очень много материала, свидетельствующего, что, подобно другим народам, древние славяне, особенно женщины, насколько это позволяли им их достатки, стремились к тому, чтобы принарядить себя различного рода украшениями. В истории материальной культуры древних славян нет ни одной такой другой страницы, которую можно было бы осветить так подробно, как украшение тела и платья, а также связанное с этим производство украшений, которые были тогда у славян в моде.

Однако объем и характер этой книги совершенно исключают подробное освещение этого вопроса; описание же различного рода славянских диадем, височных колец, серег, ожерелий, браслетов, перстней и многих других украшений без достаточно подробных иллюстраций является вообще невозможным. Поэтому мне не остается ничего другого, как отослать читателя к соответствующему разделу моей книги «Жизнь древних славян» (I, 529—682), где он сможет найти подробное описание украшений и соответствующие иллюстрации. Впрочем, к некоторым деталям мы возвратимся еще в ходе последующего изложения, например в разделе об ювелирном деле и изготовлении изделий с эмалью.

Здесь же я освещу лишь некоторые наиболее общие вопросы.

Во-первых, нам неизвестно, изготовляли ли славяне в древнейший период их существования украшения и существовало ли у них ювелирное производство. Почти все то, что является характерным для украшений славян языческого периода, появилось только в конце этого же периода, с VIII по XI век, когда славяне подверглись сильному византийскому, восточному и скандинавскому влиянию, а на Западе — влиянию франков. До этого украшениями славяне были весьма бедны. В могильниках V—VIII веков мало встречается ремесленных изделий и украшений, что свидетельствует о большом упадке культуры, наступившем, очевидно, в связи с переселениями народов и потрясениями как данного, так и предшествовавшего ему периода. Более часто украшения, привозные или местные, начинают появляться в славянских могилах только с VIII и главным образом с IX века. С этого времени и начинается новый подъем материальной культуры.

Во-вторых, следует сразу же указать, что начиная с IX века славянские украшения обнаруживают значительное разнообразие. Нет вещи (за небольшими исключениями), форма и техника изготовления которых являлась бы общей для всех славян. Отдельные славянские страны уже значительно отличаются друг от друга, особенно Запад от Востока[1], причем Восток в значительной степени усвоил византийский и восточный стиль и перенял также и их технику. В X и XI веках преобладает восточный стиль, с конца же XI века — византийский. Вместе с тем, хотя украшения и изготовляются из бронзы, меди и золота, только серебро, привозимое арабами, становится у славян важнейшим металлом. Украшения преимущественно делались из серебра, они были мелкие, легкие, по технике изготовления большей частью филигранные, и любовь к ним, несмотря на их восточное происхождение, характерна для славян X и XI веков и, в частности, отличает их от соседей. Славянские женщины в России своими изящными

[1] Южные славяне на Балканах, за исключением хорватов, к сожалению, дали нам очень мало материала, но я уверен, что и они переняли восточный стиль.

имеются очень любопытные вещи, я не имею возможности здесь рассмотреть[1].

Однако из всех видов украшений наиболее важными и наиболее характерными для славян являются кольца, вплетавшиеся женщинами в волосы. Они представляли собою оригинальные украшения, свешивавшиеся с обеих сторон головы, впереди и позади ушей (отсюда и археологический термин *заушницы*), закрывая виски или свисая до самых плеч. Подвешивались они на повязке или диадеме, обхватывавшей голову, или же попросту свободно вплетались в волосы. Наиболее близкой аналогией являются византийские короны и диадемы с подвесками. Несмотря на глубокую древность подобного рода украшений, мы находим их и у славян, главным образом с IX века. В XI и XII веках возник ряд кольцевых форм этих украшений, которые стали характерны либо для всех славян, либо для определенных славянских земель. В частности, у восточных славян известны археологически различаемые области подвесных колец («височные кольца» по терминологии русских археологов). Основным, общим для всех славян типом, являвшимся в то же время одним из тех общеславянских культурных признаков, по которым можно определять места обитания славян с VIII по XII век, было так называемое S-образное кольцо, то есть маленькое или среднего размера кольцо, обычно бронзовое, но часто покрытое серебром, один конец которого тупой, другой же расплющен и загнут петлей в форме буквы S. Этот тип распространен от Савы, Альп и Заале вплоть до внутренней России, но статистика находок показывает, что больше всего он был распространен на Западе, где чаще всего и изготовлялся. Там он, судя по всему, и появился, хотя этот вопрос является еще спорным. Лично я полагаю, что примитивные кольца славяне вплетали в волосы издавна, но кольца с S-образным концом они видели где-либо в северных римских областях, где первые аналогии таких колец появляются уже до н. э., а чаще после начала нашей эры (в Боснии, Истрии, Тироле). Кольцо с S-образным концом получило у славян столь большое распространение, что с течением веков эта безделушка стала чисто славянским украшением[2]. Это не единственная вещь, которая прошла у славян подобные превращения; аналогичное превращение произошло частично и с римской керамикой, которую славяне заимствовали, а позднее изменили, превратив в свою собственную типичную славянскую керамику.

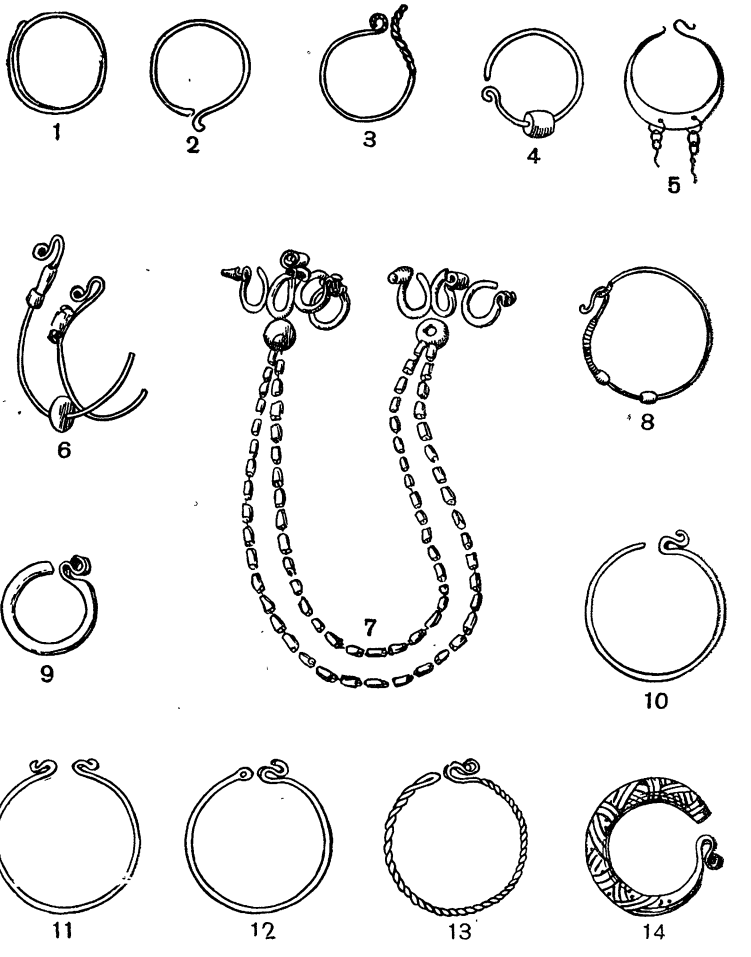

Р и с. 31. Изображение девушки с височными кольцами. Из библии Вислава.

Основное простое S-образное кольцо получило дальнейшее развитие в результате того, что местами менялся и усложнялся его завиток, S-образный конец, что на него надевали стеклянные или металлические бусины, менялся его размер или изменялась техника изготовления. Славянские женщины носили их по одному или по нескольку (8—10), подвешенными на подвязке по обе стороны головы. На Западе их носили вплоть до XIII века. С Запада

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 545, 614, 648, 663, 670.
[2] Более подробно см. об этом в „Živ. st. Slov.“, I, 591 и сл. и табл. XXX.

они проникли и в Россию, где мы довольно часто встречаемся с ними в Поднепровье; однако здесь в России, особенно дальше на восток и север, мы сталкиваемся с дальнейшим их локальным развитием. Русские височные кольца XI—XII веков являются не только описанными здесь примитивными кольцами, но изменяются, превращаясь в круги, нижняя часть которых переходит

Р и с. 32. Височные кольца.

1 — 2 — Меник (Чехия); *3* — Надзиево (Сьрода); *4* — Волынь; *5*—Кипр; *6* — Сан-Серволо (Тироль); *7* — Либиче (Чехия); *8* — Мертлох (Нюренберг); *9* — Кладно (Чехия); *10* — Грусиче (Чехия); *11* —Ратайе (Чехия); *12 — 13* — Мукаршов (Чехия); *14* — Калдус (Хелм).

в звездообразно или лопатообразно расчлененную плоскость ажурной и выгравированной пластинки. Такие височные кольца, как правило, серебряные, особенно характерны для области древних радимичей и вятичей [1]. Но и в других русских областях височные кольца обнаруживают различные и отличающиеся друг от друга формы, хотя и не столь богатые, как в бассейне реки Оки.

Если рассматривать славянскую одежду и украшения в целом, то следует признать, что особо роскошными они не были. Славянская одежда еще в конце языческого периода и в начале христианской эры, если сравнить ее с одеждой соседей славян, была еще бедна украшениями. Она отличалась

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 603 и сл.

своей простотой даже в тот период, когда у славян уже развилось производство золотых и серебряных украшений, в силу того что оно было ограничено лишь несколькими отдаленными друг от друга торговыми центрами — Прагой, Пржеславом, Киевом, Суздалем, Новгородом. В этих центрах славяне жили богаче и одевались роскошнее, в то время как простой народ как в Чехии, так и в Польше и в чистославянской Западной Руси золотом и серебром богат не был. Все исследователи справедливо отмечают, что могилы конца

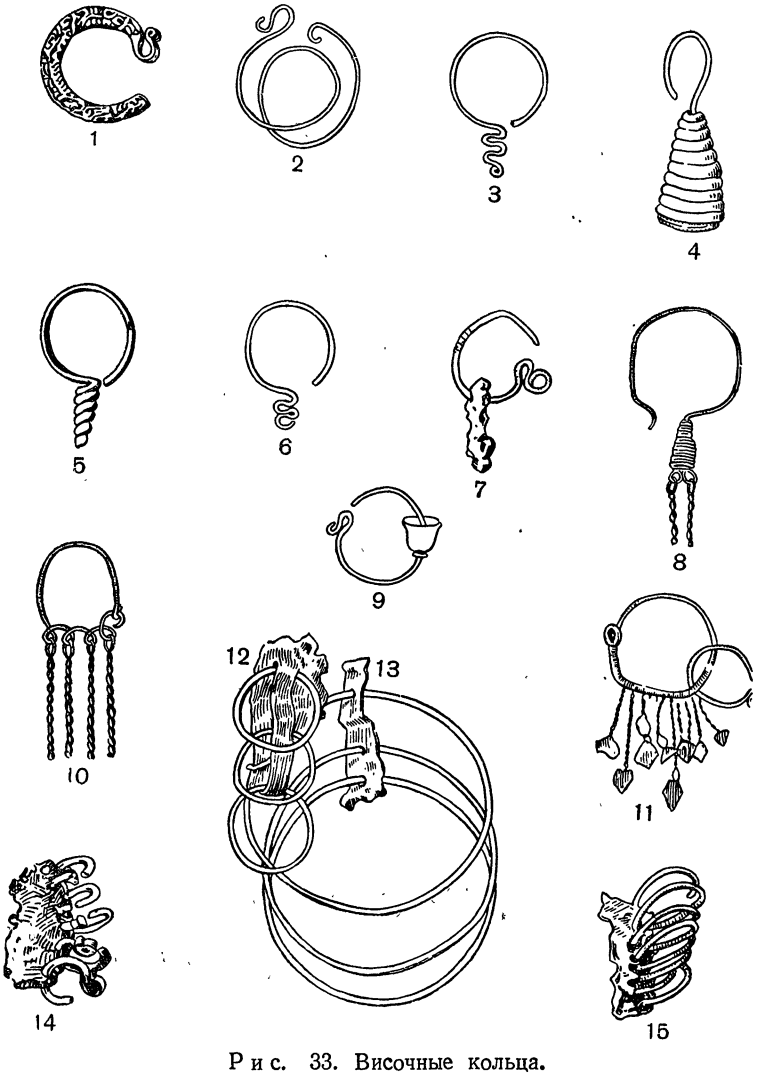

Рис. 33. Височные кольца.

1 — Оршымовица (Плоцк); *2* — Росхарден (Ольденбург); *3 — 4* — Кештелы (Венгрия); *5 — 6* — Сирак (Новоград); *7* — Биле Брдо (Хорватия); *8, 10* — Ноенберг (Штирия); *9* — Чернембель (Крайна); *11*— Крунгль (Штигия); *12—13*— Новозыбков (Черниговская губ.); *14*—Канин (Чехия); *15* — Бобруйск (Минская губ.).

языческого периода в этих землях бедны, особенно если сравнить их с современными им германскими или тюрко-татарскими погребениями. Роскошные одежды и украшения развились лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с соседними им финскими, тюрко-татарскими, пруссо-литовскими и скандинавскими народами. Здесь мы находим в славянских могилах большое количество и большое разнообразие украшений, в частности,

дальнейшее развитие получили здесь височные кольца, диадемы, пряжки, перстни и даже фибулы, гривны и браслеты, которые в других местах весьма редки. В X и XI веках излюбленным материалом становится уральское серебро, а наиболее распространенной техникой украшения — зернь. Так, например, в могиле, раскопанной у Таганчи возле Киева, какого-то князя или боярина XI века мы находим почти одни только серебряные или покрытые серебром вещи[1]. Об этом говорится и в I Софийской летописи под 1209г.,

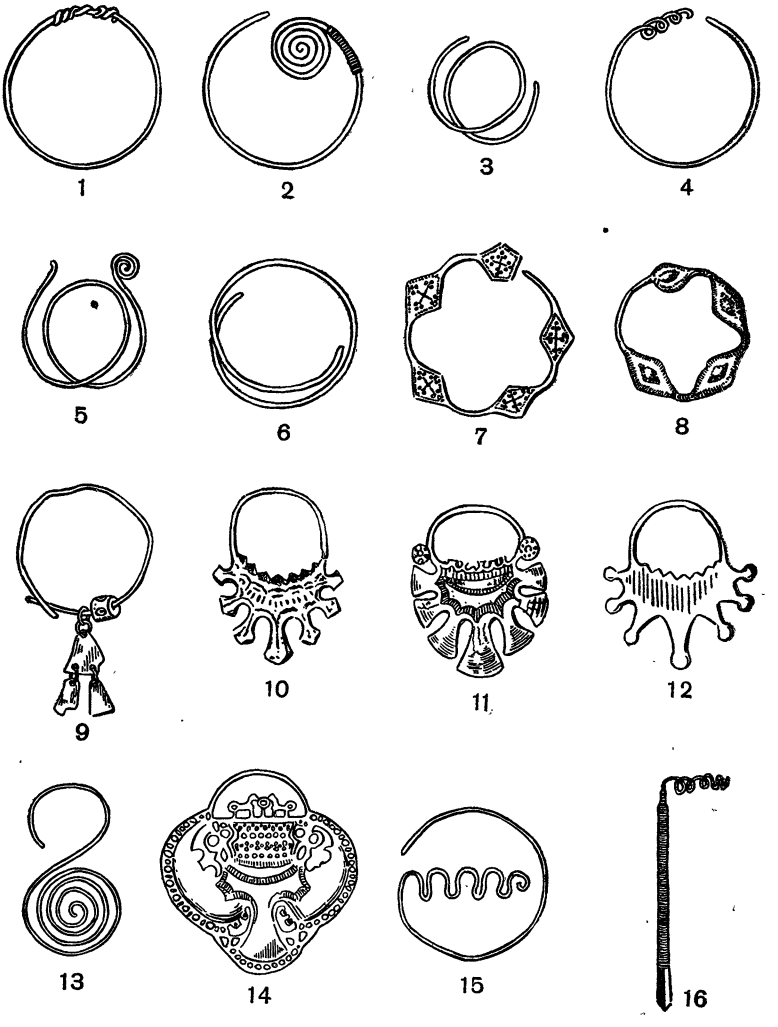
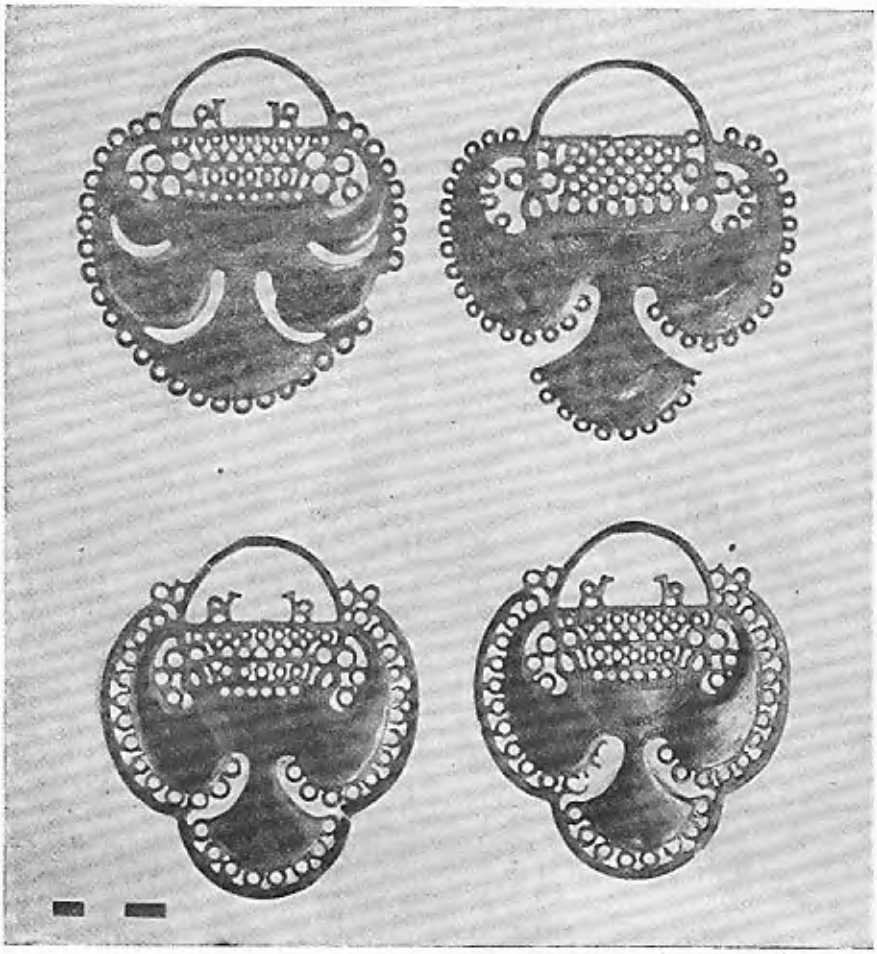

Рис. 34. Височные кольца восточных славян.
1 — Заколпье (Владимирская губ.); *2* — Княжа гора (Киев); *3, 5*— Минская губ.; *4* — Гушчина (Витебская губ.); *6* — Федово (Новгород); *7* — *9* — Петроградская губ.; *10, 11, 14*—Московская губ.; *12*—Сурож (Черниговская губ.); *13* — Броварки (Полтавская губ.); *15* — Елизаветполь: *16*—Ляда (Тамбовская губ).; *15—16*—неславянские кольца.

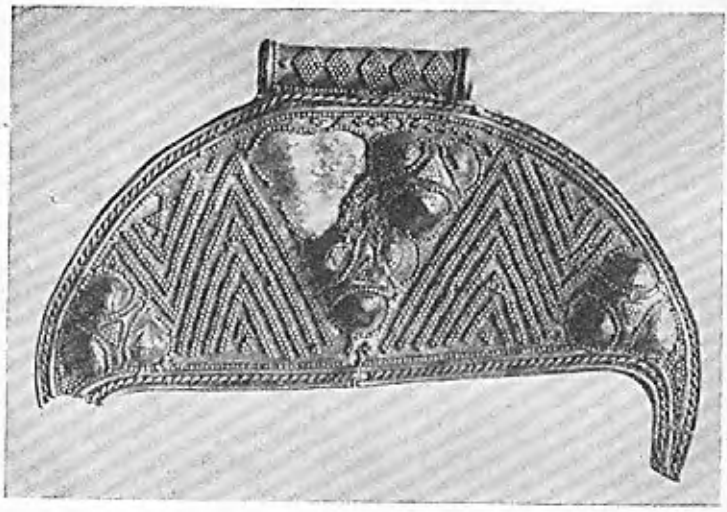
где мы читаем о жителях Киева, что они не давали женам своим золотых обручей и что ходили их жены в серебре[2].

Совершенно иную картину мы видим в этот же период у соседей славян—

[1] Ср. табл. XVIII в „Slov. star.“, IV.
[2] Полное собрание русских летописей, V.

Р и с. 35. Поздний тип московских височных колец.

Р и с. 36. Серебряная лунница из Гнёздова, украшенная зернью.

летто-литовцев, финнов и болгар на Оке, Каме и Волге. Хотя в их могилах и встречается больше украшений, но все они менее изящны и отличаются массивностью и безвкусицей. Мы видим грубые головные уборы, тяжелые шумящие привески, распространенную в ювелирном деле технику подражания плетеной веревочке, тяжелые и массивные бронзовые ожерелья (часто надеваемые по нескольку штук сразу), огромные застежки и запоны причудливых форм, тяжелые браслеты — иногда по девяти штук на руке. Одним словом — это совершенно иной мир, с более роскошным в сравнении со славянской простотой нарядом, но зато с меньшим художественным вкусом. Славянские девушки и женщины в своих изящных и легких серебряных украшениях бесспорно выглядели более красиво, чем их соседки.

Глава V

ЖИЛИЩЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Сама природа славянской прародины непрестанно вынуждала славян заботиться о строительстве жилищ и крытых хозяйственных построек для защиты от холода, дождя и ветров. Славянские постройки прошли путь, аналогичный доисторическому развитию дома в остальной, лучше изученной части Европы — центральной и северной. Славянские постройки первоначально также представляли собою котлован, вырытый в земле на глубину до метра и более и непосредственно прикрытый крышей из прутьев, листьев, камыша, дерна и глины. Такие же ямы делались и для хранения запасов зерна. Конструкция жилища, точнее кровли его, могла быть легче или тяжелее в зависимости от длительности пребывания семьи на избранном ею месте. Образ жизни славян, как мы еще увидим в главе VIII, долгое время, вплоть до исторического периода, оставался динамичным, поэтому срок пребывания на избранном месте мог быть коротким и ограничиваться, например, одним лишь летом или быть более длительным — до 1—2 лет.

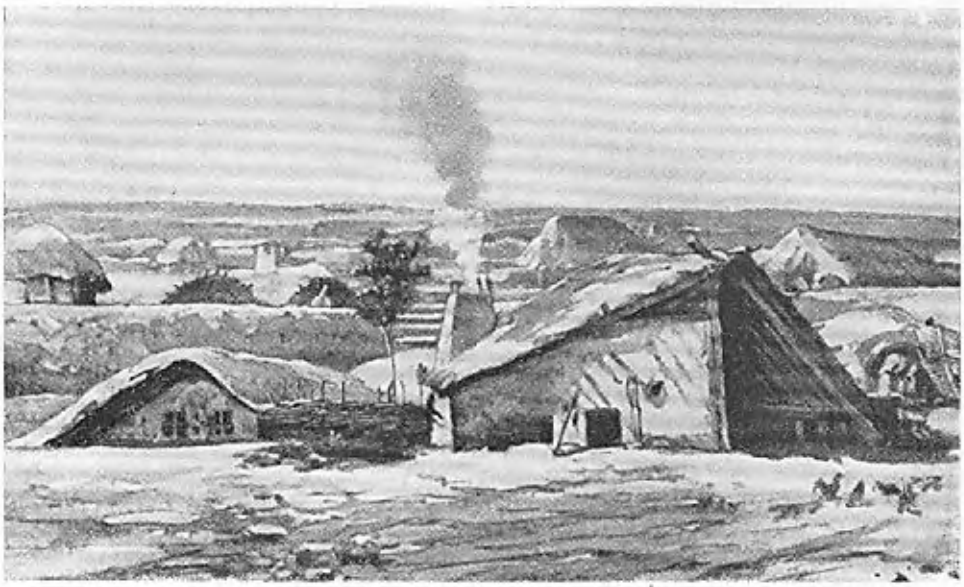

Рис. 37. Вид на село, состоящее из землянок, в окрестностях Лома в Болгарии (по Мрквичку).

Такие же жилища, аналогичные жилым ямам в остальной части Европы, мы с древнейших времен наблюдаем и на территории, заселенной праславянами. Мы даже видим, что славяне еще в конце языческого периода и в первое время после принятия христианства строили их, пожалуй, даже более осно-

вательно. Более того, с такого рода постройками мы встречаемся и в XIX веке[1] в некоторых местах Балканского полуострова, Польши и России, где они называются *ziemianka*, *землянка*, *земуница*, то есть жилище, вырытое в земле,— название, наряду с иранским *kata*, из которого образовалось общеславянское *хата*. Бесспорно, этот термин древний и общеславянский. В некоторых местностях над вырытым котлованом возводились низкие стены из стволов деревьев, обмазывавшихся глиной, и в этих случаях над стенами поднималась кровля. Внутри наиболее примитивных жилищ посередине находился очаг, дым от которого выходил через обыкновенное отверстие в крыше, а вокруг очага у стен землянки возводились низкие глиняные лавки, служившие как для сиденья, так и для сна.

Таких жилых ям размером 1,5—4 метра, относящихся к VIII—X векам, в славянских землях было найдено много[2]. Подобную же хижину, очевидно, имел в виду и восточный источник IX века, из которого заимствовали свои сведения Ибн-Русте и анонимный Персидский географ, говоря о подземных славянских жилищах. Ибн-Русте описывает такую землянку как подземную баню с остроконечной кровлей, но нет сомнения, что такое описание может относиться и к жилому дому. Персидский географ говорит лишь следующее: «Зиму славяне проводят в ямах и подземных хижинах»[3]. Другими более подробными известиями, относящимися к древнему периоду, мы не располагаем. Прокопий и легенда о св. Димитрии упоминают лишь убогие хижины (καλύβαι ,οἰκτραί, κάσαι, σκηναί) славян, и если Маврикий говорит, что славянские жилища имеют много выходов, то это явная ошибка, так как это могло относиться только к входам всей огромной усадьбы, а не самого жилища[4]. В отношении западных славян мы располагаем известиями лишь с конца языческого периода, но уже Гельмольд подтверждает убогость славянских хижин, построенных из жердей, а Герборд подтверждает то же и в отношении славянских жилищ на Руяне, хотя, с другой стороны, в поморских областях, повидимому, из-за недостатка места на городище, окруженном валом[5], уже получили развитие деревянные этажные дома. Наряду с этими подземными жилищами, дополненными деревянными наземными конструкциями, славяне, разумеется, строили и легкие, без котлована в земле, хижины, со стенами, сплетенными из прутьев. Такая хижина выглядела примерно так же, как и пастушеская *колиба* или *куча*[6] в горах Балканского полуострова или на Карпатах.

Однако, несмотря на то, что описанные выше примитивные формы славянских построек сохранились и по нынешнее время, было бы ошибкой полагать, что жилище славянина в своем развитии не пошло к концу первого тысячелетия далее примитивных землянок и шалашей. Во-первых, раскоп-

[1] В Болгарии обычно называются *бурдел* от румынского *bordein*. Весьма многочисленны главным образом в окрестностях Видина, а в области у Лома до недавнего времени их было больше, чем наземных домов. См. о них в „Živ. st. Slov.“, I, 703.

[2] См. „Živ. st. Slov.“, I, 696. Приведенные здесь сведения можно также дополнить данными, полученными в результате новых находок в Кострзыне на Варте (Zeitschr. f. Ethnol., 1915, 880), у Седлемина в Познани (Rocznik Towarzystwa nauk w Poznani, 1917, 115), у Нойендорфа и Форде в Пруссии (Mannus, VII, 127), у Порачова в Южной Чехии (Pamatky arch., 1914, 223) и у Гасенфельда близ Лебуса (Praehist. Zs., III, 287).

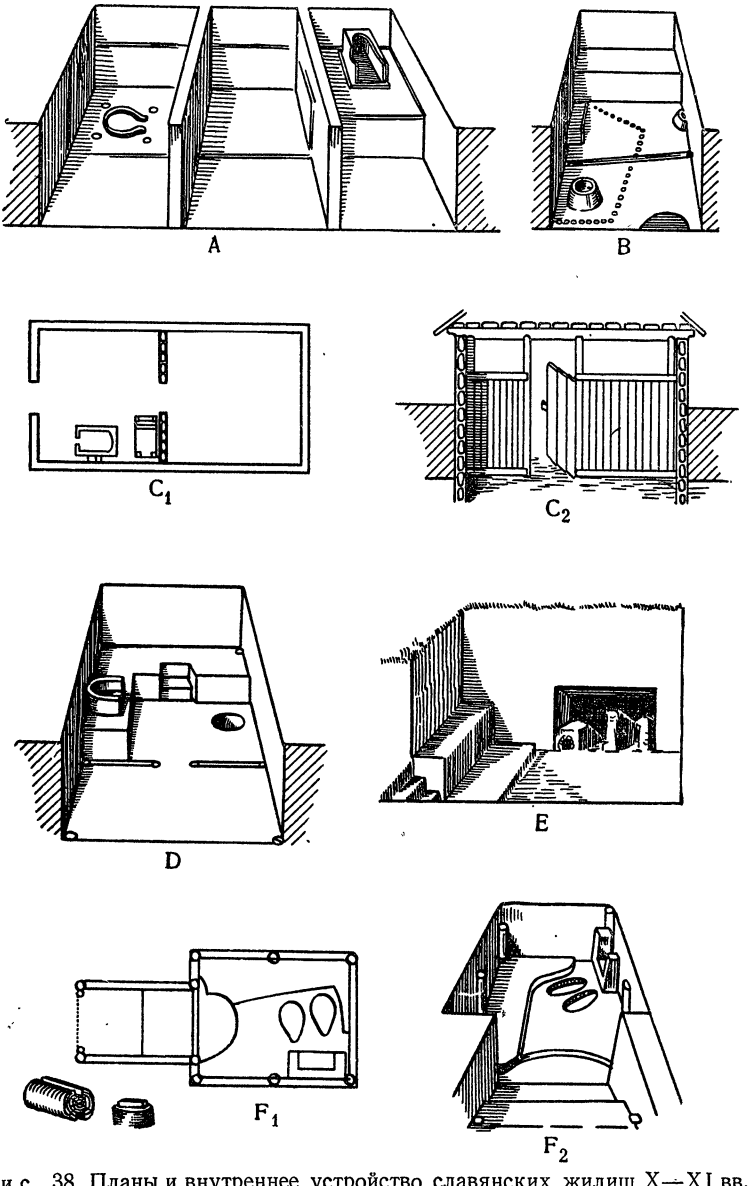
[3] Ибн-Русте (Гаркави, указ соч., 266); Персидский географ (ed. Туманского), 135. В другом месте Ибн-Русте говорит, что славяне у Солуни обитают в лесах, в деревянных домах.

[4] Procop., III, 14, „Чудеса св. Димитрия“ (ed. Touzard, Histoire profane), 185, 191; Maurik, Strat., XI, 5. Убогие соломенные хижины болгарских славян упоминает и „Шестоднев“ Иоанна-экзарха (в начале).

[5] Helmold, II, 13; Herbord, II, 24, 41, III, 5, 30; Ebbo, III, 7. Здесь же следовало бы упомянуть, что, по Ибн-Фадлану (Гаркави, указ. соч., 94), русские купцы, приплыв в 922 году по Волге в Булгар, поставили на берегу легкие шатры и большие деревянные дома, более чем на двадцать человек каждый.

[6] Общеславянск. *колиба* — от греческого καλύβη, *куча* — от тюркск. köč, *кочевать*. Слово *шалаш* также мадьяро-тюркского происхождения („Živ. st. Slov.“, I, 706).

ки, которые произвел в последние годы своей жизни хранитель киевского музея В. В. Хвойко в Киеве и Белгородке, раскопки Н. Макаренко в Монастырище у Ромен, а в меньшей мере и западно-славянские находки у Гасенфельда[1], относящиеся отчасти уже к X веку, показывают, что как конструк-

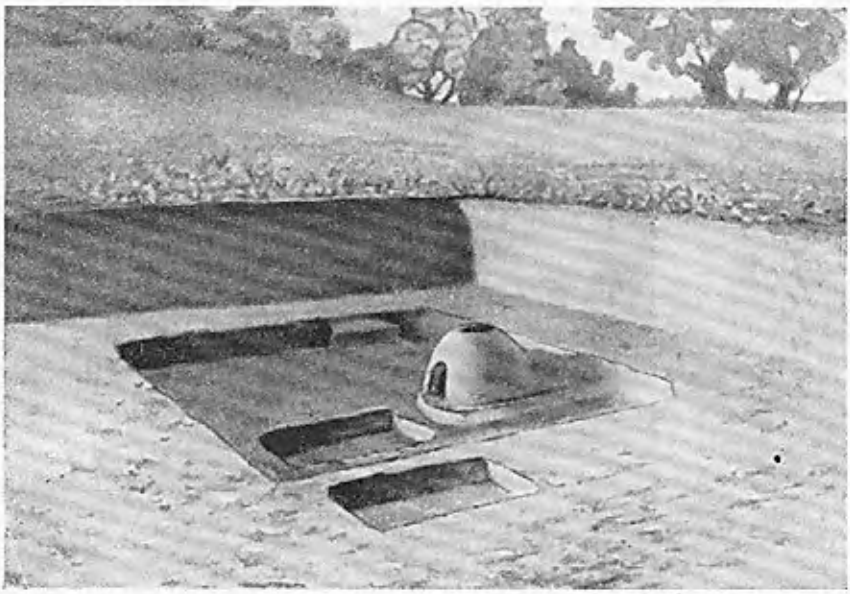
Р и с. 38. Планы и внутреннее устройство славянских жилищ X—XI вв. в Киеве и Белгородке.

A, *C*, *D*, *E* — из Киева, из усадьбы Петровского; *B*, *F* — из Белгородки; C^2 — внутренняя стена, служащая перегородкой в доме C^1.

ция славянского жилища (сени, верхний этаж), так и его внутреннее устройство (печь вместо открытого очага) получили дальнейшее развитие. Во-вторых, исторические известия и ряд древних общеславянских терминов,

[1] Об этих находках см. в „Živ. st. Slov.“, 700—702. Хотя раскопками славянского жилища в Гасенфельде (окр. Лебус) вскрыт только очаг, но и здесь сени уже отделены стеной (Praehist. Zs., III, 287).

сопоставляемых с основными формами современного и древнего славянского жилища, также подтверждают, что славянское жилище в IX—X веках, если хозяин его располагал достатком (не говоря пока о князьях), действительно достигло значительного развития. Жилище бедных славян, разумеется, еще долго оставалось примитивным и простым, а местами оно даже и теперь сохранилось в том же виде[1], в то время как развитие обычного дома пошло по совершенно иному пути[2].

Р и с. 39. Землянка с печью. Раскопки у села Монастырище близ Ромен (по Макаренко).

Первым этапом в развитии славянского жилища явилось новое небольшое помещение у входа, служившее одновременно и для защиты жилой комнаты от непосредственного воздействия дождя, снега и мороза. Это небольшое помещение, называемое ныне сенями, возникло либо как результат того, что жилище было разделено внутри стеной, отделявшей жилое помещение с очагом от сеней, либо в результате того, что у входа в землянку и колибу делалась крытая, в местностях с суровым климатом глухая, пристройка, в результате чего и возникли сени снаружи жилища. Для древних славянских жилищ X и более ранних веков (Гасенфельд) характерны крытые сени обоих типов, и оба эти типа мы можем проследить и в современном славянском доме. Мы можем всюду предполагать, что эти два вида сеней появились в славянских постройках самостоятельно и скорее всего уже в течение первого тысячелетия н. э. Двумя древними славянскими названиями для них

[1] С подобными примитивными однокамерными постройками, в которых расположен очаг и местами вместе с людьми находится и мелкий скот и птица, мы встречаемся и до сих пор на Балканах и в славянской части Карпат (см. „Živ. st. Slov.", I, 720).

[2] Обзор литературы о современном славянском доме см. в „Živ. st. Slov.", I, 711. Основными работами, имеющими аналитический и исторический характер, являются следующие: M. Murko, Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Südslaven (Mittheil. Anthr. Gesch. in Wien, XXXV — XXXVI, 1906); R. Meringer, Das volkstüml. Haus in Bosnien und Herzegowina (Wiss. Mittheil. aus Bosnien, VII, 1900, Wien); K. Rhamm, Altslaw. Wohnhaus (Ethnol. Beiträge zur germ. slaw. Altertumskunde, II, Braunschweig, 1910). Для сравнения см. также U. Strelius, Über die primit. Wohnungen der finn und ob-ugrischen Völker, Helsingfors, 1910.

строить больших прочных и постоянных жилищ, эти части жилой постройки надлежащего развития получить не могли. Небольшое древнее крыльцо могло развиться в сени лишь позднее (а переход к прочной оседлости падает главным образом на VI—IX века), однако к этому времени, а в ряде случаев и задолго до него южные славяне отошли к Дунаю и за Дунай. Только этим можно объяснить почему древний тип южно-славянских землянок не развился в дом с большими сенями, а остался лишь «кучей» с небольшими перегородками или чердаком.

Так выглядело славянское жилище, когда из врытой в грунт землянки оно развилось в наземную постройку, и первой ступенью в этом его развитии и было помещение с очагом посередине, а впереди — отделенные от него большие просторные сени. А. А. Харузин предполагает, что первоначальное название жилища такого типа было у славян *куча, коча* (от праславянск. kǫtja, древнеболг. *кѫшта*). Доказать предположение А. А. Харузина нельзя, но возможно, оно и правильно.

Наряду с сенями в доме вскоре появляется также и навес, который пристраивался к дому снаружи у входа и, следовательно, означал лишь закрытый вход в жилище, а не помещение, отделенное изнутри. Этот тип постройки мы также можем проследить в южно-русских землянках, вскрытых В. В. Хвойкой. Когда сени славянского жилища развились во внутреннее обитаемое помещение, то снова и в еще большей степени появилось стремление защитить вход в сени крытым навесом и дополнить жилище новыми *сенями* (передней) или *крыльцом*. Однако такая пристройка — результат уже позднейшего развития, и хотя не следует полагать, что она возникла под чужеземным влиянием, поскольку причины возникновения ее были вполне естественны, все же примечательно, что древний славянский термин *притворъ*, как правило, исчезает, а эта пристройка у северных славян часто получает немецкие, а на Балканах — турецкие названия. Время возникновения этих названий, за некоторым исключением, пока не известно[1], но нет сомнений, что, по крайней мере, русское *крыльцо* у сеней существовало уже в XI веке, и поэтому весьма вероятно, что удлиненный скат крыши и поддерживавшие ее столбы — довольно древний мотив славянского дома. Сюда же, вероятно, относится и балканский *trem*.

Следующее значительное превращение славянского жилища произошло уже накануне X века, и на этот раз под чужеземным влиянием. Это было образование внутри жилого дома избы с печью, а вскоре затем и кухни.

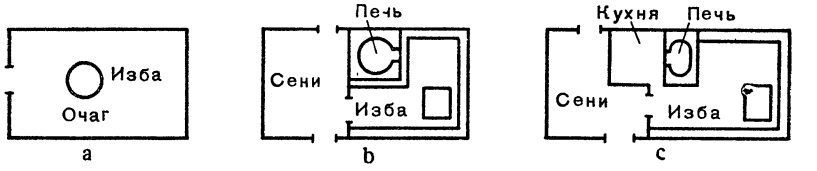
Первоначально в праславянском жилище огонь разводился только в открытом очаге, находившемся в жилом помещении, а присоединенные к этому помещению сени, как мы видели, были холодными, без очага. Однако наряду с этим необходимо отметить, что в русских жилищах, вскрытых Н. Макаренко (рис. 39) и В. В. Хвойко, над когда-то открытым очагом уже имелся глиняный свод, под которым и разводился огонь. «Печь», построенная таким образом, могла служить не только для равномерного обогревания жилища, но и для выпечки хлеба[2]. Одновременно мы читаем в источниках, что русские славяне помещение с печью в X—XI веках называли *истъба, изба* или уменьшительным *истобъка*. То же относится и к западным славянам. Правда, археологически она у них пока не засвидетельствована, но зато дошедшие до нас письменные источники X века свиде-

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 725. Из них наиболее интересным является латинский *solarium*, который упоминается как веранда у дома в эпоху Карла Великого (Monum. Germ., Leges, I, 179: casa solarus tota circumdata) и который мы находим уже в чешских и древнеболгарских глоссах, в диалогах Григория I, в рукописи XII века в форме žole (соответствует Žoleř?), позднее в чешском языке в форме žoléř, želéř, žoldr, от немецкого Söller, ныне žudr в Моравии.

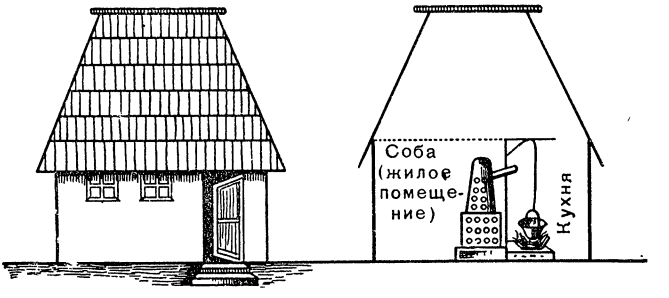
[2] Отсюда древнее славянское название *пец* (*pec*), старославянское *пешть* от слова *пекти* (*peci*) („Živ. st. Slov.“, I, 845).

тельствуют, что подобная *истба* (чешск. *jizba*) была уже известна. То же можно сказать и о современных им болгарах[1].

Эта *истъба* — изба древнеславянского жилища, по общему мнению лингвистов[2], — является не чем иным, как верхненемецкой *stube*, скандинавской *stofa*, которая, как мы знаем из источников, была известна в Германии еще до X века в качестве помещения для бани, где находилась крытая печь, разогревавшаяся и поливавшаяся водой для получения горячего пара. Если потом и у славян появляется также название stube>*истъба* в смысле печи

Р и с. 41. Три стадии развития словацкого дома в Западных Карпатах.

Р и с. 42. Схематический разрез дома в Боснии (по Мерингеру).

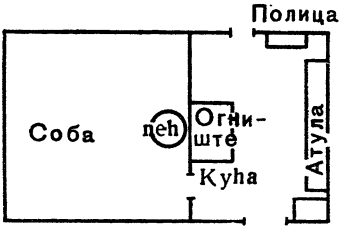
для бани и вообще теплого помещения, то есть появляется не только новое название, но и новая вещь, то можно не сомневаться, что оба они — вещь и название — были заимствованы славянами и на этот раз, пожалуй, у своих соседей, немцев и скандинавских германцев, причем заимствованы еще до X века, так как в X веке они засвидетельствованы уже у трех славянских народов: у чехов, русских и болгар. Германская stube была известна славянам, повидимому, еще до X века; сначала они знали ее как баню, а затем и как теплое жилое помещение, которое и получило распространение во всех славянских землях. Подтвержденная источниками, относящимися к X веку, значительная распространенность избы — от Чехии на западе вплоть до Киева на востоке и Болгарии на юге — показывает, что славяне знали ее задолго до X века, и я полагаю, что изба появилась в славянском жилище не позднее чем в V веке, когда славяне уже засвидетельствованы на границах франкской державы. У западных славян наряду с появлением избы с печью мы наблюдаем еще одно новшество: печь в новой избе затапливается не из самой избы, а из сеней, через специальное отверстие. У этого печного отверстия, через которое закладывались дрова и выбиралась зола, естественно, возник на специально возведенном основании новый очаг. Одним словом, рядом

[1] О свидетельствах русской летописи, а также Масуди, относящихся к X — XI векам, см. выше, на стр. 194. В Чехии assum balneum quod populari lingua stuba vocatur упоминает легенда Христиана о св. Вацлаве (Fontes rer. boh., I, 223), а „calefactores stubae" упоминается в грамотах XI века. Подробности см. в „Živ. st. Slov.", I, 131, 139, 743. В Болгарии о избе рассказывает „Шестоднев" Иоанна-экзарха (Miklosich, Lexicon palaeoslov., 271).

[2] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", I, 738. Германска stuba возникла из лат. extufa, как и франц. étuve, итал. stufa.

с печью в избе возникает новый очаг также и в сенях, и тем самым сени превращаются в кухню. Вместо первоначального славянского жилища с холодными сенями и теплым жилым помещением возникает дом с двумя очагами.

Немецкие этнографы объясняют все эти изменения германским влиянием: на Руси — скандинавским (Рамм, Лютш), а у западных славян — франкским (Геннинг, Мейтцен и чех Мурко). Отсюда возникли и обычно употребляемые термины для определения характера жилища: «франкское», «верхненемецкое», затем «zweifeuriges Haus» или «Küchenstubenhaus»[1]. Только балканские славяне в Далмации, Герцеговине, Черногории и в части Македонии, то есть в западной части Балканского полуострова, переняли романский тип дома с одним очагом у стены и дымоходом, подымающимся над крышей.

Р и с., 43. План сербской двухкамерной *кучи.*

Немецкие исследователи полагают, что изба и кухня образовались в результате того, что в славянском жилище к сеням в качестве новшества присоединена была готовая франкская stuba. Таким образом, основным помещением, где находится очаг, они считают сени. В принципе можно согласиться с тем, что возникновение избы и кухни связано с франкским влиянием, на что указывает территориальное размещение видоизмененных жилищ, затем немецкие названия *stube*> *истъба*, *chukhîna* (из средневековой латыни coquina)>*кухня*, *kammer* (лат. *camera*)>*комора*, а также ряд названий для архитектонических деталей внутри жилища и новых кухонных принадлежностей[2]. Однако в отличие от немецких исследователей происшедшие изменения я объясняю совершенно по-иному. Я полагаю, что немецкое влияние на развитие жилища следует разбить на две стадии. На первой стадии славяне познакомились с немецкой избой, с печью, служившей баней[3], но они не присоединили ее к сеням с очагом — сени первоначально были без очага,— а лишь перестроили и изменили по ее образцу свое жилое помещение с очагом, свою «кучу». Эти изменения по указанным уже выше соображениям должны были произойти задолго до X века, как я думаю, не позднее чем в V веке. Кухня у западных славян стала появляться лишь на второй стадии, а именно с X века, в результате того, что в холодных сенях под влиянием франкских образцов славяне начали строить новый очаг, а печь в избе они начали строить из кафеля и затапливать ее из сеней с нового очага, что и придало ей франкский характер. Но это превращение сеней в кухню произошло не ранее XI века, причем оно имело место уже не у всех славян; в частности, оно не произошло у русских и у части поляков и словаков, у которых сени остались холодными[4].

Скандинавское влияние на великорусское жилище сказалось не только в том, что с ним пришла stofa, но и в другом важном изменении: жилая постройка поднялась над нижним этажом (так называемым подпольем) до второго этажа. Насколько сильным было при этом скандинавское влияние на

[1] Наряду с упомянутой книгой Рамма и Мурко сюда относятся более старые работы Р. Геннинга, Das deutsche Haus in seiner hist. Entwieckelung, Strassburg, 1882; см. также Meitzen, Das deutsche Haus in seinen volkstümlichen Formen, Berlin, 1882. Остальную литературу см. в „Živ. st. Slov.", I, 730.

[2] См. „Živ. st. Slov.", I, 737—738.

[3] При этом я допускаю, что с самой печью славяне могли познакомиться самостоятельно и раньше — у римлян или в греческих городах Причерноморья.

[4] „Živ. st. Slov.", I, 746. На Балканах влияние франкского дома относится уже к новому времени (присоединение *собы* к *куче*). Однако это изменение наступило уже в XIX веке.

древнерусское жилище, указывает ряд новых деталей и названий, о которых дальше еще будет речь. Заслугой Карла Рамма является то, что он установил это влияние [1].

Последним большим изменением в плане славянского дома, также начавшимся в конце языческого периода, является присоединение еще одного, то есть третьего, помещения к жилому дому, уже имевшему сени + избу, а именно помещения, которое не имело очага и служило как в качестве хлева и места для хранения необходимых в хозяйстве вещей, так и места для сна, особенно для молодежи и новобрачных. Проблема создания такого помещения древними славянами была разрешена таким путем, что рядом с собственно жилищем строили меньшее помещение, без очага; древнеславянским названием этого помещения была *клеть*[2]. С течением времени эту клеть стали пристраивать к жилищу, но не со стороны избы, а со стороны сеней таким образом, что позднее возникла новая, ставшая основой, трехчленная схема славянского дома, включившего в себя три смежных помещения: *клеть* (позднее называлась *комором*) + *сени* + *изба*.

Первоначально двери в клети делались на любой стороне, но позднее, когда клеть была пристроена к жилищу, в клеть вели двери из сеней. Вскоре клеть была разделена и в горизонтальной плоскости — на два этажа; на верхний этаж можно было взобраться по приставной лестнице. Описанное здесь развитие клети подтверждается большим распространением среди славян аналогичных построек на различных стадиях их развития[3], а также и древними известиями. В частности, на Руси *клеть* засвидетельствована в Киевской летописи под 946 годом, где она упоминается впервые, затем в «Житии св. Феодосия», пандектах Антиоха, ряде других источников XI века и, наконец, в «Русской правде», в которой перечисляются наказания за воровство из клети и т. п.[4] Эти свидетельства показывают, что клеть возле дома служила кладовой, хлевом и жилым помещением и что в ней появился затем верхний этаж для складывания сена и зерна, в то время как другие вещи и скот находились на первом этаже. Верхнее помещение в клети, куда взбирались по приставной лестнице, уже тогда называлось *горницей*[5].

На западе древняя клеть под немецким влиянием потеряла свое славянское название, заменившееся чужеземным, главным образом латино-немецким *kamara*>*kammer*>славянск. *комора*. Только в Чехии и Силезии сохранился местный и древний термин *сруб*.

Полное развитие клеть получила на Руси и на Балканах у сербов, которые, несомненно, строили ее уже в VI и VII веках, когда они пришли на Балканы[6]. Здесь, на Балканском полуострове, и в России она и поныне существует рядом с жилым домом, сохранившись в качестве отдельной постройки (хотя и находящейся с ним под одной крышей). Мы видим, что повсюду клеть является как кладовой, так и холодной избой без очага, специально предназначенной для молодоженов. В Сербии в хозяйствах *задруг* вокруг родной кучи стоит столько клетей[7], называющихся здесь *клет*, *клит*, *клијет*, или также *вајат*, *зграда*, *колиба*, *стаја*, сколько имеется женатых членов *задруги*.

Поэтому не подлежит сомнению, что на Руси и на Балканах уже в X и XI веках у славян имелась специальная постройка без очага и без печи, кото-

[1] На стр. 264 цитированной выше книги.

[2] См. „Živ. st. Slov.“, I, 748. А. Шахматов считал слово клеть заимствованием из кельтского.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 750 и сл.

[4] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 750 и сл.

[5] См. там же, 751.

[6] О них в X веке сообщает и болгарский Козьма Пресвитер (Arkiv za povj. jugoslav., IV, 91). В Литве и Латвии — клети (*klete*) такого же образца и предназначены для тех же целей, что и в соседней России („Živ. st. Slov.“, I, 757).

[7] См. в „Živ. st. Slov.“, I, табл. XLVII — план сербской усадьбы в Ужицком округе.

рая служила кладовой, хлевом и помещением для сна, и что позднее, соединив ее с жилищем (со стороны сеней), славяне превратили клеть в составную его часть. В отношении западных славян мы не располагаем такими древними свидетельствами, но и у них развитие клети, очевидно, было таким же, с той лишь разницей, что как здесь, так и потом на юге, на Балканах, древний термин *клеть* стал исчезать и заменяться другими названиями, а превращение клети в небольшую жилую горницу происходило быстрее. Эта горница в коморе, поскольку в ней не было ни очага, ни печи, всегда была более чистой и светлой, откуда и возникли термины «белая», «светлая» или «небольшая», а также понятие «летней избы», отличавшейся от старой зимней избы — «большой» и «черной». Помимо этих терминов и наиболее часто используемого термина *комора*, историческое развитие славянского жилища вообще приводит к заимствованию и ряда других терминов: на западе — немецких, на юге — греческих и тюркских, однако проследить их здесь не представляется возможным[1]. На севере Руси опять-таки сказалось скандинавское влияние: на сени и клеть, согласно Рамму, перешли названия *чуланъ* и *шолнушъ*[2].

Так я представляю себе возникновение и развитие славянского жилища. Однако типичное древнеславянское жилище было еще не трехчленным (комора — сени — изба), а лишь двухчленным (сени — изба), а клеть, как правило, находилась рядом и была отдельным помещением. О том, что начал появляться и второй этаж, я уже упоминал выше. Так, по крайней мере, было на севере России и в портовых городах балтийских славян[3], где и без чужеземного влияния для постройки этажных домов имелись достаточные основания, так как дома теснились на территории сравнительно небольшого, огороженного валом городища. Однако на Руси, на север от линии Валдай — Вязьма — Калуга — Рязань, мы отмечаем не только горницу в клети, но и появление в доме, без необходимых на то оснований, второго этажа. А поскольку он носит на себе и другие следы скандинавского влияния, например упомянутый уже *шолнушъ*, *чуланъ*, затем *ярус* — этаж, *голбец* — ход в полу, ведущий на первый этаж, *шелом* — конек на крыше, *полати* и *пол* — лавки для сна, К. Рамм полагал, и, как я думаю, вполне обоснованно, что здесь имело место сильное скандинавское влияние, пришедшее, очевидно, со скандинавскими русами в IX и X веках, и что под этим влиянием северорусский дом уже тогда поднялся до второго этажа над низким или более высоким подпольем, в котором помещались хлев и кладовая[4].

Здесь же следовало бы указать, что наряду с частными жилищами уже в конце языческого периода появились и дома общественного назначения, в которых могли расположиться приезжие купцы (гости) и где местные жители могли выпить квасу или медовины. Уже в IX—X веках мы встречаемся с терминами *гостиница*, *господа*, *кърчьма*, соответствующими греческ. ξενοδοχεῖον, πανδοχεῖον, καπηλεῖον, а с XI века существование заведений, где продавались опьяняющие напитки, засвидетельствовано и прямыми известиями. Поскольку при общеизвестном гостеприимстве древних славян всякий приезжий гость мог остановиться и получить угощение в любом доме, возникновение этих домов общественного назначения следует объяснять римским и византийским влиянием, распространявшимся самими купцами. Так, например, русские купцы уже в X веке имели свой гостиный двор в

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, I, 758—771, о коморе — 762 и сл.
[2] „Živ. st. Slov.“, I, 760.
[3] Saxo Gram. (ed. Holder), 577.
[4] K. Rhamm, Altslaw. Haus, 5, 129, 348 („Živ. st. Slov.“, I, 776). Однако происхождение некоторых приведенных им названий не является скандинавским. Во всяком случае, скандинавское происхождение таких терминов, как пол, шелом, полати, является сомнительным. Для представления о типе северорусского двухэтажного дома в Архангельской губернии см. в „Živ. st. Slov.“, I, табл. LI. См. рис. 44.

Константинополе, и такие же дома они, по сообщению Ибн-Фадлана, строили себе в Булгаре на Волге[1]. Не подлежит сомнению, что в корчмах, как только гости напивались, становилось весьма шумно. Поэтому уже в 1039 году под страхом суровых наказаний чешский князь Бржетислав запретил их, а летописец Козьма Пражский (II, 4), одобряя это, отмечает, что «taberna est radix omnium malorum». Один из источников XI века упоминает и о волокитстве за корчмарками[2].

Другим видом домов общественного назначения, в которых собиралась поморянская шляхта для бесед, игр и выпивок, были в Щецине контины (contina), которые описал Герборд (II, 32).

Княжеский дом. Описанное нами выше древнее славянское жилище было обычным жилищем простого крестьянина. Само собой разумеется, что, например, богачи, шляхта, русские бояре и прежде всего, конечно, князья строили дома значительно большего размера с большим количеством помещений, даже если для строительства таких домов они и не приглашали иноземных мастеров, хотя имеются свидетельства и этого.

Такой княжеский дом был, во-первых, значительно больше — у князей было много челяди, дружина и гаремы жен,— кроме этого, в нем было большое число помещений: наряду с основными жилыми помещениями и сенями имелся и ряд других, в которых обычно сельское жилище не нуждалось. Так, в русских дворцах имелись большие хранилища для денег и мехов, большие подвалы, в которых стояли бочки с медом и пивом, ряд клетей для хранения запасов продовольствия, бани, уборные и, наконец, тюрьмы. Сени представляли собой просторное помещение на втором этаже, и входом к ним служила лестница[3]. Особенно большими сенями, предназначенными для пиршества князя и его дружины, была первоначально гридница, упоминаемая в Киевской летописи уже под 996 годом, которая, как показывает само название[4], повидимому, являлась имитацией северогерманских парадных сеней, то есть просторного зала, потолок в котором поддерживался столбами. Подобные специальные сени для пиршеств (stupa, pirale) упоминаются у балтийских славян, например в княжеском дворце в Волине[5]. На западе аналогичным помещением для княжеской челяди, очевидно, была дворьница, так как немцы переняли этот термин уже в средние века, образовав из него древненемецкое *turni*, средневерхненемецк. — *durnitze*, *dörntze*, в Вендланде — *dwarneiz*[6]. Ряд специальных терминов возник и для спальни (*одрина*, *повалуша*, *ложница*, а у восточных и южных славян *чертогъ*, от персидского cârtâk). Для гаремов же строились башни в несколько этажей, так называемые *теремы*, *тремы*. Хотя Г. А. Ильинский и считал этот термин славянским, однако его можно скорее связать с византийским τέρεμνον[7]. Во дворце киевского князя теремной двор упоминается уже под 945 и 980 годами[8]. О банях мы уже говорили выше.

В результате археологических раскопок в некоторых местах были вскрыты древние княжеские дворцы: например, в Чехии — в городах Болеслав, Левы Градец, Либушин, Будчи, Врацлав, в России — в Чернигове, Суздале, Владимире, Новгороде, Киеве и Белгороде. Однако результаты раскопок в Чехии оказались незначительны, а сообщения о раскопках, про-

[1] Лаврентьевская летопись, 31, 48; А. Я. Гаркави, указ. соч., 94.
[2] Подробнее см. об этом в „Živ. st. Slov.“, I, 883 и сл.
[3] Летописные свидетельства см. выше, на стр. 252.
[4] От *гридъ* — скандинавск. grið — член княжеской дружины (Rhamm, Altslaw. Wohnhaus, 417). Позднее гридница в России была позабыта и ее заменили просторные сени.
[5] Herbord, II, 24.
[6] „Živ. st. Slov.“, I, 781.
[7] Там же, 783—785. А. Брюкнер также считает это название славянским (Encyclop. polska, IV, 2, 193). На Балканах *трем* означает пристройку у входа в сени.
[8] ПВЛ, I, 40, 41, 55, 56.

изведенных русскими археологами,— недоступны[1]. Раскопанный лучше других и хорошо описанный княжеский дворец в Абобе у Шумна (Болгария) является памятником болгарско-византийского зодчества IX—X веков и образцом славянских дворцов[2] служить не может.

Свое жилище славяне называли древним индоевропейским и общеславянским словом *домъ*, однако наряду с этим они заимствовали у германцев

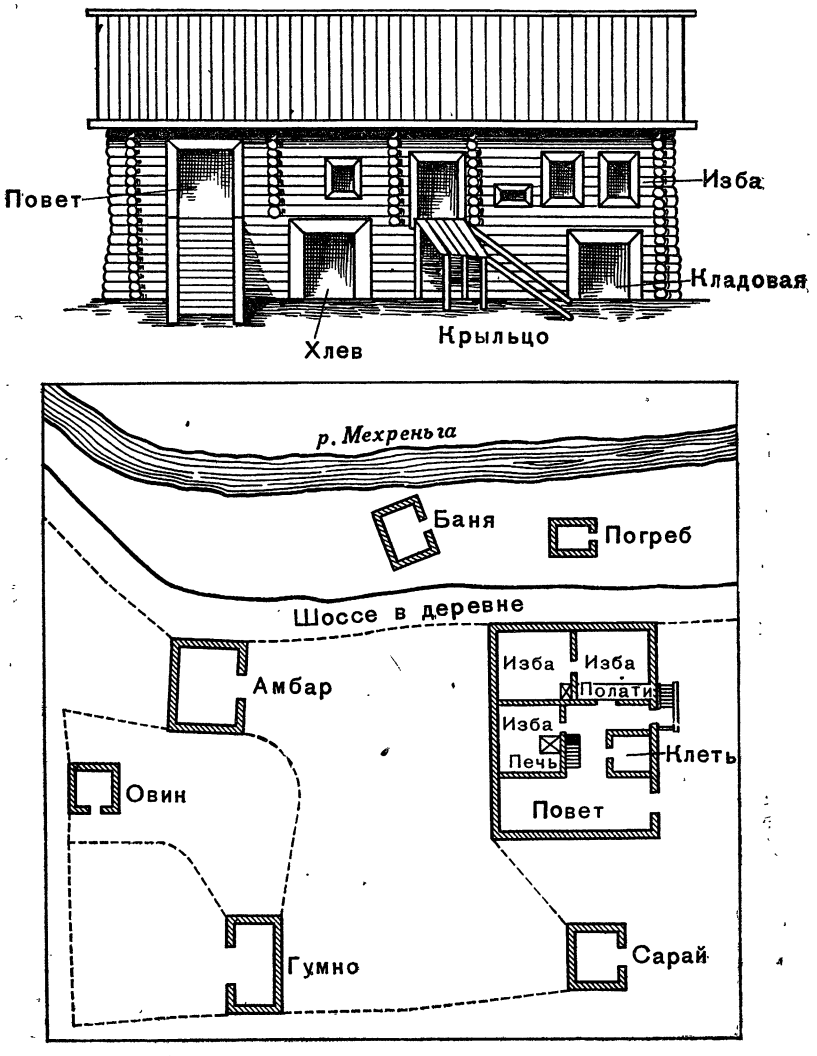

Рис. 44. Эскиз великорусского дома и план усадьбы в Майнеме у Шенкурска в Архангельской губ. (по П. Ефименко).

слово *хызъ*, *хыжа* <*hus*, *buda*<*buode*; *котъ* <*cot*, у иранцев слово *хата*<*kata*, а у греков, причем уже в древний период, слова *колиба* и *халупа* < καλύβη, которые всегда обозначали небольшие домики легкой постройки[3]. Славян-

[1] См. „Živ. st. Slov.", I, 785—787.

[2] См. «Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска». Известия русского археологического Института в Константинополе, т. X, СПБ, 1905.

[3] Более подробно об этих названиях см. в „Živ. st. Slov.", I, 792—797. Славянское *котъ* связывается также с иранским *kata*, так как предполагается, что эти слова возникли параллельно из индоевропейского фонда.

ским термином, который первоначально также означал дом, является старослав. *храмъ*, русск. *хором*, засвидетельствованный уже с конца IX века, а также праславянск. *kǫtja*, древнеболг. *кѫшта*[1]. Не исключено, что последний термин первоначально означал однокамерный славянский дом. В ходе исторического развития первоначальное значение некоторых этих терминов изменилось, сузившись до обозначения одной лишь избы, в то время как понятие «изба» расширилось и в отдельных местностях стало употребляться в значении всего *дома*. В чешском, а также и в русском языках слово «храм» означает теперь церковь, костел.

Двор. Постройки, предназначенные для чисто хозяйственных целей, образовывали вместе с жилым домом *двор* (старославянск. *дворъ*), огороженный либо естественной зеленой изгородью, либо забором, сделанным из жердей или досок (*ограда*, *заграда*, *плотъ*, *оплотъ*), входом в который служили ворота (*врата*).

Уже с древнейших времен обязательной принадлежностью двора были, наряду с жилищем, ямы для хранения зерна, ямы для кухонных отбросов и специальный загон для скота. Остатки таких сооружений доисторического периода можно проследить по всей Центральной Европе. Однако задолго до конца язычества у славян они уже исчезли, и хотя такие ямы в X и XI веках еще и употреблялись для хранения зерна и для отбросов[2] и строились они примерно так же, как и в доисторические времена, однако взамен их в употребление уже вошли наземные кладовые, а также крытые хлевы для скота. Появляются даже крытое гумно и овин для сушки зерна и плодов, и все это уже в качестве самостоятельных построек.

Кладовые строились либо в виде плетенного из прутьев шалаша (*кошъ*), подобно тем, какие еще и теперь встречаются на Балканском полуострове и в русской части Галиции, либо в виде глиняных мазанок, встречались также деревянные из крепко сбитых бревен. В таких кладовых всегда имелись двери, запиравшиеся даже на ключ, свидетельства чего имеются уже в XI веке. Для обозначения этих кладовых в нынешних славянских языках имеется ряд названий, как чисто славянских и локальных, так и заимствованных[3]. С древних времен засвидетельствован термин *житница* (с X века), а для различных отделений внутри строения или для отдельных поставленных там ящиков для зерна — общеславянский термин *сусек* от праславянского *sosekъ*. Последующее развитие житницы было связано как с клетью и западнославянским *срубом* (см. выше, стр. 256), так и с самостоятельным хозяйственным строением, в котором молотили зерно в снопах. Место, в котором обмолачивали зерно, так называемое *гумьно*, первоначально находилось на дворе под открытым небом, однако поскольку необмолоченный хлеб также нуждался в укрытии от дождя, наряду с гумном очень скоро появился и навес, под которым, естественно, начали хранить и обмолоченное зерно. Так, житница образовала с гумном одно целое, в результате чего возникло строение, на которое перешло, с одной стороны, старое название *гумно*, а с другой — немецкое название *stadal* (из которого образовалось чешское stodola) или *scheune* (словинское и хорватское *skedenj*, *škadanj*). Такие строения наряду с током (*horreum*) упоминают латинские источники XII века[4].

Хлев для содержания крупного рогатого скота первоначально представлял собой повсюду простой загон без крыши. Однако суровая зима в славянских землях заставляла прибегать к более серьезным мерам для за-

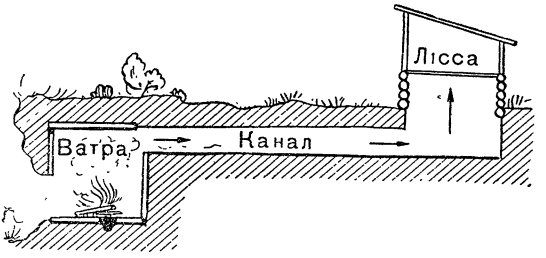
[1] Не относится ли сюда и *contínae* поморских славян (Herbord, II, 32)?

[2] Такие обожженные ямы для хранения зерна удержались и поныне, например, в сербском Банате и в Болгарии. В древнее время о них свидетельствуют Маврикий (Strat., XI, 5). Гельмольд (II, 13) и „Русская правда".

[3] См. „Živ. st. Slov.", I, 800 и сл.

[4] „Živ. st. Slov.", I, 807. *Stodola* упоминается в силезской грамоте князя Болеслава II от 1244 года.

щиты скота от холода и непогоды, что и привело к строительству специального деревянного здания с наглухо заделанными стенами и кровлей над ними. Общеславянский термин для такого строения — *хлев* — перенят от готского hlija (σκήνη) или от *hlaiw* (τάφος), и весьма вероятно, что обычай строить рядом с жилищем и специальный навес для скота возник под германским влиянием. Однако первоначально славянское *хлевина* означало жилье для людей вообще и помещение для скота[1].

Р и с. 45. Гуцульская сушильня (по Шухевичу).

Важным и интересным по своей конструкции сооружением была сушильня для зерна и, очевидно, также и для плодов, называвшаяся в древней Руси, да и в других местах *овин*. Влажный хлеб, а повидимому, и плоды складывали внутри овина на щиты из плетеных прутьев, под которыми разжигался огонь, которому еще в XII веке простой народ возносил языческие молитвы[2]. Я уверен, что конструкция овина в общем была такой же, как и устройство примитивных приспособлений для сушки снопов, какие еще встречаются в России. Они представляют собою яму для разведения огня, над которой возводится примитивное деревянное строение, в котором крестьяне и теперь охотно сидят и спят у огня.

Последней известной нам самостоятельной деталью славянской усадьбы является *одрина*, засвидетельствованная в древней Руси с X века. Скорее всего это было наземное строение, какой-то навес, под которым складывали сено, а то и спали, вследствие чего термин *одрина* и *одр* позднее перешел в России на спальню и ложе. Первоначальное его значение таким не могло быть, так как нельзя предполагать, что в конце языческого периода у славян уже были отдельные спальни, если только одрину не отождествлять с клетью. Этимологически слово *одр*, по всей вероятности, скандинавского происхождения и указывает на какое-то наземное деревянное сооружение[3].

Внутри двора в удобных местах выкапывались колодцы, обкладывавшиеся бревнами. Такие четырехгранные колодцы глубиной до 15 *м*, относящиеся ко времени княжения великого князя Владимира, были найдены в Старой Ладоге и Белгородке. Наряду со славянским термином *студенець* уже в древнейших источниках появляется и термин готского происхождения *кладезь*, *кладеньць* (от kaldinga).

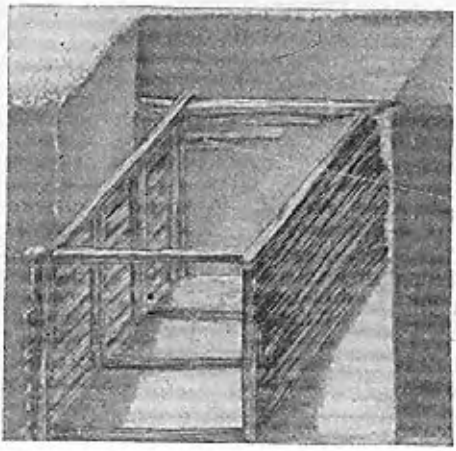
Строительное искусство и внутреннее устройство дома. О строительном искусстве славян и отдельных деталях описанных здесь построек, датируе-

[1] Оба значения засвидетельствованы уже с X века в древнейших переводах священного писания и у Козьмы, пресвитера болгарского. См. „Živ. st. Slov.“, I, 808. Другим древним славянским термином для обозначения загона для скота является *staja* (стая) от *stati* (стоять) и специальный термин *скотница* (от *скотъ*).

[2] Об этом свидетельствует Устав князя Всеволода (1125—1136), а также другие более поздние русские нравоучительные сборники. См. „Živ. st. Slov.“, I, 811.

[3] В Киевской летописи под 946 годом рассказывается, что в городе древлян горели голубятни, клети и одрины. Здесь же впервые упомянута и голубятня. Об этимологии слова *одр* см. далее, на стр. 267.

мых периодом, предшествовавшим XI веку, мы знаем очень мало. Природные условия, в которых приходилось жить тем или иным славянским племенам, определили и характер строительного материала, использовавшегося в строительстве. Таким могли быть только глина, из которой возводились стены, и прутья и тонкие жерди, оштукатуренные глиной[1], или деревянные бревна, которые, как показывают остатки деревянных сооружений, раскопанных В. Хвойко в Киеве и Белгородке, путем особой рубки крепко соединялись друг с другом. Способы соединения бревен между собой были различны, и я полагаю, что сейчас еще преждевременно решать, какой из них

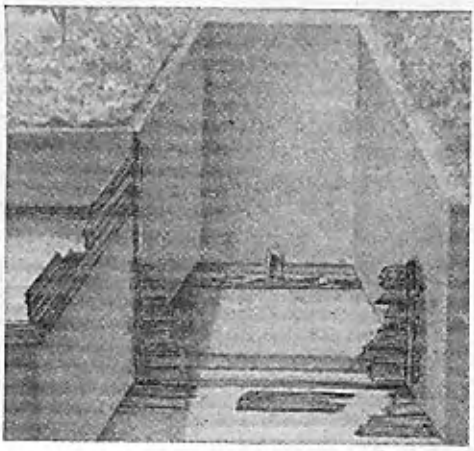

Рис. 46 и 47. Остатки деревянных стен в жилищах, вскрытых в Киеве в усадьбе Петровского (по чертежам В. Хвойко).

по своему происхождению был славянским, а какой германским, перенесенным к славянам[2]. В общем бесспорно, что конструкция *сруба*, то есть строения из ровных бревен, скрепленных между собой по углам по способу, называемому «в угол», является у славян весьма древним. Окна при этом были, разумеется, небольшими и представляли собой лишь несколько расширенные между бревнами щели. Интересно, что этимологически древнеславянское слово *окно* связано со словом *око*. Только в княжеских дворцах, о чем свидетельствуют дворец в Абобе и древнейший княжеский дворец в Киеве, уже в X веке окна были не только большими, но даже застекленными зеленоватым стеклом, импортировавшимся из Византии или Италии[3]. Двери уже в конце языческого периода запирались либо на засов, либо даже на замок, снабженный ключом[4]. Таких ключей и замков (*ключь*, *замъкъ*) найдено много, и они обычно являются имитацией римских образцов.

Крыша (древнеславянск. *стреха*) всегда была достаточно отвесной, что объясняется климатическими условиями и стремлением не дать удержаться на ней обильно выпадающему снегу и дождям. Такие отвесные крыши упо-

[1] Такую постройку упоминает Гельмольд у славян на Балтийском море (Helmold, II, 13: casas de virgulis contextunt). Для глиняных построек у славян был термин *зьдати* (отсюда зьдь, чешское zed' — стена из глины).

[2] Об этом см. в „Živ. st. Slov.", I, 822.

[3] „Živ. st. Slov.", I, 833.

[4] Хотя Герборд и говорит (II, 41), что поморские славяне не знали замков и имущество свое не запирали, доверяя друг другу, однако это нельзя обобщать. На Руси этого не было, о чем свидетельствуют современные русские законы и другие известия о житницах, а также упомянутые находки ключей и замков, в частности, в могилах и русских жилищах X—XII веков („Živ. st. Slov.", I, 838).

минает уже Ибн-Русте в X веке. Детали конструкции крыши имеют древнюю общеславянскую номенклатуру[1]; покрывались крыши дерном или соломой.

Следует полагать, что для древних славянских селищ, городищ и городов типичными были деревянные постройки[2]. Каменные постройки славянам вплоть до X века вообще не были известны, если не считать те южные племена, которые в VI веке проникли на Балканы и к границам Италии и видели перед собой образцы римских и византийских построек. Отсюда же уже позднее, в IX веке, каменные постройки начали проникать дальше на север, где поэтому они назывались *opus romanum*. Естественно, что этот новый способ строительства был использован прежде всего для возведения выдающихся и дорогих построек, для строительства христианских храмов и княжеских замков, свидетельства чего мы имеем в Киеве времени княжения Владимира и в Болгарии в начале X века в замке у Абобы, поблизости Шумны. Так же было и в Чехии. И хотя во второй половине X века Ибрагим Ибн-Якуб был поражен видом Праги, построенной из камня[3], строительство стены из камня, скреплявшегося известью, являлось незадолго до этого чем-то совершенно новым, что видно из сообщения Козьмы Пражского, указывающего, что в 932 году народ отказывался возводить каменную стену *opere romano* вокруг замка Болеслава и кричал на князя: «Мы не умеем и не хотим, так как отцы наши ничего подобного не делали»[4]. Знакомство с постройками из камня, повидимому, пришло вместе с христианством, когда св. Вацлав призвал из других стран для строительства пражского храма «artifices lapidum»[5]. Повидимому, у западных и восточных славян так было повсюду; всюду приходили чужеземные строители и рабочие и учили новому зодчеству[6] из камня. И не удивительно, что с ними пришли и некоторые новые специфичные для каменного зодчества термины, в частности *стена* (ср. скандинавское *sten*, готск. *steins*) и *cihla* (кирпич) от лат. *tegula*[7]. До этого древние славяне строили из камня в лучшем случае лишь фундаменты, складывая камни насухо или скрепляя их глиной, но не известью.

Во внутреннем устройстве дома наибольшее значение имел очаг, точнее печь. Печь отличается от предшествовавшего ей открытого очага тем, что в ней огонь горит на приподнятом выступе под построенным над ним глиняным сводом, который, нагреваясь, не только сохраняет тепло внутри печи, благодаря чему она может служить для выпечки хлеба и других изделий, но и отдает тепло наружу, обогревая все помещение равномернее и дольше, чем открытый очаг. Такая печь появляется в древней славянской избе русского и западно-славянского дома начиная с IX века, а поскольку вместе с ней одновременно выступает и само название изба, перенятое от германск. stube (см. выше, стр. 254), то вполне естественно, что славяне как избу, так и характерное устройство для ее обогревания, то есть печь, переняли на западе у германцев, к которым она пришла из Рима. Однако вопрос этот не так ясен, как кажется на первый взгляд. В частности, бросается в глаза то

[1] „Živ. st. Slov.“, I, 825—826.

[2] См. Herbord, II, 24, III, 30 (о Руяне и Юлине), Козьма Пражский, III, 40, 45 (о Кладском районе и Вышеграде), Leon Diacon, VIII, 7 (о Пржеславе). Здесь же следует упомянуть, что в городе Коренице на Руяне, по сообщению Саксона Грамматика (ed. Holder, 577), строились *даже* четырехэтажные дома.

[3] Ibrâhîm (ed. Westberg), 53. Каменные постройки в Киеве упоминаются в Киевской летописи под 945, 989 годами; о них свидетельствуют и новые раскопки. Первое каменное укрепление засвидетельствовано на Руси в 1044 году внутри детинца в Великом Новгороде (Полное собрание русских летописей, III, 211).

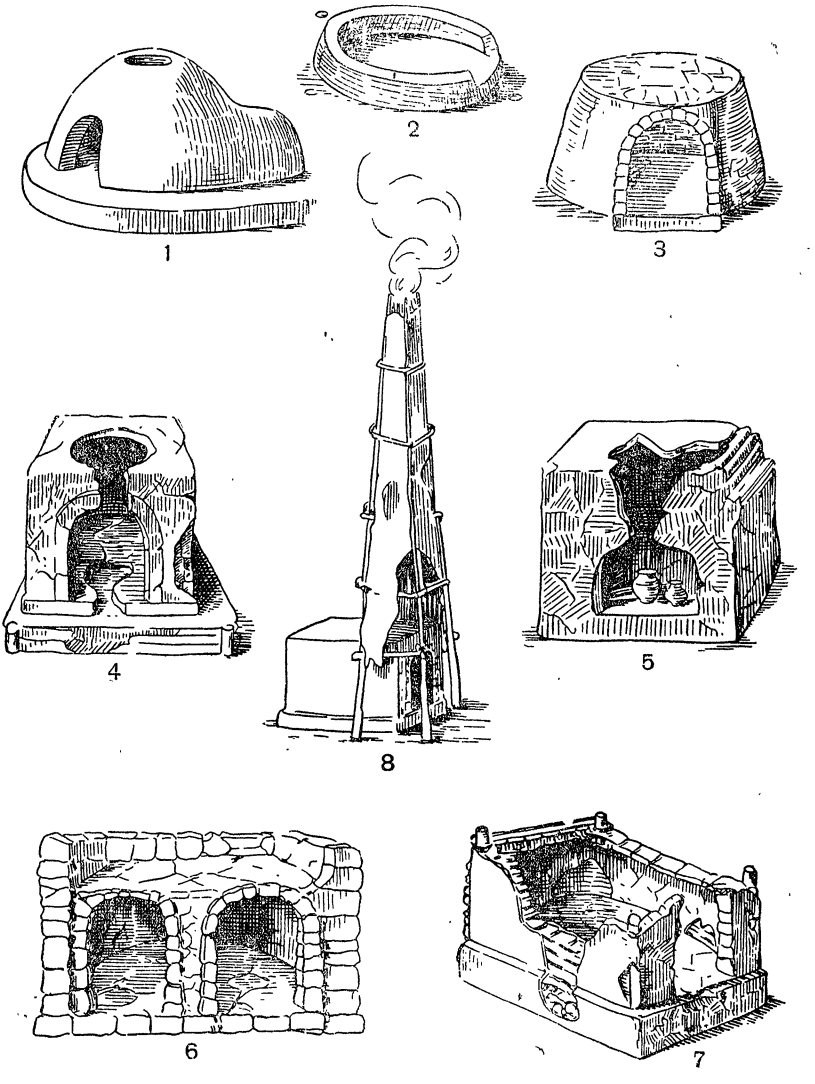
[4] Kosmas, I, 19.

[5] Легенда Oportet nos fratres (ed. Pekař), 403.

[6] Так было в Киеве в 989 году (Лаврентьевская летопись); в замке хорватского князя Людевита в 820 году (Annales Einhardi, 820, 821); в усадьбе Прибина в Паннонии в 850 году (Conversio Bag. et Corant. 11).

[7] „Živ. st. Slov.“, I, 824, 831. Термин „стена“ засвидетельствован уже в X веке.

обстоятельство, что наряду с германской «избой» у славян для обозначения печи был и свой древний термин *печь*, *пешть* от слова *пешти*[1]. И весьма возможно, что будущими находками, например в России или Польше, будет доказано, что печь была и в славянских жилищах задолго до X века, из чего

Р и с. 48. Русские очаги и печи IX—XII вв. (по Макаренко и В. Хвойко).
1 — Монастырище (Полтавская губ.); *2, 3, 7*—усадьба Петров кого (Киев); *4*—Витичево (Киевская губ.); *5*—Белгородка; *6*—Конунча (Канев); *8*— реконструкция печи и дымохода, произведенная В. Хвойко.

мы должны будем сделать вывод, что она перешла к славянам непосредственно от римлян и греков еще до того, как славянам стала известна герман. *stube* с печью, и до того, как они переняли последнюю. Первая печь, с которой познакомились славяне, служила, вероятно, не для обогревания избы,

[1] Этот термин засвидетельствован уже в IX веке в легенде о св. Мефодии, а затем у Козьмы, пресвитера болгарского („Živ. st. Slov.“, I, 845).

а для выпечки хлеба[1] (отсюда и ее славянское название!). Однако все это вопросы, на которые нельзя дать ответ до тех пор, пока в нашем распоряжении не будет более точно датированного археологического материала.

Каркас печи часто был деревянным, но для того, чтобы дерево не загорелось от огня (хотя это все же случалось), его обмазывали глиной. Верхняя часть печи[2], как это видно по археологическим находкам в России, где засвидетельствован и общеславянский термин печного отверстия — устье, имела шарообразную или конусообразную форму или же делалась в форме четырехгранного ящика. Первоначально огонь разводился в избе перед печью, и лишь позднее под франкским влиянием очаг для приготовления пищи был перенесен в сени, а оттуда через печное отверстие *огонь разводился* и в печи, помещавшейся в избе. Древний тип очага и печи в избе удержался и до сих пор в примитивных хижинах карпатских горцев, а также в Польше и в России[3]. Одна лишь древняя южно-славянская *куча* не имеет печи, и внутри нее находится только очаг, что дает основание предполагать, что южные славяне ушли с севера на юг еще до того, как там появилась печь. Уходя в I—V веках на юг, они на своей родине еще не знали печи, и поэтому я думаю, что печь у славян Прикарпатья получила широкое распространение лишь после IV века н. э., когда большая часть южной ветви славян уже была на Дунае. В отдельных случаях печь появляется и раньше за Вартой и за Карпатами, однако широкое распространение она едва ли получила ранее V века. Поэтому я пока не вижу оснований, как это делает К. Рамм, считать славянскую печь более древней, чем это указывалось выше.

Появление печи вело, вероятно, и к тому, что для славян типичным стало приготовление пищи в горшках, ставившихся у огня, а типичный для северных германцев способ приготовления пищи в котлах, подвешенных над огнем, исчез (хотя, разумеется, и не полностью). Отсюда также и древнее готское название *котел* (славянское *котьлъ*), которое, по всей вероятности, перешло к славянам (готск. *katils*). Огонь разжигался при помощи кремня и огнива. Форма славянского огнива в конце языческого периода хорошо известна благодаря многочисленным находкам в могилах, относящихся к этому времени, но читателей, интересующихся этим вопросом, я вынужден отослать к моей работе «Жизнь древних славян»[4], где указано также, чем первоначально отличались от них огнива восточных кочевников, найденные в большом количестве в Южной Руси и Венгрии и имеющие, как правило, форму металлического, иногда граненого «О». Однако позднее и эта форма перешла к славянам. Первоначальное его славянское название было *кресило*, *кресало* от слова *кресати*.

Освещение избы, помимо огня от печи, обеспечивалось также горящим тростником и деревянными щепками, называвшимися *лучь*. Древним предметом является и восковая *свеча* (*светя*), засвидетельствованная в X веке[5]. У богатых людей были, разумеется, и масляные лампы, заимствованные у Византии или Италии.

[1] Печи для выпечки хлеба наряду с жилищами римской эпохи найдены, например, в Подбабе у Праги („Živ. st. Slov.“, I, 843), у Ярочина и Кистржина (Praehist. Zs., VI, 303; Przegląd arch., 1919, 143), и, таким образом, не подлежит сомнению, что печь была известна в I—IV веках н. э. далеко на севере, за Дунаем. Находки В. В. Хвойко у Летичева в Подолии также указывают на II—IV века. На это же указывает и печь, раскопанная в Лепесовце у Кременца (Известия археологической комиссии, XXIX, 57). Неизвестно, однако, являются ли эти находки славянскими.

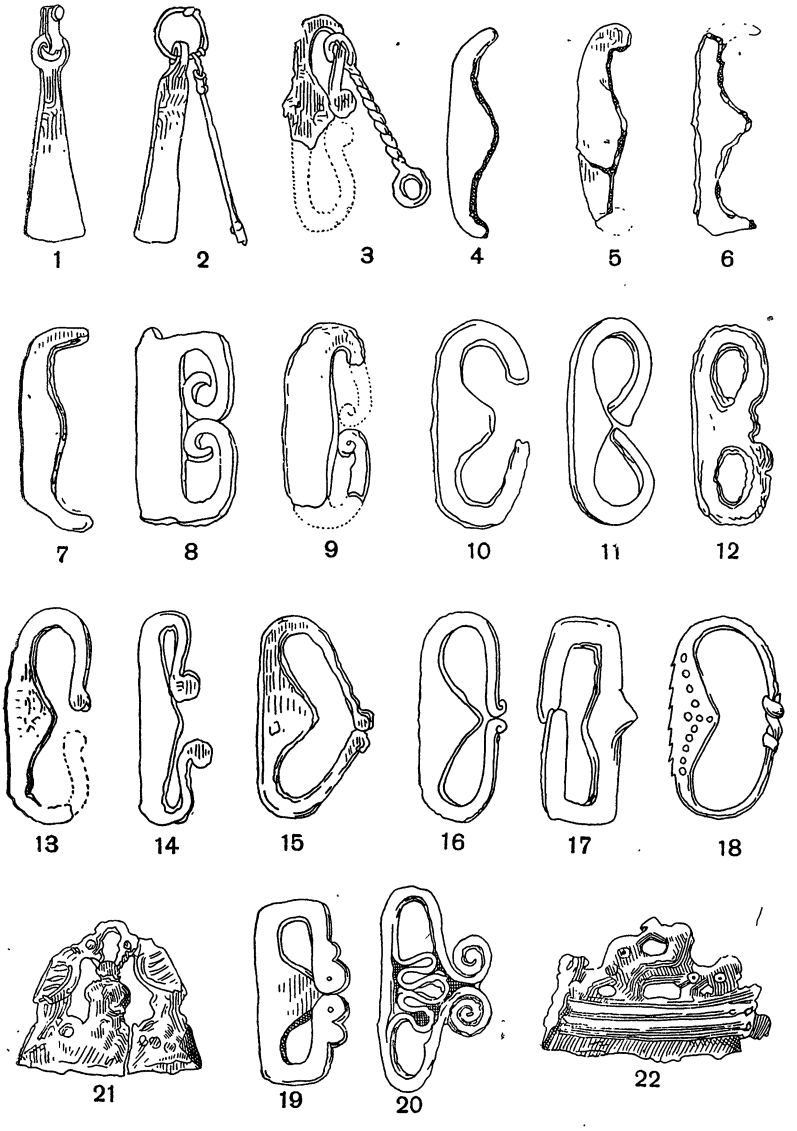
[2] Эта часть делалась из кирпичей. Свод, сделанный из обожженных кирпичей, германцы переняли из Италии и при этом довольно рано, еще до VI века. Однако когда подобное устройство печи перешло к славянам, сказать трудно; повидимому, это произошло значительно позднее.

[3] „Živ. st. Slov.“, I, 848.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 866 (в Man. II, 122 о котле не упоминается).

[5] Полабские славяне сдавали воск для свечей в качестве дани уже в IX веке. См. „Capitul. de villis“ Карла Великого, 59, 62.

В остальном внутреннее устройство избы нам известно очень мало. Если в ней и был стол, то первоначально он представлял собой низко положенную доску, вокруг которой усаживались обедавшие. Стол на высоких ножках

Р и с. 49. Огнива.

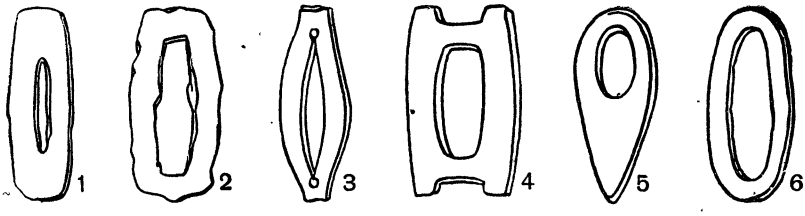
1 — Тржебичка у Добржихова; *2, 3, 14* — Приладожье; *4*—Вид (Далмация); *5, 9* — Цико (Тольна); *6* — Раб; *7, 13* — Михельдорф на Кремзе; *8, 11*—Верхний Неман; *10* — Мала Добра (Земилин); *12* — Бодрогвеч; *15* — Пилин; *16, 17, 19, 20, 22* — Гнездово (близ Смоленска); *18* — Лейссовский млын над Одрой; *21* — Киев.

является уже более поздним изобретением[1]. Распространены были и скамейки (славянск. *лава*), использовавшиеся для сиденья и сна, затем сундуки для вещей, а местами и специальное, сколоченное из брусьев *ложе*[2], для обо-

[1] В богатых домах князей и бояр высокий стол имелся уже в XI веке, в Болгарии еще раньше („Živ. st. Slov.", I, 879). Об истории стола у славян см. Мурко, Gesch. d. Hauses, III, 120.

[2] Наряду с общеславянским термином *ложе* (от слова *лежати*) уже в X веке появляется и термин *постель, постеля* от *стьлати*. На ложе наряду со шкурами животных и рогожками клались и подушки из перьев.

значения которого сохранились интересные древние русские названия, пришедшие к славянам из других стран и свидетельствующие, что специальные деревянные ложа для сна славяне видели как у германцев, так и в греческих домах. Название *одръ* истолковывается как заимствование скандинавск. *etar*[1]. По мнению Рамма, и украинский *полъ* является не чем иным, как скандинавским *pallr*, означавшим нечто для лежания в stube, в отличие от которого великорусские *полати*, имевшие то же значение, являются явным изменением греческ. παλάτιον, которое в различных значениях проникло к южным и восточным славянам. Также и русская *кровать* еще в древности

Р и с. 50. Огнива восточных типов.
1 — Андреевка; *2* — Гдов; *3,4* — Черная Русь; *5* — Венгрия; *6* — Петроград.

была перенята от греческ. κραββάτιον. Термин *одръ* появляется уже в древнейших литературных памятниках[2] раньше, чем *пол* и *полати*, однако в древнем происхождении этих терминов сомневаться не приходится; можно скорее усомниться в том, является ли скандинавским по своему происхождению термин «пол».

Полы в домах делались из утрамбованной глины. Только в богатых домах пол покрывался деревянными досками (dolga) или даже плитками. Плитки, покрытые глянцевитым сплавом, В. В. Хвойко нашел в Белгородке не только в храме св. Апостолов, но и в одном частном доме, а также и на городище у Шаргорода. Образцы таких плиток были занесены с юга или Востока, однако уже в XI веке они имитировались в Киеве. Наконец, и стены дома как внутри, так и снаружи разрисовывались узорами и красками, следы которых были найдены, например, в России.

[1] См. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, 640—641, М., 1910—1916.
[2] „Živ. st. Slov.“, I, 873.

Глава VI

РЕЛИГИЯ, ВЕРА И КУЛЬТ

Нельзя отрицать, что славяне в конце языческого периода, подобно другим индоевропейским народам, поднялись с низшей ступени демонологии, связанной с магией, к высшим формам религии. Однако нам об этом известно очень мало. То, что мы знаем,— это главным образом богатейший мир низших духов, который окружал славянина, и весьма распространенная магия как единственная форма общения человека с духами. Этот мир духов и магия лежали в основе религиозного мировоззрения славян с древнейших времен и до конца языческого периода. Наряду с верой в мир демонов появляются и представления о существах высшего порядка в более широком значении, наделенных атрибутами высшей власти, вплоть до первичных представлений об одном возвышающемся над другими боге. Однако наличие подобных представлений с полной достоверностью не подтверждается источниками; можно говорить лишь в отношении некоторых славянских народов, причем и в этих случаях знания наши настолько скудны, что в действительный смысл их представлений мы глубоко проникнуть не можем. Что же касается остальных славянских народов, то здесь нам вообще ничего не известно. Более того, даже то немногое, что нам известно, подверглось в последнее время критике некоторых современных мифологов[1], отрицающих достоверность этих знаний и поставивших под сомнение существование других, до сих пор признававшихся членов славянского Олимпа, так что из всей системы славянских богов остается, собственно, лишь несколько божественных фигур, к тому же отчасти заимствованных и по своему происхождению неславянских.

В целом, сравнивая славянскую культуру в период, непосредственно предшествовавший принятию христианства, с культурой соседних и родственных славянам народов, я в самом принципе не могу допустить, что славяне — единственный из индоевропейских народов — до такой степени отстали в развитии своего религиозного мировоззрения, что вообще не поднялись до высших понятий и представлений о какой-либо системе богов и не имели соответствующих им храмов и обрядов. Оглядывая мысленным взором вершины славянской культуры, я полностью исключаю возможность такого положения.

Но, с другой стороны, мы должны признать, что источники вообще умалчивают о верованиях некоторых славянских народов, о других же дают нам столь незначительные и искаженные сведения[2], что картина славянского

[1] Я имею в виду прежде всего Ал. Брюкнера, который в своем отрицании пошел дальше других [см. Encyclopedie polska (IV, 2, 149, 1912), Mitologja słowiańska (Kraków, 1918), Mitologja polska (Krakow, 1924) и статью „Mithologische Thesen" (Archiv für slav. Philologie, 1925, 1—2), которую я, однако, не мог использовать]. Другие, как, например, С. Рожнецкий, Е. Аничков, В. Мансикка, А. Погодин, выступают более умеренно.

[2] Обзор источников по славянской мифологии см. в „Živ. st. Slov.", II, 7—17; об источниках по древней Руси лучше всего см. в работе В. Мансикки, Religion der Ostslaven, I, Quellen. Обзор работ о мифологии см. „Živ. st. Slov.", II, 281—288. Из наиболее важных общих работ последних лет следует привести следующие: I. Máchal, Nákres slov. bajeslovi (Praha, 1891), L. Leger, La mythologie slave (Paris, 1901) и упо-

Олимпа — если отбросить недостоверные и спорные известия — является все же весьма бедной. Эту бедность нельзя отнести лишь за счет того, что источники случайно умолчали об этом, и следует признать, что славяне как и в некоторых других областях культуры, так и главным образом в развитии религиозного мировоззрения сравнительно отстали и не дошли до столь развитой системы богов, какая была у родственных им народов, находившихся под большим влиянием религиозных центров Востока вследствие большой близости к ним. Таким образом, языческая религия славян, несомненно, более бедна, чем греческая, иранская, римская, кельтская или даже германская. Она представляет собой примитивную, но богатую демонологию, причем уже в период общеславянского единства из нее стали выделяться и возвышаться над другими отдельные существа, наделенные функциями индивидуальных богов, которые к концу языческого периода, по крайней мере в землях, подвергавшихся чужеземным влияниям, создали в совокупности уже настоящие локальные системы богов с соответствующей иерархией, храмами и культом.

Демонология

Наши сведения о древней языческой демонологии славян, помимо некоторых свидетельств из древних хроник, мы черпаем главным образом из двух источников: 1) из древней апологетической литературы, выступавшей против остатков язычества, и 2) из весьма многочисленных пережитков, которые в течение последнего столетия были обнаружены у всех славянских народов.

Приняв христианство в основном в IX и X веках, а кое-где еще позднее[1], славяне, естественно, сразу же добрыми христианами не стали. Древнеязыческие верования удерживались еще долго и упорно, так что церковь повсюду вынуждена была бороться как с ними, так и вообще с тем, что на Руси называлось «двоеверием». Мы располагаем несколькими ценными свидетельствами этого и на западе, и на юге, но больше всего они имеются в древней Руси XI—XIII веков — это различные «Слова», «Заповеди», «Поучения», «Жития» (не говоря уже о более поздних). Из этих источников мы можем узнать лучше всего, каким было язычество, его обряды и культы[2]. Это

мянутую уже книгу А. Брюкнера. Важна также статья Е. Аничкова о последних работах, касающихся славянской мифологии, помещенная в журнале „Slavia“, II (1923), 527, и критическая статья V. Jagić e, Zur slavischen Mythologie „Archiv für slav. Philologie“, XXXVII, 1920, 492.

[1] Раньше всех других, уже в VII—IX веках, приняли христианство южные славяне, именно словинцы, заселявшие альпийские земли, затем в тот же период приняли христианство хорваты и сербы. Болгарский князь Борис был крещен в 864 году, а вскоре после него принял христианство и подвластный ему народ. Однако еще в XI веке в Родопе и, бесспорно, в других горских местностях жили язычники. В Чехии и Моравии славяне начали принимать христианство под влиянием апостолов Константина и Мефодия, пришедших в 863 году (хотя христианство стало проникать в Чехию еще до этого из Ржезно). В Польше князь Мешко крестился в 965 году. В грамоте от 864 года славяне на Майне упоминаются как „populus noviter ad christianitatem conversus“. Однако у полабских и поморских славян язычество сохранялось еще долго, пока в XI и XII веках его не удалось искоренить. Долго удерживалось язычество и в России. Когда Владимир в 988 году принял в Киеве христианство, вместе с ним крестилась и его дружина, а вслед за ними относительно скоро христианство приняли не только жители Киева, но и вся полянская земля. За Киевом вскоре последовали и другие племенные центры: Чернигов, Смоленск, Новгород, Псков, Ладога. Однако на другие русские племена христианство не распространилось, и из Киевской летописи мы знаем, что вятичи, радимичи и некоторые другие племена еще в конце XI и начале XII века оставались языческими. Даже в XIII—XV веках во внутренней славянской Руси были еще языческие области, а в окрестностях Новгорода — даже в XVI веке. См. „Živ. st. Slov.“, I, 231—236, II, 264.

[2] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, II, 1, 9—12.

исключительно ценные источники, собранные главным образом Е. В. Аничковым и В. Мансиккой, которым принадлежит и главная заслуга в определении их достоверности и древности[1].

Исключительное значение для восстановления картины древней языческой религии имеет также славянский фольклор, но, к сожалению, до сих пор нет работы, в которой содержался бы необходимый анализ фольклорного материала и выводы, что́ в этих материалах является древним, языческим, а что́, например в культах, возникло позднее или пришло позднее со стороны. Тем не менее фольклорный материал дополняется упомянутыми выше источниками настолько весомо, что значительную часть современной славянской демонологии мы можем отнести к языческому периоду и дополнить ее древними источниками. Мы знаем, что и теперь народные верования остаются такими же, какими они были тысячу лет назад, а признав их общий древний характер, мы вправе и отдельные явления, случайно не нашедшие подтверждения в древнейших источниках, считать древними, языческими.

Оба упомянутых выше вида источников дают нам неограниченное количество свидетельств того, что славяне одухотворяли силы окружавшей их природы. Первым и наиболее древним является свидетельство Прокопия, источника столь важного для изучения славянской мифологии, что я в примечании привожу его in extenso[2]. Свидетельство Прокопия показывает, что славяне, вторгшиеся в VI веке на Балканы, а это были славяне южные и восточные (анты), наряду с главным богом, о котором речь еще будет впереди, поклонялись лесным, водяным и другим демонам, приносили им жертвы и при этих жертвоприношениях гадали. Сообщение Прокопия, относящееся к VI веку, спустя несколько столетий подтвердил целый ряд источников, возникших на Руси, в Болгарии, Польше, Чехии и у балтийских славян, постоянно упоминающих, что славяне поклоняются камням и горам, источникам, озерам, кустам и деревьям, целым рощам, а также четвероногим зверям и птицам и, наконец, огню, звездам, месяцу и солнцу[3]. Все это, будь то деревья, источники или горы, они чтили не потому, что это были предметы мертвой природы, а потому, что одухотворяли их. Славяне вкладывали в них представления о живых существах — духах[4], которых почитали и которых поэтому в случаях необходимости просили о помощи; их же они и благодарили и в то же время боялись, стараясь отвратить от себя их влияние.

Большинство этих демонов, как мне кажется, бесспорно относится к категории душ умерших предков[5], но наряду с ними имеется и ряд других демонов, которых к этой категории отнести нельзя,— их происхождение мы можем объяснить лишь непосредственно, либо косвенно привнесенным ани-

[1] Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, СПБ, 1914; V. I. Mansikka, Die Religion der Ostslaven, I, Quellen, Helsingfors, 1921. С работой Н. М. Гальковского „Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси“ (Харьков, 1916) мне познакомиться не удалось.

[2] Procop., III, 14. „Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу; и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания“.

[3] Свидетельства см. в „Živ. st. Slov.“, II, 27—30.

[4] Первоначальный славянский термин, соответствующий греческому δαιμόνιον, нам неизвестен. В конце языческого периода им, видимо, был славянский *дивъ* или *бесъ*. Ныне *бес* означает злое существо, христианского дьявола, но первоначально, как об этом свидетельствуют древние источники, языческие *бесы* были вообще богами. Слово „дивъ“ индоевропейского происхождения. Ср. иранск. *div*, zend. *daeva*, ind. *deva*, лат. *divus*, латышск. *deive*, литовск. *devas*.

[5] См. „Živ. st. Slov.“, II, 31, 34 и сл.

мизмом. К ним, в частности, относятся существа, олицетворяющие небесные тела и явления природы, например гром и молния, ветер, дождь и огонь. Я убежден, что солнце или молния своим действием вызывали в душе примитивного праславянина непосредственное представление о духе, выступающем в этих явлениях в качестве агента, соответственно духу в человеческом или животном теле, и что для создания такого представления не было необходимости первоначально связывать эти явления с верой в умершие души предков; во всяком случае, в славянской религии свидетельств этого не имеется.

Главная и наиболее многочисленная группа славянских демонов по своему происхождению это, несомненно, души предков, которые с течением времени из ближайшего окружения человека были перенесены в другие предназначенные им места и наделены определенными функциями. О том, что славяне верили в загробную жизнь души, мы знаем не только per analogiam с другими народами, но и непосредственно по ряду свидетельств древних источников и множеству сохранившихся до настоящего времени пережитков, связанных с древними верованиями. В пользу этого говорит весь сложный похоронный обряд, с основными чертами которого мы выше уже познакомились, затем сохранившиеся пережитки, проанализированные уже в новейшее время А. Фишером[1] у славян и, в частности, у поляков. Это — принесение в жертву женщин, юношей, коней и собак, обычай класть еду в могилу, тризна, а также ряд древних, сохранившихся по настоящее время поверий об уходе души из дому и возвращении ее обратно (вампиризм), об участии души в пиршествах и попойках в честь умерших предков, о приготовлении бани для предков и т. п. Помимо этого, под 1092 годом у чешского хрониста Козьмы Пражского (III, I) имеется ряд прямых указаний, относящихся к древнему периоду и касающихся веры в бессмертие души. О вере в загробную жизнь свидетельствуют также и древние славянские представления о *нави* и *рае*. *Навь* означает покойника и местопребывание умерших[2], а также и рай (соответствует греческ. παράδεισος), представление о котором как о месте обитания души умерших, по всей вероятности, существовало уже в языческий период[3].

Таким образом, хотя Титмар в XI веке и писал: «Sclavi, qui cum morte temporali omnia putant finiri» (I, 7), его суждение настолько противоречит самой сущности религиозного мировоззрения славян, что мы не можем считать его правильным и верно освещающим эту сторону язычества славян. Титмар, очевидно, хотел с точки зрения христианина сказать, что славяне не имели представления о христианском воскрешении и расплате за добрые и дурные поступки повседневной жизни, о чем, впрочем, говорит и начало его главы: «Ut nullus Christo fidelium de futura mortuorum resurrectione diffidat», которое и объясняет его последующее «Sclavi putant omnia finiri».

Из этой веры в загробную жизнь возникла у славян и вера в загробное существование предков и связанное с этим их почитание (manismus). Этот культ также засвидетельствован, особенно у балтийских славян[4], большим количеством древних источников. В отношении чехов о нем свидетельствует

[1] A. Fischer, Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego, Львов, 1921.

[2] Отсюда польский хронист XV века Длугош создал сам (если только этого не было в использованном им источнике) польского бога *Nyi, Nyja*, который по другим данным не известен (ed. Przedziecki, I, 47).

[3] Более подробно о представлениях славян относительно рая мы не можем сказать. Относящееся к 922 году суждение Ибн-Фадлана (А. Я. Гаркави, указ. соч., 99) о рае как прекрасном зеленом саде, в котором умершие сидят в обществе своих знакомых и слуг, едва ли отражает славянские представления.

[4] Thietmar, VIII, 69 (domesticos colunt deos... hiis immolant); Saxo Gramm. (ed. Holder), 547; Helmold, I, 52 (nam praeter lucos et penates, quibus agri et oppida redundabant); Kosmas, I, 2; Гомилий Опатовицкого (ed. Hecht), 57; Mašûdî (Гаркави, указ. соч., 125).

записанная в начале XII века древняя легенда, в которой упоминается о пенатах, принесенных на своих плечах в предназначенную ему землю праотцом Чехом. Масуди вообще говорит о славянах (в основном, разумеется, о восточных), что они сжигают своих покойников и поклоняются им, а на Руси в XI—XII веках засвидетельствованы представления о духах предков, обитающих в жилищах (хороможитель), где им приготовлялась даже баня и разводился огонь, чтобы они могли обогреться. На Руси засвидетельствованы также переплуты, берегини, вурдалаки (волкулаки) и упыри; в Чехии XIII—XIV веков zmeky (драконы), skřitky (домовые), dibliky (чертенята), mury (муры) и т. д. Все это дополняется большим количеством более поздних данных славянского фольклора начиная с XIV века и кончая XX веком о множестве мелких домашних и распространенных в природе духов-демонов, многочисленные имена и существование которых с древних времен хотя и не всегда засвидетельствовано, но которых мы все же можем смело допустить, так как они всегда являются лишь выражением дохристианского, языческого культа душ умерших предков. Мы, разумеется, не можем считать языческими все отдельные имена, под которыми известны в настоящее время домовые, лесные и водяные духи и которые меняются у различных славянских народов, так как изменение их наименования могло возникнуть лишь позднее. Однако основные, связанные с ними представления, как бы эти демоны ни назывались, являются древними, языческими.

Среди этих мелких духов-демонов, которые обитали то в доме у очага или под порогом, то в лесу, в воде или в зерне[1], в древнее время, несомненно, существовали *дедъ* и *баба*, а кроме них, непосредственно засвидетельствованы также *дивъ*, *хороможитель*, *домовой*, *леший*, *мора*, *вурдалак*, *упырь*, *злыден*, *дракон*, *полудница*, *чертенок*, krzak, dehna, а также домовая змея, называвшаяся в России и Польше *убоже*[2]. Чудовский список древнего слова Иоанна Хрисостома упоминает и о некоторых других представлениях русских, это — Вела-богиня, ядрей, попутник, кутны бог, обилуха. Но более подробно мы о них ничего не знаем. К тому же список этот и дополнения к нему относятся уже к XVI веку[3].

Чаще же всего, уже с XI века, появляются *берегини* с *переплутом*, а затем *русалки* и *вилы*. Что представляли собой берегини, мы хорошо не знаем, скорее всего это были родственные русалкам существа, обитавшие в воде. О переплуте же, за исключением того, что древние русские поучения часто запрещают приносить жертвы берегиням и переплуту и пить в их честь, мы вообще ничего не знаем[4]. О русалках мы знаем больше. Русалки современного славянского фольклора, так же как и аналогичные мавки и навки[5], это души умерших девушек. Обитают они в водах и на берегах, предаваясь веселью и танцам. К человеку они относятся недоброжелательно, и поэтому люди стремятся умилостивить их различными мелкими жертвоприношениями. Название *русалка*, несомненно, связано с названием античных празднеств роз, именовавшихся *rosalia*, *pascha rosarum*. Празднества эти проводились летом и были пронизаны вакхическими мотивами, сопровождались драматическими сценами. Несмотря на решительное сопротивление церкви, эти празднества перешли в христианскую эру и долго сохранялись среди народа под названием русалий. Известия о них имеются в России уже с XI века, а в более позднее время они засвидетельствованы и у других славян. Женские фигуры, выступающие на этих празднествах, оче-

[1] Подробные данные см. в „Živ. st. Slov.“, II, 46 и сл.
[2] Свидетельства см. там же, II, 42—44.
[3] См. Mansikka, Religion, I, 177.
[4] В Слове св. Григория и св. Иоанна Хрисостома („Živ. st. Slov.“, II, 43) название *берегиня*, очевидно, связано со словом *берег*.
[5] См. „Živ. st. Slov.“, II, 38.

видно, получили наименование русалок (*русалка*, множ. *русалки*), а отсюда это имя распространилось вообще на женские существа, являвшиеся персонификацией душ предков, и русалками, как это показал А. Н. Веселовский[1], стали называть души преждевременно умерших детей, девушек и незамужних женщин. Таким образом, славяне переняли русалии лишь в конце языческого периода. Когда возникли из них представления о русалках, мы не знаем, но, несомненно, это относится к более позднему периоду. Здесь, разумеется, как и в других подобных случаях, чужое наименование перешло на нечто уже до этого имевшееся у славян. Сошлюсь на приведенную выше, на стр. 270, цитату из Прокопия, в которой говорится о том, что славяне в VI веке поклонялись водяным нимфам. На этих нимф, славянского наименования которых мы не знаем (водяная девушка? вила? берегиня?), позднее перешло название русалка.

Более древними, чем русалки, являются по своему происхождению другие существа славянского фольклора, называемые *вилы*. Что вилы по своему происхождению представляют собой персонификацию душ умерших предков, уже не так очевидно. Имеются также различные категории вил: наряду с водяными вилами, подобными русалкам, имеются, в частности, вилы облаковые и вилы гор. Обычно принято считать, что представление о вилах возникло на Балканах, причем довольно поздно, и отсюда литературные источники распространили его среди восточных и западных славян; другими словами, славяне-язычники вил не знали. Более того, В. Мансикка, считая происхождение их тюрко-татарским[2], полагал, что и Балканы не являются их родиной. В общем верно, что теперь вилы принадлежат главным образом южно-славянской народной традиции, что русскому народу они вообще не известны, а в западно-славянской традиции известны плохо. Тем не менее остается фактом то, что вилы уже в древнейших славянских текстах как балканского, так и русского происхождения, а также в позднейших русских исповедальных книгах[3] упоминаются наряду с переплутом, берегинями и упырем, причем среди существ, в которые верил народ, они названы с такой определенностью, что я никак не могу согласиться с мнением, что вилы в России существовали лишь в литературных источниках. Вилы засвидетельствованы также и на западе, у чехов, еще в XV веке[4], и трудно предполагать, что представления о них пришли с Балкан, особенно потому, что и до сих пор в Словакии удержалась традиция о том, что вилы являются олицетворением душ предков. Поэтому не исключено, что славяне-язычники уже знали вилы, и это тем более вероятно, что и название их на основании свойственного им характера существ, любящих страстные танцы, можно легко вывести из славянского языка. Слово «вила», очевидно, связано со славянским *viliti* — метаться, носиться в бурном и страстном танце, и с древнечешским *vila* — сумасшедший, безумный. Если же русский народ в настоящее время не знает вил, то, очевидно, представление о них было вытеснено другим, скорее всего представлением о русалках, а древние вилы исчезли из фольклора так же, как исчезли переплут и берегини, вместе с которыми они упоминались. Поэтому я склонен полагать, что представление о вилах в славянской мифологии является скорее явлением древним. Возможно, они и являются теми нимфами (νύμφαι), о которых упоминает Прокопий.

[1] См. А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха. („Сборник отдел. русского языка и слов", СПБ, 1890, стр. 270—280, XLVI, 1890). О русалиях на Балканах см. работу М. Армандова, Кукери и русалии, София, 1920. Русских русалок изучал Д. Зеленин („Очерки русской мифологии", I, Петроград, 1916).

[2] V. Mansikka, Religion, 153, 160.

[3] См. „Živ. st. Slov.", II, 43, 61. На Балканах наряду с названием *вила* у сербов и болгар появляется также название *дива, самодива* и *юда*.

[4] Там же, 62.

Наряду с вилами в природе имеется еще ряд подобных существ: всевозможные «дикие мужчины» и «дикие женщины» (различных наименований которых очень много), обитающие в лесах, у дорог, в зерне, в воде, ветре, пламени, появляющиеся в определенное время дня (например, в полдень или вечером)[1] и в соответствии с этим носящие различные названия. Трудно сказать, насколько все они являются непосредственной персонификацией душ умерших предков или же персонификацией сил природы. Существа, олицетворявшие у древних славян атмосферные явления: солнце, месяц, звезды, а также ветер, молнию и гром, я склонен считать скорее непосредственной персонификацией сил, в них заключавшихся и воздействовавших на человека[2]. См. о них далее, в разделе о славянских богах. Таким весьма активным и непосредственно действующим на человека существом является также огонь, для персонификации которого не было надобности оживлять душу предка. Славяне почитали его как сына Сварога, молились ему, особенно русские, в овинах[3] и разжигали священный «живой огонь» доисторическим способом — трением двух кусков дерева, как и теперь они это делают в особых случаях. Все же нельзя сказать, что славяне почитали огонь в такой же степени, как его почитали древние иранцы. И если некоторые арабские источники (Гардизи, Ибн-Русте, Персидский географ, Шукр-Аллах, Бакуфи, Абульфеда) говорят о славянах как о типичных огнепоклонниках[4], то это или ошибка, или же результат укоренившегося влияния иранской религии, но и в этом случае — только на востоке у русов.

В отличие от этого домашние гении, управлявшие судьбой человека, уже определенно являлись олицетворением душ предков. Разумеется, к славянам отчасти перешли и религиозные представления античного мира. Таковы сравнительно новые традиции о *судичках* и *роденицах* или *соеницах*, перекликающиеся с мифом о Парках, и традиции о персонифицированной судьбе, заменившей традицию античного фатума, τύχη[5]. Но наряду с ними у древних славян были и свои собственные демоны, возникшие из категории духов умерших предков, так называемые рожаницы или рожденицы, которые помогали при родах и оказывали влияние на дальнейшую судьбу новорожденного и которым, как об этом свидетельствует целый ряд русских поучений и толкований XI—XIII веков[6], приносились жертвы (в том числе и первые волосы ребенка) для того, чтобы они предрекли ребенку благоприятную судьбу. Неясно по своему происхождению и значению представление о *роде*, которого наряду с *рожаницами* часто упоминают указанные русские источники. Возможно, он облегчал роды.

Распространено было также и почитание зверей, но известий об этом очень мало[7]. Мы знаем лишь, что много поверий было связано с петухом и курицей (причем эти поверья свои магические функции во многом сохранили по сегодняшний день) и что у балтийских славян главным богам Святовиту в Арконе и Сварожичу в Ретре были посвящены кони, которые сопровождали оракула. О почитании быка как символа плодородной силы можно лишь догадываться. О тотемизме у славян, то есть о почитании славянами в качестве тотема определенных зверей, достоверных известий не имеется. Интересно, однако, что несколько древних славянских племен имело наименования,

[1] Чешская „полудница“ упоминается уже в XIII веке в чешской глоссе словаря „Mater verborum“; о русском „полуднике“ (бес полуденный) см. у Мансикки, Religion, I, 309.

[2] Свидетельства о почитании их славянами см. в „Živ. st. Slov.“, II, 78—80. Следует, однако, тщательно отличать древнюю славянскую традицию от чужеземных влияний.

[3] См. выше, стр. 261.

[4] См. „Živ. st. Slov.“, II, 84.

[5] Там же, 66, 70.

[6] Там же, 67—68.

[7] Там же, 71.

производимые от названий животных (Vlci, Vraňané, Suzlové, Reregové), и что во многих местностях почитался предок рода в образе змеи, жившей под порогом жилища или под очагом[1].

Боги славян

В отличие от богатого и разнообразного мира демонов, обитавших в жилище славянина и окружавшей его природе, категория существ, которых славяне обозначали термином *богъ*, была сравнительно небольшой, и к тому же представления о некоторых из этих существ возникли не у славян, не свойственны их народным верованиям и были искусственно созданы или заимствованы из других религий. Наконец, и сам термин *богъ*, по мнению некоторых лингвистов, заимствован из персидского языка, но я лично считаю это маловероятным и полагаю, что, как и древнеинд. *bhágas*, древнеперсидск. *baga*, фриг. Ζεὺς, βαγαῖος и арм. *baqin*, он является со времен индоевропейской древности общим наследством группы языков сатем[2].

Демоны, для которых название «богъ» засвидетельствовано либо непосредственно славянскими источниками, либо косвенно греческим и латинским θέος — deus, возникли как в период славянского единства — и, следовательно, являются общими для всех славян, — так и позднее в отдельных областях, в которых власть начальника, или развитая иерархия, или, наконец, влияние чужой религии соседей способствовали их возникновению.

Правда, высказывалось мнение, что славянство не создало высших богов, что общеславянские боги не существовали, поскольку они не засвидетельствованы во всех славянских землях. Я, однако, не считаю такую точку зрения правильной, и хотя мы не располагаем достаточным количеством известий, подтверждавших существование одних и тех же богов у всех славянских племен, я не сомневаюсь, что в конце языческого периода таких общих для всех славян богов было несколько. При этом я исхожу именно из тех соображений, что, во-первых, это были боги значительных небесных явлений или важных хозяйственных функций, и, во-вторых, потому, что источники говорят о них в местностях, отдаленных друг от друга, так что значительное распространение их является очевидным. Фактом, однако, остается то, что таких богов у славян было очень мало и что эти боги в конце языческого периода были отчасти вытеснены, отчасти заменены новыми местными или племенными богами, а кое-где, вероятно, и искусственно созданными.

Что касается локальных божеств, то, по крайней мере в отношении двух кругов богов, мне бы хотелось заранее сказать несколько общих слов.

Только один круг, а именно балтийский, создал ряд действительно славянских богов, создал и храмы, и касту жрецов. Все это, очевидно, произошло под влиянием заморской германской культуры, которая в скандинавских землях и в вопросах религии была на более высокой ступени развития и уже задолго до XII века оказывала сильное влияние на славян, занимавших побережье Балтийского моря. Поэтому этот круг славянских богов является иным, и никто его не отрицает и отрицать не может.

Второй локальный район богов—русский—является уже более спорным. Правда, и о нем мы также располагаем рядом вполне достоверных известий. Это в первую очередь известия Киевской летописи о князе Владимире, который в 980 году пытался в противовес распространяющемуся христианству обновить язычество, поставив возле княжеского дворца, там, где позднее был построен храм св. Василия, ряд языческих идолов (Перуна, Хорса, Дажь-

[1] Часть польских гербовых изображений истолковывается тотемистическими представлениями (J. K l a w e, Totemizm i pierw. zjawiska religijne w Polsce, Варшава, 1920).

[2] Подробнее см. „Živ. st. Slov.“, II, 87. К такой точке зрения в последнее время пришел и В. Ягич. (Archiv. f. slavische Philol., XXXVII, 1920, 501—502).

бога, Стрибога, Семаргла, Мокошь). Они, очевидно, должны были почитаться как символы официальных русских богов, и, как добавляет летопись, им действительно «приносили жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам и оскверняли землю жертвоприношениями своими. О, осквернилась кровью земля Русская и холм этот»[1]. Однако в последнее время было высказано мнение, что все эти локальные русские боги, либо часть их, были богами чужеземными, прежде всего германскими, а затем греческими и восточными, и князья установили культ этих богов еще до того, как сам народ признал их и стал им поклоняться. Ряд исследователей допускал даже, что некоторые боги являлись лишь чисто литературной фикцией, что славяне об их существовании вообще ничего не знали и в летопись и другие литературные памятники они попали лишь случайно[2].

В ходе дальнейшего изложения я остановлюсь на этом подробнее, но сейчас считал бы необходимым указать следующее. Наблюдаемый в последние годы критический подход к вопросу о происхождении и характере русских богов, несомненно, принес много пользы, заставив нас рассматривать русских богов более критически, чем мы это делали раньше, даже в 1915 году, когда я писал главу о славянской мифологии для моей книги «Жизнь древних славян». Как я дальше покажу, мы, например, вполне обоснованно можем исключить из круга русских богов Хорса и Семаргла, спорным остается Мокошь; и несомненно также, что княжеская варяжская дружина принесла в Киев культ своих старых скандинавских богов и прежде всего культ скандинавского Тора (Thor), бога грома и молнии. Однако в отличие от тех, кто видит в русском Перуне всего лишь импортированного Тора, а Дажьбога, Стрибога и Велеса считает заменой Одина, Мокошь — заменой германской Фреи, в отличие от тех, кто отрицает, что славяне этих богов имели и почитали, я полагаю, что уже самый факт появления новых имен — Перун, Велес, Стрибог, Мокошь — указывает на то, что на Руси должны были быть свои собственные представления о божествах, на которые чужеземные культы оказали лишь известное влияние. Поэтому я, например, считаю Перуна не германским Тором, а местным славянским богом, которого застали варяги, придя в славянские земли. И как при Владимире, когда славяне уже в иных условиях смогли приспособиться, так же, очевидно, произошло и в языческой религии: они соединили Тора с Перуном и, очевидно, другие свои божества со славянскими Дажьбогом, Стрибогом, а возможно, и Велесом. Как же иначе можно было бы объяснить эти новые имена, отсутствующие в скандинавской мифологии, и как иначе удалось бы объяснить распространение культа Перуна и Велеса во всем остальном славянском мире?

Таким образом, я считаю, что, когда варяги пришли со своими богами, русский круг богов уже существовал. Разумеется, этот круг богов нельзя было сравнить с полабским: в нем не было развитой иерархии и культовых центров. Народ почитал ряд богов, однако идолов и святилище начали ставить для них лишь под варяжским влиянием.

А теперь мы перейдем к рассмотрению отдельных богов, сначала богов, общих всем славянам, а затем уже богов локальных.

Боги, общие для всех славян

Перун. Главным богом, общим для всех славян, был Перун, являвшийся персонификацией грозного неба с громом и молнией. Хотя доказать существование культа Перуна у всех славян мы не можем, однако Перун, во вся-

[1] Лаврентьевская летопись под 980 годом (ПВЛ, I, 56).

[2] См., в частности, приведенные выше, на стр. 268—270, сочинения Е. Аничкова, работу А. Погодина, Опыт языческой реставрации (отдельный оттиск), Белград, 1922, а также S. Rożniecki, Perun und Thor, „Archiv für slaw. Philologie", XXIII, 462.

ком случае, не являлся локальным богом. Уже Прокопий, называя в VI веке в качестве главного бога славян бога — творца молний[1], очевидно, имел в виду то же существо, которое мы знаем у других славян под именем Перуна.

В конце языческого периода имя Перуна упоминается чаще. Однако среди языческих богов Перун непосредственно назывался только в России, где он часто упоминается как в различных проповедях начиная с XI века[2], так и в Киевской летописи. В летописи под 907, 945 и 971 годами мы читаем, что русы, заключая договоры, клялись Перуном и Волосом и что статуя Перуна стояла в 945 году на одном из киевских холмов. Когда же в 980 году великий князь Владимир поставил возле княжеского дворца ряд языческих идолов, среди них был и деревянный идол Перуна с серебряной головой и золотыми усами. Однако этот идол стоял там недолго. В 988 году князь Владимир принял христианство и уничтожил всех идолов, а Перуна приказал сбросить в Днепр, по которому тот и поплыл, пока не застрял где-то на мели, еще долгое время спустя называвшейся Перуновой. Подобный же идол Перуна стоял в Новгороде над Волховом. В 989 году епископом Иакимом он также был ниспровергнут и сброшен в реку[3].

Нет сомнений, что на культ Перуна оказали влияние традиции скандинавских русов, у которых существовала аналогичная фигура Тора. Тем не менее Перун все же не был чисто германским богом, привезенным русами в Киев и Новгород, что видно по тому, как распространился и как упорно удерживался культ его в верованиях славян. Это видно также из Слова св. Григория, в котором Перун прямо называется старшим славянским богом, которому в отдаленных областях славяне молились еще в XII веке[4], и, наконец, это видно и по тому, что явные следы культа Перуна мы можем проследить далеко за пределами древней Руси. О его существовании у южных славян свидетельствует ряд топонимических наименований на Балканском полуострове, название цветка «Перуника» (*Iris germanika* L.), сообщение VII в. «Об оракуле Пырине», а также термин *перун* в переводе Иоанна Малалы (III, 13) X века[5], где он соответствует термину *dia*. Сюда относится и упомянутое уже сообщение Прокопия о почитании славянами, появившимися в то время на Балканском полуострове, бога — творца молний. На западе имя Перуна удержалось в местных польских именах (ср. также Перунов дуб на границе Перемышльской епархии, упоминающийся в грамоте 1302 года), а также в словацких поговорках. С культом Перуна можно связать и два древних известия у полабских славян. В Коренице, городе поморских славян, поклонялись богу Porenutius[6], очевидно Перуновицу (ср. Сварожича в Ретре), а славяне на нижней Эльбе называли четверг perûndan, то есть Перунов день. Это название, очевидно, образовалось аналогично германскому Donnerstag, но Donner здесь заменен славянским Перуном[7]. Все это, по-моему, является убедительным свидетельством того, что почитание Перуна было распространено далеко за пределами Руси и что Перун был богом, общим для всех славян[8].

[1] Procop., Bell. Goth., III, 14: „θεὸν μὲν γὰρ ἕνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσι εἶναι". („Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем".)

[2] См. „Živ. st. Slov.", II, 95; Mansikka, Religion, I, 250, 304.

[3] Лаврентьевская летопись, 31, 52, 53, 72, 77, 78, 114, 116 (ПВЛ, I, 25, 35, 39, 52, 56, 80, 81). В списке повести Гуннлауга о короле Олафе Тригвасоне (995—1000), который побывал у Владимира в Киеве, также упоминаются эти идолы языческих богов и языческий храм в Киеве. См. Mansikka, Religion, I, 334 (cit. Antiquités russes, I, 394 и сл.).

[4] См. „Živ. st. Slov.", II, 96.

[5] См. Свидетельства в „Živ. st. Slov.", II, 99.

[6] Saxo Gramm. (ed. Holder), 578.

[7] Miklosich, Ethymolog. Wörterbuch, 244.

[8] Брюкнер в своей книге „Mitologja", 35 и сл., считает, что культ Перуна образовался в период балто-славянского единства.

Функции Перуна, несмотря на то, что истолкование его имени из славянского языка (Перун — тот, кто сильно бьет) встречает возражения лингвистов [1], ясны. Перун — это персонификация грозового неба, бог грома и молнии, аналогичный германскому Тору, греческому Ζεὺς κεραυνός и римскому Juppiter Fulgur, и культ его, очевидно, пришел к славянам еще в индоевропейской древности.

В конце языческого периода развитие локальных культов привело к тому, что древняя фигура бога, творца молний, была вытеснена другими. Только на Руси, как мы видим, Перун остался главным богом и народа, и варяжской дружины во главе с князем, поместившим его среди официальных русских богов, идолы которых стояли перед княжеским дворцом. Позднее, после введения христианства, народная традиция перенесла функции Перуна на пророка Илью (Илья-громовержец), который уже, согласно библии, был владыкой стихий и культ которого установился в греческих землях в 13-й день календ. Оказала ли церковь непосредственное влияние на восстановление культа творца молний, доказать трудно.

Сварог и Дажьбог. Вторым по значению богом был Сварог. Значение его было более широким, так как он засвидетельствован и у восточных, и у западных славян, а то обстоятельство, что он был олицетворением лучезарного солнца, то есть явления постоянного и более значительного, чем другие, свидетельствует à priori, что он был богом, имевшим всеобщее значение. Расхождения могут быть лишь в следующем: все ли славяне называли бога солнца Сварогом или же так называли его только на Руси и у полабских славян и не называли ли Сварога у других славян как-нибудь по-иному.

Русские источники XI—XII веков знают Сварога как пережиток древнего язычества. В списке (XII век) славянского перевода хроники Иоанна Малалы (переведенной в X веке) имя Сварог соответствует греческому Гефесту, а сын Сварога—солнце — назван Дажьбогом. И если бы, как это некоторые полагают, этих слов [2] в болгарском переводе действительно не было и они являлись бы только припиской к русскому переводу, то и это явно свидетельствует, что на Руси существовал в традиции славянский Сварог и его дериват Дажьбог, что подтверждается и некоторыми церковными поучениями XI и XII веков [3], в которых упоминается, что русский народ молился и поклонялся огню, называя его Сварожичем, то есть сыном Сварога [4]. Дажьбога летопись упоминает также среди богов, которым Владимир в 980 году поставил идолы на Киевском холме [5].

Сварожич, а тем самым и Сварог засвидетельствованы с древних времен и у балтийских славян. По свидетельству Титмара [6], он почитался в Радогосте — Ретре наряду с другими богами (dii quorum primus Zuarasici dicitur), затем как о языческом боге славян (Zuarasiz diabolus) о нем упоминает в 1008 году [7] епископ Бруно в своем послании Генриху II.

Таким образом, свидетельств почти достоверных имеется столько, что существование Сварожича, а тем самым Сварога у западных и восточных славян не подлежит сомнению, и я решительно не согласен с В. Ягичем и Е. Аничковым [8], полагающими, что русские свидетельства были выдуманы или искусно привнесены церковными авторами. Славяне, бесспорно, почитали персонификацию солнца и различные его дериваты, например огонь,

[1] „Živ. st. Slov.", II, 101; Jagić, Archiv für slav. Philol., XXXVII, 1920, 501; Brückner, Mitologia, 35 и сл.

[2] „Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог".—*Прим. ред.*

[3] См. Mansikka, Religion, I, 66.

[4] Свидетельства см. в „Živ. st. Slov.", II, 105—106.

[5] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 56).

[6] Thietmar, VI, 23.

[7] Bielowski, Mon. Pol. Hist., I, 226.

[8] Jagić, Archiv. f. slav. Philol., IV, 418; Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, 8, 291.

пылающий на алтаре или в домашнем очаге, и эту персонификацию называли *богъ Сварогъ*, а дериват его — *Сварожичь*, то есть сын Сварога, причем чужого влияния на эту генеалогию, разумеется, исключать нельзя.

Происхождение имени Сварога неясно, скорее всего оно являлось эпитетом лучезарного солнца и связано с индоевропейским и славянским корнем *свар*, означающим нечто жгучее, сияющее [1]. Наименование *Дажьбога* означает бога дающего (deus dator) — имя, которое очень подходит к солнцу или огню. Оно, очевидно, является русским локальным обозначением Сварога, который прежде всего давал урожай на полях, имевший в жизни древних славян решающее значение.

Среди южных славян Сварог не засвидетельствован, разве что удалось бы доказать, что упомянутая выше глосса имелась уже в первоначальном болгарском переводе Малалы, а не только в русском списке XII века. На славянском юге также Дажьбог непосредственно не засвидетельствован, но с ним можно связать, по крайней мере, *Дабога* — имя, означающее в сербской народной традиции господина земли в отличие от бога — господина на небе. Не исключено, что в Дабоге (Дай-бог) мы имеем отзвук древнего Дажьбога.

Велес, Волос. Третьим распространенным богом славян был Велес, или в другой русской транскрипции *Волос*.

В 907 и 971 годах княжеская дружина присягала Перуном и Волосом — богом скота [2]. Об идолах Велеса в Киеве и Ростове упоминают и два других русских источника: «Житие св. Владимира» и «Житие св. Авраама Ростовского». Наконец «Слово о полку Игореве» называет певца Бояна Велесовым внуком. Наряду с этим ряд топографических наименований на Руси также свидетельствует о распространении культа Велеса, который, согласно приведенным выше летописным свидетельствам, был богом, охраняющим стада (скотий бог) и пастухов [3]. Велес упоминается и в чешской традиции XV и XVI веков, но лишь как какой-то демон с неопределенными функциями, представление о котором являлось, очевидно, отзвуком культа языческого бога [4]. В отличие от этого у южных славян Велес не засвидетельствован. Все же уже одни только русские и чешские свидетельства достаточно убедительно показывают, что Велес принадлежал к числу распространенных, вероятно, общеславянских богов, и единственное затруднение заключается в истолковании его имени и взаимосвязи между обеими формами имени Велес и Волос. Я лично основной формой склонен считать имя *Велес*, на что указывает и его чешская форма и литовское vẽle — imago mortui (ср. и vélnas, vélnias — дьявол). В основе же представления о Велесе, полагаю, лежал демон из категории домашних богов, специальной функцией которого была охрана хозяйства и стад [5]. С течением времени в связи со значением функций, которыми он был наделен, Велес, очевидно, возвысился среди демонов и стал выше других почитаемых и, следовательно, необходимых богов. Как возникла вторая русская форма — Волос, сказать трудно. Здесь либо сказалось влияние северной скандинавской религии, которая знает демона Vǫlsi (А. Погодин), либо, что более правдоподобно, сказалось щедшее из

[1] См. „Živ. st. Slov.“, II, 107—108. Разумеется, если бы Ф. Корш, утверждающий, что имя Сварог было заимствовано у восточных арийцев, был прав, то мы бы должны были считать Сварога божеством, перенятым славянами в древнейшее время у кого-либо из своих иранских соседей: скифов, сарматов или аланов. (См. статью Корша в книге „Zbornik u Slavu“ Vatroslava Jagića, 254.)

[2] См. выше, стр. 22.

[3] Свидетельства см. в „Živ. st. Slov.“, II, 112.

[4] „Živ. st. Slov.“, II, 277.

[5] В одном из поздних русских списков „Слова св. Иоанна Златоуста“ среди полевых духов приводится и Вела — богиня, по другим источникам не известная. См. Mansikka, Religion, I, 177.

Малой Азии влияние греческого святого — Власия (Βλάσιος). Под этим влиянием из греческого Βλας, согласно законам, свойственным древнерусскому языку, образовалась русская форма *Волосъ*, а на *Велеса* и *Власия* были перенесены функции хранителя стад. Отсюда греческий эпитет βουκόλος в русском переводе дается как скотий бог.

Во всяком случае, я считаю, что бог Велес возник не из греческого Власия (Ἅγιος Βλάσιος), а существовал и раньше [1].

Боги восточных славян

Наряду с упомянутыми уже богами, культ которых был распространен среди всего славянства или большей его части, у отдельных славянских народов были и другие боги, имевшие местное значение и у прочих славян вообще не засвидетельствованные. Такие местные боги имелись, в частности, в системе языческих верований русских и полабско-балтийских славян. У южных славян, а также у поляков и чехов такие местные боги тоже были, но об этих богах нам известны лишь беглые и спорные упоминания, в то время как о русских и балтийских до нас дошел ряд интересных сообщений.

К русскому кругу богов относятся еще Стрибог, Хорс, Мокошь, Семаргл и в известной мере также и Троян.

Выше мы уже говорили, что князь Владимир в 980 году на одном из Киевских холмов, где позднее был построен храм св. Василия, поставил ряд языческих идолов: Перуна, Волоса, а рядом с ними, согласно летописному известию, были поставлены также Дажьбог, Хорс, Стрибог, Семаргл и Мокошь, которым киевляне, называя их богами, приносили в жертву своих сыновей и дочерей. Из этих богов, помимо уже известных нам Перуна, Волоса и Дажьбога, еще два бога являются местными и славянскими, а именно Стрибог и, по всей вероятности, Мокошь. Стрибог наряду с Дажьбогом упоминается еще в «Слове Иоанна Златоуста», а в XII веке в «Слове о полку Игореве» автор обращается к ветрам, веющим по русским равнинам, со словами: «Ветры, Стрибожьи внуки» [2]. Из этого текста видно также, что Стрибог являлся не чем иным, как персонификацией сильно дующего ветра, на что, впрочем, указывает и ономатопоический корень *стри* [3].

Хуже обстоит дело с истолкованием имени богини *Мокошь*. Наряду с упомянутым летописным известием об идоле в Киеве, Мокошь упоминается также в русских проповедях против язычества [4] и больше нигде. Функции этой богини загадочны. Однако древние русские тексты выводят имя Мокошь из греческого μαλακία, означающего слабость, особенно половую, а также онанизм, с чем, наконец, можно связать и лингвистическое объяснение имени от корня *мок*, *мочити*. Все это указывает, что Мокошь представляла собой какое-то божество, подобное Афродите или Астарте, почитание которой в Киеве находится в прямой связи с влиянием какого-нибудь восточного культа. Свидетельством того, что эта киевская богиня Мокошь не была одной лишь литературной фикцией, является также то, что в северо-русском фольклоре она удержалась и по сей день, хотя представление о ней, разумеется, значительно изменилось. Мокуша — это какое-то волшебное существо, которое появляется в традициях пасхальных посиделок.

Славянское происхождение двух следующих богов весьма сомнительно. Имя *Хорс*, или *Хръсъ*, не славянское и образовалось скорее всего из иран-

[1] Миклошич, Веселовский (см. „Živ. st. Slov.“, II, 113), а позднее Мансикка (Religion, I, 392) полагали, что Велес вообще возник из культа св. Власия, перенесенного на Русь. Наибольшее количество убедительных свидетельств о влиянии св. Власия на образование Волоса, бога скота, представил в последнее время Е. Аничков (Slavia, 1923, 541).

[2] См. „Živ. st. Slov.“, II, 119.

[3] См. Jagić, Zur slav. Mythologie, Archiv für slav. Philol., XXXVII, 504.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 122.

ского и древнееврейского khoreš, khereś (pehlev. khoršed) — солнце. Имя Семарьгла так искажено, что мы даже не знаем, должны ли мы читать Семарьглъ или Семъ и Ръглъ, как оно пишется в некоторых рукописях, и считать, что здесь имеются в виду два бога. В чем заключалось значение и какова была сущность этих последних богов, принятых Владимиром в число официальных киевских богов и, повидимому, иноземных, сказать нельзя. Лишь в отношении Хорса, судя по тому, что в XII веке автор «Слова о полку Игореве» явно идентифицирует его с солнцем, мы видим, что он является олицетворением солнца. Желая сказать, что князь Всеслав достиг Тмутаракани раньше, чем взошло солнце, он употребляет эпическое выражение «Великому Хорсу волком путь перерыскивал». О значении же Семарьгла мы вообще ничего не знаем [1].

Траян в смысле какого-то божества в Киевской летописи не упоминается. Однако он появляется в двух апокрифах XII века наряду с Перуном, Хорсом и Велесом, а одновременно и в эпосе о полку Игореве, где упоминается «Земля Трояни», «Веци Трояня», «Тропа Трояня», из чего видно, что в русской традиции существовало представление о каком-то Трояне. Я, однако, полагаю, что этот Троян не был настоящим богом, входившим в систему религиозных верований русских славян, а представлял собой обоготворенное представление императора Траяна, о котором на Руси спустя ряд столетий продолжало сохраняться предание как о существе сильнее других и обладающем сверхчеловеческой силой. Основанием для такого представления послужили крупные победы Траяна; в 101—102 и 105—106 годах он завоевал древнюю Дакию и тогда как великий завоеватель, очевидно, впервые стал известен славянам [2].

Исходя из изложенного выше, я считаю, что ко времени прихода варягов с их богами на Руси уже существовал круг действительно русских богов, но без касты жрецов, без крупных культовых центров; он не мог, разумеется, сравниться с кругом скандинавских или полабских богов. Лишь пришедшие варяги дополнили этот круг, приспособили славянских богов к своим, а затем начали ставить идолов и святилища. Летописная традиция об идолах, поставленных князем Владимиром, не означает ничего другого, как официальную кодификацию своих и иноземных богов.

Боги балтийских славян

Балтийский круг славянских богов является не только более обширным, но и более определенным. Отдельные высшие божества не только выполняют специальные функции и непосредственно являются богами отдельных племен и городов, но и имеют посвященные им храмы, а в качестве посредников между ними и народом — специальную касту жрецов, которая в конце языческого периода уже выработала распространенный культ, местами связанный с оракулами, и вообще смогла создать такие культовые центры, что их посещали представители, очевидно, всего западного славянства. Я полагаю, что отдельные боги, почитавшиеся в различных городах и городищах балтийских славян и имевшие каждый свое имя, являются не чем иным, как древними общеславянскими божествами атмосферных явлений. В частности, это были Сварог и Перун, которые только жреческой кастой были преобразованы в местных богов, с новым именем и специальным культом и, следовательно, являвшиеся лишь новыми локальными формами древних

[1] О свидетельствах, в которых упоминаются имена этих богов, и других различных истолкованиях имени Семарьгла см. „Živ. st. Slov.“, II, 120, 124, а также Jagić, Zur sl. Myth., 505. Брюкнер разделяет это имя на два: *Сема* и *Рьгла*. Оба имени он считает обозначениями славянских богов, а имя *Рьгла* связывает с названием общины (Rgielsko) у Познани (Mithologia, 92).

[2] Подробности о Траяне см. в „Živ. st. Slov.“, II, 125.

богов. Совершенно очевидно, что и здесь сказались чужеземные влияния. Это было прежде всего влияние скандинавской религии и культа, которое могло проявиться здесь, поскольку балтийские славяне постоянно поддерживали тесные отношения с Данией и Скандинавией. Вместе с тем нельзя исключать и другие влияния, так как у балтийских славян были такие портовые города, как Щетин или Аркона, куда прибывали купцы из самых отдаленных стран. С этими купцами всегда приходило и влияние их культов.

Пантеон балтийских славян должен был быть весьма разнообразным, так как в начале XI века Титмар (VI, 25) говорит: «Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur et simulacra demonum singula ab infidelibus coluntur...» [1]. Гельмольд (I, 52) также упоминает «multiforma Sclavorum nomina». Тем не менее до нас дошли известия только о нескольких наиболее значительных богах XI и XII веков, о которых немецкие и датские историки записали ряд подробнейших сведений.

Сварожич — Радгост. Таким главным богом большого племени лютичей был в XI веке бог, которого немецкие историки Адам Бременский и Гельмольд называли Радгост (Редигост). По свидетельству Титмара (VI, 23), около 1000 года этот бог, святилище которого находилось в земле лютичского племени ратарей, или ретарей, назывался еще Сварожичем (Zuarasici), а городище, в котором находился его храм, называлось Радгост (Риедигост). В отличие от Сварогов, почитавшихся у других племен, к имени Сварожича, главного бога лютичей, вероятно, придавалось как притяжательное местоимение название городища Радгост, что и объясняет, почему после Титмара у Адама Бременского (II, 18) и Гельмольда (I, 2, 21, 23) Радгост появляется как имя бога, в то время как город, где находился храм этого бога, называется Ретра. Описание храма также отличается от описания, сделанного Титмаром, и это расхождение и явилось причиной того, что, несмотря на все попытки немецких археологов, до сих пор нельзя было обнаружить место, где находилась известная Ретра. Адам называет ее «vulgatissima civitas» и «metropolis Slavorum». Более позднюю попытку Карла Шухардта идентифицировать Ретру, которая находилась где-то в южном Мекленбурге, с Шлоссбергом у Фельдберга также нельзя считать достаточно убедительной [2].

Первоначальное значение этого бога очевидно из его первоначального имени Сварожич, то есть сын Сварога. Позднее под влиянием жреческой касты, которая служила этому богу в Ретре, он приобрел специальные функции бога войны и патрона племени лютичей, связанные с знаменитым оракулом, посредником которого, по свидетельству Титмара, выступает конь, посвященный этому храму. Храм и его оракул были уничтожены еще в 1068 году епископом Бурхардом из Гальберштадта и вторично около 1127 года — Лотарем [3].

Святовит. Вторым богом, хотя и местным, но почитавшимся далеко за пределами своей родины, был Святовит на острове Руяне. Он также имел примат над остальными богами («deus deorum» — называет его Гельмольд). Его оракул был наиболее действительным, а сам храм почитался настолько, что им даже запрещалось клясться.

Храм Святовита стоял высоко над морем, в замке Аркона на северо-восточной оконечности острова Руяна. Храм изобиловал богатствами, так как сюда свозилась десятина со всех славянских земель. Посреди храма

[1] „Сколько районов имелось в тех областях, столько было храмов и изображений богов, из которых каждый почитался язычниками".

[2] C. Schuchhardt, Retra auf dem Schlossberge bei Feldberg in Mecklenburg (Berlin), Sitzungsber. Preuss. Akad. phil.-hist. Kl., 1923.

[3] См. „Živ. st. Slov.", II, 135. Следует добавить, что А. Брюкнер, основываясь на противоречивости исторических известий, вообще исключает Радгоста из числа древнеславянских богов.

стоял большой четырехглавый деревянный идол Святовита с металлическим рогом в руке и рядом положенным оружием. Святовиту также принадлежал посвященный ему конь, который при помощи жреца, служившего при храме, выполнял роль оракула [1]. Как храм, так и сама Аркона были уничтожены датчанами в 1168 году, а в 1922 году директор берлинского музея Карл Шухардт нашел лишь незначительные остатки храма и основания когда-то столь известной статуи Святовита [2].

Объясняя этот исторически засвидетельствованный примат Святовита среди богов балтийских славян, нельзя, однако, исходить из того, что Святовит якобы был высшим богом в пантеоне балтийских славян, как, например, Зевс или Юпитер в пантеоне греков и римлян. Примат Святовита основывался на политическом значении Руяна в XI и XII веках, а также на ловкости, с которой умели его жрецы использовать своего оракула. По всей вероятности, Святовит первоначально был, подобно Сварожичу в Ретре или Триглаву в Щецине, лишь местной формой общеславянского Сварога, то есть он был солярным божеством, и лишь позднее жреческая каста превратила его в бога войны, в качестве которого мы его и знаем.

Имя Святовита (Свантовита), бесспорно, славянского происхождения, хотя концовку *-vit*, весьма распространенную и в других личных именах, до сих пор объяснить не удалось [3]. В XII веке возникла легенда, которую записал Гельмольд (I, 6, II, 12): Святовит якобы происходит от святого Вита, христианского мученика времен Диоклетиана, которого монахи из монастыря в Корвее перенесли в IX веке на Руяну. Эту легенду о происхождении Святовита переняли и некоторые современные мифологи во главе с Миклошичем [4], однако с таким объяснением я согласиться не могу. Как уже было сказано, я полагаю, что Святовит является древней заменой Сварога, к тому же древние источники не подтверждают легенды Гельмольда.

О предполагаемой статуе Святовита в Музее Краковской академии (рис. 52A и 52B) см. дальше, на стр. 287—288.

Триглав. Триглав был третьим известным богом балтийских славян и, очевидно, представлял также локальную форму древнего общеславянского божества (Сварога?). Это был главный бог племени поморян (Summus deus, согласно Эббону), а храм его с идолом, имевшим три серебряные главы, стоял в Щецине у устья Одера. В 1127 году он был уничтожен епископом Оттоном Бамберским. Так же, как в Ретре и Арконе, Триглаву был посвящен конь, выполнявший функции оракула, а сам Триглав выступал главным образом как бог войны[5]. Триглаву поклонялись также и в соседнем Волине (Юлин) и в замке Бранибор [6].

Наряду с названными широко известными богами, как отмечал уже Титмар (см. выше, стр. 278), большое количество их было и в других городах и городищах. Из них нам известны еще *Ругевит* (Rugievit) в Коренице на Руяне, идол которого был семиликий [7], *Геровит* (Яровит) в Вольгасте у Гавельберга [8], бог *Припегало* (Pripegalo), которому приносили в жертву го-

[1] Многочисленные известия о нем, его храме и идоле см. у Гельмольда, I, 6, 83, 52; II, 12 (I,108) и главным образом у Саксона Грамматика (ed. Holder), 444, 505, 565). См. „Živ. st. Slov.“, II, 37.

[2] C. Schuchhardt, Arkona und Retra (Sitzungsber. Berl. akad., 1932).

[3] См. „Živ. st. Slov.“, II, 142. Первая часть слова svęt означает теперь святой, но первоначально она имела значение сильный (fortis), как и славянское *яръ* (Яровит).

[4] „Živ. st. Slov.“, II, 141.

[5] Ebbo, Vita Ottonis, II, 13; III, 1; Herbord, II, 32; Monachus Prieft., II, 11.

[6] Ebbo, 1 c., Chronicon branderburgense, ad a 1136.

[7] Одновременно с ним славяне в Коренице почитали еще двух богов: *Поревита* и *Поренутия* (Перуниче?). См. у Саксона Грамматика (ed. Holder), 577 и сагу о Книтлинге (Mon. Germ. Ser., XXIX, 314), в которой упоминаются еще боги Руивит, Турупит, Пизамар и Тиарнаглофи (то есть Черноглав).

[8] Ebbo, III, 8.

ловы христиан [1], богиня *Сива* у полабских славян, бог *Пров*, почитавшийся в дубовой роще возле Стар-Гарда в земле вагров, и бог *Подага* в Плуне у тех же вагров [2].

Кроме них, как о том свидетельствуют источники, имелось еще много богов и богинь, имена которых остались нам неизвестны [3]. Однако еще два бога заслуживают специального упоминания. Это *Чернобог* и *Белбог*. Чернобог непосредственно засвидетельствован Гельмольдом, указывающим (I, 52), что славяне на пиршествах, обходя с кубком вокруг стола, призывали доброго или злого бога и называли последнего Чернобогом «i. e. nigrum deum». В отличие от него Белбог как антитеза черного бога прямо нигде не засвидетельствован, но существует ряд производных от слова Белбог наименований местностей [4], так что принадлежность имени Белбог славянам не подлежит сомнению. В этой антитезе бога черного и белого, то есть бога злого и доброго, мы видим явный дуализм, который в других случаях в языческой религии славян не проявляется. Поэтому я полагаю, что деление на существа добрые и злые пришло к славянам из других религий. Это мог быть отзвук иранского дуализма или шаманизма, но скорее всего, как мне кажется, это было влияние христианской идеи бога — основы всего доброго — и дьявола — основы всего злого, — идеи, которую уже с IX века миссионеры начали распространять среди западных славян, в результате чего в XII веке при Гельмольде она уже была им известна.

Совсем по-иному стоит вопрос о наличии у славян представления о существовании высшего божества, властителя на небесах и владыки всех других богов, которого также упоминает у славян Гельмольд (I, 83). То, что говорит Гельмольд, можно было бы истолковать как влияние христианского учения о едином боге на небесах. Но об этом мы знаем не только от Гельмольда, но также и от Прокопия, который сообщает, что славяне уже в VI веке признавали, что только «один бог, творец молний, является владыкой над всем» [5]. Это показание Прокопия не позволяет расценивать свидетельство Гельмольда всего лишь как влияние христианства, и хотя у нас нет ясного представления об этом высшем боге славян, все же очевидно, что им не был ни один из второстепенных местных богов полабских славян, будь то Святовит в Арконе или Радгост в Ретре. Это мог быть лишь один из древних общеславянских богов, который прежде всего был владыкой небесных явлений (Сварог или Перун). Обращает на себя внимание также и общность ряда мифологических индоевропейских наименований, обозначающих такое высшее божество (древнеиндусск. dyaus pita, греческ. Ζεὺς πατήρ, лат. Juppiter, древнегерм. Tiuz, древневерхненем. Ziu) (ср. лат. divus, греческ. δῖος, литовск. dẽvas, славянск. дивъ), что указывает на подобную веру в общее всем индоевропейцам небесное существо, власть которого распространялась на некоторые значительные небесные явления.

Отсюда славяне, по всей вероятности, и вынесли свое первое представление о высшем боге, которое могло слиться с представлением о Перуне или Свароге. Когда же пришло христианство, древнее скрытое представление о высшем божестве снова выступило на первый план, и славянское слово *богъ*, являвшееся раньше простым нарицательным именем различных демонов или богов, приобрело уже в X веке значение христианского бога. В рус-

[1] См. послание архиепископа Адельгота от 1108 года (Heinemann Codex, Anhalt. I, 137) и „Živ. st. Slov.“, II, 155.

[2] Helmold, I, 52, 83.

[3] См. „Živ. st. Slov.“, II, 152. Там же и о некоторых недостоверных богах.

[4] „Živ. st. Slov.“, I, 160.

[5] Procop., III, 14: „θεὸν μὲν γὰρ ἕνα τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσι εἶναι“. („Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем“.)

ском договоре 945 года говорится, что если кто-либо из русов или христиан нарушит его, то бог его накажет. Здесь уже слово *богъ* означает единого, христианского бога.

Боги других славян

То, что нам известно о богах южных славян, мы рассказали выше, в разделе о богах восточно-славянских племен. За исключением общего известия Прокопия, мы знаем о них очень мало и так же мало мы знаем и о богах двух других больших западных славянских народов — чехов и поляков. Мы вообще не знаем ни одного бога, имя которого дошло бы до нас со времени чешского язычества, и всегда находились ученые, утверждавшие, что у чехов и поляков вообще не было какого-либо высшего божества. Однако я полагаю, что такая точка зрения ошибочна, так как только ощутительное отсутствие известий о языческом периоде у чехов является причиной того, что мы о нем ничего не знаем. Своих богов чехи, несомненно, имели. Этого требовала степень культурного развития, на которой они вместе с другими славянскими народами находились, на это указывают и уже упоминавшиеся нами более поздние отзвуки культа Перуна и Велеса. С другой стороны, все древние боги и богини чехов, упоминающиеся некоторыми хронистами (например, Гаеком из Либочан в XVI веке), либо вымышлены, либо не засвидетельствованы (богини *Кросина*, *Клымба*) источниками. Богиня смерти *Морана* является современной подделкой в чешских глоссах энциклопедии «Mater verborum» (XIII век), а существование богини *Зелы*, засвидетельствованной в XIV веке хронистом Неплахой, по меньшей мере, весьма сомнительно [1].

Несколько больше мы знаем о древней Польше. Краковский каноник Ян Длугош (ум. в 1480 году) в первой книге своей хроники оставил описание языческого периода в Польше, которое хотя и не опирается на более древние исторические источники, но зато в нем содержатся некоторые народные легенды и ряд имен древних богов, идентифицируемых Длугошем с античными богами: *Иеша* (Iesza) — Юпитер, *Ляда* (Lyada) — Марс, *Дзыдзилеля* (Dzydzilelya) — Венера, *Ныа* (Nya) — Плутон, *Погода* (Pogoda) — Темперий, *Зывые* (Zywye — deus vitae), *Дзевана* (Dzewana) — Диана, *Маржыана* (Marzyana) — Церера.

В 1892 году Брюкнер критически проанализировал сообщение Длугоша [2], в результате чего ему удалось установить, что большинство этих богов Длугошем вымышлены. В польском пантеоне их не было, а если они и существовали, то принадлежали лишь к кругу низших демонов, о которых говорят и различные древние обрядовые весенние и летние песни. Таким образом, Длугош не выдумал их имена — они были как в польской народной вере XV века, так и до этого, но он возвел этих духов в ранг богов, которыми они не были, и ошибочно сравнил их с некоторыми античными богами. Следовательно, Длугош сохранил нам все же ряд подробностей культовых празднеств и древней польской демонологии. То же относится и к некоторым современным польским источникам XV и XVI веков, которые отчасти перечисляют тех же «богов», отчасти же дополняют их еще *Лелем* и *Полелем*, которые, так же как и Лада и Иеша, появляются уже в XV веке в непонятных рефренах и интеръекциях (припевах) обрядовых песен [3].

[1] Вацлав Гаек из Либочан издал в 1541 г. „Чешскую хронику“ („Kronika česka“), когда-то пользовавшуюся успехом. Еще больше вымысла имеется у Стржедовского в его „Sacra Moraviae Historia“ от 1710 года и у других авторов. Сообщение Неплахи (ум. 1368 г.) см. в „Fontes rerum bohem.“, III, 460.

[2] Archiv für slavische Philolog, XIV, 170. См. и более позднюю его работу „Mitologia“, а также „Živ. st. Slov.“, II, 167 и сл.

[3] „Živ. st. Slov.“, II, 171, Леля и Полеля хронист Меховский в свою очередь идентифицировал с античными Кастором и Поллуксом (1. c. 175).

Как эти припевы попали в песни и что первоначально означали, остается вопросом, на который до сих пор нельзя дать ответ. Однако я не исключаю вероятности того, что они, по крайней мере, в какой-то степени отражают действительно существовавшую мифологию.

Таким образом, несмотря на то, что все эти сообщения о Польше не дают нам ни одного действительного имени бога, нет сомнений, что и у поляков в X веке были свои боги и свои культовые центры в Крушвице, Познани и Гнездно.

В заключение я хотел бы еще раз кратко повторить то, что ранее мною уже было отмечено. Языческие верования славян представляли собой мир многочисленных духов различного происхождения, которые оживляли жилища славян, окружавшую их природу и небесный мир. Некоторые из этих

Рис. 51. Фундамент языческого святилища в Киеве.

духов уже в протославянский период приобрели бóльшее значение и почитались больше других, превратившись тем самым в богов и возвысившись над остальными духами. С этим пантеоном славяне распространились из своей прародины на новые, отдаленные друг от друга исторические места поселения, подвергавшиеся различным новым влияниям, где индивидуализация богов продолжалась. Однако подробных сведений об этом ни южные славяне, ни чехи, ни поляки нам не оставили. Более детально нам известен только круг восточно-славянских богов и балтийских славян, на которых, несомненно, сказались чужеземные влияния, в частности скандинавское, а на Руси к тому же влияние восточное и греческое.

Наконец, начало сказываться влияние и самого христианства, но оно застало язычество уже в стадии отмирания, и поэтому древняя языческая религия была затронута им в незначительной степени. Значительное влияние христианства на народную веру относится к более позднему периоду, который, однако, не является уже предметом нашего изложения.

Культ

Различия в развитии религии приводили и к разнообразию культов богов, которые также не были одинаковыми повсюду. Там, где сказывалось влияние других чужеземных культов, находившихся на более высокой ступени развития, как это было, например, на Руси или в землях балтийских славян, там, где религия приобретала официальный и государственный характер, где была под рукой специальная каста жрецов, которая ставила своей целью не только служение богу, но и поддержание и возвеличивание его славы и мощи, там и культы, разумеется, приобрели иные формы, чем у

Р и с. 52А. Так называемая статуя Святовита, обнаруженная в реке Збруч у Гусятина (фото Т. Рейман, Польская Академия наук).

народов, знавших только домашних и скромных богов. Молитвы и жертвоприношения были более пышными и сопровождались иногда кровавыми сценами; алтари, на которых приносились жертвы, были более великолепными; в честь богов воздвигались больших размеров идолы, покрытые серебром и золотом. Черты и атрибуты этих идолов должны были производить на собиравшихся верующих возможно большее впечатление. Помимо этого, воздвигались они не под открытым небом, а под кровлей специального здания, которое хотя и было деревянным, но зато было богато украшено резьбой, рисунками и металлическими украшениями.

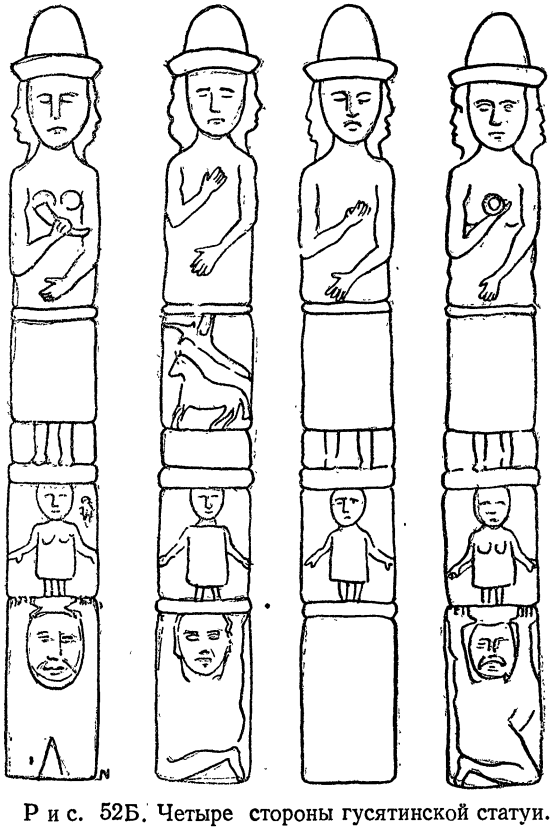

Рис. 52Б. Четыре стороны гусятинской статуи.

Такие здания нам известны во всех значительных культовых центрах балтийских славян [1]. Они, несомненно, были и на Руси, о чем свидетельствуют упоминания в некоторых литературных источниках и находка, повидимому, какого-то святилища, открытого в Киеве под Десятинной церковью[2]. О языческих храмах у других славян древние источники не упоминают. Однако существование таких храмов более чем вероятно, хотя ни чешские, ни польские святилища никогда не имели такого значения, какое имел храм бога Сварожича в Ретре или храм Святовита в Арконе, подробное описание которого оставил Саксон Грамматик и фундамент которого с четырьмя колоннами внутри и пьедесталом для статуи раскопал Карл Шухардт [3] в 1922 году.

Идолы богов обычно делались из дерева, реже из камня, покрывались золотом или серебром и в соответствии с функциями этих богов снабжались различными атрибутами, среди которых неизменно находился кубок или рог для питья. В церковной славянской литературе X и XI веков такая статуя бога называлась *идолъ* (от греческ. εἴδωλον), *болван*, *истуканъ*, *кумиръ*, *стодъ*. Все эти названия чужеземного, большей частью тюрко-татарского, происхождения. Славянскими названиями были *модла*, *капъ* и *соха*, однако не все эти названия засвидетельствованы в древнейшее время [4].

Идолов было много, особенно у западных славян, и епископ Герберт Бранденбургский еще в начале XII века уничтожил у полабских славян

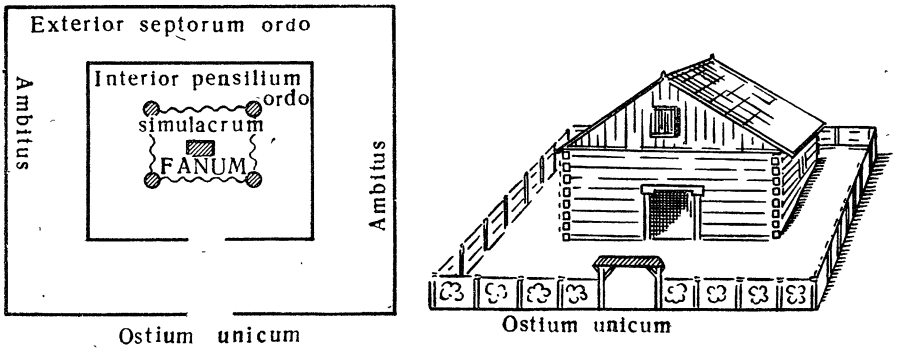
[1] См. „Živ. st. Slov.“, II, 193—195.

[2] На этом месте, бесспорно, находилось место культа, хотя нельзя сказать, был ли это настоящий храм или только открытое святилище с алтарем. Упоминания о капище и храме имеются в „Житии св. Владимира“, в „Слове митрополита Иллариона“ и в саге об Олафе Тригвесоне (см. „Živ. st. Slov.“, II, 190 и Mansikka, Religion, I, 299 и сл.).

[3] Saxo Gram., XIV (ed. Holder), 564 („Živ. st. Slov.“ I, 289).

[4] О находке Шухардта см. выше, на стр. 283.

«multa atque innumerabilia idola [1]. Об этом же свидетельствует и Гельмольд (I, 52, 83), указывая на то, что славянские селища и городища изобиловали идолами. Помимо статуй богов, в домашнем обиходе имелись также и небольшие идолы демонов низшего разряда, особенно пенаты, ставившиеся на очаг или в углу против печи, и если на Украине и Польше такой угол и полку, на которую ставят святые иконы, называют *божник*, а сами иконы — боги, то это явная реминисценция древнего языческого периода [2].

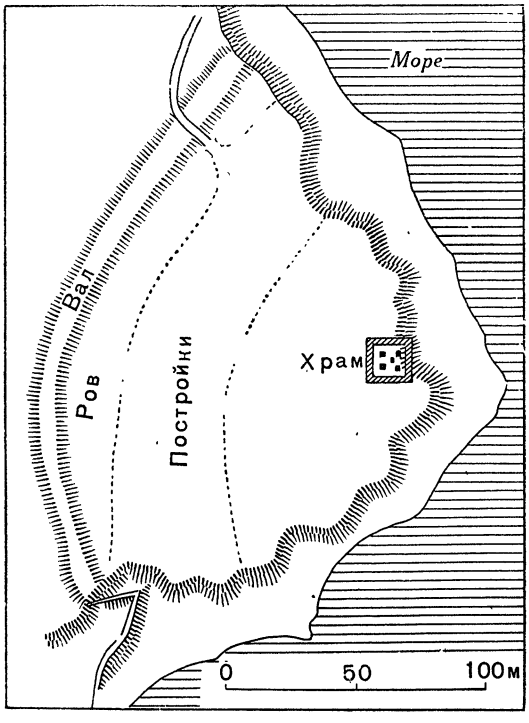

Р и с. 53. План и реконструкция храма Святовита в Арконе.

Особенностью идолов балтийских и полабских славян была поликефалия неизвестного происхождения, отличавшая славянских идолов от так называемых каменных баб — могильных памятников тюрко-татарских народов, большое количество которых было найдено в южной России, на Северном Кавказе и далее, вплоть до Алтайских гор [3]. Вообще же из того, что мы могли бы считать языческими памятниками славян, сохранилось очень немного. Наиболее известным памятником этого рода является так называемый Святовит, найденный в 1848 году в реке Збруч в восточной Галиции и хранящийся сейчас в коллекции Краковской академии. Достоверность и значение Святовита вызвали много споров [4]. Идол Святовита представляет собой четырехгранную колонну из известняка высотой 2,70 *м*, которую вверху венчает голова с четырьмя лицами. Памятник этот я считаю настоящим, и хотя на нем и видны бесспорные следы восточного и античного влияния, все же в целом он, несомненно, представляет собой идола какого-то божества из западных славянских земель. Разумеется, это не Святовит; имя бога, которого изображал этот идол, мы не знаем. Помимо этого Святовита, сохранилось еще несколько каменных памятников, которые, основываясь на месте находки, стиле и атрибутах, а возможно, и поликефалии, мы с полным доверием можем считать славянскими. Такими являются, например, статуи, найденные в реке Регнице у Бамберга, статуя из Гольцгерлингена, статуя из Янкова у Могильна и другие [5]. Вместе с тем в этих изображениях имеется и много сомнительного и недостоверного, более того, обнаружены даже и умышленные подделки, к которым, в частности, относятся так называемые приллвитцкие статуэтки, найденные в конце XVII века пастором С. Ф. Спонгольцем [6] в деревне Приллвитц в Мекленбурге.

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, II, 203. Riedel, Codex dipl. brandenburgensis, X, 69.
[2] О деревянных идолах в древней Сербии см. статью В. Чайкановича, „Студије из религије и фолклора“, Српски етнографски зборник, XXXI, 1924.
[3] См. „Živ. st. Slov.“, II, 146 и Вл. Деметрыкевич, Бюллетень Краковской академии, 1910, XV.
[4] См. „Živ. st. Slov.“, II, 144.
[5] См. ниже, главу о славянской скульптуре и „Živ. st. Slov.“, II, 200 и сл.
[6] В частности, см. статьи В. Ягича в „Archiv für slav. Philologie“, II, 388, V, 193.

Жертвы, приносившиеся богам или демонам, были как кровавыми, и среди них в России и на Западе не было недостатка и в человеческих жертвах [1], так и фругальными [2]. Особенно часто такие жертвоприношения упоминаются в связи с почитанием домашних демонов, которым славяне-язычники подавали хлеб, сыр, мед, калачи, кур, яйца, чеснок и т. д. и т. п. Для обозначения жертвоприношений у славян было много терминов как собственных (*треба*, *жртва*), так и заимствованных [3]. При жертвоприношениях жрец или хозяин — отец семьи, подняв руки кверху, обращался к богам и произносил при этом соответствующую просьбу (древнерусское *моление*, чешское *modlitba*). Сохранилось содержание двух таких просьб. Одну из них приводит Ибн-Русте. Славянин, держа в руках просяное зерно, просит послать обильный урожай. О другой рассказывает Саксон Грамматик, описывая, как главный жрец Святовита в Арконе молится за благополучие родины, рост богатства и новые победы соотечественников [4].

Р и с. 54. Фундамент храма, раскопанного К. Шухардтом на арконском городище.

Жрецы. Специальная каста жрецов засвидетельствована только у балтийских славян, религия которых, как мы видели, была наиболее развита и у которых имелось и наибольшее количество известных богов и крупных культовых центров с известными храмами. В связи с этим, а точнее говоря, причиной этого локального развития была именно каста жрецов[5]. У остальных славян подобного рода жрецы не засвидетельствованы. Здесь, очевидно, отец семьи или хозяин, а в случае необходимости и князь племени исполняли и религиозные обряды, хотя я не могу отрицать и того, что в культовых центрах были также лица, выполнявшие в какой-то степени функции жрецов. Ими являлись постоянные помощники при жертвоприношениях и хранители святилищ.

[1] Человеческие жертвы, приносившиеся Перуну в Киеве (о них упоминает Лаврентьевская летопись (77, 80), затем о них упоминают поучения митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, епископа Серапиона и два арабских автора: Гардизи и Ибн-Русте), на Балканах у болгар (Козьма пресвитер (ed. Kukuljević, Arkiv, IV, 75). У балтийских славян человеческие жертвы приносились Сварожичу, Святовиту, Триглаву, Припегале. Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, II, 237.

[2] Frugolis — плодовый.— *Прим. перев.*

[3] От слова *třebiti* — жертвовать (*třebuště* — алтарь) и от слова *жрети* (ср. *жрец*). Среди заимствованных слов в конце языческого периода пришло слово *трапеза*, а из скандинавского культа древнерусск. *блутити* (см. „Živ. st. Slov.“, II, 186).

[4] А. Я. Гаркави, указ. соч., 265; Saxo (ed. Holder), 566.

[5] В латинских источниках эти жрецы называются minister, sacerdos или просто domesticus. Древним славянским термином, засвидетельствованным уже в источниках X и XI веков, является *жрец* или *жьрьц*.

В отличие от этого, как мы знаем, в отдельных землях балтийских славян существовали такие известные боги, как например Сварожич в Ретре или Святовит на Руяне, а также целые группы жрецов с главным жрецом во главе (sacerdos major, pontifex), которые заботились о поддержании культа и занимались тем, что было самым главным, что приносило больше всего десятины и что более всего оказывало влияние на народ — различными магическими действиями и предсказаниями. Даже у таких богов, которым не был посвящен специальный храм, каким, например, являлся Пров, в дубовой роще в Старгарде был, как упоминают источники, собственный великий жрец [1].

Рис. 55. Статуи, обнаруженные в Регнице, у Бамберга (фото В. Гаафа).

Описание оракула в Ретре оставил Титмар. Саксон Грамматик оставил описание арконского оракула, а Герборд рассказал нам о Триглаве в Щецине [2]. Повсюду главную роль играл посвященный богу конь, которого жрецы проводили через ряд скрещивающихся копий. Наряду с этим предсказания делались по напиткам, которыми наполнялись чаши, находившиеся в руках идолов, затем по черным и белым древкам, по полету птиц и т. д.[3] Не было недостатка и в искусственном экстазе, вызывавшемся при этом.

Колдуны. Наряду с настоящими жрецами у всех славян был распространен еще один вид посредников между народом и богами или демонами, посредников, действовавших без помпы, без храмов и жертвоприношений, но которые тем не менее оказывали значительное влияние на верования народа и на жизненно важные решения как отдельных верующих, так и целых семей и даже больших поселений. Это были колдуны (маги), обычно называвшиеся у древних славян *волхвами* (ед. число *волхвъ*) [4]. Помимо этого, имелся и ряд других специальных названий, обозначавших колдунов, в соответствии с тем видом магии, которым они занимались: *чародей*, *коренитьць*, *ведунъ*, *вещий*, *гадачь*, *баяльникъ*, *обавникъ*, *ворожецъ*, *врачь*, *кудесникъ*,

[1] См. известия, приведенные выше, при описании отдельных богов.
[2] Thietmar, VI, 24 (37); Saxo (ed. Holder) 565, 567; Herbord, II, 32—33.
[3] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", II, 241.
[4] Подробности см. в „Živ. st. Slov.", II, 208—211. Образованных отсюда форм значительно больше.

наузникъ, кобникъ, кузедлик и т. д. и т. п. (те же названия имелись, разумеется, и в женском роде). Эти термины в древнейших славянских источниках соответствуют греческим и латинским терминам μάνος, μάντευς, φαρμακός, ἐπαοιδός, augur, sortilegus, phiton, carius, incantator, divinator, ariolus, veneficus и другим.

Вера в магию, то есть в силу, которая может заставить духа выполнять волю человека, появляется уже на самой низкой ступени культуры, когда едва ли можно говорить о какой-либо системе религиозных воззрений, например на доанимистической ступени, и удерживается она рядом с развитыми культами и тогда, когда появляется уже собственно религия. Для того чтобы удержаться, магия использует самые различные сверхъестественные магические средства, многие из которых засвидетельствованы у славян в языческий период. Основной свой удар христианская церковь направляла против этой языческой магии, так как языческих богов она уничтожила сразу: разбила идолов и разрушила языческие святилища. Маги же и магия остались, и церковь вела с ними упорную борьбу, которая в конце концов все же оказалась безрезультатной. Даже и теперь в глухих славянских областях, куда не проникла еще современная культура, сохранилось много обычаев и поверий, связанных с колдовством и магией, носящих иногда чисто языческий, примитивный характер. Еще до недавних пор в горах на Моравско-словацкой границе, то есть в стране, в других отношениях стоящей на высокой ступени культуры, девушка, желавшая уничтожить свою соперницу, делала из глины фигурку и затем колола ее, сушила в горячем дыму, жгла в печи, будучи убежденной в том, что все эти муки терпит и ее соперница. Это, несомненно, свидетельство того, как спустя много столетий удерживаются самые примитивные представления.

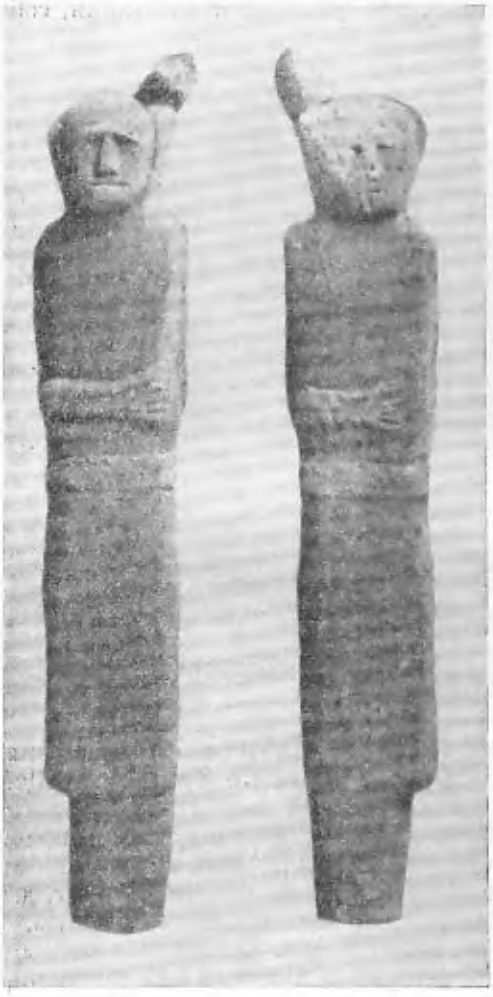

Рис. 56. Колонна у Голцгерлингена (высота 2,24 *м*).

Различные колдуны древних времен упоминаются в древнейших польских и чешских хрониках, а также у древних болгар. Однако наибольшее количество интереснейших сообщений мы имеем по древней Руси [1]. В пер-

[1] „Živ. st. Slov.", II, 212—217. В Чехии князь Бржетислав в 1092 году приказал изгнать всех колдунов (Kosmas, III, I). То же сделал и польский князь Мешко (Miechowski, Chronica Polon., II, 2).

вых русских летописях, относящихся к X—XII векам, колдуны — волхвы — упоминаются очень часто, и мы имеем возможность более глубоко познакомиться с их значением и деятельностью. На Руси волхвы играли видную роль в общественной жизни и, в частности, являлись главными представителями лагеря, боровшегося против христианства. Видя влияние волхвов на народ, церковь со всей силой обрушилась на них, но встретила, особенно в первый период, бурное и радикальное сопротивление волхвов и шедшего за ними народа. Несколько интересных свидетельств этого имеется

Рис. 57.

Рис. 58.

Два фальсифицированных приллвитцких идола.

в Киевской летописи. Большое значение волхвов, обладавших кое-где большей властью, чем князья, подтверждают также и современные восточные источники. Какова была практическая деятельность и какие магические средства использовали эти волхвы, а в значительной мере, вероятно, и вещуньи, пользовавшиеся властью над своими соплеменниками со дня их рождения и до самой смерти, объяснить здесь не представляется возможным, и поэтому я отсылаю читателя к собранному мной материалу, опубликованному в другом месте[1]. Я хотел бы лишь еще раз подчеркнуть, что в северной славянской Руси сильно сказывалось и влияние соседних финских шаманов и что к их влиянию следует отнести также и часть инвентаря славянских могил этих областей. В этих могилах обнаружены небольшие фигурки, изображающие людей и животных, принадлежавшие, по всей вероятности, этим шаманам [2]. В других же славянских областях, за исключением северных, подобных свидетельств не имеется, и поэтому говорить о влиянии и силе финских шаманов на всю славянскую Русь нет никаких оснований.

[1] „Živ. st. Slov.", II, 218—229. Там же смотри и об амулетах, называемых *навиз*, *навез*, русск. *науз*, что является переводом латинского ligatura. В Ростунове (Московская губерния) была найдена могила волхва.

[2] Там же, II, 225—227. В летописи упоминается также и о том, что новгородцы ходили к соседним финским шаманам. (Лаврентьевская летопись под 1071 годом.)

Праздники времен года. К языческому культу относится и ряд празднеств и обрядов, исполнявшихся в различные времена года. Отчасти эти празднества были связаны с культом умерших предков, и в основе их лежало почитание предков, но большей частью это были празднества космологические, посвященные окончанию зимы и приходу весны, зимнему и летнему солнцестоянию, окончанию полевых работ, и возникали они, как правило, в связи с обстоятельствами хозяйственного порядка. Шла ли речь

Р и с. 59. Шаманские атрибуты и украшения из русских находок.
1 и *3* — Гладеново; *2* — Галичский клад.

о наступлении весны, о солнцестоянии или о начале зимы — всюду за этим скрывались причины хозяйственного порядка, побуждавшие народ к тому, чтобы определенными обрядами и молитвами обращаться к тем духам и богам, которых именно в этот момент приходилось принимать во внимание.

Прежде всего это было солнце, оказывавшее решающее влияние на жизнь и хозяйство древних славян. Отсюда и возникло ведущее значение солнечных богов и годовых празднеств, связанных с определенными временами года, особенно началом весны, когда солнце оживляет природу, затем периодом летней и осенней уборки урожая, которым солнце, по представлению славян-язычников, завершало свои хозяйственные функции. А обряды, сопровождавшие эти празднества, являлись не чем иным, как актами колдовства или магии, цель которых заключалась в том, чтобы оказать влияние на космические силы и получить богатый урожай. Вместе с тем необходимо отметить, что древние источники об этих культах говорят очень мало, и мы можем судить о них главным образом по тому, как они отложились в историческом и современном славянском фольклоре. Однако этот вопрос не разработан еще настолько, чтобы мы могли сказать, что́ в современные обряды и празднества перешло из языческих верований славянства, что́ уже в древнее время перешло из чужеземных культов и что́, наконец, привнесено в эти празднества уже позднее в историческое время.

К группе зимних празднеств относится прежде всего *коляда* (*koleda*), то есть хождение от дома к дому с наряженной фигурой, называемой коляда. Хождение сопровождается соответствующими песнями и поговорками.

Коляда упоминается у славян уже в языческий период [1], но по своему происхождению этот обряд не славянский, а является заимствованным из Рима новогодним празднеством *colendae*, из названия которого и образовалось славянское коляда. Празднества эти проникли к славянам еще до принятия христианства, но пережитки их сохранились и по сегодняшний день, причем определенные римские календы, о чем свидетельствуют различные обряды, в частности в России, например обряд, называемый *усень*, *овсень*, слились с остатками каких-то славянских празднеств в честь зимнего солнцестояния. Другой древний обычай и праздник, известный под названием *крачун* и широко распространенный среди славян, засвидетельствован на Руси уже в XII веке. Но и он, по всей вероятности, такого же происхождения, как и коляда, а название его образовалось, повидимому, от латинского creatio — рождение Пана [2]. Бога *Крачуна*, *Коляды* или *Усена* в славянской мифологии не было; все это лишь наименования празднеств.

К весенним празднествам относится главным образом «вынесение смерти», которое у западных и восточных славян называлось *Марена* (чешск. Маржена, наряду с Морена, польск. Саржана, укр. Марена). До сих пор у всех славян, но главным образом у западных и восточных, в первые дни весны делают фигуру из соломы (местами используют небольшое деревце), которую с песнями проносят по селению и бросают в воду [3]. Этот обряд, хотя непосредственно он нигде не засвидетельствован, несомненно, был известен уже в языческий период и распространен почти у всех славян, а чешские и польские источники XIV и XV веков упоминают о нем, как об очень древнем языческом обряде [4]. Обряд вынесения Марены — смерти,— бесспорно, связан с уходом зимы и приходом весны и скорее всего является пережитком жертвоприношений, приносившихся весенней воде, освободившейся от льда. Жертва, приносившаяся воде и называвшаяся Марена [5], первоначально была настоящей и лишь позднее заменена чучелом. Никакой богини Марены в том смысле, в каком это истолковывает Длугош (см. выше, стр. 285), не было.

Более богатой является группа летних празднеств, так как на летний период падало наибольшее количество сельскохозяйственных работ и летнее солнцестояние в условиях теплой погоды давало больший простор для различных игр и развлечений на лоне природы, чем холодное зимнее солнцестояние. Празднества, связанные с солнцестоянием, действительно заметно выделяются среди других. Они полны шумного веселья и танцев, и главным действием в них являются прыжки через огонь (очевидно, с целью очищения), а затем различные гадания, а кое-где и какие-то драматические сцены, аналогичные утоплению Марены, то есть вторичное умерщвление или захоронение символической фигуры, носившей различные названия. Подобные известные под различными названиями празднества в период солнцестояния, чаще всего накануне праздника Иоанна Крестителя (23—24 июня), издавна отмечаются у всех славян; на Руси мы знаем праздник *купало* (либо во множ. числе *купалы*), в Польше — *соботка*, в Чехии — *купадло*, в Словакии — *купадло*, *вайануо* (vajanuo), у словинцев — *крес*, у сербов — *Ивандан* или *крес*, у болгар — *Иван-ден* и т. д. Празднества, которые сопровождались не только плясками и весельем, но и драматическими представле-

[1] В „Заповеди Эвхология Синайского" ст. 24 и в русской „Заповеди св. отец" XI века, ст. 105, 137. Более подробно см. о коляде в „Živ. st. Slov.", II, 241—248.

[2] „Živ. st. Slov.", II, 248.

[3] „Živ. st. Slov.", II, 249 и сл.

[4] В Чехии два церковных запрета обряда „вынесения смерти" от 1366 и 1384 годов; в Польше запрещение познаньской епархии от 1420 года и сообщение хроники Длугоша под 965 годом (II, I). Тексты см. в „Živ. st. Slov.", II, 250.

[5] Наименование „Марена" связано с древнеславянским *мрети*, *моръ* — смерть и только позднее было соединено с различными славянскими формами имени богородицы Марии.

ниями захоронения чучела, имели место в России в день Купалы. В отдельных местностях вместо Купала фигурируют Ярила, Кострома, Коструб онка, у болгар — Калоян, Скалоян (и Герман[1]). Однако подобное драматическое действие, по всей вероятности, не относилось к собственно купальскому празднеству, которое поэтому значительно различается как хронологически, так и по своей форме. В нем также явственно различимы влияния греческих и восточных культов.

В остальном же эти празднества носят древний характер и косвенно засвидетельствованы уже в XI—XII веках, о чем можно судить по тому, что летописец Козьма Пражский и биограф епископа Оттона Бамберского упоминают о больших языческих празднествах у чехов и поморян, происходивших в июне (Троицын день)[2]. Названия *купало* и *соботка* впервые появляются только в XIII веке, но уже с этого времени мы можем проследить их вплоть до сегодняшнего дня[3].

Значение этих празднеств не вполне ясно, однако в основе их, видимо, лежало чествование природы в момент ее наибольшего расцвета, накануне сбора урожая, а с этим, по всей вероятности, были связаны и сильные эротические эмоции, которыми эти празднества сопровождались и которые накладывали на них отпечаток древнего гетеризма [4]. К купальским празднествам как по времени их празднования, так и по характеру относятся и празднества *русальные* (празднества роз).

Как под влиянием римских *росалий* (rosalia, pascha rosarum) возникли у славян эти празднества, в основе которых лежало олицетворение предков, я уже упоминал выше (стр. 272). У южных славян из росалий возник праздник, называвшийся *ружичало* (*дружичало*). Подобно этому и русская радуница возникла от греческого ῥοδώνια; затем возникли представления о *русалках* и, наконец, и летние праздники, распространенные среди всех славян и называвшиеся *русалие*, *рисале*, *русадла*, которые, несомненно, являются не чем иным, как римскими росалиями. Римско-эллинистическое влияние здесь в принципе бесспорно. Нельзя лишь сказать пока, что́ в нынешних формах русалий является по своему происхождению заимствованным, а что́ — частью какой-то собственной обрядности, с которой праздник росалий слился.

Основным мотивом празднества повсюду является вождение наряженной девушки (живой или чучела) и маскарад со звериными масками, сопровождающийся разговорами, песнями, плясками и символическим сражением. Такие русальные игрища известны на Руси уже в XI—XII веках. Они представляли собою эксцентричные народные игры, против которых ожесточенно, но, разумеется, безуспешно выступала церковь [5]. Известны они и на Балканском полуострове, где большое исследование о русальных игрищах опубликовал в 1920 г. М. Арнаудов [6], а также в Чехии, Моравии и Словакии, где они упоминаются еще в конце XVI века.

Последней большой группой летних и осенних обрядов были в языческий период все обряды и празднества, связанные с уборкой урожая и вообще с окончанием всех сельскохозяйственных работ. Таких обрядов у

[1] Подробности см. в „Živ. st. Slov.“, II, 252—257. Бог Купало, упоминающийся в летописях XVII века, возник лишь вследствие непонимания названия праздника. То же относится и к богу Ярило и Герману (там же, 256).

[2] Kosmas, III, 1; Herbord, II, 14. См. также сообщение Титмара о празднествах на горе Соботка в Силезии (Thietmar, VII, 44).

[3] „Živ. st. Slov.“, II 255.

[4] См. выше, стр. 191, а также статью А. Н. Веселовского, „Гетеризм... в купальской обрядности“, ЖМНП, 1894, ч. 291, февраль, отд. II, 287, 315.

[5] См. „Živ. st. Slov.“ II, I, 261.

[6] М. Арнаудов, Кукери и Русалии, Сборник за народни умотвореня, Recueil du folklore du peuple, София, XXXIV, 1920.

славян и по нынешний день много, а что они существовали уже и в языческий период, мы видим по празднику Святовита в Арконе, описанному Саксоном Грамматиком. Праздновался он один раз в год, по окончании жатвы, и жрец Святовита после многих жертвоприношений предсказывал по количеству вина в чаше, находившейся в руках бога Святовита, урожай на будущий год [1]. Этими праздниками, очевидно, заканчивался сельскохозяйственный сезон и серия просительных и магических актов, с которыми древний славянин обращался к богам, даривším хороший урожай. Частично эти акты удержались и по нынешний день[2].

Конец язычества

Язычество у славян исчезло не сразу. Выше, на стр. 269—270, мы уже видели, что новая христианская вера была официально принята в различные периоды с VII по XII вв. Однако это не означало, что весь народ отказался от древней языческой веры и полностью принял новую. Повсюду среди народа, хотя внешне он и стал христианским, еще долгое время удерживалась древняя вера — древние русские источники называют это положение двоеверием,— и мы повсюду наблюдаем и кровавую реакцию и восстания приверженцев язычества, которое удерживалось в народе главным образом усилиями жрецов и волхвов [3]. Кое-где двоеверие полностью удержалось до XI—XII веков, а на Руси, так же как и в соседней Литве, еще и позднее. Относительно быстро были забыты языческие боги там, где они были созданы лишь усилиями жрецов, поддерживавших их культ. Но языческий мир духов, заполнявший всю природу, и культ их в полной мере сохранялись в течение длительного времени, и борьба церкви с ними была безуспешной. В этой борьбе церкви с язычеством интересен тот факт, что православная церковь вела себя по отношению к язычеству совершенно по-иному, чем католическая. Последняя боролась с язычеством более упорно и заставила народ забыть многие древние обычаи и обряды. Православная церковь была более терпимой, часто пыталась приспособить древние верования к церковным обрядам, в результате чего они сохранились в большей степени. На Балканском полуострове мы до сих пор встречаем попов, которые официально отмечают на кладбищах праздники мертвых и по древнему обычаю оделяют души мертвых вином и едой. Более того, мы встречаем даже таких попов, которые заклинают злых духов и вампиров таким же образом, каким их заклинал многие столетия назад какой-нибудь славянский колдун[4].

[1] Saxo (ed. Holder), 565. См. „Živ. st. Slov.“, II, 240.

[2] „Živ. st. Slov.“, III, 112; I. Bystroń, Zwyczaje żniwiarskie w Polsce, Krakow, 1916, а также C. Zibrt, Obžinky, Praha, 1910.

[3] См. „Živ. st. Slov.“, II, 266 и сл., 274.

[4] См. „Živ. st. Slov.“, I, 295, а в настоящей работе выше, на стр. 213. См. также свидетельства, приводимые M. Murko, Grab als Tisch (Wörter und Sachen, II, 1910, 84, 89, 110) и у М. Милечевица, Живот Срба, I, 326.

Глава VII

НАЧАЛО ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА[1]

Общество

Основой всей политической, экономической, правовой и религиозной жизни древних славян был род, затем племя и родо-племенное объединение. Каждая из этих общностей, представлявшая собою ступень в развитии славянских народов и государств, имела свои кровнородственные экономические и религиозные интересы, работала для себя, управлялась сама, и сама представляла собой правовую единицу. Правда, многие правовые идеи и обычаи были общими для всех славянских племен и родо-племенных объединений, но их непременная сила распространялась только на упомянутые общности. Член каждого рода или племени был в нем полноправным субъектом, и всякий пришелец, будь то неславянин или славянин другого племени, считался чужеземцем, который не мог пользоваться правами, принадлежавшими членам племени или племенного объединения, в которое он пришел.

Полноправными членами племени могли быть только свободные люди. Как и у других соседних народов, так и у славян племя в конце языческого периода делилось на три класса: 1) рабов, 2) свободных и 3) немногочисленного слоя, состоявшего из людей, выделявшихся своей родовитостью, богатством или положением на княжеской службе. Из этого класса образовалось историческое *дворянство*.

Класс людей несвободных, или рабов, образовался в течение предшествующих столетий различными путями. Рабами были либо остатки прообитателей — людей чуждой расы, которых славяне застали, заняв страну (так было, например, на Балканском полуострове, в Альпах, а также и в Чехии), или же ими были пленники, захваченные в ходе непрерывных войн с неприятельскими племенами (*плѣньникъ*), или же люди, потерявшие свободу в результате наказания за преступление или неуплату долга[2], или, наконец, о чем более подробно я буду говорить в главе X, это были рабы, купленные хозяином на торжищах. К этому классу рабов принадлежало, разумеется, и все потомство, родившееся от несвободных родителей.

Каковы были отношения между господином и рабом, нам точно неизвестно. Но одним славянское право явно отличалось от римского, а именно тем, что господин считал своего раба не только вещью, но и членом семьи, хотя и обладающим меньшими правами. Характерно и несомненно то, что древние славянские термины для обозначения подневольных людей: *рабъ*

[1] Наука о славянском праве представляет собой самостоятельный раздел, опирающийся на большое количество самостоятельных исторических источников, и поэтому я обратился с просьбой к д-ру К. Кадлецу, профессору Пражского университета и одному из лучших знатоков славянского права, написать соответствующую главу к „Жизни древних славян". Однако поскольку эта глава до сих пор не опубликована, я придерживался прежде всего краткого изложения, которое К. Кадлец опубликовал в Польской энциклопедии, IV т., часть II (Краков, 1912), и отсылаю читателя к подробному изложению, представленному по этому вопросу К. Кадлецом в специальном сборнике „Collection de Manuels de l'Institut d'études slaves" под названием „Introduction à l'histoire du droit slave". Одновременно приношу ему свою благодарность за просмотр этой главы.

[2] K. Kadlec, Enc. pol., I. c, IV, 2, 100, а в этой работе см. далее, главу X.

(*робъ*) и *отрокъ* являлись одновременно и терминами для обозначения детей [1]. Наряду с этим мы располагаем и непосредственными историческими свидетельствами о том, что с рабами славяне обращались мягко, разрешали им через определенный срок освобождаться путем выкупа из рабства, а если они не были выкуплены после этого срока, оставаться в общине в известной мере свободными, причем отношение к ним было довольно дружественное [2]. Однако имеются сообщения, свидетельствующие и об обратном, правда, относятся они уже к более позднему времени. В более древние времена, в период постоянных перемещений, отношение к коренному населению и к военнопленным, видимо, действительно было менее суровым, чем позднее. Не было еще той ненависти, которую вызвали особенно немцы, стремившиеся поработить, уничтожить и денационализировать полабских славян [3].

В отличие от бесправных рабов класс *свободных* был полноправным. Свободные принимали участие в вече, в случае войны несли военную службу и обладали, разумеется, и всеми личными правами. Они были полноправными субъектами права, могущими, в частности, приобретать для себя имущество и нести обязательства. У части западных славян (чехов и поляков) эти свободные назывались *дедичами*, у полабских и восточных славян *смердами* (*смердъ*, *zmurdones*, *smardones*) [4]. Некоторые историки права считали рабами и смердов, но, судя по некоторым известиям, правильней будет считать их классом сельского свободного населения [5]. О том, что все члены Антского союза племен были одинаково свободными, свидетельствовал Прокопий уже в VI веке [6].

Основа *третьего*, еще более *привилегированного класса* и его отличие от остального свободного населения была предопределена уже самой организацией рода и жупы, в которых начальник, естественно, всегда был наиболее уважаемым и влиятельным лицом, и поэтому неудивительно, что эти начальники и их потомки начали с течением времени чувствовать себя стоящими над остальными членами рода, племени или жупы. Позднее, когда родовые связи стали разрушаться, это разделение проявилось и в имущественных отношениях, так как и здесь старейшина (староста) и жупан стремились сохранить за собой больше имущества, чем остальные.

Из этих наиболее влиятельных и богатых людей, которые были у славян уже в VI веке, так как с этого времени в отношении их появляются в источниках термины: primates, primi, priores, primores, proceres, praestan-

[1] K. Kadlec, Enc. pol., 91; J. Janko, Pravěk, 73. И. Янко в этом месте дает следующее толкование этой связи наименований: в первоначальный период развития праславянского общества мужчины и молодежь занимались лишь охотой, скотоводством и войной, а тяжелая хозяйственная работа лежала на плечах женщин и осиротевших детей (*робъ* от праславянского *орбъ*, ср. староиндийск. *arbha* — малый, слабый). С течением времени слово *робъ* утеряло свое первоначальное значение и стало означать лишь того, кто был вынужден выполнять тяжелую работу, приобретя, таким образом, новое значение — *раб (otrok)*. Однако в этом истолковании Янко неправдоподобно то, что в древней славянской задруге сироты должны были выполнять эти наиболее тяжелые работы. Если же этого не было, то лишено основания и объяснение перехода значения *робъ — сирота* в *робъ, рабъ* — в смысле раба. Подобное обращение с сиротами противоречило бы принципам задруги. Слово отрок (otrok) первоначально означало того, кто не умеет говорить (Miklosich, Etymologisches Wörterbuch, 274), и отсюда легко объяснить, почему им назывались и дети и иноплеменные пленные.

[2] См. сообщение Маврикия, Strat., XI, 5 (VI в.) и „Тактику" Льва Диакона, XVIII, 104; о хорошем обращении с рабами на Руси см. также известие Ибн-Русте (А. Я. Гаркави, указ. соч., 268).

[3] См. заключительную XIII главу. У чехов в начале исторического периода обращение с рабами также не отличалось уже мягкостью (Kosmas, Chron., III, 23, 62).

[4] См. далее, на стр. 300, примечание 2.

[5] K. Kodlec, Enc. pol., 71.

[6] Procop., B. G., III, 14.

tiores, meliores, seniores[1],— образуется та часть славянского дворянства, которая, когда возникли монархии с князьями во главе, составила княжескую дружину и получила в свои руки командование войском, административные должности по управлению государством и вообще приобрела влияние в княжеском окружении. Другая часть дворянства образовалась в славянских землях из тех княжеских дружинников, которые по своему происхождению являлись чужеземцами и были приглашены князем в славянские земли. Нам известно, что, по крайней мере, так было в России после прихода русо-варягов. Так же было и в Болгарии (βοιλάδες, βολιάδες, славянск. *болярин* с почетным эпитетом βαγατούρ), и не исключено, что и в других славянских землях княжская дружина по своему составу не была славянской и состояла из иноплеменных элементов. Были, однако, и дружины, состоявшие из дружинников — славян; во всяком случае, у нас нет оснований видеть в них чужестранцев. Из этих дружин как иноплеменных, так и собственно славянских, размещенных по городищам, и образовывалось дворянство либо непосредственно в окружении князя, либо по всей земле. Класс так называемых *витязей* (полабск. *vićaz*, церковнославянск. *витязь*, *vitęzь*, латинск. *vithasii*, *vethenici*, немецк. *witsezen* или *knechte*), засвидетельствованный у полабских сербов в XI и XII веках, был не чем иным, как мелким военным дворянством, служившим в княжеской коннице и представлявшим собою остатки старых княжеских дружин[2]. К этому классу древнего славянского дворянства принадлежали также *жупаны*, которых мы знаем в тот период у южных и северных сербов и у других славян (см. далее, стр. 307).

Имущественное право

Что касается имущественного права, то необходимо заранее указать, что в тех случаях, когда речь шла о недвижимом имуществе, оно основывалось на принципе коллективной собственности. Право отдельного человека было действительным только как право члена кровнородственного и родового союза. Такие союзы, основанные на кровном родстве, были первыми субъектами права, и первоначально только они являлись владельцами недвижимого имущества. Землю обрабатывала вся семья: уничтожала лес, запахивала пустоши, засеивала их, убирала урожай, весь доход от которого также являлся собственностью всей семьи,— отдельные члены семьи, как женатые, так и неженатые, пользовались им сообща. Это так называемая славянская форма *задруги* (у южных славян *zadruga*), которая у чехов и поляков называлась когда-то *rodinny nedil*. Хотя мы и не располагаем прямыми и очевидными свидетельствами существования ее у славян, но множество пережитков, сохранившихся у них вплоть до новейшего времени, а также аналогичное развитие правовых институтов у других народов показывают,

[1] См. „Slov. star.“, II, 371, III, 105. Впервые славянские primates упоминаются у антов вместе с князем Божем (Jord., Get., XLVIII, 247), а затем в VI веке у славян в Валахии, одновременно с князем Даурентия (Даурита) (Menander, XVI (ed. Niehbuhr) 404). Здесь они назывались „οἱ ἐν τέλει τοῦ ἔθνους“, „Δαυρίτας καὶ οἱ ἡγεμόνες“.

[2] См. Thietmar, Chron., V, 6 (satellites dicti slavonice vethenici). Грамота Лаутенбергского монастыря от 1181 года различает у сербов-далеминцев следующие классы: 1) seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant, 2) in equis servientes, id est withasii, 3) ceteri liti, videlicet hoc est zmurdi, et 4) hi qui censuales ecclesiae vel proprii sunt. См. также и грамоту монастыря в Кальтенбрунне от 1122 года, различающую: eldesten, knechte, zmurde, lazze, heyen (Knothe, Archiv für sächs. Gesch., IV, 1883, 3. Meitzen, Siedelung, II, 241; Peisker, Beziehungen, 116). О происхождении слова *vitęzь* см. дальше, в главе XI и в „Živ. st. Slow.“, III, 487 и сл. См. также Janko, Vestnik Akad. ceske, XVII, 189.

что и у славян первоначальное развитие было таким же[1] и началось оно в древнее время, а не в позднейшую историческую эпоху, как в последнее время пытался уверить в этом Я. Пейскер [2]. И когда Гельмольд говорит о сыне Готшалка князе Генрихе, покорившем в конце XI века полабских славян, что он учил их, чтобы «каждый крестьянин пахал *свое* поле и работал с большей пользой и целесообразностью» [3], то здесь, очевидно, имеется в виду уничтожение старого задружного устройства.

С другой стороны, уже издавна существовали, разумеется, и зачатки имущества личного, индивидуального, а именно собственность на имущество движимое. Не подлежит сомнению, что, например, одежда, орудия труда, оружие и другие подобные виды движимого имущества были первыми вещами, без которых древний славянин не мог существовать. Член рода, изготовивший их и пользовавшийся ими, был связан с ними в большей степени, чем с такими же вещами, сделанными другим членом рода. Первоначально это было личное имущество, на что указывает и сам термин *имѣние* (*mienie*, *majetek*),—то есть то, что имею в руках [4]. Однако переход имущества в индивидуальное владение и, в частности, имущества земельного, недвижимого, наступил лишь в конце языческого периода. В этот период древняя задруга начала распадаться. Начиная с X века мы видим, как возникают села и усадьбы, носящие название их владельцев и имеющие суффиксы *-ov*, *-ova*, *-ovo*, *-in*, *-ina*, *-ino*. Это означает, что отдельные члены рода начали выделяться из него и основывать новые собственные хозяйства; большие задружные роды распадались на обычные семьи. Первоначально собственностью этих отдельных семей становилась только земля, на которой стояло жилище, хозяйственные постройки и гумно. Остальная часть земли: поле, пастбища, леса — продолжала оставаться коллективной собственностью, но впоследствии, главным образом под чужеземным влиянием (см. цитированное выше известие Гельмольда от сына Готшалка князя Генриха), обрабатываемая земля была разделена между отдельными семьями и членами всего поселения, и только пастбища и леса вплоть до нового времени [5] в большинстве случаев оставались в коллективном (общинном) владении. В России еще и теперь производится передел земли таким образом, что крестьянин является лишь временным хозяином принадлежащего ему поля.

Таким образом, в XII—XIII веках старый задружный характер славянских поселений совершенно изменился, а тем самым изменились и правовые имущественные отношения. Лишь некоторые пережитки древних правовых отношений, как например коллективная ответственность общины или целого союза общин (*opole* в Польше, *вервь* в России, *околина* на Балканах и т. д.), затем упомянутые уже чешские *obciny*, коллективное право села на

[1] На существование задруг, очевидно, указывает уже Прокопий (III, 14), когда после сообщения „ἐν δημοκρατία βιοτεύουσι καὶ αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τὰ τε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται“ добавляет еще: „ὁμοίως δὲ καὶ τὰ ἄλλα ὡς εἰπεῖν ἅπαντα ἑκατέροις ἐστί τε καὶ νενόμισται τούτοις ἄνωθεν τοῖς βαρβάροις“.

[2] Литература о новой славянской задруге и о споре, сводившемся к вопросу о существовании задруги в древний период, значительна. См., в частности, K a d l e c, Rodinný nedíl čili zádruha v právu slovanském (Praha, 1888) и его же, Rodinný nedíl ve světle dat dějin právnich (Cas. Mat. Mor., Brno, 1901); O. B a l z e r, O zadrudze słowiańskiej (Kwartalnik histor, XIII, 1899); J. P e i s k e r, Slovo o zádruze (Národopisny sbornik českoslov, IV, 38); Die serbische Zadruga (Zeitschr. für Sozial- und Wirtschaftsgesch., VII, 1899); G. G o h u, Gemainderschaft und Hausgenossenschaft (Zeitschr. für vergl. Rechtswiss., XIII, 1899); I. S t r o h a l, Zadruge južnich Slovena (Glasnik zemal. muzeja u Bosni i Gercegovini, XXI, 1909); С. Бобчев, Бълг. челадна задруга, София, 1907 г. Другие работы, большей частью полемические, см. у Кадлеца, I. с. Прекрасную картину, исходя из анализа лингвистических данных, дал И. Янко, Pravek, 161—183.

[3] H e l m o l d, I, 34 („precepit Sclauorum populo ut coloret vir agrum suum“).

[4] K. K a d l e c, Enc. pol., IV, 92.

[5] О древних ограничениях земельных участков хозяйств (újezd a obchozú) см. у Кадлеца, I с. 110.

пастбища и леса, право вмешательства в продажу наследства, и другие уже более незначительные пережитки говорят о первоначальном коллективном характере собственности и общих обязанностях [1].

Здесь необходимо, однако, отметить, что объединение поселений в более крупные общности происходило не только по принципу кровного родства, но и по причинам чисто экономическим. Сравните, например, городские области в России; польское *ополе* также было территориальной, а не родовой единицей.

Семейное право

Большое значение в славянской семье имело разделение полов. Какого-либо равноправия обоих полов ни в семье, ни вне ее славянское право не знало. Только мужчина был полноправным членом семьи, женщина таковым уже не являлась. Отношение мужа к жене было отношением господина и хозяина к лицу подвластному. Женщина обязана была, например, быть верной своему мужу, однако сам мужчина такую верность сохранять обязан не был и мог иметь сколько ему было угодно наложниц, а жену мог вообще прогнать. После смерти мужа жену вместе с рабами и предметами, принадлежавшими господину, сжигали вместе с ним [2].

Тем не менее было бы ошибкой рассматривать женщину в древнем славянском обществе и семье как настоящую рабыню. Мы располагаем и иными свидетельствами, показывающими, что де-факто женщина была в доме не только хозяйкой и госпожой, пользовавшейся полной свободой, но что она принимала участие и в общественной жизни. Славянская княгиня — это не только былинно-сказочная традиция. Так, например, Титмар сохранил сообщение о некой славянской княгине в северной Венгрии (в X веке), которая провела свою жизнь на коне с кубком в руке и умела пить не хуже мужчин [3]. Такие случаи были, конечно, исключением, но вообще-то было вполне естественным, что жена князя или вельможи занимала иное положение, чем женщина в рядовой славянской семье. Вместе с тем я не хочу излишне принижать и положение последней. При жизни мужа она, разумеется, не могла владеть имуществом и своей собственностью могла считать лишь такие предметы, как одежда, белье, украшения[4]. Однако после смерти мужа, если у него была личная собственность, жена его, точнее вдова, о чем у нас имеется несколько свидетельств, занимала его место. Она становилась покровительницей несовершеннолетних детей и владела оставшимся имуществом. См. записанные Гербордом свидетельства о славянском Поморье, а в отношении России — известие в Киевском патерике от XI века [5]. Вдова вообще пользовалась уважением, и Поучение князя Владимира Мономаха также предлагает заботиться о сиротах и вдовах.

О различных формах супружества, полигамии и моногамии, о брачных обычаях, уносе и выкупе, а также о свадебных обрядах более подробно я рассказывал в главе I [6]. Здесь же я лишь упомяну, что унос являлся первичной, а выкуп, то есть продажа дочери за вено, более поздней формой брака. В конце языческого периода эти две формы брака дополнились третьей формой брака, при которой невеста приносит *приданое — vêno* [7]. Отноше-

[1] K. Kadlec, Enc. pol., IV, 97.

[2] См. выше, стр. 189. Kadlec, I c, 105. Janko, Pravek, 152—161. По некоторым свадебным обрядам также можно видеть, что жена некогда являлась личной собственностью мужа.

[3] Thietmar, IX, 4 (VII, 3). Другое сообщение о женщине, очевидно славянке, правившей селом, см. у Приска (В. Латышев, указ. соч., I, 824).

[4] K. Kadlec, I c., 106.

[5] Herbord, II, 23; III, 5, 28; Киево-печерский патерик, V, 7 (перев. Викторова, 107).

[6] Более подробно, а также библиографию см. у Кадлеца (Enc. pol., IV, 2, 102—104).

[7] K. Kadlec, I. c., 104. См. „Živ. st. Slov.", I, 73—74.

ния между детьми и отцом также немногим отличались от отношений между рабом и господином. Термины, обозначающие детей и рабов, как мы уже выше видели, в славянских языках часто взаимнозаменяемы, а слово челядь (чадь), как и римское слово familia, означало всех лиц, находившихся в доме под властью отца,—как детей, так и рабов[1]. Отец (*староста, господь, господарь*) пользовался не только правом наказывать, но и правом распоряжаться жизнью своих детей, и нам известно, что в древней Руси в случае голода родители продавали своих детей в рабство[2]. Вместе с тем мы видим, что взрослые дети мужского пола очень скоро становились совладельцами семейного имущества и совместно с отцом решали вопросы, связанные с его использованием.

Пока существовала задруга, вопрос, кто и как должен заботиться о несовершеннолетних детях, оставшихся без родителей, не возникал. Вся семья, в частности ее старейшина, выполняла эту обязанность. Лишь когда задруга начала распадаться, возникла необходимость установлений, которые предусматривали бы, кто должен заботиться о детях после смерти их отца. Такая обязанность падала либо на вдову умершего, то есть на мать детей, либо на кого-нибудь из ближайших родственников [3].

С древним существованием задружных семейств связано также и отсутствие в тот период права наследственности. Семья как юридическое лицо не умирала, и семейной собственностью пользовалось одно поколение за другим. Лишь когда появилось личное имущество, сначала движимое, а затем и недвижимое, мог возникнуть вопрос о наследниках. Вполне естественно, что движимое имущество переходило к ближайшим родственникам, особенно в тех случаях, когда такое пожелание выразил перед смертью сам умирающий. Позднее после смерти отца семейное имущество делилось и между братьями, которые еще при жизни умершего были совладельцами этого имущества [4]. Это часто можно было наблюдать в княжеских семьях (удельная система).

Уголовное право. Суд

Первоначально уголовное право осуществляли кровнородственные организации (род, задруга). Обычно кровная родовая месть носила общественный характер, но позднее, когда возникла политическая организация, кровная месть стала на защиту общества от несправедливостей, чинимых народу юстицией.

История застает славян в тот период, когда кровная родовая месть была еще в полной силе. Существование ее подтверждает Маврикий в случаях, когда гостю наносилась обида. Наглядные доказательства кровной мести, относящиеся к первому периоду христианства, дает нам история чешских Вршовиц и их борьбы с княжеской властью в Праге [5]. Первоначально и здесь, как повсюду, был в силе принцип — око за око, зуб за зуб, — однако позднее одновременно с этой формой уголовного наказания установилась и более мягкая, когда виновный должен был выплатить материальное возмещение, обычно в гривнах, и наряду с ним требовалась еще и моральная фикция возмездия, сопровождавшаяся специальной церемонией [6]. Эту систему компенса-

[1] K. Kadlec, I. c., 106.

[2] См. „Заповедь св. отец" XI века у Е. Е. Голубинского в его книге „История русской церкви", I, 2, 545 и Казвини у Charmoy, Relation, 342. См. также Iacob, Handelsartikel, 12.

[3] K. Kadlec, I. c, 107.

[4] K. Kadlec, I. c, 108.

[5] См. Maurik., XI, 5; Vita Scti Adalberti auct. Canapario, 12, 19; Kosmas, 1, 34, 42, 111, 13, 23. В тексте „Жития Войтеха" имеется упоминание о праве убежища, которое засвидетельствовано и у балтийских славян (см. „Živ. st. Slov.", II, 236).

[6] K. Kadlec, I, c. 115—117.

ций славяне знали, как об этом свидетельствуют постановления договора Олега (по закону русскому) от 911 года[1], уже в X веке; но, по мнению Кадлеца, в тот период это еще было исключение и система компенсаций на основе новых государственно-правовых норм только еще возникала. Позднее она, разумеется, распространилась повсюду, но прошло еще много времени, пока княжеской власти удалось полностью искоренить древний обычай кровной мести[2]. О какой-либо определенной таксе штрафов-выкупов до X века, разумеется, не могло быть и речи.

Славянскому праву широко была известна *взаимопомощь* при поимке преступника на месте преступления, например вора при краже или прелюбодея в объятиях чужой жены[3]. Наказание следовало немедленно и не влекло за собой кровной мести, так как рассматривалось как само собой разумеющееся. Но княжеская власть позднее стремилась и здесь эту взаимопомощь ликвидировать и заменить ее обычным княжеским судом.

Значительным явлением в славянском уголовном праве была коллективная ответственность (круговая порука) кровнородственных союзов в случае совершения преступления членами этих союзов, причем такая ответственность сохранилась и после того, как кровная родовая месть начала исчезать. За уголовное действие отвечал весь род, община и даже еще более широкие союзы, например целые группы поселений (русск. *вервь*, сербск. *околина*, польск. *opole*, чешск., вероятно, *honitva*), и целый такой союз обязан был преследовать преступника, а в случае если он его не задерживал, но следы его вели в какую-то из общин, вся община обязана была либо выдать преступника, либо платить возмещение. В Чехии такая обязательная коллективная ответственность существовала до конца XII века, в Польше она засвидетельствована в XIII веке в книге законов земли крестоносцев, в России — в «Русской Правде», а на Балканском полуострове — в «Законнике Душана» от XIV века[4].

В основе *судебной организации* первоначально также был родовой союз, и уже в тот период, в ходе постепенного развития традиций, сложилось определенное судоустройство, следы которого мы находим и в позднейших судоустройствах. Первоначально судьями были старейшины родов и семей. Для разрешения споров между различными родами суда и судей первоначально не было, поскольку, как мы видели выше, используя институт кровной мести, роды добивались непосредственного возмездия за нарушенное право. Но уже и тогда для прекращения споров избирались и высылались посредники, являвшиеся чем-то вроде первых судей в спорных делах. Помимо этого, все участники спора, все члены родового союза, чувствуя коллективную ответственность, принимали участие в споре о том, как поступить в случае несправедливости, нанесенной кому-либо из членов их союза или, наоборот, кем-либо из них совершенной. Таким образом, это был суд коллективный, но в нем, поскольку речь шла о приговоре, главное слово, естественно, принадлежало нескольким самым старшим и самым мудрым членам союза.

Так постепенно возник постоянный корпус судей и знатоков правовых традиций в родовых распрях, и таким же образом возник и суд жупный, или племенной, когда род уступил место этой более высокой ступени объединения[5]. Постоянный судебный аппарат, разумеется, возник лишь после образования монархических государств, в которых помощниками князя были знатоки права, являвшиеся советниками князя при вынесении приговора.

[1] Лаврентьевская летопись.

[2] K. Kadlec, 1. c. 119—120.

[3] Первые упоминания о наказании за воровство мы находим в цитированных постановлениях договора Олега от 911 года.

[4] Подробности см. у Кадлеца, I, с. 122—127.

[5] Первые суды, представлявшие собой большие сходки, происходили в открытых местностях, на городищах, в местах жертвоприношений и т. п.

О том, что у славян еще до X века существовали органы судебной власти, свидетельствуют такие общеславянские и древние термины, как sǫdъ — indicium, sǫdij — index, sǫnditi — indicare[1]. Древние источники знают также «хороших» или «наилучших» людей (boni homines), являвшихся не чем иным, как судьями, избранными из народа[2].

Более подробно о развитии судоустройства и связанного с этим обращения к суду (citatio), о самом судопроизводстве, о формах жалобы, о присягах и о позднейших ордалиях или судах божьих [3], о судебных поединках и судебных приговорах см. подробнее в статье Кадлеца в польской энциклопедии на стр. 133—148 и в его работе «Introduction à l'histoire du droit slave» [4].

Политический строй славян

Основу политического строя древних славян составляли отдельные роды и племена. Род жил возле рода, возможно, и племя возле племени, и каждый род и племя жили по своим обычаям, сложившимся на основании вековых традиций. «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ», — так характеризовал это положение древнейший русский летописец [5]. Другие древние известия также характеризуют политическое устройство славян как конгломерат мелких племенных единиц, не имевших единого правителя, единой власти и твердой связи между собой. Об этом свидетельствует Прокопий, говоря, что „ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων τὰ τε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται“[6]; об этом же, очевидно, свидетельствуют и упоминания Маврикия: „ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν εἰσι καὶ ἐλεύθερα μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἄρχεσθαι πειθόμενα“ и далее еще: „ἄναρχα δὲ καὶ μισάλληλα ὄντα...πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν καὶ ἀσυμφώνως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους“[7].

Все эти сообщения означают одно: в древнейшие времена, пока славяне обитали к северу за Дунаем, они не образовывали больших монархий, а племя возле племени, род возле рода жили самостоятельно. Экономическими, правовыми, религиозными и политическими единицами были кланы и племена, а кое-где, вероятно, и еще меньшие объединения. Это следует понимать под „ἐν δημοκρατίᾳ βιοτεύουσι“ Прокопия и „ἔθνη ἄναρχα ὄντα“ Маврикия. И еще в XI веке на такое же положение у восточных славян указывает нам автор древнейшей части Киевской летописи [8], а в отношении Балкан о нем говорит Константин Багрянородный, указывающий, что еще в IX веке хорваты и сербы не имели никакого другого правителя, кроме своих старейшин, называвшихся жупанами[9]. С этим племенным строем связано также постепенное и медленное распространение славян, не носившее характера больших завоеваний и внезапной оккупации, которые лишь отчасти имели место на Балканском полуострове.

[1] Miclosich, Etymologisches Wörterbuch, 315; Срезневский, Материалы, III, 603 (судъ).

[2] Подробности см. у Кадлеца, I. с. 128—132.

[3] Такие ордалии у балтийских славян-язычников упоминает уже Гельмольд, I, 83; у чехов в 1039 году — Козьма Пражский, II, 4; у восточных славян „Русская Правда“, затем в XIII веке — Варадский региструм (registrum Váradské) (Kadlec, I. c, 141) и др. Здесь же упоминается и их славянское название — „правда“.

[4] *Примечание чешской редакции.* Книга вышла под названием „Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves“, Paris, 1933.

[5] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 14).

[6] Procop., B. G., III, 14.

[7] Maurik., XI, 5. Ср. также „Тактику“ (XVIII) Льва Диакона.

[8] Лаврентьевская летопись („Поляне живяху кождо съ своимъ родомъ“) (ПВЛ, 1, 12).

[9] Const. Porph., De adm. imp., 29 и Vita Basilii, 52: ἄρχοντας δὲ ὡς φασι ταῦτα τα ἔθνη μὴ ἔχει πλὴν ζουπάνους γέροντας καθὼς καὶ αἱ λοιπαὶ Σκλαβίνιαι ἔχουσι τόπον“. Ibrâhîm îbn Ja'kûb (ed. Westberg, 56) также сообщает о поморских славянах, что у них нет короля, что они не подчиняются одному человеку, а правят ими старейшие мужи.

Правда, попытки образовать более крупные объединения под властью одного начальника делались задолго до IX века. Таким объединением был возникший еще до VI века Антский союз племен, таким был и союз, образовавшийся в VII веке в Чехии и соседней Сербии[1]. Однако эти объединения не были долговечны, и древнее славянское несогласие, на которое указывает Маврикий и Киевская летопись[2], долго препятствовало объединению славян в более крупные общности и племенные союзы.

Объединение славянских племен и образование новых более крупных политических союзов, настоящих славянских государств, наступает, как мы видим, лишь в течение IX и X веков. Мы видим, как в IX и X веках в результате объединения мелких племен Полабья, Поморавья и Повисленья возникают моравское, затем чешское и польское государства, как в то же время на юге образуются хорватское, болгарское, а на востоке — русское государства. Своими корнями позднейшие государства балтийских славян также уходят в этот период, и хотя эти государства образовывались по чужеземному, германскому или тюрко-татарскому, образцу, а создателями их отчасти были германцы или тюрко-татары, главное, однако, заключалось в том, что, во-первых, произошло образование славянских государств, поглотивших вскоре неславянские элементы, и, во-вторых, эти государства (исключая северо-запад) удержались в руках славянских князей. Таким образом, только в IX и X веках, в основном под влиянием внешних факторов, наступил поворот от старого племенного устройства к устройству государственному[3]. В основе его лежал упадок задружной системы и сосредоточение власти в руках отдельных лиц.

Как при родовой организации общества, так и в период княжеской власти у славян существовали какие-то *собрания*, осуществлявшие руководство делами племени и, в частности, решавшие вопросы о важнейших предприятиях, прежде всего военных. Эти собрания, называвшиеся *вече*, *wiece*, *съньмъ*[4], сохранились и там, где над целым племенем или союзом племен устанавливалась власть одного правителя, уже в IX веке называвшегося *князем*, то есть термином, образованным от готского *kuniggs*, верхненемецк. *chuning*, праславянск. kъnęgъ, kъnędzъ[5]. В неславянских источниках начиная с VI века он называется ἄρχων, ἡγεμών, *princeps*, *dux*, *regulus*, *subregulus*, великий князь, затем rex, rex superbus[6]. Хотя характер таких собраний, носивших иногда более аристократический, иногда более демократический характер и составлявшихся из начальников родов и племен и, несомненно, из членов княжеских дружин, нам не вполне ясен, все же мы видим, что кое-где они первоначально довольно существенно ограничивали княжескую власть[7]. Лучше всего они известны нам по свидетельствам о балтийских славянах, у которых вече довольно часто активно выступало при принятии решений о войне, при запросах немецкого короля, довольны ли они князем, и даже при низложении и выборах нового князя[8].

В остальном основные черты политического строя славян в конце X века, когда мы повсюду видим установившуюся уже в большей или меньшей степе-

[1] В Чехии это было государство франка Само (623—658/9).
[2] Лаврентьевская летопись под 862 годом (ПВЛ, 1, 18—19).
[3] См. K. Kadlec, Enc. polska, I. c. 31—40.
[4] Срезневский, Материалы, I, 499; III, 780 (*вѣче*, *вѣще*).
[5] Miklosich, Etym. Wört. 155; Berneker, Etym. Wört, I, 663. Славянский титул *князь* впервые появляется в 828 году у бодричей в Annales S. Canuti (chnese), затем у Хордадбега *(knâh)*. См. Гаркави, указ. соч., 48. Каков был первоначальный славянский термин для обозначения князя, нам неизвестно. Однако слова *владыка* или *вельможа*, соотв. греческ. δεσπότης появляются уже в древнейших славянских текстах (см. Ягич, Entstehungsgeschichte der Kirchenslawischen Sprache, 330, 397; Соболевский, Материалы, 11, 57, 82, 97 и Срезневский, Материалы... I, col. 240, 267.
[6] „Slov. star.", II, 371—372; III, 105—106.
[7] Kadlec, Enc. pol., 66, 70, 83, 84.
[8] См. Ann. Francorum ad 823, 826.

ни власть князя, выглядели, вероятно, следующим образом[1]: основной наименьшей административной единицей оставалась территория рода. Она складывалась из одного или нескольких селищ и городища, являвшегося центром всей общественной жизни. Во главе каждого рода стоял начальник, который совместно со старейшими членами рода управлял имуществом и вообще всеми делами рода, а в случае войны был естественным предводителем выделявшейся родом группы воинов. Как он назывался, мы не знаем, но обычно мы его называем *староста*, *старейшина* (перевод с лат. *senior*), синонимом которых иногда выступает термин *жупан*[2].

Эти наименьшие единицы из соображений кровного родства, а также по экономическим и политическим соображениям объединялись в большие союзы, название которых нам неизвестно. Нам известно лишь, что у балтийских и подунайских славян в X веке они назывались жупами[3], однако более чем вероятно, что подобные жупы были и у чехов, и у северных сербов, где термин *жупан*, как указывает упомянутая выше грамота маркграфа Мейссенского Оттона, удержался до XII века. Начальники, *жупаны*, очевидно, были представителями наиболее выдающихся родов в жупе.

Естественно, что и жупы объединялись в более крупные племенные единицы, образовывавшие высшую ступень государственной организации. Объединения нескольких племен, вызывавшиеся необходимостью организации защиты (от нападения сильного врага) или сильными монархическими стремлениями, мы часто встречаем уже в X и XI веках. Однако с подобным союзом племен мы встречались уже в VI веке — им была антская держава.

В различных как больших, так и самых маленьких объединениях мы всюду встречаем три слоя населения, о которых мы уже говорили выше, на стр. 298. Это рабы, свободные члены общины и знатные люди, из которых позднее сложился класс славянского дворянства. Первоначально в политической жизни участвовали, разумеется, только второй и третий классы; однако позднее власть — и чем дальше, тем больше — переходила в руки третьего класса, в то время как класс свободных, первоначально представлявший собою ядро племенной организации, приходил в упадок, сливаясь, видимо, в силу экономических причин, с классом рабов. Уже в X веке наряду с десятиной этот класс нес и ряд других повинностей по отношению к княжеской власти, какими являлись, в частности, строительство дорог, мостов, укреплений, прорубка лесных просек, несение сторожевой службы и пр.

[1] K. Kadlec, 1. c. 66 и сл.

[2] См. в грамоте Оттона, маркграфа Мейссенского, от 1181 года слова: „Seniores villarum quos lingua sua supanos vocant“ (Kadlec, I c, 67) и у Константина Багрянородного, I. c. „ζουπάνοι γέροντες“.

[3] Const. Porph., De adm. imp., 30 („ζουπανίαι“), 29, 32 („ζουπάνοι“). Далее см. „jopan Physso“ в грамоте монастыря Тассила в Кремсе от 777 года („Šlov. star.“, II, 351). Вопрос о происхождении жуп вызвал много споров, особенно с того времени, когда Я. Пейскер высказал мнение, что жупа — это определенный район пастбищ, находившийся под властью аварского начальника, называвшегося *корап*, откуда и возник термин *жупан*. Я лично считаю, что наименование *жупан* является словом тюрко-татарского происхождения. Подробности см. у Брюкнера, Encyklopedya polska, I. c, 2, стр. 204.

Глава VIII

ХОЗЯЙСТВО И ПОСЕЛЕНИЕ

Долгое время, по крайней мере до конца праславянского единства, славяне занимались кочевым земледелием. А именно, они не оставались постоянно на одном участке земли, подвергая его рациональной обработке, а кочевали родами и кланами, всегда выискивая новые участки либо для пахоты, либо для новых пастбищ в зависимости от условий местности, на которую они попадали. Это было обусловлено тем, что в праславянскую эпоху значительная часть славян жила в области, вообще не пригодной для земледелия, на землях, изобилующих озерами и болотами, или среди дремучих лесов (Полесье, Центральная Россия). Здесь, естественно, они были вынуждены добывать средства к существованию иными способами: охотой и рыболовством, бортничеством и скотоводством; роль земледелия в этих областях еще в X веке была незначительной. Но там, где позволяли почвенные условия, славяне издавна занимались земледелием; однако и при этом виде хозяйства они вначале не оставались постоянно на одном месте, но перекочевывали с места на место, правда, в пределах небольших районов и в определенном направлении. Это отнюдь не было кочевничеством в прямом смысле этого слова — на конях и на повозках среди стад, — известным нам, например, из истории жизни скифов и сарматов; у славян это был подвижный образ жизни земледельцев и охотников. Уже Тацит справедливо отделил славян и германцев, которые вели подобный образ жизни, от подлинных кочевников, сарматов «in plaustro equoque viventibus»[1].

С этой переменой места жительства было связано все развитие славян; расселение их с прародины шло, по крайней мере частично, таким же простым и медленным путем. На новых исторических местах жительства этот подвижный образ жизни сохранялся еще некоторое время, вплоть до VI века[2], когда ему был положен конец, с одной стороны, завершением переселения, новыми условиями и общением с более культурными соседями, у которых славяне наблюдали рациональное ведение хозяйства, с другой же стороны — нашествием и господством аваров, борьба с которыми потребовала большего единства славян и, в особенности, строительства укрепленных центров. Во второй половине первого тысячелетия нашей эры на славянских землях появилось огромное количество городищ, окруженных валами и укрепленных деревянными тынами, которые являлись родовыми и племенными оборонительными центрами. Это привело к тому, что славяне перешли от подвижного

[1] Tac., Germ., 46.

[2] Вообще же о славянах говорит уже Тацит, что хотя венеды и строят дома, но кочуют (*pererrant*) на большом пространстве (Germ., 46) между финнами и Карпатскими горами. Точно так же еще в VI веке говорит о славянах Прокопий, что они разбросаны по разным местам, живут в землянках и меняют места своего жительства (III, 14), а несколько позднее Лев Диакон подтверждает (Tact., XVIII, 79, 106), что славяне, до того как перейти Дунай и выйти на Балканский полуостров, были кочевниками (νομαδικῶς), предпочитая свободный образ жизни. У чехов же сведения об этом сохранил еще Христиан; кроме того, из учредительной грамоты Тассилы от 777 года мы видим, как старый способ ведения хозяйства в то время перерастал в новый (Christian, ed. Pekař, 184; Schumi, Archiv für Heimatskunde, I, 4; „Živ. st. Slov.“, III, 17).

образа жизни к прочной оседлости и постоянно оставались в поселениях, расположенных вокруг городищ в виде отдельных дворов или целых деревень. Их обитатели начали возделывать одни и те же участки земли вблизи поселений или чередовать их между собой лишь в пределах своего района, пока, наконец, и этот способ, пережитки которого сохранились до настоящего времени[1], исчез и появились постоянные места жительства, на которых каждый хозяин имел постоянный участок земли, выделенный ему общиной, владение которым оправдывалось его трудом. У каждой семьи был свой двор и дом, своя пашня на каждом участке и право на выпас, охоту и рыболовство на всех землях общины. Ведь этот переход от старого кочевого образа жизни к новому, оседлому, относится в основном к VI—VIII векам. Лишь с этого времени славянин стал оседлым земледельцем, таким, каким его изображает литература начала XIX века, но, разумеется, это произошло лишь там, где этому благоприятствовали почвенные условия. В средней России или на Балтийском побережье еще в X веке[2] земледелие не было развито.

Способы обработки приобретенных участков были различны. Там, где пригодной для обработки земли было достаточно, например в южно-русской черноземной полосе, земледельческое хозяйство было легким, так как возделывание земли вплоть до уборки урожая не требовало больших усилий; но там, где нужно было подготовить к пашне каменистые или покрытые деревьями участки, это было не легким трудом. Превращение лесистых мест в пахотную землю происходило, как правило, путем вырубки и выжигания леса, о чем свидетельствует множество относящихся к этому топографических названий [3], причем пепел служил одновременно для удобрения почвы.

Пахота (рало и плуг)

Первоначально обработка поля производилась при помощи ручных орудий — мотыги и заступа, оставшихся до последнего времени основными орудиями при обработке огородов, а также полей после корчевки леса. Формы их, поскольку речь идет о железных орудиях, почти не отличались от современных, но наряду с ними употреблялось и большое количество орудий целиком деревянных[4].

Однако с течением времени наряду с ними появились особые орудия, специально приспособленные для более тщательного разрыхления почвы, действие которых не только в славянскую, но и в индоевропейскую древность обозначалось словом, образованным от индоевропейского корня *ara* (ср. греч. ἄροτρον, лат. *aratrum*, ирландск. *arathar*, древнеисландск. *arthr*, литовск. *árklas* из *artlas* и старославянск. *рало* из *ortlo* и глагол *orati* с его производными).

Первым пахотным орудием был, безусловно, лишь кусок нижней части ствола с отходящим от него загнутым и заостренным корнем, но в конце языческого периода из него уже развилось более совершенное орудие, сохранившееся до сих пор в употреблении у славян в основной своей форме и обозначаемое у восточных и южных славян специальным термином *рало*, у западных славян *radlo*. Этот термин засвидетельствован в древнейших славянских источниках наряду с переводным латинским термином *uncus* (или герм. *hacke*) в качестве обозначения орудия более примитивного, чем плуг (*aratrum*); для того чтобы его тянуть, достаточно было одной лошади или пары

[1] В некоторых местах русского Полесья староста и в наши дни распределяет на три года пахотную землю между членами крестьянской общины (G. Kyrle, Mittheil. Anthrop. Gesellschaft in Wien, 1918, 144).

[2] См. Živ. st. Slov.“, III, 10.

[3] См. примеры в „Živ. st. Slov.“, III, 28 и сл. 33.

[4] См. там же, III, 36.

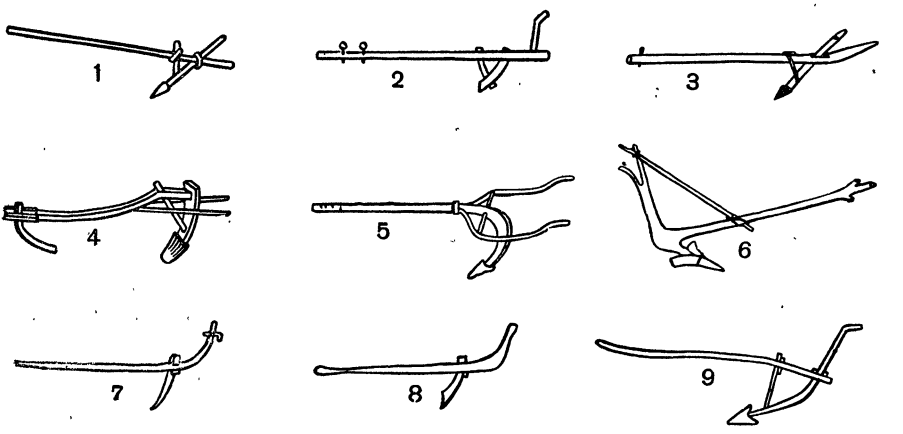

Рис. 60. Славянские рала без полоза.

1 и *3* — польское рало (по Браунгарту, Буяк); *2* — украинское (по Гюльденштету, Зеленину); *4* — северо-чешское рало (по Пейскеру); *5* — валашское рало (по Хоудеку); *6* — белорусская сошка по Сержпутовскому); *7* — резак из Солчавы (по Рамму); *8* — резак из Нижней Каринтии (по Браунгарту) и *9* — рало из Равна (по Стоцкому).

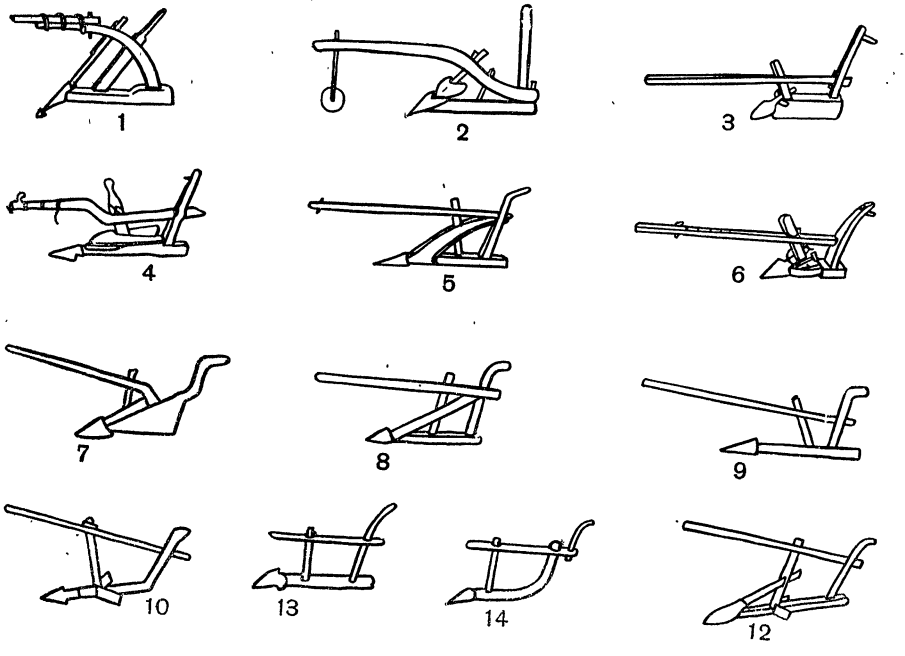

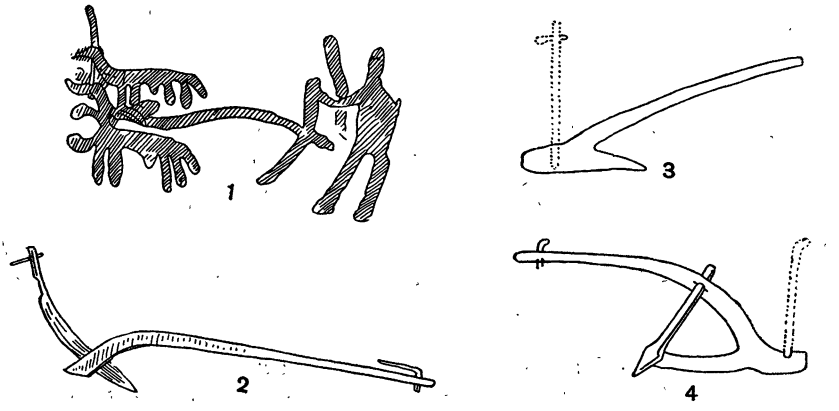
Рис. 61. Славянские рала с полозом.

1 — мекленбургское рало (по Браунгарту); *2* — чешский предплужник древней формы (по Браунгарту); *3* — моравское рало (по Бартошу); *4* — рало из южной Штирии (по Рамму); *5* — рало из Славонии (по Браунгарту); *6*— рало из центральных чешских областей (по Пейскеру); *7* — черногорское рало из Крмници; *8* — из Дробняков; *9* — из Цегиньевского поля (по Ровинскому); *10* — рало из Брестовицы у Пловдива; *12* — рало из Софии (по Иречеку); *13* и *14* — украинские рала (по Браунгарту).

волов[1]. Это орудие делалось из простого деревянного крюка путем прибавления к нему определенных деталей, так что уже в X веке мы находим на остром конце орудия железный заостренный наконечник (*наральник*, или *лемех*),

[1] См. грамоты XI и XII веков, приводимые в „Živ. st. Slov.“, III, 42. Однако и славянское *радло* иногда переводится в латинских источниках как aratrum, но с прибавлением parvum или slavicum в отличие плуга — aratrum magnum. См. Познаньскую грамоту 1262 и 1288 годов („Živ. st. Slov.“, III, 43). В первой читаем: „pro aratro parvo, quod

а на заднем его конце стоячие рукоятки, при помощи которых управляли ралом. Все остальные детали рала появились позднее[1]. О том, как выглядели

Р и с. 62. Доисторические рала.
1 — Богуслен; *2* — Доструп; *3* — Доброгошт (Доберготц); *4* — Папов близ Торуни.

в древности рала, можно судить по материалам археологических раскопок и по древним изображениям. Кроме германских образцов рала из Дострупа в Ютландии и богусленских скульптур в Швеции, рала найдены в славянских областях: одно—в торфянике у Папова близ Торуни (время его изготовления неизвестно), а другое — в Доброгоще (Dabergotz) в Бранденбурге, относящееся, очевидно, к славянской эпохе; наконец, Пшемысл на росписях зноемской часовни начала

Р и с. 63. Изображение рала Пшемысла из часовни в Знойме.

Р и с. 64. Изображение рала в календаре «Carmina Salis burgensia» (IX в.).

XIII века стоит около рала этого типа. Затем железные наральники чаще всего встречаются в Чехии и в других местах в культурных слоях X и XI веков[2].

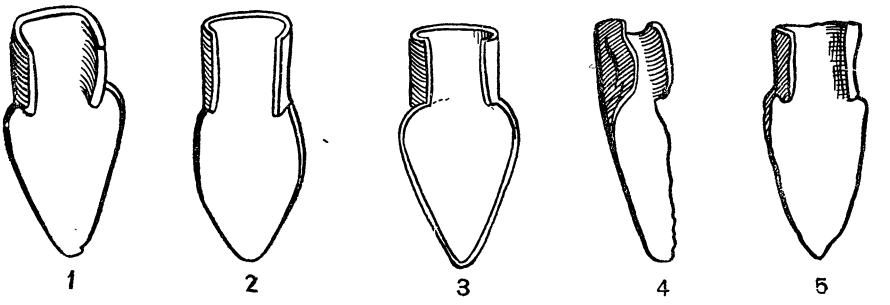
Современный и древний плуг (слав. *плуг*) отличается от рала тем, что имеет, во-первых, спереди небольшие колеса, во-вторых, перед лемехом—резак (čereslo, čertadlo), который подрезает землю и облегчает труд земледельцу, и, в-третьих, его лемех (называемый здесь radlica) прикрепляется так, что он не только взрывает землю, но и отваливает подрезанные снизу куски поч-

radlo dicitur, lapidem cere, pro magno autem, quod plug nominatur, duos lapides cere persolvat" „при помощи плуга можно было выполнить вдвое бо́льшую работу, чем ралом, и поэтому плуг облагался двойным налогом".

[1] См. перечень типов рала, собранных в „Živ. st. Slov.", III, 44 и сл.

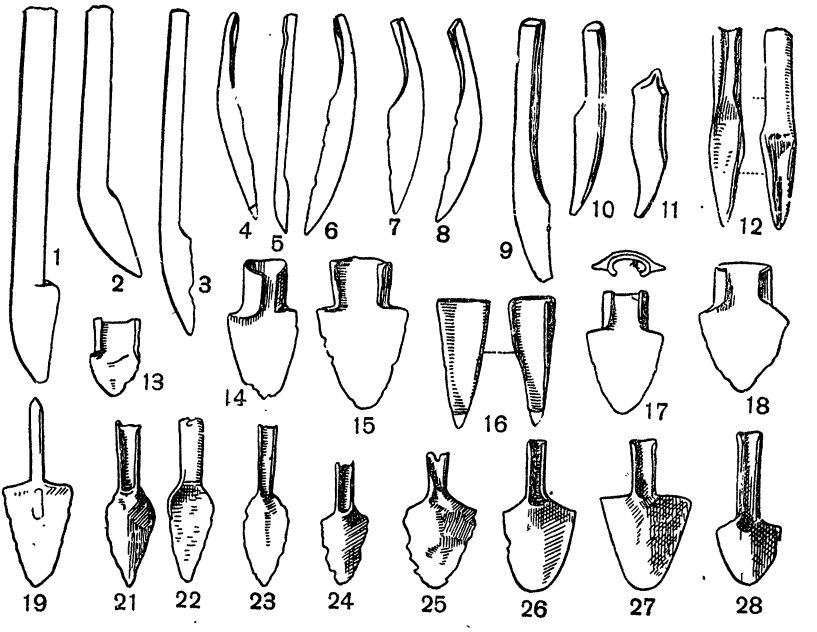
[2] См. рисунки и подробные описания в „Živ. st. Slov.", III, 48—53, а также цветное приложение в этом томе.

вы посредством присоединенной пластины, называемой по-русски *отвалом* [1]. Эволюция рала и превращение его в плуг были весьма прогрессивным явлением, и хотя ход этой эволюции в Центральной Европе еще недостаточно

Р и с. 65. Старославянские лемехи.
1 — Моравия (Захлинице); *2* — Силезия; *3—4* — Россия (Галущино, Бремболa); *5* — Чехия (Радим).

ясен, все же несомненно, если учесть сообщения письменных источников, археологические находки и древние миниатюры, что плуг, снабженный небольшими колесами и резаком (culter), употреблялся уже в римскую эпоху и

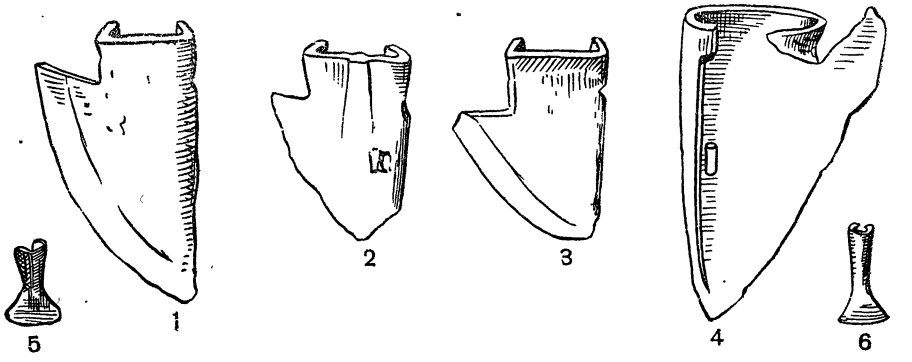

Р и с. 66. Римские резаки и лемехи, хранящиеся в музеях в Загребе, Любляне и в Сараеве.
1, 14 — Берак; *2* — Бежания; *3* — Оречац; *4* — Шир Кула; *5, 6. 13* — Вирье; *7* — Сисак; *17* — Унец; *9* — Врнограч; *10* — Синяково; *11* — Грудэ; *21* — Даль; *15, 16* — Подбаковача; *18* — Дрново; *19* — Сухополье; *22* — Ловчич; *23* — Винковци; *24* — Нови Бановци; *25* — Раковац; *26—28* — Сотин; *27*— Руковер.

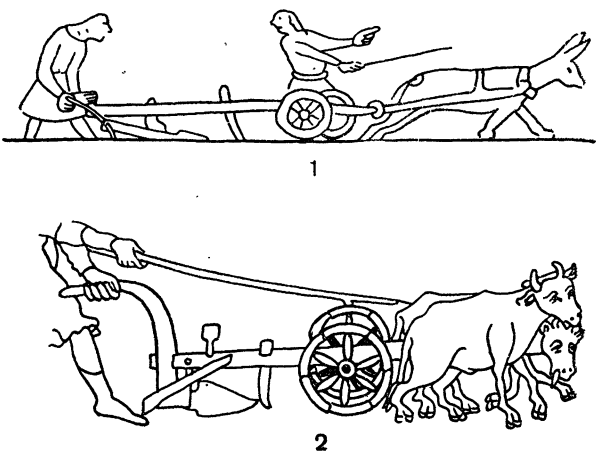
что от римлян он перешел в начале средневековья сначала к германцам на Дунае и Рейне, а уже оттуда приблизительно в Каролингскую эпоху стал распространяться среди западных, а затем и восточных славян.

[1] У древних плугов сошники еще не односторонние (асимметричные), но симметричные.

Вопрос возникновения славянского плуга весьма спорен, некоторые ученые (Гримм, Крек, Ягич, Богуславский, одно время и Пейскер) считали плуг изобретением самих славян, заимствованным у них немцами (*pflug* от слав. *плугъ*), другие же (Шрадер, Уленбек, Рамм, Янко, Брюкнер, а также Пейскер), наоборот, полагали, что плуг явился порождением германской

Р и с. 67. Односторонний лемех и римские (?) соскребы из Боснии.
1— Врнограч; *2* — Шейковча; *3* — Гата; *4* — Бихач; *5, 6* — Пробой.

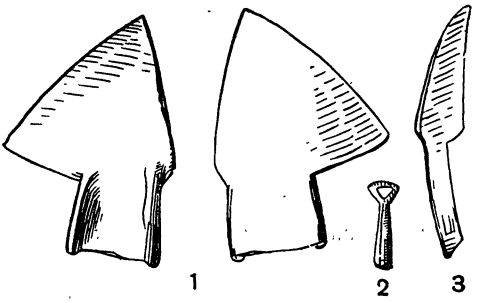

Р и с. 68.
1 — изображение плуга на ковре из Байе (по А. Юбиналу); *2* — изображение плуга из французской рукописи XII в. (по Мюллеру).

культуры [1]. Лингвистическое соотношение слов *pflug* и *плугъ*, играющее основную роль в этом споре, поскольку именно на нем основываются обе стороны, весьма спорно. Но все остальное: изображение древнейших плугов, находки в провинциях Римской империи резаков (плужных ножей) рядом с лемехами, сообщения древних авторов — Плиния, Вергилия, Варрона, Палладия — бесспорно доказывают, что готовый плуг был известен в северных римских провинциях уже в эпоху империи [2]. Само собой разумеется, что наиболее совершенным плуг стал лишь тогда, когда симметричные лемехи были заменены асимметричным лемехом, причем, что важнее всего, заменены были таким образом, что лемех сам без отвала вспахивал и переворачивал землю.

[1] Подробнее см. „Živ. st. Slov.“, III, 75.
[2] См. Daremberg-Saglio, Dict. I, 356; Varro, De re rustica, I, 29; Plin., XVIII, 171, 173; Vergil., Georgica, I, 169—175; Palladius, I, 43 („Živ. st. Slov.“, III, 63—64).

Когда это произошло, точно сказать нельзя; у славян известные мне первые находки таких плугов относятся лишь к концу XIII или началу XIV веков (находка в крепости Семоницах в Чехии), более древних находок я не знаю и у германцев [1]. Однако в музее в Сараеве хранится несколько асимметричных лемехов, относящихся, как утверждают, ко времени Римской империи [2]. Римское происхождение этих лемехов следовало бы еще проверить, но тем не менее несомненным остается то, что асимметричный плуг появился прежде всего на Балканском полуострове в римской провинции. Поэтому до тех пор, пока другие находки не опровергнут этого, следует считать, что и это последнее усовершенствование, превратившее соху в плуг, принадлежало

Р и с. 69. Лемех (*1*), соскреб (*2*) и резак (*3*) из Семониц (Чехия), приблизительно 1300 год.

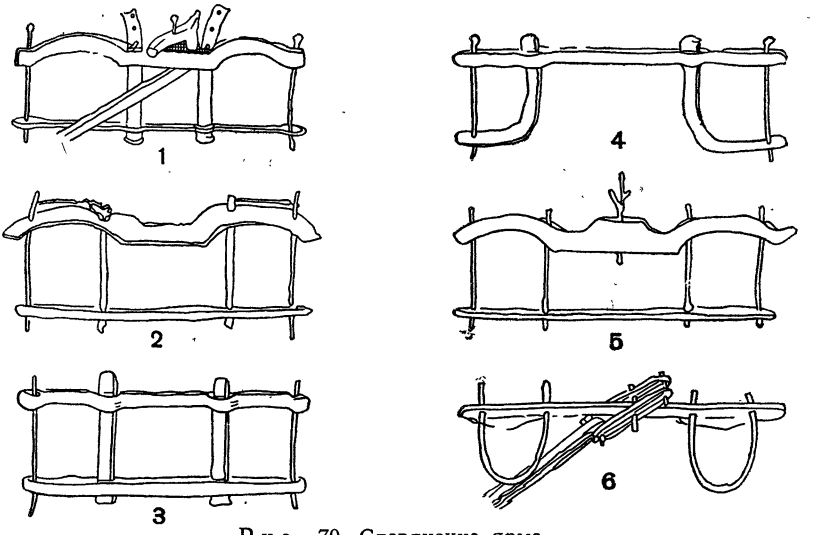
римской культуре и только оттуда это новое орудие попало к германцам на Рейне, а от них приблизительно в Каролингскую эпоху к славянам, о чем свидетельствует вышеупомянутое различие между *aratrum magnum* немецких колонистов и *aratrum slavicum quod radlo dicitur*. На этом основании следует также предположить, что славянское слово *плугъ* произошло от древненемецкого *plog*, *pluog*, *pflug*, а не наоборот. Только южные славяне, придя на Балканский полуостров в VI и VII веках, могли познакомиться с этим орудием раньше и непосредственно. Из сообщений письменных источников известно, например, что около 900 года св. Климент, епископ Охридский, учил местных славян более совершенному ведению хозяйства [3]. Однако существование здесь плуга прямо не засвидетельствовано.

Упряжка. Для работы ралом или плугом необходима была сила, которая тянула бы эти орудия и тогда, когда лемех погружен в землю. Этой силой были в конце языческого периода тягловые животные — волы или лошади, причем одну лошадь или двух волов впрягали в рало, а пару лошадей или две пары волов — в более тяжелый плуг. Лошадей припрягали к дышлу при помощи подпруги, надетой на грудь лошади, либо при помощи специального кожаного приспособления, надеваемого на шею и называемого, как видно из чешских источников XI века, *хомутом*, словом, ставшим в настоящее время общеславянским, происхождение которого, однако, неясно [4]. Волам на загривок надевали деревянное ярмо, одно на двух животных, по-старославянски оно называлось *иго* (это общее слово индоевропейского происхождения) или же *ярьмь* [5]. Смысловое различие этих двух названий, появившихся в X и XI веках, нам неизвестно. Во время работы животных погоняли прутом,

[1] См. рисунок в „Živ. st. Slov.“, I, 74. В раскопках древнеславянской деревни у Нейендорфа (West. Havelland) найден какой-то железный трехгранный лемех. Однако установить точно, к какому времени он относится, не удалось.
[2] См. рисунки там же, 74.
[3] „Vita Clementis“, 17, 18, 23.
[4] См. „Živ. st. Slov.“, III, 82.
[5] См. „Živ. st. Slov.“, III, 79 и сл.

слав. *остьпь*, или узкой железной лопаткой, которой землепашец соскребал землю с сошника, так называемым *соскребом*[1].

Сама вспашка земли производилась у древних славян бороздами, которые, естественно, были различными при вспашке плугом и сохой, так как последняя бороздила землю ровно, тогда как плуг переворачивал (вспаханную) землю в одну сторону [2]. Все поле делилось на несколько полос (*леха, загонъ*). При этом важно еще то, что вспашка ралом производилась как по долине поля, так и поперек него, что обусловило появление широких квадратных участков. Плуг же, наоборот, образуя глубокие борозды в одном направлении, способствовал появлению участков более удлиненной формы. Например, в средневековой Германии эти участки совершенно подобны длинным полосам, которые позже вместе с плугом славяне заимствовали у немцев.

Р и с. 70. Славянские ярма.

1 — моравское из Лопеника (по Нидерле); *2* — украинское из Кременчуга (по Щербатовскому); *3*— древанское из Изенхагена (по Андрэ); *4* — белорусское (по Сержпутовскому); *5* — болгарское (по Маринову); *6* — сербское из Чаплины в Герцеговине (по Стоцкому).

С развитием пашенного земледелия у славян возникла также необходимость создать измерения поверхности и появились разные названия мер. Сначала, несомненно, величина поля измерялась шагами, затем, при вспашке — гонами (гон — это то расстояние, которое прошло животное, впряженное в рало, в одну сторону), а из этого в дальнейшем развились древние славянские единицы меры поверхности: *radlo*, *poradé*, *плугъ*, *poplužî*, то есть то, что вспахано ралом или плугом за день или до полудня (jutro) соответствует немецкому *Morgen*, лат. *dies*, *diurnale*). С начала XII века, когда началась широкая немецкая колонизация славянских земель, а вместе с ней и установление там немецких порядков, старые славянские единицы меры были вытеснены немецким ланом (*lan*, ср. лат. *laneus* наряду с *mansus* и нем. *hôba*, *hube*), который, однако, был в разных областях различным [3].

[1] Там же, III, 78.

[2] Большие пласты земли размельчались *боронами*, которые, будучи первоначально лишь обрубленным стволом с торчащими острыми сучками, уже до XIII века превратились в раму, утыканную железными или деревянными гвоздями, которую тащили по пашне. Эта форма проникла, очевидно, на север из Италии („Živ. st. Slov.“, III, 86).

[3] Мелкие единицы длины создавались сначала по размеру человеческой руки (палец, ладонь, локоть, расстояние между обеими руками) или по размеру ноги, ступни, шага; к этому впоследствии присоединились прутья и бечевки определенной длины, упомина-

Посев

С прекращением полукочевого земледелия уже в X веке у западных и альпийских славян на пахотных участках имела место *трехпольная* система земледелия, практиковавшаяся у римлян и немцев еще раньше. При такой системе земледелия на одном и том же поле сеются в первый год озимые злаки (пшеница, рожь), на второй год — яровые (овес, ячмень), после чего на третий год земля отдыхает. Была ли известна эта система также балканским и восточным славянам — не установлено, но весьма вероятно, что была, так как название *озимъ* и *яръ*, *ярина* — общеславянские и древние, а в России они упоминаются уже в текстах XII века [1].

Из хлебных злаков в то время сеяли: *пшеницу* и ее разновидность: *пайа*, *рожь*, *овес*, *ячмень* [2] и главным образом *просо* (panicum miliaceum, panicum italicum L.), которое засвидетельствовано в качестве основной еды славян в VI веке, а ритор Приск говорит о просе у славян в V веке даже на территории Венгрии [3]. Одна славянская молитва, которую Ибн-Русте дословно сохранил со времен языческого периода, содержит просьбу именно об урожае проса [4]. Вообще же в Полесье, где зерновые хлеба вообще не произрастали, древние славяне питались главным образом плодами растения Glyceria fluitans (манник обыкновенный), которое произрастало там в изобилии и еще в XIX веке экспортировалось оттуда. Из остальных культурных растений славяне сеяли еще горох, чечевицу, лен, коноплю и другие растения, о которых мы упоминали выше, на стр. 199—200.

Уборка урожая злаков производилась серпами, о чем свидетельствуют многочисленные находки их в женских и мужских могилах, или косой. Оба эти орудия были очень похожи на современные [5], причем серпом хлеба жали так, что стебли перерезались в середине или у корня. Скошенные колосья связывались в небольшие снопы, которые складывали в стога (*стог*), либо отправляли на гумно. Здесь, на току (*гумно*, *ток*), хлеба молотили цепами (*цепъ*) или копытами погоняемых животных и очищали от сорняков провеиванием путем перебрасывания, причем измеряли хлеб деревянной посудой, называемой обычно в источниках XI и XII веков *мерой* (mĕrica) или *коръць* по образцу лат. mensura, modius [6].

Очищенное зерно мололи при помощи домашних животных или толкли в ступах из полых стволов дерева. Сначала у праславян, как и в других местах в доисторические времена, жерновом была всего лишь каменная плита, на которой зерна размельчали другим камнем, держа его в руке. Но уже задолго до н. э. в Центральную Европу распространились из Галлии и из Италии жернова, состоявшие из двух камней, причем верхний из них вращался на неподвижном нижнем вокруг стержня, проходившего через центр жернова, и таким образом размельчал зерно [7]. У славян подобные жернова засвидетельствованы лишь в конце языческого периода, а именно—с X—XII века как в литературе (назывались *жръны*, один камень *жрънъ*, *жрънов*ъ[8]).

емые с X века („Živ. st. Slov.“, III, 91). Официальные землемеры упоминаются в Чехии в XI веке в источнике, конечно, более позднем. На развитие этих полевых мер оказало большое влияние римское хозяйство.

[1] См. документы в „Živ. st. Slov.“, III, 31.

[2] О том, где упоминаются эти сорта, см. подробно в „Živ. st. Slov.“, III, 93 и сл. Слово *жито* было первоначально термином для урожая хлеба вообще и лишь позднее стало обозначать в некоторых областях рожь или пшеницу.

[3] Об этом сообщении 448 года см. „Rikovět slov. Star.“, I, стр. 53.

[4] Гаркави, указ. соч., 215.

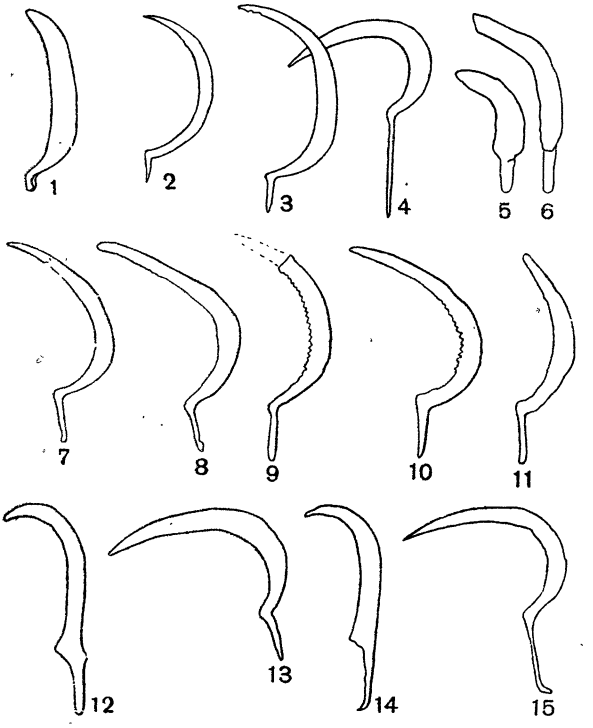
[5] См. „Živ. st. Slov.“, III, 102 и сл.

[6] Там же, III, 110—111. Там же см. и о других бо́льших и меньших мерах. Отмеряли также возами (*carrada frumenti*).

[7] В Быкове (Силезия) найден такой жернов, относящийся к гальштатской эпохе.

[8] О названиях жерновов в индоевропейских языках, прежде всего в славянских, см. труд A. Meillet, Mélanges, publiés en l'honneur de M. Paul Bayer, Paris, 1925, 3 изд., кроме того, в сборнике „Travaux publiés par l'institut d'Études slaves“, II.

так и в археологии, причем вся их конструкция мало чем отличалась от конструкции тех жерновов, которыми до настоящего времени пользуются славянские народы в наиболее отдаленных областях, в частности в Карпатских горах [1]. Но наряду с этими жерновами, которые были в каждом домашнем хозяйстве, в деревнях появились специальные мельницы (в лат. источниках molendinum, molinum), на которых специалисты мельники (molinarii) мололи хлеба для всего села. Это засвидетельствовано грамотами VIII и IX веков у альпийских славян и X века у западных славян. Водяные мельницы упоминаются в Чехии и у балтийских славян в XII веке [2].

Р и с. 71. Доисторические серпы начиная с римской эпохи.
1 — Страдоницы; *2—3* — Карнунтум; *4* — Кёльн на Рейне; *5—6*— Абоба; *7* — Семице; *8* —Гульбище близ Чернигова; *9* —Мал. Кюнау около Десавы; *10* — Котино, Петроградская губ.; *11*— Борки около Рязани; *12* — Люцин; *13* — литовский тип XI в.; *14* — Форде; *15* — Завод.

Хлебопашество было главным занятием славян. Вся их жизнь была сосредоточена в первую очередь вокруг пахоты, посева, уборки урожая, и большинство их религиозных обрядов, как уже замечено выше, также было связано с хлебопашеством. Культивирование же овощей и фруктов стояло на заднем плане. О том, что еще выращивали славяне, я уже сказал в главе о пище (стр. 200). Здесь я бы добавил, что искусству культивировать фрукты славяне научились опять-таки у римлян, на западе — у германцев в Каролингскую эпоху [3], на востоке — у византийцев; из Византии на Русь ввозились редкие фрукты [4]. Естественно, что под тем же влиянием славяне начали

[1] „Živ. starych Slov.", III, 115—118, 121.
[2] См. документы, там же, III, 119—120.
[3] „Živ. st. Slov.", III, 124 и сл.
[4] См. Лаврентьевскую летопись под 907, 969 гг. См. также „Как св. Климент обучал болгарских славян у оз. Охридского сажать фруктовые деревья" („Vita Clementis", 17, 18, 23).

специально разводить виноград для нужд христианской церкви, сначала это были альпийские и балканские славяне (свидетельства VIII и IX веков), затем западные славяне (документы X—XI веков из Чехии и центральной Германии, XII века — из Польши и Поморья). К тому же времени относятся

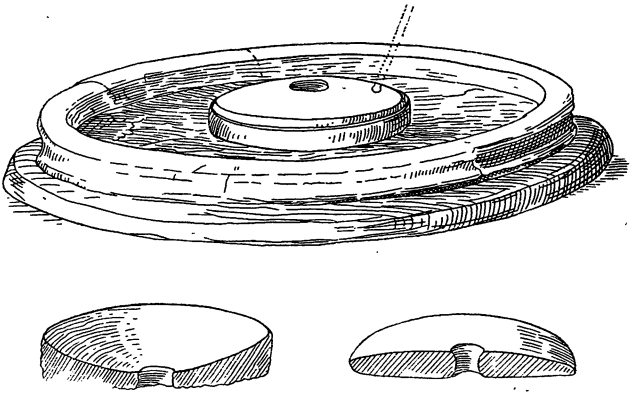

Рис. 72. Мельница и жернов (в разрезе), найденные около Резаков в Лужицах.

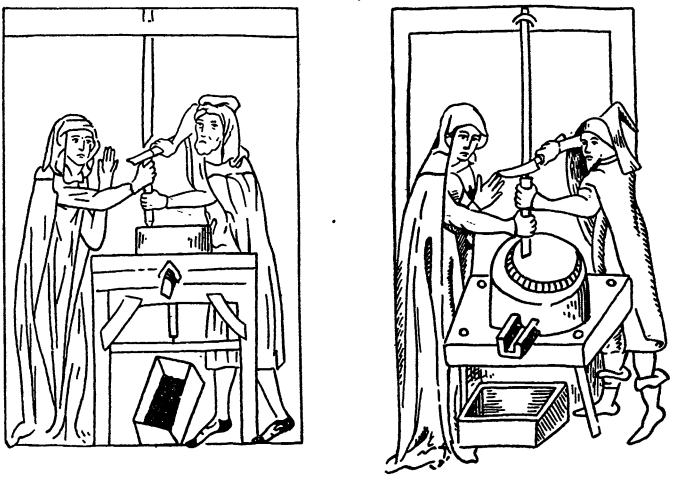

Рис. 73. Польские жернова с миниатюр Легенды о св. Ядвиге (XIV и XV вв.).

русские свидетельства, хотя весьма вероятно, что здесь начали разводить виноград намного раньше, так как славянские названия *вино* и *виноградъ* славяне заимствовали у готов в III—IV веках. К этому же времени относятся упоминания о виноградных прессах, повидимому, итальянского происхождения, и о специальных виноделах, а в русском Поучении «О казнях божиих» XI века упоминается также пресс для выжимания масла из льняного или макового семени («точило масльное») [1].

Разведение домашних животных

Разведение домашних животных имело место в Европе уже в неолитическую эпоху, в период индоевропейской первобытности, и поэтому нет ничего удивительного в том, что и праславянам издавна был известен домаш-

[1] „Živ. st. Slov.", III, 126—130. Поучение „О казнях божиих".

ний скот. Об этом свидетельствует и богатейший древнеславянский словарь скотоводческих терминов. Позднее, в конце языческого периода, разведение скота засвидетельствовано многими историческими источниками; кроме того, археологическими раскопками обнаружено на поселениях и в могилах того времени большое количество костей домашних животных [1], так что существование развитого скотоводства не вызывает никакого сомнения. Я. Пейскер глубоко заблуждается, когда отрицает наличие скотоводства у славян до X века и предполагает, что славяне до этого времени только видели его у своих германских и тюрко-татарских соседей. Однако бесспорно также, что скотоводство в то время не было единственным или основным занятием славян, поскольку славяне были прежде всего земледельцами и, кроме того, виды домашнего скота не были одинаковыми во всех областях, заселенных славянами; в одном месте преобладали одни виды, в другом—другие.

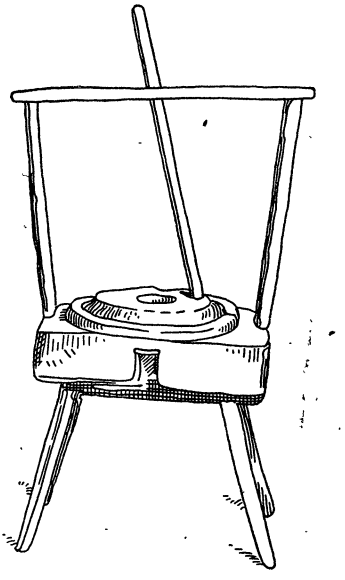

Рис. 74. Древняя чешская мельница. Этнографический музей.

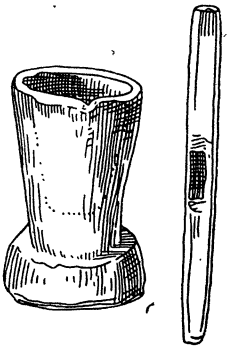

Рис. 75. Ступа из Полесья для очистки проса и желудей (по Кирле).

Древние славяне занимались разведением следующих видов домашнего скота [2]: свиней (*вепрь*, *prasę*, *свинья*), овец (*овъ*, *овьса*, *баранъ*, *ярка*, jagnę), крупного рогатого скота (*туръ*, *быкъ*, *волъ*, *корова*, *теленок*, *унъ*, *яловица*) и лошадей (*конь*, *orjь*, *комонь*, *кобыла*, žrěbę).

Поскольку речь идет об отдельных видах, необходимо упомянуть, что *лошадь* засвидетельствована у всех славян, а в некоторых областях табуны лошадей были весьма многочисленны. Так, например, в Силезии и в Поморье было много диких лошадей, Центральная Россия также изобиловала ими еще в XI веке, когда князь Владимир Всеволодович (Мономах) охотился и вылавливал целые стада лошадей в окрестностях Чернигова [3]. Лошадь использовалась и для полевых работ, но главным образом как средство передвижения. Конница повсюду являлась важной частью славянского войска (см. ниже, гл. XI), конные отряды славян служили также в византийском войске[4]. У Ибрагима Ибн-Якуба есть сообщение о Праге, что там в X веке изготовлялась превосходная конская сбруя [5].

[1] См. перечисление соответствующих примеров в „Živ. st. Slov.“, III, 132—146.

[2] Прочие лингвистические подробности см. в „Živ. st. Slov.“, III, 151—152.

[3] См. Herbord, II, 41; „Fontes rerum bohemicarum“, II, 216 и Лаврентьевская летопись, 242 под 1096 годом.

[4] См. Procop., B. G., I, 27; Михаил Сириец, Chronica, XI, 15.

[5] Ibrâhîm, III, I, 4 (ed. Westberg, 53).

Крупного рогатого скота было, естественно, больше, чем лошадей. Уже Аристотель упоминает о нем на земле невров; позднее, в VI веке [1], наличие большого количества рогатого скота у славян подтверждает Маврикий, а в X и XI веках наличие рогатого скота у всех славян засвидетельствовано многочисленными данными истории и археологии. Крупный рогатый скот был необходим прежде всего в качестве тягловой силы в хозяйстве. Однако в еще большем количестве славяне разводили овец и свиней, особенно в области между Вислой и Десной, где в больших дубовых лесах ежегодно собиралось такое множество желудей, что не нужно было прикладывать больших усилий, чтобы у свиней на зиму было достаточно корма. Поэтому арабские свидетельства X века также специально указывают, что славяне (русские) занимались разведением овец и свиней [2]. Что же касается *козы*, то хотя славянам она и была известна в то время, но встречалась она, очевидно, редко, так же как и *осел*. Другие животные, такие, как лошак и верблюд, ввозились в Россию в XI веке лишь из чужеземных стран [3].

Скот держали во дворах в специальных загонах, а иногда и в крытых хлевах. Отсюда его выгоняли на пастбища, где за всем стадом смотрели специальные пастухи (слав. *пастыръ*, *пастухъ*), которые с их торбами за плечами, длинной палкой и дудкой или трубой, сделанной из коры, уже в X веке были любопытным и характерным явлением в славянских поселениях [4]. Постоянным проводником пастуха и стада была, конечно, собака (слав. *пьсъ*).

Ян Пейскер, отрицавший разведение домашнего скота древними славянами до X века, основывал свою точку зрения на доводе, что среди названий скота есть, по его мнению, слова германского происхождения: *скотъ* (герм. *skattaz*), *нута* (герм. nauta), *млеко* (герм. melka), и, кроме того, тюрко-татарского: *быкъ* (тюрко-тат. buga), *волъ* (черемисск. volik, вогульск. volova, vulu, тюрк. ulag), *коза* (тюрк. käzä, käči), *тварогъ* (джагат, turak, тюрк. torak) [5]; на основании якобы имевшего место заимствования этих терминов славянами Пейскер путем искусственного построения пришел к заключению о том, что у славян вообще не было скота, что славяне только видели скот у германцев и тюрок, когда эти господствовали над ними (бастарны, готы, скифы, гунны, авары, болгары и т. д.). Подробный анализ этого вопроса и опровержение теории Пейскера произведены мною в другом месте [6]. Здесь достаточно лишь указать, что множество исторических и археологических свидетельств, а также обширная и развитая номенклатура скота безусловно свидетельствуют о том, что славянам издавна был известен домашний скот и его разведение; у славян был даже свой специальный бог Велес—защитник стада. Впрочем, и сами предпосылки теории Пейскера не всегда надежны. Слово *млеко* не германского происхождения; столь же сомнительно германское происхождение слова *тварогъ*, так как его можно вывести из славянского языка; вызывает также сомнение и тюркское происхождение остальных названий [7]. Но если даже отдельные германские или тюркские названия и попали в богатую славянскую номенклатуру, то, учитывая интенсивные связи славян с упомянутыми народами, связи как военные, так и мирные (на

[1] Claudius Aelianus, «περὶ ζῶον», V, 27; XVI, 33; Maurik., XI, 5.

[2] Неизвестный Персидский географ (ed. Туманского, 135) и Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 264).

[3] См. „Živ. st. Slov.“, III, 146.

[4] Какими мы их видим уже на миниатюрах того времени („Živ. st. Slov.“, III, 144). См. рис. 147.

[5] См. то, что об этом уже сказано выше, на стр. 197—198. Там же приведена соответствующая литература.

[6] См. мою статью „Des théories nouvelles de Jean Peisker sur les anciens Slaves“, Revue des Études slaves, II (1922), 19 и сл.

[7] L. c., 23—24.

торжищах), учитывая также аналогичные заимствования целого ряда других слов, это явление можно считать совершенно естественным и не дающим никаких оснований для столь далеких выводов, к каким пришел Пейскер.

Естественно, что со скотоводством было связано и обширное молочное хозяйство. Об употреблении молока нет древних сообщений, но сыр (*сыръ*) засвидетельствован уже источниками X и XI веков в качестве одного из основных блюд, и, очевидно, таковым он был издавна [1].

Из домашней птицы в славянских хозяйствах разводили в то время кур, гусей, уток, а также голубей в специальных голубятнях [2]. После того как киевская княгиня Ольга в 946 году осадила древлянский город Искоростень, она с помощью посланных ею голубей подожгла голубятни, и отсюда пожар распространился на все дворы поселения[3].

Пчеловодство, рыболовство и охота

Важным дополнением к разведению скота и занятию земледелием были еще бортничество, рыболовство и охота на различных диких зверей.

Бортничество было вообще одним из основных занятий в прикарпатских областях, которые с доисторических времен славились пчелами и медом. Уже у Геродота мы встречаем упоминание об этом, а Павсаний свидетельствует, что в Грецию ввозился самый лучший мед из земли алазонов на Днестре[4]. Так было и во времена древних славян и позже, а во многом сохранилось и до наших дней. Население Прикарпатья разводило пчел либо в лесах в дуплах деревьев, отмеченных владельцем специальным знаком, либо вблизи самого двора в полых колодах, которые назывались *ульями*, или *бърть*. Об изобилии меда у южно-русских славян свидетельствует Гардизи, рассказывая, что один славянский хозяин получал 50—60, даже 100 *менов* меда с одного улья[5]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мед и, разумеется, также воск стали одной из основных статей славянского экспорта (см. гл. X), одной из обычных составных частей дани, которую славяне платили in natura немецким хозяевам[6]. Излюбленный напиток древних славян также делался из перебродившего меда, о чем я уже имел случай сообщить выше, на стр. 202. Начиная с XI века в источниках упоминаются рядом с поселениями специальные коллективные, отгороженные плетнями пасеки (horti apum, mellificia), а вскоре появляются и специальные пасечники, обученные пчеловодству (*бортникъ*).

Что касается рыболовства, то оно в некоторых богатых водами славянских краях занимало первое место среди всех других отраслей хозяйства. Рыбы было огромное множество, и славяне ловили ее либо удочкой (сл. *ǫda*, *ǫdica*), совершенно такой же, как и современная, либо по ночам при помощи света, либо острыми гарпунами (сл. *ость*) с одним или несколькими зубьями, либо, наконец, различными плетенными из веревки сетями и корзинами, которые также немногим отличались от сетей или корзин, употребляемых в настоящее время. Среди находок этого времени сетей, конечно, нет, но в историче-

[1] „Živ. st. Slov.“, III, 156. Об употреблении кумыса у славянского князя упоминает лишь Ибн-Русте, речь здесь идет, вероятнее всего, о какой-то тюрко-татарской династии, подобно, должно быть, тому, как это было в Эстонии, согласно сообщению короля Альфреда и поучению к Адаму.

[2] „Živ. st. Slov.“, III, 160—161.

[3] Лаврентьевская летопись под 946 годом.

[4] Herod., V, 10; Pausan., I, 32, 1.

[5] См. „Živ. st. Slov.“, III, 165.

[6] Среди поборов славян, собираемых на территории Германии, а затем в Польше и Чехии, непрестанно упоминаются patena mellis, urna mellis или situla mellis, иногда и lapis cerae. Одному богатому славянину в Ниенбургском аббатстве было приказано платить налог в 100 сосудов меда и два воза рыбы. См. тексты в „Živ. st. Slov.“, III, 163—164.

ских источниках X—XII веков засвидетельствованы различные виды сетей (*неводъ*, *влакъ*, *мрежа*, *сеть*); древними являются также корзины, сплетенные из ивовых прутьев, термин же *врша* (верша) уже летто-славянский [1]. Кроме того, славяне умели заманивать и ловить рыбу специальными деревянными конструкциями, поставленными на реке (*слупъ*, *одра*), которые латинские источники XII века из Чехии и Бранибора (Бранденбурга) называют терминами: pali, tractus, tractiones, gurgusta seu piscaturae, также piscatoria, saepes, crates, piscina, clausura piscium [2].

Рис. 76. Примитивный улей в Полесье (по Кирле).

Затем выловленную рыбу продавали либо в свежем виде, либо заготовленную впрок; так, у *Галла* (1107) сообщается, что рыбу солили; у *Эббона* — что ее сушили на зиму; и, повидимому, уже тогда практиковалось копчение дымом. Другие способы хранения рыбы нам неизвестны, но несомненно, что они не отличались от тех, которые используются там же и поныне [3].

Об охоте на зверя много говорить не приходится. Охотились за всяким зверем, который съедобен или давал хороший мех, который был опять-таки одним из главных предметов экспорта славянских областей (см. об этом подробнее в главе X). Зверя убивали либо оружием (стрелами или копьями), либо, что было чаще, ловили при помощи разных ловушек, большими сетями, различного вида капканами или устраивали облавы, западни, для которых уже в древних источниках XI века приводятся названия — *сеть*, *перевесъ*, *тенето*, *пругло*, *пругъ*, *osilo*, *silo* [4]. С востока славяне заимствовали прием охоты с помощью прирученных соколов, ястребов и ястребов-перепелятников. Уже в IX веке мы читаем о болгарском князе Борисе, что он послал сыновьям сербского князя Мунтимира пару соколов; об охоте с соколами и ястребами упоминает также русский князь Мономах в своем Поучении [5].

Поселения

Пока славяне сохраняли полукочевой, подвижный образ жизни, планировка и размеры их поселений изменялись в зависимости от условий и характера почвы. Но впоследствии, когда число славян значительно возросло и они перешли к прочной оседлости, система их полей и планировка поселений начали принимать более определенную форму, поскольку устраивались они уже надолго и на это устройство оказывала влияние сложившаяся веками традиция. Таким образом начал развиваться постоянный тип поселения подобно тому, как установился и постоянный тип дома. Но для формирования единой общеславянской планировки жилищ и поселений было уже поздно. Славяне за это время оказались в самых различных географических и экономических условиях, и поэтому все постройки, а следовательно, и планировка поселений не могли быть повсюду едиными. Хотя нам и неизвестно, был ли у славян, пока они жили на своей прародине—на севере Кар-

[1] „Živ. st. Slov.“, III, 178—181.

[2] Документы см. там же, 182—183. Начиная с XII века имеется также много документов, подтверждающих существование специально обученных рыбаков (*piscatores*).

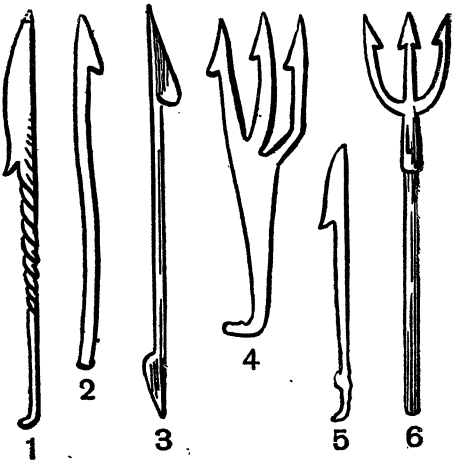
[3] Gallus (Bielowski, Mon. Polon. Hist., I, 447); Ebbo, III, 4. О Поднепровье см. также у Геродота, IV, 53 („Živ. st. Slov.“, III, 185).

[4] См. „Živ. st. Slov.“, III, 171.

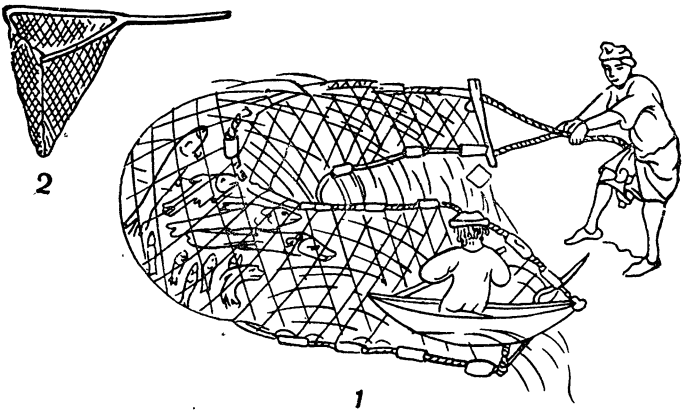
[5] Const. Porph., De adm. imp., 32; Лаврентьевская летопись под 1096 годом.

пат, единый общий уклад жизни и единая планировка построек, но все же можно допустить, что начиная уже со времени расселения славян такого единства больше не существовало.

О формах славянских поселений в конце языческого периода исторические источники почти ничего не сообщают, археология также дала пока мало

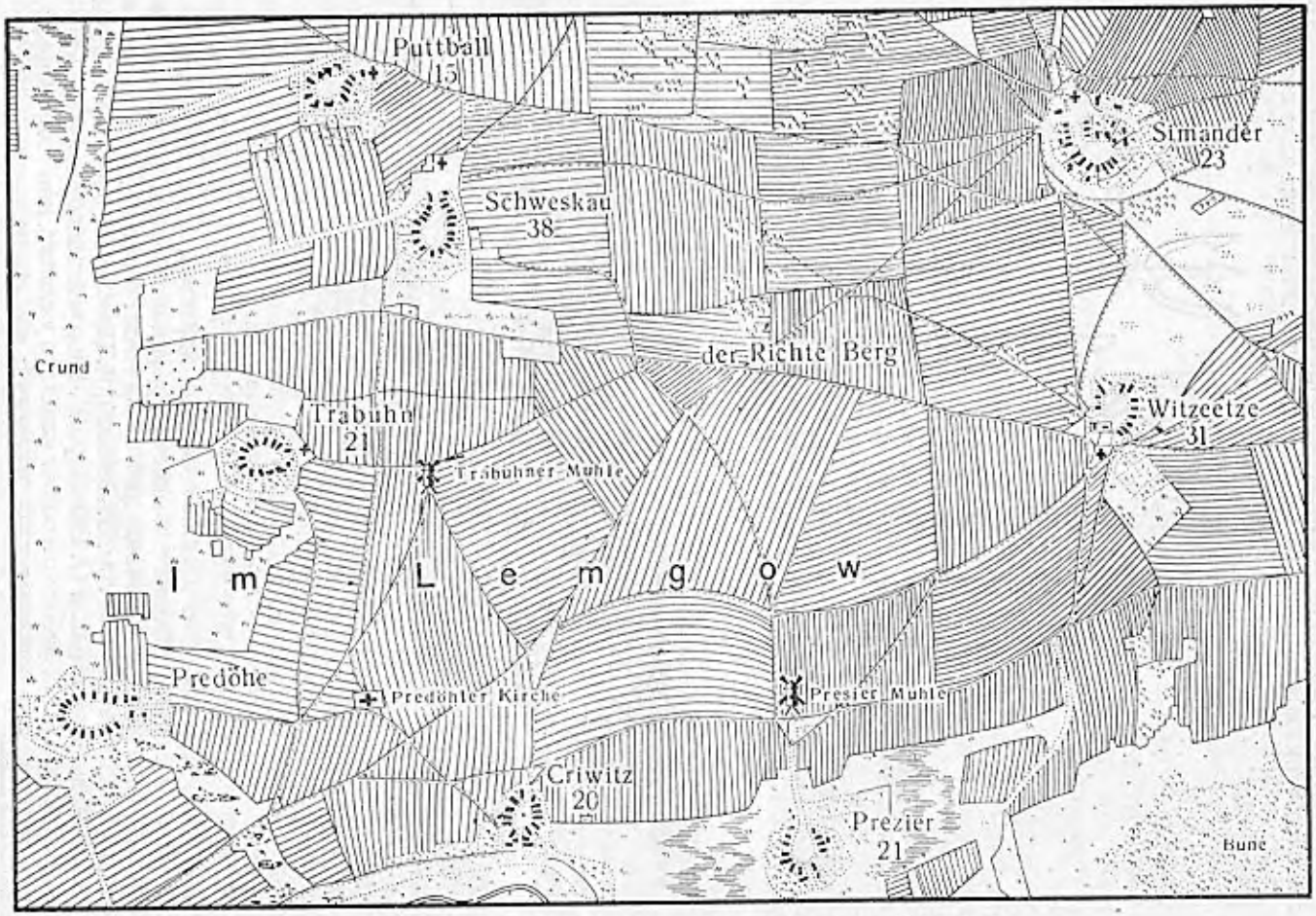
Р и с. 77. Гарпуны, древние и современные.
1—2— Войносово и Грызово (Петроградская губ.); *3* — Владимирская губ.; *5* — Люцин; *6* — гуцульский гарпун (по Шухевичу).

Р и с. 78. Славянские сети.
1 — изображение невода на миниатюре XIV в. (Легенда о святой Ядвиге, 1353 год); *2* — сак.

сведений, и все они носят слишком частный характер. Нам остается обратиться лишь к данным сравнительной этнографии и аграрной истории, научное обобщение которых произвел для славян Авг. Мейтцен, в дальнейшем развитое К. Инама-Штернеггом, В. Левецом, Я. Пейскером, а из современных ученых — главным образом О. Бальцером[1]. Полученные до настоящего времени результаты этих работ позволяют наметить у славян, как современных, так и древних, три основных типа поселений:

[1] Meitzen A., Urkunden schles. Dörfer zur Geschichte der ländl. Verhältnisse (Codex dipl. Silesiae, IV, Breslau, 1863); Siedelung und Agrarwesen etc., I, 26; II, 437, 492, 669; O. Balzer, Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej (Kwartalnik historyczny, 1910), XXIV, 363. Остальную литературу см. „Živ. st. Slov.“, III, 187, и K. Potkański, Pisma pośmiertna, I, Krakov, 1922.

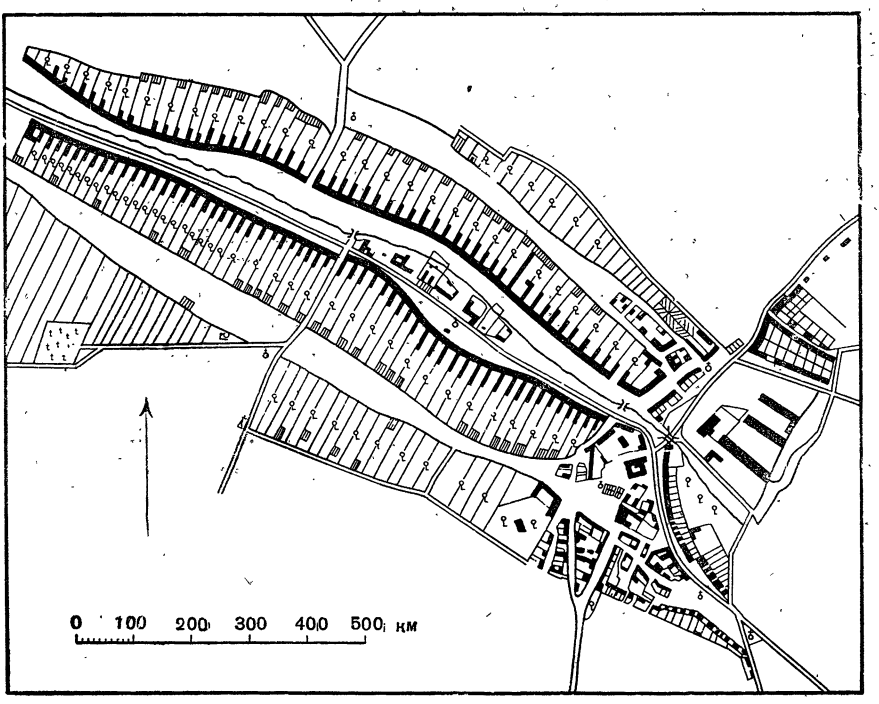
Р и с. 79. Круговые поселения в ганноверском Вендланде.

1) тип *круговых* поселений (так наз. *okolica*, *okrouhlice*), дома которых расположены вокруг деревенской площади наподобие круга или подковы;

2) тип *уличных* поселений, в них дома располагаются по обе стороны дороги;

3) тип *разбросанных* поселений, где дома отдалены друг от друга на значительное расстояние и при каждом дворе располагается его поле.

На основании того, что первый тип обычно встречался в центральной Германии на Лабе, там, где когда-то обитали славяне, возникла теория [1], что тип круговых поселений (нем. Runddorf) является специфически славянским типом, тогда как немцам принадлежал наряду с типом разбросанных дворов (Haufendorf) и более поздний тип уличных поселений (Straßendorf).

Р и с. 80. План рядового поселения Биловиц около Подивина в Моравии.

Однако теперь нам известно, что дело обстояло не вполне так. Хотя круговые поселения действительно встречаются в Полабье в славянских областях и там этот тип можно считать свойственным местным славянам, но ту же планировку мы находим и в немецких областях, причем у поселений со старыми немецкими названиями. Иногда такой тип поселений встречается еще в Чехии, Моравии, Силезии, но дальше на восток, в Польше, в России, а также у южных славян его нет, по крайней мере не было известно до настоящего времени. Здесь повсюду встречается прежде всего второй тип поселений, причем с таких давних времен, что и эту «уличную» планировку следует считать древней славянской формой; только те поселения второго типа, рядом с которыми расположены за домами длинные поля настолько правильной формы, что они могли появиться сразу только путем точного обмера и раздела всей пахотной земли по приказу светской или духовной власти, только

[1] Эта теория была высказана в Германии Б. Якоби (1845, 1856), Х. Ландау (1854, 1862) и заимствована затем Шемберой (1868), Воцелом (1866) и др. См. „Živ. st. Slov.“, III, 188. Впрочем, Мильке неверно считает этот тип поселений в Полабье первоначальным германским типом, заимствованным славянами („Die Herkunft des Runddorfes“, Zeitschrift für Ethnol., 1921, 273, 301).

эти поселения уличной планировки следует считать более поздними, возникавшими начиная с XII века под влиянием аграрного немецкого права. Так же точно, стихийно, возникал у славян третий тип разбросанных поселений всегда там, где этого требовали условия местности, в особенности на Балканском полуострове.

Из всего сказанного видно, что специфически общеславянского типа поселения не существует. Славянам были известны все указанные виды планировки поселений, они избирали их в зависимости от условий местности и в зависимости от того, что послужило причиной возникновения поселения, которое могло появиться либо в результате разрастания одной первоначальной семьи, либо в результате единовременного основания всего поселения. Также нельзя утверждать, что какой-то определенный тип поселения был безусловно и во всех случаях наиболее древней ступенью, из которой впоследствии развились другие типы. Однако естественно предположить, что система отдельных дворов, то есть мест жительства отдельных семей, была наиболее древней[1] и что из этих дворов вследствие их разрастания возникали на удобных местах большие поселения круговой или уличной планировки, которые, разумеется, могли также возникнуть и сразу при переселении. Что касается хронологического соотношения круговых и уличных поселений, то тут интересно отметить, что археологические исследования в центральной Германии, направленные в последние годы на изучение остатков и планировки славянских поселений VII—XI веков, установили пока наличие здесь круговых поселений [2], но считать на этом основании, что эта планировка везде предшествовала уличной, было бы при недостатке материала из других земель слишком преждевременно [3].

Итак, общая форма древнеславянских поселений была различной. Жилища были либо разбросаны, отдалены друг от друга, причем хозяйственные постройки и все поля были сгруппированы около дома, либо дома располагались по кругу или рядами вдоль дороги, а хозяйственные постройки позади них, причем опять-таки пахотная земля, расположенная вокруг поселения, была разделена на ряд больших участков в зависимости от их качества, и на каждом из этих участков (campus в лат. источниках) житель поселения имел свою долю, свое поле (ager). Эти campi и agri сначала были неправильно расположены, их величина и форма были различны, чаще всего квадратные, так что вся разделенная земля была похожа на шахматную доску, что также было связано с первоначальной вспашкой поля ралом вдоль и поперек[4]. Поля в виде длинных полос одинаковой ширины и длины у менее древних рядовых поселений были результатом нового межевания поля на ланы по образцу немецких полей, о чем уже сказано выше, и появляются в XII и в особенности в XIII веках. Кроме поля, в каждом поселении были, как видно из многочисленных документов X и последующих веков, общие пастбища (pascua), дороги (via), охотничьи угодья в лесу (venatio cum saepibus, clausurae), рыболовецкие участки на водоемах (piscatio, piscatura), свои пасеки (hortus apum, mellificium) и мельницы (molendinum, mola). Все это в документах того времени обозначалось терминами: villa cum appendiciis, pertinentiis suis, cum omnibus ad eam pertinentibus, cum omnibus utilitatibus и т. п.[5]

[1] См., как в VI веке Прокопий (III, 14) характеризовал славян, стекающихся на Балканский полуостров: „οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῷ μεν ἀπ'ἀλλήλων.

[2] Главным образом исследование Кикебуша. См. „Živ. st. Slov.“, III, 189.

[3] Дм. Самоквасов когда-то отстаивал теорию, что в России первыми формами поселений были укрепленные городища („Северянская земля и северяне по городищам и могилам“, М., 1908, 46, 57 и „Древние города России“, М., 1873). Эта теория не может иметь вообще значения, тем более для России.

[4] См. выше, стр. 315.

[5] См. документы в „Živ. st. Slov.“, III, 199.

Княжеская резиденция отличалась от поселения тем, что здесь все было сосредоточено при одном большом дворе или при нескольких дворах, а также тем, что вся работа по хозяйству была разделена между принадлежавшими княжескому двору подневольными людьми, вследствие чего на княжеском дворе были свои пахари, жнецы, виноградари, пастухи для разных видов домашних животных, пчеловоды, рыболовы, охотники, пекари, мельники, пивовары, к этому прибавлялся также ряд ремесленников, работавших на княжеский двор.

Долго считалось, что из названий древних славянских поселений наиболее древними являются патронимические, обозначающие потомков одного и того же предка суффиксом *-iči*, *-ici*, *-ice*, например Stadice (древнее Stadici) — потомки Стада, Drslavice — потомки Дреслава. Имена же посессивные, образованные от имени хозяина поселения путем прибавления суффикса *-ov*,*-ova*, *-ovo*, а в женск. роде *-in*, *-ina*, *-ino* либо путем смягчения окончания имени собственного (Holeš-ov, Radot-in, Budeč), названия, характеризующие природные условия местности, а также многие другие считались более поздними[1].

Однако достоверным является то, что хотя большинство патронимических наименований действительно древние, но такими же древними наряду с ними являются и наименования, относящиеся к физиографическому характеру местности. Более новыми могут считаться лишь большинство посессивных названий (хотя также не все); следует признать, что и патронимия появлялась в большом количестве лишь в XII и XIII веках.

[1] См. „Živ. st. Slov.“, III, 201.

Глава IX

РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

До сих пор мы говорили об одном виде хозяйственных работ, имевших своей целью добычу пищи. Другой вид, столь же древний, относился к добыванию сырья и производству предметов домашнего обихода, необходимых в хозяйстве. Несомненно, первоначально хозяин-славянин все необходимое— и посуду, и материал для одежды — производил сам, сам плел корзины, сам добывал из руды металл и делал из него орудия и оружие. Но с течением времени во всех этих видах производства выделяются искусные мастера, посвятившие себя определенной работе, которые обслуживали членов общины и передавали свои знания по наследству лишь членам семьи. Когда началась эта специализация по отдельным ремеслам, неизвестно, но уже источники XI и XII веков полны упоминаний о ремесленниках такого рода, называемых в латинских документах sutores, pellifices (albi et nigri), pistores, coqui, molendinarii, carpentarii, murarii, pictores, lignarii, fabri, scutarii, scutellarum et cyphorum artifices, figulli, armarii, tornarii, rotarii, artifices, tornatores picariorum, picarii, sagittarii, lagenarii, caliciarii, plaustrifices, ferrarii и т. п.[1], причем иногда встречаются и славянские термины: rudnici, pkelnici, вырабатывавшие смолу, csassnici, делавшие чаши, zeleznici, becsuari.

О некоторых из этих ремесел я имел возможность упомянуть уже раньше, например о кожевниках, сапожниках, каменщиках и плотниках, а ниже, в главе XI, я подробно буду говорить о производстве оружия. Здесь же, в этой главе, я хочу рассмотреть керамическое, ткацкое, плотницкое, бондарное ремесла и главным образом добычу металла и производство металлических предметов — ремесла, оставившие нам после себя больше всего материала в археологических раскопках. С кузнечными и ювелирными изделиями мы уже частично познакомились выше, в различных местах нашего труда (см., в частности, Украшения, на стр. 239), но вместе с тем история и археология дают еще значительное число сведений, касающихся главным образом производства металлов из руд, а также кузнечной и ювелирной техники.

Добыча металлов и их обработка

Не подлежит никакому сомнению, что славянам были известны основные металлы, а именно золото, медь, серебро, олово и железо, уже в эпоху их единства. Золото, медь и олово были известны в Центральной и Северной Европе с конца третьего тысячелетия до н. э., а железо — с конца второго тысячелетия, хотя собственно железный век начинается несколькими столетиями позже. При таком условии невозможно, чтобы эти металлы оставались неизвестными и славянам Прикарпатья. Это подтверждается также данными индоевропейского сравнительного языкознания. Хотя только два слова — медь и серебро (славянская форма которых утрачена) — имеют общую форму (санскрит. *áyas*, авест. *ayah*, лат. *aes*, готск. *aiz*, древнеинд.

[1] См. „Živ. st. Slov.“, III, 205.

rajáiam, авест. *erezatam*, армянск. *arcath*, лат. *argentum*, древнеиранск. *argat*), но о наличии у славян издавна таких слов, как золото, серебро, олово и железо, свидетельствуют термины, общие с терминами германцев или балтов:

слав. *железо*; прусск. gelso; лит. gelžis; латв. dzelzs;
слав. *злато*; латв. zelts; гот. gulp;
слав. *сьребро*; лит. sidãbras; гот. silubr;
слав. *олово*; прусск. alvis; латв. alva; лит. alvas.

На этом основании общеславянские названия для золота, серебра, олова и железа можно считать древними, праславянскими, и, следовательно, эти металлы были давно уже известны славянам. Только вместо праарийского ajos у славян установилось другое название — *медь*, впрочем, также древнее, так как это термин общеславянский, засвидетельствованный в древнейших текстах. Славянское слово *руда* столь же древнее, так как уже в эпоху индоевропейской первобытности оно перешло из шумерского *urudu* к финнам и соседним индоевропейцам [1]. Зато славянские названия олова (*cin*) и латуни (*mosaz*) заимствованы из немецкого языка.

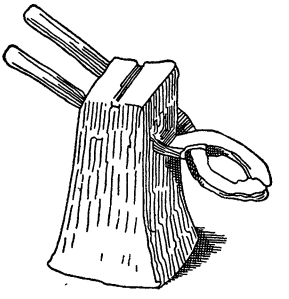

Рис. 81. Наковальня с клещами из г. Власлава (по Й. Л. Пичу).

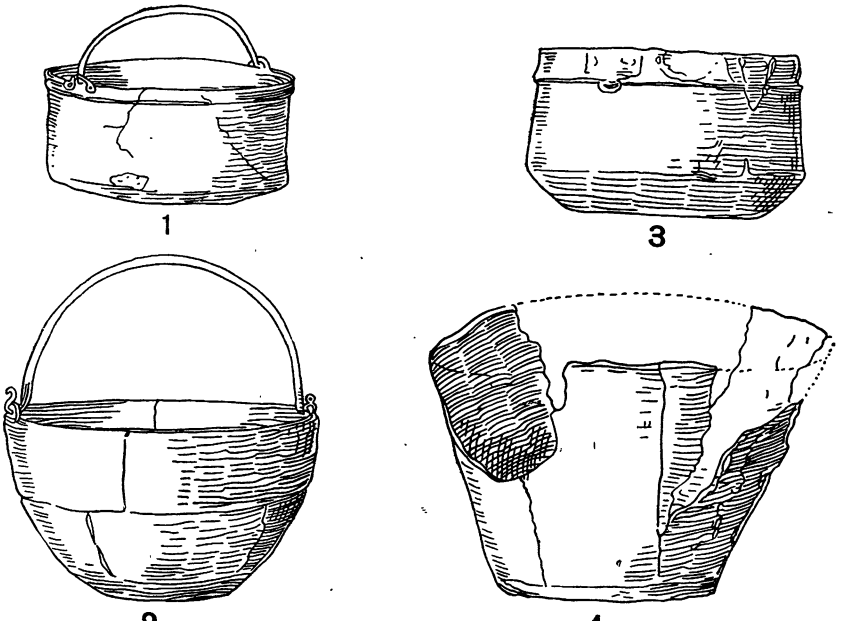
Прямые доказательства добычи и обработки металлов славянами можно привести, разумеется, только со времен исторической эпохи. Также и археологические свидетельства весьма многочисленны и бесспорны лишь со второй половины первого тысячелетия н. э. Металлические вещи, встречающиеся на поселениях и в погребениях той эпохи, славяне частично получали из чужеземных стран путем торговли, частично выделывали сами, сами же добывая металл, в особенности со времени расселения славян по их историческим землям, где они заняли старые покинутые рудники или же открыли новые [2]. В частности, золота было достаточно в некоторых реках, а также в глинистых пластах Чехии, Моравии, Силезии, Польши и Померании, а главным образом в старых римских рудниках Венгрии, Семиградья и Балканского полуострова, где в VI и VII веках повсюду появились славяне. Однако большая часть золота доставлялась все же с чужбины; так, на Русь оно привозилось с Урала и Алтая, с территории Акмолинской и Семипалатинской областей, так же как и серебро, которым изобилуют русские находки X и XI веков. Серебра много также в соседней Малой Азии, Армении и Персии. Но у южных и западных славян было в то время достаточно и своего серебра, особенно в чешских и польских землях, где известно много древних рудников, в которых добывалось серебро. При производстве серебра (из галенита) вырабатывался и свинец, который часто служил приплавом для тогдашней бронзы, а также наряду с оловом — металлом, имитирующим серебро. Наличие олова в Чехии в X веке (очевидно, из рудников в Крушных горах) подтверждает *Ибрагим Ибн-Якуб* [3]. Но наряду с этим сплав олова с медью — бронза — был одним из предметов ввоза в славянские земли. Появление бронзы в конце языческого периода нам мало известно, и ее относительно немного, так как в то время у славян преобладает серебро. В Россию медь поступала главным образом из рудников Урала и Хорасана, а

[1] См. дальнейшие подробности в „Živ. st. Slov.“, III, 207.

[2] Древними славянскими терминами для рудников, которые встречаются в средневековье, были *долг*, мн. ч. *долы*, *яма* или термин, получивший широкое распространение у славян, но заимствованный из латинского языка, *бана* (лат. balnea). См. „Živ. st. Slov.“, III, 212.

[3] Ibrâhîm (ed. Westberg), 20. Однако текст не совсем ясен.

вместе с ней, по всей вероятности, и готовая бронза[1]. Производство меди у славян было незначительным. Больше всего славяне занимались выплавкой железа. Железо добывали из рудных месторождений лимонита, магнетита и гематита, которые имелись в достаточном количестве во всех славянских землях, и плавили в плавильнях — небольших печах, сделанных из глины, применявшихся в Чехии и Польше уже в доримскую [2] эпоху; в этих печах получали либо ковкое железо, либо сталь, конечно, не совсем чистую, так что ее нужно было затем обрабатывать ковкой.

Р и с. 82. Железные и медные котлы.
1—2 — из погребения около деревни Сязниги на р. Паше; *3, 4* — из Гнёздова.

Обработка металлов производилась двумя основными способами: ковкой холодного или раскаленного металла и литьем расплавленного металла в формы. Оба эти технических приема мы встречаем у древних славян.

Хотя о литье металла и нет исторических сообщений, но об этом процессе свидетельствуют многочисленные находки литых изделий, прежде всего украшений. Литейных форм найдено мало, и они не представляют большого интереса [3]. Зато кузнечное дело засвидетельствовано не только множеством железных орудий и оружия, но и упоминаниями исторических источников о кузнецах (fabri, fabri armorum), кроме того, древностью слова *ковать* и производимых от него слов (*ковъ*, *ковачъ*, *коваль* и т. д.), так же как и находками кузнечных инструментов в славянских городищах. На городище Власлав у Тшебенец в Чехии найдена наковальня с большими клещами.

[1] Русская северная бронза X—XII веков отличается полным отсутствием олова, зато в ней много свинца и цинка (то же самое в Чехии). В противоположность этому в пермской и сибирской бронзе значительный процент олова (20—24%), так же как и в китайской бронзе. Подробности о добыче различных металлов в славянских и сопредельных им землях см. в труде „Živ. st. Slov.“, III, 212—222.

[2] „Živ. st. Slov.“, III, 224 и сл. Железные рудники (ferrifodinae) или железные копи (ferrarii) упоминаются в Каринтии уже в X веке, а в других местах в XI и XII веках. Много найдено древних печей для плавки железа в Чехии, Моравии, Силезии, Польше и в юго-западной России, но обычно у нас недостаточно данных, чтобы точно определить, к какому времени они относятся. Тем не менее мы видим, что конструкция печей начиная с доисторических времен и кончая началом истории одна и та же.

[3] „Živ. st. Slov.“, III, 231.

Предметами, изготовлявшимися способом ковки, были, во-первых, разные хозяйственные орудия и предметы: косы, серпы, пилы, топоры, молотки, клещи, гвозди, цепи, замки, ключи, колокольчики и т. п., затем разнообразное оружие, о котором мы будем подробно говорить в главе XI. Сюда относится также ряд сосудов: большие котлы из железа и меди для подвешивания над огнем (несколько таких котлов различной формы было найдено в русских могилах) [1] и более тонко сделанные металлические кувшины и кубки, которые, однако, почти все без исключения являются изделиями чужого производства, попавшие в славянские земли путем торговли, а золотые и серебряные сосуды просто в качестве даров. Варварские князья получали подобные дары от византийских императоров. Местных славянских имитаций этих вещей очень мало, и они относятся к более позднему времени. Наиболее древней из них является глиняная имитация, найденная близ Костриц и хранящаяся в музее в Гере [2].

Рис. 83. Серебряная чаша из погребения в Таганче у Канева.

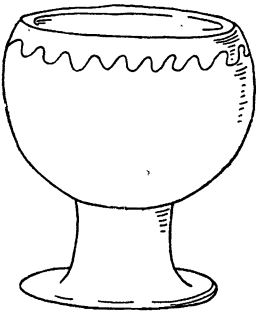

Рис. 84. Глиняная славянская чаша из Костриц около Геры.

Если в изготовлении металлической посуды славяне в X и XI веках отставали, то этого нельзя сказать о тонком ювелирном деле в целом. В этом отношении славяне достигли уже известных высот мастерства.

До X века нельзя говорить о развитии ювелирного производства у славян. Их прародина была страной торговых дорог и художественных влияний. Только когда они проникли на Дунай, Балканский полуостров и к Черному морю и оказались в непосредственной близости к римским и греческим городам, когда у них постоянно перед глазами было множество украшений, изготовленных в тамошних мастерских, только с этого времени мы имеем основание полагать, что и у славян появилось стремление иметь подобные драгоценности и имитировать их. Но еще долго мы не находим подтверждения результатам этого стремления ни в письменных источниках, ни в археологии. Возможно, что, например, некоторые типы грубых фибул так называемого готского типа, найденные в центре России, были изготовлены в славянских мастерских на Днепре или на Оке, но доказать это нельзя. Лишь начиная с X века можно проследить существование у славян мастеров золо-

[1] „Živ. st. Slov.", III, 239. В XI веке медная посуда засвидетельствована в литературе; в это время она упоминается в грамоте вышеградского капитула в Чехии, датированной 1088 годом: „Odolen caldarius".

[2] Там же, III, 241. Золотая и серебряная посуда встречается либо в отдельности (и в могилах, например у Таганчи близ Канева или в могиле у Колина в Чехии), либо в кладах, зарытых славянскими или неславянскими князьями в тяжелые военные времена. Наиболее известными из таких кладов являются золотая посуда IX века, найденная в 1799 году у Надь-Сент-Миклоша в Венгрии, клад, найденный в 1902 году у Врапа в Албании (VIII век), и обнаруженный недавно в 1912 году клад у Малого Перещепина в Полтавской губернии (VIII век). См. о них „Živ. st. Slov.", III, 238. О находках в России серебряной и золотой посуды восточного происхождения см. прекрасную работу Я. И. Смирнова, „Восточное серебро", СПБ, 1909.

тых и серебряных дел и говорить о развитии славянского золотообрабатывающего производства.

Начало этого развития связано на западе с расцветом этой отрасли производства в Германии и Франции в эпоху Карла Великого и его преемников, а на Востоке с тесным общением славян с Азией и Византийской империей во времена князя Владимира. Так, например, мы читаем в легендах, что еще чешский князь Вацлав вызывал aurifices et argentarios из чужеземных стран, желая украсить пражский костел, но уже в XI веке в чешских документах упоминаются чешские мастера золотых дел со славянскими именами: «qui toreumata facit, Nema»—«aurifex Coiata» (1046 год), «Prowod aurifex et filius eius» (1185 год); кроме того, «artifices auri et argenti» упомянуты польскими документами XII и XIII веков [1]. Неизвестно, славянскими или чужеземными мастерами были сделаны замечательные украшения и оружие идолов поморских и руянских богов, но несомненно, что покрытые золотом и серебром головы этих, а также и русских идолов, которых Владимир поставил на Киевском холме, не могли быть изготовлены христианскими золотых дел мастерами греческого или римского происхождения. О балканском округе нам известно, что архиепископ Лаврентий из Спалато в 1060 году послал своего человека в Антиохию для обучения там ювелирному делу, а в другой грамоте, относящейся к 1080 году, упоминается Grubiz aurifex, имя которого славянское [2]. Наличие на Руси в X и XI веках знаменитых ювелирных мастерских подтверждается раскопками. Великий князь Владимир привез в

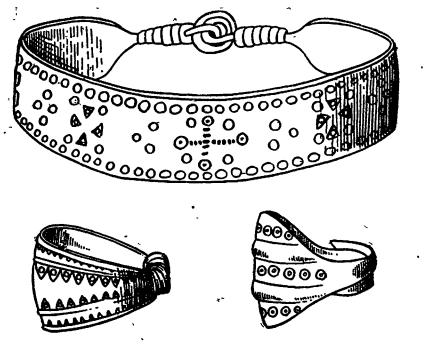

Рис. 85. Браслет и перстни из петербургских и гдовских курганов (по А. Спицину).

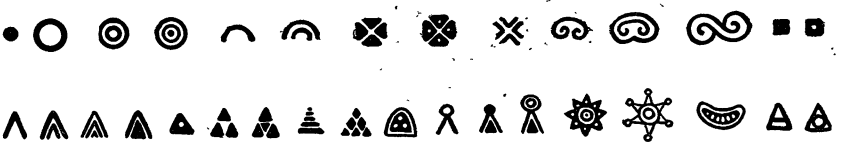

Рис. 86. Элементы чеканного орнамента.

988 году из Корсуни (Херсона) первые предметы церковного обихода для киевского храма, а также вызвал мастеров из Греции [3]; эти мастера создали в Киеве постоянные мастерские, положив тем самым начало славянской ювелирной школе. Подобные мастерские появились вскоре и в Великом Новгороде, Рязани, Суздале (здесь, в частности, ювелирное мастерство достигло огромного расцвета в XII и XIII веках, сюда приходили мастера из различных земель), Владимире и Чернигове. Уже в 996 году мы читаем в летописи, что Владимир приказал отлить серебряные ложки для всей своей дружины [4]. С этим связано то, что среди многочисленных драгоценностей, встречающихся в русских могилах и городищах X—XII веков, часть вещей носит несомненный славянский характер, например некоторые типы ожерелий, браслетов,

[1] См. подробности в „Živ. st. Slov.“, III, 224. Чешская грамота церкви Болеслава, датированная 1046 годом, написана столетием позже.

[2] Thomas, Hist. salon., XVI; грамота Петра Чрна (Rački, Documenta, VII, 131).

[3] Лаврентьевская летопись, 116, 121.

[4] Там же, 126.

перстней, главным же образом серег и височных колец, которые мы уже рассматривали выше, в IV главе (стр. 239). В этом материале есть явные славянские подделки под чужие образцы, например под византийскую эмаль. Наконец, киевский археолог В. Хвойко нашел на месте древнего киевского града близ Десятинной церкви остатки ювелирной мастерской с тигельками, в которых осталась расплавленная эмаль [1].

Техника ювелирного дела состояла в том, что основная форма украшения заготовлялась либо на небольшой наковальне при помощи тонких инструментов, либо отливалась в форме с грубым, резко выступающим рисунком [2]. Последующая более тонкая обработка поверхности производилась при помощи специальных приемов, имевших иноземное происхождение, но быстро распространившихся среди славян с началом развития у них ювелирного ремесла.

Р и с. 87. Серебряные украшения из клада, найденного в Рудельсдорфе около Немче в Силезии.

Наиболее излюбленным ювелирным приемом славян была *филигрань* двух видов. При первой из них поверхность украшалась узорами, выполненными при помощи припаянной скрученной проволочки или цепочки, второй вид составляли декоративные линии и фигуры, чаще всего треугольники, сделанные из мелкой припаянной зерни (filigrane granulē — гранулированная филигрань). Оба вида были издавна известны как в южной Европе, так и на Востоке. В Центральной Европе они появились в латенскую эпоху, и отсюда в римскую эпоху (на востоке от Черного моря еще раньше) филигранные предметы стали проникать и к славянам. Но наибольшее распространение филигрань приобрела лишь в IX—XII веках, когда в славянские земли ввозилось из Византии и с Востока множество украшений и других дорогих вещей, на которых филигрань, в особенности зернь, была очень частым декоративным приемом орнаментации по серебру или золоту. Украшения, которые встречаются в многочисленных кладах серебра, сопровож-

[1] „Živ. st. Slov.", III, 246.

[2] Отдельные части предметов соединялись друг с другом при помощи склепывания или спаивания. Оба эти способа мы видим на славянских изделиях, но первый преобладает („Živ. st. Slov.", III, 248—250).

даемых куфическими монетами IX и X веков, все без исключения отделаны зернью или тонким проволочным узором. Эти последние настолько понравились славянам, что они не только покупали и носили подобного рода украшения, но и имитировали их, вернее сказать, делали заново такие же украшения. По большей части это разные височные кольца и серьги (см. о них выше, на стр. 241) — частью славянского происхождения, частью — иноземного.

Р и с. 88. Клад украшений, покрытых филигранью и чернью, найденный в Спасском уезде Казанской губернии (по А. Спицину).

Эти иноземные украшения, отличающиеся необычайно тонким мастерством, были изготовлены где-то в западной Азии, в пункте, до сих пор не установленном, вероятно в Самарканде [1].

[1] Подробности см. в книге „Živ. st. Slov.", III, 250—260.

Наряду с филигранью, припаянной к поверхности, на славянских предметах того времени часто встречается техника *чеканного орнамента*, когда поверхность украшалась точками, кружками, крестиками, треугольниками, звездочками, нанесенными на металл при помощи пуансонов. Этот прием также иноземного, вероятнее всего, галло-германского происхождения получил начиная с римской эпохи широкое распространение в германских землях, а отсюда проник вместе с изделиями скандинавского ремесла и к восточным славянам на север Руси. В других местах он встречается реже.

Большую популярность получили у славян и приемы, придававшие украшению многоцветность; к ним относятся, кроме широко распространенного обычного приема покрытия поверхности предмета другим металлом, главным образом золотом [1], техника инкрустации драгоценными камнями и стеклом, так наз. verroterie cloisonnée, затем покрытие эмалями и еще один вид инкрустации, так наз. tausia (золотые и серебряные узоры на стальных изделиях) и niello — все эти приемы опять-таки иноземного происхождения, но они получили большее или меньшее распространение в славянской индустрии в X—XII веках.

Наименьшее распространение получила у славян verroterie cloisonnée, так как время ее расцвета уже миновало к тому периоду, когда славяне начали заниматься ювелирным делом. Эти древние орнаментации, первые образцы которой мы встречали уже в древнем Египте и Халдее, а позднее в Персии и Туркестане, где повсюду в изобилии встречались цветные драгоценные камни, проникли в греческое искусство, которое в последние века нашей эры создало вещи, инкрустированные драгоценными камнями (гранатами, бирюзой) или янтарем и стеклом для варваров южной России. Здесь, главным образом в мастерских Пантикапея, в III—IV веках н. э. было положено начало новому виду ювелирной индустрии, создавшей с помощью этой инкрустации особый стиль, который распространился в IV и V века по всей Европе и сохранялся вплоть до VIII века, — это так называемый готский, или меровингский, стиль [2]. Отдельные драгоценности, украшенные в этом стиле, попадали в ту эпоху и в области, заселенные славянами, что вполне естественно и подтверждается находками [3]. Вообще же этот стиль у славян распространения не получил. О нем нет сообщений, а в могилах славянских земель очень мало инкрустированных таким способом вещей, хотя славяне любили стекло и ожерелья из стеклянных бус у них всегда многочисленны.

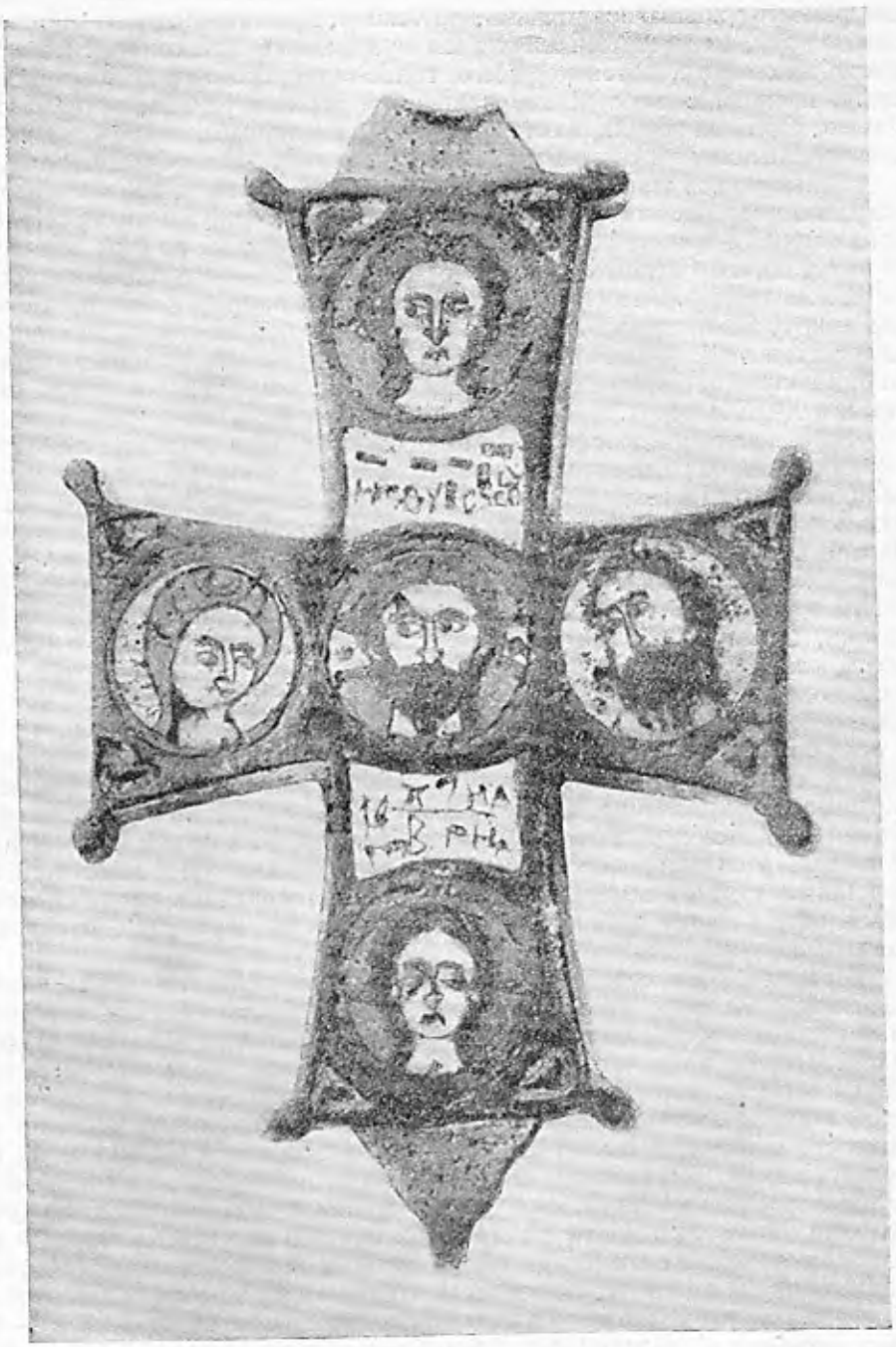
Гораздо более распространенной и вызвавшей у славян многочисленные подражания была другая орнаментация, также привлекавшая славян своей многоцветностью, но выполнявшаяся в иной технике, а именно в технике эмалей. Что касается эпохи древности, то тут мы различаем два способа покрытия эмалью: перегородчатая эмаль, когда расплавленная стеклянная масса наливалась между перегородками из проволоки, припаянной на поверхности металла, и выемчатая эмаль, наливавшаяся в сделанные на поверхности ямки. Эмаль также была изобретена на Востоке. В Египте эмаль употреблялась по меньшей мере уже в птолемеевскую эпоху (более древние вещи украшались лишь стеклянными пластинами, вставленными в холодном состоянии), а возможно, еще и раньше. Очевидно, отсюда техника эмали проникла в Европу, скорее всего в Массилию (Марсель), Галлию и затем в Италию, где такие вещи в большом количестве изготовлялись в I—IV веках н. э. для варварских народов [4]. Позднее и Византия заимствовала у

[1] См. „Živ. st. Slov.“, III, 292 и сл.

[2] Подробнее см. „Živ. st. Slov.“, III, 264—273.

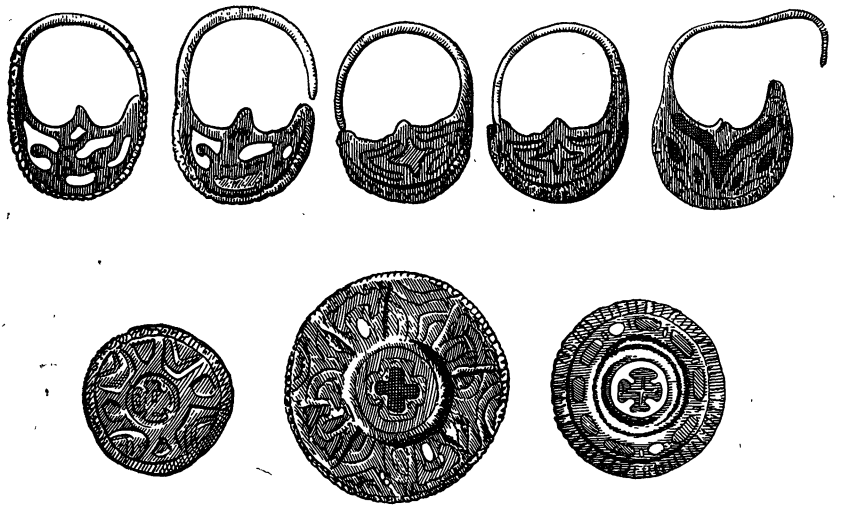
[3] В частности, например, в центральную Россию, затем в Подунавье и в Чехию. См. „Živ. st. Slov.“, III, 270, и Niederle, Merovejská kultura v Čechách („Památky archeologické“, XXX, 1918, 1).

[4] Вся эта история эмали в Европе изложена подробно в книге „Živ. st. Slov.“, III, 274—291.

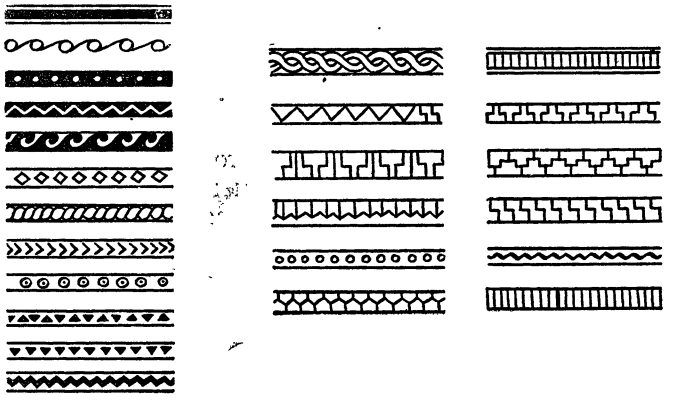
Р и с. 89. Бронзовый крест с эмалью русской работы из Белой Церкви (Васильковский уезд Киевской губ.).

Востока (Персии) технику эмали и достигла в этой области в X и XI веках замечательных результатов, тогда как в остальной Европе лишь в отдельных местах сохранились незначительные остатки римских эмалей. Эмаль проникла и к славянам, где приобрела значительную популярность. Из немецких

Р и с. 90. Серьги и пряжки с эмалью кетлахского типа из славянских могил в Крунгле (по О. Фишбаху).

мастерских на Рейне и в верхнем течении Дуная происходят, по всей вероятности, так называемые кетлахские эмали, очень популярные в VIII и IX веках среди славян альпийских земель; из прусско-литовских мастерских, в

Р и с. 91. Декоративные элементы, выполненные чернью и позолотой.

свою очередь, поступала в Россию в V—VII веках варварская эмаль мошчинского типа[1]; кроме того, из византийских мастерских образцы эмалей поступали в главные русские города и на Кавказ, где повсюду в XI и XII веках вызывали более или менее удачные подражания при производстве золотых

[1] См. работу de B a y e, Les bronzes emaillés de Mostchina, Paris, 1891. Кетлахский тип называется так по славянскому погребению у Кётлаха в Нижней Австрии (Винер-Нейштадт).

украшений (крестиков, энколпионов, диадем, серег, нагрудных блях с изображением святых, так называемых барм и т. п.). В Киеве, как я уже говорил, В. В. Хвойко нашел и мастерскую того времени, изготовлявшую эмаль. Примером русского мастерства служит покрытый эмалью шлем князя Ярослава приблизительно 1200 года [1] и крест из Белой Церкви на Киевщине (рис. 89).

По сравнению с техникой эмали далеко позади остаются два последних приема: позолота и чернь, техника которых состоит в том, что на гладкой золотой или обычной серебряной поверхности наносят черненый рисунок (niello) либо по железной поверхности наносят серебряный или золотой рисунок (tausia) [2]. Оба эти приема мы встречаем в избытке в римском производстве императорской эпохи, в особенности в III и IV веках н. э. Техника позолоты, достигшая в VI и VIII веках столь значительного развития у германцев, у славян вообще не получила распространения, за исключением Балканского полуострова, где сохранилась до исторических времен. Черни подражали больше, но не римской, а византийской и восточной X и XI веков. В России чернь употреблялась и позднее.

Керамика и посуда из другого материала

Праславянская керамика пока еще неизвестна, так как до сих пор не удалось определить, что является собственно славянским в доисторических культурах Центральной и Восточной Европы.

Ясной и определенной представляется нам славянская керамика лишь в находках IX—XI веков, к которым новейшие исследования присоединили и более древний период VI—VIII веков. Все, что относится к более раннему периоду, совершенно неопределенно, и нет смысла рассматривать здесь теории, приписывающие славянам различные древние культуры, а вместе с ними и различные виды керамики.

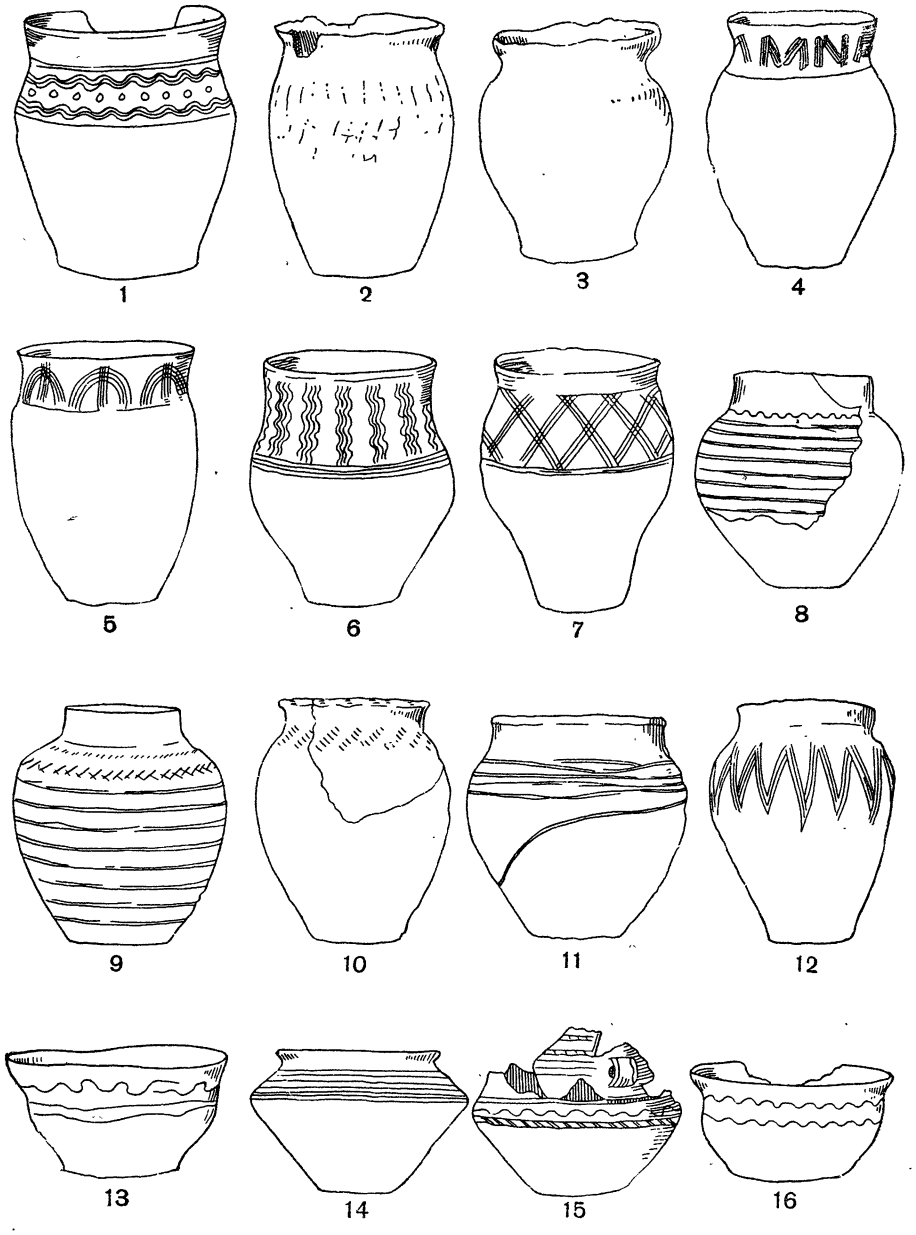
Славянская керамика X и XI веков весьма интересна, хотя и несложна. Как правило, это хорошо обожженная посуда, сделанная на кругу в форме горшков (иные формы, например форма кувшина с суженным горлом, встречаются редко) без ручек, с отогнутым венчиком, под которым наносился характерный орнамент в виде ряда повторяющихся горизонтальных прямых или волнистых полос или ряда врезанных косых линий, точек и кружков. Чем моложе посуда, тем отогнутый венчик более развит и сильнее профилирован. На дне, как правило, имелись гончарные клейма [3]. Когда в археологии говорят о славянской керамике, то имеют в виду тип, называемый городищенским; название дано ему немецкими археологами, так как он, как правило, встречается в культурных слоях древних славянских городищ. Действительно, такой тип керамики всегда встречается там, где в X и XI веках обитали и строили свои городища славяне, на всем пространстве от Майна и Заале и от Савы и Дуная до Оки и Ладожского озера на севере России.

Однако чрезвычайно интересно, что этот славянский тип был в сущности не чем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространенной в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна. Очевидно, славянам приходилось общаться с римлянами на пограничных территориях у Дуная, когда там в I—IV веках употреблялся этот тип керамики, который и был заимствован славянами. Общеславянское распространение он получил позднее в результате процесса замены и вытеснения местной родственной по форме керамики новым излюбленным типом. Древняя славянская керамика, которую мы встречаем в находках VI—VIII веков,

[1] Н. П. Кондаков и И. Толстой, Русские древности в памятниках искусства, VI, 86. См. рис. 126.

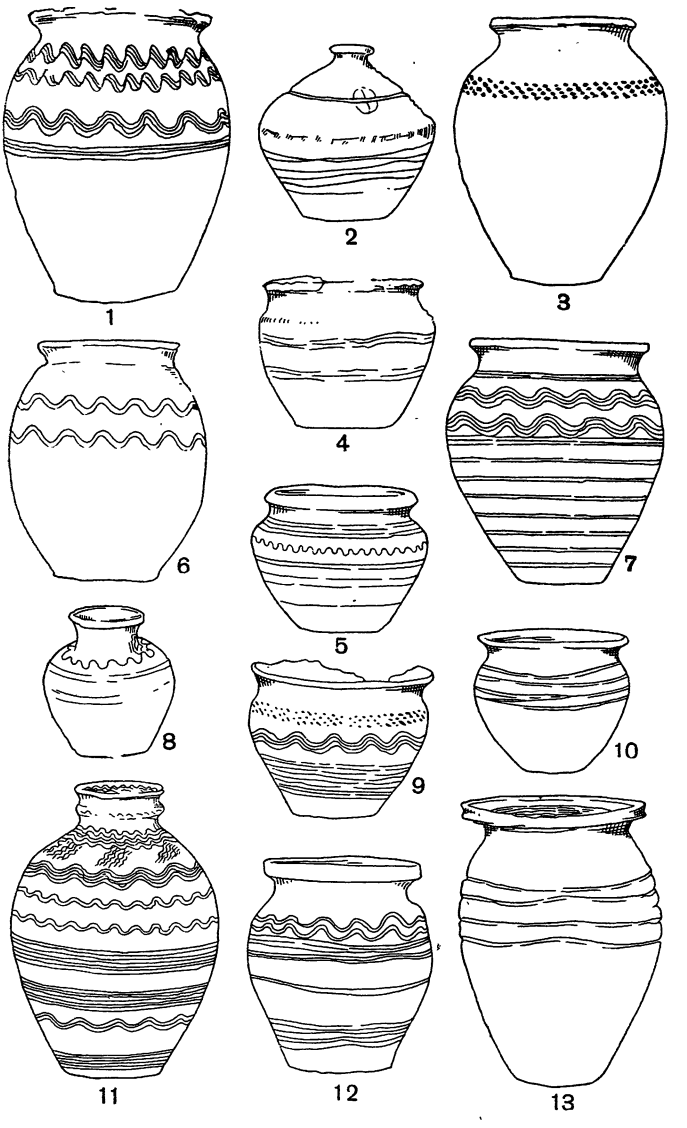
[2] Подробнее об этом см. „Živ. st. Slov.“, III, 295—302.

[3] См. подробнее в „Živ. st. Slov.“, III, 303 и сл.

Р и с. 92. Ранняя славянская керамика VI—VIII вв.

1 — Варин; *2* — Мистельбах; *3* — Богоева (Бачка); *4—6* — Форде; *7* — Нойендорф; *8* — Ст. Жуков (Волынь); *9* — Ростково (Плоцк); *10—12* — Гнёздово; *13* — Лёсниг около Стшелина на Эльбе; *14* — Объезерце (Оборник); *15* — Шванн (Мекленбург); *16* — Тшебоул (Чехия).

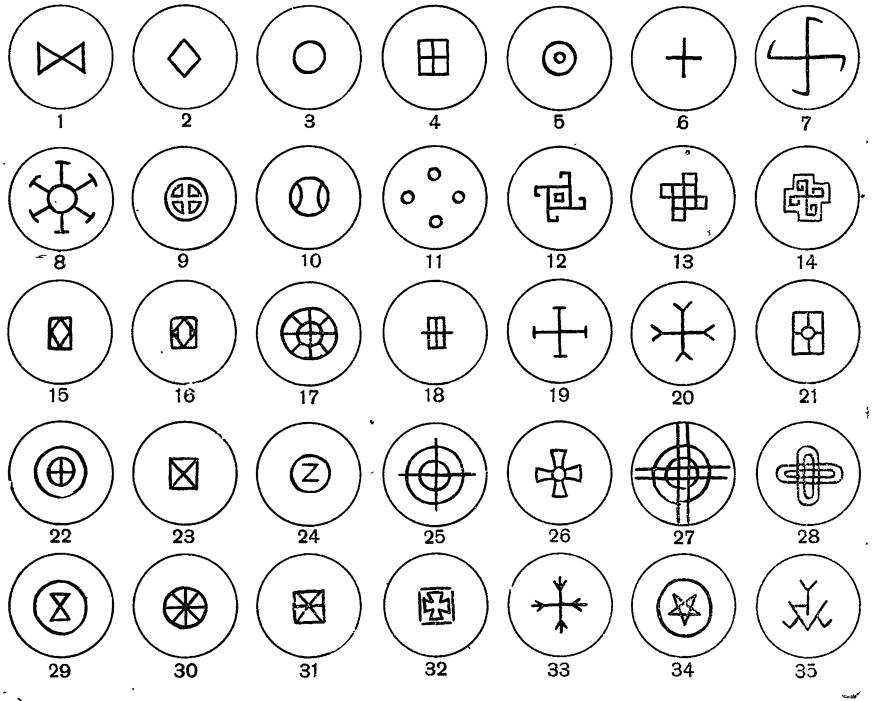

Р и с. 93. Основные типы славянской городищенской керамики.

1, 4 — Михельсдорф; *2* — Бобзин (Мекленбург); *3, 9, 11* — Желенице (Чехия); *5* — Сязнига, Приладожье; *6* — Пушта Селип (Новоград); *7* — Гнёздово; *8* — Немчице (Моравия); *10* — Село Новое (Владимирской губ.); *12* — Билейо Брдо; *13* — Роуднице.

также имеет форму высокого горшка, но без отогнутого венчика; волнистый орнамент встречается на ней еще редко, зато обычен горизонтально-линейный орнамент и часты пояса различных скошенных и перекрещенных отрезков линий, расположенные под горлом. С этой керамикой мы познакомились в последнее время по хорошо исследованным находкам в Германии и также в России [1].

Из посуды, изготовленной из другого материала, следует в первую очередь упомянуть рога для питья, сделанные из турьего рога и часто окованные серебром[2], затем металлическую посуду, которая встречается редко и о которой мы уже говорили выше, и, наконец, стеклянную посуду, встречающуюся в отдельных случаях и ввозившуюся с чужбины, так как до X века славяне не изготовляли стеклянных вещей[3]. Единичным явлением были также

Р и с. 94. Образцы клейм на днищах славянских сосудов из Чехии и России.
1—6 — Желенице; *7* — Мельник; *8—16* — Гнёздово; *17* — Тверская губ.; *18—22* — Левый Градич; *23—29* — Часлав; *30—34* — Кралов Градец; *35* — Часлав.

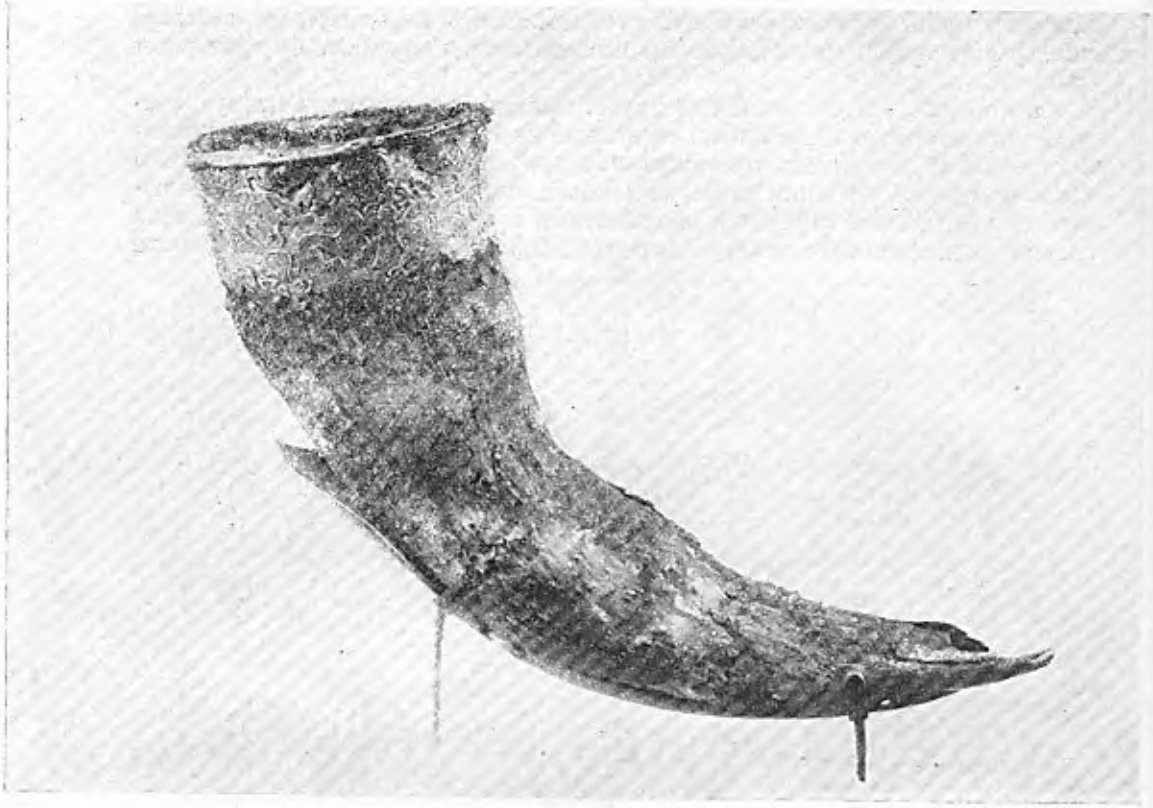
упомянутые источниками чаши из человеческих черепов, иногда окованные серебром или золотом[4]. Для этой небольшой по размеру посуды было много славянских терминов (*гърнъ* — горшок; *sъsądъ* — сосуд; *чьбанъ* — жбан; *латы* — широкий сосуд; *чрепъ* — черпак; *кубъ* — кубок; *гротъ* — заостренная книзу посуда) и иноземных (*лагъвь* — из лат. lagena — бутылка; *чьбъръ* — из нем. zwibar; *zubar* — ушат (чан); *кръчагь* — из тур. korčag — кувшин; *блюдо* — из готск. biups — широкая посуда, блюдо, чаша; *миса* — из готск.

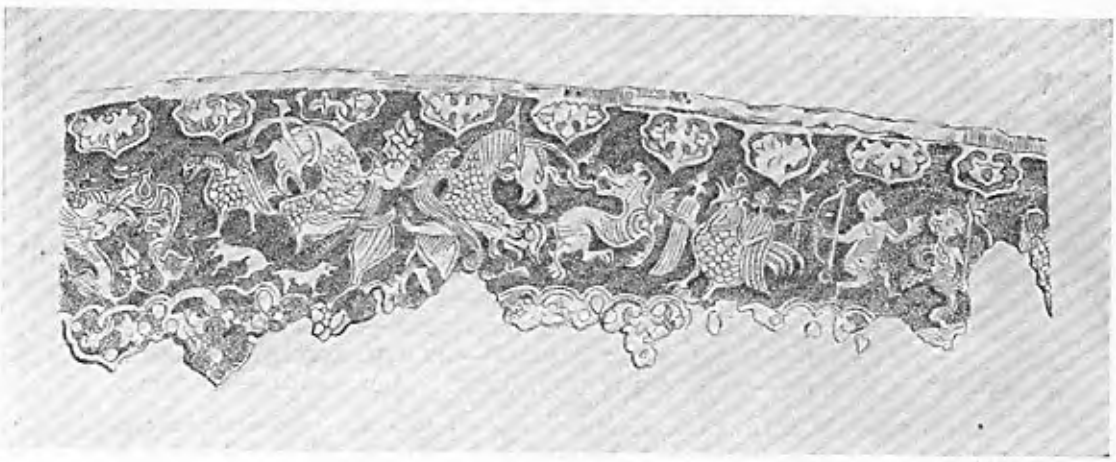
[1] „Živ. st. Slov.“, III, 311 и сл. Специальные гончары (церк.-слав.— *грньчарь*, в латинских источниках *figulus*) упоминаются в XI веке, а в Новгородской летописи в X в. („Živ. st. Slov.“, III, 308).

[2] Исторические сообщения о находках см. в „Živ. st. Slov.“, III, 315. Такие рога для питья были также в руках у статуй славянских богов в Балтийском поморье. Наилучшие образцы серебряной оковки рогов с орнаментацией восточного характера нашел Дм. Самоквасов в погребении славянского князя, так называемой Черной могиле у Чернигова. См. рис. 95 и 96.

[3] „Živ. st. Slov.“, III, 273, 318.

[4] Там же, 319. См. находки в русских курганах древлян и дреговичей.

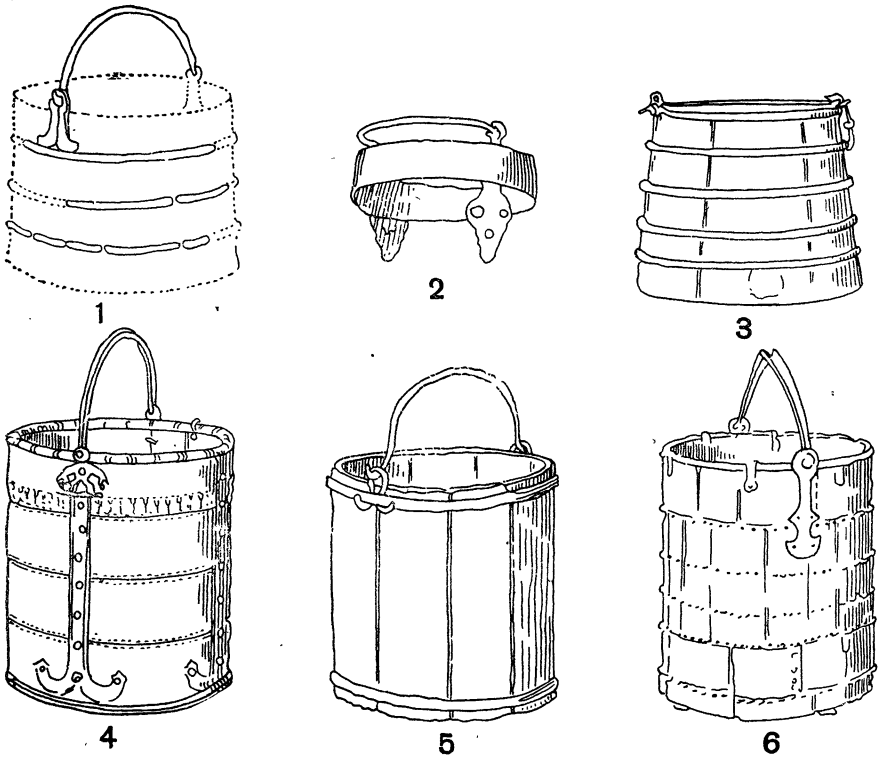

Р и с. 95 и 96. Турий рог из Черной могилы у Чернигова и его серебряная оковка.

mes и лат. mensa — миска; *чаша* — из иранск. čise; *kony* — из нем. kanne — кувшин; *krina* — из греч. κρήνα — миска).

Все большие сосуды изготовлялись обычно из дерева; они либо выдалбливались из цельного чурбака, либо делались из отдельных клепок, стянутых

Р и с. 97. Окованные деревянные ведра из славянских погребений.
1) Гнёздово; *2*) Вел. Горица; *3*) Волынь; *4*) Шелаг; *5*) Заколаны; *6*) Островяны, оковка ведра.

обручами, или из древесной коры, при этом посуду изнутри всегда хорошо смолили, чтобы она не пропускала воду. Бондарные и смолярные ремесла были широко распространены[1]. Формы и названия этих больших сосудов были различными. Славянскими названиями являлись: *дежа* (бочка), *ведро*, *оковъ* (бадья), *коръ* (корец, четверть), *лукно* (лукошко), *кадьлбъ* (kadlub — чан); иноземными названиями были: *бъчьвь*, *бъчька* (bečva, bečka — бочка) из нем. boteche или греч. βοῦττις (отсюда ремесленник называется *бечваръ*); *кадь* (kád′) из греч. κάδος; къбълъ (kbel) нем. kübel; *нъшитвы* (necky) из нем. nuosk и др. [2] Из этих сосудов более всего употреблялись деревянные, окованные железом ведра с железной ручкой. Эти вещи постоянно сопутствовали славянским погребениям X—XII веков [3].

Прядение и ткачество

Изготовление ткани было постоянным занятием славянских женщин и девушек. Необходимые для этого нити делались частично из овечьей шерсти

[1] Специальные смоловары (pkelnik — picarius) засвидетельствованы в документах XI века („Živ. st. Slov.“, III, 329).
[2] Дальнейшие подробности см. в „Živ. st. Slov.“, III, 320, 326.
[3] Там же, III, 329.

или же из волокон льна (Linum angustifolium) и конопли (Cannabis sativa). Это подтверждается многочисленными свидетельствами как письменных источников, так и данными археологии. Пряслица, надеваемые при прядении на веретено, очень часто встречаются в славянских находках IX и X веков, а в Киеве известно одно пряслице со славянской надписью[1].

Рис. 98. Богородица с веретеном (Софийский собор в Киеве).

Что же касается ткачества, то его техника тысячу лет тому назад была, конечно, проще той, которую мы встречаем в славянских деревнях в настоящее время. Однако то, что основы этой техники были выработаны уже в то время, видно из того, что вся ткацкая терминология, касающаяся деталей станка и ткани, а также термины, относящиеся к процессу работы, являются общими для всех славян и чрезвычайно древними[2]. Венгры заимствовали ее[3] уже после прихода в Венгрию; да и вообще немыслимо, чтобы вся эта общая терминология развилась позднее. Она возникла еще на прародине славян, и несомненно, что в конце языческого периода славянские женщины пряли и ткали так же, как и позднее, в историческую эпоху. Веретено (*вретено*) в руке женщины — древний символ, засвидетельствованный на рисунках и в исторических источниках. Ткацкий станок был, судя по всему, стоячий, что подтверждается самим названием *станъ*, *ставъ* (от глагола *стоять*).

[1] „Živ. st. Slov“., III, 337.

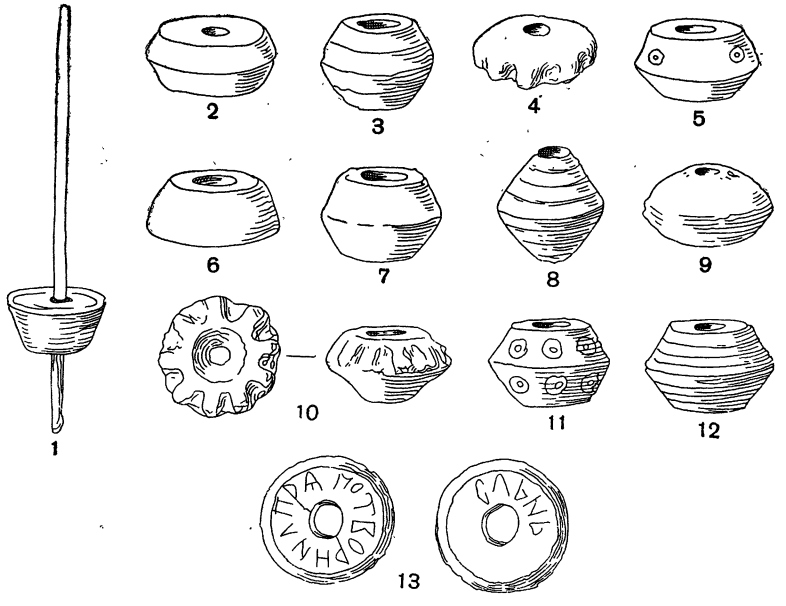
[2] Я собрал их в „Živ. st. Slov.“, III, 336, в отдельную таблицу. Недавно М. Гаваззи из музея в Загребе дополнил новыми подробностями наши сведения о древнем славянском ткацком станке, который был, по его мнению, вероятнее всего, горизонтальным („Praslavenski tkalački stan“, Zbornik za nar. život, XXVI, 1926).

[3] См. Miklosich, Denkschriften d. Akademie in Wien, Phil. hist. Classe, XXI, 15.

Глава X

ТОРГОВЛЯ

Хотя и существуют доказательства того, что торговля в областях славянской прародины имела место уже в конце неолита[1], однако она спустя еще многие столетия не была развита настолько, чтобы можно было говорить о ее влиянии на славянскую культуру. Как в неолитическую эпоху, так и в эпоху бронзы торговля в Прикарпатских областях была слабо развита и бесплодна, а когда в VI веке началась интенсивная греческая торговля северных понтийских колоний с центральной частью южной России, она коснулась лишь окраин славянской территории и не оставила здесь глубокого следа. Эта торговля совершенно не оказала благотворного влияния на бедную и отдаленную славянскую культуру.

Р и с. 99. Римские веретена из Могуче (Блюмнер) (*1*) и прясла из славянских находок (*2—13*).

2) Гнездово; *3*) Часлав; *4*) Тшебоул, *5*) Думмерсдорф; *6*) Гдов; *7*) Волынь (Киевский тип); *8*) Форде; *9*) Тшебоул; *10*) Вацов; *11—12*) Цико; *13*) Киев.

Лишь римская торговля, достигнув небывалого расцвета, впервые принесла много нового в славянские области.

Как только римляне достигли Дуная и войска их начали переходить реку, чтобы устрашить живущих там варваров, предостеречь их тем самым от нападений на империю и вынудить к спокойствию, тотчас же появились и

[1] Об этом свидетельствуют находки северного янтаря и скандинавских каменных орудий в Закарпатье.

купцы, стремившиеся использовать эту ситуацию, и торговля начала развиваться. Но больше всего она окрепла после того, как император Траян в результате двух походов в 105—106 годах победил Дакию и продвинул границу империи далеко вглубь по обе стороны восточных Карпат [1].

Вследствие этого завоевания римская торговля во II и III веках достигла небывалых размеров и проникла глубоко в прикарпатские области. В это время мы повсеместно встречаем здесь множество изделий художественного ремесла, изготовленных в римских провинциальных мастерских, а в некоторых местах и итальянские товары, как например этрусскую и кампанскую

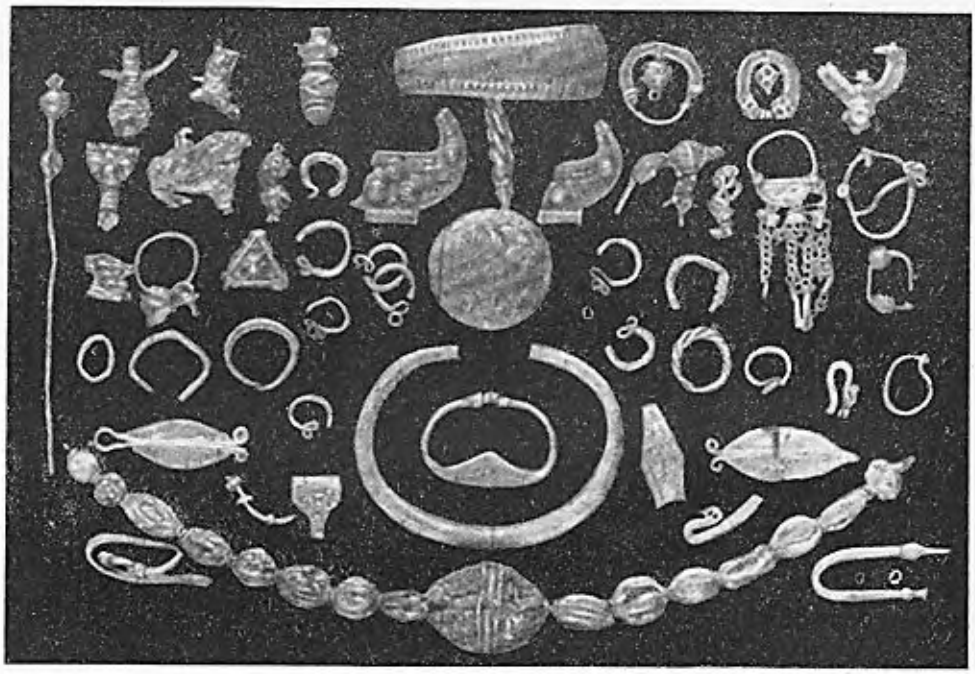

Рис. 100. Серебряные украшения из клада у Лейсовской мельницы около Франкфурта на Одере (по Е. Фриделю).

посуду, и повсюду эта эпоха отмечена многочисленными находками римских монет, единичных и составляющих целые клады, содержащие большей частью монеты императоров от Траяна до Септимия Севера [2]. В России монетные клады встречаются так часто, что они привели русского историка и археолога Д. Я. Самоквасова к теории, конечно неправильной, согласно которой эти клады являются следами не римской торговли, а движения славян, отступавших из дакийской прародины на север и несших с собой запасы римских монет [3].

Несмотря на то, что римская торговля была очевидным фактом, доказанным археологически, влияние ее на славянскую культуру не было столь сильным, как можно было бы ожидать. Славяне и другие варвары приобретали римские вещи, но освоить их производство и имитировать их они не научи-

[1] См. „Živ. st. Slov.", II, 126.

[2] Самый последний обзор находок в центральной части Европы сделан К. Реглингом в „Zeitschrift f. Numismatik", XXIX, 1911.

[3] „Северянская земля и северяне по городищам и могилам", М., 1908, 89 и сл.; „История русского права", Варшава, 1878 г., II, 140; «О происхождении русских и польских славян, о причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов». „Труды VIII археолог. съезда", III, 31.

лись, за исключением римской провинциальной керамики, которая начиная с этой эпохи была освоена и неуклонно распространялась среди всех славян с такой интенсивностью, что вытеснила более древние местные формы, а в конце языческой эпохи господствовала во всех славянских землях [1]. Основной причиной этой сравнительной пассивности славянской культуры по отношению к изделиям римского производства было, как мне кажется, то, что славяне находились тогда уже в состоянии своего расселения, которое, как я уже говорил в I томе «Славянских древностей», разбросало их по огромному пространству на запад вплоть до Лабы, Салы, верхнего Майна к Альпам, на юг к Адриатическому, Эгейскому и Черному морям. Это движение, продолжавшееся вплоть до VII века, не благоприятствовало развитию славянской культуры. Славяне не имели спокойных условий, необходимых для восприятия, освоения и имитации предметов, доставлявшихся им римской торговлей в течение трех веков.

Итак, вслед за эпохой расцвета римской торговли, которая относится главным образом ко II и III векам, опять наступил застой. Византийская торговля была в последующие столетия лишь незначительной, очевидно, по тем же причинам; скандинавская и восточная торговля лишь начинала развиваться.

Только IX век был ознаменован новым огромным размахом торговли и значительным воздействием ее на местную славянскую культуру. Условия в это время были уже иными, чем в римскую эпоху. Славяне, прочно утвердившиеся на своих новых местах жительства, образовали ряд государств с сильными династиями, ряд крупных экономических центров, где сидели князья и знать, представители которой все без исключения испытывали потребность в дорогих художественных изделиях развитых культур; кроме того, славяне были окружены государствами, которые придавали особое значение развитию торговли по фискальным причинам. Мы видим, как на западе, во Франкской империи, Карл Великий капитулом, выданным в 805 году в Тионвилле, регулирует торговлю со славянами по всей линии торговых городов от нижней Эльбы к Дунаю [2]; на юге и на востоке усиленно занялся торговлей Царьград, в 911 и 945 годах он заключает с киевскими князьями Олегом и Игорем торговые договоры, представляющие необычайный интерес [3]. На севере походы скандинавских русов начиная с VIII века [4] проходили через русские земли по Волге, Днепру и Дону прежде всего с торговыми целями, а на востоке новое могущественное арабское государство с центром в Дамаске, а позднее и персидское государство, возглавленное династией Саманидов, захватили в свои руки всю торговлю Востока с северными землями. Эта арабско-персидская торговля в славянских землях имела такой сильный размах и оставила после себя такие глубокие следы, что время наибольшего расцвета ее, то есть IX—X века, прямо называется эпохой арабской торговли

[1] Это известная керамика в форме горшка с отогнутым венчиком, под которым обычно бывает горизонтально-волнистый орнамент. См. выше, стр. 338, и „Živ. st. Slov.“, III, 305.

[2] Capitularia regum Franc. (Mon. Germ. Leg., Sectio II, Tom I, 122). Это были города: Бардовек, Шезла (Scheessel?), Магдебург, Эрфурт, Гальштатт, Форхгейм, Пфреймд, Ржезно, Лавриакум у Линца. См. „Slov. star.“, III, 70.

[3] Киевская летопись, Лаврентьевский список под 912 и 945 годами.

[4] Исходным пунктом скандинавской торговли было поселение Бирка на острове Бёрко (на север от Стокгольма), а позднее Готланд. В Готланде было найдено около 67 000 монет X и XI веков, из них 23 000 куфических. В самой России на городище Старая Ладога в устье реки Волхова найдено много монет VIII века, но основное влияние скандинавской торговли наблюдается в IX и X веках по материалам погребений у Гнёздова недалеко от Смоленска и у села Михайловского близ Ярославля, а также в самом Киеве. Изучением распространения скандинавского влияния на Россию занимался по данным археологии главным образом Т. Арне, написавший по этому вопросу книгу „La Suède et l'Orient“, Uppsala, 1914. О скандинавской торговле по всему Балтийскому побережью см. статью: Alex. Bugge в „Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftgesch.“, IV, 1906, 227, и в „Reallexikon d. germ. Altertumskunde“, II (1913), 420 и сл.

И опять, как это было в римскую эпоху, мы видим, что эта торговля подтверждается не только историческими документами, но и бесконечным рядом археологических находок восточных монет (диргемов) и серебряных украшений, покрытых зернью и ажурной филигранью. Эти находки встречаются во всех северных славянских областях, где и производилась восточная торговля, в то время как рынками Подунавья и Балканского полуострова завладели византийские купцы.

Множество кладов, иногда очень больших размеров[1], с арабским серебром найдено на востоке от Одера, у полабских славян, в Польше и в России, в основном в ее северной части[2], так как по средней и верхней Волге через Ладогу и Финский залив проходил торговый путь в Скандинавию. По Двине купцы ездили в Ливонию и Литву и, наконец, по Днепру к славянам. На юге России подобных находок нет, потому что по нижнему Днепру и Дону арабская торговля не производилась. В те времена там всегда существовала опасность нападений со стороны печенегов и половцев.

Так было вплоть до начала XI века, когда арабско-персидская торговля стала угасать. С этого времени восточные монеты в находках больше не встречаются, а в культурных слоях поселений и в курганных могильниках обнаруживаются западноевропейские монеты, в частности немецкие, англосаксонские и, само собой разумеется, местные. Что же касается кладов, которыми гордится Россия, то они уже не восточного, а византийского происхождения [3].

Предметы ввоза и вывоза

Хотя в греческую и римскую эпоху купцы приходили с юга с деньгами в руках, все же торговля со славянами носила тогда большей частью обменный характер — товар за товар [4]. Сырья славяне ввозили мало — незначительное количество драгоценных металлов и камней, некоторые пряности и фрукты, но зато охотно ввозили изделия иноземного художественного ремесла: украшения из золота, серебра, а также изделия из стекла и дорогих тканей. Сами же давали в обмен лишь то, что приносила им земля, так как собственного ремесленного производства у них не было; вывозили также много рабов во все концы мира. На основании исторических сообщений и археологических находок можно составить следующий перечень предметов импорта и экспорта.

Из предметов вооружения из Франкской империи ввозили прежде всего мечи и панцыри, что подтверждают арабские авторы[5] и капитулярий 805 го-

[1] Так, например, у устья Волхова найден клад весом 115 *кг*, около Великих Лук — весом 100 *кг*. В кладе города Мурома было свыше 11 000 монет.

[2] Из всей обширной литературы об этих находках я привожу здесь самые важные труды о России: А. Марков, Топография кладов восточных монет, СПБ, 1910; T. Arne, La Suède et l'Orient (Uppsala, 1914), 63—85; о Польше: A. Szelągowski, Najstarsze drogi z Polski na wschód (Краков, 1909); о западных славянах хороших работ в последнее время нет (см. Jacob, Handelsartikel, 29). О находках в России интересно также предисловие к старому труду П. С. Савельева „Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории", СПБ, 1846. Более полную библиографию см. в „Živ. st. Slov.", III, 371.

[3] См. о них главным образом в трудах Н. Кондакова, „Русские клады" (СПБ, 1896, т. I) и „Русские древности...", V, 101 и сл.

[4] Современный общеславянский термин *zbozí*, старославянск. *сѣбожье* имел первоначально другое значение — благосостояние, богатство, специально — изобилие хлеба. Также позднее товар, поступавший с Востока, стал называться словом *товаръ* (из тур. *tavar*), сначала в значении поклажи на вьючных животных или на воз.

[5] Гаркави, указ. соч., 93; Jacob, Handelsartikel, 65, 76; Вестберг (Известия Академии наук, СПБ, V сер. т. XI, 4, 286). Однако имеются также сообщения о вывозе мечей из Киева и Уртабу (Гаркави), 49, I, с.; Marquart, Streifzüge, 350; неизвестный Персидский географ (ed. Туманского, 136) и о мечах из Салмана в Хорасане (Гаркави, 268). Мукадесси упоминает о вывозе мечей из Болгарии в Туркестан (Гаркави, 282).

да Карла Великого, в котором запрещается продавать славянам arma et brunias (оружие и броню) [1]. Кроме того, по археологическим данным видно, что восточным славянам доставлялось много мечей из скандинавских земель; на юге России встречаются предметы восточного вооружения, либо захваченные в бою, либо доставленные путем торговли. Это главным образом изогнутые сабли и остроконечные шлемы, о которых более подробно говорится в следующей главе. Из Азербайджана ввозились через русские земли также гарпуны.

Поставщиками дорогих тканей или готовой одежды были опять-таки византийские и восточные мастерские. Остатки этих тканей найдены в большом количестве в России [2], кроме того, эта торговля засвидетельствована Ибрагимом Ибн-Якубом, Ибн-Фадланом, а также Киевской летописью под 969 годом[3]. Согласно Истахри, международным рынком был главным образом Трапезунд, но были, разумеется, и другие. Хорваты и сербы покупали текстиль, в свою очередь, в мастерских северной Италии. Прямые данные об импорте пряностей, духов и масел имеются у Ибн-Хордадбе и в грамоте Всеволода 1137 года, а косвенные — у Феофана и Приска [4]. Они экспортировались главным образом из Индии. О греческом импорте масел свидетельствует то, что общеславянск. *олей*, старославянск. *елей* были заимствованы из греческого ἔλαιον.

Основную часть славянского импорта составляли металлические и стеклянные украшения. Много украшений — золотых и серебряных — поставляли византийские мастерские, однако наибольшее число серебряных, украшенных зернью серег, височных колец, подвесок экспортировал в IX и X веках Восток, главным образом, вероятно, Самарканд, Бухара и Персия, что подтверждают бесчисленные клады, содержащие арабские и персидские дирхемы, о чем я уже говорил выше [5]. На реках Каме и Вятке в результате торговли было сосредоточено множество серебряной посуды иранского происхождения, откуда она расходилась дальше по Восточной Европе[6]. Из украшений с Востока привозили еще морские раковины каури (Cypraea), стеклянные бусы, главным образом из Сирии, старославянск. *бисеръ* от араб. *busra*, браслеты и различные подвески; из последних наиболее характерны лунницы [7]. Однако в конце XI века подобные вещи стали производить и в Киеве, что подтверждает мастерская, открытая В. В. Хвойко под старым городом.

Ввоз фруктов и вина засвидетельствован уже во времена Демосфена и Страбона, а впоследствии снова и Киевской летописью под 969 годом [8]. С Востока ввозили иногда также ослов и верблюдов, домашний рогатый скот от печенегов на Донце и Дону[9], а из Туркестана[10] охотничьих соколов и ястребов.

Из предметов экспорта первое место занимали меха и мед. Вывозили мех бобра, горностая, белки, куницы, соболя, лисицы, выдры и медведя; славянские названия куницы и белки проникли еще до н. э. в латинский и

[1] См. выше, стр. 347.

[2] См. выше, стр. 224 и „Živ. st. Slov.“, I, 411—416; III, 331. О продаже одежды болгарам в Царьграде см. ниже, стр. 354; это была постоянная монополия.

[3] Ибрагим Ибн-Якуб (изд. Вестберга), 53; Ибн-Фадлан (Гаркави, указ. соч., 87, 97); Лаврентьевская летопись под 969 годом. Слово mithkâl обозначает у Ибрагима как дорогую ткань, так и золотые деньги (арабск. miskâl).

[4] См. Westberg, Beiträge, 286 (Известия Импер. Академии наук, 1899, III, 331); Theoph. (ed. Boor), 278; Priskos, 8.

[5] См. выше, стр. 348, и рис. 100.

[6] См. публикацию коллекции этой посуды в большом труде Я. И. Смирнова „Восточное серебро“, СПБ, 1909.

[7] См. выше, стр. 246.

[8] Strabo, 1, 2, 3; Demosth., Μαρτυρίαι, 35; Лаврентьевская летопись.

[9] См. выше, стр. 322.

[10] Const. Porph., De adm. imp., 2.

греческий языки (viverra, *καυνάκη*). Эта торговля засвидетельствована целым рядом восточных сообщений X и XI веков. Самым дорогим мехом Масуди считал мех чернобурой лисицы из лесов Заволжья, однако горностаевые и бобровые меха ценились также очень высоко [1].

Я уже имел возможность сообщить выше, что славянские земли издавна изобиловали пчелами (Геродот, V, 10), а следовательно, и пчелиным медом, который был для славян одним из главных яств и напитков и основным предметом при выплате дани своим и чужеземным князьям [2] и, кроме того, наряду с воском,— одним из главных предметов экспорта. Уже в древности в Грецию ввозили наилучший мед из земли алазонов на верхнем Днестре; эту торговлю подтверждают также ряд арабских авторов, Киевская летопись и византийский источник „Επαρχικὸν βιβλίον“[3]. Кроме того, экспорт воска на Дунае засвидетельствован также грамотой Людовика IV от 903—906 годов [4].

Славянский хлеб и сушеная, копченая и соленая рыба также были на юге желанным товаром. В случае неурожая у восточных славян хлеб ввозили из земли болгар на средней Волге[5]. Торговля рыбой из русских рек была вообще древней [6], но и из Прибалтики сельдь вывозилась еще в языческий период[7].

Вывоз металлов был, по-видимому, незначительным, поскольку до XI века интенсивной разработки рудников у славян не было [8]. Зато балтийский янтарь оставался предметом экспорта; хотя в славянскую эпоху его старая слава уже миновала[9], все же иногда он встречается в славянских могилах среди подвесок для ожерелий; таким образом, ясно, что янтарь, отправляемый для торговли на Восток, всегда провозился через славянские земли[10]. Однако следует упомянуть, что янтарь встречается и в некоторых местах славянской области, а именно на реках Нареве и Днепре, около Киева и Борислава. Тождественны ли эти местонахождения тем, которые были известны Плинию в Скифии, мы не знаем[11].

Одним из важнейших предметов торговли как импортной, так и экспортной — в зависимости от наличия ее в той или иной славянской области — была *соль*. Существовали области, заселенные славянами, где соли не было, однако были области, богатые этим минералом, где, естественно, и развивалась соляная торговля. Соль была известна еще индоевропейцам, у которых для нее было общее название[12], а отсюда вытекает, что и славяне знали и употребляли соль уже в доисторическую эпоху. Каким путем добывали ее в те времена, нам неизвестно, так как об этом нет никаких сообщений; возможно, ее получали, как и у других северных народов, путем заливания соленой водой горящих дров, с которых собирали затем пепел, перемешанный с

[1] Гаркави, указ. соч., 49, 219, 221, 251, 263, 264, 276; Гардизи (ed. Bartold) 123. См. главным образом Jacob, Handelsartikel, 25—33, 40—46; Waare, 7.

[2] См. выше, стр. 321.

[3] Jacob, Waare, 10 и Handelsartikel, 58; Лаврентьевская летопись под 969 годом. Об, источнике „Ἐπαρχικὸν βιβλίον“ см. статью И. Саказова (стр. 198—200), которая указана ниже, на стр. 357.

[4] Friedrich, Codex dipl. Boh., I, 35.

[5] Лаврентьевская летопись под 1024 годом.

[6] Herod., IV, 53; „Anon. periplus“, 88; Демосфен, Речь против Лакрита, 31; Athenaios, «Δειπνοσοφίσται», VI, 109; VII, 21.

[7] Saxo (ed. Holder), 869, 870; Helmold, II, 12; Arnold, III, 5; Herbord, II, 41. См. „Živ. st. Slov.“, III, 185.

[8] Только из Чехии уже вывозили олово и серебро (Ибрагим (ed. Westberg 20, 53); Киевская летопись под 969 годом), из Рагузы вывозили в Италию герцеговинское и боснийское серебро и свинец (Jireček, Handelstraßen, 47, 58, 69).

[9] О современном состоянии науки о древнем янтаре см. статью Wł. Antoniewicze в журнале „Wiadomości archeologiczne“, VI (1921), 199.

[10] Jacob, Zeitschrift morgenländ. Ges., 1889, 353; Handelsartikel, 63.

[11] Plin., XXXVII, 33, 40.

[12] См. греч. ἅλς, лат. sal, готск. salt, иранск. salann, кимр. halan, слав. *соль*, древнепрусск. sal, латышск. sâls, арм. al.

солью[1]. Первые сообщения об употреблении славянами соли в пище и в качестве предмета торговли появляются лишь в IX веке н. э.; в то время славяне, как нам известно, применяли уже несколько способов добывания соли в зависимости от условий ее местонахождения. На побережье Адриатического, Эгейского и Черного морей преобладали древние солеварни, где вода выпаривалась на солнце, в других же местах славяне выпаривали воду из соляных источников или из соляных пластов на больших железных сковородках, называемых в латинских источниках sartago, в славянских — *чрен*, *черенъ*. До настоящего времени так вырабатывается соль, например, в Боснии или в Галиции, где соленосное сырье выкапывается из ям, называемых bańa, ранее также — żupa[2]. Со сковородок снимали куски соли наподобие караваев хлеба, затем делили эти куски на части, для которых сохранилось несколько древних терминов, например *голважня*, *krusz*, *груда*.

Этот способ засвидетельствован у славян Казвини, а кроме того, рядом документов XI—XIII веков[3]. Областями, где больше всего добывалось соли, были Балтийское побережье (в частности, Кольберг — Kołobrzeg), потом Галиция и северная Венгрия, снабжавшие солью не только Польшу, но также Чехию, Моравию[4] и даже всю Киевскую Русь, куда перестала доходить столь развитая прежде черноморская торговля, вероятно, вследствие опасности, связанной с доставкой товара через степи, захваченные в IX веке мадьярами, а в X и последующие века печенегами, половцами и татарами[5].

Рабы

Торговля невольниками занимала особое положение среди статей славянского экспорта. Отдельные славянские племена торговали между собой рабами местного и иноземного происхождения, иноземные купцы в свою очередь продавали и покупали на славянских и других рынках славянских рабов. При общинном строе у славян вначале не было несвободных членов общества. Затем, хотя и появились элементы имущественного неравенства, выделились группы зажиточных и неимущих членов общины, но все они имели одинаковые права и все были свободны. И лишь позднее, с разложением общинного строя, у славян появились невольники-славяне.

Тем не менее мы видим у славян уже с самого начала их истории слой несвободных людей — рабов,— которые, как и повсюду, первоначально были людьми иноземного происхождения. Эти рабы рекрутировались, во-первых, из остатков автохтонного населения, которое славяне застали при своем расселении и себе подчинили, во-вторых, из захваченных в войнах пленников — римлян, германцев, печенегов,— а также пленников-славян, захваченных во время постоянных войн, которые вели друг с другом разные славянские народы[6]; в-третьих, рабы попадали в хозяйство и дом славянина пу-

[1] Plin., XXXI, 82; Varro, De re rust., I, 7, 8.

[2] См. подробно в цитируемой ниже книге Цижевского, 16 и сл.

[3] Kazvînî и Charmoy, Relation de Mas'ûdî (Mémoires de l'Académie de Saint-Pétersbourg, 1834), 344; Ибрагим Ибн-Якуб (ed. Westberg, 54) упоминает только „солеварни евреев" на реке Сале. Доказательства, которые я смог найти в документах, собраны в соответствующей главе X „Živ. st. Slov.", III.

[4] См. Ann. Fuld., 892 (ed. Kurze, 121) и грамоту Людовика IV, 903—906 годы (Friedrich, Cod. Boh., I, 35). В Чехию соль поступала также по Лабе (см. грамоту Спитигнева, II, 1057 года у Фридриха, Codex, I, 55). О солеварнях в северной Венгрии см. новый труд V. Chaloupeckého, Dvě studie k dějînám Podkarpatska (Bratislava, 1925).

[5] О распространении торговли солью существует обширная литература, из которой приводим лишь наряду с сочинением W. Hehn, Das Salz (Berlin, II, изд. 1901) наиболее интересную для славян статью St. Ciszewského, Studja etnologiczne, I, Sól (Varšava, 1922), хотя и эти труды не исчерпывают весь материал.

[6] Об этом имеется много сообщений; так, например, о войне с римлянами у Прокопия (B. G., III, 14, 29; IV, 25), Маврикия (Strat., XI, 5), Леона (Tact. XVIII, 104), Менандра (63), о балтийских славянах — у Гельмольда (I, 34, 63; II, 5, 13), Герборда

тем простой покупки их на рынке у чужеземных купцов, главным образом евреев. Имеется достаточное количество данных, преимущественно в восточных источниках, о покупке и продаже на рынках Праги, Кархy (Керчи?) Херсона, Киева[1], свидетельствующих о том, что торговля славянскими

Рис. 101. Древняя солеварня в Тузле в Боснии.

рабами шла прежде всего с Востоком и с югом Европы. Славянские рабы упоминаются всюду — от Испании, где читаем о sclavi cubicularii в «Житии аббата Иоанна»[2], вплоть до Египта и Багдада, где их было много и где они использовались в качестве переводчиков, а также до Итиля и Булгара, где их было не меньше. При продаже магометанам невольников часто кастрировали и использовали их как евнухов.

Вообще вся торговля славянскими рабами и связанная с нею кастрация находились в руках евреев, о чем свидетельствует целый ряд упоминаний в указанных сообщениях. *Judeus mercator* легенды о св. Войтехе был типичным явлением на славянских рынках.

(II, 2, 4; III, 2, 5), о польских славянах — у Галла (III, 24), о чешских — в Фульдских анналах 869 года (Mon. Germ., 380) и в грамоте 800 года (Erben, Regesta, I, 6), затем у Козьмы Пражского (I, 40; II, 7), о русах — Лаврентьевская летопись под 912, 945 годами; кроме того, см. также Гардизи (ed. Bartold) 120, 123.

[1] О России смотри, кроме других документов, также Киевскую летопись под 969 годом и Константина Багрянородного (De adm. imp., 9); о чехах — „Vita Sti Adalberti auct. Canaparіo", XII, славянскую легенду о св. Вацлаве (ed. Pastrnek), 60, Житие Кирилла и Мефодия (Fontes rer. boh., I, 31, 52, 90), Kosmas, III, 57 и грамоту Людовика IV 903 года (Friedrich, Codex I, 35—36); о южных славянах — „Život sv. Nauma", ed. Lavrov, 4, 42 и хорватские документы (Rački, Documenta, VII, 104, 127, 134); о поляках и полабских славянах — Gallus (I, 19; II, 1, 35), Helmold, II, 5, и Dětmar, VI, 54 (36), а также „Vita Sti Anskarii", XV и др. Соответствующие сообщения о восточных источниках см.: Jacob, Handelsartikel, 4, 6—13, 46 и Гаркави, указ. соч., 48, 52, 126, 222, 234, 282; Marquarta, Streifzüge, 467; Westberg, Ibrâhîm, 20. В русских источниках имеются сообщения XI века о том, что родители продавали своих детей из-за нищеты (Charmoy, Relation, 342). См. Голубинский, История русской церкви, I, 2, 545, II изд. *Примеч. чешск. ред.* В рукописи упоминается также в качестве рынка сбыта рабов Булгар.

[2] Mon. Germ., „Series Scriptorum", IV, 371.

Это широкое распространение славянских рабов на мировом рынке привело к тому, что название «славянин» перешло в *apelativum* — раба: нем. *sklave*, англ. *slave*, голл. *slaef*, фр. *esclave*, исп. *esclavo*, порт. *escravo*, итальянск. *schiavo*. Итак, народное наименование «славянин» возникло не из названия раба, как считали раньше некоторые ученые, а наоборот. Так же точно возникли в древней Аттике apelativ Δάος и Γέτης в значении раба вообще из первоначальных этнических названий.

Местным славянским названием для обозначения несвободного человека были обычно термины *рабъ* или *робъ*, женск. род. — *раба* от слова *робити*, *рабити*, либо также *отрокъ*, *отроковица*; первоначально так называли и тех, кто не умел говорить, то есть и детей и чужеземных работников [1]. Термины эти древние и засвидетельствованы уже в древнейших источниках X и XI веков [2]. Славянским названием для евнухов было, вероятнее всего, название *холстъ* [3].

Торговые пути и рынки

Торговые пути были сначала совершенно свободными. Купцы шли там, где путь был легче, где дорога была проторенной; по мере надобности они сами прорубали путь сквозь заросли, находили броды, перебрасывали мосты через стремнины. Во избежание нападений купцы ездили группами и были хорошо вооружены.

Так постепенно были проложены и определены торговые пути, обычно проходившие вдоль больших рек; неприязненные и враждебные отношения между иноземными торговыми караванами и местным населением с течением времени изменились. Чтобы обеспечить себе свободный проход через славянские земли, торговцы договаривались с местным населением, выделяя за это населению или их вождям часть своего товара. Так, наконец, развились новые правовые отношения, заключавшиеся в том, что торговцы, помимо добровольных даров, платили обязательную и установленную заранее пошлину, и за это им была гарантирована безопасность, разумеется, лишь на том отрезке пути, который был предусмотрен соглашением. В грамоте Людовика IV 903—906 годов эти пути названы strata legittima [4]. На этих путях были как рынки, так и склады для товаров, при которых взимались пошлины, называемые *мыто* [5], здесь же были корчмы или дома, в которых мог отдохнуть купец, называемый славянами *гость* [6]. Эти торговые центры, помимо торговли, имели большое значение в жизни славян. Там была сосредоточена не только торговля, но и вся остальная жизнь племени. Там

[1] См. выше, главу о праве.

[2] Таким же древним является термин *слуга*, заимствованный из кельтского языка.

[3] См. выше, стр. 192.

[4] Friedrich, Codex dipl. Boh., I, 35.

[5] Trh — старослав. *трѣгъ* — слово общеславянское и древнее, однако его этимология не ясна. Слово *мыто* такое же древнее, его считают заимствованием из германского языка (вероятнее всего, из готск. mōta — славянск. *muto*, *myto*). Подробности о русских „мытах" см. Н. Аристов, Промышленность древней Руси, СПБ, 1866, 221 и сл. Вскоре стали также ставить на товары пломбы и печати, например в болгарско-византийской торговле уже в начале VIII века (Theoph., 497). Но дата русских свинцовых пломб, найденных около Дрогичина, Борок и в других местах, сомнительна. Согласно свидетельству Киевской летописи от 945 года (ПВЛ, I, 35), русские купцы употребляли серебряные печати.

[6] Общеславянское слово *гость* в значении иноземного торговца древнее и тождественно лат. *hostis* (первоначально также в значении peregrinus), готск. gasts, древненем. *gast* и, вероятно, греч. ξένος (Berneker, Etym. Wörterbuch, I, 337). *Гость* и производные слова — *гостьба*, *гостиньница*, *погостъ*, *гостиный дворъ* — появились в литературе уже в X веке. Наряду со словом *гость* у древних славян было еще слово *купец* от *купити*, но это слово заимствовано у германцев, скорее всего у готов (ср. готск. *kaupon*, нем. *kaufen*), которые, в свою очередь, заимствовали его из латинского языка: *caupo* — корчмарь (Berneker, 1, с. I, 647).

жил князь, там собирался народ для совершения языческих обрядов и празднеств, там происходили сходки и туда же приходили впоследствии христианские миссионеры провозглашать новую веру и крестить язычников [1].

Такое объяснение возникновения торговых путей дает понять одновременно, почему многие пути сохранились от первобытных времен и до начала исторической эпохи. Ходили всегда проторенными дорогами, и естественно, что пути, известные нам в древние времена, оставались главными путями и позже, в IX и X века. Это были традиционные пути, ведшие купцов с юга прежде всего к Дунаю, где завершался первый этап пути, а затем — от Дуная к руслам главных рек, впадающих в Балтийское море, а что касается славянских земель, то к Одеру и Висле, а также от Черного моря по Бугу, Днестру и Днепру к Припяти, Березине и Неману. Этот вопрос хорошо для своего времени был изложен Садовским, хотя работа его и основана на крайне недостаточном материале [2]; впрочем, еще и по сегодняшний день здесь нельзя идти дальше предположений.

Когда область, занятая славянами, распространилась на запад вплоть до Эльбы, Заале и Майна, то тут уже существовало несколько торговых путей, которые вели из западной Германии в славянские земли. Это видно по торговым центрам, основанным в 1805 году на германо-славянской границе Карлом Великим в качестве рынков для обоих народов [3].

Главные из этих путей шли через Магдебург, к сербам и лютичам, затем через Эрфурт туда же и в Чехию (в Прагу); третий важный путь шел от Ржезна по Дунаю в Венгрию до устья Савы. Все они разветвлялись по славянским землям в разных направлениях, которые я здесь не могу проследить [4], и всегда вели к большим торговым центрам, каковыми являлись на севере крупные прибрежные города славянских племен ободритов, лютичей и поморян; в некоторых из этих городов жило множество чужеземных купцов, как, например, в Любице (Любеке) или в Волине, а в южной западнославянской полосе — в Праге и Кракове, где большие рынки засвидетельствованы арабскими сообщениями X века [5]. Затем у Дуная, который, очевидно, был самым главным торговым путем, древние римские пути ответвлялись на юг до Альп, к Саве и на север через некоторые карпатские перевалы, в частности Дукельский, Ужоцкий, Верецкий и Яблонецкий [6], в Польшу и русскую Галицию. Здесь они, с одной стороны, присоединялись у Сана и Вислы к северным путям и к путям, идущим с запада, и, с другой стороны — к

[1] См. выше, стр. 297.

[2] J. N. Sadowski, Drogi handłowe greckie i rzymskie, Krakov, 1887, и немецкий перевод „Die Handelstraßen des Griechen und Römer", Jena, 1877.

[3] Рынки были в городах: Бардовск, Шезла, Магдебург, Эрфурт, Гальштатт, Форхгейм, Пфреймд, Ржезно и Лорх у Линда.

[4] Самый обширный перечень этих путей издал A. Szelagowski, „Najstarsze drogi z Polzki na wschód w ckresie biz. arabskim" (Kraków, 1909), см. также St. Łewicki, Drogi handlowe w Polsce w wiekach średnich, Kraków, 1906. О чешских торговых путях см. Novotný, Ceske dějiny, I, 547.

[5] О Любеке см. Helmold, I, 48, 71, 76, о Волине — Adam Brem., II, 19, о Праге — Ибрагим Ибн-Якуб (ed. Westberg), 53, о Кракове — Ибн-Русте и Гардизи (Marquart, Streifzüge, 468). Ибрагим говорит о Праге: „Город Прага (Frâga) построен из камня и извести и является одним из самых богатых торговых городов. К нему приходят с товаром русские и славяне из города Кракова, приходят к нему также из земли турок мусульмане, евреи и турки тоже с товаром и византийскими тканями (миткалем), а вывозят оттуда муку, олово и разный мех. Земля чехов самая лучшая из северных земель и самая богатая средствами существования. За knšâr у них покупается столько пшеницы, что ее хватило бы одному человеку на месяц, а ячменя для коня можно купить за knšâr на 40 дней, за knšâr продается также 10 кур. Кроме того, в городе Праге изготовляются седла, уздечки и щиты, употребляемые в тех местах".

[6] Эти переходы использовались уже в доисторические времена, о чем свидетельствуют остатки устроенных на них складов. Долина реки Hornádu называлась еще в XIII веке „porta Rusciae".

днестровскому пути, идущему от Черного моря. По этим путям шла главным образом соляная торговля, что обусловило постоянное их использование, так как солью из Перемышля снабжалась (в XI веке) вся Киевская Русь (см. выше, стр. 351). Связь поморских и польских славян с Русью осуществлялась по нескольким направлениям, хотя главным был путь из Мазовии на Люблин, Холм и Владимир-Волынский и затем на верхнюю Припять к Бресту, где был волок у истоков Пины. Этим же путем шли и войска на ладьях[1]. Но эта связь была все же слабой, что засвидетельствовано в XI веке словами польского хрониста Галла: «regio Polanorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota»[2].

Значительно лучше нам известны основные древние торговые пути Восточной Европы, которые, разумеется, также использовались в IX и X веках славянами. Здесь мы должны различать прежде всего два больших торговых пути, значение которых далеко превышало все другие: *волжский* и *днепровский*. Оба они имели европейское значение. Первый путь соединял весь Восток со скандинавскими эмпориями, Биркой и Готландом, и дальше со всем севером и западом Европы, второй — север Европы с Царьградом, Малой Азией и Персией. Первый путь был более древним. Находки показывают, что по Волге торговля восточными товарами шла уже со II века н. э., и, несомненно, этот путь существовал еще раньше. Второй путь также был немного известен уже с середины первого тысячелетия, но полное его использование и расцвет торговли на нем были достигнуты лишь в IX веке.

Оба пути имели выход в Финский залив у устья Невы или, что еще удобнее, на южном берегу Ладожского озера (древнее Нево), где уже в VIII веке у скандинавов были торговые фактории в укрепленной колонии, называемой в настоящее время *Старой Ладогой* (Aldagen древних скандинавских саг)[3]. Отсюда купцы отправлялись по реке Ловати до Новгорода (сканд. Holmgard) и дальше волоком до притоков верхней Волги, по которой плыли затем до Хвалынского моря. «Путь в Болгары и Хвалисы» — так называет этот путь Киевская летопись[4]. Главные рынки на этом пути были в Булгаре около современной Казани, затем в хазарском Итиле[5] близ Астрахани и в Абескуне на Каспийском море. Рынки Булгара, где собирались не только русские и славянские купцы, но и купцы из всей Средней Азии, имели еще и то значение, что они служили одновременно главными рынками так называемой Биармии (Biarmaland сканд. саг), земли, известной своей торговлей мехами и дорогими металлами (главным образом серебром) и расположенной на территории, покрытой большой водной сетью, образуемой реками Вычегдой, Печорой, Камой и Вяткой с центром на Каме и ее притоках. Здесь уже начиная с эпохи бронзы находился крупный центр, связанный в культурном отношении как с центральной частью Восточной Европы, так и с Уралом и центральной Сибирью[6]. Из Итиля купцы плыли дальше Каспийским морем либо шли по побережью Дербентским проходом на армянские, персидские и туркестанские рынки, а также в Трапезунд.

Другой большой путь, соединявший Финский залив с Царьградом («путь из Варяг в Греки»)[7], шел из Старой Ладоги и Новгорода по рекам Ловати, Усвяти, Двине и Каспле, а затем волоком до Днепра, по которому купцы плыли вплоть до его впадения в Черное море; пороги между Александров-

[1] Лаврентьевская летопись под 1041 годом. Из Пинска во Владимир проходила также сухопутная дорога.

[2] Mon. Poloniae Hist., I, 394.

[3] См. подробнее у Arne, Suède et l'Orient, 15.

[4] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 12).

[5] Рынки, на которые приходили русские, описал Ибн-Фадлан под 922 годом (Гаркави, указ. соч., 93).

[6] См. „Slov. star.", IV, 220, 221.

[7] Лаврентьевская летопись (ПВЛ, I, 11).

ском и Екатеринославом либо проплывали, либо обходили, в зависимости от уровня воды [1]. Главными торговыми пунктами на этом пути, помимо вышеуказанных Старой Ладоги и Новгорода, были Смоленск (Гнёздово), Любеч, Киев, Вышгород, Витичев и остров Хортица около Александровска [2]. В Киеве находился, конечно, самый большой рынок, а сам Киев славился широко своим богатством уже в конце X века [3]. По словам Титмара, в нем было 400 церквей и 8 рыночных площадей. Отсюда от предыдущего большого пути ответвлялся ряд других путей,— с одной стороны, на запад, к Балтийскому морю (к Двине и Неману), с другой стороны — на восток, к верхней Волге, Оке, Донцу и Дону. Повсюду большую роль играли волоки[4], которыми связывались бассейны разных рек, а тем самым и разные отдаленные друг от друга моря. Одна группа этих второстепенных путей шла от среднего Днепра в Крым, где важнейшим эмпорием был в то время Херсонес (русск. Корсунь), затем к Азовскому морю, в Керчь, Тмутаракань-Таматарху [5] и к устью Дона. Здесь проходил так называемый греческий путь, соляной [6] и так называемый *залозный путь* (название неясно), упоминаемый в Ипатьевской летописи под 1170 годом[7]. Ибн-Хордадбег также упоминает пути через Дон к Итилю и Тмутаракани[8].

Что же касается славян на Балканском полуострове, то можно утверждать, что здесь торговля проходила и в дальнейшем по древним, хорошо известным римским дорогам, а именно по трем главным направлениям: 1) по пути, шедшему от Дуная у Виминация (Костолац) через Ниш, Среденц, Филиппополь и Адрианополь до Константинополя, 2) по пути, ведущему от Ниша на юг через Скотче и дальше через долину Вардара до Солуни, и 3) по пути, называемому via Egnatia и шедшему из Солуни через Эдессу (Воден), Лихнидус (Охрид), Скампу (Эльбассан) до Эпидамна (Драч, Дуррес). Между ними разветвлялась сеть второстепенных путей. Повсюду здесь имела место византийская торговля товарами собственного и восточного происхождения. Только на побережье Адриатического моря Италия владела обоими главными торговыми центрами — Венецией и Рагузией. От Рагузы (Дубровника) до Драча была сосредоточена торговая связь славян с Италией. Отсюда шли важнейшие пути через Черногорию и северную Албанию по направлению на Печ (Ипек), Призрен и дальше на Липлян, Ниш и Средец [9].

Из болгарских рынков в Киевской летописи под 969 годом прославляется Переяславец на Дунае. В ней киевский князь Святослав говорит: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага»[10]. Разумеется, большое значение имела и Солунь. Туда во времена Симеона греки попытались перенести главный болгарский рынок[11], который когда-то был в Константинополе. Интересные под-

[1] Об этих порогах см. „Славянские древности", I, 156, и подробно в „Slov. star.", IV, 107.

[2] Const. Porph., De adm. imp., 9.

[3] Thietmar, Chron., VIII, 16 (IX, 32), Adam Brem., II, 19.

[4] Волоком назывались узкие и низкие места между верховьями рек, по которым было легко протащить или перенести лодку на другую реку или в другой водоем.

[5] См. „Славянские древности", I, 158.

[6] См. выше, стр. 351.

[7] Ипатьевский список, 368. См. там же, стр. 192, 429 о пути из Киева через Сулу, Хорол, Псел и Ворсклу к Донцу.

[8] Гаркави, указ. соч., 49, 251.

[9] Об этих путях см., в частности, труд Конст. Иречека, Handelstraßen und Bergwerke Serbiens und Bosniens während des Mittelalters (Prag. 1879, Abhandl. der Ges. der Wiss.) и „Staat", II, 46 и сл. Затем см. A. Erdeljanović, Тргови центри и путеви по српској земли (Београд, 1899), и К. Костић, Тргови центри и друмови срп. земли (Београд, 1900), „Стара спр. трговина" (Београд, 1904).

[10] ПВЛ, I, 246. Малый Преслав помещают у города Тульча (Tulcea) у Черной воды (Черновода) или около Николицела.

[11] См. Собр. соч. М. Дринова, I, 376.

робности об этом рынке (здесь торговали медом, льном, полотном и одеждой) нам дает греческий источник X века, называемый Ἐπαρχικὸν βιβλίον [1].

Технические средства торговли

Пути. Первоначальное устройство дорог было примитивным. Большей частью купцы должны были сами привести дорогу в порядок, обозначить направление на перекрестках, выровнять овраги и перебросить через обрывы обрубленные стволы деревьев. Однако с течением времени, чем чаще проходили по той или другой дороге, тем больше она становилась относительно благоустроенной и постоянно поддерживаемой, то есть тем, что славяне называли *путь* или *дорога*. Нужное направление указывалось различными знаками (arbores signatae), а в непроходимых местах стали строить прочные мосты и насыпи. Там, где нужно было преодолеть водную преграду, помогал брод, лодки или паромы (старослав. *прамъ*, или лучше *плътъ*, церковнославянск. *плоть* [2]), на которых местные жители перевозили купцов. Но там, где не было брода и где нельзя было использовать паром, строили мосты (старославянск. *мостъ*), причем через небольшие горные потоки перебрасывали мосты висячей конструкции, без подпорок, подобные тем, какие мы видим и в настоящее время в Карпатах, а через большие реки и водоемы — мосты на столбах, вбитых в дно.

Целый ряд подобных конструкций мостов засвидетельствован в славянских землях уже в IX и в X веках, в частности у балтийских, западных и, конечно, восточных славян [3]; имеются даже сообщения VI века о славянах, которые помогали аварам строить огромные деревянные мосты через Саву и Дунай [4]; нам неизвестны в те времена у славян лишь понтонные мосты, раздвижные же мосты упоминаются только начиная с XII века [5]. Наряду с мостами проводили дороги через болота с помощью насыпей и особой деревянной субструкции, выложенной вязанками прутьев и называвшейся у славян *гатью* [6]. Насколько сами условия славянского края вынуждали к таким постройкам, в особенности внутри бывшей славянской прародины, видно, например, из того, что на железной дороге от Петрикова до станции Лышчи на реке Припяти на расстоянии протяженностью 218 верст нужно было построить 47 мостов и 83 гати. Позднее устройство и поддержание дорог, постоялых дворов и мостов стало обязанностью населения, которое исполняло эту повинность для своего властителя. Главное воздействие на организацию этого дела оказали уставы Карла Великого. На местах сближения двух рек дорогу между ними прокладывали так, чтобы можно было без больших трудностей переправить лодочную поклажу с одной реки на другую или даже целиком перетащить волоком лодки с грузом. Проложенная так дорога называлась на славянском западе prěv-

[1] J. Nicole, Le livre du prèfet, Geneve, 1893, и Иван Сакызов, „Известия на истор. друж.“, VI, София, 1924, 195.

[2] Славянская форма *плотъ* — паром — встречается, по всей видимости, уже в VI веке в Strategikon'e Маврикия (XI, 5) в греческой форме πλωτή. См. Sophocl., Greck. lexicon, s. v. πλωτὸς.

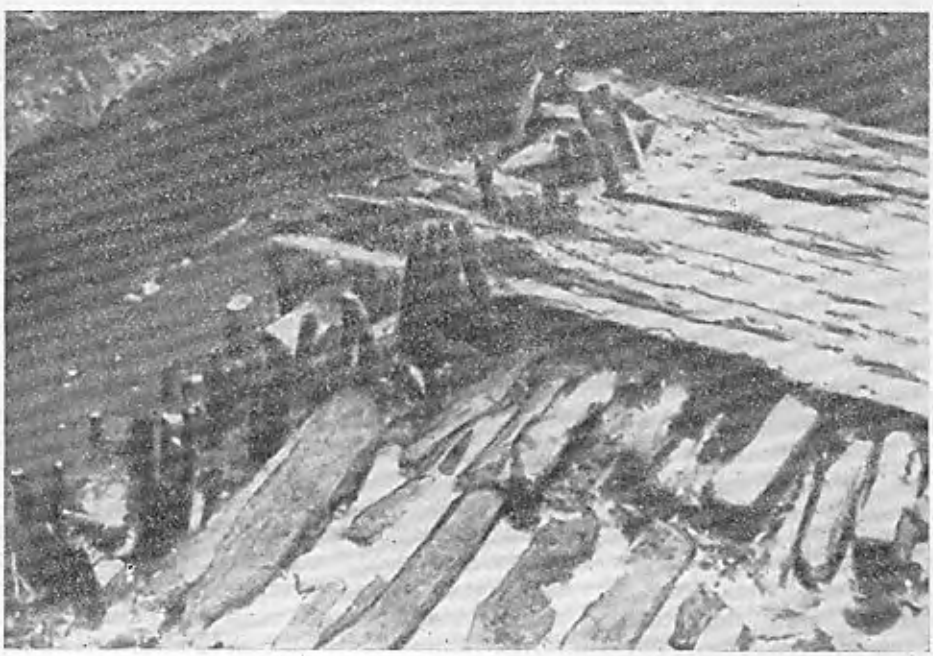
[3] См. перечисление их в „Živ. st. Slov.“, III, 434 и сл.

[4] Menander, Fragmenta, 63 — 65; Ioan. Ephes., VI, 24. См. „Slov. star.“, II, 204, и Rački, Documenta, VII, 229.

[5] Helmold, I, 86, и в XIV веке — Далимил, Хроника, XV, LVI.

[6] См. Лаврентьевский список под 1144 годом, и грамоту 1183 года (falsum XIII века), где указано: „ad pontem virgis factum, qui dicitur Bezstreiowa hat“ (Friedrich, Codex, I, 420). Такой мост длиной свыше 1200 *м* был открыт в долине реки Соры (Sorge) около Эльбинга; построен он был очень давно, вероятно, в доримскую эпоху, но, несомненно, сохранялся и до более поздних времен. См. H. Conwentz, Die Moorbrücken im Thale der Sorge (Danzig, 1897), и E. Krause, Die alten Moorbrücken der öst. Ostseeländer, Globus, 1898, LXXVII.

laka (впоследствии přévlaka, przewłoka), на востоке, где таких дорог было больше всего, *волок*[1]. Я уже имел случай говорить об этих русских волоках и их значении, так как с их помощью в России была создана та большая

Р и с. 102. Часть моста, открытого около Баумгарта, через болото в долине реки Сорги (по Конвентцу).

и важная для торговли водная сеть, по которой суда могли попадать из одного моря в другое [2].

Средства передвижения

Сначала человек носил все необходимое на спине в кожаном мешке или в корзине. Однако вскоре он понял, что если поклажа тяжелая, то ее можно перевезти по земле с помощью гладких стволов, на которые клали поклажу и которые могли тянуть или сам человек, или тягловое животное. Таким образом появились сани. На своей прародине славяне пользовались только санями. Это был первый вид их транспорта, древность которого подтверждается тем, что сани являются у славян обязательным составным элементом некоторых старинных обрядов (например, похорон и свадеб), даже в летнее время, когда сани вообще не употребляются [3]. О конструкции древних славянских саней сведений нет, и единственная находка саней в кургане около Костромы ничего нам не дает [4]. Древнейший тип саней представлял собой примитивное сооружение из двух брусьев, соединенных на конце накрест (ср. русск. *волокуша* или чешск. vláky), но в конце языческого периода этот тип был уже усовершенствован, приблизившись в общих чертах к тем саням, которые употребляются в глухих славянских деревнях, жители которых сами их делают.

[1] Оба слова образованы из церковнославянского глагола *влещти*.
[2] См. выше, стр. 355, и П. Шафарик, „Славянские древности", I, 132.
[3] См. выше, стр. 211.
[4] См. „Globus", 1900, № 21, 335. Там были найдены остатки челна и саней, в которые был положен сожженный покойник.

Термин «сани» (мн. ч.) является древним славянским названием, и интересно то, что сходное слово встречается в древнем греческом языке у Гесиода в форме σηνίκη (σανίκη); я полагаю, что это слово было заимствовано купцами, приходившими в славянские области, теми самыми купцами, которые принесли в греческий и латинский языки славянские слова *вевера* — лат. viverra и *куна* — греч. καυνάκη [1]. Древним славянским термином для небольших полозьев, прикреплявшихся к ногам, было слово *лыжи*.

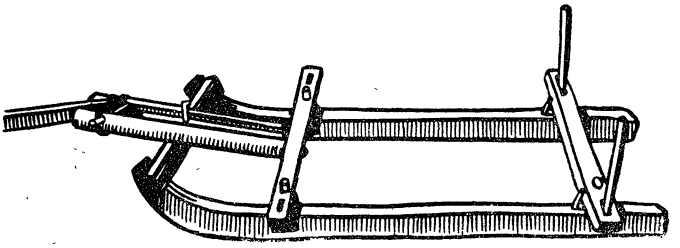

Рис. 103. Крестьянские сани из Лопеника в Малых Карпатах.

Повозка. Относительно наличия повозки у древних индоевропейцев мнения расходятся. Славяне же, по крайней мере на своей прародине, едва ли употребляли их, но во всяком случае они познакомились с повозкой еще в дохристианскую эпоху как на западе, у германцев и галлов, так и на востоке, у скифов и сарматов, которые приходили со своими повозками на границы славянской территории. В первые века нашей эры повозка римского купца была частым гостем в славянской земле. Поэтому весьма вероятно, что первые повозки появились у славян еще до нашей эры, но письменные сообщения о них могут быть приведены лишь начиная с V века н. э. В древних славянских погребениях повозка совсем не встречалась [2]. Первое упоминание о повозке встречается в описании ритора Приска своего путешествия в Венгрию в 448 году [3]. Затем такие упоминания появляются все чаще, и уже в сообщениях X века, а также в хрониках и документах последующих веков упоминание о повозке встречается достаточно часто [4]. Обычным славянским термином для нее были в то время *кола* или *колесъница*, а наряду с ними и *возъ* [5]. Было ли какое-нибудь существенное различие между этими терминами, неизвестно, но конструкции повозок были и тогда разнообразны. Во-первых, уже в то время существовали двух- и четырехколесные повозки, но в обоих случаях это были лишь тяжелые хозяйственные телеги. Легких боевых двуколок славяне не знали. Используемые ими в войсках четырехколесные грузовые повозки были настолько тяжелыми, что из них можно было устроить укрепленный лагерь [6]. Только те повозки, на которых в X веке ездили на востоке славянские князья, были более легкими и имели кузов, свободно под-

[1] См. выше, стр. 349—350, и „Slov. star.“, II, 165. Новогреческое слово σανία, алб. saje, венг. szán, румынск. sanie являются заимствованиями более позднего времени.

[2] Мне известна двухколесная повозка в России лишь из кочевнических погребений, например из кургана у Бахмута и Афанасьевки (Записки русского археол. общ., 1896, VIII, 44; Труды XIII арх. съезда, I, 115). Как выглядела такая кочевническая повозка, см. Minns, Scythian, 51, и Анучин, Древности. Труды Моск. археол. общ., XIV, 113.

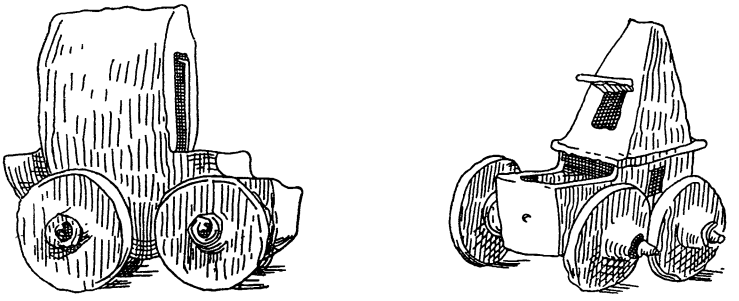
[3] Priskos, 8. См. П. Шафарик „Славянские древности“, I, 53.

[4] См. „Živ. st. Slov.“, III, глава X.

[5] См. Berneker. Etym. Wörterbuch, I, 548; Miklosich, Etym. Wörterbuch, 124, 387. Тюрко-татарское слово *телега* уже в то время также было известно русским; оно появляется уже в древнейшей части Киевской летописи (Лаврентьевский список, II). О других терминах см. Brückner, Encycl. polska, IV, 2, 202.

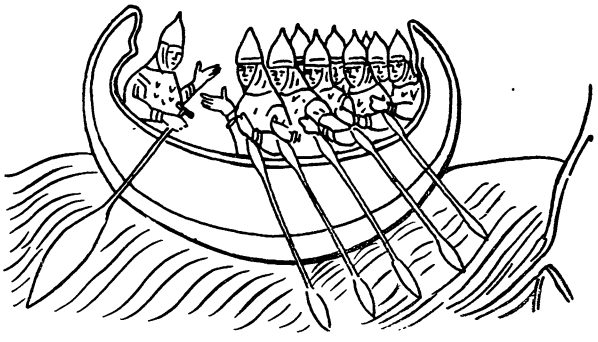
[6] См. след. главу. Такой специальной повозкой с палаткой наверху была колымага, упоминаемая в Ипатьевской летописи под 1208 годом („возвратишася во колымагы свои и рекше во станы“). См. также текст под 1251 годом. О происхождении самого термина см. Berneker, Etym. Wörterbuch, I, 546.

вешенный на четырех подставках, чтобы предохранить сидящего в нем князя (или раненого) от чрезмерной тряски [1]. О том, как впрягали в повозку лошадей или другой тягловый скот, мы говорили выше, когда речь шла о плуге. Волы и здесь тянули повозку под ярмом, а лошади с помощью ремня или хомута[2]; погонялись животные заостренным шестом (*остепъ*) или *бичом* (*батогъ*, *бичь*). Все эти термины древние и общеславянские.

Р и с. 104. Терракотовая имитация скифских или сарматских повозок из Керчи (по Бенковскому).

Ладьи. Славяне не имеют таких находок ладей, какие известны у северных германцев, где ладьи из Нидама в Шлезвиге (приблизительно 300 год н. э.), а также из Туна, Гокстада и Озеберга в Норвегии (приблизительно 800—900 годы н. э.) поражают своей сохранностью и конструкцией. У славян не имеется стольких древних изображений судов, какие имеют германцы на скалах у Богуслена, на вотивных камнях острова Готланда или на ковре из Байе; нет у них и стольких письменных сообщений и лингвистического материала. Вследствие этого невозможно получить о древнем славянском судоходстве такое же ясное представление, какое, например, дал о скандинавском Яльмар Фальк в 1912 году [3].

Р и с. 105. Русская ладья из рукописи «Сказания о Борисе и Глебе» (по Срезневскому).

И все же относительно славян имеется вещественный письменный лингвистический материал, убеждающий нас в том, что северные и южные славяне в значительной своей части к концу языческого периода научились строить и управлять ладьями настолько искусно, что могли отправляться на них далеко в открытое море и вступать в большие морские сражения со своими германскими и греческими соседями. На своей прародине славяне имели совсем несложные плавательные приспособления, такие, как плоты,

[1] Masûdî (ed. Rozen), 57.
[2] См. выше, стр. 314.
[3] H. Falk, Altnordisches Seewesen. В обзоре „Wörter und Sachen", V, 1 — 122 (1912). Другую литературу см. в „Živ. st. Slov.", III, 457.

Рис. 106. Вид ладьи на стенописи в храме св. Климента в Старой Болеславе Конец XII в.

о которых я уже упоминал выше (см. стр. 357), а затем лодки, выдолбленные из цельного ствола, которые греки называли μονόξυλον и для которых у славян издревле было название, соответствующее русскому историческому термину *однодеревка*[1]. Уже на этих ладьях, целый ряд которых найден, кстати, в славянских землях [2], славяне плавали не только внутри своей территории, по спокойным рекам, соединенным волоками, но выходили в открытое море, в частности в Черное. По крайней мере из сообщения императора Константина известно, что русы, а с ними, конечно, и славяне отправлялись в плавание из Северного моря в Черное на моноксилах-однодеревках, которые покупали у славян, живущих на среднем Днепре. Днепровские пороги они частью переплывали, если уровень воды был высоким, частью обходили, неся лодки на спинах, обычно по шести человек на лодку. По морю они доплывали на этих лодках до Царьграда и берегов Малой Азии [3]. Тот же источник свидетельствует, однако, что у славян были в тот период также суда большего размера, построенные по образцу торговых византийских или итальянских кораблей. Так, например, в хорватском флоте было в начале X века до 80 sagen (σαγήνα) и 100 kontur (κοντούρα), из них первый вид вмещал экипаж в 40 человек, а другой — в 10—20 человек [4]. На таких судах хорватские и далматские славяне отправлялись в поход по всему Адриатическому морю, даже до Сицилии и Африки. В частности, племя нарентанов было известно своим смелым пиратством [5]. Русы также имели большие морские суда, что видно из описания похода Романа Лакапена, в котором приняли участие 415 человек на 7 русских ладьях [6]. Другими древними видами русских судов были *струг*, *судно*, *насад* и *скедий* (*скедь* от греч. σχεδία) и др. Больше всего известно о судоходстве балтийских славян [7]. История славянских племен, живших на побережье Балтийского моря, начиная с X—XII веков полна сообщений о морских плаваниях и боях этих племен с датскими, скандинавскими и шведскими соседями. На Балтийском побережье — что ни поселение, то пристань, что ни житель, то торговец, а позднее и морской пират. Здесь не место для подробного описания истории этих морских боев и пиратства славян — обо всем этом больше всего сообщений оставили нам Гельмольд и Саксон Грамматик [8]. Однако бесспорно, что славянские корабли в конце языческого периода не уступали развитым торговым и военным судам скандинавских германцев. Вне всякого сомнения, славяне научились у них строить большие суда и управлять ими на море. Поэтому то, что нам известно о скандинавском флоте, мы спокойно можем отнести и к славянским судам; вероятно, тут не было различия ни в конструкции, ни в размерах

[1] См. Nikef, Brev. (ed. Boor), 56.

[2] Главным образом в Чехии, Силезии, Польше и южной России. О силезских находках см. Hellmich, Einbäume in Schlesien (Schlesiens Vorzeit, Neue Folge, VI, 17, VII, 127), о русских — В. Лясковский, История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст., Киев, 1903, 242, о боснийских — V. Ćurčić, Mitth. Wiss. aus Bosnien, XII, 497.

[3] Const., De adm. imp., 9. Другие сообщения об этих нападениях см. Theophyl., VI, 3 — 5; Nikef., Brev., 20. B; Theophyl. (ed. Boor), 487; Anastas. (ed. Boor), 195; Визант. аноним. в „Nova bibl. patrum", VI, 430. Из них особенно поучительно сообщение Никифора и Анонима о нападении на Царьград в 626 году на моноксилах-однодеревках.

[4] Const. Porph., 1, c. 31.

[5] Const. Porph., 1, c. 30; Joannis, Chron. Veneta, 834 (Rački, Doc., VII, 335); Danduli Chron., VIII, 3, 5; „Vita Hadriani II", ad 870 (Rački, Doc., 334, 361). Нападение на Африку упоминает Абульфеда (Гаркави, указ. соч., 51, 233). Это пиратство сохранилось и до более поздних времен (Jireček, Staat, II, 53).

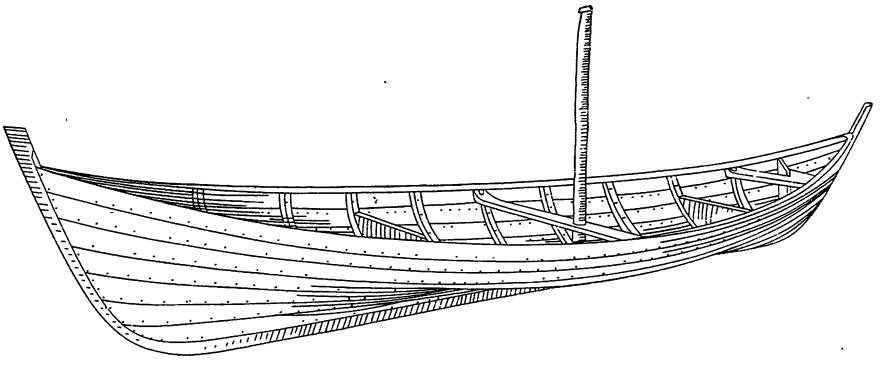
[6] Const. Porph., De ceremoniis aulae byz., II, 44. См. также Масуди и у Марквarта, „Streifzüge", 336.

[7] В Чехии только грамота кн. Спитигнева 1057 года различает navis parva — mediocris — maxima (малые, средние и большие) (Friedrich, Codex, I, 55). Кроме того, см. также грамоту Людовика IV (ibid., I, 35).

[8] Эти бои прекрасно описаны на основании источников L. Giesebrecht, „Wendische Geschichten aus den Jahren 780 — 1182", Berlin, 1843, passim.

этих судов, и несомненно также, что суда, найденные на славянско-балтийских землях, имели славянское происхождение, хотя по своей конструкции они напоминают корабли викингов, и некоторые археологи считают их германскими. Таковы, например, ладьи, найденные в Баумгарте (Огродники) в Западной Пруссии, у Харброва в Померании или у Бржезна (Brösen) недалеко от Гданьска. Все это были большие торговые суда, снабженные мачтой и парусом [1].

Причиной пиратства славян, как и соседних германцев, была, конечно, прежде всего страстная жажда добычи, но была и другая причина, которую следует отметить и которую изложил в 1156 году сам Прибыслав, князь ободритов, епископу Герольду. Славяне, говорил Прибыслав, столько претерпели от немцев и настолько страдали оттого, что были лишены родной земли и всех жизненных средств, что для них не оставалось ничего другого,

Р и с. 107. Парусная лодка длиной 12 *м* из долины Сорги около Огродников (по Конвентцу).

как только обратиться к морскому грабежу, чтобы иметь возможность существовать [2]. Германцы, разумеется, жестоко мстили славянам за эти морские грабежи, и достаточно лишь прочитать у Саксона Грамматика, как датский Ярмерик расправился с экипажем славянского флота, чтобы получить представление о том, как германцы относились в те времена к славянам[3].

Что касается деталей судов, то большие славянские суда имели приподнятую переднюю часть (*носъ*) и заднюю (*корму*), с которой рулевой (*кормчий*) при помощи большого весла (*весло*, *кормило*, *гребло*) управлял судном. Посередине судна была прочно установлена мачта (*стожаръ*, *стежеръ*, *упругъ?*) с большим квадратным парусом, славянским названием которого было *ядро* или *ветрило*. Большие суда покрывались палубой, то есть полом из поперечных досок, под которым сидели гребцы и на котором стояли воины [4]. Славянам был известен в те времена и якорь (*котва*, русск. *укоть* [5]). Все судно известно было в то время под несколькими названиями; последние, очевидно, обозначали разные типы судов; из этих обозначений *ладья* (из *олъдья*) и *челн* (čьlnъ) являются славянскими названиями, *корабль* же —

[1] La Baume, Vorgesch. Westpreussens, Danzig, 1920, 97 (tab. 18). Mannus, XIII, 225; Reallexicon d. germ. Altert., IV, 104 (tab. 17).

[2] Helmold, I, 83.

[3] Saxo (Mon. Germ. Ser., XXIX, 59) (ed. Holder, 403).

[4] Такое судно описывается в Ипатьевской летописи под 1151 годом (стр. 293) с указанием ряда названий частей его. См. также Н. Аристов, Промышленность древней Руси, СПБ, 1866, 95.

[5] Fadlân (Гаркави, указ. соч., 94). Другое русское название, засвидетельствованное в X веке, было, однако, чужеземным (*якор* из греч. ἄγκυρα, древнешведск. ankari). Парусные ладьи и якорь с тремя остриями изображены на фресках храма XI века в Старом Болеславе в Чехии (рис. 106) и на новгородских гривнах.

название чужеземного, греческого происхождения, перешедшее, однако, довольно рано от черноморских греков к славянам, а именно до перехода β в новогреческое произношение ν[1]. Названия *ладья* и καράβιον, κάραβος перешли также, согласно Я. Фальку, к скандинавским германцам (*elliđi*, *leđja*, *karfi*). Другие названия носят по большей части местный характер.

Торговые платежные средства и весы

Я имел уже возможность показать выше (стр. 348), что первоначальная славянская торговля носила натуральный характер, товар за товар, и такая торговля сохранилась еще до X—XII веков, когда в употребление вошла металлическая монета. Еще в X веке в Праге, согласно сообщению Ибрагима Ибн-Якуба, и в Руяне, согласно сообщению Гельмольда, расплачивались небольшими кусками ткани [2]. Названия этой ткани *платъ* впоследствии перешло в значение платить [3]. Таким же путем названия обычных звериных шкурок: *куница* и *белка*, *векша* — перешли на востоке на названия монет, что и удержалось до XIV века.

С первыми металлическими деньгами славяне познакомились еще до начала н. э. благодаря греческой черноморской торговле, а позднее, в первых веках н. э., в еще большей степени благодаря римской торговле, оставившей в славянских землях столько кладов императорских монет II и III веков (см. выше, стр. 346). Однако только в период расцвета немецкой и арабской торговли, в период, когда появился ряд славянских государств, славяне начали подражать своим более развитым соседям и чеканить по их образцу и свою собственную монету. Первые славянские монеты чеканил чешский князь Болеслав (929—967) в Праге [4], затем польский Мешко I (960—992) в Познани и Владимир (980—1015) в Киеве. Все эти монеты являются подражанием либо западным немецким монетам, либо византийским [5]. Правда, в России еще раньше грубо имитировались чужеземные монеты, в частности восточные [6], но местной монетной чеканки не было, и прежде всего не было монет со славянскими надписями. Все языческие славянские монеты, сведения о которых появлялись в литературе, оказались либо фальшивкой, либо иностранными монетами, ошибочно принимаемыми за славянские. Так, например, галльские монеты Фр. Бочек считал велико-

[1] См. Berneker, Etym. Wörterbuch, 1, 567; Фасмер, Этюды, III, 96; St. Romanski, Revue des Études Slaves, II, 47. Хотя слова, соответствующие индоевропейск. *naus*, *navis*, встречаются также в славянском языке (см. старослав. *náv*, *náva* — *лодка* и термин *навь* в традиции о загробном мире; см. выше, стр. 211), но неясно, насколько мы можем сопоставлять их с остальными индоевропейскими формами, не появились ли они позднее.

[2] Ибрагим (ed. Westberg), 23, 54; Helmold, I, 38. Подобные примеры встречаются и на юге (Rački, Documenta, VII, 153, 180).

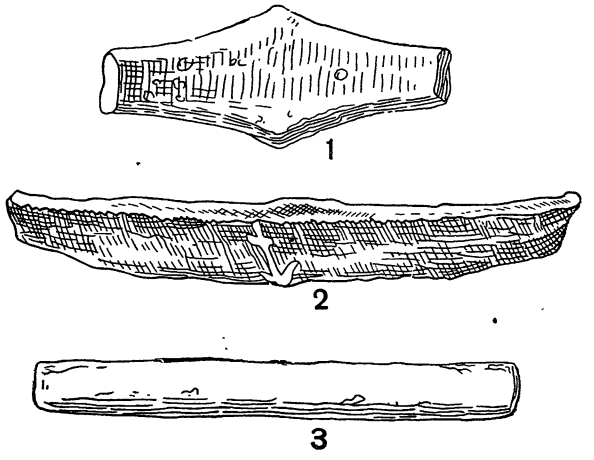
[3] См. выше, стр. 223, и „Živ. st. Slov.“, 1, 409; III, 463. Слово *платъ* перешло и в германский язык (palt, plat); см. Янка, Pravěk, 121.

[4] По последним исследованиям первые монеты в Чехии чеканил, по всей вероятности, уже его предшественник, св. Вацлав.

[5] Изо всей обширной литературы о началах славянской нумизматики см. главным образом E. Fiala, České denáry (Praha, 1895), 37; M. Gumowski, Podręcznik do numizmatiky polskiej (Krakov, 1914); И. Толстой, Древнейшие русские монеты вел. княжества Киевского (СПБ, 1882). На Балканах славяне начали чеканить монеты гораздо позже. Болгары — во времена Асена (1186 — 1195), сербы — во времена братьев Стефана Драгутина (1276 — 1316) и Стефана Уроша II (1282 — 1321), а именно в Брскове по образцу венецианских монет (Jireček, Staat, II, 63). Хорваты также начали чеканку только в XIII веке (Brunšmid, Najstariji hrv. novci. Vjesnik arh. dr., VIII, 182); см. также А. Мушмов, Монетите и печатите на българ. цари (София, 1924, 68). По его мнению, болгарское монетное дело началось раньше, чем только что указывалось.

[6] Целый ряд подобных имитаций найден в России, а у Кокриата (Спасск) в Казанской губернии даже целый клад. У Невеля в Витебской губернии найдена также форма для имитации сасанидских монет (Arne, Suède, 65, 76, 87). О варварских подражаниях восточным монетам писал Якуб (Handel, 62).

моравскими, а К. Строичинский и В. Виттиг датские монеты ошибочно принимали за польские. Фальшивкой оказались золотые монеты с надписью ПЕГNAZE, которые в 1840—1841 годах заказал и выставил в Пражском музее секретарь музея известный фальсификатор В. Ганка [1].

Р и с. 108. Русские серебряные гривны.
1) Киевский тип. *2*) Новгородский, *3*) Черниговский.

Исходя из того, что первое обстоятельное ознакомление славян с металлическими деньгами произошло в римскую эпоху, главным образом во II и III веках, совершенно непонятно, почему к славянам не перешли римские названия монет, так как даже наиболее старые и самые распространенные действительно общеславянские названия имели германское происхождение, отчасти готское со времен II—IV веков, отчасти более позднего времени (VII—IX веков). Готского происхождения — слова *сѣта*, церковнославянск. *цата* (из готск. *kinta*), затем *скотъ* из готск. *skatts*[2], *скъlędzь*, *sklęzь* из готск. *skillings*, более позднее германское происхождение имеет сохранившееся поныне общеславянское слово *pěnęgъ*, *pěnędz*, *pěnęzь* из *pfenning* [3]. Заимствования же из латинского или греческого или из тюрко-татарских языков носят, напротив, второстепенный и локальный характер (*динаръ*, *кодранъ*, русск. *ногата*). Конечно, у славян были и собственные названия для различных иностранных монет: *сребрникъ*, *сребреница*, *златникъ*, *златница*, *златьица*. Рубль стал обычным названием монеты, а одновременно и весовой единицей только начиная с XIV века, хотя он упоминается и в более древних текстах; татарское слово *деньга* вошло в употребление в XV веке[4].

Весовой денежной единицей у славян была *гривна* серебра, первоначально шейный обруч определенного веса (см. выше, стр. 241). Впрочем, определить ее вес нельзя. Вес гривны постоянно подвергался большим изменениям, и в XIII веке, когда славянское монетное дело представляется нам более ясно, в Польше, например, мы встречали уже целый ряд разных гривен. Древнейшие динары значительно различаются между собой по весу. Кроме того, известно, что чешские и польские князья начали чеканить монеты в соответствии с каролингскими фунтами (367 граммов); на Руси же чека-

[1] См. J. Smolik, Zlaté mince s domnělým opisem ПЕГNAZE, Praha (Akad.), 1906.
[2] См. выше, стр. 320 „Živ. st. Slov.“, III, 148, и объяснение Янки в Вестнике чешской академии, XVII, 172 и сл. Славяне заимствовали слово *скотъ* как в значении скота, так и в значении денег; последнее значение, вероятно, более раннее.
[3] Подробности и древние свидетельства об этом см. в соответствующем месте главы X „Živ. st. Slov.“
[4] И. И. Кауфман, Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века, Записки русского археол. общ., Нумизм. отд., СПБ, 1910, II, 11, 12 и сл.

нили в соответствии с куфическим фунтом (livre d'Irak), но самый вес их менялся [1]. Впрочем, рассмотрение этих фактов выходит за рамки нашего исследования. В южно-русских находках встречается обычно так называемая киевская гривна в форме шестиугольника наряду с так называемыми новгородскими гривнами в форме продолговатых брусков [2]. Но и их вес менялся.

Подобно тому как нам мало известно об основных монетных весах, так же мало мы знаем и о торговых весах. В древности лишь один источник, а именно Гельмольд в 1125 году, упоминает, что славяне на острове Руяне были вынуждены взвешивать свое золото и серебро на весах, в правильности которых Гельмольд сомневается [3]. Вообще же о весах нигде не упоминается. Зато имеется ряд небольших торговых весов и относящихся к ним гирь в находках, прежде всего в русских [4]. Это маленькие весы с двумя чашами, которые известны нам в римскую эпоху (libra) и которые были заимствованы славянами отчасти у германцев, отчасти на востоке, у арабских купцов [5]. О посредничестве германцев свидетельствует прежде всего общеславянское название *вага* из древнегерм. *wāga*, древнесканд. *wāg* [6], с другой стороны, на связи с арабскими купцами указывает основная весовая система, которую Арне, основываясь на найденных гирях, несмотря на ряд неясных моментов, считает восточной, созданной на основе древней греческой системы во времена Селевкидов [7]. Так было на востоке в России. На западе, вероятнее всего, славянами была принята каролингская весовая система.

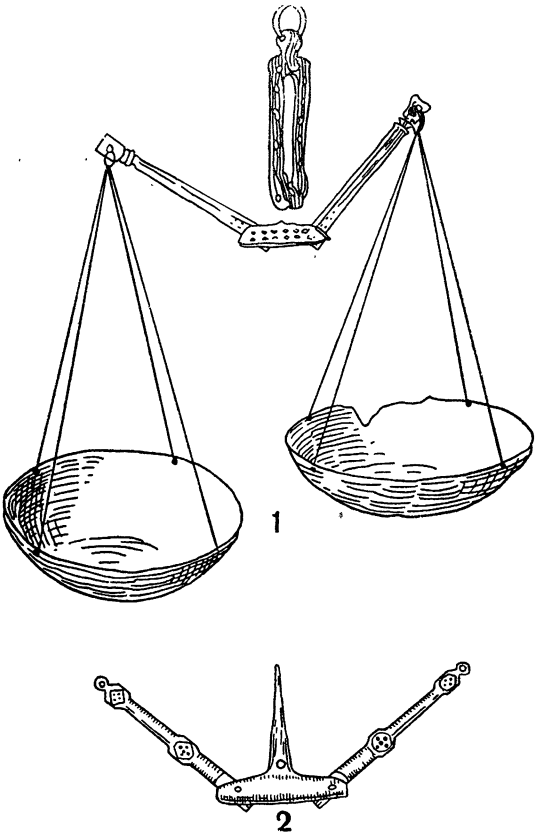

Рис. 109. Весы.
1) из Люцина; *2*) из Глогова в Силезии (по Мертинсу).

[1] Fiala, 1, с. 27, 104, 120 и сл.; Гумовский, 1, с. 16 — 19; А. Черепнин, О Киевских денежных гривнах. Труды XI арх. съезда, II, 38; И. Кауфман, Русский вес; его развитие и происхождение, СПБ, 1906. Статья Черепнина весьма поучительна.

[2] См., например, Кондаков, Русские клады, 126 и сл., табл. II, III, IX; Б. Ханенко, Древности Приднепровья, Киев, 1899, V, 8, табл. 15; К. Болсуновский, Русские монетные гривны, их формы и происхождение, Арх. летопись южн. России, 1903, 194.

[3] Helmold, I, 38 (statera gravissimi ponderis).

[4] См. перечень находок в „Živ. st. Slov.“, III, 472.

[5] Мне известно, что в описании русских находок упоминаются железные весы с одной чашей, родственные современному русскому безмену, но эти упоминания не дают о них достаточно определенного представления. Однако это, очевидно, древние римские весы — безмен (см. Lindenschmit, Alterthümer., IV, табл. 40, и Sökeland, Verh. Berl., 1900, 327, Zeitschrift für Ethnologie, 1910, 499).

[6] Но наряду с этим словом у славян был также свой термин, образованный от глагола *висеть;* см. древнерусское *весъ*, засвидетельствованное в XI веке.

[7] См. Кауфман, Русский вес, его развитие и происхождение; Arne, Suède, 179 — 181, 191 и указываемую им новую литературу.

Глава XI

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Пока славяне жили на своей прародине, где общий культурный уровень их был сравнительно низок, они не развили ни своего военного дела, ни своего вооружения, которое долгое время оставалось весьма примитивным. Но как только славяне вышли за пределы своей прародины и расселились на своих исторических землях, где встретились с более развитыми народами, с римским, греческим и германским миром и с Востоком, они сумели быстро приспособиться к новым культурам и наряду с другими сторонами жизни быстро подняли на высокую ступень свое военное дело и все, что с ним связано. Вспомним хотя бы упоминание Иоанна Эфесского от 584 года о том, что славяне, лишь незадолго до того пришедшие на Балканы, научились воевать лучше римлян [1].

Поэтому военное дело у славян в X и XI веках н. э. стояло на совершенно ином уровне, чем это было первоначально на их прародине. Мы видим, что славяне не отставали от своих соседей как в отношении личной храбрости, так и в отношении технических знаний. То, о чем я пишу ниже, относится к концу языческого периода.

Набор и организация войска

Организация набора войска вначале просто основывалась на родовых порядках. Каждый род, каждое племя или жупа обязывали в нужное время всех годных мужчин вооружаться и воевать [2]. Группа воинов определенного рода составляла тем самым естественную и первичную наименьшую войсковую единицу, а глава рода был военным вождем этой группы. В государствах Балтийского побережья, обладавших военным флотом, опять-таки род обязан был выставить судно с надлежащим экипажем.

Такова была основа организации славянского войска. Однако детали этой организации, как, например, возраст, в котором мужчина должен был нести службу, и способ созыва войска, нам неизвестны, так как древних сообщений об этом нет. Имеющиеся у нас сообщения относятся лишь к концу языческого периода и началу христианской эпохи, когда древняя родовая организация претерпела уже многие изменения. Здесь мы иногда уже видим постоянное войско, частично наемное, а славянские воины начинают нести службу и вооружаться в зависимости от имущественного состояния. Так появляются категории всадников и пеших, а у пеших, в свою очередь, разные специальные подразделения.

Постоянным подразделением княжеского войска была прежде всего так называемая княжеская *дружина* (от общеславянского слова *другъ* — приятель, член дружины).

Несомненно, что зачатки такой дружины развились во владениях сла-

[1] Ioan. Ephes., VI, 25. См. „Slov. star.“, II, 207.

[2] В исключительных случаях воевали и женщины; примеры этого мы видим в битвах у Царьграда в 626 году и в чешско-германских битвах 872 года (см. „Славянские древности“, I, 62; Ann. Fuld., 872; Mon. Germ., Ser. I, 384).

вянских князей издавна и самостоятельно. Было естественно, что вождь рода, а потом и целого племени окружал себя группой избранных мужчин, которые составляли его свиту во время публичного выступления на сходке (вече), при отправлении языческих обрядов, при выступлении на войну. Однако большие дружины, которые мы встречаем у славянских князей X и XI веков, развились не самостоятельно, а, по всей видимости, под влиянием известных германских дружин (Gefolge; у Тацита, Germ., 13—14,— comitatus). Хотя для этого и нет точных доказательств, но если принять во внимание тесные связи, которые были у западных славян с германцами, и учесть, сколь многое было заимствовано славянами в военной области в особенности у готов III и IV веков [1], станет весьма вероятным, что постоянные дружины, которые мы встречаем у некоторых славянских князей той эпохи, называемые обычно в источниках primates, viri meliores, сформировались под германским влиянием. К восточным славянам русские князья из рода Рюрика привели дружину скандинавского происхождения[2]; жизнь ее в Киеве достаточно подробно отражена в ряде мест летописи. Жила она весело, предаваясь еде, питью и всевозможным увеселениям в больших хоромах княжеского дворца; она верно служила своему князю и являлась ядром каждого военного похода; после того как дружина в XI веке славянизировалась, князья, конечно, постоянно пополняли ее новыми варяжскими наемниками.

Большая постоянная дружина из 3000 защищенных доспехами мужей (loricati) была у польского князя Мешко, но характер ее неясен [3]. Частично ее составляли, по всей вероятности, наемники, подобные упоминаемым Галлом 3900 лорикатов в городах Болеслава Храброго [4]. Из них развилось будущее польское рыцарство. Меньшие дружины упоминаются у балтийских славян; в Померании и у более мелких правителей имелись свои дружины в 30 всадников [5]. На юге дружина также засвидетельствована в IX веке в описании боев князя Людевита с Борной [6].

Эта дружина большей частью была конной. Но и помимо нее мы должны допустить у славян существование конных отрядов в войске, и в некоторых местах эти отряды были довольно многочисленны. Зависело это, повидимому, от того, насколько край был богат лошадьми. В северной России диких лошадей не было, чем и объясняется отсутствие конницы у русов [7], но в южной России, где славянам достались степи с бесчисленными дикими табунами лошадей, в войсках киевских князей всегда имелись значительные конные отряды [8]. Были они также и у южных славян, а у хорватов в X веке, как сообщает Константин, было даже 60 000 всадников наряду с 100 000 пеших воинов [9]. У западных славян конных отрядов было опять-таки меньше, но в польской Силезии лошадей было достаточно, и еще больше их

[1] Такая дружина из 70 primátů была уже у антского короля Божа в IV веке. Iord., Geth., 246; см. „Rukověť slov. star.“, I, 145.

[2] Лаврентьевский список, passim. Интересные сообщения есть и у Ибн-Фадлана (Гаркави, указ. соч., 101).

[3] Ибрагим Ибн-Якуб (ed. Westberg), 55, 92.

[4] Gallus, I, 8. На шее носили значки (torques in signum militiae).

Gallus, I, 16; этот „torques“ был не чем иным, как византийским μανιάκης (или μανίακιον), заимствованным славянами. Византия заимствовала его у персов. Поэтому Ян Лидус называет византийских воинов τορκουάτοι, στρεπτοφόροι, οἱ τοὺς μανιάκας φοροῦντες („De magistr.“, ed. Bonn, 157). Подробности см. у Кондакова, Клады, 160; Древности, V, 130, 151; см. также „Živ. st. Slov.“, III, 480.

[5] Saxo (ed. Holder), 276; Helmold, I, 87; Herbord, II, 23, 24. У Герборда, II, 21, упоминается: „Vratizlaus dux cum suo comitatu“.

[6] См. „Annales Einhardi“ под 819 годом.

[7] См. Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 266) и Гардизи (изд. Бартольда).

[8] См., например, Ипатьевскую летопись под 1146 г., Лаврентьевскую летопись под 1096 г.

[9] Const. Porph., De adm. imp., 31. У южных славян уже в VI веке были конные отряды, которые поступали также на службу в византийскую кавалерию (Procop., I, 27; Михаил Сириец, XI, 5; Ioan. Ephes., VI, 25).

было в Померании, где имущественное состояние оценивалось вообще по количеству лошадей и где, как я уже говорил выше, даже мелкие правители имели свои конные дружины [1]. Здесь, на севере, славянская конница принимала участие даже в морских операциях. На больших славянских судах наряду с пешей командой были и всадники, которые на лошадях нападали на неприятеля, едва судно приставало к вражескому берегу [2].

Приведенная выше, в главе VII, грамота Лаутенбергского монастыря от 1181 года упоминает о наличии у сербского племени далеминцев нескольких социальных слоев [3] и среди них слой, называемый *withasii*, что является латинской транскрипцией полабского *vićaz*, чешск. *vitěz*, польск. *zwycięzca*, русского *витязь*, церковнославянск. *витезь*, то есть все формы произошли от праславянского *витęгь*. Это был слой конных воинов, ибо в грамоте говорится определенно: «*in equis servientes, id est withasii*». Толкование слова *витязь* встретилось со многими трудностями, и еще в настоящее время нельзя определенно сказать, является ли оно преобразованием германского племенного названия *vitung* или скандинавского *viking* [4] или же оно имеет другое происхождение, и неясно, как это название попало к сербам в качестве наименования общественного слоя [5]. Не исключено, что *viting* служило наименованием тех воинов, которые приходили на войну вооруженными и призывались условным знаком — поджиганием вороха прутьев, называемых *viti* [6].

Так как служба в коннице была дорогостоящей и требовала хорошего вооружения, то естественно, что в коннице стали служить только более богатые люди, и вообще развитие этого рода войска связано с историческим развитием рыцарства у славян.

Пешего войска было по сравнению с конницей гораздо больше, вооружение пеших воинов, как мы увидим ниже, было всегда более легким. Только один раз славяне напали на Царьград в 623 году двумя колоннами (лат. agmen), из них первая была вооружена легко, а вторая — в броне, но это было не обычное славянское войско, а войско, сформированное и предводительствуемое аварами [7].

Как созывалось пешее войско, мы не знаем. Лишь начиная с XI века (а у поляков с XIII века) имеются сообщения, что созыв войска происходил с помощью венка, сделанного из лыка, который князь рассылал по селениям. Это, очевидно, древний обычай. Венок этот назывался *вить*, польск. *wić*, а профессор А. Брюкнер связывает с этим словом также происхождение загадочного названия *vićaz*, о котором мы говорили выше [8]. Однако это объяснение так же недостоверно, как и другие, в особенности, если мы примем во внимание, что в соседней Дании *viti* было также символом призыва народа на войну, хотя и другого характера.

[1] Конницу у чехов упоминает, например, „Ann. Fuldenses“, 871 года; Lambert, 1075 года (Mon. Germ., V, 227); Kosmas, II, 35; у поляков Gallus, II, 28; III, I; Thietmar, VII, 12 (VIII, 18), VII, 15 (VIII, 23). О балтийских и полабских славянах см. Vidukind, I, 36; Helmold, I, 36, II, 4; Ebbo, III, 5; Herbord, III, 2; Saxo (ed. Holder), 477, 564; Thietmar, III, 18 (II), „Ann. Corv.“, 1114.

[2] Saxo (ed. Holder), 444, 477, 501, 608—609; Snorro, Hist. (Mon. Germ., XXIX, 345); Knytlingasaga (ibid., 306).

[3] См. выше, стр. 300.

[4] См. Adam Brem., IV, 6: „piratae quos illi wichingos (withingos) appelant“.

[5] См. об этом подробнее в „Živ. st. Slov.“, III, 486. Шафарик и Миклошич полагали, что оно произошло от vithungy (о последних см. у Zeusse, Deutschen, 312), Уленбек и Янко объяснили его происхождение от *Vikingy*. Я. Пейскер усматривает в них просто остатки викингов, славянизированных сербами („Beziehungen“, 302, 320). См. также статью Е. Шварца в „Zeitschrift für slav. Philologie“, II, 104—116.

[6] См. Schwerin, Reallex. germ. alt., I, 140, „Zeitschrift f. deut. Kulturgesch“, III, 621.

[7] Chronicon paschale ad a. 623.

[8] См. Brückner, Rozpravy Akad. Krakow, XXXV, 1908, 308.

Простого воина древние славяне называли *ратникъ* (от *рать* — бой), или *вой*, *воинъ*, *войникъ*. Тот, кто вел войско, назывался *воевода*; это славянское название перешло и к византийским грекам (βοεβόδος) Константина Багрянородного (De adm. imp., 38), и к румынам (*vojevod*) и к венграм (*vajvoda*, *vajda*). Только в войсках, находившихся под римским или византийским влиянием, уже в X и XI веках появились наименования меньших чинов, предводителей небольших отрядов, такие, как *десятникъ* (от *десетъ*) и *сетник*, сотник (от *сьто*), а позднее и другие [1].

Тактика боя

С того времени, как славяне появились на исторической арене, древние сообщения говорят о способе ведения боя, присущем только славянам, а именно: славяне не вступали в открытый бой, а старались в трудно доступных местах неожиданно напасть на неприятеля и уничтожить его или хотя бы нанести ему ущерб, а затем быстро скрыться в лесу и скалах [2]. Эту тактику внезапных набегов они сохранили кое-где и позднее[3], но в сообщениях X—XI веков упоминаются чаще всего уже регулярные бои. Славяне со временем приспособились, видимо, к римской (византийской) или германской тактике. Больше того, это восприятие простиралось так далеко, что уже в VI—IX веках славянам известны были все приемы римской военной тактики (см. ниже).

Хотя ни один источник, изображая славянские бои той эпохи, не описывает нам подробно приемы и тактику какого-либо похода и боя, мы можем все-таки восстановить их — хотя бы в общих чертах — по отдельным, разрозненным сведениям и военным терминам.

В военном походе войско шло отдельными группами, которые в древнейших славянских источниках обычно именуются *плъкъ*, *пълкъ* [4]. Древний полк не обозначал еще, однако, большой группы воинов определенной численности; это был обычно небольшой отряд, посылавшийся в бой родом и насчитывавший всего лишь около ста человек [5], и только с XI века можно говорить, что численность полка стала большей (1000?), по крайней мере на западе. Когда наступала ночь, командир отыскивал пригодное для лагеря место, а если нужно было разбить лагерь на более длительное время, то место это окружалось окопами, повидимому, по римско-византийскому образцу [6]. Наиболее интересным видом лагеря у славян был лагерь, окруженный тяжелыми повозками, которые сопровождали войска, будучи нагруженными продовольствием и другими необходимыми вещами,— то есть это был тот лагерь, которым прославились в XV веке чешские гуситы; он был известен в древности германцам, галлам и тюрко-татарам. У славян он засвидетельствован в VI веке [7].

Каждый войсковой отряд, сначала родовой и жупный, имел свою эмблему, или знамя (signum, effigies, vexillum), так же, как это было у галль-

[1] Лаврентьевская летопись под 996 годом, а в хорватских документах (Ř a c k i, Documenta, VII, 81, 82, 128, 144 и сл.); J i r e č e k, Staat, I, 76.

[2] Это описывает подробно М а в р и к и й в своем Стратегиконе, XI, 5. См. также P r o c o p., II, 26, III, 22, 38, 40; М и х а и л С и р и е ц, X, 18; Miracula Sti Demetrii, XII, 98, XIII, 111; T h e o p h y l. (ed. Boor), 236, 247 и др.

[3] H e l m o l d, II, 13; „Vita Hludovici", 32.

[4] См. M i k l o s i c h, Etym. Wörterbuch, 236. Родственно (возможно, даже заимствовано у готов?) немецкому *Volk*. В латинских источниках читаем agmen, cuneus, legio, acies.

[5] См. Лаврентьевская летопись под 1097 годом. Еще меньшим отрядом была *ecta* (B e r n e k e r, Etym. Wörterb., I, 152). См. T. K o r z o n, Dzieje wojen etc. w Polsce, I, 36 (Krakov, 1912).

[6] См., например, P a u l u s D i a c o n, IV, 46, VI, 24; Лаврентьевская летопись под 980 годом.

[7] T h e o p h y l. S i m., VII, 1—2, II; T h e o p h. (ed. Boor), 276; Лаврентьевская летопись под 907 и 1177 гг.

ских, германских или тюрко-татарских соседей [1]. На этих эмблемах имелось изображение либо фигуры животного (на востоке также хвосты лошадей), либо фигуры богов. По крайней мере о лютичах мы имеем несколько сообщений, свидетельствующих о том, что на своих знаменах они помещали изображения богинь [2]. Первые славянские князья также изображаются со знаменем в руках, например св. Вацлав в Вольфенбюттельском или Вышеградском кодексе (рис. 1 и 14).

Когда нужно было идти в бой, командир прежде всего выстраивал свои полки в боевом порядке — по древней летописной терминологии *нарядити, уставити полки, исполчитися* [3] (у Титмара под 1018 годом мы читаем: acies turmatim ordinata [4]); затем он обращался к воинам, призывая их к храбрости, после чего по его приказу поднимались знамена и войско с громкими криками и под звуки труб бросалось на врага. «Zevāte signa»—восклицал языческий князь Властав перед боем с чехами [5].

Рис. 110. Чешские князья (с фресок часовни в Знойме).

Со времени венгерских набегов старая тактика изменилась настолько, что, следуя венгерскому примеру (а на Руси также тюрко-татарскому), бой открывали большие отряды лучников (sagittarii, русск. *стрельцы*), действовавшие рассыпным строем с целью противостоять туче венгерских стрел [6]. Только после этого построенная в ряды часть войска вступала в бой (*борнь, брань, сечь*).

Но иногда большой битвы не было, так как предводители вызывали друг друга на поединок, либо выставляли для этого вместо себя выбранных из своих войск мужей. Исход поединка решал победу. Этот обычай мы встречаем в обеих частях славянского мира — на западе в боях с германцами, а на востоке в боях с печенегами и касогами [7], и трудно установить, заимст-

[1] Odznak — знак, эмблема — носил славянское название *прапоръ* (из *порпоръ*) или издревле чужеземное название *chorǫgy*, чешск. *korúhev*, заимствованное либо у готов (hrunga), либо, вероятнее всего, у тюрко-татар (horongo) (Miklosich, Etym Wörterbuch, 89, 259; Berneker, Etymologisches Wörterbuch, I, 398). Древним русским термином является еще слово „стяг" (Miklosich, I, c. 323), но и он образован от скандинавского stang, stöng (Schrader, Reallexikon, 209).

[2] Helmold, I, 38; Thietmar, VIII, 64 (VII, 47); VI, 16—18. См. также III, 18 (II). Конский хвост на половецком или русском знамени назывался *челка, чолка* (Лаврентьевская летопись, 342).

[3] О том, каким был славянский строй, нет достоверных сообщений, но, по всей видимости, сначала он не имел клинообразной формы, которую применяли древние германцы (см. Tac., Germ., 6: acies per cuneos instruitor) и которую Шрадер считает древней индоевропейской формой (Reallexikon, 351); вероятно, это был широкий ровный фронт в один либо два ряда. Только начиная с XII века мы встречаем намеки и на клинообразную форму строя (cuneus) у славян (Helmold, I, 38; Ebbo, III, 5; Gallus, III, 1; Kosmas, I, 12), хотя и они не безусловны, так как возможно, что здесь слово cuneus употребляется просто вместо agmen.

[4] Thietmar, VIII, 16 (IX, 31).

[5] Kosmas, Chron., I, 10. Другие примеры поднятия знамен см. в „Živ. st. Slov.", III, 503.

[6] Thietmar, VI, 10 (8), VII, 13, 44; Лаврентьевская летопись, 212 (1093). О нападении венгерских стрелков см. Regino под 889 г. (Mon. Germ. SS. I, 600).

[7] „Legenda Kristiánova" (ed. Pekař), 167, 193; Wippo, Vita Chounradi, 33 (1034 год), Saxo Gram. (ed. Holder), 83; Лаврентьевская летопись под 993 и 1022 годами (стр. 120, 143). О поединках русских см. также сообщение Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 269).

вован ли он славянами у кого-нибудь из вышеуказанных соседей или же являлся древним местным обычаем.

О том, насколько славяне сумели воспринять военные приемы своих врагов, лучше всего видно по тому, как они научились начиная с VI века совместно с аварами, болгарами или самостоятельно захватывать древние римские города и крепости. При этом они использовали и военную технику византийцев, более того, они употребляли и неизвестные византийцам виды военной техники — всевозможные пращи, черепахи, башни, лестницы и, конечно, устраивали различные валы и подкопы. Об этом имеется ряд сообщений, описывающих бои за Солунь, Теперос, Царьград, а также сообщения из северных областей. Неизвестный автор легенды о св. Димитрии удивляется ухищрениям славян во время нападений на солунские городские стены[1].

Славяне не сумели использовать только греческий огонь, и хотя Константин жалуется однажды на то, что греческие предатели продали это изобретение варварам[2], последние поджигали города самым примитивным способом. Когда в 946 году княгиня Ольга хотела поджечь главный город древлян Искоростень, она хитростью вытребовала из этого города голубей и воробьев и затем выпустила их обратно в город с горящей серой на хвостах[3]. Лишь в XII веке в русских источниках появляются два упоминания о метании живого огня: одно в Ипатьевской летописи, где указывается, что в 1184 году половецкий хан Кончак метал огонь из самострелов на русских, и другое — в «Слове о полку Игореве»[4].

Об успехах, которые славяне достигли в морских битвах, я уже упоминал выше, на стр. 361.

Вооружение славян

На первый взгляд кажется, что в отношении вооружения древние славяне до самого конца языческого периода были крайне бедны. В славянских погребениях IX и XI веков оружие встречается очень редко[5], к тому же в ряде древних сообщений о славянах говорится так, как будто у них вообще не было оружия. Иордан характеризует славян IV века как armis despecti[6], Константин Багрянородный говорит о них даже „ἔθνη σκλαβινικὰ ἄοπλα ὄντα“[7], таков же смысл еще нескольких приведенных ниже сообщений.

Однако, вопреки этому, мы знаем, что вся история расселения славян часто свидетельствует о больших боях, а также и история первых веков после поселения славян в новых исторических местах жительства полна больших и часто победоносных боев с тюрко-татарами, греками и германцами. Кроме того, имеется ряд других исторических сообщений, которые говорят о многообразном военном снаряжении славян, да и уже известное нам высказывание Иоанна Эфесского от 584 года, что славяне научились

[1] Procop., III, 38; Пасхальная хроника, 623, 626 годы. Georgios Pisides, Bell. Avar., 220; Nikeph., Brev., 20 (ed. Boor, 17); Theoph. (ed. Boor), 487; Anon. (Mai Nova bibl., VI, 428); Miracula Sti Demetrii, XIV, 125, 138, 139, 141; Const. Porph., De adm. imp., 32; Лаврентьевская летопись под 988 и 1097 гг.; Arnold, Chron., II, 19, 22; Thietmar, VII, 44; Gallus, II, 44, III, 26. Кроме того, см. в „Živ. st. Slov.“, III, 504. Самое подробное сообщение об этих приспособлениях имеется у неизвестного византийского автора, описывающего бои Крума в 814 году (Scriptor incertus, ed. Bonn, 347); см. толкование Златарского в его «Истории Болгарии» (I, 415), а также у неизвестного автора легенды о св. Димитрии в нескольких местах его сочинения (см. Tougard, Histoire profane, Paris, 1874, 103, 105, 111, 133 и 167—171).

[2] Const. Porph., De adm. imp., 13.

[3] Лаврентьевская летопись, 57.

[4] Ипатьевский список, 1184 г.; Slovo (ed. Erben), 5. По этому вопросу см. статью П. Мелиоранского в „Изв. отд. русск. языка и слов.“, 1922, VII, 2, 297.

[5] См. примеры в „Živ. st. Slov.“, III, 511.

[6] Iord., Get., 119; quamvis armis despecti sed numerositate pollentes.

[7] Const. Porph., De adm. imp., 29.

вести войну лучше римлян, при всей своей преувеличенности противоречит все же „ἔθνη ἄοπλα“ Константина.

Противоречие между вышеприведенными сообщениями и данными археологии, с одной стороны, и всем историческим развитием, с другой, только кажущееся и легко объяснимо.

В древности славяне действительно были мало и плохо вооружены. Когда они вышли со своей прародины, у них почти не было оружия, по крайней мере металлического; все оно ограничивалось небольшими луками со стрелами, остроконечными копьями из твердого дерева и щитами, деревянными, сделанными из прутьев, или кожаными. Такими их изображают еще древнейшие авторы. Поэтому для готов III и IV веков они были armis despecti; точно так же характеризуют их оружие историки VI—VIII веков, часть которых встречалась со славянами лично: Прокопий, Маврикий, Лев VI, Иоанн Эфесский, Михаил Сириец, Павел Диакон, — а также древний источник, использованный Ибн-Русте и Гардизи[1], и, наконец, только это мог иметь в виду император Константин, когда, сравнивая на основании этих древних источников вооружение славянских воинов с вооружением своих римских тяжело вооруженных воинов, назвал их „ἔθνη ἄοπλα“.

Но если это вооружение было недостаточным в III—IV веках нашей эры, то уже в последующие столетия славяне сумели его развить и усовершенствовать по германскому, римско-византийскому и восточному образцам, что ясно видно из дальнейшего описания. Нельзя представить себе, чтобы у них оставалось прежнее несовершенное вооружение, если Иоанн Эфесский при описании нападений славян на Грецию говорит, что они научились вести войну лучше римлян, и если мы вспомним, какая военная техника уже тогда использовалась славянами, о чем я только что говорил.

Итак, очевидно, что если сначала славяне действительно были плохо вооружены и оружие их было несовершенным, то к концу языческого периода — к X—XI векам — это относиться уже не могло. К тому времени славяне уже многое заимствовали у германцев, римлян и народов Востока. Копье, лук и щит оставались еще, правда, характерным славянским оружием[2], но наряду с ними появились меч, кинжал, сабля и защитное вооружение (панцырь и шлем), что будет детально освещено в дальнейшем изложении. Поворот произошел в X и XI веках (на Балканском полуострове еще раньше), и сообщения того периода рисуют уже другую картину, чем вышеприведенные древние сообщения[3].

И если все же в славянских погребениях X и XI веков редко встречаются предметы вооружения, то это объясняется другим обстоятельством. В те времена повсюду, а главным образом там, где христианство было введено римской церковью, в могилы перестали класть погребальный инвентарь, а следовательно, и оружие. Карл Великий в 785 году запретил языческие погребения во Франкской империи, впоследствии его примеру последовал весь славянский запад, а также и на востоке вскоре отказались от древнего обычая могильных приношений. Погребения христианских воинов в полном вооружении встречаются только как исключение, например погребения из Таганчи у Канева или у Колина в Чехии[4]. Хотя мы встречаем иногда целые большие германские кладбища Меровингской эпохи лишенными оружия, никто не сомневается в том, что германские воины V—VII веков были хорошо вооружены.

[1] Procop., B.G., III, 14; Maurik., Strat, XI, 5; Leon, Tact., XVIII; Ioan. Ephes. (ed. Schönfeld), VI, 25; Михаил Сириец (ed. Chabot), X, 18; Paul. Diacon, VI, 24; Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 266); Kardîzî (ed. Bartold), 123; Fontes rer. boh., I, 140.

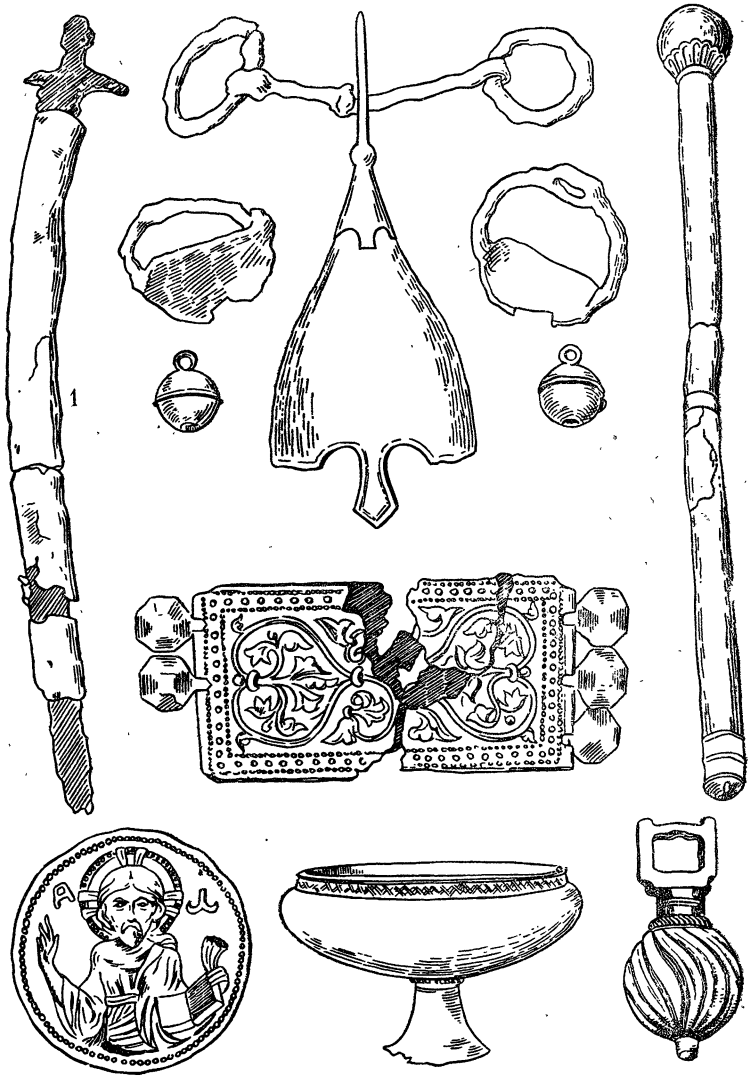
[2] О севере см. сообщение Титмара, VI, 22 (16).

[3] Эти сообщения собраны в „Živ. st. Slov.“, III, 522.

[4] „Таганча“ (Хойновский, Краткие археол. сведения о предках славян и Руси, Киев, 1896, 122. табл. X), «Колин» (Pič, „Památky archaeologické“, XV, 715).

Перейдем к описанию отдельных видов вооружения [1].

Меч, сабля. С длинным обоюдоострым мечом (spatha) германцы и римляне познакомились у галлов и переняли его у них. В Меровингскую эпоху «спата» у германцев развилась в характерную тяжелую форму с коротким

Р и с. 111. Вооружение русского воина из погребения X века, открытого в Таганче близ Канева (по Хойновскому).

перекрестием и конусообразным навершием, и эту форму славяне заимствовали в свою очередь у германцев в Каролингскую эпоху. Однако заимствование германского названия, происходящего от готск. mēki, и переход его в общеслав. *мечь* относятся к более поздней эпохе [2].

[1] Сводных трудов о древнем славянском вооружении нет. Славянский материал собрали частично C. Zibrt, „Dějiny kroje v zemích českých", I (Praha, 1892) и П. Савваитов, „Описание старинных русских утварей" (СПБ, 1896). Но это главным образом материал более позднего времени. Сочинение А. Висковатова „Историч. описание одежды и вооружения российских войск" было мне недоступно.

[2] Berneker, Etym. Wörterb., II, 29. Тот же термин перешел также к финнам (miekka) и к литовцам (meczus).

Меч, который мы встречаем в славянских погребениях VIII—XI веков, является аналогичным германским мечам времен Карла Великого (рис. 113) и представляет собой чаще всего предмет импорта из франкских или скандинавских мастерских и снабжен характерными германскими украшениями, хотя мы встречаемся и со славянскими имитациями [1]. Другие виды мечей византийских или восточных форм, среди которых особенно интересен ровный однолезвийный меч, палаш, или kord, редко встречаются в славянских землях того времени [2].

Рис. 112. Реконструкция вооружения воина из Таганчи.

Тюрко-татарская изогнутая и односторонняя сабля, старосл. *сабля* [3], также встречается уже в эту эпоху у славян, но сравнительно очень редко. Киевская летопись еще в конце X века отличает русское вооружение, для которого характерными были броня и меч, от тюрко-татарского с луком и саблей [4], и вплоть до XI века летопись нигде не упоминает о саблях в руках русских воинов. Начиная с XI века сабля проникает, однако, к славянским русам (см. могилу у Таганчи на рис. 111, 1) и дальше. К славянам в Венгрию сабля попала еще раньше. Здесь можно также хорошо различить древнюю форму аварской сабли, снабженной зубом на перекрестии, от позднейшей мадьярской с надломленным перекрестием и без зуба [5].

Следует также подчеркнуть, что при недостатке мечей, которые являлись еще редкостью, славяне сражались также большими ножами, что засвидетельствовано для западных славян житием епископа Альтмана конца XI века или легендой Христиана, а для восточных славян—«Словом о полку Игореве» конца XII века [6]. Однако в находках большие ножи встречаются очень редко.

Секира. Хотя секира (старославянск. *секира* или *тесла*) очень древний вид орудия и оружия, у славян она засвидетельствована относительно поздно. Первые сообщения о том, что славяне воевали секирами, относится лишь к VIII веку [7]. Несмотря на это, я не сомневаюсь, что секира была древним славянским орудием. Впоследствии она становится очень распространенным видом вооружения и начиная с VIII века часто встречается в археологических находках. Имеются древние формы секир, известные нам уже из римских находок, с лезвиями различной формы, иногда узкими, иногда

[1] У Ибн-Хордадбе и неизвестного Персидского географа имеется сообщение, что мечи вывозились из Киева. См. выше, стр. 348—349.

[2] Больше всего они встречаются в Венгрии, где, как объясняет Гампель, они развились из изогнутых сабель под влиянием франкских мечей (Hampel, Alterthümer, I, 188, 193, 197). Слово *палаш* произошло из турецк. *pala*; слово *kord*, в церковнославянск. *корѣда*, — из иранского языка (Miklosich, Etym. Wörterbuch, 230; Berneker, Etym. Wörterbuch, I, 569).

[3] Упоминается в славянских текстах начиная с древнейшей эпохи. В Киевской летописи встречается в древнейших текстах (Лаврентьевская летопись, 16).

[4] Лаврентьевская летопись под 968 годом.

[5] См. Hampel, Alterth., I, 194 и сл.

[6] „Vita Altmanni Pataviensis“ (Mon. Germ. Scr., XII, 229), Christian (ed. Pekař), 155; „Слово о полку Игореве“ (ed. Эрбен), 7. Ножи носили в сапогах, и назывались они засапожники.

[7] Paul. Diacon, VI, 24.

широкими. Меровингская франциска уже не встречается. Но зато с востока к славянам проникла легкая секира с удлиненной обушной частью и с отверстием для рукоятки, находящейся в средней части оружия (рис. 115, *18*). Она встречается иногда в русских находках и нередко в Венгрии. Наилучшим образцом служит инкрустированная золотом и серебром легкая секира из Билярска близ Чистополя (рис. 116), относящаяся приблизительно к началу XII века [1]. В этой восточной форме секиры попали к славянам, а новые восточные термины *чаканъ* (из турецкого языка) и *топоръ* пришли из иранского или персидского языков. От немцев еще раньше было заимствовано название *barta*, старослав. *борды*, древнеболгарск. *брады* [2].

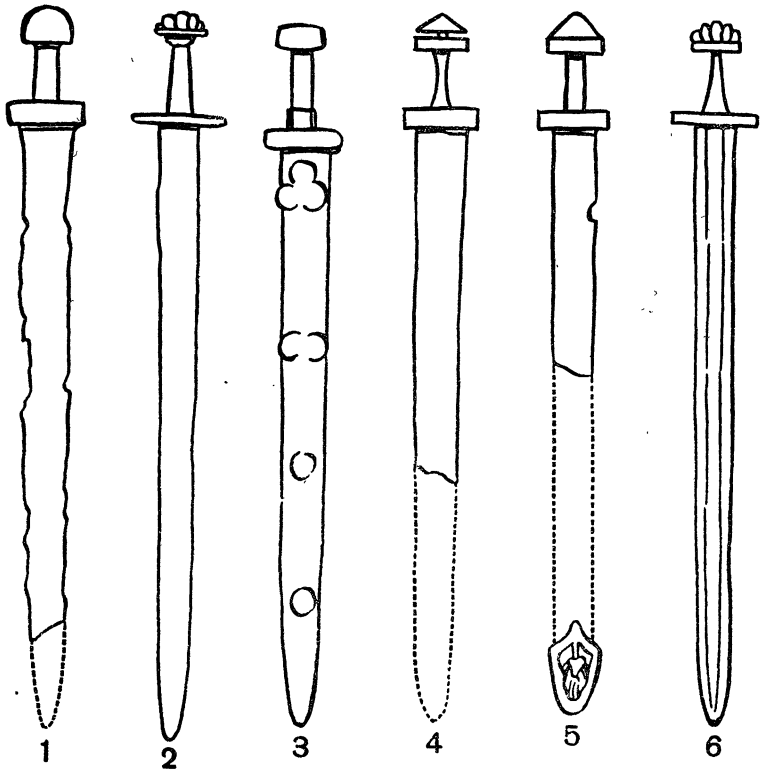

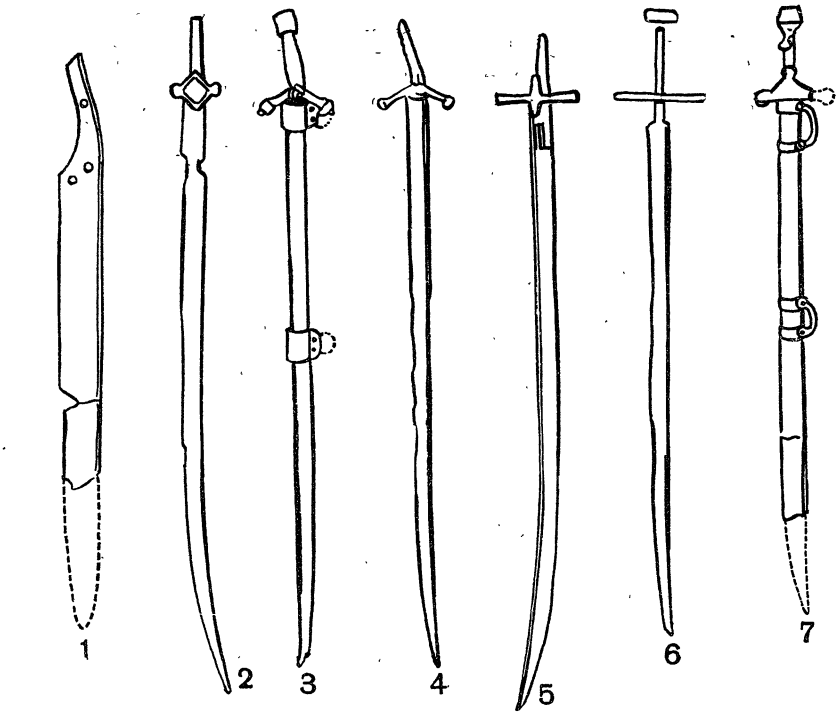
Рис. 113. Мечи из славянских находок.
1) Гогенберг; *2*) Коляны около Врлики; *3*) Ярогневице; *4*) Киев; *5*) Гнёздово; *6*) Одер, близ Гольцова.

Наряду с остролезвийными секирами в славянских землях встречаются порой палицы с тупым молотком без лезвия или с набалдашником, снабженным пазами или шипами. Их форма и назначение были различными, а поэтому для них имеется целый ряд названий, как славянских (*палица*, *млатъ*, *жезлъ*, *булава*, *пернатъ*, *обухъ*), так и иностранных, восточных buzdyganъ, šestopiorъ (*шестоперъ*) из персидск. šešper. Однако трудно установить, какой форме принадлежало какое название. Также нельзя точно установить, к какому времени они относились. Само собой разумеется, что простой народ наряду с этими часто роскошными палицами применял и простые крепкие дубины (сл. kyjь), какие, впрочем, мы видели и у воинов, изображенных на ковре из Байе.

[1] Н. Кондаков и И. Толстой, Русские древности в памятниках искусства, VI, 87.
[2] Berneker, Etym. Wörterbuch, I, 73, 134; Miklosich, Etymologisches Wörterb., 19, 359. См. также статью St. Mladenova в „Revue des Études slaves“, IV, 1924, 193.

Копье, лук. Два следующих вида оружия — копье и лук со стрелами — являются, как мы уже знаем (см. стр. 372), древним и типичным славянским вооружением.

Наряду с простыми деревянными кольями, заостренными на концах (русск. *оскѣпъ*), у славян было два вида оружия, снабженного железными наконечниками: у одного наконечник был на одном конце (старослав. *копьe*), у другого — на обоих концах (старослав. *судлица*). Форма наконечника также разнообразна, как и у оружия того времени на западе Европы и в Германии. Наконечник имеет втулку для насадки на древко (см. рис. 118). Иногда встречаются также копья с крыльями, причем на втулке копья имеются боковые отростки, подобно образцам, известным на западе, а также часто встречающимся на миниатюрах того времени.

Р и с. 114. Однолезвийный палаш и сабля из славянских и кочевнических находок.

1) Юрково (Кошчаны); *2*) Кешкемет; *3*) Земянская Ольча; *4*) Чеховице; *5*) Таганча; *6*) Верхн. Салтово; *7*) Кубань (Кавказ).

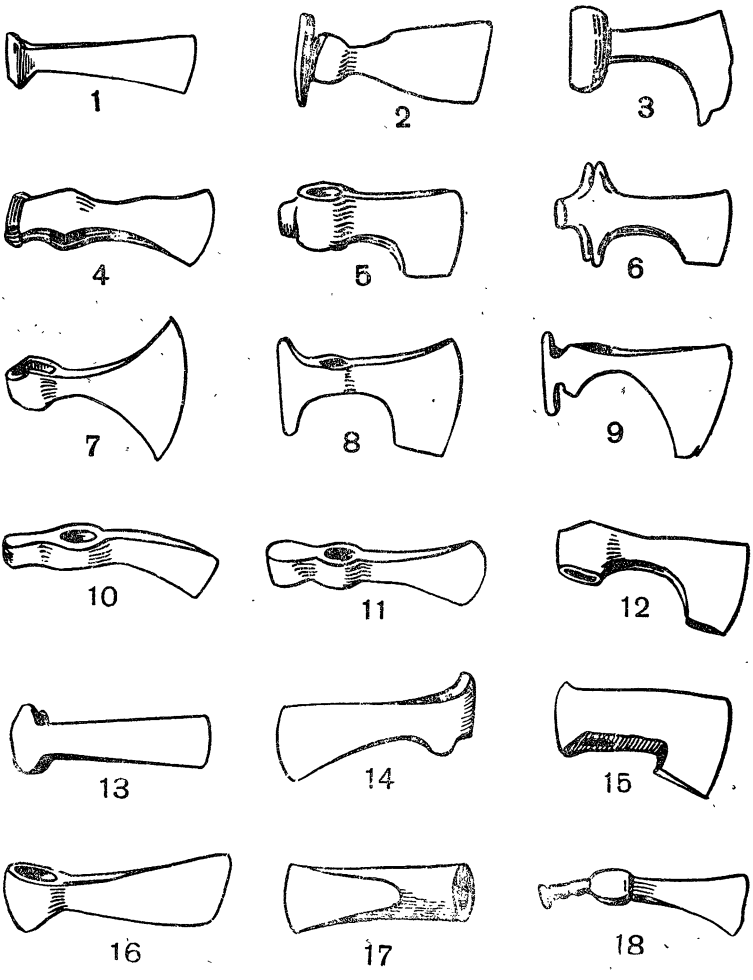
Большую роль играл у славян *лук* (старослав. lǫkъ) со стрелами (старослав. *стрела*, *шипъ*[1]): на востоке издавна, на западе же особенно с того времени, когда западные славяне встретились с аварскими и мадьярскими лучниками и были вынуждены приспособить к ним свою тактику, усилив роль лука.

В славянских погребениях целый лук не встречался[2], но, несомненно, он был подобен южногерманскому луку из погребения у Оберфлахта или скандинавскому луку из болота близ Нидама; несомненно также, что луки

[1] Слово стрела германского происхождения, древневерхненемецк. strāla, и древнее. Слово *шипъ* обозначало первоначально шип на дикой розе, затем наконечник стрелы. О терминах см. Miklosich, Etym. Wörterbuch, 165, 325, 340; Berneker, Etym. Wörterb., I, 739.

[2] Целый лук нашел Н. Репников на городище Старая Ладога, но вряд ли этот лук славянский (см. „Rukověť slov. Star.“, I, 381).

изготовлялись из ровной и относительно длинной ясеневой ветви[1]. Впрочем, к восточным славянам проник также и среднеазиатский лук, составленный из двух изогнутых частей наподобие широкого М (рис. 121), известный нам из скифских и сарматских погребений, а также по парфянским и персидским изображениям сасанидской эпохи [2]. Но эта форма не была первоначальной славянской формой.

Р и с. 115. Боевые славянские секиры.

1—3) В. Горица; *4, 6*) Лухачовице; *5*) Жданице; *7*) Турово; *8* и *12*) долина Днепра; *9*) Саки (Поречье); *10*) Сязнига на р. Паше, Приладожье; *11*) Липлаво (Золотонош); *13*) Спасский городец (Калужская губ.); *14*) Гнёздово; *15*) Княжа гора (Канев); *16*) из окрестностей Вильна; *17*) Борки на Оке; *18*) Топор — молот кочевников, Вахрушева, Тихвинского уезда.

Форма наконечников стрел очень разнообразна: наряду с формами, обычными для всей Европы (рис. 119, 14—16), мы встречались также с восточными формами — с тупым или зубчатым концом (рис. 120). При стрельбе из лука славяне, так же как и ближайшие их соседи, употребляли стрелы, пропитанные ядом, который они называли *nalepъ*. Вероятнее всего, яд этот изготовлялся из аконита (Aconitum napellus) и, согласно Маврикию и Льву,

[1] Ср. Lindenschmit, Handbuch, 151.

[2] См. Minns, Scythians, 54—55, 61, 67, 78, 96, 197, 200—201; Dienlafoy, L'art, V, 103; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. 23, 28—33 и т. д.

действие его было настолько быстрым, что если раненый немедленно не применял противоядия (theriaka) или не иссекал места поражения, то наступала смерть [1].

Стрелы носили в специальном футляре (старосл. *тулъ*), который был подвешен на ремне у левого бока. Восточные славяне, кроме того, переняли у азиатских кочевников еще особый футляр для лука, который носили у правого бока и называли *налучьем* [2].

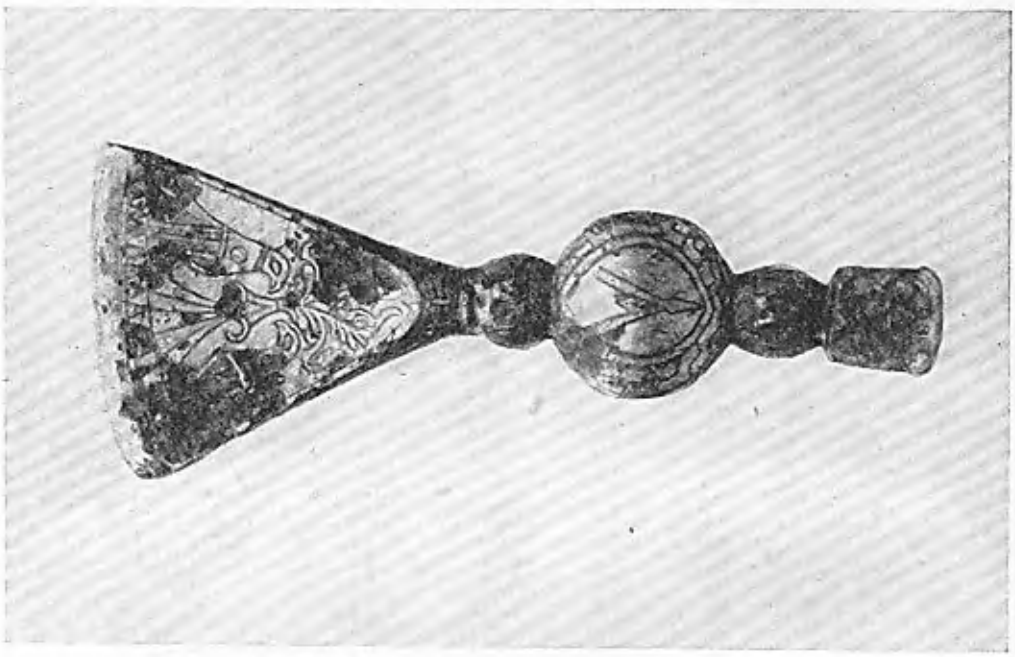

Рис. 116. Железный топор русской работы, инкрустированный золотом и серебром, из Билярска (по В. Сизову).

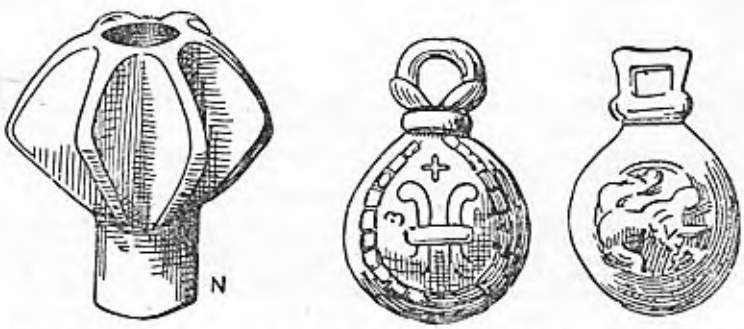

Рис. 117. Железный пернач из Сахновки и бронзовые кистени из Киева и Канева.

Праща. Метание камней с помощью ручных пращей является древним способом боя, который и славяне, несомненно, применяли издавна. Первые

[1] Maurik., Strat., XI, 5; Leon., Tact., XVIII; Arnold, 1, 3; Theriaka (ἡ θηριακή) была противоядием, составленным из различных лекарств и ядов.

[2] Для обозначения футляра для стрел древние русские приняли также тюркский термин *колчан* (Berneker, Etym. Wörterb., I, 543; Miklosich, Etymologisches Wörterb., 123), а впоследствии для всего гарнитура монгольское название *sadak* или *sagadak*.

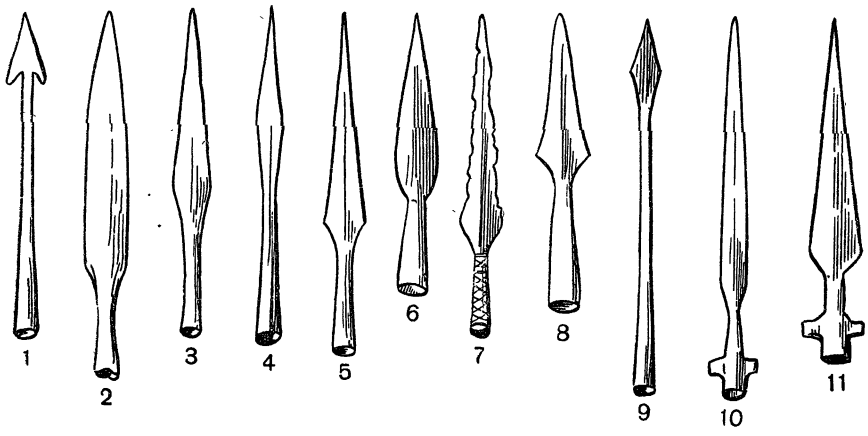

Рис. 118. Наконечники копий из славянских погребений.
1 и *9*) Николаевка; *2*) Брановице; *3* и 8) Гнёздово; *4*) Гульбище; *5*) Спасский городец; *6*) Ростково; *7*) Лубовка; *10*) Тунау; *11*) Бездеков.

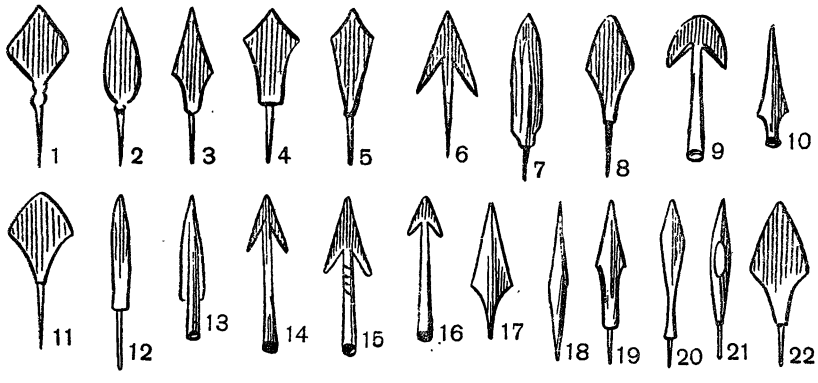

Рис. 119. Формы славянских стрел.
1—7) из погребений Остерского уезда; *8—10*) из Княжей горы; *11—13*) из Гульбища и Черной могилы; *14—15*) из В. Горица; *16—22*) из Гнёздова.

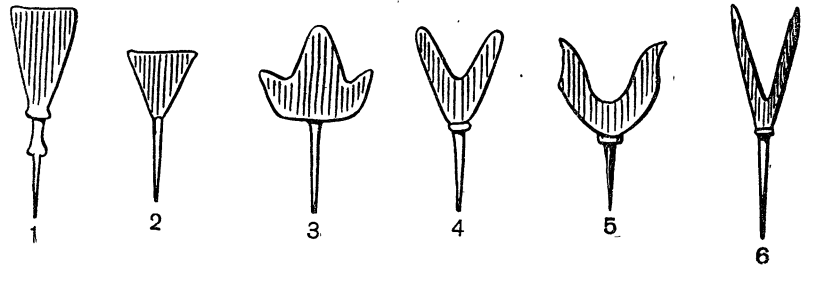

Рис. 120. Восточные стрелы.
1) Минусинск; *2*) Мощинское городище (Калужская губ.); *3*) Вишеньки (Черниговская губ.); *4*) Пилин; *5*) Белореченская; *6*) Закавказье.

Р и с. 122. Кольчуга св. Вацлава (фото).

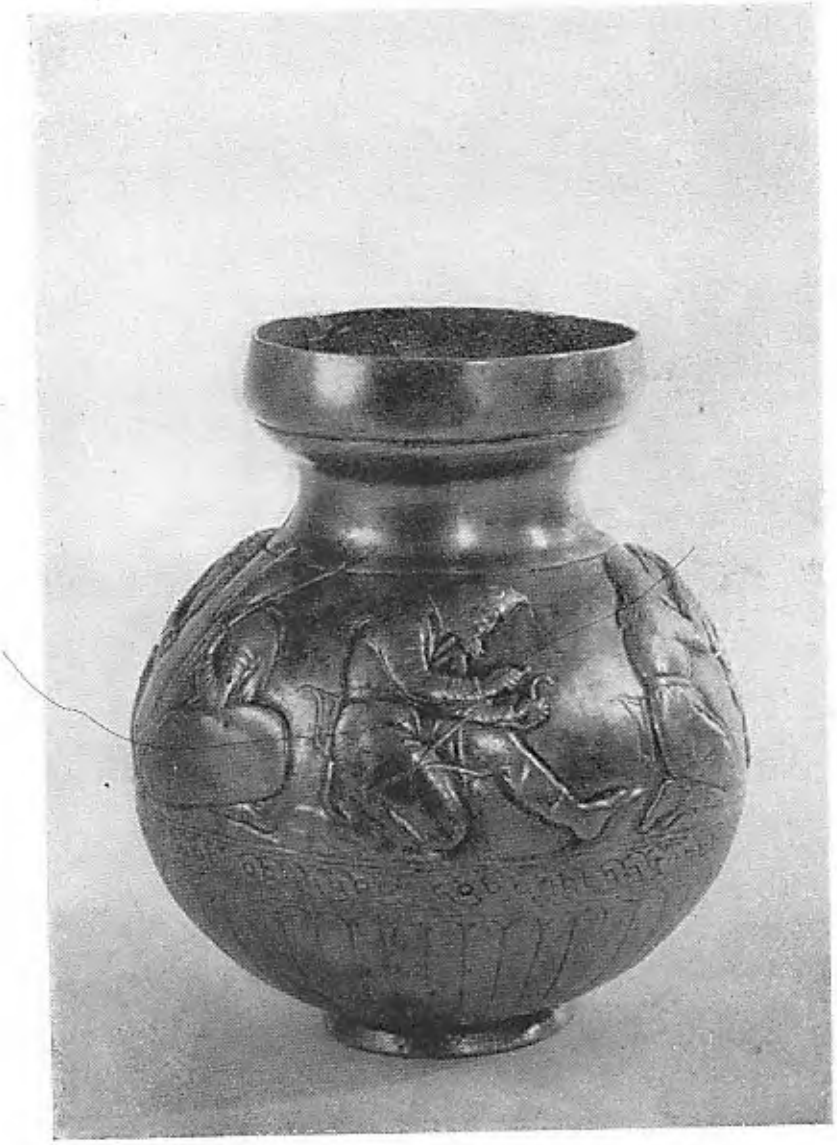

Рис. 121. Электроновый сосуд из Куль-Обского кургана.

документы об этом относятся к битве у Солуни в VII веке [1], и способ метания не отличался тогда от способа, представленного на одной из сцен ковра из Байе [2]. Общеславянским названием необходимого для метания приспособления было *пракъ* (порок) из первоначального *порк* [3]. Однако первоначально, в XII веке, это слово появляется как обозначение приспособления, при помощи которого метались большие камни при штурмах укрепленных городов.

Рис. 123. Вооружение кочевника из кургана около Берестняги между Росавой и Днепром (по Бобринскому).

Панцырь. С несовершенством вооружения, которым воевали славяне еще в VI и VII веках, было связано и то, что у них в ту эпоху не было как металлических панцырей, так и металлических шлемов, помимо упомянутых выше исключений. Однако в конце языческого периода, в X и XI веках, панцыри были уже широко известны и назывались *бръня*, *броня*. Это слово германского происхождения, производное от древневерхненемецкого

[1] Miracula Sti Demetrii (T o u g a r d, Hist. prof., 175, 179).
[2] J u b i n a l, Tapisseries, табл. 4.
[3] M i k l o s i c h, Etym. Wörterb., 259.

brunja, нем. *Brünne* [1], что свидетельствует о заимствовании славянами этого вида вооружения у германцев, и именно в Каролингскую эпоху, тем более, что имеются прямые свидетельства эпохи Карла Великого, прямые запрещения Карла от 805 года, чтобы немцы не продавали славянам панцыри: ut arma et brunias non ducant ad venundandum (см. выше, стр. 348—349).

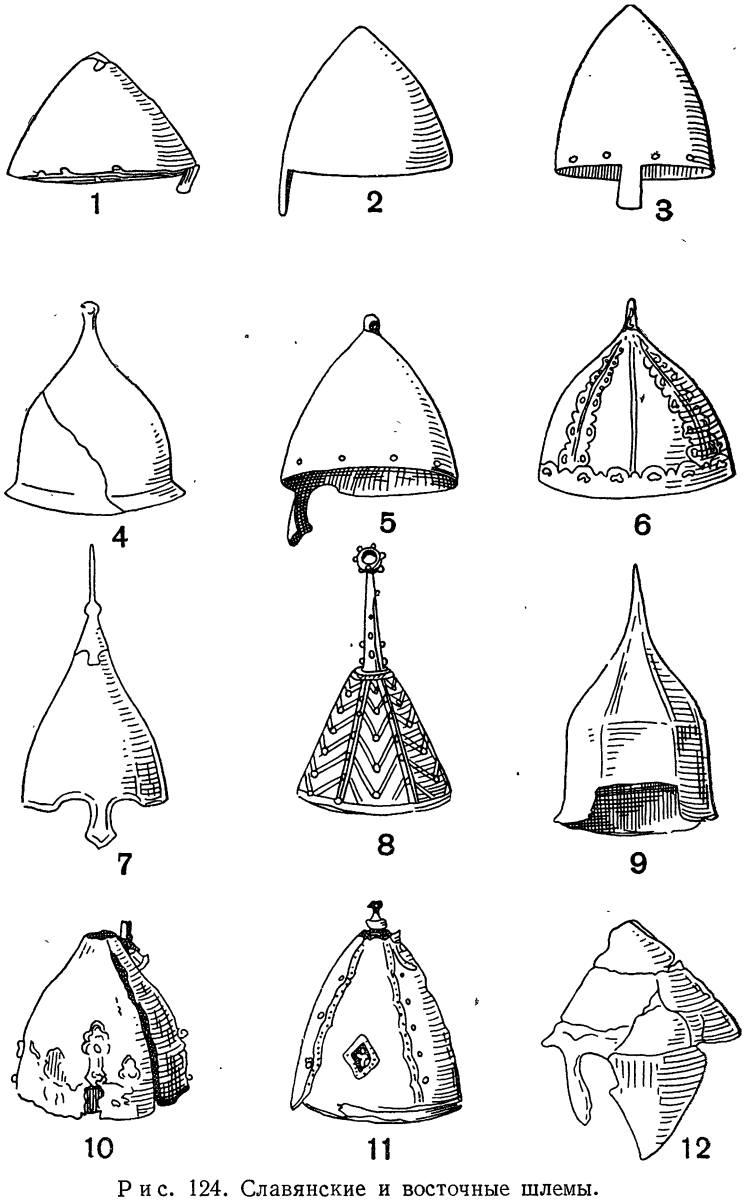

Рис. 124. Славянские и восточные шлемы.

1) Градско; *2)* Моравия; *3)* Оломоуц; *4)* Черная могила; *5)* долина Днепра; *6)* Гнёздово; *7)* Таганча; *8)* Кубанская область; *9)* Берестняги (Ковалы); *10)* Гиш в Познани; *11)* коллекция Ягеллонского университета; *12)* станица Тифлисская на Кубани.

Тут речь идет о панцырях, сплетенных из небольших железных кружков, наподобие длинной рубахи с рукавами и воротником, какие найдены

[1] См. Berneker, Etym. Wörterb., I, 90; Miklosich, Etym. Wörterb., 23. Засвидетельствовано в источниках начиная с X века; в Киевской летописи—впервые в 968 году (броня). Однако нем. *brunja* произошло от галльского *bruinne* — грудь (ир.).

в Германии (целый, например, в Гаммертингене), а также в славянских погребениях ряда районов России [1] и представление о которых наилучшим образом дает нам панцырь св. Вацлава, хранимый в Праге в сокровищнице собора св. Вита [2]. Вацлав был убит братом Болеславом в 929 году.

Однако на основании всего этого еще нельзя утверждать, что этот вид брони германского происхождения. Подобного рода кольчатые лорики имели и римляне (lorica hamata) и галлы в эпоху Римской республики [3]; с начала христианской эры кольчуги известны и на Востоке, и эти восточные панцыри, согласно исследованию В. Розе[4], более сходны с германскими и славянскими, нежели с римской лорикой. Хотя доводы Розе требуют более точного обоснования, чем это сделано автором, и оставляют еще некоторые сомнения, но в целом Розе, по всей вероятности, прав, утверждая, что на создание германских и славянских панцырей наряду с римскими образцами оказал влияние в первую очередь Восток.

Наряду с кольчатыми панцырями к славянам попадали начиная с XII века панцыри и другого вида — пластинчатые. В русской археологии наряду с состоящей из колец *кольчугой* (*кольчуга* от *кольцо*) различаются несколько видов других панцырей (*бахтерец*, *юшман*, *зерцало*, *байдана*, *куяк*). Но к рассмотрению данного вопроса это не относится.

Шлем. Одновременно с панцырем у славян появился и металлический головной убор, для обозначения которого уже с X века славяне употребляли чужеземное название *шлем*, из древнегерманск. *helm*, готск. *hilms* [5]. Это конический шлем с *наносником*, возникший у германцев, вероятнее всего у готов, как подражание остроконечной восточной форме, которую мы можем проследить на Востоке начиная с древнейших времен и вплоть до сарматского и сасанидского вооружения. Образцы славянских шлемов подобного рода известны по ряду археологических находок, сделанных в Чехии, Польше и России [6]; наилучшим из них является шлем из того же клада св. Вацлава в Праге (рис. 125). Судя по орнаменту наносника, этот шлем относится приблизительно к IX—X векам и вышел из скандинавской мастерской [7]. Однако наряду с этими шлемами на Руси уже в XI веке появились шлемы непосредственно восточной формы — продолговатые, заканчивающиеся вверху острым шпилем, украшенным иногда пером или флажком (еловец); с XII века эта форма стала на Руси господствующей. (См. шлем из могилы русского воина в Таганче на рис. 111.) Находки железных масок, которыми снабжались иногда шлемы кочевников (рис. 123), в славянских погребениях не обнаружены.

[1] Например, в курганах у Чернигова, у Гнёздова, у Велебиц около Новгорода, в Таганче (см. рис. 123). Кроме того, в эту эпоху (X—XI века) Ибрагим Ибн-Якуб также засвидетельствовал наличие защищенных панцырями воинов в войске польского Мечислава, Gallus в войске Болеслава (см. выше, стр. 367); легенда о Христиане тоже сообщает о чехах, а Ибн-Русте упоминает о великолепных панцырях у славянских князей (Гаркави, указ. соч., 266).

[2] См. описание в „Památkách arch.“, XIX, 79, затем в „Soupisu památek“, II, Святовитский клад (Прага, 1903), и в статье A. Matějčka, „Žbraň sv. Václava“ в Вестнике Чешской академии наук, 1916, 246 и сл.

[3] См. Hoffiler, Oprema rimskog vojnika, Vjesnik hrv. arch. družstva, 1912, 16.

[4] W. Rose, Röm. germ. Panzerhemden, Zs. f. hist. Waffenkunde, IV, I, и A. Matějčk, I, 259.

[5] Miklosich, Etymolog. Wörterbuch, 338. Встречается в памятниках X века. Но, кроме того, у славян уже в XII веке было славянское название (налобник) *prilbica* и еще позднее — *шишакъ* (Miklosich, I, 340).

[6] См. примеры в „Živ st. Slov.“, III, 573.

[7] См. описание в трудах, указанных выше, в сноске 2. Среди русского материала, конечно, более позднего времени, конца XII — начала XIII века, имеется шлем князя Ярослава Всеволодовича с русской надписью, потерянный им во время бегства с поля боя в 1216 году. См. Н. Кондаков и И. Толстой, Русские древности в памятниках искусства, VI, 86, и Древности Росс. государства, III, 4.

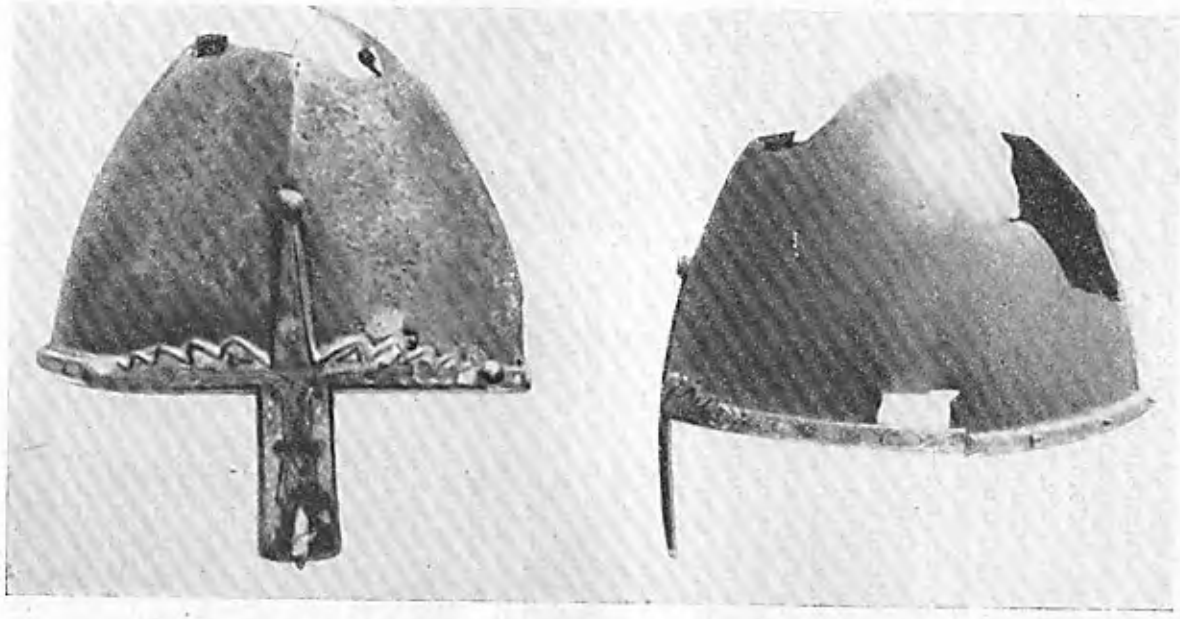

Рис. 125. Шлем св. Вацлава. Вид спереди и сбоку.

Рис. 126. Шлем князя Ярослава Всеволодовича.

Щит. Сначала щит изготовлялся только из крепкой кожи, из прутьев или из досок — к этому виду, вероятно, и применялось вначале славянское название *щитъ*. Под влиянием римских умбонов, большое количество которых встречено по всей Германии в могилах с трупосожжениями II—IV веков, германцы, а после них и славяне стали оковывать край щита металлом, а посередине его помещать умбон. У славян такие щиты появились, вероятнее всего, также в Каролингскую эпоху.

Щиты имели у славян широкое распространение. Они упоминаются уже в древнейшие времена [1], а в X веке известно, например, что у польского князя было наряду с тяжело вооруженной дружиной 13 000 щитоносцев (clipeati) [2]. Изготовление щитов было местным, и уже в XI веке известны деревни, названия которых, например «Щитари», говорят, что здесь делались щиты [3]. Щиты XI и XII веков, изображенные на иконах, имеют, как правило, миндалевидную форму [4] и разукрашены разноцветными полосами, что было обычаем германцев. Король Индржих II угрожал в 1040 году чешским славянам: «я покажу вам, сколько у меня разукрашенных щитов» [5].

Находки умбонов редки [6], и, очевидно, так же редки были и щиты, снабженные ими.

Конское убранство

К снаряжению конницы относится также конское убранство, и поэтому мы остановимся сейчас на нем. Поскольку в некоторых славянских областях коневодство получило значительное развитие, а славянская конница упоминается в описаниях войн с VI века (см. стр. 367), то естественно, что у славян получило развитие конское снаряжение и что они сумели быстро воспринять в этой области все то полезное, что видели у соседних кочевнических племен, которые издавна как бы срослись с конем.

Седло. Что касается древних седел, то о них ничего не известно, в могилах также ничего не было найдено (за исключением незначительных остатков) [7]. Но уже в первых памятниках древнеславянского языка, начиная с X века имеется собственный термин для обозначения этой части снаряжения: *седло* от слова *седети* [8], а с IX века говорится о седле славянских воинов [9], с XII века в русских летописях и былинах встречаются упоминания о золотых седлах, то есть седлах, обитых золотыми пластинками и вышитых золотом, что свидетельствует о стремлении подражать византийским и восточным образцам [10].

Стремя, подвешенное к седлу, является также достижением более

[1] Уже Тацит, Germ., 46, говорит о венедо-славянах, что они применяли щит так же, как и германцы, затем на щит у славян в VI веке указывает Прокопий, III, 14; кроме того, см. Maurik., XI, 5, и Leon, XVIII.

[2] Gallus (Mon. Pol. Hist., I, 404).

[3] Friedrich, Codex Boh., I, 375.

[4] См., например, фрески в зноемской часовне (Matějček, Jahrbuch Kunsthist. Inst., 1916, Taf. 3—5) и печати XII века (Zibrt, Dejiny kroje, 66, 121). Один щит X века, остатки которого найдены в Гнёздове (норманнский?), покрыт красной краской, но имеет круглую форму, которая была древней германской формой (Lindenschmit, Handbuch, 240).

[5] Kosmas, II, 8 под 1040 годом (Fontes rer. boh., II, 80).

[6] В России в погребении у Гнёздова и в окрестностях Великого Новгорода и Петрограда, кроме того, в Литве и в Венгрии около Хоргоша [стол. Csongrád] (славянское?).

[7] В одной из могил у Чернигова (Д. Самоквасов, Могилы русской земли, 194). Несколько больше было найдено в могилах кочевников, например около Россавы (ibid., 223 и сл.).

[8] (В Man. II, 294 указано, что оттуда произошло также немецкое Sattel), Miklosich, Etym. Wörterbuch, 289; Срезневский, Материалы... III, 323.

[9] Лаврентьевская летопись под 964 годом, Annales Fuld., 871; Ibrâhîm (ed. Westberg), 53. Прежде всего Прага в X веке была известна производством седел и удил.

[10] В „Слове о полку Игореве“ и в других источниках (Срезневский, Материалы ... I. с.).

позднего времени; до IX века оно не встречается ни среди находок, нет упоминаний о нем и в письменных сообщениях. Однако в соседней Германии стремя было известно уже в Меровингскую эпоху и еще шире в Каролингскую, когда его дуга приобретает характерную коническую форму, а подножка располагается под острым углом к дуге (рис. 128, *C*, *D*).

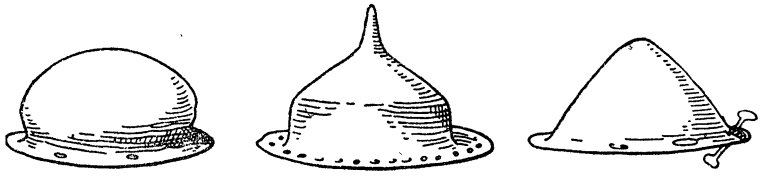

Рис. 127. Железные умбоны из славянских погребений (Гнёздово; петербургские и приладожские курганы).

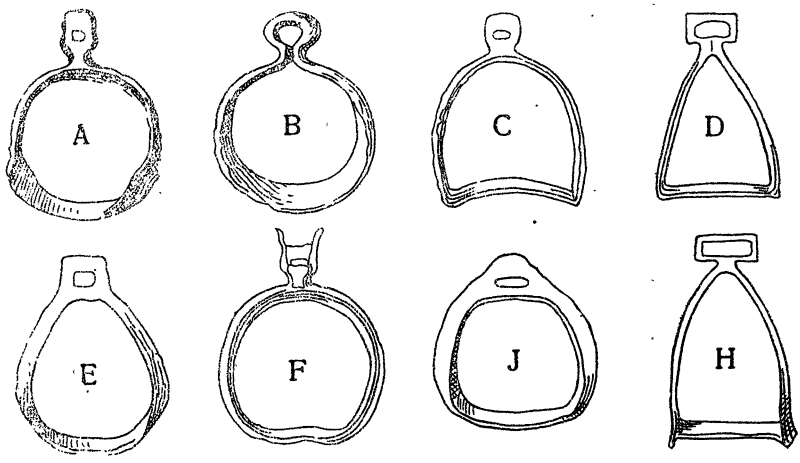

Рис. 128. Восточные и славянские стремена.
A) Сент Ендре, *B)* Касса, *C)* Жирак, *D)* М. Добра, *E)* Чорна, *F)* Перещепино, *J)* Драчи, *H)* Упланд (стремя викинга).

Гораздо более распространенными были стремена иной формы, заимствованной у кочевых народов (от аваров до половцев), соседних славянам на юге и на востоке. Их стремена имеют круглую или грушевидную форму и снабжены вверху либо специальной петлей, либо отверстием в верхней части дуги (рис. 128, *A*, *C*, *E*, *J*).

Легко предположить, что форма стремени у славян сложилась под влиянием обоих соседей. И в самом деле, начиная с X века в западных славянских областях мы видим стремена каролингского типа, а в восточных областях и в Венгрии — стремена кочевнического типа, так что они потеряли здесь значение специфического признака народности [1]. Стремена также богато украшались, а в «Слове о полку Игореве» упоминаются даже золотые стремена [2]. Древним общеславянским названием было *стрьмень* [3].

Шпоры. Гораздо более распространены среди славянских находок шпоры. Пути развития их различны начиная с конца латенской эпохи, когда они впервые встречаются в Центральной Европе [4]. Славянские шпоры берут свое начало от полудужных римских шпор, в славянских погребе-

[1] См. документы в „Živ. star. Slov.“, III, 591.

[2] К вопросу об истории стремени вообще см. Schlieben, Gesch. des Steigbügels (Nassauer Annalen, 1892) и R. Forrer, P. Zschille, Der Steigbügel, Berlin, 1896.

[3] Miklosich, Etym. Wörterbuch, 325.

[4] R. Forrer, P. Zschille, Der Sporn in seiner Formenentwickelung, Berlin, 1899; M. Jahn, Der Reitersporn, Würzburg, 1921. См. также статью Л. Нидерле в „Pam. arch.“, 1915, 196.

ниях шпоры появляются начиная с VIII века, например в погребении у Гогенберга в Штирии; наиболее интересные экземпляры найдены в хорватских погребениях, открытых недалеко от Бискупина, Врлики и Скрадина в Далмации. Они имеют большую параболическую дугу с крупным шипом. По

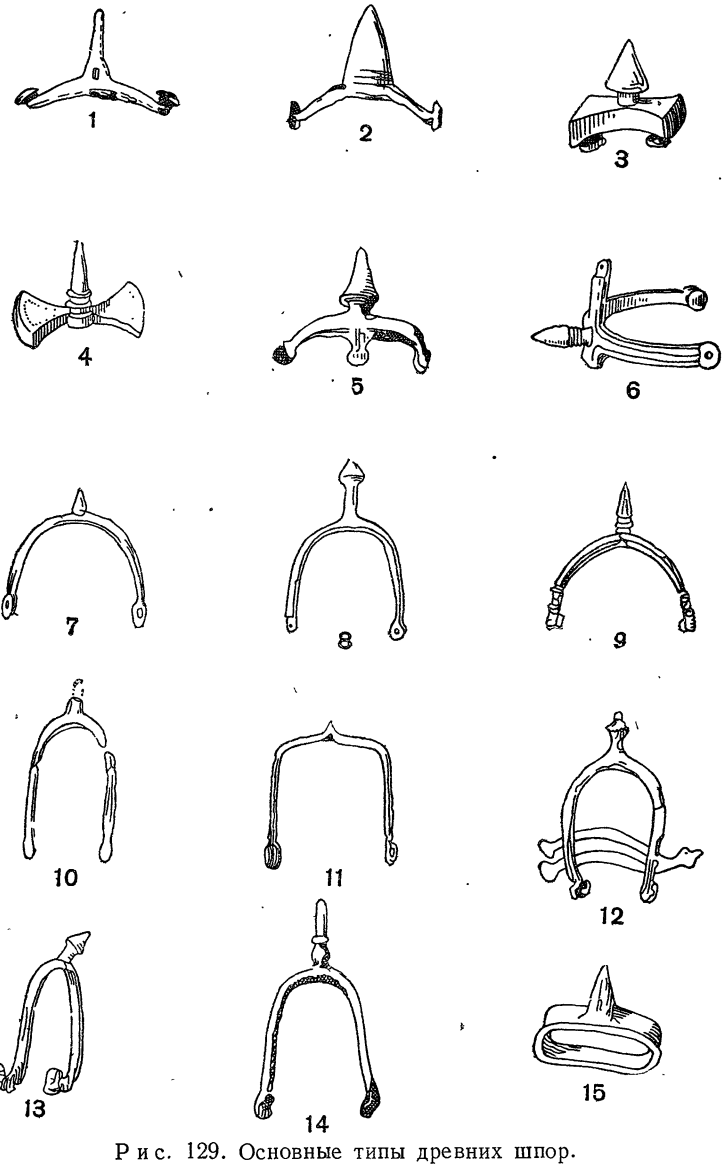

Рис. 129. Основные типы древних шпор.

1—9: латенская и римская эпохи. *1)* Страдонницы. *2)* Чешский Брод, *3, 5)* Добржихов-Тшебицка. *4)* Злив. *6)* Райхерсдорф. *7)* Могуч. *8)* Саальбург. *9)* Керско. *10)* Гогенберг. *11)* Пересопница. *12)* Старый Рупин (Alt-Rupin). *13)* Мартыновка. *14)* Вариводы около Скрадина. *15)* Гнёздово. *6—14)* уменьшены значительно больше, чем остальные.

своей форме они полностью совпадают с одновременными им каролингскими шпорами, от которых, я полагаю, и произошли славянские, хотя для их обозначения у славян существовал опять-таки свой специальный термин — *острога* [1]. Славяне не могли заимствовать шпоры у соседних кочевников,

[1] Miklosich, Et. Wörterb., 227. Термин общеславянский, но древние письменные доказательства мне не известны. Наряду с этим в древнеболгарском языке мы встречаем *pętno*.

потому что ни у мадьяр, ни у аваров шпор не было; в древних кочевнических погребениях нет также и русских шпор. Интересные экземпляры славянских шпор известны как из вышеуказанных далматских погребений, так и из погребений близ Колина в Чехии. Они украшены зернью и позолочены.

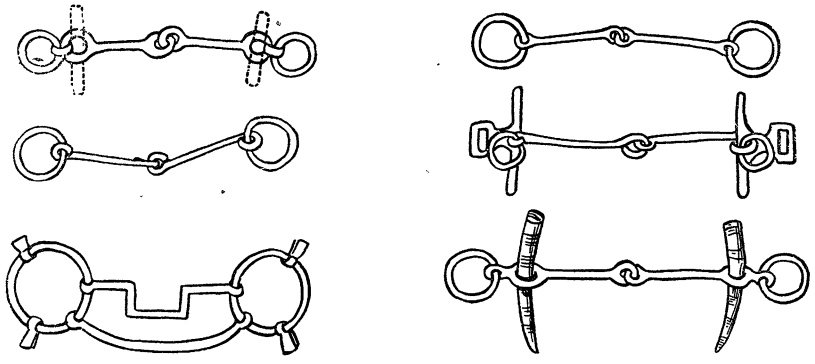

Рис. 130. Удила из славянских и венгерских погребений. В левом ряду сверху вниз: Гнёздово, Пилин, М. Флисс; в правом ряду: Мощино, Каррас, Цико.

Носили ли славяне шпоры на одной или обеих ногах, определить пока еще нельзя. Если и были случаи находок обеих шпор, то условия этих находок не ясны. В хорватских погребениях, правда, обычно шпор бывало две.

Узда и удила. И первые, и вторые представляют собой очень древнее приспособление для управления лошадью, известное в Центральной Европе уже с неолитической эпохи [1]. О древнейшей узде праславян мы ничего не знаем. Первые достоверные доказательства мы встречаем опять-таки только в погребениях конца языческого периода, а в первых письменных памятниках уже известен термин *узда*, наряду с которым Асбот предполагает специально для удил еще и термин *zobalo* [2]. В этот период мы различаем два вида удил, оба они существовали еще в эпоху римской цивилизации, а также встречаются в погребениях восточных кочевников: 1) простой вид, состоящий из двух сочлененных друг с другом частей, с кольцами на концах для продевания ремня; 2) вид, снабженный двумя неподвижными или подвижными псалиями, которые предотвращали выскальзывание удил изо рта лошади; 3) вид с неподвижным мундштуком очень редок.

Рис. 131. Изображение восточного воина с остроконечным шлемом и панцырем. Серебряное блюдо из Березова (по Смирнову).

В славянских погребениях встречается, как правило, первый вид; соседние погребения венгерских всадников также обычно сопровождаются этой формой, в то время как другая является более редкой, хотя у древних кочевнических народов, например скифов и сарматов, именно она была обычной и очень нарядной [3]. К славянам проникла и эта форма, но в находках она встречается реже. Следовали ли славяне в формах своей узды римско-германским или восточным образцам, я сказать пока не могу. Соответствующие

[1] По вопросу об истории узды см. R. Forrer, P. Zschille, Die Pferdetrense in ihrer Formenentwickelung, Berlin, 1893. Остальную литературу см. в „Živ. st. Slov.", III, 599.

[2] Срезневский, I. c., III, 1169 (в летописи конь с уздою упоминается впервые под 968 годом); Asbóth, Archiv für slaw. Phil., XXV, 569.

[3] Minns, Scythians, 75; Ханенко, Древности, II, табл. 14 и сл.; 40 и сл.; 48 и сл.

термины, однако, славянского происхождения; кроме того, в X веке славяне изготовляли узду сами, о чем свидетельствует Ибрагим [1]. Простой крестьянин управлял, конечно, лошадью и просто с помощью вожжей, вложенных в рот лошади [2].

Подкова. Что касается подковы, то тут я скажу кратко, что к славянам проникли ее римские образцы через посредничество германцев, у которых существование подковы твердо доказано ныне, например, раскопками в Заальбурге на германском лимесе [3]. В славянских погребениях подковы встречаются очень редко, а в культурных слоях древних славянских городищ X и XI веков чаще. *Подкова* [4] — древнее славянское название.

Рис. 132. Вид городища Лштени (фото М. Хайкова, Археологический институт Чехословацкой Академии наук).

Оборонительные сооружения

Среди укреплений наиболее известными у славян являются древние постоянные укрепления, так называемые *городища*. Употреблялись и другие виды фортификаций, например временно вырытые рвы, чтобы остановить войско противника [5], или *засеки* на путях, ведущих через пограничные леса, где население, живущее в окрестности, было обязано первым задерживать неприятеля. Упоминаются также валы, засеки и частоколы на границах государства [6] или системы длинных валов, которые защищали

[1] Ibrâhîm (ed. Westberg), 53.

[2] „Vita Sti Adalberti" auct. Canapario, 8.

[3] Jacobi, Saalburg, I, 522.

[4] Miklosich, Et. Wörterb., 153; Bernecker, Etym. Wörterb., I, 593.

[5] „Стояше Володимеръ обрывая на Дорогожичи... и есть ровъ и до сего дне", — говорит Киевский летописец под 980 годом (Лаврентьевская летопись, 76).

[6] Таковыми были, вероятно, limes sorabicus и limes saxonicus, которые Карл Великий в 805 и 808 годах приказал соорудить на германо-славянской границе (см. „Rukověť slov. star.", III, 103), также были ограждены болгарская и хазарская империи (Гаркави, указ. соч., 126; см. Rosteh, Marquart, Streifzüge, 28). См. Златарский, Ист. на българ. дър., I, 152.

южные русские земли от набегов печенегов и половцев [1]. Но ни одно из этих упоминаний не указывает значения городищ, которых очень много и из которых несколько исследовано настолько полно, что мы можем создать довольно ясное представление об их назначении, конструкции и времени сооружения, а также о жизни населения этих городищ.

Укрепленные места, называемые в славянской археологии и истории *городищами*, древнеславянск. *градиште* от *градъ*, праславянск. *гордъ*[2], рассеяны по всем славянским землям в таком множестве, что они исчисляются тысячами; они являются, таким образом, одним из важнейших памятников славянских древностей. Число их точно не установлено даже в небольших, в целом хорошо исследованных областях, и поучительно, что в одной только Чехии в 1895 году их было насчитано 463, в Познаньском крае в последнее время — 225. Они, конечно, возникли в разное время. Некоторые городища по своему происхождению относятся даже к неолитической эпохе, другие — к исторической эпохе, и хотя время их возникновения установлено лишь для части, все же несомненно, что бо́льшая их часть относится к началу славянской истории, главным образом к VII и XI векам. Что же касается меня, то я не сомневаюсь в том, что поводом к их сооружению послужили:

1) окончательный переход славян от полукочевого образа жизни к прочной оседлости, что относится к тому же периоду[3];

2) вражеские нашествия, которым подвергались славяне после их прихода на свои исторические места поселения, прежде всего нашествия аваров в VII и VIII веках и германцев в последующие столетия.

О назначении этих сооружений некогда много спорили, что было вызвано теорией поляка З. Д. Ходаковского, который считал, что они все являются культовыми центрами[4], расположенными на определенном расстоянии друг от друга во всех славянских землях. В России также было много споров о первоначальном значении городищ и их отношении к началам административного и политического деления русского государства; споры эти были вызваны сочинением Дм. Самоквасова[5], который рассматривал их как первые русские города. В настоящее время известно, что этот вопрос нельзя решать односторонне. Каждое городище имело свою цель и значение. В основе были повсюду интересы обороны, но в одном случае укреплялось бо́льшое постоянное поселение, в котором был княжеский дворец, храмы и торги[6], в другом — это был поселок второстепенного значения. В одном месте городище являлось местом жительства охраны у пограничных путей, в другом — временным убежищем в лесах, где во время

[1] См. грамоту епископа Брунона к Индржиху II (Bielowski, Mon. Polon. Hist., I, 225) и Лаврентьевскую летопись, 212, под 1093 годом. Сюда относится целый ряд длинных валов в южной России, Галиции, Добрудже, Силезии, в частности так называемые валы в окрестностях Киева и Сквиры по направлению к Днестру.

[2] Berneker, Etym. Wörterbuch, I, 230. Засвидетельствовано в самой древней части Киевской летописи (Лаврентьевская летопись, 9).

[3] См. выше, стр. 308—309, и „Živ. st. Slov.", III, 20.

[4] Z. Dolęga Chodakowski, O Słowiańszczyznie przed chrześcianstwiem (Krakow, 1835) и позднее K. Szulc, Budowle i usypaliska Słowian pogańskich (Poznań, 1863). Дальнейшие литературные подробности см. в „Živ. st. Slov.", III, 610.

[5] См. сочинение „Древние города России", Киев, 1873, и более позднее — „Северянская земля и северяне по городищам и могилам" (Москва, 1908), I, 46.

[6] Из таких важных центров возникли исторические укрепленные города, целый ряд их известен начальной славянской истории. Среди них в качестве известного городища в исторических сообщениях упоминается *Девин* на месте слияния Моравы с Дунаем около современной Братиславы (сообщения 855, 864 годов), с которым связан также вопрос моравского *Велеграда* (см. об этом в „Živ. st. Slov.", III, 615), затем *Вилиград* в Мекленбурге, упомянутый Ибрагимом (ed. Westberg, 15, 155), *Ретра* в земле ратаров [Dětmar, VI, 23 (17); Adam, II, 18] и *Белгород*, построенный Владимиром в 991 году приблизительно в десяти верстах от Киева у современной Белгородки (Лаврентьевская летопись, 119) и др. О Ретре и Белгороде см. ниже.

опасности собиралось население всей окрестности [1]. Все такие городища служили прежде всего для военных целей, но могли быть одновременно также местом сходок и больших культовых празднеств; более того, не исключено, что и сами святилища были окружены оборонительными сооружениями (например, Ретра в земле ратаров).

Специальное назначение городища выясняется только после надлежащего археологического исследования, а время его существования определяется анализом инвентаря культурных слоев валов и внутренней площади городища, в особенности если там имеются остатки жилищ. Такие работы были выполнены, однако, лишь на немногих пунктах [2], так как исследование городищ является очень трудоемким и дорогостоящим делом; тем не менее имеется достаточное количество исследований, дающих определенное представление об общем плане, конструкции и прочих деталях городища.

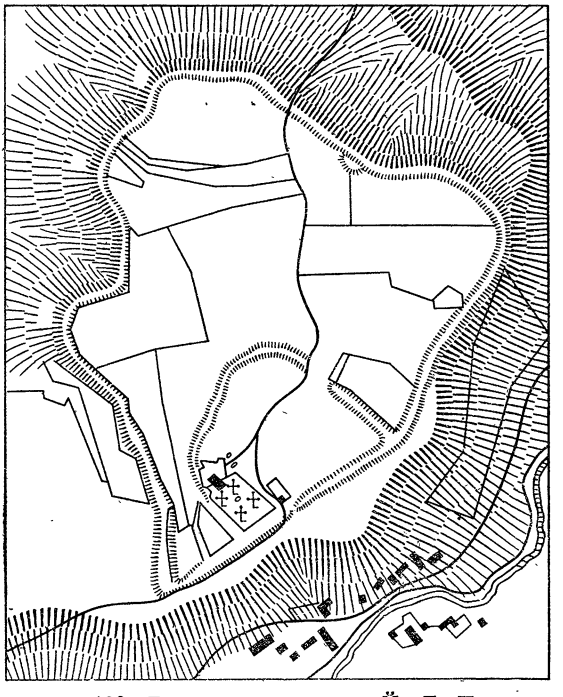

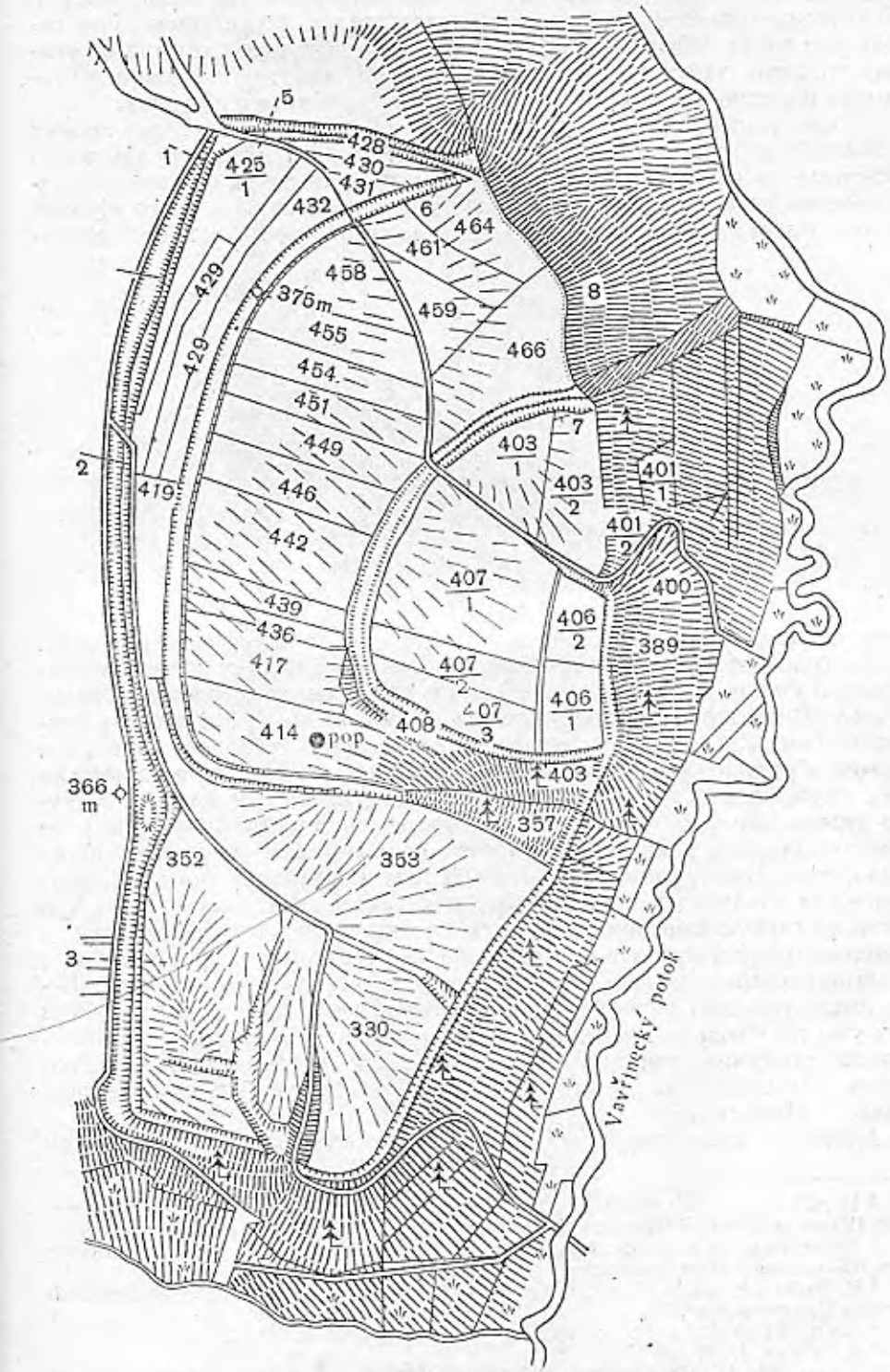
Рис. 133. Городище Будеч (по Й. Л. Пичу).

План городища определялся, как правило, местностью. Городище основывалось в разных местах в зависимости от местности: в лесах, на возвышенностях и на мысах, которые в зависимости от своей формы либо со всех сторон окружались простым или двойным валом, либо только там, где доступ был легким, тогда как на крутых склонах валы не были нужны. В результате создания двух или трех линий валов впоследствии возникали под самым высоким собственно градом подграды и предграды [3]. Там, где возвышенности не было, городища строили в низменностях, где была наилучшая возможность создавать правильные планы (круговые, эллипсоидные,

[1] См., что пишет о сооружении городищ Гардизи (ed. Bartold, 123) и о их цели — Гельмольд, II, 13 (см. также I, 62).

[2] Литература о славянских городищах обширна, но обобщающего исследования о них нет; имеются лишь работы по отдельным небольшим областям. См. перечень литературы в „Živ. st. Slov.“, III, 614.

[3] Древними русскими терминами для внутреннего града являются *дѣнешьний городъ* или *дѣтиньцъ*, для внешнего — *окольный город* (Срезневский, Материалы... I, с. I, 556), или также *пригородъ* (там же, II, 1396).

Р и с. 134. Городище около Грызел в Чехии (по Й. Л. Пичу).

квадратные и т. д.). В этом случае излюбленными были места у воды, где городище могло быть заложено так, чтобы воды реки или озера омывали его кругом, и где связь с материком осуществлялась посредством узкой насыпи или моста. Ибрагим Ибн-Якуб в X веке описывает их как тип славянских городищ, характерный для северной Германии [1], но подобные же городища известны и в других местах, например в Чехии и Моравии.

Конструкция валов вокруг небольших городков или у простых лесных убежищ была несложной. Вал (славянск. *насъпъ*, или *насъпа*, *присъпа* [2]) насыпался из глины и камней, выбранных из земли перед ним так, что одновременно перед валом образовывался ров; в гребень вала густо вбивали остроконечные колья, которые образовывали оборонительный тын (*острогъ*).

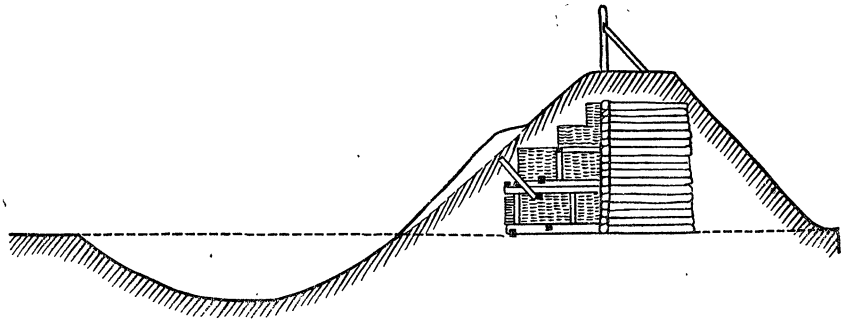

Рис. 135. Устройство вала в Белгородке.

Более важные города, в частности столичные, княжеские города, имели, однако, более совершенную конструкцию укреплений. О них в последние годы мы много узнали благодаря раскопанному К. Шухардтом городищу, называемому «Römerschanze», около Потсдама и раскопкам В. В. Хвойко в Белгородке близ Киева [3]. Часто встречается каменный фундамент валов, но, конечно, камни положены друг на друга без известки. Подлинная каменная стена из обтесанных камней или из камней, скрепленных известкой, славянам первоначально не была известна; они познакомились с ней только по римским образцам и называли ее просто *opus romanus*. На юге это произошло, естественно, раньше. Уже в 820 году хорватский князь Людевит выписывал из Аквилеи каменщиков для строительства своего города [4], в Чехии же первую каменную стену opere romano вокруг княжеского града в Болеславе отметил хронист Козьма Пражский приблизительно в 932 году [5], а большие северные города XI и XII веков, такие, как Аркона, Ретра, Щетин, имели, согласно сообщениям того времени, деревянные стены и башни, хотя уже там были также каменные постройки, по всей видимости, опять-таки без известки — paganico more muratae, как говорит Эббон [6]. На Руси первая каменная стена засвидетельствована в 1044 году вокруг детинца Великого Новгорода [7].

Наряду с каменным фундаментом важную роль играла деревянная

[1] Ibrâhîm (ed. Westberg), 52. Подобными городищами были на севере Любица, Плун, Щетин и Ретра, в Чехии хорошо исследована Либица, в Венгрии — Моосбург.

[2] Лаврентьевская летопись под 988 годом. Общеслав. *вал* заимствовано из кельтского языка (Шахматов) или из германского (Фасмер).

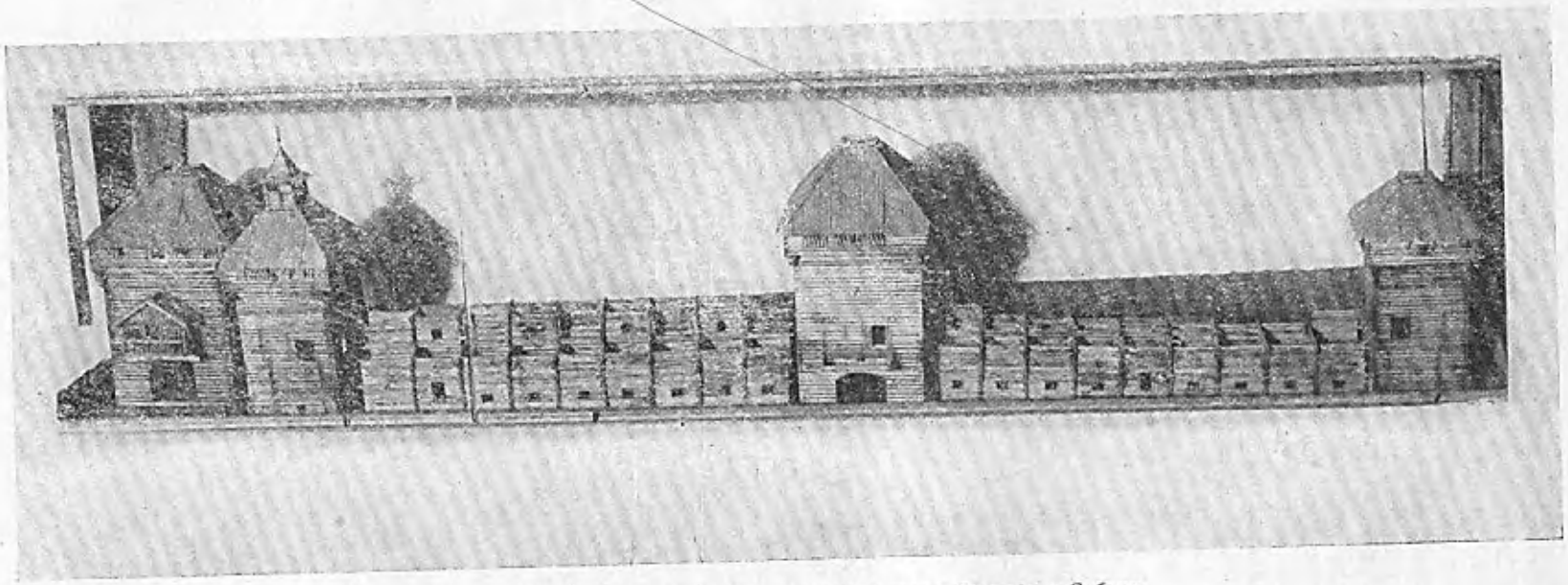
[3] K. Schuchhardt, Praeh. Zeitschrift, I, 209; В. В. Хвойко, „Древние обитатели среднего Приднепровья", 76.

[4] Ann. Einhardi, 820, 821.

[5] Kosmas, I, 19.

[6] Ebbo, III, 15. Современник Герборд говорит об известном Руяне: „urbes ibi et castra sine muro et turribus ligno tantum et fossatis muratae" (III, 30).

[7] III. Новгородская летопись (Полное собрание русских летописей, III, 211).

Р и с. 136. Вид сохранившейся городской стены Якутска в Сибири.

внутренняя конструкция валов. Вал в Потсдаме, исследованный Шухардтом, показал, что первоначально была сооружена стена из бревен в виде сруба, которая была заполнена глиной, и ее передняя сторона выступала до высоты 6 метров; с западной стороны была площадка для обороняющихся. После сожжения все это было завалено, естественно, глиной. Как показали раскопки Хвойко, вал в Белгородке имел подобную же конструкцию (рис. 135), но еще несколько более сложную и мощную, выполненную частично из кирпичей. Первоначально полная высота вала вместе с палисадами достигала там более 12 метров [1].

Валы усиливались еще деревянными башнями, которые возвышались главным образом над воротами и о которых имеется ряд письменных данных [2]. Когда город захватывался неприятелем, то вся эта деревянная конструкция палисадов и башен, естественно, подвергалась сожжению, и валы часто хранят и поныне следы большого связанного с этим пожара. Никаких специально обожженных валов, каковыми являются западноевропейские «camps vitrifies», «verglaste Burgen», у славян нет. У них всегда речь идет лишь о следах пожарищ.

Какой была конструкция деревянных укреплений такого города, можно судить по примерам русских городов еще XVII века [3], а также сибирский город Якутск до настоящего времени сохранил образец этих древних укреплений (рис. 136). Ворота, через которые входили в городище, имели иногда перед собой также специальные оборонительные бастионы и были различны по размеру и конструкции; небольшие простые воротца и большая бревенчатая башня были сконструированы так, чтобы противник, подошедший к ним, мог быть атакован с трех сторон. Такие ворота шириной в 3,5 метра были открыты Шухардтом близ Потсдама; на городище близ Фельдберга, которое предположительно связывается с древней Ретрой, главные ворота образовали даже нечто вроде больших пропилей с лестницей, подобных пропилеям Афинского акрополя [4]. Тяжелые стволы ворот запирались засовом [5]. Число ворот было различным, обычно 1—3, но о Ретре Адам сообщает (II, *18*), что она имела даже девять ворот, что следует понимать как общее число всех ворот крепости и предградья.

На самой высокой площадке городища ставился крепкий деревянный сруб или, если оно было княжеской резиденцией, княжеский дворец. Но о конструкции и плане этих срубов и дворцов нам известно очень мало. То, что вообще можно сообщить о них на основании археологических раскопок, я сказал уже выше, в главе V на стр. 258. Обычно внутри валов находят лишь остатки простых хижин или остатки строений неизвестного назначения.

[1] Schuchhardt, I. c.; Хвойко, 1. c.

[2] Saxo (ed. Holder), 444, 564, 569—570, 599, 671.

[3] См. образцы в труде A. Olearius, Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung (Schleswig, 1661). Н. В. Султанов, Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири, см. в „Изв. арх. комм.", СПБ, 1907, в. 24.

[4] Schuchhardt, Rethra auf dem Schlossberge bei Feldberg (Sitzungsber. Berl. akademie, XXIII, 1923, 215).

[5] Helmold, I., 56.

Глава XII

ИСКУССТВО, ПИСЬМО И ДРУГИЕ ЗНАНИЯ

Архитектура и живопись

Хотя то, что нам известно о славянах языческого периода, ни в коей мере не свидетельствует о высокой ступени развития их художественного творчества, мы не можем все же полностью отрицать наличия у славян художественных устремлений и творчества в такой мере, как это охотно делают немецкие археологи.

Еще до того, как к славянам вместе с христианством проникли новые веяния и элементы позднеклассического, византийского и германского искусства, у них были области, где в результате связей с чужеземными странами древний примитивизм поднимался до художественного уровня. Русские славяне в X веке и поморско-полабские в XI и XII веках еще при полном господстве язычества создавали произведения, которые свидетельствуют о стремлении к художественной форме и красочности. Мы видим развитую церковную и дворцовую архитектуру, видим обильное применение резьбы и живописи для украшения здания снаружи и внутри, видим многочисленные произведения скульптуры, видим начало художественной металлургической индустрии. Несомненно также то, что и в домашнем производстве художественные устремления были определенно выражены в украшениях мебели, тканей и одежды. Древность и непосредственность моравско-словацких вышивок свидетельствуют о многовековой традиции, и их можно было бы возводить вплоть до языческих эпох, даже если бы о них не было прямых данных того времени[1].

Однако верно и то, что пока нет доказательств существования своеобразного местного славянского искусства до появления чужеземных влияний. Нет доказательств существования и мелкой промышленности. Но нам неизвестны, во-первых, славянские находки до V века н. э., или, вернее сказать, мы не знаем точно, что следует относить к славянам, не знаем, например, имеем ли мы право считать славянскими погребения с трупосожжением, сопровождаемые изделиями римской индустрии I—IV веков, или волынские погребения со скифо-сарматскими вещами дохристианской эпохи, мы не знаем также, не являются ли все же отдельные варварские художественные изделия, найденные в этих погребениях, произведениями славянских мастеров. Во-вторых, как только началось художественное воздействие на славян Византии, Востока и Германии, мы видим столь быстрое восприятие его сначала в имитациях, а позднее в самостоятельном творчестве, что народу, способному на это, нельзя отказать в художественных качествах и стремлениях и в более древнюю эпоху.

Рамки настоящей книги не позволяют, конечно, проследить это быстрое художественное развитие славянства на западе и востоке, так как в этом труде рассматриваются события чисто исторического периода. Я хочу коснуться здесь лишь корней и начального этапа этого развития, поскольку они относятся именно ко времени перехода древней языческой культуры в новую, христианскую культуру и в новое, христианское искусство.

[1] См. выше, стр. 237—238.

О древней славянской архитектуре нам известно очень мало. Я описывал подробно в главе V этой книги, как выглядел дом славянина, что известно о княжеских дворцах X и XI веков, затем в главе VI — как выглядели в тот же период языческие святилища, а также русские и поморские храмы. Если мы сейчас снова рассмотрим приведенный там материал с художественной точки зрения, то, бесспорно, увидим, что славяне строили в те времена архитектурные сооружения, отличавшиеся от простого типа сельского дома, который мог построить для себя каждый хозяин сам вместе со своей семьей и челядью. При сооружении храма или княжеского дворца в Щетине, Киеве, Ретре или Арконе проявились, несомненно, специальные навыки и выучка плотников и каменщиков, а также художников и резчиков по дереву, проявились там, несомненно, и более высокие познания в области архитектоники, например в сооружении многоэтажной башни (*терема*) киевского дворца X века [1], нижняя часть которой была каменной, а верхние этажи — из дерева и кирпича, или в сооружении огромных центральных дворцовых сеней, называемых *гридьница* [2], где князь пировал со своей дружиною и которые были красиво отделаны, с потолками на столбах, или в сооружении всевозможных переходов и галерей, которыми, по всей видимости, уже тогда были соединены отдельные части княжеского двора. Также щетинские дворцы с большими пиршественными и парадными комнатами, называемыми в источниках *stupa*, *pirale* [3], являлись, вероятно, сложнейшими архитектурными творениями, и еще в большей степени таковыми были полабские и поморские храмы, в которых мы встречаем в XI и XII веках ряд художественных элементов [4]. Эти храмы, даже построенные из бревен, имели вокруг себя галереи (например, в Арконе) и переднюю. Собственно святыня внутри дома, который был, повидимому, простой конструкции, находилась на столбах с подвешенными портьерами (Аркона, Кореница), а все большие поверхности — как снаружи, так и внутри — были покрыты, насколько хватало места, пестрыми рисунками и резьбой, в некоторых местах более грубой работы, в других же — более тонкой. Саксон Грамматик называет украшения арконского храма [5] «Opus elegantissimum». К этим плоскостным украшениям присоединялись местами и скульптурные, на что, несомненно, рассчитывал строитель при отделке храма снаружи и внутри. Так, например, храм в Ретре был украшен внутри рядом статуй, как и храм Триглава в Щетине [6]. Об украшении стен дорогими тканями и пестрыми знаменами много говорить не приходится [7]. Они усиливали повсюду впечатление богатства и красоты, с помощью которых внутренний и внешний вид храма должен был воздействовать на тех, кто с ужасом и покорностью приходил поклониться богу и испросить у него совета или помощи.

Храмы в Гоцкове были также «fana magni decoris et miri artificii», а в Коренице «fanorum aedificia ingenuae artis nitore visenda»[8]. Красиво построена была одна контина (см. стр. 258) в Щетине и украшена так же, как храм Триглава [9]. Наконец, даже небольшие дома имели в тот период архитектурное членение. Древним архитектурным приемом были крыша на столбах и сени в виде возвышенной галереи, о которых упоминается в Киевской летописи

[1] Лаврентьевская летопись под 945 и 980 годами. См. выше, стр. 258.
[2] См. о них выше, стр. 258.
[3] Herbord, II, 24. См. выше, стр. 258.
[4] См. о них выше, стр. 258 и сл.
[5] Saxo (ed. Holder), 564. См. текст в „Živ. st. Slov.“, II, 289.
[6] Thietmar, VI, 23; Herbord, II, 32.
[7] См. примеры в „Živ. st. Slov.“, II, 193 и сл.
[8] Ebbo, III, 9; Saxo (ed. Holder), 577.
[9] Herbord, II, 32 (mirabili cultu et artificio constructa fuit). О контине см. выше, стр. 258.

уже начиная с X века [1]. Всё это приемы, с помощью которых можно было и простой дом сделать более красивым.

Р и с. 137. Тюрко-татарские каменные бабы.
1, 2 и *5*) Семиречье, *3*) Туркестан, *4*) Кобдо, *6*) Строжево, Кавказ, *7*) Верный, *8*) Бахмут, *9*) граница бывш. Херсонской и Екатеринославской губерний.

Сообщений о славянских художественных постройках в других местах нет. Правда, в болгарской Абобе недалеко от Шумны был найден царский дворец превосходной архитектуры IX и X веков, но это не славянская работа,

[1] См. „Živ. st. Slov.“, I, 716, 725.

а византийская и восточная. Проф. Б. Филов усматривает в нем даже прямые отзвуки сасанидской архитектуры[1].

Приведенные выше сообщения, как бы они ни были малы, свидетельствуют все же о том, что славянские строители имели высокие стремления к членению, импозантности и эффектной отделке. Нужно, однако, добавить, что в отдельных строительных деталях они подражали чужеземным образцам, и весьма возможно, что внутренние и внешние украшения создавались по иноземным образцам. У нас есть, по крайней мере, сообщения о том, что славянские князья в IX и X веках приглашали сначала строителей и художников из других стран как для строительства княжеских дворцов и храмов, так и для их украшения[2], и несомненно, что создаваемое этими чужеземными мастерами стало образцом для местных ремесленников. Впрочем, славянские мастера видели такие образцы на своей земле до IX века, так как еще в VII веке византийские строители построили в южной Венгрии дворец для аварского хакана[3].

Тем не менее я не хотел бы выводить все художественные достижения славян этого периода лишь из чужеземных образцов. Этому нет доказательств, но нет также доказательств и существования местного славянского стиля в живописи и архитектуре. Миниатюры первых веков христианства, которые лучше всего могли бы показать, отражена ли в них какая-либо древняя традиция славянского искусства, до сих пор не проанализированы с этой стороны.

Что же касается живописи, то я обратил бы внимание на то, что в древнеславянском языке были свои термины для всех основных цветов: *синъ*, *модръ*, *чрьвленъ*, *белъ*, *бронъ*, *чрънъ*, *жлътъ*, *зеленъ*[4]. Вообще же мне кажется, что у славян уже с древних времен было собственное представление о многокрасочности и гармонии красок с основной краской — белой и дополняющей ее в зеленой природе — красной. Оно сохраняется на протяжении всей исторической эпохи.

Скульптура

Больше чем об архитектуре и живописи, мы знаем о скульптуре, так как нам известны несколько памятников, хотя и немногочисленных, которые с большей долей вероятия можно отнести к славянской скульптуре языческого периода. Кроме того, имеются исторические известия о значительном развитии скульптуры у славян. Наряду со множеством мелких фигурок пенатов, сделанных из дерева и глины, которыми, по словам Гельмольда, изобиловали города полабских и балтийских славян[5], большинство крупных языческих храмов, как например в Ретре, Арконе и Щетине, Гоцкове, Коренице, Волине, Бранденбурге[6], имели свои статуи богов, вытесанные из дерева с металлической аппликацией, которые производили на верующих сильное впечатление. Каменные статуи упоминаются редко, и то лишь на Руси[7].

[1] См. Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска (Известия Русского археолог. института в Константинополе, София, 1905, X). Точка зрения профессора Филова мне известна лишь из статьи в журнале „La Bulgarie“, 6 декабря 1923 г.

[2] Так, хорватский князь Людевит вызвал в 820 году каменщиков из Града, в 850 году паннонский князь Прибина вызвал каменщиков из Зальцбурга, чешский князь Вацлав в начале X века — из Ржезна или Зальцбурга, а в 989 году Владимир вызвал каменщиков из Царьграда (Annales Einhardi, 820, 821; Conversio Bag. et Carant. 11; Legenda Oportet (ed. Pekař), 403; Лаврентьевская летопись, 119).

[3] Ioan. Ephes. (ed. Shönfeld.), 254.

[4] См. соответствующие слова в словарях Миклошича, Бернекера и Срезневского.

[5] Helmold, I, 52 („ydola quibus agri et oppida redundabant“).

[6] См., что говорит Титмар, VI, 25 (18): „Quot regiones sunt in his partibus tot templa habentur et simulacra deorum coluntur“.

[7] „Živ. st. Slov.“, II, 198.

Однако помимо этих сообщений, дополненных еще некоторыми, менее достоверными, мы располагаем также серией сохранившихся статуй. Конечно, ценность их и достоверность различны. Даже относительно наиболее значительных из них были высказаны сомнения, и еще недавно профессора В. Деметрикевич и А. Брюкнер [1] объявили все предполагаемые славянские статуи памятниками тюрко-татарских кочевников, которые глубоко проникли в славянские земли вплоть до Балтийского моря. Известно, что некоторые из южно-русских кочевников оставили после себя в южной России, Туркестане и в центральной Сибири большое число каменных надгробных памятников, называвшихся когда-то в Сибири «балбал», из чего, наверное, возникло русское народное название «каменная баба» [2]. К этим каменным бабам и причисляют Деметрикевич и Брюкнер все «славянские» статуи.

Рис. 138. Псевдославянский памятник из Альтенкирхена на Руяне (по Вайглу).

Признавая авторитет Деметрикевича, я все же не могу согласиться с его предположениями. Памятниками, о которых тут прежде всего идет речь, являются: идол, найденный в реке Збруч, называвшийся ранее Святовитом (в настоящее время хранится в коллекциях Краковской академии), идол из Гольцгерлингена, стэлы из Бамберга, стэла из Альтенкирхена на Руяне и несколько низких, грубо высеченных каменных фигур из Западной Пруссии из окрестностей Гданьска [3]. Нижняя часть креста из Лопушны около Рогатина представляет собой, повидимому, остаток языческого идола, разбитого и превращенного в крест, так как первоначальная статуя имела четыре ноги и, следовательно, была двойной [4]. О других подобных статуях нам известно только, что они существовали; кроме этих указанных памятников, имеется еще целый ряд менее достоверных, которых я здесь не касаюсь [5].

Указанные памятники мы можем разделить на две группы: многоликие и прочие. Многоликие уже по причине самой этой особенности я считаю образами славянских богов независимо от того, высекал ли их славянский мастер или какой-либо иной. В целом они значительно отличаются от известных каменных баб как по стилю изображения, так и по его содержанию. Сходство же между этими двумя группами лишь незначительно и легко объяснимо (сосуд в руке связан с актом адорации — мотивом, очень распространенным и в других местах, а сабли были известны славянам уже в X веке).

Сложнее обстоит дело со славянской принадлежностью остальных памятников, некоторые из которых, как например прусское каменное изваяние, представляют в целом довольно много сходства с примитивными ти-

[1] Demetrykiewicz Wł., Bulletin Acad. Krak., XV, 1910, 7; Brückner A., Kwartalnik histor, XIII, 85, Encyclopedja polska, IV, 2, 166. К этой точке зрения присоединился также V. J., Mansikka („Religion der Ostslaven", Helsingfors, 1922, I, 9).

[2] Литература о каменных бабах обширна, но лишь до 1871 года она обобщена графом А. Уваровым в труде „Сведения о каменных бабах" (Труды I арх. съезда, II, 501; Сборник. Труды графа Уварова, Москва, 1910, II, 200). Статьи, вышедшие позднее, разбросаны во многих журналах и сборниках, и мне неизвестно, были ли они собраны в последнее время. См. литературу в „Živ. st. Slov.", III, 654, и подробное резюме результатов.

[3] См. о них „Živ. st. Slov.", II, 199; III, 659.

[4] „Wiadomości archeologiczne", VI (1921), 98.

[5] См. „Živ. st. Slov.", III, 663 и сл.

пами каменных баб. Тем не менее и тут вопрос решается в пользу славянской их принадлежности. Что касается бамберских стэл и руянской стэлы, то за это говорит само их местонахождение; прусские памятники также довольно трудно связывать с прямым пребыванием здесь кочевников. Единственно, что здесь можно предположить, это определенную роль тюрко-татарских памятников в качестве образцов для славянских.

Что касается художественного стиля памятников, то збручский идол (рис. 52), как и идол из Гольцгерлингена, представляет собой явное подражание статуе, вырезанной из деревянного ствола. Интересен античный мотив Атласа, коленопреклоненного и держащего над головой идола. Изображенные над ним фигуры означают, вероятно, хоровод во время празднеств, совершаемых в честь бога. Боевой конь со снаряжением — местный мотив. При этом у збручского идола нас поражает удачное решение проблемы многоликости,— в нем мы также видим влияние античных аналогий (Янус, Геката, Борей); затем должны быть отмечены хорошие пропорции и членение, благодаря чему весь идол не лишен изящества. Делал его, должно быть, мастер, познакомившийся в Причерноморье с образцами и мотивами античных памятников.

Художественная промышленность

Археологические находки в землях, заселенных славянами, изобилуют начиная с IX века, а в некоторых местах на западе (так, например, в альпийских землях, в Венгрии, в Хорватии) уже с VII века большим числом ремесленных изделий, главным образом украшений, которые мы можем причислить к категории ювелирного искусства, так как они свидетельствуют об определенном стремлении создать художественную форму и декорировать поверхность.

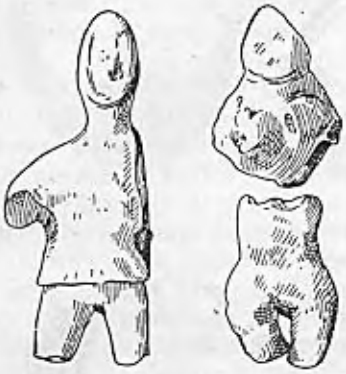
Перед нами стоит теперь бо́льшой вопрос, можно ли считать эти вещи изделиями славянского производства или хотя бы в какой мере в этом ремесле, поскольку именно его можно назвать художественным, участвовали местные славянские мастера.

Хотя на этот вопрос нельзя дать окончательного ответа, так как именно славянские погребения древних времен до сих пор неизвестны, все же я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что об их местном славянском происхождении до IX века (за некоторым исключением, о чем я говорю ниже, на стр. 403—404) не может быть и речи и что значительное большинство изделий этой художественной промышленности, которые мы встречаем в славянских погребениях и кладах вплоть до начала XI века, чужеземного происхождения. Только предметы ввоза, которыми славянские земли были наводнены начиная с IX и до XI веков, способствовали перевороту в местной индустрии и побуждали славянских ремесленников к самостоятельному творчеству, определявшемуся влиянием извне. В то время славянская индустрия начала развиваться и достигла первого расцвета. Только с этого времени, а именно с самого конца языческого периода, можно говорить о местной славянской художественной индустрии, созданной местными ремесленниками и прежде всего золотых и серебряных дел мастерами [1], хотя и гончары стремились отличиться своими изделиями; в это же время появляются первые мастера по стеклу и эмали.

Как я только что говорил, бо́льшая часть изделий ювелирного искусства, будь то украшения или металлическая и стеклянная посуда, или драгоценное оружие, была до XI века чужеземного происхождения и прежде всего византийского и восточного, затем также германского и финского, не говоря о других более мелких предметах ввоза.

[1] О первом появлении мастеров золотых дел в исторических сообщениях см. выше, стр. 332.

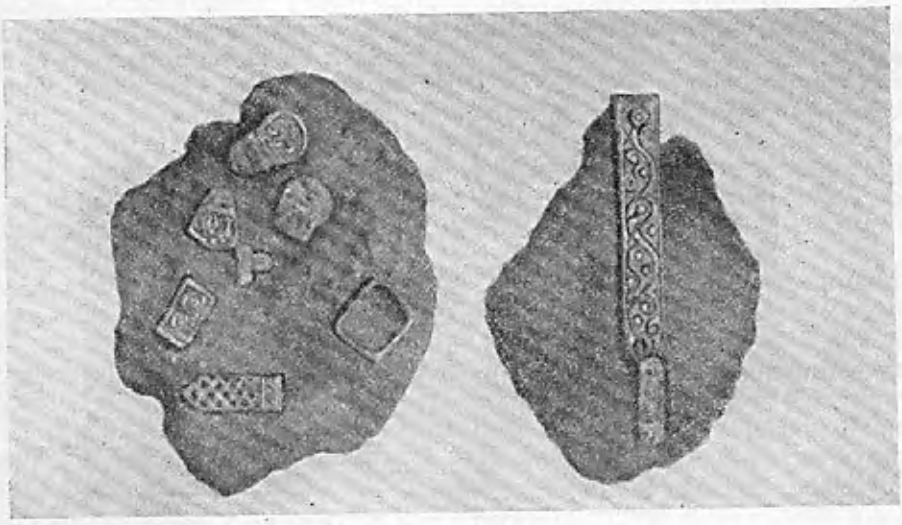
Рамки этой книги не позволяют мне заняться более глубоким анализом того, каковы были и чем отличались друг от друга эти предметы восточного, византийского, германского и финского (уральского) импорта и вообще какие предметы попадали к славянам путем торговли. Я сделал это в другом месте [1]. Здесь я могу ограничиться лишь небольшим общим обзором.

Р и с. 139. Глиняные фигурки из курганов у с. Вески (Мерянск. земля) и Гнёздова.

Р и с. 140. Голова идола из Янкова.

Р и с. 141. Бронзовый поясной набор аварского типа из Девинской Новой Веси.

Прежде всего я констатирую, что в период I—V веков н. э. римское и готское влияние не оказало плодотворного воздействия на славянскую индустрию, хотя это влияние и было относительно сильным. Хотя к славянам и поступали в большом количестве римские изделия с Дуная и готские с Черного моря, но они не пробудили к жизни местную индустрию. Во всяком случае, до сего времени мы об этом ничего не знаем. Это также отно-

[1] См. „Živ. st. Slov.", III, 671 и сл.

сится к последующим VI и даже VIII векам на Балканах и Подунавье, где мы хотя и находим достаточное число вещей византийского стиля и происхождения в славянских погребениях, но опять-таки не видим никаких следов воздействия Византии на местную индустрию.

Только в IX и X веках огромный наплыв иноземных предметов способствовал перевороту в этой области. Это были предметы восточного импорта, ввозимые арабскими и еврейскими купцами [1], затем одновременно с ними

Р и с. 142. Византийские височные кольца из клада в Токае в Венгрии (по Гампелю).

Р и с. 143. Грубые славянские имитации, найденные в Пилине (лунница) и в Варадине (височное кольцо) в Венгрии.

предметы импорта с севера, из Скандинавии, доставляемые походами северных русов [2], и, наконец, начиная с X, но в основном с XI века влияние изделий развитой византийской индустрии, которая привилась славянам и которую местные мастерские вначале копировали, но вскоре, используя их образцы, перешли к самостоятельному изготовлению новых вещей.

Лишь одна вещь свидетельствует о том, что еще до X века сами славянские мастера могли изготовлять мелкие металлические украшения. Это известное славянское височное кольцо, происхождение которого не выяснено, но которое, вероятнее всего, было изготовлено где-то на юго-западе по римским образцам и стало с течением времени характерным признаком славянской прически настолько, что в X и XI веках височные кольца встречаются в славянских погребениях повсюду — на Балканах, в Альпах, на Эльбе, на Висле и в обширном днепровском бассейне. Это височное кольцо следует рассматривать сначала как чужеземное изделие, распространявшееся

[1] См. выше, стр. 238, 332, 333.

[2] См. выше, стр. 347. Это северное влияние способствовало появлению грубых имитаций украшений, встречающихся в значительном количестве на севере России.

постепенно начиная с VII века с запада на север и на восток, а в VIII или IX веке заимствованное славянскими мастерскими, местонахождение которых нам до сих пор, конечно, неизвестно.

Итак, наряду с имитацией римской провинциальной керамики [1] — это первое появление изделий славянской художественной промышленности, сначала простых, невзрачных, но начиная с X века уже самой разнообразной формы, нарядно украшенных (рис. 1, 14, 32, 33) и выполненных в более совершенной технике, так как начиная с этого времени в находках довольно часто встречаются позолоченные и посеребренные височные кольца [2].

С началом поступления к славянам значительного числа восточных и византийских художественных изделий местная индустрия получила большое число образцов для имитации. Подражали, в частности, серебряным восточным изделиям, украшенным тонкой зернью [3], причем подражали более или менее удачно в серебре или грубее в различных белых сплавах менее ценных металлов, затем плетеным серебряным ожерельям и разным браслетам и перстням, рогам для питья и, конечно, некоторым видам драгоценного оружия. Однако еще больше имитировались с конца X века византийские изделия; это происходило, несомненно, потому, что византийские мастера сами приходили в главные русские городские центры и здесь основывали мастерские, руководили и обучали местных ремесленников новым приемам и формам [4], а также потому, что монахи русских монастырей отправлялись в Царьград, чтобы выучиться там разным наукам и искусствам [5]. Таким образом, сами византийские художественные приемы были принесены на Русь, и, действительно, уже в кладах XI—XII веков, собранных и опубликованных Н. П. Кондаковым, много изделий не чисто византийского производства, а являющихся результатом славяно-русской имитации [6]. Кое-где это непосредственно подтверждается и славянскими надписями, славянскими именами святых на покрытых эмалью крестике, медальоне или кубке [7]. В других местах это большей частью опять-таки посуда или украшения: кресты, медальоны, серьги, колты, браслеты, перстни и диадемы — все это украшено крупной зернью или сканью, чернью или также эмалью. Все эти трудоемкие технические приемы славянские русы освоили с большим успехом. Хотя опытный археолог и отличит эти северные подражания от подлинных прекрасных царьградских изделий X и XI веков, но он не откажет им в значительном совершенстве.

В области славянской индустрии наряду с вышеуказанными височными кольцами достойна особого упоминания еще одна категория украшений, поскольку они очень типичны для восточных славян, так же как эсовидные височные кольца для западных, и еще потому, что они не являются простой имитацией чужеземных образцов, а самостоятельными творениями славянской индустрии. Это так называемые *височные кольца* русских курганов X—XII веков (см. выше, стр. 244), которые вплетались в волосы по обе стороны головы, так же как западные эсовидные височные кольца. Но эти последние на территории Руси сохраняли единообразие, самое большее, что допускалось, это когда к ним что-нибудь подвешивали или вставляли, тогда как развитие русских височных колец привело в некоторых местах, в частности на востоке у племени северян, радимичей, вятичей и кри-

[1] См. выше, стр. 338.

[2] См. подробно обо всем этом в „Živ. st. Slov.“, 1, 592 и сл., и здесь, на стр. 242.

[3] О популярности этой филиграни свидетельствует, в частности, распространенность арабских кладов с этим серебром среди всего северного славянства и до Одера (см. выше, стр. 348).

[4] См. Лаврентьевскую летопись под 988, 989 годами, а также здесь, на стр. 400.

[5] Киево-Печерский патерик, IV, 13; Réau, L'art russe, 198.

[6] Н. Кондаков, Русские клады, СПБ, 1896, 1, и „Русские древности в памятниках искусства“, V, 6, 10, 101 и сл.

[7] См. „Živ. st. Slov.“, 1, 645, III, 242. См. также „Известия българ. арх. общ.“, VII, 114.

вичей, к образованию новых вариантов[1]. Некоторые из них замечательны изяществом формы и тонкостью отделки, например вятичские височные кольца из междуречья Оки и Москвы. Эти прекрасные образцы местной славянской индустрии X—XII веков возникли, повидимому, благодаря восточному влиянию; по крайней мере, об этом свидетельствует их географическое расположение. Они известны у тех племен, которые долгое время находились под хазарским владычеством.

Рис. 144. Медальон с изображением князя Бориса (из Рязанского клада).

Рис. 145. Кубок из клада Михайловского монастыря в Киеве.

Больше всего мастерских, в которых делались эти вещи в X и XI веках, было в Киеве и его окрестностях. Там были найдены около княжеского дворца остатки ювелирных мастерских и мастерских по производству эмалей, подобные же остатки были открыты также В. Хвойко и на Шаргородском городище около Василькова [2]. Но вскоре мастерские стали появляться и в других местах, как например в Новгороде, на Волыни и больше всего, что интересно отметить, на северо-востоке, в бассейне Волги и Оки, во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле и Юрьеве. Особенно славились всеми видами художественных работ владимирские и суздальские мастерские.

Но этот период и его ремесла выходят за рамки этой книги так же, как и описание развития славянской промышленности на Западе после XI века.

Для южных славян местом обучения славянских мастеров ремеслам была Антиохия. Томаш из Солуни свидетельствует, что епископ Лаврентий (около 1060 года) посылал в Антиохию человека для обучения там мастерству золотых и серебряных дел. И этот последний, возвратившись, «omnia perfecit opere sculptorio artis ingenii antiochenae» [3].

Песни и музыка

Ни один вид развлечения славяне не любили так, как песню, пляску и музыку. Еще и ныне славянин любит пение, он поет в радости и в печали,

[1] См. рис. 34.

[2] В. Хвойко, „Древние обитатели среднего Приднепровья...", 71, „Изв. арх. ком.", II, Приложение 30.

[3] Thomas, Hist. salonit., XVI.

во время работы и отдыха. Тысячелетия тому назад пели постоянно, вероятно больше, чем теперь, на свадьбах и на похоронах, на общественных и семейных празднествах [1].

А с песней неразрывно были связаны пляска и инструментальная музыка. *Sclavus saltans* было, повидимому, обычным понятием в IX или X веках [2].

Об этом свидетельствует также множество других самых достоверных сообщений. В различных церковных проповедях и поучениях, о важности которых для ознакомления с концом славянского язычества я уже говорил выше (стр. 269), в частности в русских проповедях, которых сохранилось больше всего, постоянно звучит жалоба на то, что русский народ в определенные дни недели (в субботу), а также во время различных годовых празднеств собирается на деревенской площади или за деревней для разнузданных увеселений, на которых много пьют, пируют, предаются суевериям и занимаются жертвоприношениями рожаницам, феям и другим бесам, но больше всего пением, плясками и музыкой. Церковь безуспешно пыталась искоренить это «бесовское» или «сатанинское» пение и пляски [3]. Все было напрасно. Народ тяготел к этим развлечениям, сопровождающая их музыка была ему во сто крат милее, чем монотонное пение в церквах. В 1068 году Киевский летописец горько жалуется, что на увеселительных празднествах полно народу, тогда как церковь зияет пустотой... [4]

В остальном же о характере этих древних песен и плясок нам ничего неизвестно. По современным песням славян до сих пор не удалось создать представление об основах праславянской музыки [5]. Нам неизвестна ни ее форма, ни тональность и такт, но, возможно, гармония тонов и минорная тональность современной народной музыки уже праславянские. Древние песни были чаще всего хоровые, но в отдельных случаях возникали уже первые любовные песни. Были ли в те древние времена у славян также свои героико-эпические песни, прославляющие князей и героев, достоверно не доказано. Однако весьма вероятно, что на празднествах, в частности во время пиршеств на княжеском дворе, специальные певцы пели такие панегирические песни. К ним относился, повидимому, и мифический Боян конца XI и начала XII веков, о котором неоднократно упоминается в «Слове о полку Игореве» и который воспевал славу и печаль русской земли в боях с половцами, перебирая при этом струны лютни [6]. Вообще же русские былины и южно-славянские эпические песни засвидетельствованы только в более поздние времена.

Но если мы так и не можем ничего сказать о характере славянских песен и плясок, то нам достаточно известны музыкальные инструменты, на которых играли славяне в X и XI веках или которые им были по крайней мере известны. Во время упоминавшихся уже субботних развлечений и на празднествах, а также на свадьбах и похоронах обычным инструментальным аккомпанементом был оркестр из четырех инструментов, которые следует

[1] Свадебная песня упоминается в Поучении Владимира Мономаха 1096 года (Лаврентьевская летопись, 244).

[2] Ermenricus Augiensis (Mon. Germ., II, 101).

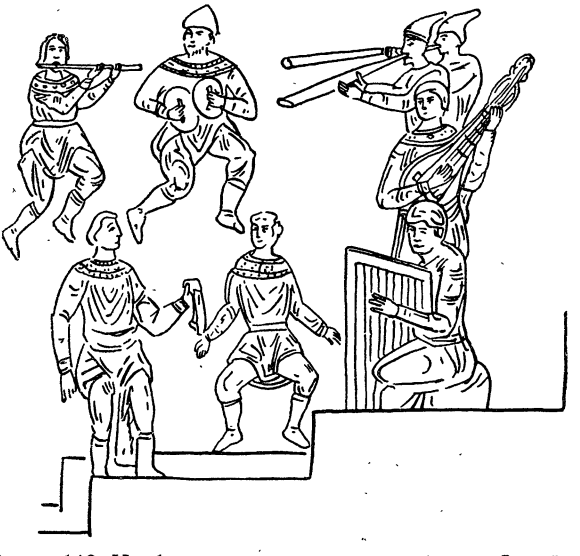
[3] В славянских текстах имеется для пения общепринятый древний термин *peti* (*пение, песнь*), для танца с песней — термин plęsati (*плясать*), и для уяснения силы характера славянского народа интересно то, что слово *плясать* является одним из немногих слов, заимствованных у славян германцами (см. готск. plinsjan — ὀρχεῖσθαι в библии Ульфилы).

[4] Лаврентьевская летопись, 166.

[5] Когда-то это попытался сделать Л. Риттер из Риттерсберга (Myšlenky o slov. zpěvu. Litep. прилож. к „Věnci", Praha, 1843; Pravlast slov. zpěvu, Čas. Čes. Musea, 1846), но без достаточного материала. См. J. Horák, Národ. věstník, XV, 143.

[6] „Слово" (ed. Erben), 1 и сл. Также в других источниках (см. Полн. собр. русских летописей, II, 180, 187) упоминается о подобных песнях на княжеских пиршествах. См. прежде всего В. Ягич, Gradja za slov. nar. poeziju (Rad. XXXVII, 77) и Е. Аничков, Язычество и древняя Русь, 184, 192, 205 и сл.

считать инструментальной основой славянской музыки: *труба*, *свирель*, *бубен* и *гусли*. Это была музыка — слав. *гульба*, *гуденье* — в подлинном смысле слова. Славянская литература XI и XII веков подтверждает эту типичность характера славянской музыки целым рядом свидетельств, собранных мною в другом месте [1]. В них неизменно встречаются упомянутые четыре основных инструмента [2]. Имеются еще, однако, более древние интересные сообщения, такие, например, как записанный Феофилактом Симокаттой известный рассказ о трех славянах с лютнями в руках, приведенных к императору Маврикию в 591 году [3], и затем несколько арабских сообщений IX и X веков, в которых упоминаются у славян разного вида восьмиструнные лютни, тамбурины и свирели, в частности особые большие свирели длиной в два локтя [4].

Р и с. 146. Изображение музыкантов на фреске Софийского собора в Киеве.

От этих инструментов ничего не сохранилось, за исключением лишь небольших свирелей, найденных в курганах, едва ли славянских. Однако мы можем все же получить достаточное представление о них по рисункам последующих XII—XIV веков, а кроме того, сравнивая формы, сохранившиеся у славян и у соседних им литовцев или финнов. Труба (старослав. *troba*), рог (*рогъ*) и свирель (древнерусск. *пищаль*, *свирель*, *сопель*, *свистокъ*) имели обычную простую форму, сохранившуюся и поныне у славянских пастухов. То, что славянский пастух уже в X и XI веках носил свирель или флейту, подтверждается древними рисунками (рис. 147); выражение «*пастырiе свиряюще*» является также одним из древних в славянской литературе,

[1] Собранную литературу о древних славянских музыкальных инструментах см. в моей статье „Počatky slowanské hudby“ в „Вестнике этнографии“ (Прага, 1914, 49, примечание 41) и данную в „Živ. st. Slov.“, III, 707.

[2] В те времена на княжеских дворах было уже, конечно, много музыкантов и самых различных музыкальных инструментов, занесенных с чужбины. Такую музыкальную сценку наглядно изображает фреска, нарисованная византийскими умельцами на лестнице храма св. Софии в Киеве (рис. 146), где мы видим, помимо двух плясунов, еще музыкантов, играющих на флейте, свирели, лютне, арфе (псалтерион) и тарелках.

[3] Theoph., VI, 2.

[4] Ибн-Русте (Гаркави, указ. соч., 265); Гардизи (ed. Bartold), 123; неизвестный Персидский географ (ed. Туманского), 121; Al. Bekrî (ed. Rozen), 55; Ибн-Фадлан (Гаркави, указ. соч., 98).

так как встречается дважды в «Житии св. Наума» X века[1]. Хуже обстоит дело с древним барабаном (бубном) (старославянск. *бѫбънъ*), о форме которого нет определенного представления. Он связывается с лат. *tympanum* и греч. τύμπανον, форма которых известна и которые были знакомы славянам уже в X веке, однако на чешских миниатюрах XIII и XIV веков барабан изображается уже в виде высокого пустого тулова, обтянутого кожей, по которому били палочкой[2]. К какому из этих инструментов больше приближался русский бубен X и XI веков, я не могу сказать. В римском патерике X века упоминается «бубн кумбальский», соответствующий греч. ἦχος τῶν κυμβάλων[3].

Наиболее интересным инструментом были древние славянские *гусли* (гусли от глагола gŏsti), сильно отличающиеся своей формой от современных гуслей. В ряде упоминаний в древних текстах определенно указывается, что инструмент, называемый *гусли*, не имел еще смычка и что на нем играли, ударяя по нему пальцами или какими-то палочками. В переводах этот термин употребляется также вместо греч. κιθάρα или λύρα. и т. п. Из этого ясно, что древние славянские гусли имели приблизительно ту форму, какую мы видим на некоторых миниатюрах XI—XIII веков и какая встречается еще у литовских *kañkles* и финских (карельских) *kantele*, *kannel* (рис. 148), эта форма существовала также и в славянской России еще в XVIII веке. Это была плоская продолговатая доска, овальная или с прямыми гранями, на которую натягивалось не менее трех струн и которую музыкант, стоя, поддерживал снизу левой рукой, а сидя, — клал на колени[4]. Только позднее название *гусли* перешло на инструмент, из струн

Рис. 147. Изображение пастухов (часовня в Знойме).

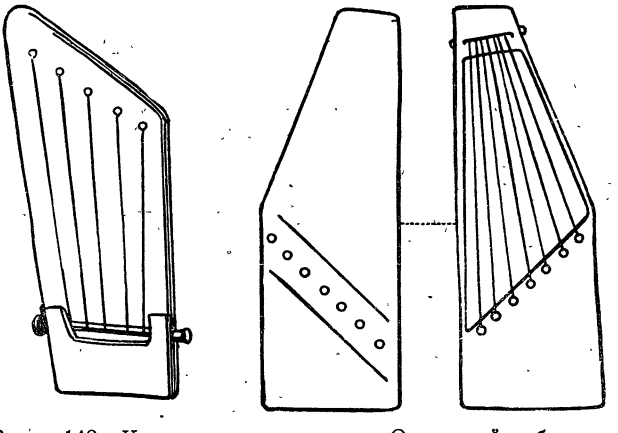

Рис. 148. Карельские кантеле из Олонецкой губернии (по Маслову). Русские гусли конца XVIII века (по Гутри).

которого звуки извлекались смычком. Когда и где он появился и откуда перешел к славянам, мне неизвестно. Гусли со смычком у славян до XIII века

[1] Изд. Лаврова, 9, 32.
[2] Zíbrt, Dějiny tance, (Praha, 1895), 36, 38.
[3] Изд. Соболевского (Киев, 1904), 8.
[4] Подробнее об этих и рассмотренных ниже инструментах см. в уже указанной моей статье и в „Živ. st. Slov.“, III, 726.

мне неизвестны. Впоследствии, однако, развитие их было очень разнообразно.

С этой точки зрения я не могу, естественно, согласиться с теми, кто объявлял смычковые гусли, в частности сербские одно- или двухструнные гусли, древним славянским изделием и предполагал, что и арабы заимствовали свои подобные инструменты у славян [1].

Кроме этих четырех основных инструментов, славянам были известны еще и некоторые другие. Из дудок сюда относятся *слоньница*, *самара*, засвидетельствованные уже в XI веке, затем греческие ὄργανον, ὄργανα (древнеславянск. *орган*, *арган*, отсюда *варганы*), засвидетельствованные в славянских текстах X века; из ударных инструментов *кымбал* (*цимбалы*), из струнных *цевница*, *търняя*, *прегудьница* (XI века), *лютня* и *танбур* арабских источников, затем psalterium (*псалтырь*), состоящий из треугольной или квадратной рамы, на которую натягивали ряд струн (засвидетельствован в XI веке). Ряд других инструментов не засвидетельствован для столь ранних времен, но старинная *кобза*, древнейший чешский струнный инструмент, повидимому, все же существовала [2].

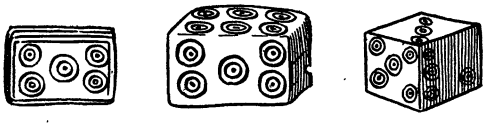

Рис. 149. Игральные кости из Киева, Гнёздова и Тетерева.

Но из последних почти все инструменты были славянам более или менее чужды и употреблялись лишь в виде исключения. Типичный древнеславянский оркестр состоял из дудочника (флейтиста), барабанщика (альтиста) и гусляра. В таком ансамбле могли играть, конечно, только те, кто приобрел достаточный навык во владении инструментом. Естественно поэтому, что в деревнях и городах постепенно выделились музыканты со значительной практикой и искусством игры и что со временем из таких музыкантов-любителей развились профессионалы, игравшие за вознаграждение. Упоминания о такой прослойке мы читаем уже в текстах XI и XII веков, на Руси же из этих людей создавались бродячие труппы так называемых *скоморохов* (*скоморохи*, *игроки*, *гусельники*), которые были, конечно, не только бродячими музыкантами, но и комедиантами, акробатами, плясунами, фокусниками со всеми привлекательными и непривлекательными качествами подобных людей. Этих непривлекательных качеств становилось все больше и больше, так что в конце концов в XVII веке русским властям пришлось насильственно ликвидировать скоморохов [3].

Письменность

Славяне еще задолго до принятия христианства могли познакомиться с письменностью. Они приходили к грекам на черноморские рынки. После 106 года н. э. из Дакии начался наплыв римских торговцев, а когда в VI и VII веках славяне пришли на Балканский полуостров, им, несомненно, часто представлялась возможность видеть античные письмена и познавать их. Не исключено поэтому, что отдельные наиболее образованные представители славян еще задолго до X века пытались передать в письменной

[1] Kuhač, Rad. jugosl. akad., XXXVIII, 41, 53; Троянович, Музыкальные инструменты, 9.

[2] См. более подробные доказательства в „Věstniku národop.“, 10, 61, 64, 70—72.

[3] Красочную историю их см. у А. Фаминцына, Скоморохи на Руси, СПБ, 1889; Веселовский, Разыскания, VII. Таких византийских скоморохов см. на приведенной выше фреске Софийского храма в Киеве (рис. 146).

форме известия о славянах. Но это нигде не засвидетельствовано, а вообще неправдоподобно, чтобы славянский народ до принятия христианства знал подлинную письменность и пользовался ею.

Все, что до сих пор приводилось в пользу глубокой древности славянской письменности, в частности, все теории о существовании славянских

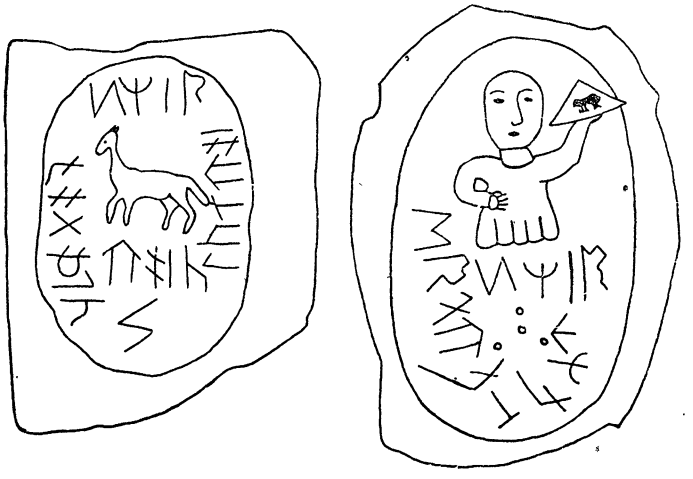

Рис. 150. Камни из Микоржина (поддельные руны).

рун, подобных рунам германским, является предположениями, не подтвержденными источниками, а иногда и просто *pia fraus*. Правда, германские руны, существовавшие на севере с конца III века, не могли оставаться неизвестными славянам, если принять во внимание разносторонние связи балтийских славян со Скандинавией. Не исключена также возможность их использования для славянского языка. Имена статуй богов в храме Сварожича в Ретре с XI века [1] могли быть написаны латинскими буквами или также скандинавскими рунами; руны принесли с собою на Русь скандинавы[2]. Но тем не менее следует констатировать, что до сих пор не был найден ни один достоверный памятник со славянскими рунами [3].

Все, что приводилось отдельными исследователями, оказалось либо фальшивкой, либо неславянскими текстами, либо какими-то непонятными значками, а не рунами. Это доказал несколько лет тому назад, а недавно вновь подтвердил В. Ягич [4].

Итак, особой письменности, подобной рунам, у славян не было, не было также письма, подобного латинскому или греческому. Единственное, что можно допустить для языческого славянского периода,— использование славянами для сохранения в памяти каких-либо явлений или для выраже-

[1] Thietmar, VI, 23 (17).

[2] См. летописное сообщение о договорах Олега и Игоря с греками (Лаврентьевская летопись), а также об Евангелии и Псалтыре, написанных русскими письменами и найденных Константином в Корсуне ок. 863 года (Легенда о Константине, ed. Pastrnek, Dějiny sv. apoštolů, 52, 174). Сюда, очевидно, относится и сообщение Ибн Ан-Надима от 987 года о русских письменах, резанных по дереву (Гаркави, указ. соч., 240).

[3] Впервые предполагаемые славянские руны появились на поддельных славянских идолах из Прильвица (Prilwitz, см. выше, стр. 293), опубликованных в 1771 году. Другой известной подделкой являются два камня из Микоржина в Познани с изображением бога Прове и лошади, а также Краковский медальон с рунами. Подробнее см. у Ягича и новые дополнения в „Živ. st. Slov.“, III, 736.

[4] Jagič, Zur slav. Runenfrage, Archiv f. sl. Philologie, 1881, V, 193. Вопрос о рунах у славян (Энциклопедия славянской филологии, III, 1, 1911). Главными защитниками славянских рун были (наряду со Срезневским, Шафариком, Воцелом, Крашевским, Е. Богуславским и Ганушем) Leciejewski J., Runy i runiczne pomniki słow. (Lvov, 1906) и Piekosiński Fr., Kamienie Mikorzynskie (Krakov, 1896).

ния определенных просьб различных значков, главным образом зарубок, вырезавшихся обычно на глиняной пластинке или на какой-нибудь деревянной палочке. Повидимому, это имел в виду болгарский черноризец Храбр, когда писал в X веке о балканских славянах в Сказании о письменах славянских, что «прежде у славян не было книг и что они читали и «гадали» лишь при помощи зарубок и черточек (*чрътами* и *зарубами*)»[1]. Как выглядели эти примитивные записи, показывают нам так называемые *rabuše* (*рабуш*), *rabоše* (*рабош*), *rovaše* (*роваш*), сохранившиеся до настоящего времени у горных славян на Балканах, в Альпах, а также и в Моравии [2]. На гранях палочки видны различные типы зарубок, из которых каждая имеет свое значение и свою комбинацию (рис. 151).

Рис. 151. Рабош из Боснии (по Ягичу).

Настоящую письменность славяне узнали только в IX веке от апостола Константина — Кирилла, посланного около 863 года вместе с Мефодием в Великую Моравию крестить тамошних славян и составившего для этой цели специальное письмо, которым он и его ученики писали славянские переводы священного писания и книг церковной службы [3]. В филологической литературе долго шел спор о том, какой из известных двух видов старославянской письменности был более древним или каким именно писали Константин и его друзья [4]. Ныне такой более древней славянской письменностью считают так называемую *глаголицу*, которая из Македонии распространилась в Моравию, Паннонию, Чехию, Хорватию и Сербию, но сохранилась только в западной оконечности Балканского полуострова. В других местах она была повсюду заменена новой, более легкой, письменностью, так называемой *кириллицей*, составленной в Болгарии из обычной греческой письменности в начале X века [5].

Для обозначения этой письменности существовало в X веке слово *pьsati* (*pisъmo*, *pisъma* — буква), означавшее первоначально «красить», что было естественно при примитивной технике письменности того времени. Другим термином, обозначавшим букву, был *буки* (*буква*) [6]. Хотя современное слово *книга* также общеславянское и древнее, оно имеет чуждое происхождение, по последним этимологическим данным, чисто ассирийское [7]. Как попало оно к славянам, объяснить пока нельзя.

[1] Ф. И. Буслаев, Русская хрестоматия, 425; Ягич в „Энциклопедии славянской филологии", III, 25.

[2] Название rabuš загадочно. Раньше оно считалось славянским, но в настоящее время полагают, что оно послужило образцом для венгерского rovaš, хотя и тут объяснение славянских форм с „b" представляется трудным (см. Jagič, стр. 26, где имеется также литература). На западе России и у соседних финнов и латышей существует подобный *рабуш*, называемый birka, финск. pirkka, латышск. pirk, известный и в Скандинавии.

[3] О миссии обоих апостолов см. Pastrnek, Dějiny slov. apoštolů Cyrilla a Methoda, Прага, 1902.

[4] Наиболее полный обзор и критическое изложение всего вопроса дал недавно В. Ягич в статье „О письме глаголицей" в „Энциклопедии славянской филологии", III, 51 и сл.

[5] Вопрос о возникновении глаголицы спорен. По мнению Ягича, она была очень остроумно составлена на основе греческого курсива из 38 букв так, чтобы могло быть уловлено тонкое различие славянских звуков. Самой древней надписью кириллицей является надпись императора Самуила 993 года (Archiv. f. sl. Phil., XXI, 543).

[6] Срезневский, Материалы... I, col. 192.

[7] См. Berneker, Etym. Wörterb. I, 664 (ассир. *kunukku* — печать). В последнее время об этом писал J. Mikkola в „Mémoires de la Société finno-ougrienne", 1924, LII, 187.

Счет

Так как еще индоевропейцы вели счет по десятичной системе и у них существовали числа вплоть до тысячи [1], то на этом основании мы можем сделать вывод, что и праславяне могли считать до тысячи и именно десятичной системой. Слово *sъ-to* важно, между прочим, еще и потому, что подтверждает принадлежность славян к восточной индоевропейской группе *сатем* (санскр. *satám*, иранск. *satem*).

Однако наряду с десятичной системой славянам была известна также система счета на дюжины, хотя у них и нет специального образования чисел ниже 60 и свыше 60, как у остальных индоевропейцев. Но славяне также издавна и много считали на дюжины [2], и у них следует это рассматривать как влияние древних вавилонских культур, хотя и нельзя делать на этом основании выводы о соседстве индоевропейской колыбели с Вавилонией, как это сделал когда-то И. Шмидт [3]. Как попал счет на дюжины к славянам, неизвестно. Я полагаю, что его принесли вместе с иранскими мерами и весами арабские торговцы в период огромного расцвета восточной торговли, известного нам на Руси и в Центральной Европе в IX и X веках [4].

При десятичном счете, в частности при обучении детей счету, главную роль играли десять пальцев на руках. Но так же, как вместо письменности пособием служили разные зарубки на рабуше, точно так же и числа еще до принятия христианства обозначались различными значками для памяти, подобными приблизительно тем, какие употребляют до настоящего времени пастухи в моравских горах или на Балканах [5]. Слово *число* (из *чит-сло*) засвидетельствовано уже многими источниками начиная с XI века [6].

Исчисление времени

Древние индоевропейцы еще в первобытное время различали зиму, лето и весну, а также десять месячных периодов, умели делить месяц на две половины и вести счет суткам по ночам, когда был виден месяц. Однако точно выделять времена года и части суток отдельные индоевропейские народы научились лишь позднее, под влиянием более развитых культур, главным образом вавилонской астрономии, распространившей свое влияние повсюду. В частности, это было точное деление года на 4 части, затем деление его на 12 месяцев и наименование последних, деление месяца на 30 дней, а всего года на 360 дней, разделение суток на два времени и создание недели из 7 дней с седьмым днем отдыха [7].

У древних славян в конце их языческого периода мы находим не только унаследованную ими индоевропейскую основу исчисления времени, но и некоторые определенные достижения. Славяне различали четыре времени года: *зиму*, *яръ — весну*, *лето*, *есень — осень*, и так как понятие года не было еще достаточно ясным, то они и исчисляли года по этим временам года, главным образом по зиме или лету. Начало этих времен года, а следовательно, и года нам неизвестны, и вообще понятие года было еще недостаточно развито. Древний индоевропейский термин *vetos*, обозначавший прошедшее лето и зиму, сохранился у славян в прилагательном *vetъ*, *vetъchъ* в значении «древний», а русское слово «год» или сербское и болгарское «година» означали время вообще, в частности праздничное время [8].

[1] Сравни, в частности, общие термины для тысяч: в готск. thúsundi, в прасл. tysęšta, в древнепрусск. tûsimtons, в литовск. túkstantis (Schrader, Reallex., 967).
[2] См. „Živ. st. Slov.“, 742, и Janko, Pravěk, 123.
[3] J. Schmidt, Die Urheimat der Indogermanen und das europ. Zahlsystem, Berlin, 1890.
[4] См. выше, стр. 347.
[5] Ягич, Энц. слав. фил., III, 29.
[6] Срезневский, Материалы.., III, 1522.
[7] Schrader, Reallex., 389, 394, 547, 841, 844, 976 и сл.
[8] Janko, Pravěk, 125—126.

Наряду с четырьмя временами года славянам были известны и месяцы (mĕsęcь), к выделению которых они пришли благодаря наблюдению за изменением луны от полнолуния до полнолуния [1], что было для них, несомненно, главной основой всего измерения времени вообще. При этом они понимали, что 4 времени года совпадают приблизительно с 12 месяцами, но не смогли уравнять несовпадение лунного года с солнечным. Вообще же нумерация и распределение месяцев были неточны, что лучше всего видно по колебанию месячной номенклатуры [2]. Древние славянские названия до христианского периода и до принятия римского календаря нигде, правда, не записаны, но мы можем восстановить их по названиям, сохранившимся у *всех* славян до настоящего времени, и по названиям, которые появляются уже в текстах IX и X веков. Эти названия следующие: sĕčenъ, suchyj, grudenъ, prosinьcь, studenъ, brĕzьnъ, travenъ, izokъ, črьvenь, zarevъ, srъpьnъ, vrĕsenъ, rjujïnъ, listopadъ, duben, leden, luty, květen, rožen, kosenь, sĕnokosъ, lipenь и еще некоторые другие. Тем не менее трудно установить их последовательность в дохристианский период, поскольку названия эти колеблются в своем размещении внутри года и места их постоянно меняются у различных славянских народов. Поэтому я полагаю, что в эпоху славянского единства не существовало еще точного различия месяцев с соответствующими названиями, но что зимой употребляли разные наименования для морозного времени, весной — для времени цветения берез и для времени, когда вырастает трава, летом — для времени, когда жали хлеба, осенью,— когда ревут олени и когда опадают листья. Таким образом, была образована серия названий, которые впоследствии, как только славяне расселились и оказались в землях с различным климатом, были размещены различно, так что в X веке одинаковой номенклатуры уже не было, и только с появлением римского календаря из 12 месяцев славянские народы получили постоянные названия различных месяцев.

С принятием христианства к славянам проникли новые латинские названия месяцев, новое, более точное деление года, затем деление месяца на четыре недели и на семь дней [3]. Такое разделение недели, а также соответствующие названия дней могли появиться только после принятия христианства. Названия *неделя* (день отдыха)[4] и *суббота* имеют явно христианскую основу. Название недели перешло у всех славян и на обозначение недели в целом, только западные славяне наряду с этим словом образовали еще слово, состоящее из местоимения *тъ* и слова *dьnь* (чешск. *týden*) [5].

Сами сутки славяне делили, в зависимости от движения солнца, на *утро*, *jutro*, *полдень*, *вечеръ* и *ночь*, а ночь на 3 части по крику петухов. Часовое исчисление им было неизвестно, оно пришло к ним из Германии и Царьграда лишь позднее. Слово *день* означало сначала лишь светлую половину суток, но вообще сутки продолжали исчисляться по старому индоевропейскому способу — по ночам.

[1] Но наряду со словом mĕsęcь для обозначения месяца на небе у славян употреблялось слово *луна*.

[2] О славянской номенклатуре месяцев см. главным образом: труд Fr. Miklosich, Die slavischen Monatsnamen, Denkschriften d. Akad., XVII, Wien, 1868. Там же и более старая литература. Важной работой о древнерусском исчислении времени является работа Дм. Прозоровского, О славяно-русском дохрист. счислении времени, Труды VIII арх. съезда, III, 200.

[3] Herbord (II, 17) сообщает, что когда епископ Оттон Бамберский крестил в Щетине, он учил славянский народ „о неделе, субботе, о разделении месяцев и составлении всего христианского года".

[4] То, что в языческий период не был известен счет на семь дней и неизвестна была неделя — день отдыха, видно из сообщения Герборда о том, что поморянские славяне не могли понять, почему в неделю нельзя работать (Herbord, III, 29).

[5] См. об этом интересный труд: P. Skok, „La semaine slave" в „Revue des Études slaves", V (1925), 14—23, и дополнительное примечание Н. Дурнова там же, VI (1926), 107—108.

Школа

Никакого систематического обучения молодежи чтению, письму, счету и другим предметам не было. Отец учил сына своему опыту, едва сын подрастал настолько, что мог воспринимать его, колдун учил своего ученика, священник — молодого адепта богослужению. Поэтому, если и есть известия из Чехии и России о том, что там уже в X веке существовали школы для обучения молодежи, то все эти школы были церковными, созданными после

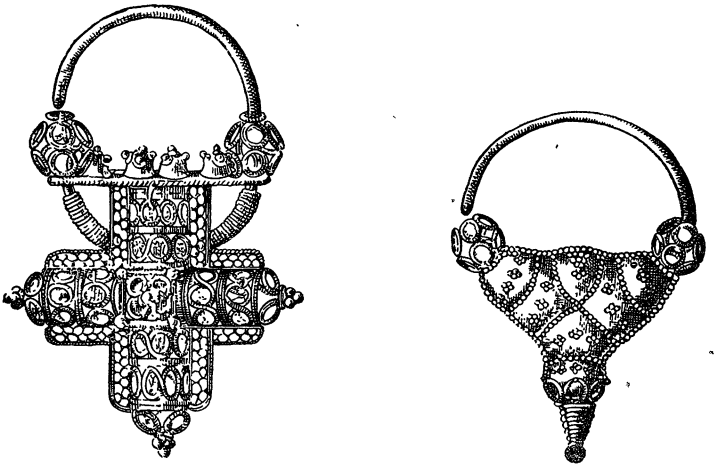

Рис. 152. Височные кольца из клада в Кретках в Польше.

принятия христианства с целью воспитания местного духовенства. В этих школах учились, конечно, также юноши из знатных родов. Такую школу основал приблизительно в 900 году Спитигнев в городе Будеч, где учился молодой князь св. Вацлав [1]; подобная школа была, как сообщает летопись, основана также Владимиром Великим в Киеве [2].

[1] Согласно древним легендам о св. Вацлаве (Fontes rer. boh., I, 128, 149, 183) и Христиану (ed. Pekař), 178.

[2] Лаврентьевская летопись под 988 годом. См. A. Wanczura, Charakter pierwszej szkoły kijowskiej Włodzimierza Wielkiego, Lvov, 1913.

Глава XIII

О ХАРАКТЕРЕ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

Мы неоднократно видели в ходе изложения предшествующих глав, что древняя славянская культура не была ни высокой, ни богатой, в особенности по сравнению с античными культурами.

В связи с этой отсталостью и относительной необразованностью древних славян в XVIII веке возникло представление о примитивности не только культуры славян, но и их характера. Славян описывали как народ без всяких моральных достоинств, низкого и дикого нрава.

Эта точка зрения, высказанная в 1802 году немецким историком Авг. Шлецером и его последователями [1], дала, в свою очередь, повод к обратной реакции, выразители которой пытались представить древнего славянина человеком, обладавшим характером хотя и отличным от древнего германца, но при всем том прекрасным и нравственно высоким. Согласно этому второму представлению славяне были народом, который предавался дома мирному труду и веселью, не любил войн, воевал только по принуждению и вообще был нрава тихого, бесхитростного, прямого, гуманного — одним словом, был «голубиным» народом, как стали говорить после Я. Коменского.

Зачатки этой второй теории можно проследить издавна, но главную основу ей дал известный немецкий философ Гердер, описав в 1791 году характер славян и их будущее в своем труде «Jdeen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (XVI книга, гл. 4). Славянские ученые встретили эту точку зрения Гердера с радостью, более того, с восторгом, именно потому, что ее высказал немец, и начиная с XIX века и вплоть до его конца можно проследить, как в книгах, посвященных древней истории славян и их культуре, удерживается гердеровская трактовка древнего славянства, а порой восторженные ревнители ее, как например П. Шафарик или Ян Коллар, заходили еще дальше Гердера. Подобные представления удерживались до конца XIX века, например в трудах Крека, Богуславского, Кетржинского, Флоринского и других.

Только немецкие исследователи, историки и археологи, когда бы ни приходилось им говорить о древнеславянской культуре, охотно обращались к противоположной точке зрения, шлецеровской [2].

Вновь поднял этот вопрос и дал ему новое направление в 1892 году Собестянский в своей книге «Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян» (Харьков, 1892), в которой он хотя и не принижал славянскую культуру, подобно немцам, но решительно выступил против сентиментально-поэтической точки зрения Гердера, Шафарика

[1] Шлецер (Nestor, Russ. Annalen, 1, 33 и сл.) основывался главным образом на начале Киевской летописи, издателем которой он был, где летописец говорит о некоторых русских племенах, что они жили в лесах как звери (Лаврентьевская летопись, 12). См. также описание чехов у летописца Козьмы Пражского (I, 3), о балтийских славянах у Герборда (III, 30).

[2] Славянские же археологи, в свою очередь, всячески превозносили культуру славян и, для того чтобы иметь реальные основания для этого, начали отождествлять ее с доисторической гальштаттской культурой, что, конечно, совершенно неверно. Так делали, в частности, чешские археологи Вольдржих, Ванкель, Гавелька, Смолик и Елинек.

и Коллара. По мнению Собестянского, славяне не были тихим, «голубиным» народом, а народом таким же воинственным и таким же суровым, как и его соседи.

Книга Собестянского вызвала ряд откликов, оценивших положительно его выводы, но вместе с тем она носила также и полемический характер; в целом она все же способствовала тому, что старая некритическая точка зрения Гердера и Коллара уступила место новому, более глубокому исследованию и прежде всего новому изучению источников. С этого времени мы часто встречались со взглядами, близкими взглядам Собестянского. Только Ян Пейскер зашел в своих выводах еще дальше, чем когда-то Шлецер,— до абсурдных крайностей [1].

Если мы хотим рассмотреть затронутый вопрос критически, то должны прежде всего знать факты, которые предоставляют нам история и археология в отношении характера славян и высоты их культуры.

Действительно, кроме указанных на стр. 416 упоминаний в летописях, существует еще значительное число древних сообщений, в которых славянам даются эпитеты: crudeles, crudelissimi, ferocissimi, infidi, ad malum proni — nefandissima, aspera, prava, perversa gens, deterrimum genus и тому подобные [2], но все эти эпитеты, которым можно найти целый ряд аналогий в характеристике древних германцев, ничего не значат, так как они являются обычным обозначением одной воюющей стороной своего противника, употребленным при описании боев со славянами. «Scelerati», «capita venenata» называл славян Бернард Клервосский, когда в 1147 году выступил против них [3].

Такие общие выражения не имеют, однако, значения для познания действительного характера народа. Точно так же не имеют значения определения Киевской и Пражской летописей, так как летописец хотел лишь выразить свое глубокое презрение к языческому образу жизни до принятия христианства.

Гораздо больше значат конкретные сообщения о неблаговидных действиях славян, хотя и тут мы не должны упускать из виду, что написаны они врагами их, христианами, об язычниках. Действительно, существует целый ряд сообщений, описывающих, какими жестокими были славяне на войне не только по отношению к врагу на поле боя, но и по отношению к пленным обоего пола, как их мучили, прежде чем, наконец, принести в жертву богам [4]. Однако то же самое мы читаем и в сообщениях о древних германцах. И достаточно обратить особое внимание на отношение германцев к славянам, чтобы жестокость славян стала объяснимой. Славяне просто отплачивали за то, что делали им германцы, которые вообще считали славян низшим народом, бросали славянских детей псам, зазывали славян к себе на пир, а затем убивали их, измеряя их мечом,—каждому, кто был выше, отрубали голову — и самым жестоким образом мучили славян, осмеливавшихся восставать против германского рабства [5]. А раз это известно, то не следует удивляться и взрывам жестокости со стороны славян. Все это — простое следствие ожесточенных боев за свободу, боев между двумя исконными противниками. Эпитеты crudelissimi, nefandissimi ни в коей мере не являются особой характеристикой славян.

Других косвенных сообщений о славянах немного, к тому же к ним следует относиться осторожно, поскольку они противоречат иным данным.

[1] См., в частности, его последнюю книгу „Kdo byli naši předkové“ (Praha, 1921); „Revue des Études slaves“, 1922, 19 и сл.

[2] См. точные примеры в „Živ. st. Slov.“, III, 758.

[3] „Mecklenb. Urkundenbuch“ (Schwerin, 1863), I, 35.

[4] См. примеры в „Živ. st. Slov.“, III, 759 и сл.

[5] См. примеры 1, с. (например, „Vita Caroli mon. Sangall.“, II, 12; Widukind, I, 35, II, 20, III, 52, 55; Saxo Gramm. (ed. Holder), 150, 151, 278, 279; Const. Porph., De adm. imp., 30; Kosmas, I, 40; Лаврентьевская летопись под 941 годом.

Упоминания о суровости нравов варваров европейского севера никого не удивляют [1]. Лишь одно вредоносное свойство славян засвидетельствовано не только древними сообщениями, но и всей их историей. Это исконные *распри*, даже ненависть одних родов и племен к другим[2], распри, которые мешали объединению племен даже в минуты величайшей опасности и которые стали историческим злом славян.

Если же при всем том существует и другой ряд сообщений, в которых те же, кто писал об отрицательных свойствах славян, пишут об их положительных качествах, а иногда даже превозносят добрые свойства славян, то, несомненно, можно верить тому, что славянам действительно принадлежали эти добрые качества.

Так, рассказывают, что славяне мягко обращаются с пленными [3] и рабами, что спустя некоторое время отпускают их совсем на свободу [4], что славяне честны, откровенны, незлонамеренны [5], что они справедливы, что они заботятся о старых, бедных и больных [6], что они приветливы с чужеземцами и очень гостеприимны [7], далее, что они трудолюбивы, терпеливо переносят страдания [8], а жены их чрезвычайно целомудренны [9], что славянам свойственна большая любовь к дому и свободе. Видукинд, оставивший ряд сообщений о жестокости германцев, говорит о славянах: «omnem miseriam carae libertatis postponendes» [10], а Гельмольд добавляет, что славяне готовы были скорее умереть, чем принять христианство и платить Sasûm tribut [11]. С этой любовью к свободе и родине связана и храбрость в боях за свободу, о которой также сохранился ряд сообщений [12], косвенно подкрепленных к тому же тем упорством, с каким западные славяне сопротивлялись натиску немцев или с каким они завоевывали в VI и VII веках Балканский полуостров. О невоинственности славян в смысле теорий Гердера и Коллара существует собственно только одно свидетельство в известном рассказе Феофилакта Симокатты, в котором говорится, что три славянина, захваченных в 591 году войском императора Маврикия, объявили императору, что они из народа, который не знает ни войн, ни военного вооружения, а только музыкальные инструменты... [13] Однако это явная отговорка трех захваченных разведчиков, и к тому же перифраза древних сообщений о гетах. Это свидетельство противоречит всем остальным сообщениям, и основываться на нем нельзя.

Из приведенных сообщений характер древних славян и его этическая сторона представляются достаточно ясно. Славянам были свойственны все качества, какими обладали другие древние северо-европейские народы: они

[1] Herbord, III, 30; Mašûdî (Гаркави, указ. соч., 140).

[2] Maurik., Strat., XI, 5; Лаврентьевская летопись под 862 годом.

[3] Это было до борьбы с германцами.

[4] Maurik., Strat., XI, 5. Leon, Tact., XVIII.

[5] Adam Brem., II, 19; Helmold, I, 2; Procop., III, 14.

[6] Helmold, II, 12.

[7] Maurik., Leon, I. c.; Helmold, II, 12. Легенда о св. Вацлаве (ed. Pastrnek), 60; Поучение Мономаха (Bielowski, Mon. Pol. Hist., I, 871); Ebbo, III, 7; Herbord, II, 41. Слав. *гости* имеет так же, как немецкое *gast*, другое значение, чем лат. *hostis* (см. выше, стр. 353).

[8] Vidukind, II, 20.

[9] Maurik., Leon, I. c.; Thietmar, IX, 3. См. Бонифаций в послании к Эфибальду (Jaffè, Monum. Mogunt., 172). См. выше, стр. 208—209.

[10] Vidukind, II, 20. См. Saxo (ed. Holder), 571. В Man., II, 339, при упоминании о Видукинде говорится о жестокости славян. Очевидно, по ошибке.

[11] Helmold, I, 25. См. также I, 34.

[12] Procop., III, 14, 22; Maurik. и Leon, I. c.; Al-Bekrî, Ибрагим Ибн-Якуб (Charmoy, Relation, 353), Ибрагим (ed. Westberg), 58; Adam. Brem., II, 18; III, 21, IV, 18; Vita Adalberti auct. Canapario, c. I; Herbord, II, I; Thietmar, VII, 44; Saxo Gram. (ed. Holder), 604; Tougard, Histoire profane, 87, 93, 105.

[13] Theoph., IV, 2; Theoph. (ed. Boor), 268.

были жестоки и мстительны, коварны по отношению к своим врагам, но они имели ряд положительных качеств в своем домашнем быту. Однако мы нигде не читали, кроме указанного рассказа Феофилакта, что славяне были невоинственны, что они были тихим, «голубиным» народом; это не подтверждается также всей древней историей славян.

Итак, славяне не уступали в этом отношении германцам. Собестянский был прав. Но было бы все же ошибкой полагать, что между характером славян и германцев вообще не было различия. Хотя приведенные древние сообщения не указывают на эти отличия, но вся последующая история, а затем и современное психологическое и моральное состояние славянского народа свидетельствуют все же о том, что между чертами германского и славянского характеров существует бесспорное и серьезное различие. Правда, в настоящее время мы не можем говорить о каком-то единстве славянского характера, так как, например, характеры чешского, сербского и русского народов значительно отличаются друг от друга, более того, даже между отдельными ветвями народа имеются большие различия в характере, например между чехами и словаками или между русскими и украинцами. Но тем не менее тут существуют определенные общие черты: так, например, склонность к свободе и демократии, переходящая даже в анархичные формы, склонность к сентиментализму, скептицизму, мистицизму и постоянному размышлению, склонность к увлечению тем или другим делом; и в то же время славяне обладают меньшими способностями завершать дело и утверждать его, обладают меньшей силой воли, зато им свойственна склонность к высокой справедливости и общему миролюбию, к приветливости и искренности. Все эти черты отличают славянский характер от германского, хотя они и не выражены у всех народов одинаково.

Кроме того, у славян всегда отсутствовал милитаризм, а также стремление к абсолютизму, к могучему сосредоточению индивидуальных сил, а следовательно, и стремление к империализму. Напротив, у них в противовес этому постоянно возникало так называемое славянофильское и братское учение, провозглашавшее справедливость и любовь ко всем и равенство всех.

Славянский национализм был всегда иным, чем властолюбивый и узурпаторский национализм германцев, страстно стремившихся к власти над всеми. Никто не говорит о славянах то, что Тацит и Плутарх говорят о германцах [1].

Материальная культура, созданная этим характером, долгое время была невысокой. Я уже говорил выше, что было главной причиной этого. Вероятно, не неспособность народа, а его географическое размещение, которое долгое время отделяло славян от крупнейших центров древней цивилизации, и суровые условия, принуждавшие славян к тяжелому земледельческому труду и отвлекавшие их от создания более высоких творений культуры и, в частности, искусства. Однако способность славян к более высокой цивилизации была засвидетельствована позднее тем, как они сумели воспринять римско-германскую и греческо-восточную культуру, когда в VIII—IX веках достигли сфер влияния этих культур. Хотя славяне и не сумели быстро создать новые и оригинальные произведения, но зато они сумели воспринять более высокие культуры и творить затем в их духе, освоив их технику. Первое славянское искусство даже с художественной точки зрения не было примитивным, так как славяне быстро проявили большой вкус и умение. А это тоже что-нибудь да значит. Народы проявляют степень своей цивилизации также в том, насколько они умеют воспринимать и развивать дальше то, что создали другие.

Культура, достигнутая славянами в X и XI веках, не была единой, как не была полностью единой славянская культура и в доисторическую эпоху.

[1] Tac., Germ., 14; Plt., Aemilius Paulus, 12.

Следует с уверенностью констатировать, что большое, знаменательное деление славян на две культурные сферы: западную и восточную, явилось делом не только поздней истории, даже не только IX—XI веков — эпохи, когда славяне более всего воспринимали влияние со стороны, — но и делом еще предшествующих, доисторических эпох.

Если в доисторическую эпоху славяне находились в своей колыбели между Вислой и Днепром или, возможно, между Одером и Днепром [1], то уже с древних времен, с начала эпохи бронзы, их западная часть на Одере и Висле имела иные культурные достижения и импульсы, нежели восточная часть — между Карпатами и Днепром. Влияния культуры эпохи бронзы, позднее гальштаттской, галльской с Рейна и Марны, затем германской с низовий Эльбы и Балтийского побережья, как бы мало славяне на них ни реагировали, подготовили иную почву, нежели была та, которую у восточной части славян подготовили влияния степных аборигенов, скифов и сарматов, потом финнов и, наконец, всего Востока и Византии. Следовательно, западное славянство издавна принадлежало к сферам западноевропейской и среднеевропейской культуры, между тем как восточное — к сфере греко-восточной культуры. Таковы сущность и основной характер славянской предистории с точки зрения их культуры [2].

[1] См. П. Шафарик, Славянские древности, I, 25 и сл.

[2] *Примечание чешской редакции.* Л. Нидерле в конце рукописи II тома своего „Руководства" сделал примечание, что он закончил свой труд 29 июля 1924 года и проверил его 2 февраля 1925 года. К этому можно добавить, что текст обоих томов „Руководства" совпадает с рукописью Нидерле. Поэтому, например, часть, посвященная славянским курганам и погребальным обрядам, подробнее изложена, чем в „Manuel". Конечно, принимались во внимание дополнения, сделанные во французском переводе, но только в тех случаях, когда было очевидно, что речь идет о дополнениях, внесенных автором при корректуре гранок. Вообще же эти мелкие дополнения касаются прежде всего данных об источниках. На случаи несовпадения оригинала с переводом везде обращалось внимание.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. Монографии

Аничков Е. В., Язычество и древняя Русь, СПБ, 1914.
Аничков Е. В., Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, СПБ, 1905 (сборник отд. русск. яз. и слов., LXXIV).
Аристов Н., Промышленность древней Руси, СПБ, 1866.
Arne T., La Suède et l'Orient, Upsala, 1914.
Berneker E., Slavisches etymologisches Wörterbuch, I, Heidelberg, 1908—1913.
Braungart R., Urheimat der Landwirtschaft aller indogermanischen Völker, Heidelberg, 1912.
Brückner A., Mitologja słowiańska, Kraków, 1918.
Будилович А. С., Первобытные славяне в их языке и т. д., I—II, Киев, 1878—1882.
Dalton O., Byzantine art and archaeology, Oxford, 1911.
Флоринский В. М., Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, ч. I—II, Томск, 1894.
Friedrich G., Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae, I, Pragae, 1907.
Giesebrecht L., Wendische Geschichten aus den Jahren 780—1182, Berlin, 1843.
Голубинский Е. Е., История русской церкви, 2 изд., Москва, 1901.
Hampel J., Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Braunschweig, 1905.
Гаркави А., Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870.
Ханенко Б., Древности Приднепровья, II—V, Киев, 1899—1902.
Charmoy, Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves (Mémoires de l'Académie de Saint-Pétersbourg, Ser. VI, т. II), 1834.
Хойновский И., Краткие археологические сведения о предках славян и Руси, I, Киев, 1896.
Хвойко В., Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена, Киев, 1913.
Хвольсон Д., Известия о хозарах... арабского писателя Ибн-Даста, СПБ, 1869.
Jacob G., Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalters, Leipzig, 1887.
Jacob G., Die Waren beim arabisch-nordischen Verkehr, Berlin, 1891.
Jacob G., Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus nordisch-baltischen Ländern, Berlin, 1891.
Jagič V., Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, 2 vyd., Berlin, 1913.
Jagič V., Zur slavischen Mythologie, Archiv f. slav. Philologie, XXXVII, 1920, 492—511.
Janko J., O pravěku slovanském, Praha, 1912.
Jireček K., Handelsstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien während des Mittelalters, Prag, 1879.
Jireček K., Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien, Wien, 1912—1914 (Denkschr. vídeňské Akad., tř. hist. fil.).
Kadlec K., Články uveřejněné v dile Encyklopedja polska, IV, 2, 1912 v Krakově.
Кондаков Н. П. и Толстой И., Русские древности в памятниках искусства, вып. I—VI, СПБ, 1889—1899.
Кондаков Н. П., Русские клады, I, СПБ, 1896.
Кондаков Н. П., История и памятники византийской эмали, СПБ, 1892.
Kos Fr., Gradivo za zgodovino Slovencev, I—II, Ljubljana, 1903—1906.
Kostrzewski J., Wielkopolska w czasach przedhistorycznych, 2 vyd., Poznań, 1923.
Козловская В., Славянские курганы и городища, Киев, 1914.
Krek Gr., Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2 vyd., Graz, 1887.
Lindenschmit L., Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit I—V, Mainz, 1858 a d.

Lindenschmit L., Handbuch der deutschen Alterthumskunde, Braunschweig, 1880—1889.
Лясковранский В. Г., История переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст., Киев, 1903.
Mansikka V., Die Religion der Ostslaven I., Helsingfors, 1921.
Маринов Д., Жива старина, Рущук, 1898.
Marquart J., Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
Meitzen A., Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen atd. I, Berlin, 1895.
Miklosich Fr., Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.
Miklosich Fr., Lexicon palaeoslovenicum, Vindobonae, 1862—1865.
Младенов С., Старите германски елементи в славянските езици, София, 1910.
Murko M., Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Südslaven, Mith. d. anthr. Gesch. in Wien, XXXV—XXXVI, 1906.
Niederle L., Slovanské starožitnosti, I—IV, Praha, 1901—1924.
Niederle L., Život starých Slovanů, I—III, Praha, 1911—1925.
Niederle L., Manuel de l'antiquité slave, I, Paris, 1923.
Pastrnek Fr., Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methodia, Praha, 1902.
Peisker J., Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren und Germanen, Berlin—Stuttgart, 1905.
Peisker J., The Expansion of the Slaws., Repr. from the Cambridge Medieval History, vol. II, 1914.
Rački Fr., Documenta historiae croaticae periodum antiquam illustrantia, Zagreb, 1877.
Reallexicon der germanischen Altertumskunde, Strassburg, 1911—1919.
Rhamm K., Ethnographische Beiträge zur germanisch-slavischen Alterthumskunde, I—III, Braunschweig, 1905—1910 (II, 1, Altslaw. Wohnhaus, 1910).
Sadowski J., Die Handelsstrassen der Griechen und Römer, Jena, 1877.
Самоквасов Д. Я., Могилы русской земли, Москва, 1908.
Самоквасов Д. Я., Северянская земля и северяне по городищам и могилам, Москва, 1908.
Саввантов П., Описание старинных русских утварей, одежд, оружия и т. д., СПБ, 1896.
Schrader O., Reallexicon der indogermanischen Alterthumskunde, Strassburg, 1901.
Смирнов Я. И., Восточное серебро, СПБ, 1909.
Срезневский И. И., Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, СПБ, 1893—1903.
Стрекалов С., Русские исторические одежды от X до XIII века, СПБ, 1877.
Strzygowski J., Altai — Iran und Völkerwanderung, Leipzig, 1917.
Szelagowski Ad., Najstarsze drogi z Polski na wschód, Krakow, 1909.
Тихонравов Н. С., Летописи русской литературы и древности, I—IV, Москва, 1859—1862.
Tougard A., L'histoire profane dans les Actes des Bollandistes, Paris, 1874.
Веселовский А. Н., Разыскания в области русских духовных стихов (Сборник II отд. Акад. Наук, 1879 и т. д.).
Viollet-le-Duc, Dictionnaire raisonné du mobilier français, Paris, 1868—1875.
Владимиров П. В., Поучения против древнерусского язычества, III, СПБ, 1897.
Vocel J., Pravěk země české, Praha, 1868.
Waitz G., Deutsche Verfassungs-Geschichte, Kiel, 1844—1885.
Zibrt C., Dějiny kroje v zemích českých, I, Praha, 1892.

Б. Периодические издания и сборники

Archaeologische-epigraphische Mitteilungen (Vídeň).
Archiv für slavische Philologie (Berlín — Vídeň).
Византийский Временник, СПБ.
Bulletin de l'Académie de Cracovie: Sprawozdania z posiedzeń wydz. filolog. (I), wydz. hist.-filoz. (II).
Byzantinische Zeitchrift (Mnichov).
Český časopis historický (Praha).
Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn (Budapešť).
Журнал Министерства народного просвещения (СПБ), сокращенно: ЖМНП.
Izvestja Muz. Društva za Kranjsko (Ljubljana).
Известия импер. Академии Наук (СПБ).
Известия импер. археологической Комиссии (СПБ).
Известия отд. русского языка и словесности импер. Академии Наук (СПБ).
Известия русского археологического Института в Константинополе (София).
Киевская Старина (Киев).
Ljubljanski Zvon (Ljubljana).
Mannus (Berlin).

Materialy i prace Komisji językowej (Akademie v Krakově).
Материалы по археологии России (СПБ).
Monumenta Germaniae: Scriptores.
Monumenta Poloniae historica (Akademie v Krakově).
Památky archeologickè (Praha).
Rad jugoslavenske Akademije (Zagreb).
Revue des Études slaves (Paris).
Rocznik slawistyczny (Krakov).
Русский филологический Вестник (Варшава); сокращенно Р. Ф. В.
Сборник за народни умотворения и т. д. (София).
Schriften der Blakan-Kommission der k. k. Akademie (Vídeň).
Slavia (Praha).
Slovanský přehled (Praha).
Slovenské Pohl'ady (Turčiansky Sv. Martin).
Sprawozdania krakovské akademie; viz Bulletin.
Świątowit (Varšava).
Труды археологических съездов (Москва).
Записки импер. Академии Наук (Петроград).
Записки наукового Товариства имени Шевченка (Львов).
Записки Общества истории и древностей (Одесса).
Zbiór wiadomósci do antropologii krajowej (Krakov).
Zeitschrift für deutsches Altertum (Berlin).
Zeitschrift für slavische Philologie (Lipsko).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абульфеда Исмаил ибн-Али (1273—1331), арабский географ 274
Август (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) 177
Агриппа Випсаний (63—12 до н. э.) 32, 94
Адам Бременский (ум. ок. 1085 г.) 104,105, 115, 116, 117, 157, 167, 282
Адонис 191
Айзнер Ян, чехословацкий историк и археолог 7
Александр Македонский (356—323 до н. э.) 20, 48
Аль-Ахтань, арабский поэт 181
Аль-Балхи (X в.), арабский географ 148
Аль-Джаайхани Ахмед 141
Аль-Истахри (X в.), арабский географ 148, 149
Альмгрен 102, 141
Амартол, византийский хронист (IX в.) 19
Аммиан Марцеллин (330—400) 51, 55
Анастасий I (430—518), византийский император 58
Аничков Е. Ф. (1866—1937) 270, 278
Анна Комнена (XI в.) 63, 64, 93
Анонимный персидский географ (последняя четверть X в.) 141, 148, 149, 154, 202, 224, 225, 249
Антонович В. Б. (1834—1908) 156
Анучин Д. Н. (1843—1923), русский антрополог, географ, этнограф и археолог 25
Аппендини Фр. 168
Апсих, аварский полководец 140
Аристотель (384—322 до н. э.) 320
Арнаудов А. 296
Арн (VIII в.), зальцбургский епископ 70
Арне Т., шведский археолог 148, 365
Арриан (ок. 95—175 гг.) 20
Арциховский А. В. (род. 1902) 11
Аскольд (IX в.), киевский князь 146
Аспарух (VII в.), болгарский вождь 143
Аттила (ум. 453), вождь гуннской конфедерации 52—54, 132, 212, 213
Афродита 191, 280
Астарта, финикийская богиня 280
Ауфи 148

Баварский аноним (около 873 г.) 30, 33, 91, 99, 120, 123, 124, 156—159
Багалей Д. И. (1857—1932), укр. историк 147
Бакуфи (XV в.), араб. писатель 274
Бальцер О. 323
Барсов Н. П., русский историк (1839—1889) 128, 138, 150, 153, 155, 158, 163, 164
Бартошевич 124
Бауэр Г. 146
Баян (VII в.), глава аварской конфедерации 156
Бековский Я. 20
Белбог, славянское языческое божество 284
Белич А. 43, 68
Беловский А. 28, 124, 125, 168
Бернард Клервосский (1091—1153) 417
Бернекер Е. (1874—1937) 125
Бобринский А. А. 124
Богданов А. П. (1834—1896), русский антрополог 25
Богуславский Е., польский историк 48, 73, 77, 107, 113, 124, 168, 169, 313
Богухвал, польский хронист (ум. 1253) 20, 29, 124
Бож, антский вождь 139, 140
Болеслав Грозный (929—967), чешский князь 363
Болеслав Храбрый (992—1025), польский король 118, 367
Болтин И., русский историк 146, 168
Бонифаций, св. (VIII в.) 189

Бонкало А. 159
Бопп Ф.(1791—1867) 21
Борис (IX в.), болгарский князь 322
Борис, сын Влад. Святосл., ростовский князь, убит Святополком в 1015 г., 211, 230
Боян, певец, персонаж «Слова о полку Игореве» 279
Браун Ф., русский историк 78, 142
Бремер 32
Бржетислав (XI в.), чешский князь 184, 188, 212, 258
Брока П. (1824—1880), франц. антроп. 24
Брюкнер А., польский филолог 23, 32, 68, 100, 103, 112, 285, 307, 313, 368, 401
Быстрень Ян 182
Буга К. 32, 34, 39
Будде Е., русский филолог 160, 161
Будилович А. (1846—1908), русский филолог 32, 44, 146, 148
Будимир М. 41
Бурхард, епископ Гальберштадтский (XI в.) 282
Буслаев Ф. И. (1818—1897), русский филолог 44

Ваповский Б. 20
Василий II Болгаробойца (975—1025) 227
Васильевский В. Г. (1838—1899), русский историк 132, 147, 148
Варрон (116—27 до н. э.) 313
Вацлав (X в.), чешский князь 184, 415
Велес (Волос), языческий славянский бог 276, 277, 279, 280, 285, 320
Венелин Ю. (1802—1839) 132, 146
Вергилий (70—19 до н. э.) 313
Веркович С. 168
Веселовский А. Н. (1838—1906), русский филолог 191, 273
Вестберг Ф. 140, 153
Вибий Секвестр (VI в.) 104, 112
Видукинд (ум. ок. 1004), нем. хронист 180, 418
Вилибальд (VIII в.), нем. епископ 89, 106
Вилке Г., немецкий археолог 26
Винаржицкий К., чешский историк 168
Винитар (IV в.), готский король 139
Виргилий (VIII в.), зальцбургский епископ 70
Вирхов Р., немецкий антрополог 25, 205
Виттиг В. 364
Владимир Мономах (1053—1125), великий князь киевский 204, 319
Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь киевский 133, 138, 155, 189, 201, 202, 203, 211, 261, 275, 277, 278, 332, 363, 415
Востоков А., русский филолог 44
Всеволод (1139—1146), великий князь киевский 184
Вятко, легендарный предок вятичей 161

Гаек из Либочан, чешский хронист (XVI в.) 20
Галл (XI в.), польский хронист 177, 355, 367
Гамченко С., русский археолог 156
Ганка В. 364
Гардизи, персидский географ 141, 148, 149, 180, 181, 189, 224, 225, 234, 274, 321, 372, 392
Гаркави А. Я., русский филолог 141, 143, 149, 153, 154, 156, 306, 316
Гебауер И. 44
Гебхарди Л., немецкий историк 168
Гедеонов С. А. (1816—1878) 147
Геллих И., чешский антрополог 25
Гельмольд (ок. 1125—1177), немецкий хронист 115—117, 223, 249, 282—284, 301, 305, 361, 363, 365, 418
Гельфердинг А. 90, 140
Генрих I Птицелов (876—936) 106
Генрих II (973—1024) 104, 114, 120, 278
Генрих (ум. 1119), ободритский князь 113, 118
Генов Г. 49
Георги Л. 146
Герберт Бранденбургский, епископ (XII в.) 288
Герборд 117, 118, 192, 194, 202, 236, 249, 291
Гердер И. Г., немецкий философ 416, 417, 418
Гермайер 30
Герман (первая половина VI в.), римский полководец 58
Германарих (IV в.), вождь остготов 132, 135
Геровит, славянское языческое божество 283
Геродот (около 484—425 до н. э.) 31, 32, 33, 36, 39, 130, 131, 135, 139, 168, 223, 320, 350
Гесиод (VII в. до н. э.) 39
Гатторер И. Х., немецкий историк 168
Глеб (XI в.), муромский князь 211, 230
Гомер 168
Городцов В. А. (1860—1945) 161
Готшалк (1043—1066), ободритский князь 113, 118
Григорий I (VI в.), папа римский 60
Григорий Богослов (ок. 329—ок. 389) 183
Григорович В., русский филолог 44
Грубишиц К. 168
Грушевский М. С. (1866—1934), украинский историк 7, 141, 147, 157, 158, 165

Дагоберт I, франкский король (629—638) 224
Даждьбог, языческий славянский бог 275, 276, 278, 279, 280
Далимил, чешский хронист (XIII — начало XIV в.) 20
Данковский, словацкий историк 168
Дарий I (521—486 до н. э.) 36, 130, 139
Деметрикевич В. 401
Денис Эрнст, франц. историк 16, 17, 50
Джонс В. 21
Диоклетиан (245—313), римский император 283
Дион Кассий (155—235) 51, 55
Дион Хрисостом (I — начало II века н. э.), греческий философ и писатель 192
Дир (IX в.), киевский князь 146
Длугош, польский хронист (ум. 1480) 20, 29, 167, 285
Добровский Й. (1753—1829), чешский филолог и общественный деятель 5, 15, 20, 21, 32, 41, 44, 48, 76, 205
Долци Ф. 168
Дринов М. (1838—1906) 28, 57, 64, 132
Дубравиус С. 20
Дюммлер А. 73

Забелин И. А. (1820—1908), русский историк и археолог 132, 147
Захарий (VIII в.), папа римский 106
Захарьев С. 168
Зевс 283
Зограф Н., русский антрополог 25

Ибн-Русте (конец IX — начало X в.), арабский географ 148, 149, 157, 180, 181, 188, 203, 225, 228, 249, 263, 274, 290, 316, 372
Ибн-Хаукаль (X в.), арабский путешественник 148, 149, 225
Ибн-Хордадбег (ок. 820— ок. 912), арабский географ 148, 149, 153, 349, 356
Ибн-Фадлан (X в.), арабский путешественник 132, 149, 153, 189, 191, 192, 201, 203, 225, 230, 258, 349
Ибрагим Ибн-Якуб, еврейский путешественник (X в.) 25, 120, 133, 149, 156, 181, 183, 198, 201, 204, 223, 225, 263, 319, 329, 349, 363, 390, 394
Игорь (ум. 945), киевский князь 212, 347
Иероним, св. (V в.) 29
Иков К., русский антрополог 25
Иловайский Д. И. (1832—1920), русский историк 46, 131, 132, 140
Ильинский Г. А. 258
Инама-Штернегг К. 323
Индржих II (XI в.), польский король 386
Иннокентий IV, папа римский (XIII в.) 29, 47
Иоанн VIII, папа римский (IX в.) 188
Иоанн X, папа римский (914—928) 29, 47
Иоанн бикларский, аббат (VI в.) 62, 89
Иоанн Диакон, византийский хронист 149
Иоанн Эфесский (вторая половина VI в.), сирийский хронист 59, 89, 133, 368, 371, 372
Иоанн (Ян) Менеций (XVI в.) 212
Иоаким (X в.), епископ новгородский 277
Иордан (VI в.), историк готов 39, 40—42, 49, 50, 53, 56, 65, 93, 94 127, 132, 135, 139, 140, 148, 153, 371
Иосиф (X в.), хазарский царь 159
Ираклий (610—641), византийский император 61, 76, 77, 89
Иречек К. (1854—1918), чеш. ист. 50, 63
Исидор (VII в.), византийский хронист 89

Кавчинский 32
Кадлец К. 304, 305, 306, 307
Кадлубек В., польский хронист (ок. 1160— ок. 1223) 20, 29, 48, 123, 124, 167, 208
Казвини (1203—1283) 181, 188, 351
Карамзин Н. М., русский историк (1766—1826) 146
Карл Великий (ок. 742—814) 65, 113, 178, 207, 333, 347, 348, 355, 357, 372
Карский Е. Ф. (1861—1931) 137
Качеповский М. (1827—1872) 146
Квашин-Самарин Н. 147
Кентжинский В., польский историк 168, 169
Кий, легендарный основатель Киева 146
Киннамос (род. ок. 1143), византийский хронист 124
Кирилл II, митрополит киевский 188
Клечевский С., польский историк 168
Климент, епископ Охридский (ок. 900 г.) 314, 317.
Ключевский В. О., русский историк (1841—1911) 27, 28
Козьма Пражский (ок. 1045—1125), чешский хронист 120, 121, 185, 188, 199, 212, 229, 234, 237, 258, 263, 271, 296, 305, 394
Колесса Ф. М. (1871—1947) 165
Коллар Я. (1793—1852), чешский общественный деятель, археолог и поэт 5, 41, 168, 416, 417, 418
Кольман И., немецкий антрополог 25
Коменский Я. (1592—1670) 416
Комит Марцеллин (VI в.), византийский историк 58
Кондаков Н. П. (1844—1925), русский археолог и искусствовед 232, 238, 405

Константин (Кирилл) (827—869), славянский просветитель 23
Констант II (642—668), византийский император 61
Константин IV (668—685), византийский император 61
Константин Багрянородный (912—959) 37, 57, 72, 76, 89, 90, 93, 103, 148, 149, 150, 154, 156, 158, 159, 163, 234, 307, 360, 367, 371
Кончак (XII в.), половецкий князь 371
Копитар Б. (1780—1844), чешский филолог 20, 44, 67, 68, 73, 91
Кёппен Н. 146
Коссина Г., немецкий археолог 26, 27, 101
Костржевский 141
Косшевский И., польский историк и археолог 11
Котляревский А. (1837—1881) 147
Коцел (IX в.), моравский князь 72
Кочубинский А. А. 33, 137
Крантц А. (XVI в.) 167
Крек Гр. 32, 313, 416
Кромер М. (1512—1589) 20
Крутой (1066—1105), руянский князь 113, 118
Кубрат (VII в.), болгарский вождь 60, 143
Кукулевич-Саксинский Я. 168
Куник А. (1814—1899), русский историк 125, 146
Кухарский А., польский историк 168

Лаврентий, архиепископ из Спалато (XI в.) 332
Лаврентий, древнерусский летописец (XIV в.) 19
Ламанский В., русский историк 92, 93
Лев Диакон (род. ок. 950), византийский хронист 207, 209
Лев Мудрый (886—912), византийский император 150, 189, 208
Левец В. 323
Лелевель И. (1786—1861), польский историк 125, 168
Лер-Сплавинский Т., польский славист 8
Лех, мифический предок поляков 124
Лихачев Д. С., советский филолог (род. 1906) 19
Ломоносов М. В. (1711—1765) 146
Лоренц Ф. 118
Лотарь I (795—855), франкский император 115, 282
Луипольд (XI в.), архиепископ Майнцский 106
Луитпранд, кремонский епископ 149
Луифрам (IX в.), зальцбургский епископ 75
Лука, епископ новгородский (XII в.) 188
Людевит (IX в.), хорватский князь 394
Людовик IV Заморский, франкский король (936—954) 350, 353
Людовик Благочестивый (778—840), франкский император 147
Лют, легендарный предок лютичей 115

Маврикий (582—602), византийский император 60
Маврикий Стратег (VI — начало VII в.), византийский писатель 153, 189, 208, 249, 305, 320, 372, 377, 418
Мазон А., французский филолог 17
Макаренко Н. Е., русский археолог 250, 253
Максимин (V в.), византийский дипломат 52
Максимович М., русский филолог 44
Малала, Иоанн, сирийско-византийский хронист (2-я пол. VI в.) 19, 277, 279
Мансикка В., фин. этнограф 270, 273
Маркварт И., немецкий историк 148
Маробод (I в.), маркоманский вождь 95
Марциан (ок. 400) 38, 94
Масуди (X в.), арабский географ 78,118, 120, 141, 143, 148, 149, 153, 156, 182, 188, 189, 193, 194, 204, 206, 209, 272
Матиаш Я. из Судет 20
Мацийовский В., польский историк 125, 168
Мейе А. (1866—1936), французский лингвист 23, 34, 43, 127, 136, 316
Мейтцен Авг. 323
Мержва, польский историк 20]
Мефодий (ум. 885), славянский просветитель 23, 72
Мешко (960—992), польский князь 189, 363, 367
Миклошич Ф. 23, 41, 50, 67, 68, 72, 73, 76, 91, 135, 283, 305, 306
Миллер В. Ф. (1848—1913), русский этнограф и лингвист 132
Миллер Г. 146
Милоевич М. 168
Митридат Евпатор (132—63 до н.э.), понтийский царь 131
Михаил III (IX в.), византийский император 89, 145, 179
Михаил, князь Захлумца (X в.) 47
Михаил Сириец, сирийский хронист 93, 319, 372
Моисей Хоренский (VII в.), армянский историк 57
Мокошь, языческая славянская богиня 276, 280
Монтелиус Оскар (1843—1921), шведский археолог 102
Морошкин 146

Мука Арношт 111, 112, 113, 116
Мукаддеси (2-я пол. X в.), арабский географ 148
Мунтимир (IX в.), сербский князь 322
Муслим Аль-Джерми (IX в.) 148
Мусони Ф. 71
Мух Р. 39
Мюлленгоф К., немецкий историк 50, 101, 135
Мюллер 146

Негринг В. 125
Надеждин Н. И., русский историк 127, 158
Насир-и-Хисров (XI в.), персидский поэт 181
Непот Корнелий (ок. 100 — ок. 27 до н. э.) 38
Нестор, древнерусский летописец (XII в.) 19
Нидерле Любор (1865—1944) 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 17, 32, 57, 68, 69, 75, 92, 137
Никифор, патриарх Константинопольский (792—828) 91, 132
Никифор II Фока (912—969), византийский император 232
Николай (IX в.), папа римский 228
Николай III (1084—1111), царьградский патриарх 61, 89
Новосек С., польский археолог 8

Ободр, легендарный предок ободритов 114
Один, скандинавский языческий бог 276
Олег (ум. 912 или 922), киевский князь 146, 147, 148, 150, 155, 157, 347
Ольга (ум. 969), русская княгиня 212, 304, 321, 371
Оттон I Великий (912—973), германо-римский император 104
Оттон II Рыжий (955—983), германо-римский император 104, 232
Оттон III Чудо мира (980—1002), германо-римский император 106
Оттон, епископ Бамберский (XII в.) 183, 188, 189, 231, 234, 283
Оттон, маркграф Мейссенский (XII в.) 307

Павел, апостол 28, 47
Павел Диакон (род. ок. 720), лангобардский историк 70, 140, 372
Павлов Н., рус. славист 147
Павсаний (II в.) 51, 321
Палацкий Ф. (1798—1876), чешский общественный деятель, историк 5
Палладий (IV в.), римский ученый 313
Панченко Б., русский историк 92, 93
Папанек Г., словацкий историк 168
Папроцкий Б., чешский историк 20
Пастрнек Ф., чешский лингвист 119
Пейскер Я., чешский историк и социолог 27, 33, 37, 38, 39, 63, 92, 131, 139, 156, 197, 301, 307, 313, 319, 320, 321, 323, 417
Пекосинский Фр. 125
Пенка К., немецкий антрополог 25
Первольф И. 140, 147, 169
Перун, языческий славянский бог 275, 276, 277, 278, 280, 281, 285
Пёше Т., немецкий антрополог 25
Пешина Т. из Чехорода 20
Пифий (IV в. до н. э.) 138, 141
Пич Й. Л. (1847—1911), чешский археолог 27, 28, 128, 169
Плиний Старший (23—79) 32, 38, 40, 55, 56, 94, 95, 133, 313, 350
Плутарх (46—120), греческий писатель 419
Погодин А., русский историк 23, 32, 33, 40, 141, 279
Погодин М. П. (1800—1875) русский историк 28, 147, 165
Подага, славянское языческое божество 284
Пожезинский В. 23
Поливка Ю., рус. лингвист 119
Помпоний Мела (1-я пол. I в.) 32, 39, 94, 133
Помпей Трог (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) 37
Потебня А. (1835—1891), рус. филол. 147
Потоцкий Я., польский историк 168
Пржемысл (VIII в.), чешский князь 226, 234
Прибина (IX в.), моравский князь 72, 75
Прибыслав (XII в.), ободритский князь 362
Припегало, славянское языческое божество 283
Приск (VI в.), византийский полководец 201, 204
Приск Панийский (V в.), византийский дипломат и историк 52, 202, 316, 349, 359
Присциан (II в.), римский грамматик 56
Проб (III в.) 65, 96
Пров, славянское языческое божество 284
Прокопий Кессарийский, византийский историк (VI в.) 32, 40, 50, 56, 57, 58, 64, 65, 100, 103, 127, 140, 153, 159, 180, 225, 228, 249, 270, 273, 277, 284, 299, 372
Протоген, гражданин Ольвии (III в. до н. э.) 36
Псевдо-Цезарь Назианский (VI в.) 40, 50, 183, 197
Птолемей Клавдий, греческий географ (1-я пол. II в. н. э.) 32, 34, 36, 38, 40, 41, 55, 64, 94—96, 99, 100, 101, 103, 129, 135, 138, 141, 157

Пшибик, Пулкава, чешский историк 20

Равенский анонимный космограф (ок. VII в.) 30, 33, 55
Радгост, см. Сварожич
Радим, легендарный предок радимичей 161
Розвадовский Я. 23, 27, 32, 41, 99, 137
Райич 168
Раковский Я. 168
Рамм Карл 256, 257, 267
Рачки Фр. 28, 76
Репников Н., русский археолог 142
Рёсслер Е., немецкий историк 50, 68
Ретциус А., шведский антрополог (XIX в.) 23
Рогвольд, полоцкий князь 151
Роман, византийский император 150
Романов Б. А., советский филолог 19
Романский С. 153
Ростислав (IX в.), моравский князь 179
Ростафинский Н., польский славист 27, 31, 33, 34
Рыбаков Б. А. (род. 1908) 10
Ругевит, славянское языческое божество 283
Рус, легендарный предок русских 124
Рюрик (ум. 879), варяжский князь 145, 146, 151, 162, 164, 367

Саксон Грамматик (ок. 1140—ок. 1208), датский хронист 189, 191, 212, 288, 290, 291, 297, 361, 362, 398
Саманиды, династия правителей Мавераннахра (819—999) 347
Само (623—658) славянский князь 60, 70, 143, 189, 224, 306
Самоквасов Д. Я. (1843—1911), русский археолог 28, 131, 152, 278, 279, 346, 391
Сварог, славянский языческий бог 274, 278, 279, 281, 282, 283, 284
Сварожич, славянское божество 274, 277, 278, 279, 282, 283, 288, 291
Святовит, славянское божество 115, 117, 199, 236, 274, 284, 288, 289, 291, 297
Святополк (IX в.), моравский князь 72
Святополк (XI в.), русский князь 211
Святослав (ум. 972), русский князь 143, 151, 209, 235, 236, 356
Собестянский И. М. (1856—1896), русский юрист 417
Семаргл, языческий славянский бог 276, 280
Септимий Север (193—211) 346
Сестренцевич Ст., польский историк 168
Сива, славянское языческое божество 284
Сизов В. И. (1840—1904), русский археолог 163
Синеус, легендарный варяжский князь 145, 151
Славник, чешский князь 189
Смолка С. 124
Соболевский А. И. (1856—1929) 32, 33, 43, 125, 137, 152, 165, 306
Спицын А. А. (1858—1931) 134, 163, 166, 216
Спонгольц С. Ф., пастор (XVII в.) 289
Срезневский И. (1812—1880), русский филолог 44, 165, 305, 306
Ставракий (VIII в.), византийский полководец 89
Стовик И., рус. историк 49
Страбон (63 до н. э. — 24 н. э.) 56, 63, 89, 95, 96, 349
Стрибог, языческий славянский бог 276, 280
Стрончинский К. 364
Суровецкий В., польский историк 168

Тассила (VI в.), баварский воевода 70, 71
Татищев В. Н. (1686—1750), русский историк 168
Тацит Корнелий (ок. 55—120) 38, 39, 40, 95, 96, 99, 100, 101, 135, 138, 141, 192, 308, 367, 419
Тиберий (578—582), византийский император 59, 60
Титмар (975—1018), епископ Мерзебургский 100, 103, 115, 120, 149, 206, 208, 271, 278, 282, 283, 291, 356
Тихомиров М. Н. (род. 1893) 11
Томаш Сплитский (XII в.) 124, 167
Томашек Я. (р. 1802), чешский славист 142
Томислав, хорватский король (X в.) 47
Тор, скандинавский языческий бог 276, 277, 278
Траян (98—117) 54, 56, 177, 281, 346
Тредьяковский В. К. (1703—1763), русский поэт и историк 146, 168
Третьяков П. Н. (род. 1909) 9, 12
Триглав, славянское божество 224, 236, 283, 291, 398
Трувор, легендарный варяжский князь 145, 146, 151
Тунманн И. 146
Тур, туровский князь 151

Фальк Я. 363
Фасмер М. 32, 34, 39, 363
Феодосий II (408—450), византийский император 202
Феодосий Печерский (XI в.), русский церковный деятель 204
Феофан (758—817), византийский церковный деятель и хронист 90, 91, 93, 132, 140, 148, 149, 349

Феофил (IX в.), византийский император 147
Феофилакт Симокатта (VII в.), византийский историк 140, 418, 419
Фёрстман 32
Фик А. 22, 23
Филевич Ив., русский историк 28, 127, 147, 158
Фишер А. 271
Флоринский В. 131, 132, 416
Фока (602—610), византийский император 57, 60
Фотий (IX в.), патриарх Константинопольский 147
Франта, чешский историк 168
Фредегар (VII в.), франкский хронист 40, 41, 65, 91
Фрея, германская языческая богиня 276

Харузин А. А., русский этнограф 253
Хвойко В. В., украинский археолог 201, 250, 253, 262, 267, 333, 349, 394, 396
Хвольсон Д. А., русский ученый, востоковед 147
Хенсель В., польский археолог 11
Ходаковский З. Д. (1784—1925) 391
Хорив, легендарный основатель Киева 146
Хорс, языческий славянский бог 275, 276, 280, 281

Цейс К., немецкий историк 50, 76, 101, 146

Чамбел Само, словацкий филолог 73, 119
Челаковский Я. (род. 1846), чешский историк права 5
Чернобог, славянское языческое божество 284
Чех, легендарный предок чехов 124, 272

Шайноха К. (1818—1868) 125
Шафарик П. И. (1795—1861), чешский историк 5, 6, 16, 21, 29, 30, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 73, 76, 77, 146, 154, 158, 168, 416, 417
Шахматов А. А., русский филолог (1864—1920) 27, 32, 34, 39, 43, 99, 128, 134, 137, 141, 149, 156, 165
Шеланговский Ад. 123
Шембера А. Н., чешский историк 48, 168
Шир Ф., чешский историк 168
Шишич Ф. 60
Шишков Т. 168
Шишманов 90
Шлейхер А., немецкий лингвист (XIX в.) 22, 23, 44
Шлецер А., немецкий историк 146, 168, 417
Шмидт И., немецкий лингвист (XIX в.) 22, 44
Шрадер 32, 313
Шриттер 146
Шукр-Аллах 274
Шульк 31
Шульц К., польский историк 168
Шухардт К., немецкий археолог 115, 117 282, 288, 394, 396

Щек, легендарный основатель Киева 146

Эббон (ум. 851), франкский писатель 183, 208, 236, 283, 322
Эверс И. (1781—1830) 146
Эгеберт (XI в.), трирский архиепископ 226
Эйнхард (VIII в.), франкский хронист 40, 41, 66, 70, 72, 104, 111, 113, 121
Эндзелин 23

Юпитер 283
Юлий Цезарь, Гай (ок. 100—44 до н. э.) 95, 168
Юлий Капитолин 101, 102, 141
Юрий (XII в.), русский князь 184
Юстин I (518—527), византийский император 58
Юстин II (565—578), византийский император 59
Юстиниан I (527—565), византийский император 50, 58, 59
Юстиниан II (685—695), византийский император 61

Ягич В., (1838—1923), чешский лингвист 20, 26, 37, 43, 44, 67, 68, 72, 73, 77, 125, 278, 306, 313, 411
Якут (1178—1229), арабский географ 181
Ян Благослав (XVI в.), чешский грамматик 43, 44
Янко И., чешский лингвист 37
Ярило, славянское языческое божество 190, 296
Ян Маригнола, чешский историк 20
Яриц Т. 168
Ярослав Всеволодович (XIII в.), переяславский князь 190
Ярослав Мудрый (978—1054), великий князь киевский 184, 224, 226, 230

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«Автохтонизм», «автохтонисты» — школа историков и филологов-славистов 6, 16, 27, 46, 48, 49, 51, 99, 168, 169
Адамклисский памятник в Добрудже 228, 229, 230
Анимизм 270, 271
Анонимный нотарий короля Белы 158
Анонимный Стратегикон 25
Антропология 23

«Баварская хроника» (XIII в.) 20
Балто-славянское единство 136
Бамбергские рельефы 228
Бани 193, 194
Барабан 408
Башни осадные 371
Белка, денежная единица 363
Берестяные грамоты новгородские 11
Бертинские анналы, франц. монаст. летопись (741—882) 149
Бояре 148, 150, 187, 198, 201
Браслеты 239, 240, 241, 245, 247, 333, 405
Бритва 196, 197
Бубен 408
Булава 375

Вал оборонительный 394
Ватиканский менологий (XI в.) 227, 230
Векша, денежная единица 363
Вече 306
Веретено 344, 345
Верша (врша), рыболовная плетеная корзина 322
Весы 365
Вилы, мифологические существа 273
Височные кольца, славянские головные украшения 239, 242—246, 333, 334, 404, 405
Витязи 300, 368
Воевода 369
«Волжский путь» («Путь из Болгар в Хвалисы») 148, 355
Волок 358, 360
Вольфенбюттельский кодекс (конец X — начало XI в.) сб. средневек. немец. письменных документов 226, 235, 236, 238, 370
«Вынесение смерти», вес. праздн. 295

Гать, помост из прутьев и бревен на болоте 357
Гарем 258
Гарпуны 77, 349
Гвозди 331
Гири 365
Глаголица, система письменности 412
Голбец, ход в полу второго этажа, ведущий на первый этаж 257
Гон, единица измерения поверхности 315
Горница, верхнее помещение в клети 256, 257
Городище, укрепленное поселение 307, 308, 389, 390—393
Гостиница 257
Гость, купец 353
Грамота Пражского епископства (973 г.) 123, 124
Гребень 194, 195, 196
Гривна, слиток серебра, древнерусский денежный знак 303, 364
Гривна киевская 365
Гривна новгородская 365
Гривны, шейные обручи 241, 245
Гридница, комната для пиршества 258, 398
«Гульбище», княжеский курган близ Чернигова 220

Гумно, площадка для обмолота зерна 260, 301, 316
Гусли, музыкальный инструмент 408, 409

Дворянство 9, 298, 300, 307
Дедичи, свободные общинники 299
Деньги металлические 364
Десятинная церковь в Киеве (X в.) 288, 333
Десятник, воинский начальник 369
Диадема, головное украшение 237, 241, 242, 245, 405
«Длинные курганы» 217
«Днепровский путь» («Путь из Варяг в Греки») 148, 150, 151, 388
Дружина 149, 201, 209, 258, 276, 278, 279, 306, 366, 367
Дышло 314

Жальники, обложенные камнями могилы 218, 219
Жернова 316, 317, 318
Жертвоприношения у славян 271, 290
Жилище славянское 248 — 253, 256, 257, 326 — русское 255, 256
«Житие св. Авраамия Ростовского» 279
«Житие св. Владимира» 279
«Житие Константина Муромского» 212
Житница, кладовая 260
Житомирские могильники 236
Жрецы 275, 290, 291
Жупа, союз родов 110, 306
Жупан, глава жупы 71, 299, 300, 307
Жупан, верхняя одежда 230

Задруга, большая семья у древних славян 9, 256, 300, 303
«Залозный путь» 356
Законник Душана (XIV в.) 304
Замки 331
Заступ 309
«Збручский идол», статуя Святовита из р. Збруч у Гусятина 228, 231, 283, 287, 288, 289
Землянка (земуница), жилище, углубленное в земле 249, 251, 252, 253
Зеркала 197
Зерновые ямы 260
Зернь, ювелирный прием — узор наносится припаиванием мелких металл. шариков на металл. фон 145, 245, 333, 334, 405
Златник (златница, златьица), монета 364
Знамя 369
Знать, знатные люди 9, 10, 307
Зноймо в Моравии, часовня с фресками (XII—XIII вв.) 226, 235, 236

Иерусалимский итинерарий (IVв.), описание дорог от Бордо до Иерусалима 55, 57
«Изборник» кн. Святослава, сборник церков. сочинений, статей по грамматике, логике и др., составленный для киевского князя Святослава Ярославича (1027—1076 гг.) 226
Иоанна Крестителя празднества 190, 191
Ипатьевская летопись 19, 157, 356
Истба (изба), отапливаемое помещение в доме 252, 253, 254

«Каменные бабы», надмогильные изваяния у кочевнических народов 289
Католическая церковь 297
Капканы звероловные 322
Керамика 338, 339, 340
Киево-Печерская лавра 20, 28
Киевская летопись 123, 124, 188, 190, 207, 209, 226, 275, 277, 293, 349, 350, 355
Киевский патерик XI в. 302
Кика, головной убор 237
Кинжал 372
Кириллица, система письменности 412
Классы, классовое общество 9, 193, 229, 298, 299, 307
Клеть (комора), пристройка к жилищу 256, 257
Клещи 329, 331
Клобук, головной убор 236
Ключи 331
Княжеский дом, дворец 258, 259, 262, 275, 391, 398
Князь 111, 142, 145, 146, 150, 151, 184, 187, 198, 201, 211, 212, 215, 224, 238, 258, 263, 300, 302—304, 306, 360, 366, 367, 398
Ковер из Байе 360, 375
Ковка, техника обработки металла 330, 331
Кожух, верхняя одежда 131, 132
Кокошник, головной убор 237
Кола (колесница), повозка 359
Колиба, хижина, плетенная из прутьев 249, 256
Колонна Траяна 228, 230
Коляда, зимнее празднество 294, 295
Копьё 322, 372, 376
Корона 238, 242
Косы 331
Котлы металлические 331
Кошуля, нижняя рубашка 229
Кресало, огниво 265, 266
Крест из Белой Церкви 336
Крест из Лопушны — остаток идола 401
«Круговые поселения», тип славянских поселков 323, 324

Куница, денежная единица 363
Курган, надмогильная насыпь 216, 218, 219, 238
Курганы скандинавские 216, 217
» скифосарматские 218
Кымбал (цимбалы), музыкальный инструмент 410

Лаврентьевская летопись 19, 20, 137, 138, 143, 154, 155, 157, 161, 165, 305, 306
Лагери военные 369
Ладья из Баумгарта 362
» из Бржезна 362
» из Гокстаза (IX в.) 360
Ладья из Нидама (VI в.) 360
» » Озеберга (IX в.) 360
» » Туна (IX в.) 360
» » Харброва 362
Лампы масляные 265
Лан, единица измерения поверхности 315
Лемех (наральник) 311, 312, 313, 314
Литейные формы 330
Литье, техника обработки металла 330
Ложки 201
Лужицкая археологическая культура 8
Лук, оружие дальнего боя 372, 373, 376
Лунница, металлическое украшение 246
Лучины (осветительные) 265
Лучники (стрелки) 370
Лютня, музыкальный инструмент 410

Магия (колдовство) 292
Маски погребальные 212, 215
Мельница 317, 319
Меха 222, 223, 349
Мечи 142, 348, 349, 372, 373, 374, 375
Молотки 331
Монембасийская хроника 89
Моногамия 188, 302
Мосты понтонные 357
» раздвижные 357
Мотыга 309
Мыто, склад товаров 353

Наковальня 329, 333
Налучье, футляр для лука 378
Никоновская летопись 157
Новгородская летопись 157
Невод, рыболовная сеть 322
«Немецкая», или «Берлино-венская» школа—школа немецких славистов 46, 49
Неолит 345, 391
Ножницы 196
«Норманнская теория» происхождения Руси 10, 147

Овин, сушильня для зерна и плодов 260, 261
Однодеревка, лодка 360
Одрина, навес для сена 261
Ожерелья 239, 240, 241, 247, 332
Озимь 316
Оплечье, часть женского костюма 233
Ордалии («суды божьи») 305
Орган, музыкальный инструмент 410
Острог, оборонительный частокол 394
Острога, см. Шпоры
Остыпь, прут 315
Отвал 312

Полати, лавки для сна 257
Палаш, однолезвийный меч 374
Палица, оружие 375
Панцыри 348, 372, 382, 383
» кольчатые 383
» пластинчатые 383
Пассаусская грамота 987 г. 121
Пастерское городище на Киевщине 201
«Пасхальная хроника», византийская хроника VII в. 19
Пейтингерова карта, римская дорожная карта IV в. н. э. 38, 54, 55, 153
Первобытный строй, 9, 16
Переплуги, мифологические существа, жившие в воде 272, 273
Пернач, оружие 375, 378
Перстни 239, 240, 241, 245, 333, 405
Пилы 331
Пища мясная 197
Пища растительная 199
Пищаль, музыкальный инструмент 408
Плавильни, небольшие печи для плавки руды 330
Плакальщицы 208
Плат, кусок ткани, денежная единица 363
Плашть, накидка 232
Плуг 311, 313, 314, 315
«Повесть временных лет» 19, 154
Погребальные сани 211, 220
Погребальный обряд 205
Погребения в ладьях 210, 211, 220
Подковы 390
Подпруга 314
Позолота 338
Полиандрия 189
Полигамия 188, 189, 302
Полк, воинское подразделение 369
«Поля погребений», «поля погребальных урн», древние могильники восточноевропейских, в том числе славянских племен 8, 26, 31, 32, 95, 98, 216
Понява (понева), женская одежда 233

Постриг (пострижение), древнеславянский обряд 184, 185
Поучение князя Владимира Мономаха (XII в.) 302, 322
Православная церковь 297
Праздники времен года 294
Праща, метательное оружие 371, 378
Пресс виноградный 318
Приллвитцкие фальсифицированные статуэтки 289
Притвор, пристройка к жилищу 252, 253
Пряслица 344, 345
Псалтырь библиотеки св. Марка в Венеции (XI в.) 230, 297

Рабы 9, 298, 299, 303, 307, 351, 352, 353
Разбросанные поселения, тип славянских поселков 325, 326
Радуницы, славянские праздники поминовения умерших 215
Рака, гроб 220
Рало 309, 310, 311, 314
Ратник, воин 369
Резак 311, 312, 313
Риза, свободная верхняя одежда 232
Роды и рожаницы, мифические существа, охраняющие роды 182
Рукавицы 232
Русалии, славянские праздники поминовения умерших 215
Русалки, мифологические существа — души умерших девушек, живущие в воде 272, 273
Русские былины 115

Сабля 185, 372, 373, 374, 401
Сага о Герварде 142
» о Книидлинге 191, 224
Сани 358, 359
Саркофаг 218
Свирель 408
Свита, длинная куртка 230
Свободные общинники 9, 298, 299, 307
Седло 386, 387
Секира, боевой топор 374, 375, 377
Сени, неотапливаемая передняя комната в славянском жилище 251, 253, 255, 256, 258
Серп 316, 317, 331
Серьги 239, 240, 333, 405
Скандинавские саги 115
Скань, ювелирный прием,— узор наносится припаив. тонкой проволоки на металл. фон 405
Скоморохи, бродячие музыканты 410
«Славянская теория» происхождения Руси 147
«Слово некоего Христолюбца» (XI в.) 188
Слоньница (самара), музыкальный инструмент 410
«Слово о полку Игореве» (XII в.) 279, 280, 371, 374, 388
Смерды, свободные общинники 299
Соскреб, лопатка для очистки сошника 315
Сосуды из человеческих черепов 341
Софийский собор в Киеве (1037 г.) 227, 230
Сошник 312, 315
Сребреник (сребреница), монета 364
Средневековый славянский город 10
Статуи из р. Регницы 289, 291
Статуя из Гольцгерлингена 289, 292, 401, 402
Статуя из Янкова у Могильна 289
Страва, погребальный пир у славян 53, 211, 212
Стрелы 322, 376, 377, 378, 379
» отравленные 377
Стремя, 387, 388
Струг, судно 361
Стэла из Альтенкирхена 401
Сукня, верхняя одежда 230
Сулица (судлица), вид копья 376

Тамбурин, музыкальный инструмент 408
Терем (трем), постройка в несколько этажей 258, 398
Ткани льняные 223
» шелковые 224
» шерстяные 223
Ткацкий станок 344
Топонимика 8, 9, 31
Топор 331
» боевой 375, 377, 378
Трехпольная система 316
Тризна, погребальное празднество 211, 212
Троицын день, летнее празднество 296
Труба, музыкальный инструмент 408
Трупоположение 207, 217
Трупосожжение 206, 207
Тул, колчан для стрел 378
Туника, короткая легкая одежда 229
Турьи рога 341, 342

Удила 389
Узда 389
«Уличные поселения», тип славянских поселков 325
Ульи 321
Умбон, деталь щита 386
Умыкание, умычка, обычай похищения девушек 186

Урны погребальные 217, 218
Фемы, военно-административные единицы Византийской империи 61, 92, 93
Фибула, застежка 232, 240, 245, 331
Филигрань, ювелирный прием 333, 335
Фульдские летописи 121

Хакан, титул главы аварского и хазарского государственных образований 141, 143, 147
Холст, кастрат 353
Хомут 314
Христианство 11, 115, 176, 178, 179, 184, 185, 190, 192, 199, 205—207, 218, 238, 263, 268, 269, 272, 277, 285, 292, 366

Цеп 316
Цепи 331

Чекан, оружие 375
Чеканный орнамент, ювелирный прием 332, 335
Черепахи, осадные приспособления 371
«Черная могила», княжеский курган близ Чернигова 220, 342
Чернь — покрытие поверхности серебряных изд. спец. темным сплавом, по кот. наносятся узоры 338, 405
Чехль, рубашка 229

Шапка Мономаха 236
Шаманы 293
Шаргородское городище на Киевщине 234, 267
Шелом, конек на крыше 257
Шестопер, оружие 375
Шлем князя Ярослава 338, 382, 384, 385
Шлемы 142, 349, 372, 384
» с железными масками 384
Шолнуш, чулан 257
Шпоры 235, 387, 388, 389
Шумящие привески, украшения со свободно привешенными металлическими пластинками 247

Щит 372, 384, 385, 386

Эпоха бронзы 136
Эмаль перегородчатая 335
Эмаль, техника украшения ювелирных изделий 333, 335, 337, 338, 405

Языческая религия 269
«Языческая эпоха» и «языческий период» 10, 15, 175, 180, 184, 185, 190, 194, 206, 221, 224, 226, 268, 269, 285, 295, 297, 323, 366, 371, 397
Языческие храмы 288, 289, 290, 291
Ярмо (иго) 314, 315
Ярус, этаж 257
Яръ, ярина 316

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Абоба-Плиска, древнеболгарская столица 259, 263, 399
Авария 65
Авары 38, 50, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 66, 70, 74, 75, 91, 132, 133, 140, 141, 143, 145, 152, 156, 157, 178, 201, 235, 308, 320, 371
Австрия 71, 72, 74, 107
Агафирсы 129, 130, 185
Адрианополь, город 356
Адриатическое море 52, 61, 63, 94, 120, 347, 351, 356, 361
Азербайджан 349
Азия 36, 59, 178, 197, 332, 335
Азовское море 32, 40, 127, 133, 140, 142, 152, 153, 356
Акарнания 63
Аквилея, город 394
Аксиополис (Черновода), город 58
Алазоны 130, 131
Аланы 19, 20, 51, 101, 131, 193, 197
Албания 356
Албанцы 23, 41, 64, 192
Александрия 20, 48
Александровск (Запорожье), город 128, 150, 356
Алеппо, город 93
Алтай 289, 329
Альпы 46, 47, 49, 52, 67, 68, 71, 74, 77, 121, 159, 241, 242, 298, 347, 354, 404, 412
Альстер 105
Амастрида, город 147
Ангальт 112
Англия 115
Андак, поселение 93
Андрофаги 130, 135
Антиохия, город 93, 332, 406
Анты 6, 32, 139, 140, 141, 142, 143, 152, 153
Антский союз племен, антская держава 143, 144, 145, 154, 156, 299, 306, 307
Апамея, город 93
Арабы 23
Арбаниты (арбанасы), см. Албанцы
Арголидский залив 90
Арийцы, арийские народы 23, 24
Аркадиополь, поселение 65
Аркадия 90
Аркона, город 115, 117, 118, 199, 231, 274, 283, 284, 288, 289, 290, 297, 394, 398, 400
Армения 329
Арса 154
Астинги 51, 101
Астрахань, город 355
Ателькуза 136
Аттика 353
Аттер, озеро 71
Африка 131
Аэстии 138

Бавария 71, 91, 94, 107, 111, 120, 122
Баварцы 96
Багдад, город 352
Багибария 76
Баймы 100
Балатон, озеро 11, 121, 188
Балканы, Балканский п-ов 16, 20, 29, 41, 46, 47—51, 57, 58, 61, 62, 64—67, 73, 76, 77, 89, 91, 94, 96, 125, 132, 136, 140, 167, 168, 183, 185, 186, 188, 190, 191, 192, 201, 208, 211, 213, 228, 230, 233, 238, 239, 241, 249, 253, 255, 256, 257, 260, 263, 270, 273, 277, 296, 297, 298, 301, 304, 326, 329, 331, 338, 348, 356, 366, 372, 404, 410, 412
Балтийское море 20, 27, 36, 38, 40, 41, 45, 52, 96, 105, 128, 134, 135, 136, 143, 275, 354, 356, 400
Балтийцы 8
Банат 55, 56, 92

Барта, река 123
Баски 16, 23
Бастарны 36, 37, 51, 65, 96, 101, 102, 129, 139, 320
Белая Русь 165, 166
Белгород, город 189, 200, 202, 258
Белгородка, поселение 165, 250, 262, 267, 394
Белград, город 62
Белегезиты, славянские племена 90
Болеслав, город 258
Беловежская пуща 177
Белоозеро 135, 145, 146, 148, 151, 162
Белоруссия 33, 156, 211
Белорусы 143
Бельциг 116
Березина, река 32, 33, 127, 137, 161, 354
Берестов, город 189
Бермен, город 115
Бескиды 31, 129
Бессарабия 54, 59, 140
Бессы 51, 63, 64
Биармия 135, 355
Бизия, поселение 65
Билена, река 104, 120
Бирка, скандинавский торговый центр 355
Бискупин, славянское городище 388
Блатенское озеро 56, 65, 68, 69, 71, 72
Бобр, река 111, 112, 113, 124, 125, 138
Бобране 120, 124
Богуслен 311
Бода, река 106
Боденское озеро 47, 106, 168
Боики 76
Бойохем (Богемия) 120, 121
Болгария 7, 91, 133, 147, 213, 263, 270, 300, 412
Болгарское государство 9, 11
Болгары 38, 41, 46, 50, 58, 59, 64, 65, 66, 69, 73, 89, 91, 92, 121, 127, 132, 133, 140, 193, 213, 225, 227, 228, 231, 245, 252, 254, 292, 320, 371
Борислав, город 350
Борисов, город 160, 163
Борнхольм, остров 240
Боруссия 138
Босна, река 73
Босния 62, 68, 242, 351
Босфор (Фракийский) 93
Брайки 64
Бранденбург (Бранибор) 95, 116, 283, 322, 400
Брауншвейг 104, 109, 113
Брда, река 34
Брест, город 355
Бретань 167
Брзава, река 56, 57
Брижане 116
Бринсинги 112
Бритты 99
Брно 11
Брянск, город 160
Быстрица, река 89
Буг Западный 123, 126, 156
Буг, река 33, 36, 77, 130, 131, 155—159, 354
Будеч, городище 392
Будины 32, 36, 130
Будчи, город 258
Будышин, город 113
Бужане 154, 155
Бужск, город 156
Буковина 155
Булгар, город (столица Волжской Болгарии) 132, 258, 352, 355
Бурглегенфельде в Баварии 25
Бургунды 96, 99
Буры 51
Бухара, город 349

Ваг, река 94
Вавилония 413
Вагенеция 90
Вагры 113, 284
Вазуза, река 128, 137
Валахи 119
Валахия 63, 91, 92
Валдай, город 257
Валдайская возвышенность 163
Валк (Вулка) 137
Вандалы 19, 51, 99, 101, 167
Ванзлы 116
Варины 100, 101
Варна, река 114
Варнавы 101
Варны 114
Варта, река 96, 117, 123, 125, 265
Варяги, варяго-русы 136, 139, 141, 145—147, 149, 150
Ваюниты, славянские племена 90
Вда, река 34
Везер, река 95
Везиготы 142
Велеград, крепость мораван 121
Велеград, укрепление ободричей 114
Велеты 111, 114, 115, 123
Велигост, крепость 116
Великая Моравия 9
Великая, река 163
Великая Русь 165, 166
Венгрия 7, 11, 27, 46—49, 52, 53, 54, 65, 73, 91, 94, 108, 119, 120, 121, 125, 131, 140, 155, 158, 159, 167, 202, 203, 212, 213, 265, 302, 329, 350, 354, 359, 374, 375, 400

Венгры 74, 75, 121, 124, 192
Венды 167
Венеды, славянские племена 30, 33, 36, 38, 39, 40, 54, 74, 99, 109, 140, см. также Винеды
Венеты 39
Венеция 39, 47, 356
Венский лес 65
Ветничи (бетенчи) 114
Вервяне 154
Верра, река 96, 111
Верхнесалтовский могильник 133
Весь 135, 145
Вета 112
Виар, река 34
Видава, река 34, 101
Византийская империя 58, 59, 332
Византийцы 77, 317
Византия 12, 69, 148, 186, 201, 224, 230, 231, 262, 265, 317, 333, 335, 397, 404, 420
Виктовалы 51
Викуталы 101
Вилия, река 137, 138
Вильнюс, город 137
Вильцы 115
Виминаций, город 55, 56, 60
Винеды (или виноды, винды, виниды) 109
Винланд 109
Висла, река 8, 27, 28, 30—34, 38, 40, 41, 42, 45, 49, 51, 67, 76, 77, 94, 96, 101, 102, 103, 108, 109, 114, 117, 118, 119, 123, 124, 125, 126, 134, 136, 139, 141, 142, 143, 177, 216, 354, 404, 420
Вислава, река 32, 102
Вислица, река 32, 102
Вислока, река 32, 102, 126
Вислок, река 32, 102
Вислоч, река 32
Вислувка, река 32, 102
Висляне 123
Висмар, укрепление ободричей 114
Витин, укрепленный центр нудичей 112
Витичев, город 356
Вифиния 92, 93
Владимир-Волынский, город 355
Владимир, город 135, 258, 332, 406
Власлав у Тшебенец (Чехия), славянское городище 329, 330
Влахи, волохи 28, 62
Вогулы 136
Военк, город 11
Волга, река 128, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 148, 153, 162, 163, 166, 178, 192, 209, 224, 225, 245, 258, 347, 348, 350, 355, 406
Волин, город 110, 258, 283, 354, 400
Волин, остров 116—118
Волынь 9, 31, 33, 36, 127, 130, 141, 143, 156, 406
Волыняне 154, 155, 165
Волхов, река 128, 148, 277
Воробино (Воробейко), город 160
Восток 148, 178, 193, 222, 224, 230, 231, 238, 239, 267, 269, 332, 333, 335, 337, 349, 350, 352, 355, 372, 383, 397, 420
Востроги 116
Вранице, река 112
Врацлав, город 258
Врбас, река 55
Врбское озеро (Вертер-Зе) 70
Вычегда, река 355
Вышгород, город 148, 189, 356
Вурле, укрепление ободритов 114
Вюрмзее, озеро 107
Вязьма, город 257
Вятичи 124, 141, 143, 155, 160, 161, 162, 164, 165, 188, 243, 405
Вятка, река 349, 355

Гавела, река 100, 116, 118
Гаволяне 101, 116
Гаконы 90
Галиндия 138
Галиция 77, 120, 126, 155, 177, 260, 289, 351, 354
Галич, город 10, 164
Галичское государство 166
Галлия 95, 96, 168, 316, 335
Галло-венеды 34
Галлы 24, 29, 36, 64, 95, 99, 180, 181, 359, 369, 383
Гамбург, город 105, 109, 114
Ганаки 119
Гасенфельд, славянское городище 250, 251
Гвизда, река 111, 113, 124, 125
Гданьск, город 11
Гебр, река 65
Гельвеция 95
Гельвеоны 100, 101
Гельмштедт 114
Гепиды 51, 57, 59, 65, 96, 132
Германия 16, 26, 27, 28, 30, 32, 34, 36, 39, 46, 49, 51, 52, 94—102, 105, 107, 167, 168, 178, 202, 203, 205, 207, 224, 229, 254, 315, 318, 325, 326, 332, 341, 354, 376, 392, 397, 414
Германская империя 198
Германцы 8, 23, 24, 27, 32, 36, 37, 39, 50, 57, 96, 97, 98, 99, 102, 103, 139, 146, 147, 176, 180, 181, 183, 184, 192, 200, 203, 209, 224, 254, 320, 338, 359, 362, 363, 365, 370, 371, 383, 417, 420

Гермундуры 51, 95, 96
Герцеговина 62, 63, 255
Герулы 51, 65, 96, 99, 142
Геры 112
Геты 19, 20, 47, 48, 49, 168
Гнездно, город 286
Гнёздовский курганный могильник 148, 163
Гогенберг 388
Голасицы 120
Голландия 115
Голштиния 114
Гольдап, город 137
Голядь 137, 138
Горынь, река 156
Готланд, остров 355
Гото-греки 142
Готы 37, 51, 52, 57, 64, 65, 96, 99, 127, 132, 141, 152, 200, 230, 318
Гоцков, крепость 116, 397, 398
Греки 23, 35, 62, 64, 89, 90, 181, 192, 371
Греция 47, 59, 60—63, 89, 90, 167, 332, 372
Гродно, город 10, 137
Грозвины 116
Грон, река 94, 96
Грызел, городище 393
Гунны 38, 50, 52, 53, 57, 58, 59, 65, 96, 132, 142, 143, 148, 178, 320
Гурзуф 142
Гурис, поселение 93
Гусятин 287

Даготены 142
Даки 20, 23, 27, 47—49, 56, 64, 129, 168
Дакия 38, 51, 53, 56, 61—64, 91, 96, 142, 230, 281, 346
Далеминцы 112
Далматы 64
Далмация 62, 65, 68, 241, 255
Дамаск, город 347
Дания 27, 94, 282, 368, 410
Данпарстадир, готский город 142, 157
Дардания 63
Датчане 117, 149, 192, 283
Двина, река 27, 28, 31, 33, 34, 135, 137, 163, 348, 355
Двинск (Даугавпилс), город 137
Девин (Довин), замок 121
Дедошане 124
Делиорман 92
Дельвенава, река 104, 105
Деркос, город 58
Десна, река 28, 32, 33, 40, 42, 127, 128, 135, 152, 163, 320
Дечане 120
Дзергонь, река 117
Димитриада, город 90
Диррахий, город 77
Днепр, река 20, 32, 33, 36, 40, 45, 51, 96, 128, 130, 131, 134, 135, 139—142, 146, 148, 152, 153, 156, 157, 158, 161, 163, 166, 177, 178, 216, 277, 331, 347, 348, 350, 354, 355, 361, 420
Днестр, река 38, 49, 77, 130, 141, 153, 155, 157, 158, 178, 321, 350
Добны 112
Доброгошт (Доберготц) 311
Добруджа 58
Доксаны 116
Доленское озеро 115
Доленчане (доленцы) 113—116
Дон, река 32, 36, 52, 127, 130—132, 134, 142, 152, 153, 159, 166, 178, 185, 347, 348, 349, 356
Донец, река 155, 159, 349, 356
Доростол, город 207, 209
Досса, река 116
Доструп 311
Драва, река 55, 70—74
Дравайна 105
Древане 105, 114, 204
Древляне 25, 28, 154, 156, 164, 165
Древняя Русь 11
Дреговичи 28, 154, 162, 165
Друскеники, город 137, 160
Дрьютьск (Дрютеск), город 160
Дубровник, город 62
Дудлебы 120
Дулебы 143, 154, 155, 156, 164
Дунай, река 20, 25, 27, 28, 29, 30, 37, 38, 45—47, 49—62, 65, 68, 70—74, 91, 92, 94, 95, 107, 121, 128, 131—134, 140, 143, 153, 158, 159, 177, 178, 203, 210, 240, 253, 265, 331, 337, 338, 345, 347, 350, 353, 356, 357, 403
Дуррес, город 59
Дымин, крепость 116

Евреи 23, 192, 352
Европа 5, 20, 24, 30, 34, 38, 76, 92, 133, 134, 168, 180, 182, 223, 248, 335, 376, 377
Европа Восточная 8, 36, 134, 163, 178, 181, 338, 355
Европа Западная 96, 232
» Северная 222, 248, 328, 355
» Средняя 24
» Центральная 16, 27, 36, 38, 48, 95, 98, 167, 169, 178, 181, 222, 248, 260, 328, 333, 338, 388
Европа Южная 333, 352
Египет 48, 335, 352
Езериты 90
Езерские горы 111

Екатеринослав (Днепропетровск), город 128, 150, 356
Есинецкие горы 126
Емь (ямь) 135

Жарновское озеро 118
Жаровяне 113
Жиздра, река 128
Житичи 112
Жирмунты 112
Жмудь 138

Заале, река 94—96, 104, 106, 107, 111, 112, 120, 155, 242, 338, 354, см. Сала
Загань, река 113
Закавказье 153
Закарпатье 31
«Залавары», древнеславянский замок (Венгрия) 11
Западная Двина 128, 148
Западные земли (в Польше) 11
Западный Буг, река 129
Зарубинецкая археологическая культура 8
Збруч, река 287, 289
Зверин (Шверин), укрепление ободричей 114
Звики 112
Згоржелец, крепость 113
«Земля нурская» 130
Зерна, крепость 56
Зличане 120
Зуенкова, укрепленный центр худичей 112
Зюдерманланд 150

Изборск, город 148, 151, 162, 163
Изяслав, город 160, 163
Иирки 135
Иллирийцы 6, 19, 20, 29, 39, 47—49, 50, 51, 56, 64, 98, 168, 176
Иллирия 51, 58, 59
Иллиро-славяне 20
Ильма, река 105
Ильмень, озеро 27, 28, 31, 33, 34, 52, 128, 135, 147, 148, 152—154, 162, 163, 166
Индия 39, 349
Индоевропейцы, индоевропейская семья племен 8, 21, 26, 27
Индусы 23
Инн, река 96, 107
Ипель, река 94
Ипуть, река 33, 159, 161
Иранцы 23, 127, 129, 134
Искоростень, древлянский город 156, 321, 371
Испания 96, 131, 352
Истрия 41, 70, 74, 242
Италия 16, 39, 41, 48, 60, 70, 95, 96, 132, 167, 169, 201, 203, 262, 263, 265, 315, 316, 335, 349, 356
Итиль, столица Хазарии 133, 352, 355, 356

Йесна, река 105
Йомсбург, крепость 117

Кавказ 131, 133, 153, 289, 337
Казань, город 355
Каламата 90
Калач, город 128
Каледонцы 99
Калуга, город 134, 257
Кама, река 132, 134, 145, 349, 355
Каменица, река 112
Каппадокия 92, 93
Карелы 136
Каринтия 41, 70, 74, 91
Карны 64
Карпаты 15, 20, 27—31, 38, 40, 45, 47, 50, 51, 56, 63, 65, 67, 68, 119, 125, 127, 129, 134, 155, 158, 159, 177, 211, 228, 233, 238, 249, 265, 308, 322, 346, 420
Карпы 51, 57
Касоги 370
Каспийское море 128, 224, 355
Кашубы 118
Квады 95, 96, 99
Кельты 23, 24, 32, 39, 40, 98, 203
Кентум, группа индоевропейских языков 8, 22, 23
Керчь, город 356
Киев, город 10, 19, 133, 146, 148, 149, 157, 161, 165, 192, 193, 200, 202, 241, 244, 245, 250, 254, 258, 262, 263, 267, 277, 280, 286, 337, 349, 350, 352, 356, 367, 394, 398, 406
Киевская Русь, Киевское государство 9, 149, 351, 355
Киль, Кильская бухта 104, 105
Киммерийцы (гимирры) 129
Клещинское озеро 136
Клязьма, река 136, 163
Козельск, город 161
Коледичи 112
Константинополь, город 52, 53, 258, 357
Кореница, город 277, 283, 298, 400
Корконты 100
Корсунь, город, см. Херсон
Корсь 138
Корфу, остров 90
Костобоки 51, 57
Котины 51, 99
Котор 62
Крайна 70, 74

Краков, город 48, 123, 155
Кривичи 145, 154, 155, 161, 163—165, 211, 405
Крит, остров 90
Крконошские (Исполинские) горы, Крконощи 77, 96, 100, 101, 119, 120, 155
Крым 129, 131, 133, 142, 224, 356
Крушвиц, город 124, 286
Крушные горы 112, 329
Кубань, река 153, 159
Куявяне 124

Лаба, см. Эльба
Лабунька, река 34
Ладожское озеро 33, 128, 135, 147, 148, 162, 338, 348, 355
Лакринги 101
Лангобарды 51, 65, 95, 99, 132
Латвия 137, 207
Латины 62
Латыши 23, 143, 184
Леба, озеро 109, 118
Лебедия 136
Левкос, остров 90
Лейбенген в Саксонии 25
Лемузы 120
Ленчане 154
Ленчицане 124
Ленчица 123
Летто-литовцы 245
Либушин, город 258
Лив 135
Линяне (глиняне) 116
Лисичи 116
Листвен, город 160
Литва 137, 138, 202, 207, 296, 348
Литовцы 20, 23, 27, 124, 136, 137, 142, 143, 183, 209
Литомерицы 120
Литомышль, город 120
Ловать, река 128, 148, 355
Логойск, город 160, 163
Луга, река 162
Лугии 51, 96, 97, 100, 102
Лужица 41, 95, 104, 113, 207, 223
Лужичане 100, 112, 113, 118
Лулон, крепость 93
Луцк, город 156
Лучане 120, 155
Любек (Любиц) 354
Любекский залив 114
Любеч, город 148, 160, 356
Люблин, город 355
Любушане 116
Люнебург, город 95
Лютичи 28, 113, 114, 116, 118, 123, 125
Люцин (Лудза), город 137
Лядинский могильник 137
Ляхи 28, 119, 124, 125, 161

Магдебург, город 104, 114, 116
Магура, горы в Карпатах 31, 129
Мадьяры 64, 73, 136, 157, 158, 235
Мазовия 33
Мазуры 123
Мазовшане 28, 123, 124
Мазовщина 125
Майн, река 94, 96, 106, 111, 338, 347, 354
Маиноты 90
Македония 61, 63, 91, 201, 255
Македонцы 47, 89
Малая Азия 29, 48, 92, 129, 147, 167, 329, 355, 361
Малая Русь 165, 166
Малопольша 123, 125
Маниаты 90
Маркоманны 95, 96
Марна, река 420
Массилия (Марсель), город 335
Мезиречи 116
Мезия 63
Мейсен, укрепление далеминцев 112
Мекленбург, город 96, 115, 282
Меланхлены 130, 135
Мемель, город 137
Мень, река 34
Мерзебург 120
Меря 135, 136, 145, 160
Месопотамия 180
Метана, остров 90
Метра, горы в Карпатах 31
Мещера 136
Микульчицы, городище в Чехословакии 11
Милинги 90
Мильчане 113, 120
Минск, город 77
Могилина, укрепление далеминцев 112
Молдавия 131, 136
Молога, река 162
Монастырище у Ромен (славянское городище) 250
Монголы 24, 131, 235
Морава, река 11, 28, 34, 94, 101
Моравия 11, 28, 63, 65, 94, 95, 98, 119, 126, 126, 296, 325, 329, 351, 392, 412
Мордва 135, 136, 145, 160
Морея 89, 90
Моричане 116
Москва, город 134, 165
Москва, река 163, 403
Московское государство 166
Мраморное море 92

Мрога, река 34
Мста, река 162
Мстиславль на Соже, город 163
Мугилоны 100
Мульд, река 111, 112
Мурана, река 92
Муром, город 146, 148
Мурома 136, 146, 160
Мурсийское озеро 49
Мценск, город 160
Мюгл, река 107, 122
Мюрицкое озеро 114—116

Наба, река 107
Нарев, река 33, 138, 350
Нарова, город 61
Нацги 112
Нева, река 33
Невры 31, 36, 130, 139, 320
Незидерское озеро 49
Нейендорф, город 314
Неймюнстер, город 105
Нелетичи 112, 116
Неман, река 31, 33, 34, 128, 137, 138, 356
Немцы 41, 74, 103, 116, 118, 124, 168, 225, 232, 254, 258, 315, 316, 325
Нида, река 34
Нижичи 112
Никея, город 93
Никомедия, город 93
Нитра 72, 121
Ниш, город 63, 68, 356
Новгород Великий, город 10, 28, 128, 145, 146, 148, 151, 160, 163, 194, 244, 258, 277, 332, 356, 394, 406
Новгородские словене 154, 165
Новиодун, город 49
Норики 20, 64
Норова (норома) 138
Нотец, река 110, 117, 124
Нудичи 112
Нур, деревня 130
Нура, река 130
Нурец, река 130
Нурча, река 130

Обии 51
Ободриты (ободричи), бобричи 111, 113, 114, 117, 118, 125
Одер (Одра), река 8, 27, 34, 45, 94, 95, 96, 98, 101, 103, 108, 110, 111, 113, 114, 116, 117, 119, 123—126, 155, 168, 283, 348, 354, 420
Ока, река 32, 124, 128, 152, 161, 162, 243, 245, 331, 338, 339, 356
Олимп, гора в Греции 268, 269
Ольвия, город 36, 96, 131, 192
Ольденбург, город 114
Ольша, река 126
Ополье, город 11
Ополяне 124
Опсикон, фема 92, 93
Оптиматон, фема 93
Орава (Огра) 34, 105, 106
Орлицкие горы 120, 126
Орлы, племена 112
Оса, река 125
Особлога, река 34
Оссиахер-Зе, озеро 70
Остерготланд 150
Остии 138
Остра, река 159
Остяки 136
Осьма, река 128
Осы 51, 126
Охрид, древнеславянский культурный центр (Югославия) 11
Охридское озеро 64

Пайоны (пиянцы) 64
Паннония 20, 28, 51, 55, 65, 66, 68, 72, 74, 75, 91, 96, 121, 132, 136, 412
Паннонцы 20, 29, 47, 49, 51, 56, 64
Пантикапей, город 210, 335
Пасарга, река 117
Патрас 89
Певкины 38, 51, 129
Пегниц, река 106
Пелопоннес, полуостров 61
Пена, река 115
Перемышль, город 355
Переяславец на Дунае, город 356
Переяславль на Трубеже, город 160
Переяславль (Переяславль-Хмельницкий) 10
Пермь 135
Персия 180, 329, 335, 337, 355
Персы 23
Першлинг, река 72
Печенеги 38, 133, 155, 157, 159, 218, 231, 351, 370, 390
Печора, племена 135
Пешт 92, 121
Пилина, могильник 121
Пина, река 355
Пинд, горный хребет 63
Пинск, город 160
Пиренеи 16, 167
Плавское озеро 114
Плесо (Пельсо), озеро 55, 57
Плисна, река 112
Плисны 112

Плони 112
Плоты 116
Плоцк, город 25, 145, 146
Плунское озеро 104
Повисленье 9, 34, 98, 125, 306
Поволжье 32, 135
Поднепровье 8, 33, 143
Поднепровье Верхнее 9
Подолье (Подолия) 31, 33
Подонье 32, 135
Подунавье 27, 29, 31, 50, 51, 54, 56, 122, 404
Познань, город 124, 286, 363
Полабия 76
Полабье 120, 205, 306, 325
Полабы 109, 110
Полабяне 113, 207
Полесье 137, 177, 204, 308, 309
Полешане 138
Половцы 38, 131, 133, 134, 155, 158, 159, 218, 351, 390
Полота, река 28
Полоцк, город 138, 148, 151, 163
Полочане 28, 154, 163
Пользница, река 112
Поляки 25, 28, 29, 31, 53, 99, 108, 109, 116, 120, 123—125, 127, 162, 184, 206, 208, 285, 299
Польша 7, 8, 11, 28, 29, 33, 34, 41, 77, 96, 98, 123—125, 161, 186, 188, 189, 208, 211, 241, 244, 249, 264, 265, 270, 272, 285, 286, 289, 304, 318, 325, 329, 330, 348, 354, 383
Поляне, восточно-славянские племена 25, 28, 154, 156, 164, 165, 305
» (польские) 123—125
Помезания 117
Померания 367, 368
Поморавье 306
Поморье 11, 202, 225, 318, 319
Поморяне 28, 108—110, 117, 118, 123, 188, 194, 237, 283
Понзовы 112
Попов близ Торуни 311
Потсдам, город 394
Прага 17, 48, 120, 199, 244, 263, 303, 319, 352, 354, 363, 383
Праславяне 23, 24, 26
Преслав, древнеболгарский город 11
Пржеслав, город 244
Прибалтика 39, 183, 240, 350
Призрен 64, 68, 356
Прикарпатье 36, 50—52, 77, 178, 265, 321, 328, 345
Припять, река 27, 28, 33, 34, 37, 45, 127, 130, 134, 137, 160, 166, 355, 357
Пропонтида 65
Протва, река 137
Пруссия 33, 137, 138
Пруссы 94, 117, 137, 138, 203, 209, 244
Прут, река 65, 68, 91, 155
Псел, река 25
Псков, город 163
Псковское озеро 137
Путтгартен, поселок 117
Пшеворская археологическая культура 8
Пшоване 120

Раба, река 34
Рагуза (Дубровник), город 356
Радимичи 124, 143, 157, 160—162, 164, 165, 188, 211, 243, 405
Раднице, река 106
Ракаты 100
Ратари (Реторяне) 113—115
Ратиборское озеро 114
Резат, река 106
Рейн, река 27, 94—96, 103, 106, 313, 337, 338, 420
Ререгн, ободритские племена 114
Ретра (Ридегост), славянское святилище и город 110, 113—115, 118, 274, 277, 278, 283, 288, 289, 291, 391, 392, 394, 396, 398, 400, 411
Речане 116
Ржезен, река 112
Рижский залив 128, 137, 138
Рим 16, 30, 54, 59, 69, 95, 231, 240, 263
Римляне 23, 35, 54, 181, 192, 264, 317, 345, 372
Римская империя 53, 61, 101, 140, 177, 313
Родопия 63
Рокитна 27
Роксоланы 20, 51, 101, 131
Романы 62—64, 74
Рона, река 27, 96
Ропеск, город 160
Росомоны 142
Россия 28, 37, 41, 45, 59, 137, 141, 143, 147, 184, 186, 188, 191, 192, 197—199, 202, 208, 216, 218, 220, 238, 239, 241—243, 249, 257, 261, 264, 265, 267, 272, 273, 277, 289, 301, 302, 304, 308, 309, 316, 319, 325, 329, 331, 335, 337, 338, 341, 345, 346, 348, 349, 363, 365, 367, 383, 391, 401, 409, 415
Ростов, город 145, 146, 148, 406
Рось, река 134, 157
Ругии 51, 65, 96, 99, 100, 101
Румыния 7
Румыны 63

Русские 29, 31, 92, 120, 124, 143, 155, 164, 166, 184, 186, 192, 198, 207, 213, 215, 253, 273, 296
Русское государство 145, 146, 148, 151, 157, 166
Русь 30, 124, 128, 132, 133, 136, 141, 143, 145—147, 149—152, 154—159, 186, 188, 190, 200, 202, 203, 207, 208, 212, 215—217, 220, 221, 230, 240, 252, 255—257, 261, 265, 269, 270, 272, 277, 278, 281, 286, 288, 292, 293, 295, 296, 297, 302, 303, 317, 329, 335, 365, 370, 383, 394, 400, 411
» Закарпатская 158, 159
» Семиградская 158, 159
Русы 145—151, 154, 157, 162, 225, 277, 367, 374, 404
Руяна, остров 116, 224, 236, 249, 282, 283, 291, 363, 365
Руяне, племена 101, 117, 235
Рязань, город 10, 134, 152, 153, 257, 332

Сава, река 46, 49, 50, 55—64, 135, 242, 338, 354, 357
Сала, река 101, 104, 347
Салона, город 57, 60, 61
Самара (Куйбышев) 130
Самарканд, город 334, 349
Самбатас (Киев) 148
Самбор 77
Самос, остров 90
Самофракия, остров 90
Самоядь 135
Сандомир, город 123
Сан, река 34, 126, 129
Сараево, город 314
Саркел (Белая Вежа), город 133
Сарматия 28, 30, 32, 40, 94, 138, 153
Сарматы, сарматские племена 6, 16, 19, 20, 29, 38, 53, 54, 56, 57, 64, 130, 131, 193, 209, 216, 308, 359, 420
Сатем, группа индоевропейских языков 8, 22, 27
Свевы (швабы) 95, 99, 100
Свентина, река 104, 105
Свентокшиские горы 124
Свислоч, река 32
Святая земля 89
Северное море 361
Северяне 25, 28, 92, 143, 154, 155, 157, 159, 160, 161, 164, 165, 188, 211, 405
Седлец, замок 120
Седличане 120
Сейм, река 128, 159
Селигер, озеро 33, 152
Селижаровка, река 152
Семиградье 91, 329
Семноны 95
Семоницы, крепость 314
Семчичи 116
Сеннаар, место строительства легендарной вавилонской башни 19, 20
Серадз 123
Серадзане 124
Сербиште 112
Сербия 29, 63, 204, 211, 213, 256, 306, 412
» Белая 76, 77
Сербы 28, 40, 46, 47, 60, 61, 69, 73, 76, 77, 89, 108—111, 116, 118, 123—125, 127, 168, 213, 252, 305, 307, 349
Сербы лужицкие 25, 118
Серет, река 65, 68
Сибирь 355
Силезия 77, 96, 103, 120, 121, 256, 319, 325, 329, 367
Силимбрия, город 58
Силинги 100, 101
Силистрия, город 58
Сингидун, город 65
Сиракузы 89,
Сирия 92, 93, 349
Сирмий, город 59
Сисли 112
Скампа (Эльбассан), город 356
Скандинавия 27, 94, 102, 128, 141, 146, 148, 150, 181, 282, 348, 404, 411
Скиры 36, 51, 65, 102, 136, 139
Скифия 30, 36, 130, 149, 350
» Малая 65
Скифы-земледельцы 32, 36, 130, 131
Скифы-кочевники 130
Скифы-пахари 36
Скифы, скифские племена 6, 8, 16, 20, 36, 52, 129—131, 139, 149, 153, 185, 193, 203, 209, 216, 223, 308, 320, 359, 420
Склавония (или Склавия) 109
Склавены (или склавины, склавоны, склавы) 109, 110
Слабожев (Польша) 25
Славия 154
Славяне 6—9, 11, 15, 16, 19, 20, 23, 24, 26—74, 89—96, 98—108, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 123—125, 127—129, 132, 134, 137, 139, 140—144, 146, 148—158, 162, 165—169, 175, 176, 178, 180—182, 184, 185, 193, 197—207, 210—213, 218, 220, 222, 224, 225, 228, 230, 231, 233, 236, 237, 239, 240—242, 248, 249, 252, 254, 255, 260, 261, 263—265, 268—270, 274—278, 290, 291, 295—297, 301, 303, 305, 306,

308, 309, 313, 315—320, 322, 323, 325, 326, 328, 330, 334, 335, 337, 338, 346—348, 350, 351, 353, 358, 359, 360, 361, 364, 365, 366, 368, 369, 371, 383, 384, 388, 389, 391, 397, 398, 401, 402, 404, 405, 408, 409, 412—414, 416—420
Славяне балтийские 270, 271, 278, 283, 286, 289, 291, 357
Славяне восточные 4, 9, 10, 15, 33, 94, 127, 132, 139, 152, 153, 158, 159, 189, 194, 207, 211, 223, 278, 285, 286, 299, 305, 316, 349, 350, 357, 374, 377
Славяне западные 9, 15, 94, 95, 108, 109, 118, 119, 127, 136, 183, 189, 194, 216, 241, 253—255, 257, 278, 299, 357, 367
Славяне полабские 206, 284, 289, 299
» прикарпатские 153
» северные 20, 46, 253
» южные 9, 15, 20, 46, 47, 48, 50, 67, 73, 74, 119, 121, 136, 253, 279, 285, 296
Славянские земли 5, 7, 9, 61, 157
» народы 5, 6, 7, 10, 11
Славяноведение 5, 7
Слезане 120
Слензы (слензяне, слезане) 101, 120, 123, 124
Словаки 74, 92, 121
Словакия 5, 31, 41, 73, 95, 120, 208, 211, 296
Словацкий народ, словаки 6, 31
Словене 40, 41, 92, 145, 164, 165
Словения 68, 73
Словинцы 41, 46, 67, 69, 73, 74, 75, 118, 143
Слуба, река 113
Слубляне, племена 113
Случ, река 156
Смолинцы 114
Смоленск, город 10, 33, 128, 134, 148, 163, 356
Снежет, река 128
Сож, река 33, 104, 152, 160—162
Сола, река 34
Солунь, город 23, 60, 62, 77, 89, 92, 93, 356, 371
София 63, 69
Спалы 132, 142
Спарта, город 90
Сплит, город 62
Среденц, город 357
Средиземноморье 24
Средняя Азия 24, 38
СССР 7, 8, 10, 12
Старая Ладога, город 255, 256, 261
Старая Марка 95, 105
Старая Планина 63
Старгард-Адленбург, крепость вагров 113
Старгород, город 291
Старый город в Угорском городище (Чехословакия) 11
«Старый замок», городище в Чехословакии 11
«Старый Коуржим», городище в Чехословакии 11
Стодоряне 116
Стрий 77
Струмень (Струмм), река 116
Струпеницы 112
Стыр, река 126
Сувалки, город 137, 160
Судавия 138
Судетские горы 94, 112
Суджа, река 159
Суздаль, город 19, 135, 148, 244, 257, 258, 332, 406
Сула, река 28, 134, 157, 159
Сухона, река 162

Табаристан 147
Табор 119
Таврида 183
Тавриз, город 93
Таганча на Киевщине, местонахождение могилы славянского князя 220, 245, 331, 372, 383
Тальяменто, река 70
Тайгетские горы 90
Тамбов, город 134, 137
Татары 134, 166, 351
Татра, горы в Карпатах 31, 129
Тверца, река 162
Тегея 90
Тенос, остров 90
Темеш, река 56
Тетерев, река 127, 156
Тетракситы 142
Тиверцы 152, 154, 155, 157—159, 164, 165
Тимок 68, 69
Тироль 242
Тисматы 131
Тисса, река 53, 56, 60, 65, 66
Тмутаракань 153, 159, 281, 356
Толлензее (Долензее), озеро 115
Томис (Констанца), город 58
Торки 133, 158
Травна, река 104, 105, 107
Трансильвания 129, 158
Трапезунд, город 224, 355
Требел, река 116
Требовяне 113, 120, 124
Треверы 99
Триест, город 70
Трогир, город 62
Трубеж, река 160

Тугост 106, 120
Туранцы 24
Туркестан 335, 349
Турки 23
Туров, город 148, 151, 160
Тухурины 112
Тшинецкая археологическая культура 8
Тырнов, древнеболгарский город 11, 69
Тюринги, см. Гермундуры
Тюрингия 104, 105
Тюрко-татары 37, 38, 131—133, 135, 139, 143, 144, 203, 216, 244, 289, 369, 371

Угерский Градиште 121
Угра, река 32, 128, 163
Угро-финские народы 32
Угры 23, 135
Ужа, река 156
Ужоцкий перевал (Карпаты) 31
Узноим, остров 116, 117,
Укра, река 115
Украина 33, 166, 185, 211, 289
Украинский (малорусский) народ 141
Укране 116
Уличи 154, 155, 157—159, 164, 165
Ульмстон, крепость 58
Унструта, река 106, 112
Упланд 150
Урал, река 134, 329, 355
Усвят, река 128
Утрехт, город 115

Фасос, остров 90
Фатра, горы в Карпатах 31, 129
Фемари, остров 114
Фенны 38
Фессалия 58, 63, 90
Фивы, город 90
Филиппополь, город 356
Финляндия 135
Финны 24, 33, 34, 131, 134—136, 142, 143, 160—162, 203, 209, 211, 213, 244, 245
Финский залив 137, 138, 348, 355
Фракийцы 6, 8, 19, 20, 23, 27, 29, 47—51, 56, 63, 98, 129, 209, 223
Фракия 58—60, 62, 96
Франки 107, 110, 178, 189, 194
Франкская империя 70, 347, 348, 372
Франкфурт, город 66, 111
Франция 24, 332
Фульда, река 106, 111, 112

Хазары 133, 140, 141, 143, 145, 146, 154, 193, 197, 225, 231
Халдея 335
Хамб, река 106
Херсон (Херсонес, Корсунь), город 332, 352, 356
Хижане (кыцины) 113, 114, 116
Холм, город 355
Хорасан 329
Хорватия 29, 68, 402, 412
Хорваты 46, 47, 60, 67, 69, 73, 76, 77, 99, 120, 124, 127, 143, 155, 164, 168, 252, 305, 349, 367
Хорваты белые, славянские племена 28
Хордаб 154
Хорицы 116
Хортица, остров 356
Хорус, поселение 93
Хорутане 28
Хуба, река 119
Худичи (шкудичи) 112

Царьград, город 47, 48, 59, 60, 65, 128, 143, 145—147, 154, 206, 231, 238, 355, 361, 368, 371, 405, 414
Целле 114
Цербет 104, 112

Черезпеняне 113, 114, 116
Черемисы 136
Черная река 55—57
Чернигов, город 10, 148, 160, 258, 319, 332
Черногория 63, 64, 255, 356
Черное море 20, 33, 36, 37, 45, 51, 62, 67, 69, 77, 96, 128, 142, 153, 166, 178, 210, 331, 333, 347, 351, 355, 356, 361, 403
«Черные клобуки», племена 133
Чехи 28, 31, 53, 67, 72, 73, 120, 121, 123, 143, 181, 184, 193, 203, 206, 223, 236, 271, 285, 299
Чехия 5, 25, 28, 41, 65, 76, 77, 98, 100, 110, 112, 119—121, 123, 126, 156, 184—186, 188, 189, 207, 208, 224, 234, 241, 244, 254, 256, 258, 263, 270, 272, 296, 298, 304, 306, 317, 318, 322, 329, 330, 351, 354, 383, 389, 390, 392—394, 415
Чешские горы 111
Чехословаки 109, 119
Чехословакия 5, 7, 8, 10, 11
Чудское озеро 163
Чудь, собирательное наименование финнов 135

Швеция 311
Шексна, река 162
Шлоссберг 115
Шпрее, река 113
Шпреяне 116
Штирия 70, 72, 74
Шумава, река 52, 107, 119

Щетин, или Щецин, город в Польше 11, 110, 118, 201, 224, 236, 282—284, 291, 394, 398, 400

Эвбея, остров 90
Эвдусиане 142
Эгейское море 52, 61, 62, 347, 351
Эгина, остров 90
Эквум, город 61
Эллада 62, 89
Эльба (Лаба) 27, 31—33, 52, 94, 95, 98, 101—108, 112—114, 116, 120, 168, 206, 216, 240, 277, 325, 347, 354, 404
Эльда, река 114
Эльстер Черный, река 112, 113
Эпидавр, город 61
Эпидамн (Драч, Дуррес), город 356
Эпир 58, 63, 64, 89
Эпироты 47
Эрфурт, город 104, 106, 107, 354
Эстония 207
Этолия 63
Этрурия 16
Этруски 23

Югославия 7, 11
Югра 135
Юмнета, город 110
Ютландия 311
Юрьев, город 406

Яблоновский перевал (Карпаты) 31, 68
Ядра (Задер), город 61
Язаматы 131
Языги 131
Якутск, город 395, 396
Ярославль, город 406
Ятвяги 94, 138

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любор Нидерле и его „Славянские древности“ 5
Предисловие 15

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Часть первая. **Праславянское единство: его происхождение и развитие** 19

Глава I. Происхождение славян 19
Глава II. Прародина славян 27
Глава III. Первые исторические известия о славянах и наименовании последних 36
Глава IV. Дифференциация славян 43

Часть вторая. **Происхождение южных славян** 46

Глава V 46
Теории южного движения славян 46
Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века 51
Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация 57
Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах 61
Глава VI. Возникновение и дифференциация южных славян 67
Глава VII. Словенцы 70
Глава VIII. Сербо-хорваты 76
Глава IX. Болгары 83
Тюрко-татарские болгары и славяне 83
Славяне в Мезии 86
Славяне в Македонии 87
Славяне в Греции 89
Славяне в Дакии 91
Славяне в Азии 92

Часть третья. **Западные славяне** 94

Глава X. Этнический состав населения древней восточной Германии 94
Глава XI. Продвижение западных славян к Эльбе, Заале и в западную Германию 98
Вопрос об автохтонности славян 98
Глава XII. Продвижение славян в западную Германию 104
Глава XIII. Образование отдельных народов западно-славянской ветви: сербов, полабов, поморян, чехословаков и поляков 108
Глава XIV. Сербы, полабы, поморяне 110
Сербы 111
Ободриты (бодричи), лютичи и поморяне 113

Глава XV. Чехи и словаки 119
Глава XVI. Поляки 123

Часть четвертая. **Восточные славяне** 127

Глава XVII. Восточные славяне и этнический состав древнего населения Восточной Европы 127
Территория. Первые соседи: фракийцы и иранцы 127
Тюрко-татары 131
Финны 134
Литовцы 136
Глава XVIII. Восточные славяне перед приходом скандинавских русов 139
Анты 139
Нашествие готов, аваров и хазаров 141
Глава XIX. Русы 145
Глава XX. Восточные славяне, их распространение и положение в X веке 152
Хорваты 155
Дулебы, волыняне, бужане, лучане 156
Древляне 156
Поляне 156
Уличи (угличи) и тиверцы 157
Северяне 159
Дреговичи 160
Радимичи и вятичи 160
Словене Новгородские 162
Кривичи и полочане 163
Дополнение. Автохтонность славян 167
Основные работы и журналы, упоминаемые в настоящей книге 170
А. Монографии 170
Б. Журналы и сборники 171

КНИГА ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Предисловие 175

Глава I. Территория и ее влияние на развитие славянской культуры 177
Глава II. Жизнь славян 180
Физический тип 180
Рождение и детство 182
Брак и обряды, связанные с ним 185
Уход за телом 192
Мясная пища 197
Растительная пища 199
Болезнь и смерть 204
Глава III. Древнеславянские погребения 205
Формы могил и кладбища 216
Глава IV. Одежда и украшения 222
Глава V. Жилище и хозяйственные постройки 248
Глава VI. Религия, вера и культ 268
Демонология 269
Боги славян 275
Боги, общие для всех славян 276
Боги восточных славян 280
Боги балтийских славян 281
Боги других славян 285

Культ 286
Конец язычества 297
Глава VII. Начало права и государственного устройства 298
Общество 298
Имущественное право 300
Семейное право 302
Уголовное право. Суд 303
Политический строй славян 305
Глава VIII. Хозяйство и поселение 308
Пахота (рало и плуг) 309
Посев 316
Разведение домашних животных 318
Пчеловодство, рыболовство и охота 321
Поселения 322
Глава IX. Ремесленные изделия 328
Добыча металлов и их обработка 328
Керамика и посуда из другого материала 338
Прядение и ткачество 343
Глава X. Торговля 345
Предметы ввоза и вывоза 348
Рабы 351
Торговые пути и рынки 353
Технические средства торговли 357
Средства передвижения 358
Торговые платежные средства и весы 363
Глава XI. Военное дело 366
Тактика боя 369
Вооружение славян 371
Конское убранство 386
Оборонительные сооружения 389
Глава XII. Искусство, письмо и другие знания 397
Архитектура и живопись 397
Скульптура 400
Художественная промышленность 402
Песня и музыка 406
Письменность 410
Счет 413
Исчисление времени 413
Школа 415
Глава XIII. О характере и культуре славян 416
Использованная литература 421
А. Монографии 421
Б. Периодические издания и сборники 422
Указатели:
именной 424
предметный 431
географических и этнических наименований 436
Оглавление. 448

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
58	9 сверху	Ἰονστινιανός	Ἰουστινιανός
58	9 сверху	εἶργασαντο	εἰργάσαντο
58	10 сверху	ἀνθρώπουξ	ἀνθρώπους
63	19 снизу	Ntketas Akom.,	Niketas Akom.,
103	1 снизу	Νεμέτϛοι	Νεμέτζοι
103	1 снизу	Νεμέτϛιοι	Νεμέτζιοι
123	11 сверху	между Бартой и Западным Бугом.	между Вартой и Запа Бугом.
143	25 снизу	союза Курбата.	союза Кубрата.
171	6 сверху	sẽowian,	słowian
213	4 снизу	τράπεϛα	τράπεζα
254	2 снизу	Германска stuba	Германская stuba
419	1 снизу	Pult.,	Plut.,

Л. Нидерле

Л. Нидерле

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Редакторы *Л. З. ПОЛЯКОВА*
и *М. В. ФЕХНЕР*
Художник *П. М. Кузанян*
Технический редактор *Н. И. Смирнова*
Корректоры *А. П. Губанова*
и *Е. А. Цыпенок*

Сдано в производство 27/VII 1956 г.
Подписано к печати 26/XI 1956 г.
Бумага 70×108¹/₁₆=14,9 бум. л.
40,7 печ. л., в т/ч. 7 вкл.
Уч.-изд. л. 39,5. Изд. № 6/2754.
Цена 26 р. Зак. № 2007.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.